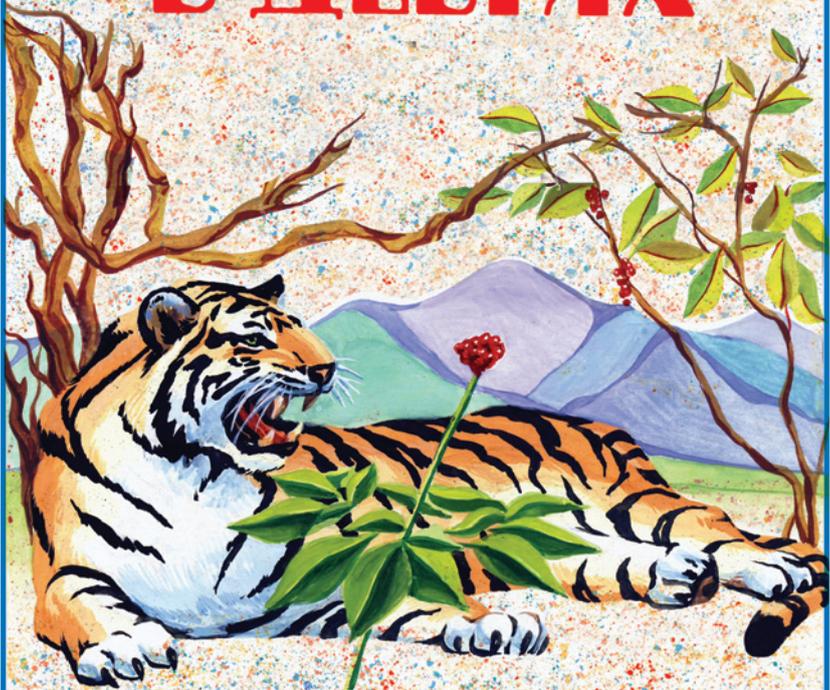

Повесть
о Владимире
Клавдиевиче
Арсеньеве

Борис Сумашедов

РАСПЯТЫЙ В ДЕБРЯХ

Москва 2015

В. Арсеньев

Стремление вдаль, столь очевидно раскрытое Колумбом и воплощённое Сервантесом в поэтическую форму, распадается на двух действующих лиц: у Колумба на его самого, открывшего Америку, и на Америго Веспуччи, освоившего ее, у Сервантеса на Дон Кихота и на Санчо.

Географ Арсеньев принадлежит к первой группе людей: Колумбов — Дон Кихотов, людей — зачинателей, бесконечных в своём движении в новый неведомый мир. И соответственно такой своей природе души он должен был перенести и соответствующие трудности.

Вторые трудности возникли оттого, что он был истинным поэтом в душе и должен был эту поэзию свою распять на прокрустовом ложе географического исследования.

*Михаил ПРИШВИН.
(Из дневника 1948 г. 7 января.)*

Борис Сумашедов

РАСПЯТЫЙ В ДЕБРЯХ

Повесть
о Владимире Клавдиевиче Арсеньеве

Издание второе, исправленное и дополненное

В делях Уссурийского края.
Фото В.К. Арсеньева.

(снимок сделан в одной из первых экспедиций)

Москва
Издательство «Известия»
2015

Большую часть тиражи
книги посылаю в подарок
школьникам и учителям
Триамурья, пережившим
наводнение 2013 года.
Б.Сумашедов

Сумашедов Б.

С 89 **РАСПЯТЫЙ В ДЕБРЯХ.** Повесть о Владимире Клавдиевиче Арсеньеве. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: Издательство «Известия», 2015. – 496 с.

Книга, написанная в жанре художественно-документальной повести, рассказывает о человеке необычном. Его жизнь была «набита» событиями так плотно, как зрелая кедровая шишка орехами. И в каждом таком «орехе» или неожиданный поворот в судьбе, или некая загадка. Автор предлагает читателю вслед за ним «расщёлкать» эти «орехи».

Кем был герой повести, вы, уважаемый читатель, узнаете с первых же её страниц. А если, набравшись терпения, дочитаете эту книгу до конца, то поймёте, почему его имя осталось в истории русской армии и её разведки, в географии и смежных с ней науках, наконец, не только в отечественной, но и в мировой литературе. А так же узнаете, как на крутом переломе эпох жил, каким был этот редкий человек, за что его любили близкие и друзья, преследовали его и родных недруги...

В повести публикуются обнаруженные автором ранее неизвестные документы и материалы.

Это издание вышло благодаря проекту, который был размещён в 2014 году в Интернете на платформе краудфандинга планета.ру.

Книга написана для широкого круга читателей. Автор надеется, что она будет интересна не только его ровесникам, но и молодому поколению – школьникам и студентам, их преподавателям.

Повесть выпускается в авторской редакции. Автор будет благодарен читателям, которые пришлют свои отзывы и замечания по электронному адресу: <sumbor@bk.ru>

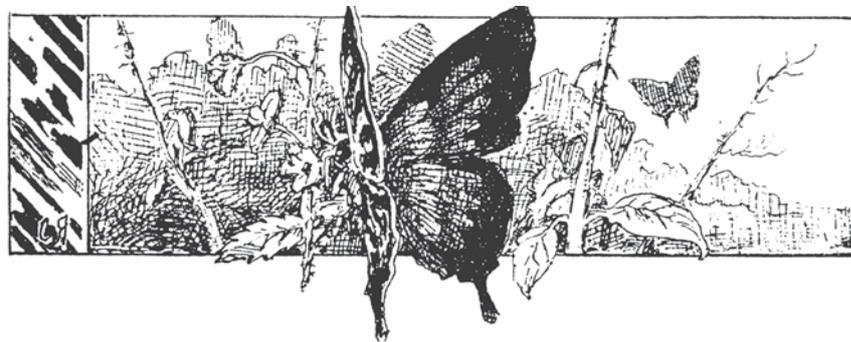
На обложке рисунок приморского художника Михаила Рыдванского. В оформлении использованы рисунки С. Яковлева из книги В.К. Арсеньева «В дебрях Усурийского края» (г. Владивосток, 1926 г.).

Первое издание повести вышло в Издательстве «Известия» (Москва) в 2008 г.

ISBN978-5-206-00929-3

УДК 910
ББК 26.8г

© Сумашедов Б.В., 2008, 2015
© ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента
Российской Федерации, 2015

Вступление

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬ

В конце августа 1930 года с низовой Амура во Владивосток возвращался начальник Бюро экономических изысканий новых железнодорожных магистралей и руководитель экспедиций в районах, где эти дороги планировалось строить, Владимир Клавдиевич Арсеньев.

Ему стало нездоровиться, когда добрался до Хабаровска и взял билет на поезд. Непонятная хворь охватила весь организм, бросало то в жар, то в холод. За окном вагона мелькали такие родные пейзажи. Когда-то он любил их описывать – со всеми подробностями – в дневниках. Потом они перекочёвывали в книги.

Мысли переносили в прошлое... В этом же месяце, но 24 года назад он вместе с проводником Дерсу Узала и казаками спускался к берегу Японского моря, туда, где впадает в него речка Тетюхе. Вечером, пройдя один из перевалов, записал в тетрадь: *«Густой туман, лежавший до сих пор в долинах, вдруг начал подыматься. Сначала оголились подошвы гор, потом стали видны склоны их и седловины. Дойдя до вершин, он растянулся в виде скатерти и остался неподвижен. Казалось, вот-вот хлынет дождь, но благоприятные для нас стихии взяли верх».*

Арсеньев столько времени провел в глухой тайге и потому многое перенял в повадках у диких зверей. И вот теперь этим самым своим звериным чутьём понимал: его загнали.

И стихии теперь для него совсем неблагоприятны...

Вдруг вспомнил, как в 1926-м осенью его тоже свалила во время экспедиции какая-то непонятная хвороба и он угодил в приёмный покой больнички села Торгон на Амуре. Соседом оказался невесть откуда здесь взявшийся студент из Москвы. Разговорились... А толь-

ко вернулся в Хабаровск, как его повесткой вызвали в КрайОГПУ и долго мытарили: что за «контрреволюцию» он там разводил со студентиком?

Пришлось написать длинную объяснительную.

До сих пор не понимает, как ему оставили «без последствий» такие вот пассажи: «...В другой раз мы говорили о том, что наблюдается во всех учреждениях, заведениях, канцеляриях, у госслужащих и даже просто у частных лиц какая-то апатия, усталость, граничащая с абстракцией, потерей воли энергии – явление, вызванное продолжительной войной и революцией...» Или вот такое – о возможности новой интервенции: «Интервенция эта будет окончательной гибелью нашего государства – разделом, и мы все русские сойдём в положение туземцев, ещё на более низкую ступень, чем индусы».

Разве мог тогда Арсеньев даже в своих снах разглядеть, что почти подобное случится в России, когда рухнет СССР и начнется в стране духовная «интервенция» всего капиталистического мира, государство разделится и возникнет опасность, что «мы все русские сойдём в положение туземцев». Такое не случилось, лишь благодаря политической воли руководства страны и накоплению в народе той самой «воли энергии».

...За окном вагона тянулись чёрные вёрсты телеграфных столбов, на мгновение перечёркивая клонящееся к заходу солнце. Отвернулся от окна. Прикрыл глаза.

Неужели и к Арсеньеву подобались так всегда ненавистные ему «апатия, усталость, граничащая с абстракцией»?

С каким же, совсем другим, настроением ехал он – и тоже в августе, но так давно! – в первый год нового века – служить на Дальний Восток. Двадцативосьмилетний крепыш – зоркий взгляд, тело, налитое мускулами – неожиданной отвагой и храбростью он отличился в недавней схватке с восставшими у Амура китайскими ихэтуанями – «боксёрами». На плечах – погоны поручика. А в «ранце»?

Думал ли Арсеньев о маршальском жезле? Может быть...

А сейчас вагон как будто вымер – тишина, лишь стучат колёса да изредка подаёт грустные гудки паровоз. Снова стал смотреть в окно.

Солнце садилось...

Когда в шестом году они вышли-таки к устью речки Тетюхе, в его полевом дневнике появилась такая запись: «Дерсу поднялся раньше других и начал греть чай. В это время стало всходить солнце. Словно живое, оно выглянуло из воды одним краешком, затем отделилось от горизонта и стало взбираться вверх по небу.

– Как это красиво! – воскликнул я.

– Это самый главный люди, – ответил мне Дерсу, указывая на солнце. – Его пропади – кругом всё пропади».

...Через дребезжащее, в грязных подтёках окно пытался разглядеть дневное светило. Но оно уже скрылось за вечерней дымкой.

Прошептал: кругом всё пропади...

Вспомнилось, как однажды решил он задать своему проводнику неожиданный вопрос. Этот разговор, как и тот, о «самом главном люди», тоже перенёс из дневника в книгу:

«– Дерсу, – спросил я его, – что такое солнце?»

Он посмотрел на меня недоумевающе и, в свою очередь, задал вопрос:

– Разве ты никогда его не видал? Посмотри! – сказал он и указал рукой на солнечный диск, который в это время поднялся над горизонтом.

Все засмеялись. Дерсу остался недоволен: как можно спрашивать человека, что такое солнце, когда это самое солнце находится перед глазами?»

Каким же он был, мой друг-туземец, удивительным человеком! – подумал Арсеньев, сгорбившись на жесткой полке. Стук колёс мешал думать, отдаваясь в затылке. – Если бы мне удалось сохранить... сохранить вот такое же первобытное, детское отношение ко всему, что меня окружает, я был бы... Да, я был бы... Подобно Дерсу, счастлив. Он, наверное, даже когда в него метил убийца, успел улыбнуться ему.

Губы Арсеньева дрогнули, он тоже попытался улыбнуться, но лицо лишь исказила гримаса.

Вспомнился разговор с Пришвиным у него на даче в Сергиевом Посаде два года назад.

– Ваш дикарь – настоящий реликт. Как ваши лотосы и тигры, женьшень и дикий виноград. Да и вы, – тыча в Арсеньева пальцем, хитро прищурился Михаил Михайлович, – тоже ведь первобытный литератор.

И заключил, подняв палец:

– Вашим пером водил инстинкт дикаря.

Тогда Арсеньеву это не очень понравилось, но он только молча кивнул головой. А сейчас думал, что, может быть, Пришвин был и прав, и я тоже – реликт, сохранившийся до сих пор только потому, что жил в согласии с природой и лесными людьми? Теперь потерял с ними связь – и поэтому обречён?

Накануне поездки в низовья Амура Арсеньев написал в Москву профессору Аристову предельно искреннее письмо, словно SOS подавая с тонущего парохода, хотя он и не просил о помощи:

«У меня что-то надломилось в душе. Я всё больше чувствую своё одиночество... В настоящее время моим раем и моим утеше-

нием являются дочь и жена... Не будь у меня семьи – я ушёл бы к друзьям туземцам, чтобы никогда, никогда не вернуться в город к безумцам, к людям, которые только и думают о том, как бы побольше помучить друг друга».

...За окном поезда замелькали пригороды Владивостока... Арсеньев встал, выпрямился, взял свой саквояж. Вместе с другими пассажирами вышел твёрдой походкой человека, протопавшего у края Великого океана по сотням и сотням троп.

Глядя на него, даже предположить было нельзя, что всё его тело пожирает боль и тоска.

Арсеньев умер через восемь дней после приезда – 4 сентября в 3 часа 15 минут по полудни, выронив из рук карандаш, который – он попросил взглядом – дала ему вместе с блокнотом жена Маргарита, не отходившая от него ни на шаг. Что он хотел написать?..

Вдова сестре Владимира Клавдиевича Вере сообщила, что он «умер от паралича сердца». Врачи дали заключение: «крупозное воспаление лёгких». Младший брат Саша, ходивший с ним в экспедиции, не верил этим диагнозам.

– Он умер от такой жизни, – тихо говорил он, утирая слёзы. И ещё тише: – Они его убили, убили.

5 сентября, в пятницу, в газете «Красное знамя», органе Владивостокского Окружного Комитета ВКП(б), Окружного Исполнительного Комитета и Окружного Совета Профессиональных Союзов, на четвёртой странице в чёрной рамке было опубликовано траурное сообщение Владивостокского отдела Государственного Географического общества «о смерти почётного члена общества и члена совета общества, известного исследователя Дальне-Восточного края Владимира Клавдиевича Арсеньева».

На следующий день газета отвела на первой странице пять колонок словам скорби и прощания с «учёным и практическим работником советской стройки на Дальнем Востоке.., сочетавшим в себе углублённость научно-исследовательской работы, горячность в практической деятельности и способность к великолепной литературной популяризации научных данных» (автор Г.М. Крутов); тут же большой некролог, подписанный так: «Дальневосточный краевой научно-исследовательский институт Владивостокского отдела Государственного Географического общества».

Читаем начало: «В лице В.К. Арсеньева ушёл большой человек, снискавший международную известность своими многочисленными трудами по изучению Дальне-Восточного края». Рядом заметка без подписи: «Неожиданно сошёл в могилу Владимир Клавдиевич Арсеньев...» и от комиссии по организации похорон: «Вынос тела в 4 ч. 30 минут 6 сентября... Встреча тела на Вокзальной площади...».

На четвёртой странице четверть полосы – в траурных объявлениях: от «Городского комитета Рабпрос», Гос. обл. музея, от сотрудников экспедиции Экономических Изысканий Уссурийской ж. д., от редакции газеты «Красное знамя»... Прислали свои соболезнования Владивостокский Окружной Исполнительный комитет и Городской совет – в этих объявлениях В.К. Арсеньев назван – в одном «выдающимся», в другом «великим краеведом, исследователем Дальнего Востока, членом Окрисполкома и учёным общественником»...

В следующих номерах продолжается печатание траурных соболезнований и «заметок об усопшем». «Арсеньев ценен не только как пионер-исследователь края, не только как большой человек, не только как учёный, не только как коллекционер, организатор музеев. Он ценен ещё больше как человек-общественник, как художник слова» (автор А. Половинкин).

Любопытна заметка «К смерти В.К. Арсеньева» (номер за 10 сентября), которая начинается так: «Агент НКВД (народного комиссариата иностранных дел. – Б.С.) тов. Гельмон И.М. передал в редакцию для опубликования нижеследующее письмо от германского консула во Владивостоке». В письме тот сожалеет, что «ввиду плохого состояния моего здоровья я был лишён возможности лично принять участие в торжественных похоронах...» и далее строка: «Научная работа проф. Арсеньева весьма ценима в германских научных кругах...»

Ниже – соболезнование от японского консульства.

В этих консульствах не раз бывал Владимир Клавдиевич с Маргаритой.

Вдове вскоре это припомнят...

Пришло более тридцати писем и телеграмм с выражением соболезнования, которое выражали коллеги и друзья, разбросанные по всему Союзу и за границей: из Италии – Максим Горький, из Праги – профессор Альберт Либус, из Кёльна – Б. Ведич. Долго, не понимая написанного, вчитывалась заплаканная вдова, переводя с немецкого строки письма из Норвегии: «Герр Арсеньев, благодарю Вас за тёплое письмо.., в котором Вы выразили соболезнование по поводу постигшей меня тяжёлой утраты...».

Утрата – у меня, а благодарят Володю? – пронеслось в голове. Взглянула на подпись: «Преданная Вам Сигрун Нансен». И, наконец, сообразила: это письмо от вдовы Фритьофа Нансена – он умер 13 мая, и ей Володя посылал письмо с выражением соболезнования, а она его получила, как пишет, 17 июля и вот – благодарит. А Володи уже нет..

Нансен, конечно же, будь он жив, тоже прислал бы соболезнование – они ведь с ним встречались, обменивались книгами, писали

друг другу. С предисловием Нобелевского лауреата книга о Дерсу вышла шесть лет назад в Берлине...

Похоронили Арсеньева на Эгершельдском крепостном кладбище у Амурского залива. Провожала большая толпа, задние перешёптывались, сочиняя невесть что. Вот какие слухи ходили тогда, по свидетельству первой жены Арсеньева Анны Константиновны: «Весь Владивосток считал, что закалённый в походах Арсеньев не мог умереть от простуды...

Было три версии его смерти: 1. Японцы хотели сделать Арсеньева своим шпионом, но он отказался, вот его и отравили; 2. Немцы хотели сделать его своим разведчиком, но он отказался и погиб; 3. Его отравили чекисты, так как он был белый полковник... Но у него был самый настоящий крупоз...» (из воспоминаний «Мой муж Володя Арсеньев»).

После Второй мировой войны, когда на Эгершельде началось строительство, кладбище решили снести. При краевом отделении Географического общества образовали комиссию по перезахоронению В.К. Арсеньева. Приехали. Вскрыли могилу. Подняли крышку гроба.

Как вспоминал учёный секретарь общества Борис Александрович Сушков, все увидели, что тлен почти не тронул покойника. На лице Арсеньева застыла еле заметная, какая-то загадочная даже не улыбка, а усмешка, что ли. Отглаженный костюм. Белая сорочка. Казалось, он из-под век удивлённо смотрит на собравшихся у разрытой могилы людей: «Зачем вы меня тревожите?» И тут выпорхнула, показалось, что прямо из гроба, белая бабочка. И взмыла к небу. Кто-то прошептал:

– Не душа ли это нашего Владимира Клавдиевича?

Другой голос так же тихо возразил:

– Душа вылетает в миг смерти. Это – его муза.

Арсеньев умер накануне 58-летия – по новому стилю он родился 10 сентября 1872 года. Совсем немного прошло времени, как чёрная туча накрыла осиротевшую семью и немногих друзей с головой. Только в редакции отдали в переплёт комплект «Красного знамени» за 1930 год с номером, в котором скорбел её коллектив по своему «корреспонденту и писателю», как появилась в этой газете большая статья некоего Г. Ефимова «В.К. Арсеньев как выразитель идеи великодержавного шовинизма».

31 марта 1934 года квартиру обыскали чекисты и опечатали арсеньевский архив. В тот же день Маргариту арестовали и отправили в Хабаровск. 26 апреля на газетном клочке вдова из тюрьмы написала «на волю» записку, которую должны были передать брату Володи Анатолию. Записку перехватили, чудом она сохранилась в «Деле о контрреволюционной организации дальневосточных учёных» –

аресты, начавшиеся осенью 1929 года в Ленинграде по так называемому «Академическому делу», докатились и до Тихого океана. Хотя Маргарита Николаевна к науке имела косвенное отношение (занимала в общем-то незаметную должность в Геологическом комитете), ее арестовали, как...

Но прочтём строки её записки: *«Дорогой А. К., меня обвиняют в работе шпионской (в пользу Японии и Германии) контрреволюционной организации, которую возглавил Володя... Хотят, чтобы я признала вину за себя и за В. Им важно оклеветать Володю, будь он жив, я бы не сидела, т. к. В. мог бы сам «сознаться»... Спасите Наташу, спрячьте её... ДВ ГПУ помешалось на шпионаже... Сохраните моё обручальное кольцо, берегите могилу Володи и его дневники».*

Читаешь и даже сейчас – столько лет минуло! – сжимается сердце.

Так что давайте на этих горьких строках закончим затянувшееся вступление к нашему «путешествию» по жизни человека, который сам так любил путешествовать, а не это ли одно из интереснейших занятий на нашей земле?

Впрочем, надо ещё вот о чём сказать.

Да, жил Арсеньев давно. И одни из вас, может быть, только фильм великого японского режиссёра Акиры Куросавы «Дерсу Узала», снятый на киностудии «Мосфильм» по книге писателя, видели. Другие, найдя в интернете сайт Фонда развития этнотуризма «Дерсу Узала», захотят отправиться в путешествие по родной стране. Третьи – из того же интернета скачают повесть Арсеньева «По Уссурийскому краю», написанную им век назад, да и не оторвутся...

Вот какую запись в откликах на неё сделала в 2014 году одна читательница: «Великолепное произведение, написанное в духе тяжёлых приключений, неподражаемого ежедневного героизма и реализации высших человеческих сил.

Читать всем! И хорошо бы включить в школьную программу».

Какие только научные дисциплины не входили в круг интересов В.К. Арсеньева! Кроме тех, что были перечислены в некрологах: этнография, археология, краеведение, литература, он серьёзно занимался топографией, историей, экономикой, музееведением, геологией, метеорологией, ботаникой, почвоведением, охотоведением, звероводством и рыболовством, спелеологией, прокладкой путей сообщения, медициной, педагогикой, фотографией... Наконец, геополитикой.

Впрочем, всего, чем этот неуёмный человек по-настоящему увлекался, не перечислить.

Но долгие годы почти обходили молчанием военную биографию Арсеньева. А она ведь значила в его жизни очень многое, точнее, была в ней главным вектором. Начав службу в Санкт-Петербурге девятнадцатилетним рядовым пехотинцем, он оставался зачисленным «по военному ведомству» четверть века; за мужество, отвагу и сметку, отличное выполнение приказов генерального штаба император наградил пятью орденами, дослужился до подполковника и в этом чине ушёл на «статскую службу» как раз в октябре 17-го года.

С осени 22-го, всего на восемь лет, был «определён» в совлужащие...

Трудно точно сказать, с какого года, но ещё в молодости поручик Арсеньев стал успешно овладевать новой в русской армии профессией – одной из опаснейших, ответственнейших и тайных – разведывательной. И занимался ею фактически до последних лет жизни. Документальных свидетельств этому, понятно почему, сохранилось мало. Но читатель, пустившись в путешествие по страницам этой книги вслед за её героем, увидит, что он был разведчиком не только в годы русско-японской войны, возглавляя конноохотничьи команды. Важной составляющей всех его экспедиций являлась военно-разведывательная.

Арсеньев не занимался в буквальном смысле слова тем, чему позднее посвятили свои жизни знаменитые русские разведчики Зорге и Абель, многие другие «бойцы невидимого фронта».

Эту самую закрытую сторону деятельности Владимира Клавдиевича Арсеньева, впрочем, даже шире – всю его деятельность, можно назвать чуть иначе – довольно редко употребляемым словом: **разведыватель**. Какой у него многозначный, старинный русский корень – «ведать» – от третьей буквы азбуки – «Веди». (В примерах у Даля и казачья разведка – на войне, и горная разведка – в мирном деле).

Арсеньев обладал даром *вести* за собой людей, даром *провидения*, стремился проникать во всё доселе неизвестное, сокрытое, щедро делясь тем, что он нашёл, открыл, и сообщая, кому необходимо, что разведал.

...То, что ныне известно о жизни и деятельности Владимира Клавдиевича, будет изложено подробно далее. И тогда, к концу книги, читателю станет яснее, что подразумевал под «соответствующими трудностями», говоря о нём, Михаил Пришвин, добавив загадочную фразу о поэте, который должен был распять поэзию свою на «прокрустовом ложе» географии.

И почему исследователь его творчества, учёный-филолог петербуржец Игорь Кузьмичёв назвал Арсеньева «деятелем, странником и мучеником».

Однако перед тем, как нам с другом-читателем, которого я вижу человеком, молодым телом и душой, любопытным и пытливым, отправиться в места, где жили предки моего героя, а затем проследить все его тропы-пути-дороги, хочется несколько абзацев добавить «от автора».

Почему я взялся за перо, чтобы описать в форме литературно-документального произведения биографию великого дальневосточника? Прежде всего потому, что Арсеньева с юных лет считал своим земляком. Да, он родился и рос в имперской столице на берегах Невы. Но всю взрослую жизнь посвятил краю, названному по имени реки Уссури. А я в районном городке на ней жил и окончил десятилетку. Первые же свои детские шаги делал у другой быстрой речки – Тетюхе, на которой путешественник не раз бывал.

По тропкам у этих рек и в окрестные сопки вела меня тень Арсеньева... А мои дедушки и бабушки, мать и отец, дядя и тётя могли видеть на улицах Владивостока, где они жили первую треть прошлого века, фигуру Владимира Клавдиевича, раскланивающегося с прохожими... Навсегда запомнилось, как однажды на уроке географии наша классная, любимая нами Матрёна Ивановна стала рассказывать об Арсеньеве, добавив: «Я однажды имела счастье присутствовать на одной его лекции в Хабаровске»...

Уже в зрелые годы, став москвичом, но душою так и оставшийся на всю жизнь дальневосточником, не раз ловил себя на мысли, почему об Арсеньеве не так часто выходят книги? И пишут их всё учёные, историки, краеведы, а не литераторы?

Отдавая их авторам заслуженную дань, думал, что многим из тех, кого влекли и влекут арсеньевские тропы, хотелось бы больше узнать о всех подробностях, перипетиях жизни Владимира Клавдиевича, его родных и близких, окунуться с головой в то время, когда он жил, и своей «тенью» пройти рядом с ним – от рождения до смерти...

Так я сделал довольно рискованный шаг – сел за изучение арсеньевского наследия, за чтение книг и других публикаций о нём, стал переписываться и знакомиться с арсеньеведами, даже нашёл в столице неизвестные архивы, и наконец – начал писать эту повесть.

Её первое издание вышло в Москве в 2008 году небольшим тиражом и быстро разошлось. Я благодарен тем, кто и в периодике и в письмах положительно отозвался о моём труде, кто написал о неточностях, описках в тексте, дал добрые советы ещё поработать над повестью. Тем самым мне была сделана как бы подсказка: переиздать книгу.

Что я, по прошествии некоторого времени, как видите, сделал.

Сделал с помощью добровольных пожертвователей средств на переиздание. Люди откликнулись на мой призыв в интернете на сайте краудфандинга «планета.ру» помочь мне выпустить повесть «Распятый в дебрях», чтобы большую часть тиража послать в библиотеки школ районов Дальневосточья, которые оказались в зоне гигантского наводнения на Амуре, принёсшего осенью 2013 года столько бед людям, там живущим.

Вот такой получился по сути дела благотворительный проект. Он был завершён осенью 2014 года и позволил мне эту рукопись отдать в печать. В Хабаровске книгу собираются выпустить в виде электронной версии.

Автор рад: значит повесть прочтут и пользователи интернета. Живём в XXI веке.

...Но пришло время, мой друг-читатель, отправиться нам в путешествие из сегодняшнего дня в начало второго десятилетия прошлого века — на берег речушки Инза-Лазагоу. А далее — в век позапрошлый, в глубинку Тверской губернии.

Где отец нашего героя получил эту фамилию: Арсеньев.

Глава I

ОХОЧИЕ К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

- *Письмо из Тулы* • *Мезальянс Теодора и Аграфены*
- *По имени крёстного* • *Не для сельской работы рождённые*
- *Дверь в неизвестность* • *Государственный чиновник*
- *Такая коня остановит* • *Крона семейного древа*
 - *Драма на хуторе Дубовщина*
 - *Иной жизни не представляли*

Солнце медленно опускалось за Сихотэ-Алинский хребет. Стояла поздняя осень 1912 года. Бивак Арсеньев разбил у речки Инза-Лазагоу, впадавшей в текущую с горных вершин в Японское море Тетюхе. Штабс-капитан устал до чёртиков. Утром окружили довольно-таки большое поселение китайских бандитов – хунхузов. Они тут в тайге такое творили! Через год у него выйдет в Хабаровске книга, в которой он так напишет о хунхузах: «Неся с собою смерть и ужас, шайки их бродят повсюду... Страх перед хунхузами – панический, покорность полнейшая, рабская...»

Негласный приказ приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, который направил сюда, в район залива Святой Ольги, экспедицию во главе с чиновником особых поручений Арсеньевым, был жёсткий: выкуривать всеми способами – от интернирования до уничтожения на месте – всех участников китайских шаяк, терроризировавших местное население и занимающихся браконьерством.

Когда хунхузов окружили и предложили сдаться, они открыли стрельбу. Пришлось пострелять и капитану. Как ни ненавидел он этих наглых пришельцев, ему всё же было не по себе. Отличный стрелок, он даже в зверя целил и нажимал на курок только тогда, когда или есть было нечего, или надо было защищаться – помнил, помнил уроки Дерсу! А тут?.. Оправдывал свои действия лишь во-

инской необходимостью: он ведёт необъявленную войну с нарушителями границы, с чужеземцами, которые считают, что это их земля и что москали на ней иностранцы.

Наступали сумерки... Арсеньев сидел у костра. Часть жандармов ещё закапывала убитых хунхузов, другие повели пленных к берегу. Их заберёт прибывший вчера в залив миноносец. На нем отряду доставили боеприпасы, провиант и почту.

Один конверт помятый, весь в росчерках, нашлёпках почтовых штемпелей, сразу же привлек внимание. Разобрал обратный адрес: «Тула... В.С. Арсеньеву». Не родственник ли у него объявился? И нашло же его это письмо тут, за тридевять земель!

Разорвал конверт. Прочёл. Повертел в руках «опросный листок». Усмехнулся. Вопросы, которые задавал ему туляк, оказавшийся местным историком, показались не то чтобы мелкими, но сейчас такими далёкими, как обозначенный на конверте город, как прежняя жизнь, точнее, самое её начало там, на западе России, в Европе. Подумал и о том, откуда же о нём узнал однофамилец. Наверное, в столичных газетах прочитал, с каким интересом встретили привезённую им недавно в Санкт-Петербург коллекцию разных дальневосточных раритетов...

Неожиданным сюрпризом было тогда для него появление в зале музея Николая П.

Всея Руси... Пришли на ум Арсеньеву эти два слова из длинного перечня в титуле государя – вот и тут, на берегу океана, Русь, и никакие мы в этом краю не чужестранцы.

Сразу же решил туляку ответить, как ни клонило ко сну, чтобы уже завтра с оказией письмо отправить. Писал о том, что запомнилось из рассказов родителей. Ответ этот Владимира Клавдиевича сохранился. Читаешь его и удивляешься, с каким прилежанием тогда относились даже вот к таким обычным письмам: как долго шёл конверт через всю империю и не затерялся.

И ответ не исчез во всей последующей исторической круговерти.

А ценно письмо Арсеньева тем, что, кроме сообщённых из «первых рук» сведений, в нём проглядывают его черты характера: скрупулезность, взятое с молодых ногтей за правило – все описывать основательно и обстоятельно.

Но обратимся к письму:

«Милостивый государь Василий Сергеевич!

Ваше письмо от 24 января 1911 г. я получил весьма недавно. Оно долго пролежало в музее в г. Хабаровске, потом попало в г. Владивосток, в общество изучения Амурского края, было на Сахалине, затем вернулось снова в г. Хабаровск, в канцелярию генерал-губернатора, и оттуда уже было правильно направлено мне вслед на побережье моря.

В настоящее время я нахожусь в путешествии на исследовании горной области Сихотэ-Алинь. Думаю вернуться в Хабаровск перед весною, в феврале месяце.

По вопросу Вас интересующему могу уведомить, что мой прадед был вывезен в Россию Петром Великим. Он был немец, но жил раньше в Голландии; фамилия его была Гот-Майер. Каково его социальное положение было на родине, я сказать не могу. Он был человек очень образованный и, кажется, занимался химией. Мой дед был помещик в Пермской губернии (возможно, при публикации вкралась ошибка. Правильно – «Тверской»). – Б.С.) и имел уже русскую фамилию – Арсеньев. Как это случилось, сказать не могу.

Что-то очень смутно помню, мне рассказывала мать, что наше духовенство будто бы не хотело венчать лютеранина на русской, требовало от него, чтобы он перешел в православие. Он не захотел. Моя бабушка, с которой он жил без брака до самой смерти, имела сына, которому, возможно, и дали фамилию Арсеньева (по крестному отцу). Впрочем, возможно, что это было не так. Дед мой разорился, и имение его было продано. Вот и все, что я знаю. Признаюсь, я никогда не интересовался этим вопросом так глубоко.

Вместе с тем я пишу своему брату, чтобы он повидал отца (живёт в имении в Черниговской губернии) и расспросил его подробно, как случилось, что фамилия Гот-Майер была заменена фамилией Арсеньева, кто были Арсеньевы, давшие фамилию, и т. д. Я посылаю ему тот самый подробный опросный листок, который Вы мне прислали, и прошу его по этому листку собрать самые подробные сведения. Если окажется что-нибудь общее (я сомневаюсь) с фамилией Арсеньевых Вашего рода, я сообщу Вам немедленно...

В. АРСЕНЬЕВ»

(опубликовано в газете «Коммунар».

Тула. 8.3.1970).

Сейчас мы знаем, что в этом письме сведения он сообщил неточные. Плохо, видимо, знал наш герой свою родословную. А когда пришла советская власть, ему уже сознательно приходилось многое обходить молчанием или в разных анкетах писать полуправду. Тогда люди, чье происхождение было непролетарским, стеснялись, а точнее опасались рассказывать о своих «корнях», а при заполнении анкет – изворачивались. И Владимир Клавдиевич писал о родителях только то, что «до революции они жили на 22 десятинах в хуторке «Дубовщина» Черниговской губернии» (из анкеты, заполненной В.К. Арсеньевым в 1924 г.). А вот в послужном списке «подполковника Владимира Клавдиевича Арсеньева 13 сиб. стрелк. запасного полка, составленном до октября 1917 года, было указано, что он «из потомственных почетных граждан Петроградской губернии».

Продолжал «путаться» в своей родословной Владимир Клавдиевич до последних лет жизни случайно или намеренно – так ли это важно?

Но всё же интересно, откуда он взял, когда в конце 20-х годов писал (иначе, чем в письме от 1912 года) своему первому биографу Ф.Ф. Аристову, что родоначальник их рода Арсеньевых прадед Гот-Майер приехал в Россию в качестве химика, оставив большую часть имущества за границей, имел пристрастие к спиртным напиткам, тратил большие деньги на пирушки и, вероятно, от такой жизни он преждевременно умер. Дед потерял всякие права на имущество своего отца, которое находилось в Германии, вероятно, в связи с переходом в русское подданство. Так что же, спрашивается, стал дед тогда пролетарием?

Вероятнее всего, такое придумал наш герой, чтобы не считали его «классово чуждым элементом».

Ещё больше тумана напустил младший брат Владимира Клавдиевича, Александр, намного его переживший, когда уже в преклонные годы надиктовывал свои «воспоминания»: «Надо сказать о нашем деде Богдане Корнмайере. Был он композитором и первым скрипачом Мариинского театра в Петербурге... Корнмайер был обрусевшим немцем, предки которого попали в нашу страну чуть ли не после Чудского побоища. Кроме фамилии в нем не осталось ничего немецкого».

Вся эта путаница, начиная с того давнего письма 12-го года, перекочёвывала в биографии, предисловия, книжки... Пока, наконец, молодой историк Анна Ивановна Тарасова (Васина), работая в 70-е годы минувшего столетия над диссертацией «В.К. Арсеньев – исследователь этнографии народов Дальнего Востока», не выяснила, откуда пошёл род Арсеньевых. В 1985 году в Москве в издательстве «Наука» вышла её книга, написанная на основе этой диссертации. На неё мы ещё не раз будем ссылаться.

Взглянем на карту европейской части Российской империи и отыщем в Тверской губернии тракт, связывающий туманный Петербург и бывший стольный град Москву. По обеим концам этой дороги жизнь в середине XIX века ещё как-то двигалась вперед. Но тут мало что менялось. А в ста пятидесяти верстах к северо-западу от тракта, в Весьегонском уезде, она, уж точно, не была ключом, а более походила на болотную ряску, благо болот в этой местности достаточно.

И то, что Теодор (а по-русски Фёдор) Иванович Гоппмайер (в некоторых документах – Готмайер, Гаппмайер, Гапмейер), управляющий имением генерал-майора Николая Ивановича Лодыгина в сельце Алексейково, любил приложиться к бутылке, а потом шёл шу-

пать крепостных девок, никого тут не удивляло. И никого не интересовало, был ли его предок псом-рыцарем, который сдался в плен после побоища на Чудском озере и осел в холодной России. Или, питая «охоту к перемене мест», подался каким-то другим путём на восток и попал сюда.

Не в него ли пошли Арсеньевы, которым тоже не сиделось на одном месте, в особенности его правнук Владимир? Но не будем на эту тему фантазировать.

Не согласимся с братом путешественника, что, кроме фамилии, у их деда «ничего немецкого не осталось». А память о «проарийской колыбели», германский дух, протестантская честность и ещё, продолжим вспоминать строки из стихотворения Осипа Мандельштама, «души готической рассудочная пропасть» и наконец, «кровь лиловая» – все это, как ни выпендрено звучит, не могло не «скрываться» в обрусевшем Фёдоре Ивановиче. И не могло не обнаружиться в крови его потомков.

Чаще, чем на других девок, засматривался тверской мещанин Готмайер на крепостную Груню. Видная, крепкая и красивая она была. Пусть не барином был Фёдор Иванович, но Аграфене льстило его ухаживание. Да к тому же ещё и обещал выволить её из крепостных.

Стала бегать к нему на свиданки ночами. Скоро забеременела Груша, а 11 марта 1848 года двадцати двух лет отроду разрешилась сыном.

Он станет отцом нашего героя.

Понесла Груня своего сына, прижитого от немца-управляющего, крестить. Церковь Покрова Божией Матери стояла в соседней деревне Нижнее Самороково на погосте, что назывался Сарагосский. От этого названия, согласитесь, веет такой седой древностью и зовёт оно в чужеземную даль... Не было ли это неким «знаком» для новорождённого?

Дали ему имя, пришедшее тоже из дохристианской истории: Клавдий. Значилось, видимо, оно на его день рождения в святцах. Снова «знак»? С таким именем как ни уехать рано или поздно отсюда в свою «Сарагосу». Он – заглянем немного вперед – и уехал, но, правда, остановился почти на всю жизнь лишь у первого верстового столба длинной-длинной дороги и на ней стал служить. А она как раз через всю Россию в эти годы строилась. По той дороге отправится в первое, но далеко не последнее путешествие через полвека его сын Владимир.

А фамилию какого отца записать? Мальчик рождён, как сейчас бы сказали, «матерью-одиначкой». Крепостной. Дьячок думал недолго:

– Коли он Богом данный, будет зваться Клавдием Богдановым сыном...

– Да я ж не святая Мария, а простая деревенская девка. И вы знаете, кто его папаша... – молвила тихо молодая мать.

– Таков обычай, – строго сказал дьячок.

Поясним: фамилий у крепостных, как и отчеств в современном значении, тогда ещё не было, поэтому давали новорожденным по два, а то и по три имени, которые зачастую позднее становились и отчествами и фамилиями. В случае с Арсеньевыми так и произошло.

Рядом с Груней стоял ее хороший знакомый, которого она пригласила в крестные отцы, или, как тогда их называли, «восприемник», дворовый человек Арсений Тимофеев сын. Она, подтолкнув его ближе к скрипевшему пером «регистратору», стала просить дьяка окрестить его именем крестного.

– Хорошо, пусть носит имя нашего тверского чудотворца.

Снова обмакнул перо в чернильницу.

Когда Клавдий стал свободным человеком, это имя превратилось в фамилию: Арсеньев. А имя Богдан стало отчеством. В Тверском архиве сохранились документы, по которым видно, что сыну Аграфены не раз пришлось писать прошения о том, чтобы отчество поменяли на Фёдорович – по настоящему отцу. Но фамилию, видимо, на семейном совете решили оставить русскую.

Всю эту писанину почти через полвека (архивы не горят!) внимательно прочла тверчанка Наталья Лосева, человек творческий и любознательный. Вскоре она опубликовала в литературном альманахе «Тверь» (№13, 2013 г.) документальный очерк «Тверские истоки родословной Арсеньева». В нём выдвинула несколько интересных предположений о выборе крестного. Оказывается, имя Арсений, что в переводе с греческого означает «мужской, мужественный», часто давали в Тверской губернии.

Впоследствии эти имена становились фамилиями.

Давали их потому, что в этой губернии шесть веков назад жил знаменитый святитель, чудотворец Арсений, первый тверской архиепископ. Канонизирован в 1547 году. Отличался особым миролюбием, был просветителем, автором древнейшей редакции Киево-Печёрского патерика, получившей название Арсеньевской.

Благие дела чудотворца служили примером для подражания.

Жаль, что не знал об этом Владимир Клавдиевич. А то бы мог благодарить Бога, что ему досталась не немецкая фамилия деда, а вот эта, отца. Фамилия, в которой, по мнению Лосевой, заключена частица духа святого хранителя тверской земли Арсения.

Родовое древо, которому положил начало зачисленный, как сказано в бумагах архива, «по рождению крепостной генерал-майора

Николая Лодыгина Клавдий Богданов, а по крестном отце Арсений», спустя годы очень разветвилось.

Потом вокруг ствола «младая роща разрослась».

Отец Клавдия Фёдор Иванович, как и обещал, Груню в 1856 году из крепостных вызволил. Дали ей «отпускную», правда, когда их сыну уже пора бы в школу идти, да вряд ли в этом сельце было такое заведение... И тогда же – ай да молодец Гоппмайер! – с Аграфеной Филипповной обвенчался. Стала она госпожой Гоппмайершей и была даже причислена в Тверское мещанство. Их сын тоже стал вольным. Прочитую документ из архива: «...помещик генерал-майор Николай Иванов Лодыгин отпустил вечно и безденежно на волю крепостного своего, незаконнорожденного дворового мальчика Клавдия Богданова, писанного за мною по последней 9 ревизии...» Как же, заметим, своеобразен стиль бумаг прошлых веков!

В год бракосочетания Гоппмайеров заступил на престол Александр II. И задули весенние ветры. Даже трезвомыслящий Лев Николаевич Толстой, предчувствуя, видимо, надвигающиеся перемены, записал в дневник такие восторженные строки: *«Как тот француз, который говорил, что тот не жил вовсе, кто не жил в Великую французскую революцию, так и я смею сказать, что кто не жил в пятьдесят шестом году в России, тот не знает, что такое жизнь».*

Конечно же, Фёдор и Аграфена были из малых сих в тогдашней России. Какие ветры стали раздувать её паруса, вряд ли понимали. Зажили они вместе с сынком, уж не знаем, дружно ли и ладно, одной семьёй. В 1866 году Фёдор Иванович помер. Рано: сорок лет лишь исполнилось. Может быть, действительно был большим выпивохой и этим подорвал здоровье?

Его ровесница, сравнительно молодая вдова, и её восемнадцатилетний сын стали думать о дальнейшей судьбе. Не в отца пошёл Клавдий – трезвенник. И деловой, умелый. Грамоту хорошо знал. Только к сельской работе совсем его не тянуло. Не говорил матери, но часто думал, как бы податься в какую-то из столиц. Тогда же, хотя и не был маменькиным сынком, твёрдо решил, если уедет, то мать возьмёт с собой обязательно.

Но сначала они перебрались в Тверь, где Клавдий самостоятельно учился и даже сдал экзамены на звание домашнего педагога. Двадцати лет ему не исполнилось, как засобирился снова в дорогу. Недолго выбирал меж двумя столицами. Конечно, больше его притягивал обращённый «пробитым окном» в Европу Санкт-Петербург.

Там он встретит будущую жену, тоже приехавшую издалека искать счастья.

Руфина Георгиевна (Егоровна), в девичестве Кашлачёва, родилась в 1845 году и, значит, была на три года старше своего супруга. Детство её прошло в семье лесничего, тоже в глухом российском углу, в селе Нижневоскресенском, находившемся где-то на стыке Нижегородской и Костромской губерний. Стал её отец вольноотпущенным, и Руфина примерно в те же годы, что и её будущий муж, подрастая, стала подумывать о том, как же ей из этого глухого края выбраться. Была она не робкого десятка и добилась-таки от папеньки с маменькой отпустить её в град Питер.

Или может быть уехала, не спросясь?

Клавдий с Руфиной повенчались в 1870 году. В метрической книге Христорождественской Псковской церкви в г. С.-Петербурге сохранилась такая запись: «Тверской губернии города Твери мещанин Клавдий (по крестном отце) Арсеньев, двадцати одного года, первым браком, и дочь вольноотпущенного г-жи Немчиновой Руфимма (так в бумаге. — Б.С.) Егорова Кашлачёва, двадцати четырёх лет, оба православного исповедания повенчаны января четырнадцатого тысяча восемьсот семидесятого года...» Далее перечисляются поручители «по женихе» и «по невесте» и кто совершил таинство.

Союз этот оказался очень прочным.

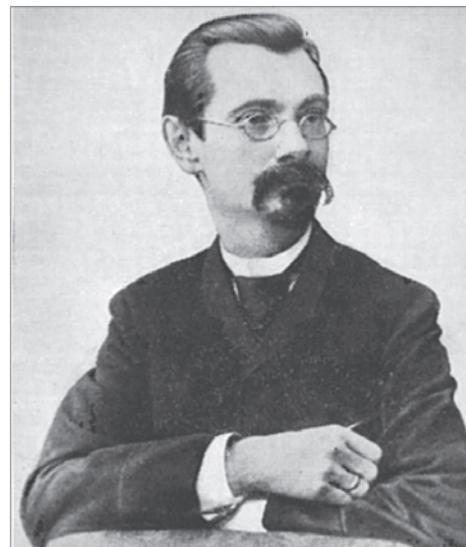
Отступим на шаг. Клавдий еще не встретил Руфину. Он только что неподалёку от вокзала снял угол, отоспался от тряской «машины» и утром пошёл к Невскому проспекту. Надо же осмотреться.

Шёл в пёстрой толпе по мостовой высокий сухошавый мужчина, усы, бородка пробиваются на молодом лице, одет без затей, сразу видно, не столичный житель, но таких в городской толчее было много. Шёл Клавдий в сторону Зимнего дворца, разглядывал витрины магазинов, читал вывески.

Очень хотелось на Неву посмотреть, может быть, даже в уме вспоминал строчки из пушкинского «Медного всадника». Как уже говорилось, был он начитанным. В голове шевелилась мысль: «Чего сюда припёрся?» Но тут же одёргивал сам себя: «Всё равно назад пути нет. Найду место». Что означало и работу, и, прибегнем к расхожему обороту, место под солнцем. Хотелось, очень хотелось Клавдию, чтобы хотя бы лучиком одним оно озарило его новую жизнь.

Но, заметим, скуп Питер на солнечные дни...

Нет, Клавдия не посещали честолюбивые и несбыточные желания, не в его характере было бросаться в крайности. А они тогда в России подстерегали чуть ли не каждого молодого человека. Брожение умов, чьи «дрожжи» замешал царь своими реформами, скоро приведёт не только к победам, но и ко многим бедам. Их предчувствовал Фёдор Достоевский. Где-то тут в одном из домов

Клавдий Фёдорович Арсеньев

Руфина Егоровна Арсеньева

сидел сейчас этот таинственный литератор и строчил, строчил своих «Бесов». Роман начнут печатать «Отечественные записки» совсем скоро, в 71-м году.

А в далёком Симбирске, куда как раз в 1869-м переехала жить семья Н.И. Ульянова, потомственного дворянина, действительного статского советника и сверх того «штатского генерала» (этого звания и Клавдий Фёдорович удостоится в конце века), его жена, Мария Александровна, дочь надворного советника, помещика Александра Бланка и Анны Гросшопф, уже носила в чреве плод ребенка, который родится весной следующего года.

Когда он вырастет, возьмёт себе кличку Ленин и перевернёт Россию вверх тормашками. Архимедовым рычагом его станет идея диктатуры пролетариата, а точкой опоры — труды её доктринёров, бородатых философов из Германии Маркса и Энгельса, что в те годы ещё были живы и строчили, строчили том за томом, доказывая, как нехорош и несправедлив нынешний грешный мир.

Но до иного мира ещё было, слава Богу, не близко.

Клавдию Арсеньеву и Руфине, которую он, может быть, уже за тем вон углом дома повстречает, нужно было строить свою жизнь по законам писаным и неписаным в их времена, следовать им, пусть во многом и несовершенным, а не супротив них. И будущих своих детей, а их у Арсеньевых родится много, вырастить и воспитать такими, чтобы никто из них не стал ниспровергателем этих законов. Как, к примеру, дети их современников симбирских Ульяновых.

У кого поднимется сейчас рука осуждать мещан Арсеньевых за то, что не пошли они слепо ни за героями «Бесов», ни за иными нетерпеливыми и пламенными борцами с существующими порядками?

Уставшие от долгой ходьбы ноги привели Клавдия обратно к вокзалу, к казенным зданиям Николаевской железной дороги. Это был некий знак. Потолкавшись, он разузнал, что как раз тут-то можно скоро устроиться. И не на грязную какую работу, а кабинетную. Сперва, конечно, на самую низшую – простого конторщика. «Но какие наши годы? – примерно так подумал Клавдий, – авось, повезет, выбьюсь».

Недолго размышляя, он подал бумаги и после нехитрого «экзамена» был принят без особых проволочек на работу кассиром. Отныне и до выхода в отставку по старости для молодого тверяка основным местом работы стал конторский стол с ворохом бумаг, что на него ежедневно ложились.

Скоро старший Арсеньев понял: выбранная им работа очень отвечает его характеру и складу ума. Он стал жить «по расписанию». Поезда ведь тоже ходили по расписанию, и это Клавдию очень нравилось. Оно не мешало поездам катиться всё дальше и дальше по долам и весям огромной страны: дороги-то бурно строились, возводились мосты, вырастали в лесах и в степи станции, вокруг них города...

Работы всё прибавлялось, и её наш железнодорожный столоначальник не чурался. Чины повыше это его усердие замечали, и он, пусть медленнее, чем отправляемые и его усилиями поезда, тоже двигался, только вверх по служебной лестнице. Да, он был чиновником, всю жизнь только чиновником. Но из тех, кто как раз вот эту свою обязанность государственного человека, службу свою ставил превыше очень многого.

Нам, сегодняшним, может быть, такое трудно понять: на памяти несть числа другим примерам из новейшей истории нашего Отечества.

Между тем в те времена служить – значило «годиться, пригожаться, быть полезным, нужным, надобным», наконец, «быть орудием, средством для цели, идти на дело, быть на месте».

Жизнь в общем-то всё в итоге расставляет по справедливости, это общеизвестно. Вот и Клавдий Фёдорович – незаконнорождённый из глухого села, даже без завалящего диплома о специальном образовании, а стал, пусть не скоро, по чину генералом, получил звание личного (в 1897 г.) и потомственного (в 1901 г.) гражданина Санкт-Петербурга...

Но пока что на петербургском «дворе» стоит 70-й год. Семейная жизнь только начинается. Нелегко. Непросто. Без всякой по-

мощи откуда-либо. Лишь с надеждой на себя и на двух их матерей, приехавших к детям, чтобы помогать по хозяйству. Люди уже не деревенские, но ещё и не городские, «не отёсанные», они «врасстали» в совсем иной быт. Руфина даже до замужества сумела открыть крошечную мастерскую «по пошиву дамского платья», в которой работали две портнихи. Её пришлось закрыть, только когда молодая жена поняла: скоро родить первенца. А супруг с раннего утра и до позднего вечера пропадал на службе.

Сохранилось всего, кажется, три фотографии Клавдия Фёдоровича.

На первом портрете ему где-то за тридцать, а может быть, и меньше. Сложил руки на груди – одна на другую. Из-под чёрного сюртука – белые манжеты. На безымянном пальце правой руки обручальное кольцо. Стоячий белый воротник, чёрный галстук завязан широким узлом. Фигура узкая, плечи опущены. Голова чуть вскинута и повернута немного влево. Смотрит из-под очков взором задумчивым. Волосы над широким покатым лбом зачёсаны на пробор аккуратно уголком. Бородка по моде того времени клинышком, а усы, ну прямо казацкие, свесились.

Какой полунемец? Скорее либеральный русский разночинец. Что он там высматривает вдаль широко открытыми умными глазами? Не знали б мы его биографию, то насочинять, глядя на этот портрет, можно было всякого...

Есть ещё одно фото, сделанное уже в пожилые его годы. Тот же ракурс, те же гладко зачёсанные, только поседевшие волосы, бородка, усы свесились, но пожиже. И как будто бы старый галстук. И белая сорочка, и сюртук такого же покроя. А вот взгляд из-под очков обращён не вдаль, а в себя. Вдумчивый, глубокий, как в молодые годы открытый. И голова уже не запрокинута, а держится прямо.

Замечателен третий фотопортрет Клавдия Фёдоровича. Он смотрит на снимавшего его. Борода изрядно поседела и волосы белые, но по-прежнему чуть зачёсаны назад, открывая широкий лоб. Оброс бакенбардами, в которых теряются концы усов. Стоячий воротник подпирает подбородок, чёрный сюртук, чёрный галстук завязан небольшим узлом. Рот – «скобка», повторяющая контур усов – из-за них губ не видно. На лице выражение спрятанной глубоко грусти под маской твёрдости.

Очень серьёзный сухощавый старый господин глядит из прошлого на нас. Вот в таком сразу признаешь человека высокого чина. Но далеко не хрестоматийного. Ни тени чванства, самодовольства. И какой умный пронзительный взгляд за стёклами очков. Как прямо держит голову. Будто предвидит свой недалёкий конец, когда не помогут ему сословные привилегии.

Наиболее полно рассказал о нём Александр. Отнесёмся снисходительно к издержкам стиля, к «округлой», довольно общей характеристике: «Отец навсегда остался человеком внешне суровым и придиричивым, но внутренне отзывчивым и добрым. Славился он своей кристальной честностью и неподкупностью. Выше всего он ставил трудолюбие, правдивость, воздержание, скромность и честность. Всех нас приучал сызмальства к труду. Говорил: «Труд – важнее таланта». У него дома был большой красного дерева на массивных точёных ножках стол, покрытый зелёным сукном, с высокой керосиновой лампой с левой стороны. На нём из года в год соблюдался один и тот же порядок, на своём месте стояла мраморная чернильница, такое же пресс-папье и вазочка для карандаша и ручек.

Отец проверял наши знания. Любил он канареек, их было в нашем доме множество. Одевался и дома в глухо застёгнутый на все пуговицы костюм. Всегда щеки его были гладко выбриты, усы и бородка подстрижены. Так и подходил к клеткам, кормил птиц, слушал их воркование. Отвлекать отца от этого занятия никто не смел. Мечтавший в молодости стать учителем, он на всю жизнь сохранил учительские привычки.

Бывало, позовёт Володю к столу и начинает «экзаменовать»: «Расскажи-ка про Куликовскую битву... Назови годы царствования русских императоров...». Если мы, младшие, подходили к двери и начинали, подслушивая, шушукаться, отец неожиданно открывал дверь, хватал нас за рукава, заводил в кабинет, и мы должны были тут же прочесть наизусть какое-нибудь стихотворение или басню. Иногда сажал одного из нас за свой стол (но двигать на нем что-либо строго запрещал) и, открывая какую-нибудь книгу, например, Льва Николаевича Толстого, заставлял переписать целую страницу.

Отец покупал и любил читать книги. Они стояли у нас в гостиной в большом шкафу красного полированного дерева. Были там, конечно, и классики, наши и зарубежные, и популярные тогда авторы приключенческих романов и рассказов: Жюль Верн, Даниэль Дефо, Фенимор Купер, Дюма, Конан Дойл, Стивенсон. Выписывал отец журналы «Нива», «Природа и люди», «Вокруг света», «Живописное обозрение». Нам брать самим не разрешал – шкаф был заперт – их нам выдавал отец. Если кто-то приносил двойку, отлучали от книг на неделю. Отец часто нам повторял: «Сначала ученье, потом развлечение». Он и расписание для нас составлял, приучая к порядку».

В памяти Анны Константиновны, первой жены В.К. Арсеньева (её воспоминания, которые мы будем ещё не раз приводить, опубликованы в альманахе «Рубеж». № 6. 2006 г. Владивосток), с юных лет знавшей семью Владимира, облик Клавдия Фёдоровича отло-

жился такой: «...Отец Володи был очень суровый человек, очень суровый... Сидит за столом вся семья, он улыбается и все улыбаются. Он насупился и все сидят, насупившись... Отец был худенький, щупленький, но здоровый. Суровая система воспитания была в семье. Если надо было что-то выпросить у отца, то посылали девочку самую младшую: «Папочка, папочка, можно... Папочка, дай...» Он улыбался и давал... Был труженик, волевой человек, занимался самообразованием... Несколько дней на неделе Клавдий Фёдорович читал вслух своим детям полезные книги...»

«Физиономисты», бывшие тогда в моде, как и графологи, такую, думаю, дали бы ему характеристику в стиле времени: «Человек рассудка. Чиновник до мозга костей. Выносливость в труде, которому отдаётся до конца. Придерживается домостроя и не терпит никакого вольнодумства. Осторожность. Требовательность, настойчивость. Восприимчивость и живучесть. Терпеливость. Не любит выпячивать себя. Пунктуальность, педантизм. Присутствие духа. Упорство в достижении цели. В частной жизни строг, но справедлив и заботлив. Любит убеждаться во всем на деле. Позитивность, реальные воззрения. Умение достигать постепенно и последовательно своих целей. Но они не простираются далее его реальных возможностей, которые он знает и судит о них здраво. Верный слуга своему департаменту и, конечно, императору».

То, что наша характеристика в общем-то верна, подтверждает чудом сохранившаяся в петербургских архивах одна «казенная бумага» на Клавдия Фёдоровича. Вот, в частности, что в ней сказано: «Способностей выше средних. Делом очень интересуется. К младшим подчиненным очень требователен, а к старшим подчиненным относится более снисходительно, чем желательно. С сослуживцами, равными себе, со старшими уживчив».

На какого же героя знаменитой книги, как раз в те годы широко читаемой в России, да и по сию пору оставшейся «знаковой», походил отец Владимира? Догадаться несложно: Андрея Штольца, друга детства главного героя, по имени которого и назван роман И.А. Гончарова, Ильи Обломова.

Писатель умер в Петербурге в 1891 году – Володе Арсеньеву исполнилось уже девятнадцать. Мог будущий путешественник неожиданно встретить на Невском живого классика, путешествовавшего в середине века вокруг света на фрегате «Паллада». Владимир Клавдиевич уже в новом веке побывает у того залива, на дне которого покоились останки этого фрегата.

О маме нашего героя, которым она, доживи до его всероссийской известности, очень бы гордилась, сохранились воспоминания не всегда точные. Сын Александр утверждал, что, живя в родном

селе, мать работала сельской учительницей. Первой жене Владимира Клавдиевича Анне Константиновне её свекровь запомнилась такой: «Мать Володи замечательный человек! Добра, отзывчива, я её очень любила. Красива, полна, высокий рост, густые волосы завернуты, как у гречанки. Тёмная шатенка, большой лоб, густые тёмные брови, глаза серые, нос с горбинкой и тонкое седло. Рот бантиком... Была серьёзная женщина, столько детей, за всеми надо смотреть, всем показать хороший пример...» .

У себя в деревне Руфина училась в церковно-приходской школе. Невесть какие большие знания эти учебные заведения тогда давали. Однако не забудем, что большинство крестьян были неграмотны, вместо росписи обычно ставили крестик.

Руфине судьба послала мужа тоже без образования, но он, как мы уже знаем, добился многого, и жена тянулась за ним. Ещё в девичестве она дружила со своей сверстницей, дочкой местного помещика, у которого её мама Александра Семёновна Кашлачёва работала экономкой. Так вот, та дочка её немного даже по-немецки научила говорить! Вот как сошлось: за внука немца вышла замуж, а Клавдий Фёдорович, конечно, немецкий язык знал (способность к иностранным языкам они сумели передать своим детям).

В Петербург Руфина приехала с братом Иоилем, человеком незаурядным, оказавшим большое влияние на своего племянника Владимира. Он тоже работал в железнодорожном ведомстве, правда, до больших чинов не дослужился. Весьма возможно именно через него Клавдий и познакомился с Руфиной. Приехала с ними в Петербург и мать – Александра Семёновна Кашлачёва. Она осталась с дочкой в семье Арсеньевых. Жила с ними и вторая бабушка, уже знакомая нам Аграфена Филипповна Гоппмайер. Ей Бог послал долгую жизнь – умерла в 1910 году. Так что бабушки очень помогали Руфине и хозяйство вести, и за детьми присматривать.

В семье, когда был дома отец, царил безусловно патриархат. Но так как с раннего утра и допоздна он находился в своем «департаменте», вступал в силу матриархат, а в нем верховодила Руфина. От года к году вести дела в семейном хозяйстве становилось сложнее и сложнее: один за другим появлялись дети.

Это ли не первый признак крепких семейных уз, это ли не главная заслуга матери?

Вот сколько их было в семье Арсеньевых.

Первым 24 октября 1870 года родился Анатолий.

Вторым увидел божий свет через 22 месяца после первенца Толи – 29 августа (по старому стилю) 1872 года герой этой повести Владимир.

Третьего ребёнка, он появится меньше чем через год, в июне 1873-го слабеньким, вероятно, недоношенным, назвали в честь отца Клавдием. После этого позволил муж жене «передышку». Ровно через три года рождается наконец-то дочка. Её, естественно, назовут в честь мамы Руфиной. Это событие случилось 8 июня 1876 года. 3 ноября 1877 года запищал в доме новый живой «комочек» – Верочка. Следующий ребенок родился 6 июня 1880 года и снова девочка – дали ей имя Ольга. Лидия родилась 1 марта 1881 года. 10 сентября 1883 года новые роды – появился Александр. Последней мать (ей уже 44 года) рождает Машу – 24 апреля 1889 года.

Вскоре Арсеньевы усыновляют осиротевшую дочь их дальних родственников Капу Кокину.

Руфина Егоровна выполнила сполна то, что Бог завещал женщине. Она с мужем щедро размножила свою семью, а значит, вошла в плоть и кровь каждого её дитяти. Только и остаётся нам, что поклониться маме, родившей героя этой повести, и посетовать на то, что самодержцы не додумались учредить медали для многодетных матерей. Правда, если б их тогда учредили, то чеканили бы беспрестанно. Русские женщины так много и постоянно рожали девочек, чтобы те, став взрослыми, преумножали население обширной страны, а мальчиков – не только для победоносных и не очень войн, для бунтов и революций, но и для трудов, постоянных и неустанных.

Сохранился самодельный альбомчик, в который члены семьи Арсеньевых и их друзья записывали разные изречения. Интересно, что каждый оставлял лишь один афоризм или пословицу. Значит, они как бы договорились выразить в крылатом выражении свой девиз, понимание своего предназначения. То, что они делались от чистого сердца – несомненно.

Приведём такие автографы. Три записи друзей Володи: «*Правда светлее солнца*» (Эдуард Пельц); «*Живи не так, как Бог велит, а как хочется*» (В. Кривцов. Вырос, заметим, наверное, этот парнишка вольнодумцем); «*Как проживешь, так и прослывешь*» (Б. Савельев).

А вот и первая строчка из «собраний сочинений» В.К. Арсеньева: «*Хлеб, соль ешь, правду режь*». Сколько же, интересно, было ему лет, когда он, как бы предвидя свою дальнейшую жизнь, записал эту пословицу? Четырнадцать, пятнадцать? Следовал он этому правилу, как увидим, всю свою сознательную жизнь.

Интересное изречение выбрал отец, очень характерное для него: «*Лучше самому терпеть, чем беду сделать кому-нибудь*». И, наконец, вот что записала Руфина Егоровна: «*Не красота лица, не прелестный вид, но доброта души счастливыми творит*». И подписалась: «*Мама*». Одна эта строка более всего характеризует мать Владимира Клавдиевича как человека действительно доброй, широкой, заботливой души.

Родные и близкие В.К. Арсеньева.

(1-й ряд: Наташа Кондакова, Вера Богданова;

2-й ряд: Толя Хлопонин, Мария Клавдиевна, Серёжа Хлопонин;

3-й ряд: Клавдий Фёдорович и Руфина Егоровна;

4-й ряд: Клавдий Клавдиевич, его жена Елена, Лидия Клавдиевна, её муж Иннокентий Михайлович Кондаков. Зоя Клепш, Руфина Клавдиевна Клепш, Мария Клавдиевна.

Хутор Дубовицина. 1912 г.

До наших дней дошло древнегреческое сказание из «Метаморфоз» Овидия о чете супругов по имени Филимон и Бавкида, ставших символом неразлучной пары. Они, как известно, по желанию богов умерли в один и тот же день. Так же случилось и со старшими Арсеньевыми.

Только их смерть была вопреки их воле...

Поколенная Роспись потомков Клавдия Фёдоровича и Руфины Егоровны включает не только их детей и внуков, но и уже правнуков. В ней, естественно, каких-то «веточек, листочков» не хватает – в круговерти более чем вековой истории не мудро было кому-то «затеряться». Но и в том виде, в котором она составлена на рубеже XX и XXI веков, Роспись впечатляет. Под № 1 в ней стоит уже так знакомый нам Фёдор (Теодор) Гоппмайер, а в последнем, седьмом разделе – под № 36 – имя его прапраправнучки Валентины и указан её год рождения – 1988.

Живёт род Арсеньевых, стоит их древо. Хлестали его вьюги и смерчи истории, били в него молнии мятежей, революций, войн, репрессий, рубили его ветви злые люди, болезни и другие самые разные беды... А оно росло. Тянулось к небесам. Давало новые побеги и плоды.

Невозможно рассказать хотя бы по абзацу о судьбах всех, кто поименован в арсеньевской Росписи. Остановимся только на тех, у кого были отчества Клавдиевич и Клавдиевна. Пройдя через все испытания и искусства, они выросли людьми с положительным зарядом в душе.

В разных революционных и гражданских заварухах никто из них не участвовал – ни на стороне красных, ни на стороне белых. Занимали уклончивую или даже пассивную (это прежде всего касалось женщин) позицию. Что было тоже опасно, рискованно. Они первыми кандидатами были в «уклонисты», что до поры до времени прощалось, но после записывали их в «контрреволюционеры», а это уже грозило наказанием: скорым судом, ссылкой или расстрелом.

Такая судьба ждала первенца семьи Анатолия. О его жизни можно написать отдельную книгу. Толя ушёл из семьи первым, не достигнув совершеннолетия. Рано понял, что их семья, как Ноев ковчег, переполнена, видел, что родители надрываются, стараясь обеспечить и старым и малым относительно сытую жизнь. Он был скор на решения, этот подвижный, влюбленный в море, что плескалось рядом, юноша. И он рискнул. Как ни был против отец, как ни плакала мать, стал юнгой. Теперь невозможно узнать, каким образом попал на английский парусный фрегат.

Впрочем, не у одного него тогда были такие судьбы...

Вернулся Анатолий в Петербург просолённым, обветренным и уже крепко стоящим на ногах. Поступил в мореходные классы

(по-нынешнему – училище). После их окончания на паруснике «Веха» совершил кругосветное плавание. Как и отец, рос по службе, так как мореходом оказался талантливым. Был смел. Участвовал в русско-японской войне, но в эскадру, погибшую в Цусимском сражении, слава Богу, не попал. Снова вернулся к родному берегу. Хранил его Бог и во время боёв на Чёрном море в годы Первой мировой войны. Он уже командовал заградителем «Великий князь Константин». В 1915 году награждён Георгиевской медалью IV степени, через два года как капитан транспорта «Бугачи» получил Георгиевский крест IV степени. На его счету два потопленных вражеских миноносца.

Началась Гражданская война, и сорокавосемилетний Анатолий Клавдиевич тихо ушёл на гидрографическое судно «Морж». Морю не изменил и при Советах. Ходил на торговых судах «Эльбрус», «Чичерин», «Декабрист», «Вацлав Воровский», как капитан океанского сухогруза «Трансбалт» побывал в 28-м на Дальнем Востоке. Почти случайно на «Трансбалт», пришвартовавшийся в гавани Золотой Рог, пришёл Владимир Клавдиевич Арсеньев. Очевидцы уверяли, что он не знал фамилии капитана и, даже увидев его, не узнал.

Встреча была неожиданной и радостной.

Не мудрено! Они расстались ещё в XIX веке и с тех пор не виделись. Представляете, что испытали двое уже немолодых мужчин, узнав, что они родные братья? Потом Владимир Клавдиевич привёл на судно восьмилетнюю дочку Наташу, их снимали фотографы, киношники: для города это было событие. А для самих братьев? На фотографии они так похожи на отца: оба худощавые, подтянутые, счастливые.

Люди с состоявшимися биографиями.

Младшему останется жить всего 2 года, а старшему – 10 лет.

Анатолий Клавдиевич даже какое-то время поработал на Дальнем Востоке – инспектором Тихоокеанского пароходства. Потом осел в Одессе. Там жил с семьёй: женой и тремя сыновьями – Анатолием, Георгием и Михаилом. Ему было под семьдесят, а он продолжал работать в Черноморском пароходстве. Органы безопасности арестовали А. К. Арсеньева в 1938 году, и по приговору тройки при УНКВД по Одесской области он был расстрелян как «враг народа». Реабилитирован в 1988 году. Родственники ничего не знали о его судьбе. Справку о реабилитации получила его приёмная внучка Светлана Харчевникова.

О Клавдии, Ольге и Лидии, чей год смерти один – 1918-й, расскажем в отдельной главе.

Александр, о котором упоминалось, прожил жизнь долгую, умер, когда ему пошел восьмой десяток. Он после гимназии уехал из Петербурга в Москву, успешно окончил Межевой институт, получил

специальность инженера-землемера. Владимир Клавдиевич перед Первой мировой войной приезжал в обе столицы и, возвращаясь на Дальний Восток, взял младшего брата с собой. Там они вместе ходили по дебрям Уссурийского края. Рассказ об этих путешествиях впереди.

Сохранился снимок братьев – Владимира, Анатолия и Александра, сделанный в 1928 году вскоре после прихода «Трансбалта» во Владивосток. Александр продолжал все эти годы трудиться и вместе с Владимиром, и самостоятельно как межевой инженер, землемер, топограф и государственный контролёр. Первая жена родила дочь Таню, но вскоре умерла. Он встретил Веру Яковлевну. Они поженились. Из Приморья уехали через два года после смерти Владимира, чуяли, что и над ними нависают мрачные тучи (позднее Александр Клавдиевич писал, что его выслали, что похоже на правду). Так он оказался в Сибири, жил в селах Кулундинской степи, работал садоводом. Там, в глухой провинции, и закончил свои годы жизни, оставив обширные воспоминания.

Ни один арсеньевед не обходил их вниманием, то – восхищаясь его прекрасной памятью, то – подвергая сомнению их точность.

Будем и мы не раз к ним тоже прибегать.

Все сёстры Владимира, кроме Лидии, окончили в Санкт-Петербурге женское 6-классное профессиональное училище. Руфина прожила в браке с Петром Ивановичем Клепш и умерла в 72 года. Она родила дочь Зою и успела не только понянчить, но и вырастить внучку Эллу.

Вера и Мария жили дольше других – первая умерла в 87 лет, вторая – в 92 года. Тоже многое в жизни пережили, у Веры Клавдиевны было два мужа, два сына и дочь.

Младшая – Мария, обладавшая хорошим голосом, окончила Петербургскую школу с музыкальным «уклоном», училась у московского профессора консерватории Андреева по классу фортепиано и вокалу. Волею судеб оказалась в годы Гражданской войны в эмиграции, потом с мужем Дмитрием Максимовичем Харченко вернулась в Россию. Но им запретили жить в больших городах, и они осели в Чебоксарах. Детей у них, насколько известно, не было.

Стала образованным человеком и приёмная дочь Капитолина. Она тоже прекрасно пела, успешно окончила Петербургскую консерваторию, выступала с концертами. Жизнь забросила ее с мужем в Иркутск. Известно только, что там она преподавала в музыкальной школе.

Полную поколенную родословную роспись рода Арсеньевых (предки и потомки В.К. Арсеньева) можно найти в интернете на сайте «Находкинский родослов» Центральной библиотечной системы г. Находки Приморского края.

Шестидесятипятилетний почетный гражданин столицы империи Клавдий Фёдорович Арсеньев, подав прошение об отставке с поста заведующего движением Московской окружной железной дороги, решил купить хутор в Черниговской губернии.

Почему там, а не где-нибудь поближе к родным местам предков или к столицам?

Видимо, как-то съездил на Украину, место близ села Батурино, что стоит не очень далеко от реки Десны, ему приглянулось. Даже то, что железная дорога проходит в стороне, не смутило, а даже обрадовало. Перелески, пшеничные поля... В садах, на огородах обилие фруктов и овощей. Дешевизна! И так далеко-далеко от шума городского и треволнений «текущей» жизни. Но больше всего привлёк благоприятный климат. Супруга была безнадежно больна: врачи обнаружили у Руфины Егоровны раковую опухоль, она почти не ходила. У самого тоже здоровье пошаливало.

И у сына Клавдия не все ладно было со здоровьем. Он был хром. В Москве продолжал жить с отцом и матерью, хотя уже был женат на Елене Пельц. Как вспоминала Анна Константиновна, она была «хорошенькая, предана Клаше, любила его». Славный человек, начитанный, музыкально одарённый. Находилась на попечении родителей и дочь Ольга. В детстве она перенесла менингит и стала инвалидом.

Постоянно заботилась о родителях, брате и сестре Лида. Окончив Рождественскую гимназию, она, отличавшаяся с детства самостоятельностью характера, решила продолжить образование и даже, как следует из сохранившегося у её потомков документа, «подверглась испытанию в педагогическом совете императорской Николаевской Царскосельской гимназии». Но поступить ей туда не удалось, и она пошла на курсы фельдшерниц, переехав с родителями в Москву. Была принята после окончания курсов на работу в Бахрушинскую (теперь им. А.А. Остроумова) больницу, что на Стромынке. Лидия была фактически домашним доктором. Она удачно вышла замуж за Иннокентия Михайловича Кондакова, преподавателя Межевого института (где, напомним, учился её брат Александр).

Стали жить на своём хуторе Дубовщина старшие Арсеньевы, Клавдий с женой, Ольга. Всё до поры до времени обстояло благополучно, и война с немцами не дошла до них. Постоянно к ним ездили в гости Лидия с мужем, возили к бабушке и дедушке на лето своих дочек – Наташу, родившуюся в 1910 году, и младшую Ирочку, она появилась на свет как раз накануне войны.

Других Арсеньевых жизнь разбросала, как мы уже знаем, далеко от отчего дома по белу свету... Последний раз Владимиру удалось увидеться с родителями, Лидией, Ольгой, Клавдием и Александром

в апреле 11-го года, когда по пути из Петербурга он ненадолго заезжал в Москву.

Как быстро и насколько верно узнавали в Батурине о событиях, захлестнувших с начала 1917 года Петербург, Москву, затем и Украину? Получали ли они там газеты и если да, то как регулярно? Слухом, конечно, земля полнится. Появились в сёлах солдаты, сбегавшие с передовой, какие-то банды, говорили, бродят по лесам. Прежняя власть совсем бросила вожжи. Только из уст в уста передавались слова, пока для крестьянского уха малопонятные.

Об отречении царя от престола, временном правительстве, учредилке...

Духом нехорошим несло изо всех щелей и углов разрушающегося на глазах у всех прогнившего здания Российской империи. Жившие на хуторе со страхом ждали, что дальше случится.

Надеялись на лучшее.

Верили, что как-то всё образуется.

Молились.

...Поздней осенью 17-го года недавно уволенный с военной службы в чине подполковника В.К. Арсеньев отправился во главе небольшого экспедиционного отряда в очередную экспедицию. Шли по горным массивам к северо-западу от реки Тунгуска. Поход был изматывающий, вокруг на сотни километров ни души. Но Владимир Клавдиевич тут чувствовал себя в большей безопасности, чем среди людей, которые просто на глазах звереют.

1918 год отряд встречал на реке Кура в стойбище Лан. 1 января Арсеньев сделал в дневнике такую запись: *«Прошлый год принёс много несчастий Родине. Что-то даст нам наступивший новый год? Скорей бы кончалась эта солдатская эпоха со всеми её жестокостями и насилиями».*

Но буря, к которой так вдохновенно на заре XX века призывал в своей «Песне о буреветнике» Максим Горький, только начинала реветь.

Вершиной злодеяний 1918 года был расстрел 17 июля в Екатеринбурге семьи Романовых. Погибли в одночасье вместе с главой, бывшим государем Николаем Александровичем, теперь лишь поданным республиканской России, его супруга Александра Фёдоровна, пятеро детей, домашний доктор, лакей, горничная, повар. И до них и после них гибли и гибли рядом со сражающимися не на жизнь, а на смерть тысячи и тысячи ни в чём не повинных людей. Легко сказать: «На миру и смерть красна».

Кто-то, может быть, в последнюю минуту жизни выкрикнул эти слова от отчаяния или ради глупой бравады.

А вернее – придуманы они были остроумным циником.

Только представьте: на вас неожиданно направляют заряженный пистолет, а вы беззащитны, стары, рядом больная жена, в страхе оцепенели родные дети, внучки забились под кровать...

Это случилось в ночь с 24 на 25 ноября того же года. От рук бандитов (по одной из версий беглых с фронта солдат) погибли Клавдий Фёдорович Арсеньев и Руфина Егоровна, их сын Клавдий Клавдиевич, его жена Елена Леонардовна, дочери Ольга Клавдиевна и Лидия Клавдиевна. Чудом спаслись сестра Вера Клавдиевна и её муж Владимир Фёдорович Богданов, ночевавшие в отдельно стоявшем домике, и дети погибшей мамы Лиды – Наташа и Ирина.

Как это произошло, подробно рассказала одна из тех внучек – Наталья Иннокентьевна Кондакова (Горельшева):

«Мне было восемь лет тогда, но дом деда, даже расположение усадьбы, внутреннюю планировку комнат, обстановку хорошо помню. Тяжело было жить нашей семье в Москве, хотя мама и папа работали. В то время было очень голодно, и родители решили уехать на Дубовицину, тем более что за больной бабушкой нужен был уход, мама в слезах говорила, что дни её сочтены. Там тогда жили мои тётки – Вера со своим мужем Владимиром Фёдоровичем и Ольга, ещё – дядя Клавдий. Он был хром, но в соседнем селе в магазине подрабатывал инкассатором.

В тот вечер мы поужинали – ели варёную картошку с молоком и простоквашей. Тётя Оля ушла спать. Семья тётки Веры жила во флигеле, стоявшем в некотором отдалении от большого дома. Они тоже ушли (и это, добавлю, их спасло). А другие взрослые ещё сидели, о чём-то тихо разговаривали. Четырёхлетняя сестрёнка Ира прикорнула тут же на кровати, а я ещё не ложилась спать.

Часов в 8–9 уже было темно, где-то недалеко разорвалась, видимо, граната. Моя мама пошла к двери и наткнулась на ворвавшихся в дом бандитов. Они выстрелили в неё и попали в глаз. К ней кинулась Елена Леонардовна, схватила какую-то тряпку и начала ей перевязывать голову. Я затолкала быстро проснувшуюся Иру под кровать и сама туда залезла. И затаились там. Бандиты подбежали к деду и стали требовать у него деньги. Он ответил, что у него ничего нет. Тогда в него тут же выстрелили и убили. Бабушка в ужасе наблюдала это со своего кресла. Она так с него и не встала. Уже утром выяснили, что она в ту ночь умерла от разрыва сердца. Но бандиты в неё всё равно выстрелили. Потом убили дядю Клавдия.

Елена Леонардовна билась в истерике, бегала, звала на помощь. Бандиты несколько раз в неё стреляли, пока не убили. Раненная в голову мама упала на колени и стала просить пощады. Но они и её застрелили. Убийцы бросились по комнатам искать деньги,

драгоценности. Но поживиться им ничем не удалось. Перерыв второпях всё в шкафах и на столах, они убежали. Зазвенел будильник, и это, может быть, их напугало.

Жили все в Батурине очень скромно. Сперва дед получал пенсию, а потом выручало домашнее хозяйство, да небольшое жалование, которое дядя Клавдий получал в магазине. Позже говорили, что, возможно, бандиты узнали, что дядя имеет дело с деньгами, и думали, что он их хранит дома. Единственной ценностью в доме деда был рояль, на котором любили играть дядя Клавдий, его жена Елена и приезжавшая к ним тётка Маша. Она в те годы жила в Киеве».

Немногое можно добавить к такому горькому свидетельству, которое сохранилось в памяти восьмилетней девочки. Вера Клавдиевна и Владимир Фёдорович слышали взрыв, выстрелы, но выйти побоялись. Не думали, что это убивают их родных. Тогда всюду часто стреляли. Они и похоронили убитых. Шесть гробов легли в могилы сельского кладбища. Двух бандитов, оказавшихся жителями Батурина, поймали и расстреляли. Их Наташа опознала, когда арестованных привели на хутор. Остальным удалось скрыться. Куда они подались: может быть, к батьке Махно или к Щорсу махнули?

Вряд ли в Батурине сохранились эти шесть могил. Сколько воды утекло в Десне, сколько гроз пронеслось над тем хутором, перелесками, полями, садами и огородами.

Утекло... Пронеслось...

А какая была семья!

Обыкновенная была семья. Семья мещан, петербургских обывателей, во главе которой стоял государственный чиновник. Как же долго и настойчиво с тех пор и до наших дней в русские головы вбивалось негативное отношение ко всем этим понятиям! Но попробуем взглянуть на семью Арсеньевых без знаков «плюс» или «минус».

Не идеализируя, но и не обрушиваясь с критикой.

Образ жизни в ней не походил, например, на тот, что описывали, вспоминая детство, граф Лев Николаевич Толстой или росший в безотцовщине Алексей Максимович Горький. Впрочем, если говорить о примере графа, то на него, как вспоминал Александр Клавдиевич, равнялся их отец: «Он очень хотел иметь столько же детей, сколько было у Льва Толстого – кумира всей нашей семьи».

Что же, хороший пример.

Как беспристрастно объясняет нам «Толковый словарь Живаго великорусского языка Владимира Даля», тома которого как раз в начале 80-х годов позапрошлого столетия стали распространяться

книгопродавцем-типографом М.О. Вольфом, «*Мъщанинъ* – горожанин низшаго разряда, состоящий въ подушном окладъ и подлежащий солдатству»...

Кстати, вспомним это: «подлежащий солдатству», когда пойдёт речь о выборе Владимиром своего пути во взрослой жизни. А что такое «подушный оклад», то, говоря по-современному, это своего рода «подоходный налог». У Даля: «пудать въ казну съ души податного сословия», к коим относились «мъщане и крестьяне всехъ видовъ», так что сословие мещан стояло в иерархии российского государства снизу вторым. *Снизу* приходилось всем Арсеньевым начинать и выбиваться в люди.

Затем откроем том словаря на букву «о»: «*обывать* – ...жить осядло, постоянно... *Обыватель* – житель на месте, всегдашний; водворенный, поселенный прочно, владелец места, дома..., горожанин». Снова в объяснении ни малейшего негативного оттенка – напротив, за этим словом так и видится то самое древо, которому без корневой системы, без почвы не выжить.

Вождь пролетариата, как известно, обывателей недолюбливал, не терпел мещан, интеллигентов, мелких частных собственников, то бишь крестьян, а остальную сволочь богатую так просто ненавидел. Так кого же он любил? Одних революционеров. Сергей Нечаев так обрисовал этот тип людей: «Революционер – человек обречённый. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Всё в нем поглощено единым исключительным интересом, единой мыслью, единой страстью – революцией». Такими выросли дети Ильи Николаевича и Марии Александровны Ульяновых.

Чем тут можно так особенно хвалиться?

А вот старшие Арсеньевы не хотели, чтобы их дети такими стали. Хотели, чтоб у них были и свои интересы, и дела, и чувства, и привязанности, и собственность, и доброе имя.

Осуждать их за это?

Ещё одно определение к ним прилипло: «семья чиновников». Снова ставить жирный минус? Оно в России до сего дня является притчей во языцех. Не будем спорить с его хулителями. Скажем лишь, что переспорить великие и талантливые умы, «упражнявшиеся» в создании отрицательных образов мещан, обывателей и чиновников, можно, только рассказывая всю правду о людях, подобных тому же Клавдию Фёдоровичу, отцу девятерых детей.

Не сладко жилось в такой семье, где всё крутилось-вертелось с раннего утра до поздних часов, как в муравейнике или пчелином улье. Но, во-первых, «сладкая жизнь» – разве это хорошо, нормально? Да, существовал строгий «устав», своего рода домострой, и всяких там сантиментов было негусто.

Жизнь с раннего детства каждодневно являла себя перед всеми членами семьи с реальной, а не выдуманной «книжной» стороны. Правила были простые. Учись, трудись – и не абы как, а в поте лица, подражай отцу и матери, старшим, тянись за ними, стремись всегда и во всём быть первым – вот примерные заповеди, которые дети Арсеньевых пронесли через всю жизнь. И ещё: прилежание, послушание, следование правилам и тому, что считалось приличным в их среде.

Тому образу жизни, который стремились сохранить лучшие умы государства, его строители, а не разрушители.

Приведём слова одного из таких русских умов, почти ровесника Владимира Клавдиевича. К молодёжи обращался историк и публицист Пётр Бергардович Струве:

«России безразлично, веришь ли ты в социализм, в республику или в общину, но ей важно, чтобы ты чтил величие её прошлого и чаял и требовал величия для её будущего, чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию, были для тебя святынями. Ибо ими, этими святынями, творилась и поддерживалась Россия, как живая соборная личность и как духовная сила. Ими, их духом и их мощью мы только и можем возродить Россию».

Этому-то как раз и учили своих детей, пусть по-своему, не употребляя столь высоких слов, отец и мать Арсеньевы.

То, что творилось в столице и во всей России в последние десятилетия XIX века и в начале XX, не проходило мимо внимания домашних. Как занимающий некое кресло в железнодорожном ведомстве, Клавдий Фёдорович раньше газетчиков узнавал о целой череде покушений на царя-освободителя. Оголтелых народовольцев просто обуяла маниакальная страсть убить Александра II, почему-то во время его передвижений по железной дороге. Его убийство 1 марта 1881 года потрясло империю. Кучка злодеев радовалась, кто-то тут же стал строить расчеты на то, как нажить политический капитал.

Можно с уверенностью сказать, что это известие в семье Арсеньевых было воспринято с тревогой и недоумением.

Доподлинно неизвестны политические взгляды Клавдия Фёдоровича. То, что он не примыкал ни к каким партиям – несомненно. За чиновниками на этот счёт следили строго. Подвергать себя риску исковеркать карьеру, а значит жизнь близких? Это было чуждо его характеру. Он и детям такое отношение к политике передал. Даже

в сверхполитизированной республике Советов они её сторонились. Но это не мешало им всегда быть с народом, на стороне народа.

Таким же станет и наш герой.

Жизнь с её противоречиями, несправедливостями, бедами не проходила мимо внимания подобных семей. Кто-то из близких или знакомых Арсеньевых мог быть невольным свидетелем гибели Александра II на Екатерининском канале. Ходили тогда по улицам и оставшиеся в живых, вернувшиеся в казармы участники русско-турецкой войны. Имя генерала Михаила Дмитриевича Скобелева знали и стар и млад. Знали, безусловно, в семье и имена русских знаменитых исследователей той исторической поры продолжающегося расширения государства в Средней Азии и на Востоке.

Какие это были мужественные люди! Назовём лишь некоторых: Геннадий Иванович Невельской (он умер в 1876 г.), барон Фердинанд Врангель (умер в 1870 г.), Петр Петрович Семёнов-Тянь-Шанский (умер в 1914 г.) и, наконец, Николай Михайлович Пржевальский (умер в 1888 г.)...

Думаю, что учили в этой семье наизусть и стихотворение Николая Некрасова «Железная дорога», читали и сатиры Щедрина, и едкие смешные рассказы Антоши Чехонте... Впитывалось всё и всё перерабатывалось в юных головах. Да, иногда ходили и на спектакли, в оперу, гулять в Летний сад.

Но вряд ли на демонстрации «землевольтцев», на похороны «борцов за народное дело», на тот митинг, где страстные речи произносил молодой Георгий Плеханов... Вряд ли одобрили, нет, осудили покушение на Александра III, совершённое мальчиками-студентами, которых возглавил помешавшийся на терроризме и желании немедленно «перестроить» Россию Александр Ульянов. Пусть бы он лучше в своём университете и дальше изучал кольчатых червей, за работу о которых получил золотую медаль.

Может быть, тогда не пошёл бы «другим путём» его младший брат.

Век между тем кончался. Одни юноши со взором горящим вспоминали то время, как о нём написал Мандельштам: *«Я помню хорошие глухие годы России – девяностые годы, их медленное оползание, их болезненное спокойствие, их глубокий провинциализм – тихую заводь: последнее убежище умирающего века»*. Красиво написал. Правда, насколько он хорошо помнил то время, сомнение берёт, ведь родился Ося в 1891 году.

Но ощущение о тех годах людей, к которым он изначально принадлежал, в кругу которых позднее вращался, возможно и справедливо.

Тогда же на пределе своих сил жил и активно творил тоже охочий к перемене мест Антон Павлович Чехов. После рискованной поезд-

ки на каторжный Сахалин в 1890 году, он пишет об этом острове книгу, потрясающую по силе глубокого и объективного анализа всего того, что он там увидел. В его рассказах, написанных в те годы, все срезы тогдашней жизни – от трагикомического до жизнеутверждающего. В уста героя повести «Три года» Ярцева он вкладывает такие слова:

«Мне просто хочется жить, мечтать, надеяться, всюду поспевать... Жизнь, голубчик, коротка, и надо прожить ее получше».

В унисон с этим утверждением звучит и ответ Чехова в письме Суворину:

«Вы спрашиваете...: «Что должен желать теперь русский человек?». Вот мой ответ: ...желать. Ему нужны прежде всего желания, темперамент. Надоело кисляйство».

Написано в декабре 1894-го.

Как раз летом того же года двадцатидвухлетний юнкер Владимир Арсеньев «определением учебного комитета переведён в старший класс пехотного училища», а в конце его получил чин младшего унтер-офицера.

Ему не до кисляйства было.

А как жилось Володе в семье: с отцом, матерью, бабушками и дядей, братьями и сёстрами?

Когда зарождались и крепили те самые желания и темперамент...

Глава II

ВЗРОСЛЕНИЕ ГОППМАЙЕРОВА ВНУКА

- *Первый юбилей и 18 заповедей* • *Путешествие до Волхова*
- *Оглядливый* • *Удаляющийся путник*
- *В солдаты, потом в юнкера*
- *Зигзаг по пути на Дальний Восток*
- *Союз, который длился 22 года*

Конец августа 1882 года. Володе исполнилось десять лет.

По этому случаю отец в день именин пришёл с работы пораньше. Бабушки испекли пирог, дядя Иоиль принес сумку румяных яблок. Ужин был скромный, правда, к гречневой каше положили по куску курицы. В центре стола блестел горячий самовар, теснились стаканы в подстаканниках, разрисованный цветами пузатый заварной чайник, в сахарнице – горка наколотого рафинада, на блюде яблоки, сливы... Ещё достал из сумки Иоиль штоф с какой-то, как он говорил, особенной наливкой, свою бутылочку поставила одна из бабушек.

Дядя разлил по рюмочкам Руфине, Александре Семёновне, Аграфене Филипповне и Клавдию Фёдоровичу, сидевшему, как всегда, во главе стола. Налил и себе. Часы отбили восемь ударов. Все сидевшие за столом перекрестились, старшие подняли рюмки.

– За здоровье твоё, Владимир! – произнёс отец. – Учись с прилежанием, расти крепким, люби близких, сестёр и братьев своих... Ну, с Богом! – поднёс рюмку ко рту, выпил, утёр рот салфеткой, вилкой потянулся к тарелке с солёными грибами.

– Расти большой, да не будь лапшой! – хихикнула семилетняя Руфа. Отец взглянул на неё из-под очков, но тут же улыбнулся, вслед за ним и другие. Иоиль усмехнулся: «Вся в мать!»

Володя, он сидел рядом с матушкой, по другую сторону Анатолий, под столом попытался ногой достать до ноги Руфы, чтобы толкнуть ее, даже со стула чуть сполз, но мама так на него посмотрела, что он тут же выпрямился, присмирел и стал уплетать большой кусок пирога, запивая горячим чаем.

Бабушки сидели напротив и, поглядывая на именинника, перешёптывались: «Как же он вырос, красавчик наш умненький да разумненький», – что-то в этом роде они говорили, улыбаясь друг другу, чуть прихлёбывая наливку из рюмочек. Оля, которой пошёл третий годок, залезла на колени к одной из бабушек, тянула ручку к бубликам. Вера пошла спать. Рядом с её кроватью стояла люлька. Из неё подавала голосок Лидочка – ей лишь полгода минуло.

– Всё теснее у вас становится, Клавдий Фёдорович, может быть пора и остановиться? И так вон за столом со старшими десять душ да одиннадцатая там попискивает.

– В тесноте, да не в обиде, – ответила за супруга брату Руфина. – Вот с отцом дойдём до ровного счёта, – засмеялась, – тогда и остановимся!

Заговорили о виновнике торжества. Бабушки наперебой хвалили Володю, отец был немногословен, упомянул только, что в начавшемся учебном году надо наконец-то взяться за ум: «Спрос с тебя теперь, как со взрослого».

Володя только вертел глазами в разные стороны, о частном пансионе сестёр Целлау, куда его определили родители, он даже думать не хотел, всё ждал, что скажет его любимый дядька. Тот, когда вошёл в дом и чмокнул именинника в щёку, шепнул ему на ухо: «Поедем, Володька, в выходные на Тосну, беру с ночёвкой тебя и Тольку!». «Я готов, да надо ведь испросить разрешение у папы!» – ответил.

За чаем – разливала мать всем горячий, с пахучей, настоящей на травах заваркой – Иоиль повернулся к отцу:

– Владимир, как ты справедливо сказал, уже человек взрослый, ну почти что взрослый, так что я ему хочу подарок сделать: взять его и Анатолия с собой на рыбалку. Ну, ты эти места знаешь... С ночёвкой. Дай, пожалуйста, разрешение.

– Хорошо, – Клавдий Фёдорович, чуть захмелевший, прихлёбывал чай с блюдечка, посасывая кусочек сахара, таявшего во рту. – С тобой отпускаю. Но домашние задания чтоб все загодя сделал!

Владимир хотел подбросить к потолку бублик, но вовремя удержался, только кивнул радостно и хлопнул брата по плечу:

– Послезавтра едем! Да, дядя?

– Тебе ведь я забыл сразу вручить, – обратился к племяннику дядя, – по случаю первого и, надеюсь, далеко не последнего юбилея одну нужную вещь, – и протянул через стол складной ножичек

с отливающей на свету ручкой. Вот подарок так подарок! Володя даже лицом вспыхнул. А у братьев шеи вытянулись.

– Дяде не забудь копеечку дать, – проговорила Аграфена Филипповна, – всё острое да колкое не дарится, а покупается, примета такая, – объяснила больше для внуков и внучек.

– Дам, дам! – проговорил растянувший рот в улыбке Владимир и, кажется, только сейчас понял, что ему уже десять лет, что он так вырос и так счастлив среди этих близких ему людей, теснившихся за столом.

Боже мой, как же он их всех любит, и они так радостно на него смотрят..

Ах, дольше бы длилось это мгновение.

Не сложно «реконструировать», как отмечался в семье день рождения человека, именем которого, пусть в отдалённом будущем, назовут город, корабль и улицы, кому поставят памятник, о ком станут писать книги, снимать фильмы...

Тогда Владимир Клавдиевич был обычным мальчишкой из обычной семьи.

Легко представить и его самые ранние годы. Володя только начинал топтать босыми ногами по половицам дома, а взрослые уже учили его уму-разуму, азам трудолюбия, прилежания, послушания, усидчивости... Он, конечно же, подобно любому ребенку, да еще находящемуся под приглядом, а значит заботой и вниманием сразу трех женщин, порой сопротивлялся, капризничал, своевольничал.

В последнем случае укорот ему давал отец. Бабушки не смели перечить и мать отступала.

Какая у Клавдия Фёдоровича была «система воспитания» детей, мы доподлинно не знаем. Но представить, как наставлял на путь истинный отец своих детей, прежде всего старших сыновей, легко можно по «методу», которую применял, воспитывая своего сына-подростка, сам Владимир Клавдиевич. Не мог он не вспомнить опыт отца, когда придумывал свои заповеди для сына, названного его именем.

Родители его называли Волей.

Перенесёмся ненадолго в начало второго десятилетия уже XX века.

Хабаровск. Воля почти такой же мальчик, каким был отец тридцать лет назад. Он его куда меньше видит, чем папа видел своего отца, железнодорожного чиновника, сейчас живущего где-то далеко на Украине, откуда письма редки и идут так долго. Потому что отец постоянно то в тайге, то в служебных разъездах.

Когда дома – всё сидит и читает, и пишет...

Далее предоставлю «слово» Владимиру Владимировичу. Его рассказы в 60-е годы минувшего века записал Георгий Пермяков.

«Я учился ещё в младших классах, когда отец преподавал мне свод своих заповедей, которые он что-то запомнил от своих родителей, а что-то придумал, вероятно, сам. Давно это было, теперь у меня своих три сына, а на теле семь ран Отечественной войны, моя голова убелена сединами, а правила отцовы не только помню наизусть, но и храню переписанными тогда под папину диктовку. Бумага уже вся пожелтела, на сгибах истерлась...

Как-то я, воспользовавшись тем, что отец работал дома, зашел к нему и попросил его помочь написать заданное на дом сочинение «Великий Амур».

– Почитай книжки, знаешь какие, садись и пиши.

– На той неделе напишу, а завтра, в воскресенье, мы с ребятами как раз на Амур купаться пойдём, – примерно так ответил ему я.

«Морген, морген нур ниht хойте», – сказал отец, то есть в переводе с немецкого это было любимое присловье его родителей: «Завтра, завтра, не сегодня...» Он строго смотрел на меня. Втайне-то я надеялся, что отец напишет сочинение за меня и даже робко попросил его: «Ты так хорошо пишешь и так знаешь Амур...»

В общем, я схлопотал за свое наспех написанное сочинение неуд.

Отец, когда узнал об этом, позвал меня к себе в кабинет, приказал строгим голосом: «Встать смиренно!», что, как я уже знал, не предвещало ничего хорошего. «Владимир, – обратился он ко мне, чекая каждое слово. – Ты поступил вдвойне дурно! Повтори! «Я поступил вдвойне дурно», – пролепетал я. «Из-за своей лени хотел увильнуть от сочинения, да и написал какую-то ерунду! Подумать только: двойка по родной речи, на которой ты говоришь с детства! Это нетерпимо и позорно!»

Далее отец, постукивая костяшкой согнутого пальца по столу, продолжал примерно так: «В твоём возрасте я уже читал взхлеб Тургенева, Аксакова, Лермонтова и Пушкина. И не отец меня заставлял, он только давал мне эти книги, а потом я их сам у него всё время просил.

Садись-ка за стол, вот тебе листок плотной бумаги, бери ручку и пиши. Я продиктую тебе свои заповеди. Одни общеизвестны, затвержены мной с детства, часть составлена мной. Помни, что они всю жизнь мне помогали и сейчас помогают. Надеюсь, что и тебе будут полезны. Но хватит ли у тебя силы характера, чтобы их не только заучить, но и им следовать?» – спросил отец меня строго. Я только молча кивнул головой. «Записывай».

И стал диктовать на память: «Одно сегодня лучше ста завтра». «Это и о том, как ты писал сочинение. Повтори!» Я повторил и стал

скрипеть пером по бумаге. Отец ходил по кабинету. «Промедление смерти подобно»... Далее: «Не жди благоприятной минуты, а создавай ее сам»... «Или работай, или умри»... «Приводи в исполнение свои решения немедленно».

Я шёпотом повторял за отцом, а он всё говорил и говорил: «Ничто не имеет такой цены, как настойчивость и терпение»... «Двадцать дел, наполовину сделанных, не стоят одного, доведённого до конца»... «Побеждать дурные привычки всегда лучше сразу, чем после»...

У меня уже спина затекла, но отец, как бы не замечая моей усталости, диктовал чуть ли не по слогам всё дальше и дальше. Макая перышко в чернильницу, я выводил: «Не держись устава, яко слепой стены» – тебе это ещё, может быть, сложно понять, но скоро, уверен, пригодится», – добавил он и продолжил: «Запомни: «Ни одного великого дела не совершено нерешительными людьми»; далее: «Имей уважение к себе»; «Жизнь твоя то, что ты из неё сделаешь сам»... И вот ещё две: «Привыкай к тщательности и точности» и «Не расточай сил на бесцельные колебания».*

– Я скоро снова уеду в тайгу, – сказал отец, когда я слез со стула, и потрепал меня по волосам, – когда вернусь, чтоб все заповеди у тебя от зубов отскакивали. И, повторяю, не просто держи их в голове, а пусть они тебя по жизни ведут. Только тогда, может быть, чего-то и добьёшься, как добился я сам.

Нет, последние слова он не сказал мне, но, думаю, про себя произнес... Я только позже понял, что значил для меня мой знаменитый отец, как много он успел сделать в своей жизни».

Эта речушка под названием Тосна, что впадает с юга в Неву, и сейчас тихо течёт в своем русле, только на Тосну более чем столетней давности она совсем непохожа. Тогда тут были глухие места, хотя уже неподалёку по Николаевской железной дороге громыхали поезда, гудели паровозы.

Мамин брат Иоиль Егорович сюда на рыбалку часто ездил, любил брать своих детей и Руфиновых. У Трофимова ручья они порой проводили дни и ночи. В пристанционном посёлочке, названном, как и речка, дядя снимал домик, так там летом вся детвора жила, вернее, только ночевала, и то не всегда.

* В Доме-музее В.К. Арсеньева во Владивостоке имеется полный текст «заветов для Воли», озаглавленный Владимиром Клавдиевичем «Вечная памятка для Воли Арсеньева. 2 октября 1913 г. Хабаровск». Среди этих «заветов» были и такие: «Пусть дадут молодому человеку решительность и азбуку, и никто не может предвидеть, где будет конец его успеха; ничто не имеет такой цены, как настойчивость и терпение; гений медлит, колеблется и утомляется, настойчивость же может быть уверена в достижении цели». Всего в этом тексте восемнадцать пунктов.

Порой на ботике уплывут подальше под сень лесную с дядей, наловят рыбёшек, разожгут костер, уху наварят и – разговоры до полуночи.

Как же прекрасно окунуться в мир первозданной природы! Тихо журчит невидимая в темноте речка, гукают в чаще неведомые птицы, какой-то таинственный шорох раздаётся в чаще, не иначе зверь пробежал, пусть даже заяц или лиса. А может тетерев... Когда рассветет, можно увидеть пролетающих уток или даже караван гусей и провожать их взглядом, пока шея не устанет. Ночью, как сейчас, запрокинув голову, хочется долго смотреть на россыпь звёзд – словно чёрный бархатный свод ангелы прокололи своими иголочками, а там, за этим куполом, не сам ли господь Бог разлил видимый лишь через эти дырочки вечно негаснущий огонь.

Миллионы лучиков – и один из них твой...

А опустив глаза, заворожённо уставившись на отливающие золотом головёшки и следишь, как искорки гаснут на лёгком ветерке, и дышишь – не надышишься терпким дымком костра. Жар обдаёт лицо и руки, а спина продрогла от ночного холода.

Дядя, борода у него и волосы чёрные, в глазах отражается огонь костра, истинный Черномор, рассказывает, как он, когда был такой же, как ты, Володька, и жил в Поволжье, уже ходил на охоту с отцом на серьёзного зверя. «Волка?» – спрашиваешь и, затаив дыхание, слушаешь.

Потом тебя сморит сон, и ты ляжешь на срубленные еловые ветви – и храпака до раннего утра.

Безыскусны и непосредственны рассказы о том времени брата Александра Клавдиевича. Через даль лет он пронёс в памяти интересные подробности о разных случаях, что происходили с ним, со старшим братом Володей. Пусть Саша и был на одиннадцать лет его младше, но всё же ему многое запомнилось.

Память вообще штука любопытная. Когда вспоминаешь события и случаи, казавшиеся в детстве, отрочестве просто неожиданными, интересными и не более того, только по прошествии времени начинаешь понимать, что именно они, а не что-то иное, определили твою жизнь и даже судьбу...

Вот как о поездках на Трофимов ручей вспоминал Александр: «Места эти нам казались таинственными. От местных мальчишек мы узнали, что когда-то тут утонул пастух Трофим, поэтому ручей так называли. Володя тут же придумал такой рассказ: «В лунную полночь, когда на погосте сторож отбивал 12 часов, из-за тумана, окутавшего ручей, появляется Трофим в белом саване и если увидит на берегу запоздалого путника, то затаскивает его к себе на глубину, где сомы водятся и раки... От таких его фантазий дух захватывало».

Многое значило для Владимира путешествие на челноке по речке Тосна, потом по Мариинской водной системе, реке Волхов, озеру Ильмень и обратно. Длилось оно более полумесяца. Любопытно по этому поводу рассуждение литературоведа Игоря Кузьмичёва. В своем труде «Писатель Арсеньев», упоминая об этом эпизоде из детства нашего героя, он пишет:

«Этому событию биографы будущего путешественника склонны придавать особое значение. Мемуаристы и биографы вообще часто, сами того, может быть, и не желая, поддаются некоему гипнозу и невольно подбирают и выстраивают факты, призванные доказать, что уже в раннем детстве Арсеньев грезил путешествиями. А так ли это? Иногда приходится читать, что, посетив маленьким мальчиком Кунсткамеру и Зоологический сад, где по вечерам устраивалась феерия «Вокруг света» по Жюльо Верну, Арсеньев тут же задался целью побывать в «чужих странах» и решил выполнить это намерение, как только сделается взрослым. Даже ссылки на самого Арсеньева здесь едва ли убедительны. Мальчик, игравший в индейцев и любивший многодневные прогулки, мог и не стать знаменитым натуралистом».

Но ведь стал! Поэтому как пройти мимо таких событий в жизни подростка, пусть и не определившего сразу своё призвание. Что-то же Владимира, как и его старшего брата Анатолия и «малышку» Александра, тянуло неудержимо из дома не в столичные каменные «джунгли», где болтались компании неприкаянных ровесников, а искать приключений за городом, на вольной природе. Разве так уж случайно Анатолий ушёл в юнги и вскоре весь шар земной по морям и океанам обошёл? Кем стал Владимир – знаем, а Александр выбрал профессию, которая тоже связала его с путешествиями, лесами и садами.

Длинная дорога, как известно, начинается с первого шага. Благословенны люди, что шагают уже в детстве, в юности, пусть подсознательно, в ту сторону, куда их потом будет вести Божий промысел всю сознательную жизнь.

Поэтому давайте прочитаем, что написал Александр Клавдиевич о том путешествии, которое в жизни его брата стало, как теперь говорят, «знаковым».

Первым.

«Анатолий и Владимир давно задумали путешествие к Волхову, которое они хотели осуществить с дядей Иоилем и его сыновьями, нашими двоюродными братьями Александром и Сергеем. Но оно все откладывалось. Тут дядя заболел. Потом Анатолий в море плавать ушёл. Но не в правилах Владимира отступать перед задуманным. Кончался очередной учебный год. После начальной трёхклассной школы Володя, как и Саша, и Сережа, которые были его

сверстниками, учился в гимназии. Отец сказал Владимиру: «Разрешу плавание, если хорошо закончишь год».

Володя подналёг и сдал все экзамены на «отлично», кроме Закона Божьего. Законоучитель вклеил ему тройку, увидев, как брат пририсовал к кадиле дьякона – картинке в учебнике – чертёнка. Отец строго отчитал Володю, но в плаванье всё же отпустил и даже дал ему немного денег и бумагу с печатью, удостоверяющую его личность. Я, хоть и был мал, тоже очень хотел поплыть с ними и долго уговаривал отца. Наконец, отец разрешил с условием, что со станции Волхов Владимир меня отправит в Петербург на поезде.

И вот день отправления наступил. Челнок под названием «Стрела» ребята покрасили, и он блестел на солнце. Погода нам благоприятствовала. К вечеру первого дня мы успешно добрались по Тосне до порогов, куда и раньше ходили с дядей. Остановились на ночлег, наловили головлей и даже одну щучку поймали. После ухи и чая долго не ложились спать. Володя умел интересно пересказывать прочитанные книжки. Тогда, помню, мы заслушались рассказом его о приключениях Шерлока Холмса. Но, признаюсь, без дяди нам было немного страшновато... Утром стали перетаскивать челнок по берегу мимо порогов – примерно 250 саженой тащили, упрели все. На это ушёл день. Поплыли дальше, вышли в Мариинский канал. Было уже темно, когда доплыли до реки Свирь. На берегу горел костёр. Нас окликнул мужской голос: «Кто это там? Поворачивай к берегу». Мы причалили. Подошёл бородатый человек с дробовиком: «Куда, парни, путь держите?» «Мы из Тосно к Волхову»... «Это вам ещё долго плыть».

Мужчина предложил переночевать с ним у костра. Подвесили над костром свой чайник, достали харчи, пригласили дядьку с нами потрапезничать. Он охотно согласился. Взошла луна, её отражение серебрилось на глади реки. Недалеко, видно, в болоте заунывно покрикивал дергач, да в траве стрекотали кузнечики.

«А вы что тут, дядя, делаете?» – спросил Володя. «Поставлен я начальством караульщиком», – ответил тот. «А что тут надо караулить?» «А вот, – мужчина указал на ворох соломы на берегу, – прикрыл покойника».

При этих словах мы с испугом посмотрели друг на друга. «Утопленник?» – сказал, стараясь оставаться спокойным, Володя. Человек увидел страх на наших лицах и ответил: «Да вы, ребята, упокойников не бойтесь. Они самый тихий народ. Как он утоп – не могу вам сказать. Вот завтра пристав приедет с лекарем, разберутся. Мне лопату приказано было взять, закопаем беднягу».

Конечно, никто из нас всю ночь не спал, только тихо друг с другом перешёптывались... Как стало светать, мы быстро собрались и в густом тумане поплыли дальше. Володя, прежде чем запрыгнуть

в лодку, не утерпел, подошёл к куче соломы, приподнял её и посмотрел на покойника. Потом сказал нам: «Рак в его ногу вьелся». Дядька крикнул: «Назад поплывёте, ко мне приглашаю, я в Мариинском живу, третья хата от канала. Баньку вам за угощение сделаю».

Владимир устроил меня на корме, чтобы я поспал. Потом мы доплыли до железнодорожного моста и пристали рядом с будкой охранника. Он нас стал допрашивать, кто такие. Владимир дал ему отцову бумагу, которую тот выправил в железнодорожной полиции. «Так вы дети Клавдия Фёдоровича и Ильи Егорыча? – сказал охранник. – Я их знаю. Плывите дальше». «Да мы должны братишку домой поездом отправить. Отец велел», – сказал, указывая на меня, Владимир. Оставив Сергея караулить челнок, мы втроём пошли к станции. Поговорив с кондуктором подошедшего поезда, брат попрощался со мной. Кондуктор обещал доставить меня отцу в целости-сохранности и даже чаем напоил.

А братья поплыли дальше. Вернулись они через двенадцать дней. Володя подробно, в лицах рассказал старшим о путешествии, что это за озеро Ильмень. Правда, им там не повезло с погодой. Всё небо покрылось тучами, подул сильный ветер, началось волнение. Потом зарядил мелкий холодный дождь. Три дня ребята вынуждены были сидеть на берегу и, как говорится, «ждать у моря погоды». Сережа и Саша стали уговаривать Владимира возвращаться назад. Он даже с ними поругался, так ему хотелось проплыть вокруг озера. Но делать было нечего. Они промокли, даже спички отсырели, так что и костёр не могли разжечь...

Наконец поплыли назад, остановились у посёлка Мариинского и воспользовались приглашением мужчины, охранявшего утопленника. У него наконец отогрелись, Володя его расспрашивал про озеро, какие суда по каналу ходят, какая тут рыба водится. Рассказал мужчина им и про то, что утопленник оказался с пробитой головой.

Ребята не минули то место, где похоронили несчастного. Над его могилой был поставлен наскоро сколоченный крест. Володя сказал, что он на том кресте написал карандашом строчку из песни, сочинённой Некрасовым: «Будут нивы тебе хлебородные безгреховные сны навевать».

Воспоминания Александра Клавдиевича, откуда взят этот отрывок, написаны им от руки уже в преклонном возрасте. Видно, что автор старался подражать своему старшему брату, то есть писать «литературно», хотя у него такого писательского дара, как у Владимира Клавдиевича, не было. Но всё же (отрывок подвергся нами сокращению и небольшой стилистической правке) его попытка рассказать об организованном братом походе по небольшому отрезку

Петроградской губернии не может не затронуть своей искренностью. И неуёмный характер, смелость, любопытство Владимира он сумел описать. Только закрадывается небольшое сомнение: не присочинил ли Александр кое-что, например, эпизод с утопленником? Так это напоминает грустную концовку повести В. К. Арсеньева «Дерсу Узала» об убийстве и похоронах его проводника...

Но давайте поверим, что такой эпизод в том путешествии мог быть. В жизни Владимира Клавдиевича происходило немало случаев, когда или он сам без страха смотрел в лицо смерти, или смерть смотрела на него глазами мертвецов.

В такое время ему выпало жить.

Впрочем, редко в истории случаются иные времена.

Восемнадцатидневное путешествие подростка Владимира Арсеньева с братьями на дядином челноке «Стрела» любопытно и вот в каком отношении.

В России на закате XIX века в головах многих, таких, как наш герой, мальчиков задул некий ветер, прилетевший откуда-то издалека и звавший куда-то далеко-далеко... Это были или, но реже, мальчики из семей верхнего сословия, или, куда чаще, из тех, кто выбился в пореформенной России из низов. Родители видели, что сами-то они не очень образованны и начинают отставать от жизни, всё набирающей обороты, и поэтому страстно желали, чтобы их дети обязательно и прилежно учились: отдавали в реальные училища, гимназии, а дальше надеялись, что они поступят в институты, университеты, получают основательные профессии, займут куда заметнее место в сословной иерархии государства, чем их отцы.

Так что тогда надежды, вспомним слова поэта, больше питали не юношей, а родителей.

У детей же, повторим, ветер в голове разгуливал. И первое, что им хотелось: куда-то убежать. Убежать без оглядки на отчий дом и даже Родину. Да нет, не просто куда-то, а, например, в Америку. Вспомним хотя бы так живо описанный Н. Г. Гариним-Михайловским в повести «Детство Тёмы» побег, конечно же, неудачный, на шлюпке именно «в Америку».

Подметил сразу же это «поветрие» Антон Павлович Чехов, который так чутко умел улавливать самые малейшие подрагивания магнитной стрелки в умонастроениях всех слоёв и прослоек тогдашнего общества. Помните его рассказ «Мальчики», впервые напечатанный как раз в 1887 году. Написал он его, когда подписывался псевдонимом Чехонте, и подзаголовок дал неприятный: «Сценка». Но до чего же выразительно и живо написано, как некто товарищ Чечевицын, однокашник главного героя гимназиста Володи, подбил того удрать в Калифорнию (снова Америка!).

«— Сначала в Пермь... — тихо говорил Чечевицын, — оттуда в Тюмень... потом Томск... потом... потом... в Камчатку... Отсюда самоеды перевезут на лодках через Берингов пролив... Там много пушных зверей.

— А Калифорния? — спросил Володя.

— Калифорния ниже... Лишь бы в Америку попасть...».

(Конечно же, заметим в скобках, читал, читал этот рассказ Владимир Арсеньев! Вполне вероятно, до того, как он сам, уже 28-летним, этим самым маршрутом отправится на Дальний Восток, а потом и на Камчатке не раз побывает. Правда, до Америки не доедет. Но туда «дойдут», только в книжном переплёте, его прообраз — капитан со своим проводником Дерсу.)

Героев Чехова Володю и его товарища задержали, когда они даже из города не успели уехать.

Таким же конфузом закончился другой побег всё в ту же сторону. На этот раз его предпринял реальный герой — мальчик и тоже гимназист Миша, ставший в будущем большим русским писателем Пришвиным.

Прочтём, что писал об этом эпизоде сам Михаил Михайлович.

1886 год. «Я, как и многие гимназисты того времени, пытаюсь убежать от латыни в «Азию». На лодке по Сосне я удираю в неизвестную страну и, конечно, имею судьбу всех убегающих: знаменитый в то время становой... ловит меня вёрст за 30 от Ельца. На смешкам гимназистов нет конца: «Поехал в Азию, приехал в гимназию». Далее он пишет, что его преподаватель Розанов (в будущем знаменитый философ и писатель) «заявил и учителям и ученикам, что побег этот не простая глупость, напротив, показывает признаки особой высшей жизни в душе мальчика».

Не ушли ли мы далеко от гимназиста Володи Арсеньева?

Есть ли что-то общее между ним и теми, о ком выше рассказывалось, — его сверстниками?

Есть, конечно же, есть.

В душе Володи Арсеньева именно тогда, пусть только-только, набухало семя его личной свободы, его «самости», важной составляющей в характере человека. Все родные вспоминают, каким непосредственным он был ребёнком, как любил разные проказы, получая нагоняи и от учителей, и от родителей. Но это было отнюдь не хулиганство, а признаки развивающейся натуры, если хотите, признаки той самой «особой высшей жизни».

Для него, уверен, не ахти какой поход на челноке, даже не совсем удавшийся из-за непогоды и из-за того, что его двоюродные братья «раскисли», запросились домой, значил очень многое. Он сначала решил на него, затем хорошо к нему подготовился, добился, на-

конец, чтобы строгий отец его отпустил, и карапуза братишку не побоялся взять с собой.

Это был поступок.

У внука немца Гоппмайера приверженность к дисциплине была в крови. В отличие от тех мальчиков Володя даже не допускал мысли уехать из дома *навсегда*. Детским своим умом Володя уже понимал: время уйти из дома не настало. Он не дорос до этого. Он пока так мало умеет, мало знает о той жизни, что ждёт его впереди. Да и не определился (как тот же старший брат), кем быть. Дорог-то, тропинок разных в жизни ой как много, а придется идти по одной, и хорошо бы не сворачивая, не петляя.

Чтобы потом не возвращаться домой, как библейский «блудный сын».

На эту роль наш герой не годился.

Свой первый в жизни поход Арсеньев совершил в «пределах допустимого», все заранее обдумав. Даже, вспомните, документом от отца запаса. И когда их остановила стража у железнодорожного моста — не беглецы ли? — этот документ пригодился.

Так Владимир Клавдиевич станет поступать всегда, принимая решения не наобум, а с оглядкой.

В той жизни, которую он потом для себя выберет, иначе было нельзя.

Можно много иронизировать об этом принципе жизни с *оглядкой*. Но какое же это многозначное, так помогающее человеку слово.

В позапрошлом веке русские люди часто вставляли в слово «оглядывать» после «о» букву «б»: «обглянуть», что значит, «осматривать, озирать, обозревать»... Только-то? Но какие поговорки и пословицы напридумывали! Приведём три: «Всю ли ты сбрую хорошо оглядел? (в случае с нашим героем это значило: в поход собирайся, всё загодя подготовь), «Говори, да назад оглядывайся», «Оглядливый человек — осторожный»...

Иные, отчаянные, действующие по тому самому знаменитому принципу «Сначала надо ввязаться в драку, а уж потом...», с сомнением, недоверием, подозрительно всегда смотрели и смотрят на «оглядливых». Сколько погибло буйных головушек в пустынях, во льдах, в пучинах морских? Сколько же «героев без страха и упрека», «бури и натиска» шли на смерть, шепча запёкшимися губами из когда-то так популярного «Буревестника» Горького: «Безумству храбрых поём мы песню»?!

Не начиналось ли у таких, не отрицаем, героев без кавычек с детских дерзких побегов «в Америку»?

Арсеньев, можно твёрдо утверждать, с собой «в разведку», то бишь в экспедицию, подобных людей не брал.

Как далеко, оказывается, можно уйти, размышляя о плавании четырех мальчиков по водным дорогам подпетербуржья.

Вот что написал Владимир Клавдиевич в конце жизни о том, какую роль сыграли в его отрочестве и юности отец и дядя:

«Я очень благодарен ему за то, что он сумел вселить в меня любознательность к страноведению в широком смысле этого слова... Если отец дал мне географическую канву, то брат матери И.Е. Кашлачёв, страстный любитель природы, указал, как по ней надо вышивать узоры».

И далее о выборе будущей профессии и о тех возможностях и препятствиях, что стояли на этом пути: *«В моё время в университет могли идти только молодые люди, окончившие классическую гимназию. Для меня он был закрыт, но я мог бы пойти в одно из специальных высших учебных заведений. Из меня, может быть, вышел бы недурной (а может быть, и плохой) инженер-технолог, гражданский инженер-строитель, инженер-электротехник, инженер-путеец и т.д. У отца было желание сделать меня корабельным инженером. Если бы его мечта осуществилась, я всю жизнь томился бы на каком-нибудь судостроительном заводе в обстановке совсем непривлекательной».*

Заметим, что тут Арсеньев расписывается за всех корабельных специалистов, что, конечно же, несправедливо. Но он, естественно, говорит только о себе.

А куда же он сам хотел?

В девятнадцать лет Владимир стал вольноопределяющимся, а значит, не отдан был в солдаты, а пошёл служить добровольно. Однако плохо верится, что всё дело было в его доброй воле.

Владимир рос, росла семья, и ему становилось в ней всё теснее. По той дороге, на которую направлял его отец, ему идти не хотелось («если бы его мечта осуществилась»...). Наверняка старший брат тянул его за собой в море («убежим вместе юнгами!»), но и эта дорожка, которую рисует на водной глади днем солнце, а ночью луна, тоже не очень его прельщала.

Володя хотел всегда чувствовать под ногами твёрдую землю.

Игорь Кузьмичёв верно написал, что «в детстве Арсеньев был импульсивен, подвижен, непоседлив, от бабушки Аграфены Филипповны унаследовал до конца дней легкую, летящую походку. Ему нравились весёлые игры и костюмированные вечера. Природа... наделила его неугомонным темпераментом, немалой энергией, и строгому Клавдию Фёдоровичу стоило труда направить мальчишескую энергию в должное русло».

Тут, кстати, можно привести отрывок из рассказов об их детстве сестры Володи Веры, которая, напомним, была его на 5 лет моло-

же: «Когда родители уходили из дома, начиналась самая интересная игра. Из стульев и пледов сооружали палатки, где хозяйничали девочки, ожидая возвращения охотников с добычей. Главным охотником был, конечно, Володя. Приходя в жилище, он рассказывал о нападении хищников, приносил «добычу» (какую-нибудь куртку, «начинённую» хлебом, колбасой, картошкой). Мы добычу потрошили и съедали»...

Не обходилось, добавим, без хохота, визга, прыжков до потолка и порчи одежды и мебели. Типичная картинка из быта больших семей.

Игры играми, наставления отца наставлениями, учёба учёбой, но Владимир, неясно понимающий, какую дорогу в жизни выбрать, всё сильнее чувствовал себя «удаляющимся путником», который, как писал его современник Н. Гарин-Михайловский в повести «Гимназисты», «слушает звон родного колокола, ...но идёт своей дорогой».

Станешь им, когда жизнь, как свидетельствовал этот писатель, была очень зарегламентирована, строгости из года в год усиливались: «Ученикам заведены были билеты, в которых точно обозначено было, что допускалось, а чего нет... Инспектор, вежливый и ехидный, мучил своих жертв и, поймав ученика с расстегнутой пуговицей, пилил его и доказывал, что его пуговица тесно связана с его безнравственностью... Позже семи часов ученики не смели показываться на улице. За этим следили педеля (надзиратели. – Б. С.), большею частью из отставных унтер-офицеров... Всем генералам гимназисты должны были кланяться»... А сам процесс учебы с её изматывающей зубрёжкой? А экзамены, что вызывали настоящую панику у детей? А мучительное ожидание конца учебного года, который длился аж с 16 августа и до 1 июня? Всё это, по словам того же писателя, была «каторга непередаваемых мелочей, называемая обучением ума и воспитанием души».

Теперь понятно, почему «отсеяли» из гимназии гоппмайерова внука.

Однако было бы неверно говорить с определённой уверенностью, что семья или та же постоянная зубрежка в гимназии его «выдавили», что он пошёл в полк, очертя голову. Не совсем так, наверное, это было.

Но сделаем допущение. Не подумал ли тогда юноша Арсеньев, что в его «солдатском ранце окажется маршальский жезл»?

Как записано в Послужном списке подполковника В.К. Арсеньева, составленном в августе 1917 года, он «вступил в службу на правах вольноопределяющегося I разряда рядового звания в 145 пехотный Новочеркасский Его Величества ныне императора Александра III полк – 22 ноября 1891 года». Когда-то этот полк отличился в сражениях на Северном Кавказе, а теперь квартировал неподалёку от Санкт-Петербурга на Охте.

Возможно, начитанный отец вспомнил, чтобы поднять себе и утирающим слезы матери и бабушкам, русское присловье: «Худой тот солдат, который не надеется быть генералом». Кстати, у этого выражения, которое приведено в сочинении А.Ф. Погосского (1816–1874), такая вторая часть: «...а еще плоше тот, который слишком думает, что с ним будет».

Вряд ли Владимир много думал, что его ждёт впереди.

Призрачная «свобода» – от учёбы в брошенной гимназии, от визга сестёр, от наставлений отца, причитаний матери и бабушек – тоже, наверное, бродила в его голове. Но вернее предположить, что повзрослевший сын из многодетной семьи стремился не быть этой семье в тягость, «лишним ртом». Владимир хотел, как тогда в среде его сверстников говорили, *«раньше взять жизнь»*.

Только надо уточнить: служить он пошёл не за счёт государства, а своей семьи и поэтому назывался «своекоштным вольноопределяющимся».

Отец надеялся, что, поступив в полк, а затем в юнкерское училище, сын получит, пользуясь преимуществами «своекоштных» юнкеров, возможность выйти в запас и таким образом найти другое занятие или где-то продолжать учёбу.

Но этого не произошло.

О том, что он зарекомендовал себя толковым рядовым, свидетельствуют следующие строки «списка»: «1 октября 1892 – произведён в младшие унтер-офицеры, 1 сентября 1893 – командирован в Петроградское пехотное юнкерское училище для прохождения курса наук». Далее стоит та же дата, а текст такой: «Прибыл в Петроградское пех. юнкерс. училище и зачислен в младший класс с переименованием в юнкера».

Через год Арсеньев, читаем дальше «список», определением учебного комитета переведен 17 июня 1894 г. в старший класс училища; 23 декабря 1894 – младшим унтер-офицером роты юнкеров; в день окончания училища 12 августа 1895 года приказом начальника Штаба войск гвардии Петроградского округа переименован в подпрапорщики.

Не ахти какое звание – всем выпускникам училища его давали. Даже прапорщик, или прапор, в царской армии был только первым офицерским чином 14 класса, о нём даже пословица в армии ходила: «Синица не птица, прапор не офицер».

Но, вспомним, и отец начинал путь в генералы, правда, гражданские, с должности кассира.

Как ни тяжела солдатская скатка, многие сделавшие карьеру военные вспоминают начало своей армейской биографии с ностальгической ноткой. Вот и Арсеньев пишет о том, что в последующей

жизни стало привычкой, а потом, как это всегда бывает, частью его натуры:

«Двухлетнее пребывание в военном училище приучило меня делать всё скоро и хорошо: я привык вставать с кровати тотчас, как проснулся, научился ценить время и расходовать его по расписанию, довольствоваться малым, обходиться без посторонней помощи».

На всю жизнь запомнилось, как быстро приучили к дисциплине, самоограничению, самостоятельности. Что ж, качества эти ему не раз помогли.

Но к перечисленному стоит добавить: годы службы развили в Арсеньеве обострённое чувство локтя, товарищества. Когда ты в одной «ячейке» – взвод ли это или рота — со своими, такими разными сверстниками, но в одинаковой форме. И так – сутками напролёт. Месяц за месяцем... Тут и тебя всё время оценивают, и ты других. И всё по команде, по уставу, всегда и везде – в казарме, на плацу, на марше, на полигоне, в классе, где «тяжело в учении», чтобы потом было «легко в бою». А над тобой – командиры, командиры, командиры – от старшины до генерала.

Как тут без товарищества, как без знания, кто на что способен, с кем сходить, а кого сторониться.

На что способен ты сам.

Ещё Арсеньев понял тогда, что он не из-за происхождения растёт в чинах, а за дела, за усердие. Наконец, за умение командовать, повести за собой тех, кто в тебя верит.

Как это ему тоже пригодится в дальнейшем!

Казармы для Арсеньева надолго останутся родным домом. Там уже не похочешь с сёстрами, не попросишь творожную ватрушку у бабушки и не отпросишься у мамы пойти в зоосад.

Что представляла русская армия в годы, когда Владимир Арсеньев стал в ней служить?

К началу восхождения на престол последнего императора Николая II (это произошло 20 октября 1894 г.) российская империя обладала самой внушительной регулярной армией мирного времени. В её состав входило 22 армейских корпуса общей численностью около 900 тысяч человек, не считая казачьи части. Около 20 лет прошло с введения так называемой всеобщей воинской повинности, что означало: службу обязаны были нести все способные к ней мужское население. Срок её устанавливался 6 лет. Вся территория страны охватывали военные округа. Армия постоянно перевооружалась. С 1870 года солдаты получили винтовки Бердан-1 и Бердан-2, а также винтовку австрийского оружейника С.Крнка. К ним придавался не трехгранный, а четырехгранный штык.

Делали эти винтовки в России.

Тем временем оружейники не дремали. Рассматривались проекты разных вариантов «магазинного», т.е. многозарядного ружья, в котором могли бы применяться патроны с металлической гильзой. Доработали винтовку русского конструктора С.И. Мосина, взяв кое-что из системы бельгийского фабриканта Л. Нагана. Её окрестили «трехлинейной пехотной винтовкой образца 1891 г.» Трехлинейной назвали потому, что калибр был 7,62 мм, что значило 3 линии. (Тогда существовала в России такая мера длины – «линия», равная 2,54 мм.) К этой винтовке уже полагался патрон с бездымным порохом. Вот какой был прогресс! Долго и верно служила трехлинейка русскому солдату – около полувека. В 1895 г. офицеры получили семизарядный револьвер системы Нагана (его скоро стали звать просто наган).

Он тоже оказался надёжным и прослужил несколько десятилетий.

Так что мы теперь знаем, какое оружие изучал, а потом не раз применял «в деле» герой нашего повествования и стрелки, участвующие в его экспедициях. По воспоминаниям Анны Константиновны любимой винтовкой Арсеньева была «маузер». Её, уточним, изобрели немецкие оружейники, братья В. и П. Маузеры. Видимо, у Арсеньева была магазинная винтовка образца 1898 года.

Ещё несколько сведений о той армии.

Солдаты и офицеры стали носить новое, более простое обмундирование. В пехоте был введён однобортный мундир зелёного цвета. К нему полагалась шапка – кепи с козырьком, кокардой и металлическим гербом, на котором в парадном строю укреплялся султан из конского волоса. Панталоны заменили более широкими брюками, их заправляли в сапоги, а на парадах выпускали поверх них.

Примерно так, одетый во всё казённое, Владимир Арсеньев, как о том зафиксировано в его «послужном списке», видимо, около месяца побыв в увольнении, 10 сентября 1895 г. «прибыл к полку», то есть вернулся в «свой» 145-й пехотный полк.

В нём он прослужит в чине подпрапорщика около полугода.

18 января 1896 года Арсеньева производят в подпоручики и направляют в 14-й пехотный Олонецкий полк, дислоцировавшийся в польском городке Ломжа.

Вроде бы и не граница, поляки были подданными Российской империи. Но всё же не наша – чужая земля. Не с лучшими чувствами отправился туда возмужавший Владимир Арсеньев.

Что-то его там ждало?

Во всяком случае, не занятия этнографией.

Самый конец XIX века. Царство Польское.

Долго оно было постоянной головной болью царей и вельмож. Всегда там беспокойно. Царедворцы ещё со времён Николая I на-

зывали Королевство Польское «внутренней границей». Восстание 1863 года, поддержанное отечественными радикалами, такими, как Михаил Бакунин и Александр Герцен, было жестоко подавлено. Повстанцы ничего не смогли сделать против русских войск, которыми руководил виленский генерал-губернатор граф М.Н. Муравьев.

После массовых казней мятежников и ссылок сотен их в Сибирь и на каторжный остров Сахалин была, правда, проведена в Польском Королевстве крестьянская реформа, 200 тысяч батраков получили пусть небольшие, но свои клочки земли, стали самостоятельными хозяевами. А те, кто боролся за самостоятельность всего польского царства-государства, оставили даже мечты об этом.

Но к российской власти и подпирющим её штыкам вряд ли воспылала любовь.

Обо всей этой довольно недавней истории несчастной Польши вчерашний юнкер Арсеньев, конечно же, был хорошо осведомлён. Наслышан был и о том, какова реальная жизнь в гарнизонах. А ещё витала в воздухе перспектива войны на европейском театре действий. Может быть, до неё было и не близко. Но Арсеньев в училище просвещали о недружелюбной политике Германии, ставшей во главе так называемого Тройственного союза, знал он и о том, что армию после заключённого четыре года назад военного союза России с Францией стали перебрасывать ближе к западным границам.

Вот и меня туда послали для усиления наших доблестных войск, думал с усмешкой подпоручик Арсеньев, трясаясь в поезде, идущем в сторону Варшавы.

Между тем высшие военные чины обоих государств были настроены решительно. В конце 1893 года правительства России и Франции ратифицировали секретную военную конвенцию, в которой было заявлено: если Германия развяжет войну, союзники тотчас «употребят все войска» для нападения на агрессора. Была даже определена численность сил, выставляемых против Германии: Франция обещала бросить более одного миллиона человек, Россия – от 700 до 800 тысяч.

Этот союз потом станет частью небызывственной Антанты.

Теперь можно представить, куда и зачем ехал служить наш герой.

Ломжа ведь совсем недалеко от границы с Пруссией, до Нейденбурга рукой подать. Но почему-то в воспоминаниях и книжках, посвящённых Арсеньеву, обо всём этом даже не упоминается. Читаешь их и невольно думаешь: а свой солдатский долг он разве там не выполнял?

Вот что, например, вспоминала об этом периоде арсеньевской

биографии Анна Константиновна. Приехала она к нему примерно через год. И что увидела:

«На его квартире в Ломже меня встретили радостным утробным верещанием жабы и юркие ящерицы, жившие у мужа в террарии. Там же за стеклом, свернувшись клубочком, спали змеи всех цветов и видов. Мне стало не по себе. Но Володя с детства питал страсть ко всему живому. На стенах висели застеклённые коробки с жуками, бабочками и мотыльками на булавках. «Посмотри, Нюра, какая прелесть!» – восхищённо сказал муж. Он собирал гербарии, которыми была полна вся квартира, и заказывал чучела птиц и зверей, которых стояло в нашем доме предостаточно. И всё это он делал после работы да ещё успевал готовиться к поступлению в Академию Генерального штаба. Володя, что мне нравилось, имел честолюбие и чувствовал в себе недюжинную силу. Он хотел выдвинуться, а для этого Академия была важным рычагом. Учился он каждую минуту – днем, вечером и утром...»

Ещё отрывок из её воспоминаний:

«В Польше Володя много рисовал. Рука его двигалась легко и точно, как у заправского художника. Жаль, что я не сохранила его рисунков... Писал он ещё небольшие научные заметки о природе и слал их в столицу. Недалеко от Ломжи стоял Червонный бор. Мы с Володей ездили туда на этюды. У Володи была врождённая любовь к лесу... Володя любил гостям читать стихи наизусть. Декламировал он обычно сидя, в непринуждённой позе. Запоминал стихи необычайно легко. У него был редкий дар импровизации. В весёлую минуту он предлагал гостям: «Скажите, о чём вам рассказать? О свадьбе, подземном море, Кавказе, камбале, кошачьем скелете?» – и тут же сочинял историю, которую все с интересом слушали. Володя родился писателем.

В Олонецком полку служило около шестидесяти русских офицеров и двенадцать офицеров-поляков. ...У нас было три комнаты, кухня. За квартиру платили три рубля. Жили на самом «блюдечке». Рядом – начальник штаба, командир дивизии и офицерское собрание. Все на одной круглой площади.

В Польше мы получали сорок рублей с небольшим, но выручал реверс (крупный залог, вносимый офицером, вступающим в брак до 28 лет). Его за нас внес мой дядя и который мы ему потом выплатили...».

Наконец Анна Константиновна вспомнила, что её муж служит.

«Опишу, как шла военная жизнь в Ломже. Понедельник. Утром все идут на службу, с 8 до 12 ученья. Обед: семейные дома, холостяки в столовую. Перерыв на обед два часа. С 2-х до 5 изучение устава с солдатами. Вечером офицеры или дома занимались, или уходили в город... Остальные дни недели такие же. В воскресенье

все свободны. Ученье, это штыками в подушки, бег, рвы, окопы, турник, брусья».

Дальше снова о светской жизни в гарнизоне. «Работал клуб, там обучались танцам... Каждая новая чета офицерская должна была нанести визиты всем семейным, начиная с командира полка. Общение семейных было обязательно. Были и офицерские кутежи на получку. На них Володя не ходил...»

О том, как пришло решение из Ломжи куда-то бы перевестись:

«Всё чаще муж стал говорить о переезде в Сибирь. Я не выношу холода и была против. Володя сказал: «Нюра, неужели ты хочешь, чтобы я тянул офицерскую ляжку?» Но нам, слава Богу, отказали в переводе.

Через некоторое время Володя увлекся Дальним Востоком и снова подал заявление. Такого дисциплинированного офицера не отпустили бы и на этот раз. Но помог генерал Фёдоров (начальник штаба 4-й дивизии, в которую входил Олонецкий полк. – Б.С.), и перевод состоялся».

О Ломже сам Арсеньев в воспоминаниях писал куда сдержаннее:

«...Три года службы в Царстве Польском не совсем пропали даром: я присмотрелся к армейской жизни, разочаровался в военной службе и весь свой досуг посвятил книгам, которые просветили мой ум и научили меня уважать не форму на человеке, а человека, независимо от того, как он одет и из какого сословия происходит. Я стал приобретать друзей среди гражданского населения и многих из них по сие время вспоминаю с большим удовольствием и уважением».

И далее совсем другое Арсеньев пишет о возможном поступлении в Академию:

«...Многие военные, занимающие высшие посты, уговаривали меня идти в Академию Генерального штаба. Я уклонился. Вместо Генерального штаба выбрал охотничью команду».

Это произойдет, правда, позже.

Ещё одно важное место из его воспоминаний:

«Единственно, в чём я себя упрекаю, это за то, что по окончании военного училища я не сразу стал хлопотать о переводе меня на Дальний Восток».

Но вот брату Александру запомнилось, что Владимир рассказывал более откровенно: «Пребывание его в Ломже было очень неприятным периодом его жизни. Как будто это был какой-то тяжелый кошмар. Среда и жизнь тогдашнего офицерства были ему чужды. Игра в карты и попойки не привлекали его. Жизнь в полку ему была ненавистной и он принялся хлопотать через военное министерство о переводе его на Дальний Восток». Кратко, но, пожалуй, куда ближе к реальности, чем в покрытом романтическим флёром воспоминаниях первой жены Владимира Клавдиевича.

Из «послужного списка» также известно, что с мая по июль 1896 года Арсеньев был командирован в 4-ю саперную бригаду для обучения саперному делу, а 15 января 1898 г. назначен делопроизводителем Полкового суда. 1 мая 1900 года произведён в поручики.

Через 18 дней пришёл приказ о переводе его в I Владивостокский крепостной пехотный полк.

Ранее мы внимательно вглядывались в фотопортреты родителей нашего героя. Посмотрим же теперь на один из первых фотоснимков Владимира. Не скажешь, что на этом юноше отпечаток некоей избранности. Похожих лиц мелькало на петербургских улицах последних лет позапрошлого века множество. Кстати сказать, облик цесаревича Николая – тоже из этого ряда: телосложение нормальное, черты лица правильные, рост выше среднего, взгляд вполне осмысленный и, наконец: особых примет не имеет. Такой мог, получив приличное образование, с помощью родителей или по протекции, а повезёт, и самостоятельно, стать кем угодно: приказчиком или учителем гимназии, инженером или юристом, купцом или... Да и генералом, и министром.

Тут достаточно широкий перечень профессий, востребованных в тот период, можно привести.

России всегда позарез нужны молодые, образованные люди, или, как позже их стали называть, «кадры», которые всегда «решают всё».

В описываемые нами времена какая-то, к счастью, малая, часть из подобных молодых людей бросалась в разные опасные авантюры и скоро сгорала. Иные, слабые волей, растворялись постепенно в некоей безликой серой массе. Так что кем станет этот юноша, запечатлённый на снимке, было одному господу Богу известно. Он лишь заслужил младший офицерский чин. Его научили кое-какой военной тактике, стрельбе по мишеням, писарскому и, наконец, минному делу. Заодно проходя по курсу училища разные дисциплины, что-то узнал и из истории, и из точных наук, и из гуманитарных.

Остальные знания набирал сам.

Важно было также для его начальников привить ему верноподданнический дух, который зиждился на краеугольных камнях тогдашней общенациональной идеи служения Вере, Царю и Отечеству. Ещё для юноши, надевшего погоны царского воинства (скоро их презрительно станут обзывать «белопогонниками»), существовал строгий запрет примыкать к любому, начавшему бурно нарождаться, как сорная трава, тайному или даже явному политическому обществу.

Разных запретов, в общем-то, было множество.

Владимир Арсеньев в юные годы

Анна Арсеньева (Кадашевич) в молодости

Как себя чувствовал Владимир в такой среде? До поры до времени воспринимал её естественно. Годы и годы пройдут, прежде чем наш герой, как те доисторические существа неизвестного рода-племени, будет постепенно и всё усиленнее и осмысленнее искать свой путь к *самости*, что позволит ему далеко уйти от молодых своих современников, коих в большинстве своём постигла, когда они созрели и готовы были без страха и упрека продолжить служить трём ипостасям гибнущей империи, трагическая участь: стать «навозом» для новых «посево».

Но пока Владимиру нет и «осьмнадцати лет». «Очень симпатичный молодой человек, – говорят о таких барышни. – И, кажется, не глупый, положительный». А их маменьки и тётушки добавляют про себя: «Ну, чем не пара нашей-то!...».

Поэтому естественно было ожидать, что скоро Владимир женится. 7 сентября 1897 года поручик Арсеньев, убыв из Ломжи в отпуск, приехал в Петербург, чтобы просить руки и сердца у своей давней знакомой Анны Кадашевич, дочери коллежского асессора. Анна жила с родителями в доме неподалёку от его семьи.

Она была на 7 лет моложе Владимира.

Читаем её воспоминания, записанные, когда первой супруге Арсеньева было уже под 80. Но память её, заметим, сохранила много любопытных подробностей из прошлого.

«Мне было 10, а Володе 17. Он был репетитором у Пети и Вани. Они сыновья моей тётки. Володя готовил их в гимназию... Я звала его «Володя». Он занимал меня и развлекал ребят, которых любил... Он построил нам качели на дереве... Володя за меня делал уроки, баловал меня... Дело было в столице, в центре, Николаевский вокзал. Был казённый дом, посторонних не пускали... Володя в любви мне не объяснялся, мы просто сказали друг другу, что поженимся, когда вырастем. Но Володя боялся, что потеряет меня, и обручился года за два до свадьбы. Но меня целовал до брака осторожно».

Его младший брат вспоминал: «Познакомился Владимир с Анной, её братьями Николаем и Сергеем на катке. Его обычно заливали во дворе товарной станции, где тогда начальником был наш отец. Стал он её провожать домой, благо их семья жила от нас неподалёку. Сдружился с её братьями, и они пригласили как-то Владимира к себе. Там он познакомился с родителями своей будущей невесты и понравился им. Когда Владимира отпускали из юнкерского училища, он, бывало, забежит на минутку домой и к Кадашевичам. Пропадал там целыми днями.

Влюбился в Анну, как сам потом говорил, «по уши».

Анна Константиновна Кадашевич происходила из довольно состоятельной семьи. Отличалась, взглянем теперь на её снимки, неброской красотой, следила за собой, модно одевалась, держаться могла уверенно.

Настоящая юная петербурженка.

Продолжим её рассказ: «Каждое воскресенье он бывал у нас. Так было несколько лет. До юнкерского училища Арсеньев был одет: брюки, пиджак, рубашка, галстук, фетровая шляпа, это в 17 лет. Любил чистоту, следили за собой. Выправка была военная даже до военки. Голову держал высоко, торс прямо...» Далее она описывает «Володю-юнкера»: «Подтянут, погоны, ремень, у погон золотой ободок, без звёздочек... На правом рукаве его военной формы (когда поступил в полк на Охте) был треугольник острием вниз, он носил шашку... Через плечо была португеза, погоны без звёздочек».

Когда пришла пора выходить замуж – «ведь мы из семьи добропорядочной и женихов из таких же семей подбираем», – с благословения батюшки и матушки Анна дала согласие на брак.

Всё чин по чину: состоялось венчание в храме, свадьба.

«22 октября ст. ст. 1897 года, – продолжаем цитировать Анну Константиновну, – мы поженились. У меня было 4 шафера, у Володи тоже. Карета, фата, подвенечный наряд, флёрдоранж (искус-

ственные белые цветки в волосах невесты. От франц.: «цветки померанцевого дерева». – Б. С.), много гостей, почти все военные. Свадьбу провели на квартире отца Арсеньева (сейчас это 2-я Советская ул.). Ужин, кортеж длинный, родня, музыка... Володя был в полной парадной форме: эполеты золотые, на них цифры «4» (четвертая дивизия), высокие сапожки, лаковые, брюки напускные, каблук обычный, мундир застёгнут слева на крючки, серебряный кушак. Тогда он был подпоручик. Шаферы Володи были военные и штатские... Мы венчались в рождественской церкви на Шестой улице, позднее её стали называть очень неуклюже:

«Шестая Советская». Было всё – хор, свечи, священник, диакон, паникадило, зрители, которые нам улыбались... Крёстный мой был действительный статский советник».

В отпуске молодожёны пробыли 26 дней, это тоже зафиксировано в «послужном списке». Скоро укатил по месту службы. Жена пока осталась жить с родителями...

Заклѳченный по обоюдному согласию брак был ли удачным и счастливым – трудно сейчас утверждать. Скажем пока только, что из 22-х лет, которые Арсеньев прожил с Анной, по самым приблизительным подсчетам, был он в отлучке от дома – путешествуя, в командировках, поездках за границу и в столицы – в общей сложности более 10 лет...

Прожила Анна Константиновна на 33 года дольше, чем её муж. Умерла восьмидесятичетырехлетней в 1963 году. Значит, после развода жила почти полвека. Больше в замужестве, насколько известно, не была.

Её воспоминания, которые не раз будем приводить, – живые свидетельства самого близкого человека. Только будем помнить, что Анна Константиновна хорошо понимала, о чём можно, а о чём нельзя было говорить, тем более «для печати». Да и, думаем, подсказывали ей, что надо, так сказать, «отретушировать», приукрасить или упустить вовсе. Упрекать её за то, что она так вспоминала –

Сын Владимир (Воля). Около 1910 г.

Анна Константиновна и Владимир (Воля) Владимирович Арсеньевы.
г. Находка, около 1960 г.

Боже упаси! Тем более, биографию В.К. Арсеньева не раз «подправляли» люди, куда более образованные, большие специалисты по части истории.

В сентябре 1939 года Анне Константиновне с сыном Владимиром, его женой и внуками, жившими в пос. Шкотово, в 10-дневный срок было приказано выехать из пределов края. Перед этим – в 1937 году, вспоминает она, «я чуть не попала в НКВД ГПУ... Меня спросили: «У вас был дом в Польше, в Ломже?» Какой дом? Оклад 47 рублей... «А здесь у вас есть имущество? А в Никольске есть?» Потом я поняла, что меня спутали с Маргаритой Николаевной (второй женой. – Б.С.)»

Уехала А.К. Арсеньева с родными чадами далеко: жили в глухих углях Челябинской области, в Алтайском крае... Вернулась с семьёй сына только в 1957 году, когда началась хрущёвская «оттепель». Им было разрешено жить в Приморье. Осели в Находке. Поселились в бараке. Позже им предоставили удобный дом на улице с символическим названием — Лесной. Окружили постоянным вниманием почитатели Владимира Клавдиевича, посещали по круглым арсеньевским датам партийные и советские чины, писатели, журналисты, киношники...

Что ещё было желать вдове знаменитого путешественника, чьи

труды переиздавались и часть гонораров «перепала» ей и сыну.

Владимир Владимирович прожил дольше, чем отец. Судьба к нему оказалась благосклонной: не сгорел в сталинских лагерях, не погиб в годы Отечественной войны, куда ушёл добровольцем, вернулся живым-здоровым. Семь ранений не в счёт...

Трудился, пойдя почти по папиным стопам, лесничим, садоводом, честно, следуя его наставлениям. Занимался и литературным творчеством. Правда, не особенно в этом деле преуспел. Но часть его рассказов издали во Владивостоке уже после кончины Владимира Владимировича.

Прожил он, в отличие от отца, долгую жизнь – умер в 1987 году.

Держишь тоненькую книжицу с теми же, что у родителя, именем и фамилией и невольно думаешь, как был бы рад Владимир Клавдиевич, так любивший первенца, если бы увидел и прочёл то, что написал его Воля...

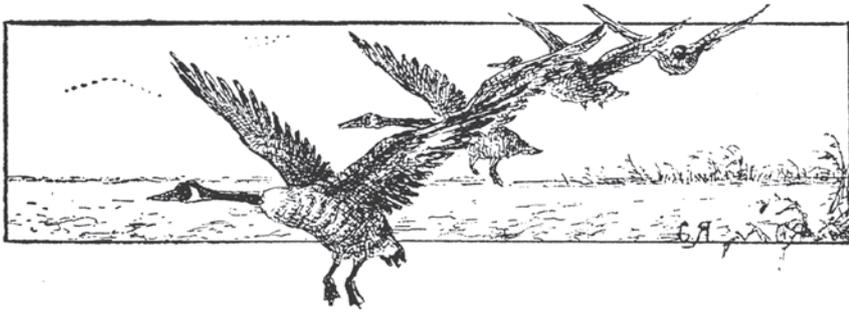
У него и его жены Клавдии было три сына. Двое – Игорь, появившийся в 1936 году, и почти вслед за ним Вадим, жили в Находке. Первенец – Юрий, 1928 года рождения, стал шахтером, работал в Донбассе.

В свои сроки родились потомки Владимира Клавдиевича и Анны Константиновны: правнучка Елена и трое правнуков – Владимир, Валерий и Юрий, праправнуки: два Александра, Виктор, Михаил, Даниил, Максим, Евгений, Дмитрий, Анастасия и Валентина. Так что и эта ветвь древа Фёдора Ивановича Гоппмайера и Аграфены Филипповны продолжает тянуться к небу...

...Рождения первенца отец не дождался. Уехал по месту новой службы на Дальний Восток.

Туда, где, как выразился один остроумный человек, «земля наша закружляется».

Глава III БУДЬ ЧТО БУДЕТ

- *Тихие проводы* • *Перед выбором* • *Охота пуще неволи*
• *Мысли и записи по пути*
- *Близкий, но еще загадочный Восток* • *Боевое крещение*
• *На кого поднял лапу тигр?* • *Крепостной*
• *Война – рядом* • *Разведка без боя*

Когда выехал Владимир из Петербурга на Дальний Восток – точно неизвестно. Но есть дата приказа о его переводе на службу в 1-й Владивостокский крепостной пехотный полк: 19 мая. Сколько времени займёт дорога до тихоокеанской крепости, трудно было сказать. Владимир собрался быстро. О дне своего отъезда никого не оповещал, поэтому в родительском доме его провожали только близкие да беременная жена.

Наступало лето года, цифры которого были так непривычны: 19 и два нуля. Столица империи, которую предстояло пересечь нашему герою от одетой в гранит Невы до тихоокеанского берега, скоро погрузится в «прозрачный сумрак, блеск безлунный» воспетых Пушкиным «задумчивых ночей». В такое время, если отвести глаза от грешной земли, где, как и вчера, и позавчера, и в уходящем столетии, продолжалась людская суета сует, а глядеть в небо, то казалось, что всё и вся в этом великом мире вечно и постоянно.

Как белые ночи, всегда завораживающе одинаковые, что во времена Николая I, что в царствование Николая II...

Только висевшие в столовой ходики упрямо стучали, напоминая: время не останавливается.

– Ну, отчаёвничали. Владимиру пора, – тихо сказал отец обступившим уезжающего братьям и сёстрам. – Присядем на дорожку...

Владимир выглядел уставшим и озабоченным. Он как-то рассеянно посмотрел на молодую жену. Живот у неё уже заметно округлился. «Надо было бы дожидаться мне родов, – мелькнуло в голове, – но приказ есть приказ...». Полуобнял Анну осторожно, поцеловал в щёку, помог ей сесть на стул. Взглянул на мать, присевшую рядом с отцом. Как же внимательно она глядела на него, как будто знала, что долго его не увидит... Бабушка Аграфена тихо сморкалась в платочек.

Владимир примостился на краешек своего походного сундучка – остальные его вещи уже находились в вагоне военного эшелона, ждавшего скорую отправку где-то на задах станции. В кителе, к которому были прикреплены погоны поручика, он выглядел чужим, уже далёким.

Сидели молча.

Как-то всё у него в жизни замедленно происходит, думал отец. Двадцать восемь лет, а до сих пор болтается в пехоте. Ну какая это профессия: в атаку! Ура! Стреляй, коли, бей неприятеля... Да где он, этот неприятель? Вроде на всех границах замирение, а уж куда едет, так с кем там и сражаться? С медведями, что ли? Я в его годы уже неплохую должность имел, и в семье росли четверо детей. А у него – один, и тот ещё в животе Нюси... Как её одну с малюткой к нему отправлять? В этом Владивостоке жизнь, рассказывают, скверная. И погода там скверная.

Одно слово – Азия, прости Господи.

Клавдий Фёдорович, дальше Москвы в своей жизни так никуда и не выезжавший, не понимал Володиного решения добровольно, как недавно в солдаты, ехать на край белого света.

– Ну, что вы приуныли, – распрявился Владимир, – не хороните раньше времени! Прощевайте.. Нет, до свидания! При первой возможности вас навешу! – стараясь говорить бодро, стал целовать поочерёдно – сперва потянулся к бабушке, последними обнял мать, отца и троекратно поцеловал жену, что-то прошептав ей на ухо. Широко шагнул, взяв сундучок, к двери.

– Здоровья вам всем на долгое время и – благодарствуйте! До скорого! Напишу сразу же, как приеду!

Дверь за Владимиром затворилась.

– Вот так все вы разлетитесь, голубчики мои, – промолвила мать, утёрла тыльной стороной ладони глаза и пошла в детскую. Отец направился в свой кабинет.

– Кончу институт, к нему поеду, – сказал семнадцатилетний Сашка.

И как в воду глядел. Владимир взял его с собой на Дальний Восток через 11 лет (вот тебе и скорое свидание!), когда заезжал к родителям, перебравшимся в Москву.

Владимир Арсеньев. Около 1900 г.

Перевод в войска, стоявшие на восточных границах империи, был для Арсеньева сопряжён с длительной бюрократической волокитой. Еще 10 января он подал рапорт, который начинался с не очень-то принятого в армии неожиданного слова: *«Желая продолжать службу в одном из отдалённых округов, прошу Вашего ходатайства о переводе меня в одну из пехотных частей Квантунской области или Приамурского округа»*.

Постепенно, следуя по инстанциям, рапорт обрастал разного рода резолюциями. В архиве сохранилось несколько десятков документов

о его переводе. Вот, например, начало одного, написанного от руки: «Письмо генералу Фролову. О переводе из 14-го пехотного Олонецкого полка подпоручика Арсеньева Владимира в Приамурский край, или в Порт-Артур, или на Квантунский полуостров»... Ниже о порядке перевода.

В другой, тоже рукописной «докладной записке» уточняется, что имярек посылается в Приамурский Военный Округ. Это распоряжение, пишется далее, «за № 2 вышло из Ломжи в Главный штаб 20-го сего января при надписи командира полка через штаб 4-й пех. дивизии и при надписи начальника дивизии от 18-го января 1900 года за № 154».

Третий документ, помеченный тоже январём, отстукан уже на пишущей машинке и подписан Помощником Начальника Главного штаба, генерал-майором: «Главный штаб, возвращая переписку эту начальнику 4-й пехотной дивизии, уведомляет Его Превосходительство, что, по установленному порядку, с ходатайством об испрашиваемом переводе Подпоручика Арсеньева в одну из пехотных частей войск, расположенных в Квантунской области, или

же в Приамурском военном округе, следует обратиться по принадлежности к надлежащему начальнику».

Каков стиль реляций?! Военная бюрократия всегда была непобедима и легендарна.

Сохранилась и характеристика, подписанная командиром полка:

«1. Нравственная оценка – отличная. 2. Служебные качества: исполнительен, обязанности делопроизводителя полкового суда знает хорошо. Ротой командовать способен и подготовлен. 3. Общее заключение о качествах – выдающийся».

Прочти её, Клавдий Фёдорович порадовался бы за сына. Но она осталась в бумагах военной канцелярии. За ней последовали другие под новыми номерами, с новыми резолюциями.

Так что улита ехала долго.

Не все сослуживцы Арсеньева понимали, почему он рвётся из гарнизона, где служит без особого «напряга», в тьмутаракань. Место тут тихое, лесистое, светлая речка Нарев течёт. Если куда-то желать перебираться, то поближе к столице, к штабам, к академии. А он вдруг пожелал ехать служить «в один из отдалённых округов». Какое-то чудачество...

Своё решение уехать на край света Арсеньев принял не в одночасье. Хотелось служить там, где будут лучше востребованы его знания, умение, свойства характера. Он не забывал про жезл в своём ранце.

Владимир был осведомлён об офицерской службе в разных округах и о российской армии вообще. Ему хотелось выбраться из затхлой атмосферы Ломжинского гарнизона в места, где армия в освоении новых российских владений играла главную роль. Где, как ему казалось (может быть, и в наивно-радужном свете), России и её оружию ещё предстоит себя показать.

Продвинуться по службе можно будет куда быстрее.

Когда наконец-то решился обратиться с рапортом о переводе и сел его сочинять, в голове пронеслось крылатое присловье, услышанное от одного из своих командиров: «Делай, что должно, и будь, что будет».

Не проявился ли уже в ту пору у Арсеньева дар предвидения, который он разовьёт позже? Правда, всегда он возводил его на фундаменте добываемых им из разных источников фактов, их анализе, сопоставлении, неких исторических и других параллелях.

Ещё сочиняя черновик своего рапорта о том самом своём *желании*, он много прочитал, повыспрашивал, узнал о положении на русском дальневосточье.

Не так быстро, как хотелось бы, но восточные края Россией осваивались. Всё большее внимание обращалось и на Китай, пре-

жде всего ту территорию, что располагалась за пограничными реками Аргунь, Амур и Уссури. В мае 1896 года был подписан русско-китайский договор о военном союзе и постройке Китайско-Восточной железной дороги, той самой КВЖД, с которой будет связано много событий и в XX веке. Проект предусматривал, что она более коротким, чем сибирская магистраль, путём свяжет забайкальский участок дороги с Владивостоком, а также с крепостью Порт-Артуром (ныне город Люйшунь) и портом, названным русскими Дальний (Далянь).

Была учреждена концессия на строительство. Но так как стройку кто-то должен был охранять, Россия ввела войска в Маньчжурию, бывшую в то время Дайцинской (великой Цинской) империей.

Аппетиты царского правительства росли. У застрявшей где-то в средневековье империи был взят в аренду Квантунский полуостров, где и находился Порт-Артур. На него виды были особые: в незамерзающей гавани захотелось русским стратегам построить крупную военно-морскую базу.

Так появилась Квантунская группировка, которая упоминалась в бумагах о переводе В.К. Арсеньева на Дальний Восток. Значит, он мог и туда попасть и всего через четыре года оказаться в самом пекле войны?

Тогда же, а точнее в апреле 1899 года, Россия, зная об интересах Англии, нахватавшей заморских территорий чуть ли не на всех материках, договорилась с ней о разделе сфер влияния в железнодорожном строительстве: Россия получила территорию к северу от Великой Китайской стены, а владычица морей – к югу.

Но не дремали и североамериканцы. США объявили доктрину «открытых дверей» (доктрина Хей), по которой цинично позволялось делить Китай и так и сяк или, говоря языком тогдашней дипломатии, все заинтересованные страны получали в этой несчастной стране равные права и возможности (разумеется, для грабежа).

Интересно, что царская Россия эту доктрину, правда, исходя из своих интересов, не поддержала. В этом же году начало разгораться в Китае восстание против иностранцев...

Так что в общих чертах Арсеньев понимал, что его, как боевого офицера, может ожидать на Дальнем Востоке. Размышлял он много, как потом сам писал, также о возможном участии в экспедициях, открывающих новые земли и обустривающих их. Этим занимались преимущественно военные силы. Владимир Клавдиевич хорошо знал, что, поднимая российский флаг на землях, где жили коренные жители, армия брала их под защиту великой державы.

Да, были его кумирами и адмирал Г.И. Невельской, и генерал-майор Н.М. Пржевальский, и вице-адмирал, руководитель двух

кругосветных плаваний С.О. Макаров... А разве б отказался Арсеньев, например, пойти вместе с лейтенантом А.В. Колчаком разыскивать пропавшую в Северном Ледовитом океане экспедицию барона Э.В. Толля?

Об этом он много тогда читал в газетах.

Можно предположить, что Владимир Арсеньев в молодости серьёзно подумывал и о сочинительстве. По крайней мере к этому роду занятий его страшно тянуло. Не примерял ли он на себя мундир одного из участников Кавказской кампании, тоже побывавшего в юнкерах, дослужившегося до поручика и показавшего себя примерно в его годы героем во время обороны Севастополя? Если и примерял, то наверняка понимал, что вряд ли когда-нибудь он влезет в мундир графа Льва Николаевича Толстого.

Честолюбие честолюбием, но потолок своих способностей Арсеньев с молодых лет хорошо знал, как и пословицу «Выше себя не прыгнешь».

Ещё одна ипостась в военной карьере Арсеньеву казалась очень заманчивой.

Когда он обучался сапёрному делу под Варшавой, то слышал там, что военное министерство начало создавать новые особые подразделения. Одни их называли агентурными, другие – разведывательными. О том, что в каких-то закрытых заведениях готовят лазутчиков и шпионов, болтали его друзья-юнкера и в училище. Владимир в это не особенно верил: «начитались разных глупых книжек, вот и фантазируют».

Теперь же, в сапёрной «учёбке», слухи об организации армейской разведки стал на ус наматывать. Разведка, например, в казачьих войсках, служивших на границе, была издавна. Правда, на самостоятельном уровне. Шли в такие отряды лихие ребята, умельцы выведывать да подсматривать, совершать дерзкие вылазки в тыл противника. Ещё говорили, что создаются какие-то команды охотников. У знакомого штабиста, вернувшись с учений, Арсеньев спросил о них, подумав: «Вот это, кажется, мне бы подошло. Не киснуть же век в писарях».

– Да, есть такой приказ, – рассказал ему штабист, – военного министра, от 1886 года. В нём предписывалось в каждой части иметь некоторое число людей, подготовленных для того, чтобы, заметь, в военное время из них формировать так называемые охотничьи команды. Правда, как этот приказ выполняется, сказать не могу.

Охотничьими, я понимаю, их решили назвать, подразумевая, что они должны формироваться из людей охочих, смелых, готовых выполнить любое задание, связанное, как в приказе написано,

«с особой опасностью». Люди должны быть избираемы из энергичных, сильных, ловких и, естественно, искусных в стрельбе. Далее говорилось, что такие отряды создаются для охоты на хищных зверей и даже в кавалерии могут заниматься псовой охотой.

Но думаю, это отрывок старого времени. Какая, скажи, к чёрту псовая охота?

– Впрочем, – продолжал словоохотливый штабист, – в диких местах, где стоят войска, эти отряды, может, и создаются для настоящей охоты. Но думаю, министр имел в виду охоту на людей, а не на зверей. Есть в том приказе, – добавил, – и строчка о том, что эти отряды должны быть использованы с задачами по разведке и по изучению местности. Но, повторяю, если вдруг война начнётся.

А пока, слава Богу, у нас мир.

Арсеньев этот разговор вспомнит уже на Дальнем Востоке, когда в такой отряд попадёт.

О том, что его могла ждать служба в каком-то разведывательном подразделении, указывает (ну, не удивительно ли?) название петербургского еженедельного специального журнала: «Разведчик». В нём в мае 1900 года среди других назначений опубликовали и такое: *«Высочайшим приказом по военному ведомству мая 19-го дня, в Царском селе, переводятся: ... во Владивостокский крепостной пехотный полк... поручик Арсеньев».*

Разобрался ли наш герой тогда, в чём же всё-таки его призвание? Вряд ли.

Отчасти прав был Клавдий Фёдорович, когда, прощаясь с ним, сожалел, что сын медленно движется вперед. С раннего детства, наблюдая за его развитием, он хорошо видел, что от других сыновей Владимир отличается способностями, любознательностью, да и крепким здоровьем. Он многого может добиться в жизни, думал тогда отец и уже как бы воочию видел сына при высоких чинах, богатым и знатным.

Простим ему такое понимание счастья для своих отпрысков: Клавдий Фёдорович был и остался человеком века девятнадцатого. А время уже ломало лёд сложившихся в России понятий о благополучии и счастье, смысле жизни, наконец, о добре и зле.

Правда, пока лишь «в верховьях»...

Может быть, поэтому многие юноши, чьё вступление во взрослую жизнь совпало с концом одного столетия и началом другого, как-то задерживались в своём развитии. Так на переломе от весны к лету почки на деревьях боятся прорваться зелёными листьями, бутоны – раскрыть разноцветье нежных лепестков и даже трава будто замедляет свой рост – а вдруг вернётся мороз?

Писатель Михаил Пришвин, будучи всего на год моложе нашего героя, ещё более остро переживал, что в свои 27 лет ничего-то он не достиг. Вспоминая то время, он вот что записал в дневнике: *«Неважно прошли у меня и детство, и отрочество, и юность, и вся молодость – всё суета».*

Подобное переживал и Владимир Арсеньев, пребывая в поисках себя и того нового бытия, в которое ему ещё предстояло окунуться.

В воскресенье, 11 июня 1900 г. в петербургских газетах было опубликовано правительственное сообщение об отправке русских войск в Китай. «Что-то там затевается?» – озабоченно думали, прочитав эту новость, российские обыватели. Военные эшелоны стали отправляться на восток. Возможно, что как раз в одном из них поехал и поручик Арсеньев.

Паровоз дал прощальный гудок, и гулко застучали по рельсам колеса: «Будь-что-бу-дет... будь-что-бу-дет...»

Военный эшелон, казалось Владимиру, тащился, как объевшийся мышами полоз. Паровоз, пыхтя и отдуваясь, смотрел подслеповатым жёлтым глазом на исчезающую под его колёсами бесконечную, лежавшую плашмя «лестницу» из железных рельсов и деревянных шпал. Труба отчаянно дымила, и жирную копоть вместе с частицами неперегоревшего угля заносило в распахнутую форточку вагонного окна ветром. Взъерошишь слипшуюся шевелюру – и рука чёрная.

И подушка, и одеяло, и столик у окна в грязных отметинах проклятой копоти.

Антон Павлович, который тут десять лет назад до Сахалина на лошадях добирался, ехал, наверное, побыстрее, чем мы, думал Арсеньев. Он полулежал на вагонной полке, подсунув под себя серую подушку, согнув колени и положив на них толстую тетрадь, больше напоминающую альбом. Владимир сам её сброшюровал, сделал твердый переплёт ещё в Ломже. Интересные сведения, факты, цифры стал в эту тетрадь заносить, цитаты из книг выписывал. И свои пометки к ним делал. Так рождался его первый не совсем обычный дневник.

Сколько потом таких тетрадей он испишет, скитаясь по горам, по долам! Жаль только, что многие из них потеряются. Как и вот эта, первая. То, что она была, почти не вызывает сомнений.

Только о её содержании мы можем сейчас лишь строить догадки.

Думаем, что те места, где ему предстояло продолжать службу, Арсеньев изучал со свойственной ему основательностью. И, пользуясь атласами, различного рода справочниками, мог делать, на-

пример, записи, подобные той, которую приведёт в предисловии к одному своему произведению:

«Область, заключенная между проливом Невельского (Татарский пролив) на востоке, рекою Уссури на западе, реками Хор, Самарга, Коппи и Гумнином на севере и заливом Петра Великого на юге, известная в географии под именем Уссурийского края, находится в пределах 42°39' и 48°29' северной широты и 100°5' и 109°28' восточной долготы от Пулкова. (Сейчас исчисление ведётся от Гринвича.- Б.С.) Сюда же надо причислить и Посъетский район, занимающий узкую прибрежную полосу земли от Амурского залива до устья реки Тюмень-Улы. Западная граница этого района проходит по хребту Лао-сун-лин (то есть старый сосновый хребет), отделяющий бассейн реки Хунчунхэ от рек, несущих свои воды в море. Вдоль всего Уссурийского края, как основная ось его в направлении от ЮЮЗ к ССВ, проходит дикий горный хребет Сихотэ-Алинь, разделяющий всю страну на три части: 1) собственно Уссурийский край... 2) Южно-Уссурийский... 3) Зауссурийский... Бассейны всех рек, текущих к западу от Сихотэ-Алиня не в Уссури, а в Амур непосредственно, а равно и побережье пролива Невельского от устья Амура до залива Де-Кастри, входят в так называемую Нижне-Амурскую область» .

В таких пределах всю оставшуюся жизнь будет действовать наш герой, лишь иногда выходя за эти «рамки».

А вот какие факты, теперь уже из истории открытий, Арсеньев тоже мог тогда занести в тетрадь: *«Самым первым исследователем Нижнего Амура является казачий старшина Василий Поярков, который в 1643 году со 132 казаками, будучи послан якутским воеводой Петром Головиным, прошел в Амурский край по рекам Алдану, Учур и Гонаму и, перевалив через Становой хребет, спустился по рекам Брянте и Зее к Амуру, а по нему проплыл до устья и вышел в Охотское море...*

1849 год является знаменательным на Дальнем Востоке. Г.И. Невельской при обследовании Амурского лимана установил, что Сахалин есть остров, а не полуостров, как думали раньше. Г.И. Невельской, узнав, что владычество сынов Поднебесной империи не распространяется так далеко на восток, превысил данную ему инструкцию, вошёл в реку Амур, основал Николаевский пост, обращённый впоследствии в город Николаевск, и проплыл по реке около ста километров до озера Кизи. 1 августа 1850 года он поднял русский флаг и салютовал ему из орудия».

Это тоже отрывок – из предисловия к повести «В горах Сихотэ-Алиня», над которой Арсеньев работал почти до конца жизни. Своим предшественникам он решил воздать наконец должное.

Может быть, потому, что его имя тогда стали произносить куда чаще, чем тех, кто не менее, если не более его заслуживал, чтобы о них всегда помнили.

В предисловии упоминаются около полусотни фамилий. Перечислим тут лишь некоторые, добавив к каждому его звание или профессию и год, когда был этим человеком совершён подвиг или историческое открытие, за что его увековечили на дальневосточной карте:

Лейтенант И.К. Бошняк (1852); генерал-губернатор граф Н.Н. Муравьев-Амурский (1854); адмирал Е.В. Путятин (1854); академик Л.И. Шренк (1854 – 1856); генерал-майор М.И. Венюков (1857); академик К.И. Максимович (1859); капитан А.Ф. Будищев сотоварищи (1867); натуралист Р.К. Маак (1869); генерал-майор Н.М. Пржевальский (1867 – 1869); капитан С. Леонтович (1894); ботаник В.Л. Комаров (1895 – 1897)...

Человек, который ехал в эшелоне на восток, через годы встанет с ними рядом.

Вагон раскачивался, скрипел. За фанерной стенкой шумели подвыпившие офицеры, играли в вист, кто-то кого-то пытался переспорить. Сколько раз они зазывали в свою компанию малоразговорчивого поручика, но Арсеньев редко поддавался уговорам. Всё больше смотрел в окно на тянувшиеся по обе стороны дороги тоскливые пейзажи: то поля, то перелески, то – очень редко – деревушки. На станциях ходил за кипятком, заваривал крепкий чай, пил с сахаром вприкуску, листая книжки, потом доставал дневник, карандаш, делал новые выписки, о чём-то долго думал, уткнувшись глазами в потолок вагона.

...О той России, которую летом 1900 года из конца в конец проехал Арсеньев, один современный автор написал образно и ёмко, вложив эту филиппику в уста героя своего романа, будущего революционера, тоже примерно в эти же годы направлявшегося в сибирскую ссылку: «Огромная и просторная, вросшая сваями в вечную мерзлоту на севере и в пески бухарских пустынь на юге брюхом, подпираемая Уральским хребтом, опустившая слюнявую морду в болота на западе и держащая охранную свору Тихоокеанского флота на Дальнем Востоке, лежала империя... Её нужно было заставить чесаться боком, как старую корову, о высохшее дерево, начать искать блох, зазудить...».

Можно утверждать, что нашему герою ни за что не могло прийти в голову сравнение Российской державы со слюнявой коровой. Его мысли были куда приземленнее, проще. О чём он думал? Если посещали его мысли о тех делах, которые могли скоро ожидать, то, возможно, такие.

Большинство из первооткрывателей Дальнего Востока, как и я, начинали с младших офицеров... Они тоже служили в каких-то гарнизонах и ждали своего часа... Но вот когда оказывались в «terra incognita»... Но ведь эта неведомая земля там начинается сразу за чертой гарнизона или крепости, куда еду служить... Как было им не воспользоваться возможностью идти смело за эту черту... Или лучше сказать, переступить порог и стать тоже открывателями... Хотел бы я стать одним из таких? Да, конечно!.. Я скоро окажусь у этого порога. Но удастся ли мне его переступить?.. Сумею ли, смогу?..

А колеса стучали, но без знака вопроса: «смо-гу... смо-гу... смо-гу...».

Арсеньев под этот стук засыпал.

Так тянулись дни за днями... Наконец-то эшелон переполз через Уральский хребет, и паровоз потащил его, всё также посыпая вагоны копотью, по степям Сибири, которой, казалось, никогда ни конца ни края не будет. В соседнем купе сидела и шумела всё та же неунывающая офицерская компания. Кто-то из них, вдруг вспомнив, что они приближаются к Иртышу, затянул:

*Р-ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И непрерывно гром греме-ел, –
подхватывали нестройные голоса, –
И ветры в дебрях бушевали...*

Невольню Владимир стал им тихо подпевать. Когда он слышал пение, всегда как-то преображался. Мелодия проникала в душу не только через уши, но и все поры тела, губы приоткрывались, гортань вбирала звуки, они достигали голосовых связок, и те тут же откликались чутким камертоном, подхватывали мотив, и он весь уходил в песню. У Арсеньева был приятный баритональный тенор, хороший слух. Песен, арий из опер и оперетт он знал множество. Часто их напевал. И на гитаре умел играть. При хоровом пении – а тогда пели всегда и всюду при любом удобном случае – не выделялся особо, но невольню начинал дирижировать. Он любил поддерживать многоголосие, вторить и боготворил тех, кто выводил мелодию душевно и стройно.

*О спите, спите, мнил герой,
Друзья под бурю ревущей...*

«Да, там кто-то ладно поёт, другие зря только слова выкрикивают». Встал с постели, потянулся, шагнул к двери. «Пойду к ним, надо наконец-то расслабиться». Его встретили одобрительными возгласами, похлопываньем по плечу. Зашумели:

– Поручик! Понимаешь, мы в Азии!

– Адью, Европа! Прощай, прощай!..

– Скоро, скоро попадем в объятия узкоглазых китайнок!

Просидел с попутчиками до рассвета и потом в разогретом солнцем душном вагоне проспал чуть ли не сутки.

Валяясь на постели, он снова вернулся к мыслям о новой службе. На что я пока гожусь? Разве что мины закладывать? Учёных знаний у меня всё же маловато. Говорили, что там растут в должностях офицеры быстро. Посмотрим, посмотрим...

Стал вспоминать, с чего начинали Невельской, Пржевальский... До чего же дерзок и отважен был Геннадий Иванович! В Петербурге, когда он доложил о своих открытиях, ему не поверили, даже разжаловали, если б не заступничество государя. О его честности ходили легенды. Вспомнил, что писал Николай Бошняк о его жене Екатерине Ивановне: «Будучи больною, она так хотела быстрее встретиться с мужем, что проскакала на лошадях верхом по Сибири 1100 верст в 23 дня! Было ей тогда всего 19 лет! А как же отважно госпожа Невельская вела себя на тонущем барке «Шелехов»? Заявила: съеду с судна только тогда, когда ни одной женщины и ребенка на палубе не останется.

Сколько же они в своих странствиях и зимовках перетерпели! Моя Анна так сможет? Правда, время – полвека прошло – во многом изменилось... Да если вдруг и придется путешествовать, с собой жену ни за что не возьму! У Невельских дочь умерла от голода, а супруга потеряла здоровье. Нет, так жить не годится...

Пржевальский был его кумиром. За ним вряд ли сумею угнаться... Когда его направили возглавить экспедицию по Уссурийскому краю, ему было столько лет, сколько сейчас мне. И какую замечательную книгу об этом путешествии написал! А его походы по Центральной Азии – это же непостижимый для простых смертных подвиг! Мне бы полстолько удалось совершить, был бы несказанно счастлив.

Вряд ли Арсеньев читал напечатанную 26 октября 1888 года вскоре после смерти Николая Михайловича Пржевальского в газете А.С. Суворина «Новое время» статью о покойном без заглавия и подписи: так было принято тогда давать некрологи. В тот год Владимиру пошёл лишь семнадцатый. Прочёл, вероятнее всего, лишь в 1914 году, когда она была опубликована под заголовком «Люди подвига» во второй книге популярного московского сборника «Слово». Статья, хотя и занимала в газете две короткие колонки – меньше ста строчек, была во многих отношениях замечательная.

Написал её за два года до своего путешествия на Сахалин Антон Павлович Чехов. Приведём его отклик на смерть Пржевальского почти полностью.

Для этого есть такой резон. Характеристика, данная молодым писателем великому современнику, – своего рода глубокий словесный портрет действительно типичного человека подвига, человека века поступка. Много в этом портрете, как нам думается, тех черт, которые станут отличать и Владимира Клавдиевича Арсеньева от прочих людей, что причисляли себя к «европейским обществам». Им доктор Чехов в этой статье поставил точный и беспощадный диагноз, который и сегодня так злободневен:

«В наше больное время, когда европейскими обществами обуяли лень, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают. Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что кроме людей, ведущих споры об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешёвые диссертации, развратничающих во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба, что кроме скептиков, мистиков, психопатов, иезуитов, философов, либералов и консерваторов, есть ещё люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно осознанной цели. Если положительные типы, создаваемые литературой, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самою жизнью, стоят вне всякой цены. В этом отношении такие люди, как Пржевальский, дороги особенно тем, что смысл их жизни, подвиги, цели и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребенка. Всегда так было, что чем ближе человек стоит к истине, тем он проще и понятнее».

Читаешь, и – мурашки по коже. Слово это вчера опубликовано!...

А вначале Антон Павлович писал:

«...Такие люди, как покойный, во все века и во всех обществах, помимо учёных и государственных заслуг, имели ещё громадное воспитательное значение. Один Пржевальский или один Стэнли стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг. Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорное, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к зною, к голоду, к тоске по родине, к изнурительным лихорадкам, их фанатическая вера в христианскую цивилизацию и в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу. А где эта сила, перестав быть отвле-

ченным понятием, олицетворяется одним или десятком живых людей, там и могучая школа».

Когда наш герой думал о пороге, через который ему предстоит переступить, то он, может быть, как уже мы говорили выше, не очень ясно понимал, что за этим порогом та самая «могучая школа». В него ещё с юных лет, когда он впервые узнал о том же Пржевальском, проникла, как писал в той же статье, память о том, что он лекарь, Антон Чехов, «доброкачественная зараза, которая неминуемо распространяется по земле от подвига».

Время в только что наступившем новом веке по-прежнему звало людей, подобных Пржевальскому, к пусть трудным, но так необходимым державе делам во славу её. Чуткое ухо Арсеньева этот зов услышало. Его нога была уже занесена над этим порогом...

Вот только эшелон, просто мочи нет, как лениво тянулся к Великому океану.

Грузы и людей через Байкал переправляли на некоем подобии парома – большом судне. Офицеры и рядовые и вместе с ними Владимир Клавдиевич сгрудились у бортов притихшие, поражённые красотой небосвода в пёстрокрылых облаках. Они полыхали на закате всеми радужными цветами, зеркально отражаясь в кристальной глади вод священного моря. Зрелище было действительно необычное. Казалось Арсеньеву, что тысячи ангелов летят в многоцветных лучах золотого солнечного слитка, скользящего по бездонному, как это озеро, небу в сторону им покинутой, может быть, навсегда родины.

Ещё миг и ангелы поднесут к губам свои серебряные трубы и возвестят что-то очень важное для каждой души, с трепетом ожидающей их вещего гласа.

И хотя он так и не раздался, Владимир понял: он вступает в какое-то иное, непохожее на всё то, что он доселе видел, пространство, полное очарования, испытаний, загадок и открытий...

Краски вечерней зари постепенно стали затухать, паром ткнулся о брёвна пристани. Люди загалдели, раздалась громкие команды, началась выгрузка. Дальше по необкатанной колее до станции Сретенск. Восточнее железная дорога ещё строилась, и надо будет уже на пароходе плыть по Шилке, а потом по Амуру-батюшке до Хабаровска. Там снова на поезде до последнего стыка рельсов у кромки океана.

Часть офицеров, с которыми Арсеньев успел сдружиться, после Читы покидали со своими солдатами эшелон – они отправятся по Китайско-Восточной железной дороге, которая тоже была не окончательно построена, служить за границу – кто в Порт-Артур, кто в порт Дальний или в «чисто поле» по «нитке» КВЖД.

Переезжая Байкал, а потом минуя станции Шилку и Нерчинск, во всех вагонах затягивали берущую за душу песню о молодце, которому сам чёрт был не брат и «в дебрях не тронул прожорливый зверь, пуля стрелка миновала». Пели и «Глухой неведомой тайгою...» – о бродяге, бежавшем с Сахалина.

А не о каждом ли из нас, думал Владимир, они? И так ли уж безысходна судьба их героев? Молодцу помогает пошевелить вал ветер баргузин. Бродяге, бежавшему с каторги, тоже сопутствует удача на звериной тропе, и даже в непогоду он верит, что его укроет тайга, когда он захочет отдохнуть...

Если мне вдруг выпадет такая судьба – не стану её проклинать. Как мне надоела нудятина муштровки, чистописание в канцелярии и бесконечные нравоучения высших чинов, кои, естественно, всё знают лучше тебя.

Некоторое представление о предстоящей службе Арсеньев имел.

О ней ему рассказывали ещё в Питере те, кто, соблазнившись разными посулами, ехал туда служить, но, не прижившись, вернулся на родину. Их судьбу Арсеньев не хотел бы повторить. Таких он на Дальнем Востоке не раз повстречает, а много позже расскажет о них заведующему музеем подмосковного городка Сергиев Посад А.Н. Свирину, который сведёт его с М.М. Пришвиным.

Вот как записал этот рассказ Арсеньева в своем дневнике писатель:

«Императорское правительство завлекло чиновников на службу в Амурско-Уссурийском краю сильно повышенным жалованием и скорой, через 15 лет службы, амурской пенсией. Многие уезжали с целью скопить денег, потом купить домик где-нибудь под Москвой. Были и такие, что семью оставляли в России «до скорого свидания». И потом через десятки лет тоскливой жизни только немногие возвращались, седые, измученные и, конечно, никакого счастья в этом домике под Москвой им не было, потому что «домик» был идеалом независимой жизни, а жизнь прошла, и домик достигался без жизни.

Так жили и томилась многие люди с идеалом подмосковного домика среди субтропической реликтовой природы третичной эпохи, среди населения, в котором немало было, кто зарабатывал себе существование охотой на «лебедей» (лебеди – корейцы, одетые в белое) и «фазанов» – китайцев».

В другой записи Пришвин повторяет так поразившее его сравнение: *«Там охотой на лебедей называют охоту на корейцев, на фазанов, кажется, на китайцев... По словам Арсеньева, как будто в этих нравах нет особенно отличия охоты на лебедей – птиц*

и лебедей – корейцев (одетых в белое)... Да оно и понятно: само собой выходит из промысла, как на войне».

Нет, только не «томиться» среди необычной природы Дальнего Востока ехал туда наш герой. И не думал об идеале «подмосковного домика» или усадьбы, которую мечтал купить, выйдя в отставку, его отец. Ехал туда, где *«как на войне»*. Во многом молодой Арсеньев не походил на своих родителей. Он не был тем яблоком, что от яблони недалеко падает. Далеко покатылся... Потому что готовил себя к жизни в новом веке, чутко слыша его гулы и смело подставляя лицо набравшему силу ветру с востока.

Какая служба ждёт Арсеньева, он узнал ещё до поездки, прочитав записки некоего Д.И. Шрейдера «Наш Дальний Восток». Они были изданы в Петербурге в 1897 году. В подзаголовке указывалось, что пробыл автор в Уссурийском крае три года.

Рассказывая об освоении этих мест русскими, Шрейдер подробно остановился на роли военных, подчёркивая, что они не завоевывали этот край, а именно осваивали его, выполняли, правда, как умели, в общем-то цивилизаторскую, если хотите, культурную роль. В общем автор, делая такие выводы, был прав. Это подтверждали, кстати, и до него и после, учёные и те, кто имел большие чины, командуя там войсками, возглавляя округа и губернии.

Шрейдер писал, может быть, несколько выпендренно, но образно, воздавая должное роли русского солдата: «Наша культурная миссия на далеком Востоке долгие годы лежала исключительно на всё выносящих солдатских плечах. Уссурийский край в теперешнем виде создан исключительно солдатом. Он был истинным и бескорыстным пионером этого края; кроме своих прямых военных обязанностей он нёс на своих плечах ещё такую массу всяких других, под которыми согнулся бы всякий, кроме него... Русский солдат расчистил дорогу сюда тысячам переселенцев... Он подготовил этот край – дикий, безлюдный, пустынный, к той культуре, которой многие из нас кичатся теперь. Да и теперь ещё его культурная миссия далеко не кончена здесь».

Далее автор справедливо, правда общо, пишет и о «давлении окраины», отдалённой «от родного очага», привычных привилегий Европы. Человек, замечает он, «попадает в совершенно иную обстановку, дышит другим воздухом, видит другое небо и солнце, живёт с другими людьми... Ему приходится жить здесь бок о бок с дремучей тайгой, вдали от людей, в полном подчас одиночестве, или – ещё хуже – в обществе немногих людей, объединяемых лишь общностью места, – людей недоразвитых, полукультурных, чуждых понятия о долге, – людей, обладающих лишь грубыми инстинктами да беспредельной жадной наживы».

Но взгляд Шрейдера не так мрачен. Он как бы указывал Арсеньеву путь, которым тот скоро пойдёт: «Тех, кто захочет скрыться от тоски и опостылевшего однообразия в тайгу, от всего, что лишало сна и покоя, ждёт обаяние первобытной красоты, картины и впечатления, которые не всегда по плечу слабым нервам европейского жителя».

Написано, заметим, больше века тому назад, но порасспросите тех, кто приехал уже в советское время на Дальний Восток и прожил здесь всю свою жизнь, о тамошнем «воздухе, небе и солнце», о народе, что обитал да и по сию пору встречается в этой дальней дали. И вам ответят: «Всё у нас тут другое». Правда, кто-то с сожалением добавит: «Сейчас, когда страна да и мир так переменялись, особинка дальневосточников изрядно потускнела, стерлась». Но так считают далеко не все.

Интересно, что со Шрейдером перекликались и наблюдения Антона Павловича Чехова, побывавшего на Дальнем Востоке немало раньше его.

Прочитируем некоторые места из «Острова Сахалин». И эту книгу, несомненно, Владимир Клавдиевич читал. Не могла она не привлечь его манерой скрупулезного, не упускающего ни одну подробность чеховского письма, стилем, столь ему близким.

Вот что писал Чехов о своих амурских впечатлениях:

«Боже мой, как далека здешняя жизнь от России! Начиная с балыка и кеты, которым закусывают здесь водку, и кончая разговорами, во всем чувствуется что-то своё собственное, не русское. Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-то в Патагонии или Техасе; не говоря уже об оригинальной, не русской природе, мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна, и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами [...]. Если хотите заставить амурца скучать и зевать, то заговорите с ним о политике, о русском правительстве, о русском искусстве. И нравственность здесь какая-то особенная, не наша [...] с одной стороны, отсутствие сословных предрассудков, а с другой – не грех подстрелить в лесу китайца-бродягу, как собаку. Или даже поохотиться тайком на горбачиков». (Горбачиками называли таёжников, таскающих на своем «горбу» на понягах – особых носилках, притороченных к спине, разную поклажу, порой и золотишко. – Б. С.).

Интересно, что тут у Чехова прямая перекличка с рассказом Арсеньева, приведённым в дневнике Пришвина.

Продолжим цитирование: «Эксплуатация инородцев, кроме обычного спаивания, одурачения и т. п., выражается иногда в ори-

гинальной форме. Так, николаевский купец Иванов, ныне покойный, каждое лето ездил на Сахалин и брал там с гиляков дань, а неисправных неплательщиков истязал и вешал».

Трагедию жизни бесправных малых народностей Дальнего Востока – тему, которой большой писатель в своём «Сахалине» лишь коснулся, – Арсеньев будет исследовать глубоко и всесторонне более двух десятилетий.

Но сейчас о другом.

Предположим, что, отправляясь на Дальний Восток, наш герой думал заняться литературным творчеством. Тогда лучшего примера описания своих путешествий, сделанных такими мастерами слова, как Гончаров («Фрегат Паллада») и Чехов, ему было не найти. Пройдёт немало времени, пока Арсеньев научится литературному письму. Чеховских высот не достигнет. Но сумеет овладеть подобным, кстати, очень трудоёмким, многим не дающимся жанром. В нём, как в куске застывшей лавы, содержатся и знание предмета, притом знание доскональное, что по плечу лишь специалистам, и умение в точном слове, в образе запечатлеть увиденное, передать отношение к нему автора, одновременно не педалируя свои эмоции.

В жанровом отношении это нечто третье – между беллетристикой и научным сочинением. Автор, как охотник, который выслеживает хищного зверя, весь обращенный в слух, зрение и обоняние.

При этом он становится одновременно и стрелком, и туго натянутой тетивой, и неслышно летящей стрелой.

Пересев с поезда на пароход, Арсеньев душными ночами и жаркими днями приближался к городку Благовещенску, раскинувшемуся на левом берегу Амура, за которым лежала страна Маньчжурия. Не знал, не думал, что его там скоро ждёт.

Здесь он примет свой первый в жизни настоящий бой. В Послужном списке, который, напомним, был составлен в августе 1917 года, об этом эпизоде его биографии сказано официальным языком так: **«Находился в составе Благовещенского отряда генерал-лейтенанта Грибского с 8 по 25 июля 1900 г. гарнизона, бомбардируемого города Благовещенска и 20 июля 1900 г. участвовал в делах при выбитии китайцев с позиции у города Сахалина».**

Ходили слухи, что в тех «делах» он был даже ранен. Анна Константиновна опровергала их в своих воспоминаниях. О шрамах-рубцах на спине под лопаткой мужа объясняла так: «Чего только не говорили и не писали об этих шрамах! Что они от сквозной пули «промышленников», что они от схваток с хунхузами, что это

колотые раны с русско-японской войны. Но Владимир ран не имел и хунхузских пуль не получал. Это были самые прозаичные рубцы после операции (в 1902 г. он болел сибирской язвой). Муж всегда сердился, если при нём упоминали об этих швах».

Так что же за «дело» такое происходило на русско-китайской границе как раз тогда, когда Арсеньев оказался там?

Нападение из-за границы на Благовещенск случилось в воскресенье, 2 июля. Это послужило поводом к выселению из него китайцев и временному прекращению русско-китайской торговли. 4 июля Амурская область, Хабаровск, Никольск-Уссурийский и Владивосток объявлены на военном положении. Управляющий МИД направил телеграмму иностранным послам с разъяснением политики России в Китае, так называемый циркуляр В. Н. Ламздорфа, в котором, в частности, говорилось следующее: «Если ход событий, как нападение мятежников на наши войска в Нючжуане, а также... ничем не вызванное бомбардирование Благовещенска, побудили Россию к занятию Нючжуана и введению русских войск в пределы Маньчжурии, – то это временные меры, вызванные исключительно необходимостью отражать агрессивные действия китайских мятежников».

О китайских событиях советские историки, не искажая факты, но давая им, естественно, марксистско-ленинскую оценку, писали вот что: «В ответ на усиление империалистической агрессии народные массы Китая ответили Ихэтуаньским восстанием (1899 – 1901 гг.), которое было подавлено прямой интервенцией империалистических держав... Инициатором восстания явилось общество «И-хэ-цюань» («Кулак во имя справедливости и согласия»). Позже общество и войска повстанцев были переименованы в «И-хэ-туань» (отряды справедливости и согласия) – отсюда название восстания. В связи с тем, что в название общества входило слово «цюань» (кулак), иностранцы называли повстанцев «боксерами», откуда произошло другое, неправильное название – «боксерское восстание».

Оно развернулось в Северном Китае, часть территории которого после японо-китайской войны 1894 – 1895 гг. была захвачена иностранными империалистическими государствами и куда особенно сильно проникал в это время иностранный капитал. Повсеместно происходили нападения на колонизаторов, повстанцы разрушали железные дороги и телеграф, построенные иностранцами, препятствуя действиям агрессоров» (цитаты из «Малой советской энциклопедии», 1959 г.).

А царский чиновник В.Н. Ламздорф считал, что агрессивные действия совершали мятежники. Далее историки называли те самые державы, которые направили в Китай войска для разгрома

боровшихся «за правое дело» восставших: это – Англия, Германия, Австро-Венгрия, Италия, США, Франция, Япония и, наконец, Россия.

Полторы тысячи наших солдат и офицеров будут посланы только на штурм захваченной восставшими столицы Китая Пекина. Корпусом командовал генерал Н.П. Линевиц. Общее командование операцией осуществлял генерал-адъютант, адмирал Е.И. Алексеев (по слухам, внебрачный сын императора Александра II).

Об этих событиях подробно рассказывается в романе современного русского писателя Михаила Шишкина «Письменник». Здесь не место оценивать его с художественной стороны. Но описанные подробности (автор широко пользовался документальными свидетельствами) дают яркое представление о том, насколько ужасной и кровавой была эта бойня, какие испытания выпали на долю её участников.

Мог и наш герой попасть в корпус Линевица.

Бог миловал...

В июле 1903 г., когда по указу Николая II будет учреждено на Востоке России наместничество с подчинением Особому комитету Дальнего Востока под личным председательством царя, Алексеев станет наместником. Не успех ли операции по подавлению китайских мятежников вскружил голову Евгению Ивановичу так, что он был весьма уверен, что «япошек» уж точно победит в два счета.

Скоро сильно оконфузился...

Арсеньев понимал, что в послеоктябрьской России о том, что некогда он оказался в рядах агрессоров, подавлявших восстание братьев-китайцев, не стоит много распространяться. Только в «опросном листке», заполненном в 1919 году, т.е. до прихода в Приморье красных, им упомянуто: «В 1900 г. сражался с китайцами, когда русские брали г. Айгунь против Благовещенска».

Ещё написал полстранички, когда в конце 20-х сел за воспоминания...

Но сначала приведём рассказ, что происходило под Благовещенском, из книги Фритьофа Нансена «В страну будущего». Нет сомнения, что путешествовавший по азиатской России исследователь, который встречался с Арсеньевым в Хабаровске спустя 13 лет после «боксерского восстания», выпрашивал его о нём и потом вот как описал, что там случилось:

«Китайцы внезапно напали на несколько русских пароходов, плывших по Амуру, и остановили их. Враждебные толпы китайцев собрались также на берегу Амура против Благовещенска. А в этом городе проживало уже до 15 тысяч мирных китайцев. Из боязни, что последние соединятся со своими земляками по ту сто-

рону Амура, русские и погнали мирных китайцев за реку, не дав им лодок. Несколько тысяч при такой переправе утонуло, и долго вниз по течению плыли массы трупов. Китайцы, стоявшие по ту сторону реки, отвечали на такую меру обстрелом города из пушек, и в Благовещенске было убито 40 человек русских. Амурские казаки в свою очередь в отместку разрушили китайский город Айгунь и другие поселения на южном берегу».

То, что великому норвежцу об этом событии рассказывал Владимир Клавдиевич, подтверждает одно место из его воспоминаний, которые он посылал своему первому биографу Ф.Ф. Аристову. Они написаны в третьем лице, а значит несут некоторый литературный оттенок. И без сомнения, автор умалчивает о многом, чему был свидетелем и участником.

Однако отрывок, публикуемый впервые, всё же интересен:

«...Все русские линейные батальоны были направлены в Маньчжурию, за исключением 8-го Восточно-Сибирского линейного батальона, который предназначался для охраны крепости Владивосток. Ещё в Сретенске стало известно, что в Благовещенске не всё благополучно. Говорили, что город осаждён китайцами, что в нём нет войск и что плавание по Амуру сопряжено с большими опасностями.

Когда В.К. Арсеньев прибыл в Благовещенск, то он уже был освобождён. От городов Сахаляна и Айгуна на китайской стороне были только одни развалины. Сретенский полк, 6-й линейный батальон и 2 сотни забайкальских казаков двинулись в глубь Маньчжурии. Из Благовещенска инженер Иванов (кто он, установить не удалось. - Б. С.) и В.К. Арсеньев продолжали плавание на лодке вниз по Амуру. На берегу встречались трупы китайцев... Грибский якобы собрал 2 или 3 тысячи китайцев и приказал переправить по ту сторону Амура под страхом расстрела вплавь... Большая часть их утонула в Амуре и кажется никто не спасся... На В.К. Арсеньева эта жестокость произвела сильное впечатление и он почувствовал отвращение к войне, во время которой гибнут не только те, кто имеет оружие в руках, но и совершенно мирные жители, которые случайно оказались в районе или вблизи театра военных действий».

Это был пусть краткий, но важный эпизод в проверке нашего героя на прочность. Он получил боевое крещение.

Утвердился во взглядах на войну, которым следовал всю жизнь.

Впервые заглянул смерти в глаза.

Медаль заслужил.

И ещё. Участие в Благовещенской «операции» подтвердили опасения Арсеньева о реальной угрозе миру на Дальнем Востоке.

Пока же тучи будущей мировой войны сгущались над Западной Европой.

Когда приятели на дружеской пирушке, посвящённой проводам поручика Арсеньева на восток, говорили ему, хлопая по плечу: «Только тут запахло жареным, как ты бежать куда подальше?» он мог им ответить так: «Где вперёд вспыхнет, бабушка надвое сказала».

И как в воду глядел. Год назад именно своей бабушке английской королеве Виктории русский царь Николай II в конфиденциальном послании вот что писал: *«Как вам известно, дражайшая бабушка, я теперь стремлюсь только к возможно длительному миру во всём мире, это ясно показали последние события в Китае – я имею в виду новое соглашение о постройке железной дороги. Всё, чего хочет Россия, – чтобы её оставили в покое и дали развивать своё нынешнее положение в сфере её интересов определяемой её близостью к Сибири. Обладание нами Порт-Артура и маньчжурской железной дороги для нас жизненно важно. В этом нет и никакой угрозы независимости Китая».*

Но в России всегда всё происходит по крылатым строчкам из сатирической армейской песни, сочинённой ещё в середине XIX века: «Было гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

Солдатские сапоги зашагали по долинам и сопкам Маньчжурии.

И там скоро вспыхнет.

Да так, что пороховым дымом и в Питере запахнет.

Поезд, что вёз нашего героя от Хабаровска уже по Уссурийской долине, наконец докатил до порта-крепости Владивосток.

Как раз в этом году отметили 40-летие со дня её основания.

Освободившись от разных формальностей и устроившись с жильём, Владимир решил обозреть город, в котором пока никто его не знал и он никого. Не знал и того, что судьба уготовила ему быть «прописанным» в нём на многие годы. И что здесь найдёт новую любовь. И здесь будет похоронен.

Он шагал, как всегда, легко, но осторожно, как заходит с незнакомого берега пловец в неизвестный ему водоём – реку ли, море, ощупывая ступнями дно, пытаясь что-то разглядеть в матовой глади воды... Скоро он станет так ходить и по тайге, где за каждым кустом, стволом дерева, уступом скалы мог таиться зверь или, что ещё опаснее, лихой человек.

Если бы знать тогдашние его думы...

Но всё же попробуем догадаться. Попросившись перевести его

сюда, он поступил верно, и теперь всё пойдёт по-другому. Уже не так остро жалел, как ему раньше казалось, о зря потраченных годах. Ведь он развивался внутри себя, впитывая самые разные, в том числе и книжные знания об окружающем мире, накапливал ту энергию, которую здесь, на краю России, будет, часто безоглядно, растрчивать.

Ещё не написаны были поэтом, что встретит смерть именно в этих местах, такие строки:

*Не волноваться. Нетерпенье – роскошь,
Я постепенно скорость разовью –
Холодным шагом выйдем на дорожку, –
Я сохранил дистанцию мою.*

Они, на наш взгляд, точно выражают тогдашнее настроение молодого Арсеньева.

Не мог, конечно же, не думать Владимир и о прошлом, настоящем, будущем этого форпоста империи.

Где лицом к лицу, глаза в глаза встретились русский Запад и многоликий Восток.

Городу дал название граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский, бывший в середине только что минувшего века генерал-губернатором Восточной Сибири. Он посетил эти места летом 1859 года. Имя новой крепости им было придумано амбициозное, образованное из восклицания:

Владеть Востоком!

Гавань, очень напомнившую ему константинопольскую, повелел назвать:

Золотой Рог.

Не думал ли он тогда об укреплении Третьего Рима на берегах Тихого океана?

Родились эти названия, когда суета в этом районе земного шара быстро росла. Русские землепроходцы опережали тех, кто стремился сюда на всех парах совсем с другого конца земли – прежде всего из Великобритании. А жившие рядом японцы и китайцы только протирали глаза-щёлки, просыпаясь.

Но в кое-каких географических точках будущего русского Приморья английский лев побывал чуть раньше российского двуглавого орла.

В июле 1858 года корабли первого Амурского отряда вошли в воды Японского моря, пройдя из Кронштадта через три океана. Возглавлявший отряд капитан 1-го ранга Д.И. Кузнецов, развернув приобретённую в Гонконге карту, прочёл на ней преимущественно английские названия: архипелаг Евгении, бухты Горнет, Сеймур,

Сибирра и, наконец, экзотическая Барракуда... Одну из южных гаваней, большую и удобную, скрывающуюся за покрытым густым лесом островом, капитан фрегата «Пик» Николсон, рыскавший в этих водах ещё раньше, назвал портом Мей. Но как ни кичилась Британия, что она «владычица морей», укрепиться на этих берегах не сумела.

Историей эти названия были смыты, как под нахлынувшей морской волной исчезают надписи на песке.

«Пик», кстати сказать, гонялся в эти же годы за фрегатом «Паллада», увековеченным в истории и литературе Иваном Гончаровым, русским классиком, а тогда ходившим на этом судне в роли секретаря при полномочном после в Японии генерал-адъютанте Е.В. Путятине. «Паллада» еще тремя годами раньше побывала почти рядышком с этой бухтой. Путятин исследовал берега Приморья, матросы сходили на берег реки Туманган (Тумэн-цзян) и у мыса, названного в честь гардемарина фрегата Д.И. Гамова. Этот мыс и сегодня легко отыскать на карте к югу от Владивостока. Но Путятин торопил капитана, боясь встречи с враждебными судами: ведь в Крыму шла с англичанами война, и на Дальнем Востоке они тоже разбойничали, напав на Петропавловский порт на Камчатке.

Так спешка помешала русским стать первооткрывателями бухты, в наши дни окольцованной ажурными мостами...

Но, как известно, открыть что-то – ещё мало.

Надо на этом месте укрепиться.

Что и будет делать наш герой.

20 июня 1860 года с военного транспорта «Манжур» на берегу бухты Золотой Рог высадилось 40 солдат 3-й роты 4-го линейного батальона морских сил Восточной Сибири под командованием прапорщика Н.В. Комарова.

Был поднят Российский флаг.

Пост сначала называли через чёрточку: *Влади-восток*.

Блестяще проявила себя и наша дипломатия. Если по Айгуньскому трактату, подписанному с Дайцинской империей 16 мая 1858 г., разграничения в южной части Приуссурия были точно не определены, то 13 июня 1860 г. Е. Путятин в г. Тяньцзине подписал новый трактат, в девятой статье которого оговаривалась процедура и порядок установления границы. Всего через три с лишним месяца посол Н. Игнатъев в Пекине подписал дополнительный к Айгуньскому и Тяньцзинскому трактатам договор. В его 11 статье уже точно обозначилась граница между двумя государствами. Она шла с севера, где сливаются Шилка и Аргунь и, по сути, начинается Амур, до юга – гор, лежащих между рекой Хунчун и морем до реки Туманган.

Присоединение Приморья к России получило юридическую силу, а затем и международное признание.

В том же 1860 году во Владивостоке побывал этнограф С.В. Максимов, оставивший такую запись: *«Порт можно считать лучшим из всех (имелись в виду другие гавани на Дальнем Востоке. – Б. С.). На днях поставленный пост наш своими белыми палатками хорошо глядит в группе ещё не вырубленных и ещё только расчищенных деревьев».*

Четыре десятилетия спустя перед глазами Арсеньева открылся уже довольно выросший, вполне возмужавший город, похожий на средних лет мужчину с морской выправкой, военной статью.

Опуская интереснейшие страницы истории бурного роста и развития Владивостока, который и городом-то стал называться лишь с 1880 года, скажем о том, что на заре XX века он переживал не лучшие свои времена. Всего по переписи, проведённой в 1898 году, в нём проживало 29.185 человек. Но интересная статистика: коренных граждан России, к коим причислялись «по категориям» дворяне, духовенство, купцы, мещане, крестьяне, военные, казаки, вышедшие в отставку чины и отбывшие срок сахалинские каторжане, записано 15.918 человек, т. е. чуть больше половины жителей.

Кто же были остальные? А вот кто: подданные других государств – 464 европейца, 1.261 японец, 1.361 кореец и аж 10.181 китаец (как же точно – до одного человека – всех переписали!). Напротив граф, где значатся аборигены (гиляки, гольды, орочи) и иностранцы (но русские подданные), стоят в таблице прочерки.

Следующая перепись, забежим вперед, проходила в 1912 году и тогда во Владивостоке уже проживало 91.464 человека, в 1914-м – 119.806 человек, из них, назовём для любопытных, было: 1.821 дворянин, 78 служителей культа, 22.720 купцов и мещан, 38.144 крестьян и б. ссыльных, 20.743 военных, 2.494 казака, 215 орочей, 1.034 корейца – русских подданных, 1.571 «прочих», а иностранцев – около 50 тысяч и больше всего – 24.770 – китайцев.

Но что же растревожило в самом начале века этот многонациональный «улей», облепивший склоны сопки и падей по берегам Золотого Рога?

Царское правительство увлеклось утверждением своего присутствия в Китае, или, как тогда писали, «новым оплотом империи на Востоке», выделяя всё больше средств на строительство КВЖД и военной базы в Порт-Артуре, коммерческого порта Дальнего. Рост Владивостока между тем замедлился. Введённое ещё в 1862 году так называемое порто-франко, т.е. предоставление порту права на беспошлинный ввоз и вывоз товаров иностранцами, в 1901 году

отменили. И тотчас же вдвое подскочили цены на мясо, сахар и масло, лихорадить стало торговлю, морские перевозки.

Очень напугала владивостокцев война в Китае с мятежниками и объявленное военное положение. Проведённая как раз в июне 1900 года мобилизация в городе, где было много уволенных в запас солдат и матросов, значила закрытие или сокращение работ на стройках, в порту, железной дороге и других казённых и частных учреждениях. Корабли с войсками покидали гавань и брали курс на Порт-Артур. Арсеньев мог прочесть в одном из свежих номеров газеты «Восточный вестник» такое мнение репортёра: *«Положение горожан теперь можно сравнить с положением больного человека, который томится, волнуется и не знает, чем кончится его болезнь».*

Вот такими не радостными известиями встретил Владивосток нового своего жителя.

Как человек военный, да ещё недавно на Амуре понюхавший пороха, Арсеньев мог рассуждать и так, задавая себе вопрос за вопросом. На гербе города изображён тигр. Это понятно, он – царь зверей уссурийских джунглей. Но зачем у него такой оскал и передняя правая лапа грозно поднята? Чтобы, как писал Пушкин об основанной Петром новой столице, и «отсель грозить...»? И кому грозить? Китай – несерьёзный пока (пока!) соперник. Значит, стране на островах, протянувшихся за ближним морем. Как ещё плохо, мало мы знаем о Японии и японцах! А когда узнаем?

Неужели на поле боя или на бастионах крепости, где мне слушать?

А может быть скоро и воевать?

На город опускалась куда быстрее, чем в северных широтах, где прошли его детство и отрочество, чёрная ночь. Так непривычно... В домах, прилепившихся к сопкам, на главной улице Светлановской, на причалах и судах, силуэтами застывших там и сям в бухте, стали загораться огни. Арсеньев прищуривается: они трепещут, сливаются в пятна, в полосы... Вода отсвечивает жёлтыми бликами.

Действительно золотая, спускаясь к бухте по каменистым уступам и кривым переулкам, думает Арсеньев, отбросив мрачные мысли.

Почему-то вспомнился миф о путешествии древнего грека Язона в сказочную страну Колхиду. Прочёл он его в книжке из библиотеки отца ещё в детстве. Золотую шерсть барана – руно (а рога у него тоже золотыми были?) охраняли дракон (не с востока ли?) и быки, извергавшие из пасти пламя. Волшебница Медея помогла Язону завладеть золотым руном. И не одна она, но и те, кто от-

правился с ним в путешествие: отважные искатели приключений – аргонавты.

Встретит ли он таких здесь, на Дальнем Востоке?

А может быть, – неожиданно мелькнуло, – и Медею свою найду?

Тотчас отогнав эту шальную мысль, стал думать об оставленных им в Питере жене и малютке, который должен был уже родиться. О матери и отце, сёстрах и братьях... И вдруг напала на него тоска по близким своим, оказавшимся так далеко, по городу, где сейчас «одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса».

Да нет, мелькнуло в голове, белые ночи уже закончились...

Не знал, не знал Владимир, что его будущая «Медея» уже пять лет живёт с папой, мамой и двумя сёстрами где-то тут, прыгает в своём дворе через скакалку, носит косички и осенью готовится пойти в гимназию, так как ей уже пошёл восьмой год.

Яркие, тоже золотом мерцающие созвездия, каких в северной столице было не разглядеть, взошли над Владивостоком. Задрал голову: расположены не совсем так, как на моей родине...

Что-то они мне предсказывают?

И где же среди них моя звезда?

Началась служба во Владивостокской крепости.

Первые «шаги» поручика Арсеньева были не ахти какие. Снова заглянем в послужной список: с 18 августа по 1 октября временно исполняющий должность адъютанта 1-го батальона в полку, затем опять и. д. заведующего командой в полку – до мая 1901 года, когда принял, снова временно, командование 9-й ротой. Уже 1 сентября – сдал командование, что делал месяц – неизвестно, 6 октября следующего года назначен и. д. заведующего учебной командой, через месяц, с 7 октября 1902 г., снова – в пятый раз! – и. д. полкового квартирмейстера и заведующего полковой лавкой.

Только 9 января 1903 года наконец-то назначен, а 21 января утвержден «полноценным» начальником Владивостокской крепостной конно-охотничьей команды, сдав должности квартирмейстера и зав. лавкой.

«Нашла героя» и первая награда, о которой упоминалось выше: 10 февраля 1902 года Арсеньеву вручили серебряную медаль «За поход в Китай: 1900–1901 гг.»

О том, чем поручик Арсеньев занимался первые два года службы в крепости, его биографы писали так: «Очень скоро вновь прибывший офицер, отличавшийся высокой дисциплинированностью, исполнительностью и редкой любознательностью, обратил на себя внимание полкового начальства)..., «Арсеньев использует любую возможность, будь то исполнение служебного задания или корот-

кое время отдыха, для изучения Русского острова, окрестностей Владивостока и соседних с ним районов».

Выписываю из другой книжки: «...Будучи в общем-то городским – Ломжа не в счет – петербургским молодым человеком, не приспособленным к местным условиям и порядкам, Арсеньев словно заново рождался на свет. Очутившись во Владивостоке, шагнув в тайгу, которая подступала прямо к Первой речке, окинув взглядом дали... он, по его выражению, почувствовал будто попал на другую планету и захлебнулся нахлынувшими впечатлениями... Его любознательная и восприимчивая натура не могла удовлетвориться увиденным. С ружьём за плечами он подолгу бродил в окрестностях Владивостока, благо командир полка отнёсся к нему с пониманием и разрешил отлучаться из расположения части, когда вздумается... Он уединялся в тайге, постепенно привыкал к ней».

Может быть так и было. Хотя вряд ли у занятого по службе поручика находилась уйма времени бродить, уединяться в тайге. Или у молодого офицера были столь либеральные командиры, а в крепости воинская дисциплина хромала на обе ноги?

Да, в воспоминаниях Арсеньев признавался, что в службе он разочаровался уже в первые годы, когда стал тянуть военную лямку. Но написаны они были незадолго до смерти. Тогда он хотел свой дореволюционный период жизни представить в выгодном для себя свете.

Думается всё же, что если у него и появились такие настроения, то куда позже.

Откровеннее рассказывала Анна Константиновна: «Во Владивостоке, если так можно сказать, Володя был в загоне, такой, как все...».

Когда жена летом 1901 года приехала во Владивосток, они поселились в офицерском доме на седьмой Матросской улице. В тот же год, вспоминает она, «Володю схватил лёгкий туберкулез... Я пошла к командиру полка Орлову: «Пожалуйста, отпустите Володю на месяц или больше в лес. Там на воздухе хворь пройдёт». Он отпустил, Володя ушёл с солдатами, там что-то искал, писал, работал. Из леса Володя пришёл весёлый, румяный и совершенно здоровый». Ещё о полковнике Орлове: «Орлов хвалил научные изыскания Володи в лесу и по инородцам. Хороший был командир».

Упомянула жена и первого денщика Арсеньева по фамилии Исаков: «Расторопный был человек, помогал мне по хозяйству»; запомнилось ей, что по сравнению с Ломжей муж «стал получать в два раза больше: 100 рублей золотом». И снова она рассказывает, что Владимир очень любил возиться с разной живностью: «При-

ехала во Владивосток, а у него змеи. «Не зайду, пока не уберёшь своих змей». Убрал. Володя ходил на экскурсии и всё собирал».

Приведём одно место из чисто женских воспоминаний: «До приезда в Приморье был Володя очень худым, некоторым он казался даже хрупким. Помню, полковые дамы спрашивали меня: «Отчего ваш муж такой щупленький?» Я молчала, не говоря им, что худоба Володи от переутомления – служба, дальняя дорога, чтение книг и подготовка к Академии. Несмотря на поджарость, муж был крепок и легко носил на себе два пуда (т. е. более 32 кг. – Б. С.) по пять – десять вёрст».

О том, как «переутомляла» его служба, жена не вспоминала. А ведь тогда Арсеньеву прежде всего надо было утвердиться в офицерской среде, не уронить себя перед служивыми. Он по русской пословице «от ляжки (т. е. от нижнего чина) выслуживался», ему подчинялись «казённые люди», про которых говорили: «Коли у русского солдата поясница поразомнётся да ноги поразмотаются, так только держись подмётки».

Таким ни в чём нельзя было уступать, иначе навсегда лишишься доверия и авторитета.

Этого «позволить» себе Арсеньев никак не мог.

Приведу ещё одну цитату из книги И. Кузьмичёва: «Арсеньев достаточно узнал нравы провинциального гарнизона. Всякая попытка держаться более или менее обособленно, всякая «штатская мягкотелость» не вызывали у гарнизонных обывателей одобрения, а «подчёркнутая нравственная чистоплотность» сразу же бросалась в глаза...»

Было в поведении этого поручика с самого начала дальневосточной службы нечто странное для «здоровомыслящего» окружения: исполнительность, аккуратность и вместе с тем непривычная ершистость, обострённое чувство собственного достоинства; ощущалась в нём внутренняя сосредоточенность, нацеленность на что-то главное; однако он умел ладить с подчинёнными и, когда требовалось, с начальством, был благожелателен ко всем, с кем ему случалось работать, и его добродушие, его уживчивость компенсировали манеру держаться несколько особняком. Не поступааясь своими планами и не желая прослыть выскочкой или чудаком, Арсеньев искал такой должности, которая позволила бы ему сочетать службу с самостоятельными научными изысканиями, пусть самыми скромными».

Интересная характеристика. Только немного напоминает те, что писались во множестве в недалёкие времена, когда кого-то «выдвигали», хотели отличить и т.д. И потом: зачем вот такое противопоставление действительно незаурядного человека и некоего «здоровомыслящего» (в кавычках!) окружения?

Владимир Клавдиевич, повторим, сам подобно его отцу тоже был из числа здравомыслящих (без кавычек) и тогда, да и потом это не раз демонстрировал – и при царской и при красной власти.

Да и не один он был такой.

Можно назвать немало фамилий людей, с которыми в первые же годы жизни во Владивостоке Арсеньев познакомился, а позже сблизился «на почве общих интересов». Интересов к науке. Но ведь по профессии это были не дипломированные географы, этнографы, археологи, геологи и проч., а те, кто, как и наш герой, находился на военной службе.

Перечислим лишь некоторых.

Военный врач того же крепостного полка Н.В. Кириллов; выпускник Александровского военного училища, в начале карьеры в Приморье старший хорунжий, затем сотник, заведующий казачьим поселением Н.А. Пальчевский, о котором Арсеньев отзывался необыкновенно высоко; полковник С.Н. Ванков; офицер А.И. Мерзляков; поручик П.В. Шкуркин; наконец, из высших чинов: Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков, чьё имя и доселе носит Хабаровский краеведческий музей; губернатор Приморской области, генерал-губернатор Приамурского края П.Ф. Унтербергер и занимавший тот же пост после него Н.Л. Гондатти.

Все они были активными членами Общества изучения Амурского края, многие участвовали или руководили экспедициями, проводили интересные исследования, писали научные статьи и даже книги, принадлежали к числу высокообразованных интеллигентов, конечно же, своего времени.

Нисколько не идеализируя «нравы провинциального гарнизона», хочется тем не менее обратить внимание вот на что. В тогдашней русской армии, особенно в тех её соединениях и частях, что квартировались по дальним границам, окраинам России, офицеры, исправно выполняя армейский долг и, случись что, были готовы вести солдат в бой, успевали (не все, конечно, однако и не единицы) заниматься, если так можно выразиться, гражданскими делами.

Одни писали стихи и повести, другие романсы, прелюдии и даже оперы, третьих тянула страсть к наукам.

Причём, если говорить о третьих, к коим скоро активно примкнул Арсеньев, ими, заметьте, не руководило стремление поставить эти занятия на первое место, манкируя воинскими обязанностями, или для того, чтобы скорее уйти в отставку и, надев гражданское платье, сделать научную карьеру, получить учёную степень, прославиться и т. д.

Руководило, как правило, ими нечто иное, что в наше время понять не так просто. Это природная любознательность, помноженная на фундамент тех широких знаний, что давали военные учебные заведения и самообразование.

Ещё – желание разобраться в окружающем, таящем так много загадок мире.

Владели ими и некие чувства, которые назывались одним словом: *патриотизм*. Такие люди, не удовлетворяясь только военной службой, стремились принести как можно больше пользы Отечеству. О чём, кстати сказать, не стеснялись открыто, порою по нынешним меркам высокопарно, но искренне заявлять.

А главное, подкреплять делами.

Надо добавить, что военное ведомство, официальные лица поощряли такие занятия и, что тоже очень важно, субсидировали их (об этом много раз писал В.К. Арсеньев). Потому что они обязательно сопрягались – возьмем только Дальний Восток – с военными, оборонными целями.

Было почётно вместе с офицерскими званиями иметь ещё, например, такое: «член Императорского Русского Географического общества». Его отделение на Дальнем Востоке носило название «Общество (или отдел) изучения Амурского края».

Императорское общество было одним из старейших подобных в мире. Учреждено 6 августа 1848 г. в Петербурге по инициативе адмирала Ф.П. Литке, который стал его вице-председателем, а председателем – светлейший князь. Кто-то из царской фамилии обязательно это общество возглавлял и отнюдь не формы ради.

Согласно уставу, в обществе было четыре отделения: общей географии, географии России, этнографии, статистики России. Весь цвет русской географической науки состоял в этом обществе, и благодаря тем, кто в него входил, оно снискало мировую славу, а в России – уважение и почёт.

Владимир Клавдиевич хорошо об этом знал. И с благословения ли своего командира генерала Орлова, при поддержке ли новых друзей или же прежде всего поддавшись какому-то внутреннему зову стал на тропу, которой пойдёт до конца дней.

Но надолго, начав службу в крепости Владивосток, останется, образно говоря, «крепостным».

Или скажем проще: человеком в погонах, верным присяге и воинскому долгу.

Крепость.

Теперь во Владивостоке это одна из исторических реликвий – музей и памятник федерального значения. Даже по тому, что со-

хранилось, можно судить о некогда могучих фортификационных укреплениях, батареях и редутах, подземных сооружениях...

Активно строилась крепость с конца XIX века и до начала Первой мировой войны. Масштабы для того времени невиданные. Так, на острове Русском возвели 16 фортов и 27 береговых батарей, пороховые погреба и патронные склады, пристань для кораблей, минно-пристрелочную (торпедную) станцию, 4 телефонные станции. Общая площадь крепости составляла 400 кв. км. Из них 100 «квадратов» приходилось на остров Русский, где в основном и проходила служба Арсеньева. Население острова к 1908 году достигло 25 тыс. человек.

Чуть позже Арсеньева (в 1913–1914 гг.) на Русском служили будущий генерал Корнилов, композитор Кюсс, автор известного вальса «Амурские волны» (он посвятил его не реке Амур, как многие считают, а Амурскому заливу).

На острове сохранилась легенда, что в 1901 году Арсеньев завёз сюда стадо пятнистых оленей и даже планировал организовать питомник. Олени, утверждают, погибли от ящура. Впрочем, известный знаток биографии Арсеньева хабаровчанин Г. Лёвкин считает, что это полная чепуха.

Как не сказать тут, что через столетие об острове Русский узнают во всей постсоветской России и даже за рубежами её. Остров, который был долго-долго лишён внимания как городских властей, так и военного командования, был выбран центром проведения международного саммита АТЭС в 2012 году. Он просто сказочно преобразился, теперь связан с материком чудо-мостом...

Все постройки, которые выросли на Русском, перешли после саммита Дальневосточному университету.

Главным контролёром по казарменным и крепостным сооружениям в Южно-Уссурийском крае был будущий зять Арсеньева, статский советник Н.М. Соловьёв. Он окончил инженерный отдел Московского межевого института и приехал с семьёй тоже из Польши в конце XIX века. Николай Матвеевич внёс свою лепту в строительство крепости. В годы, описываемые нами, она достраивалась, оборудовалась: ставили мощные орудия, завозились боеприпасы.

Велись учения, полным ходом шла подготовка к...

К чему же ещё? Все были уверены, что война совсем близка.

Причём самым вероятным противником назывались не англичане и тем более не китайцы. Отношения между Россией и столь многонаселёнными державами стабилизировались.

Во Владивостоке все толковали о войне с восточным соседом. Японцы особо не скрывали своих планов в отношении России. Приведём лишь одно характерное высказывание. Японский по-

сланник виконт Хаяши заявил в Лондоне русскому посланнику: «Занятие вами Порт-Артура проложило глубокую борозду между Россией и Японией».

И добавил: «Оно породило в японцах и несомненную жажду мщения».

Незадолго перед войной немецкого морского министра гросс-адмирала А. фон Тирпица принимал Николай II. Позднее в своих записках Тирпиц вспоминал, что после его слов о кровной заинтересованности немцев в победе русского оружия над Японией Николай ответил: «Я ненавижу японцев». Было за что. В 1891 году, когда он, будучи великим князем, посетил «страну восходящего солнца», в Киото его чуть не убил нанесший ему сильный удар по голове мечом некто Цуда Санзо.

Поэтому, как вспоминал немецкий адмирал, царь «не верит ни одному их слову и отлично сознаёт всю опасность положения».

Тогда же в правительстве, как писал уже после русско-японской войны её участник контр-адмирал Д.В. Никитин, считали, что «путь к владению Владивостоком лежит через Порт-Артур». В представленном императору военным министром генералом от инфантерии А.Н. Куропаткиным плане говорилось, что война, по его убеждению, развернётся в Маньчжурии, а морские крепости Порт-Артур и Владивосток останутся на флангах.

Имелся секретный план и у японского императорского командования. В нём предусматривалось, что после внезапного нападения на Порт-Артур и занятия его, а затем Маньчжурии, в случае, если Россия не пойдёт на мир, последуют «уничтожение русских корпусов по частям по мере подхода их из Центральной России, захват Уссурийского и Приамурского краев».

Вот в какой предгрозовой обстановке начал свою службу на Дальнем Востоке наш герой. Во Владивостоке, по крайней мере военные, а значит, и Арсеньев, хорошо понимали: война может начаться очень скоро.

Между тем дела в крепости обстояли неблестяще. Затягивалось поступление из центра артиллерийского вооружения, ряд построенных укреплений не был рассчитан на долговременную осаду, если вдруг случится. Другие ещё достраивались.

А.Н. Куропаткин, объезжая с инспекцией предполагаемый театр военных действий незадолго до начала японского нападения, сделал в дневнике после посещения Владивостока такую откровенную запись: «Общее впечатление неблагоприятное – не вижу идеи в применении к местности. Садили батареи и укрепления там, где по местности это было выгодно, не связывая общей идеей то, что делали... Артиллерийское вооружение, в общем, устарелых образцов».

Приведём рассказик Анны Константиновны о посещении такого важного гостя Владивостока: «...В русско-японскую войну 1904 года приезжал Александр Куропаткин, генерал, небольшого роста, седой, под шестьдесят лет. Он командовал русскими войсками в Маньчжурии, потерпел поражение. Всё время говорил: «Терпенье, терпенье, всё будет ладно». По случаю приезда министра в офицерском собрании устроили бал. Были наши молодые дамы. Он был в эполетах, раззолоченный. С каждой дамой потанцевал, был галантен. Его ругала вся Россия: «прокакал войну».

Правда, после этого посещения фортификационные работы в крепости стали вестись более энергично, но оборудовали все объекты уже после того, как японцы осадили Порт-Артур.

Что же представляла к 1904 году в общих чертах главная линия обороны крепости? Она проходила в 3–5 километрах от города и состояла из северного и южного фортов, имела ряд укреплений, соединённых непрерывной оградой.

С суши и со стороны моря оборона опиралась на пять фортов (крупные укрепления долговременного характера), три люнета (открытые полевые укрепления), два редута (земляные укрепления с валом и рвом), два временных укрепления и 11 открытых артиллерийских батарей. Сооружалось спешно много окопов, блиндажей и других объектов полевой фортификации. Кроме того, на острове Русском построили два форта и пять открытых батарейных позиций.

Однако главная линия крепостной обороны по своей дальности, как это стало понятно, когда война началась, не могла обеспечить защиту города от артиллерийского обстрела японцами с моря. «Опасность состояла в том, – цитируем вывод военного историка А.В. Шишова, – что в случае японского десанта на юге Приморского края и осады Владивостокской крепости её защитникам крайне трудно было бы вести с неприятелем контрбатарейную борьбу...

Оставались нерешёнными и многочисленными проблемы тылового обеспечения русских военных сил».

Опасность исходила и изнутри.

Во Владивостоке было очень много иностранных подданных, а уж китайцы и корейцы просто кишмя кишели. Кстати сказать, в основном их рабочую силу и использовали на строительстве крепостных сооружений. Некий историк, живший во Владивостоке, писал так: «1903 год был положительно кошмарным (надо же: соединил такие два противоположных по смыслу слова! – Б. С.) годом, благодаря постоянно ожидаемому разрыву с Японией. В этой атмосфере нельзя было ожидать чего-нибудь благотворного для города и поэтому наблюдался полный застой во всех отраслях».

Но, думается, историк всё же сгустил краски.

Как-то горожане продолжали жить. Одни молили Бога, чтобы японец не напал, а кто-то собирал пожитки, чтобы навсегда отсюда поскорее уехать «в Расею», и только ждал, когда пойдут «сквозняком» поезда по Китайско-Восточной железной дороге. В том самом 1903 году она наконец открылась, и Владивосток получил более короткую железнодорожную связь с остальной Россией.

Но кто-то же по этой дороге ехал и сюда...

Город продолжал застраиваться. Порой и вот каким «способом». Приведём лишь один штрих из тогдашней городской действительности. На заседании местной думы был зачитан любопытный доклад, заметьте, в сентябре 1904 года, когда Порт-Артур отчаянно сопротивлялся врагу. И о чём, представьте, шла речь в нём? О незаконном строительстве летом минувшего года на вершине Жариковского оврага жилых построек.

Думцы поручили приставу наблюдать за тем, чтобы на этом месте строительство прекратилось, землемеру – составить планы захватов для предъявления исков. Однако эти распоряжения не остановили захватов и скоро выросла в городе целая так называемая Нахальная слободка.

Спросите, даже век с лишним спустя, сегодняшнего старожилы Владивостока, и он вам это место в городе укажет.

Впрочем, Владимиру Арсеньеву, жившему на казарменном положении на Орлиной сопке, где квартировала его конноохотничья команда, было некогда следить за разными городскими событиями. Например, вряд ли он стал читать начавшие в 1903 году издаваться «Владивостокские епархиальные ведомости» и «Владивостокский листок объявлений» и ещё выходившие четыре газеты и три журнала. Но, конечно же, он внимательно читал «Записки Общества изучения Амурского края». 16 мая того же года он стал членом этого общества.

Событие для него – знаковое, на долгие годы определившее вектор его деятельности на Дальнем Востоке.

Не пропустил, думается, и такое событие того же года наш герой. По инициативе приехавшей из Москвы замечательной русской актрисы Марии Паниной-Петипа открылся Общедоступный театр: ай да приморцы! Не хотели отстать аж от самой первопрестольной, где уже всходила звезда МХТ. В репертуар включили пьесы Николая Гоголя и Антона Чехова, Льва Толстого и Максима Горького...

Владимир Клавдиевич и сам попробовал себя в роли режиссера. 25 февраля 1901 года в газете «Владивосток» вышла такая заметка:

«В Гнилом углу, в казармах 1-го крепостного полка состоялся 11 февраля бесплатный солдатский спектакль, исполненный нижними чинами учебной команды. Режиссировал заведующий командою поручик Арсеньев. Было поставлено «Пираты. Феерия в 8 действиях с прологом». Пьеса разыграна с ансамблем. Видно, что поручик Арсеньев, любитель сценического искусства, немало приложил забот и старания, чтобы доставить полезное развлечение своим подчинённым, нижним чинам на далёкой окраине».

Но вряд ли Арсеньев был частым гостем Общедоступного театра. Да и заниматься в казармах режиссурой стало вскоре некогда. С приданными ему лихими служивыми, что и на конях гарцевать умели, и стрелками слыли неплохими, и, если что, не собирались, как говорится, праздновать труса, новый командир с раннего утра и допоздна, чаще всего за городом, «репетировал» другой «спектакль».

По «сценарию», написанному военным министром в уже известном читателям приказе № 260 об охотничьих командах.

Запомнилось Анне Константиновне, как Арсеньев на Русском острове ловил со своими охотниками одичавших коней: «У них глаза горели, кусались и вырывались. Подходишь к пойманному коню, а он весь дрожит. Бойцы Арсеньева их быстро усмиряли... И Володя тоже ловил их бесстрашно, ничего чужими руками не делал. Ловили «мустангов» лассо, то есть петлями...»

Не рос Владимир в семье казака и на коня сел впервые, лишь когда служить пошёл. Но ещё в Ломже стал учиться кавалерийскому делу, как будто знал, что это ему не раз пригодится. Стрелял тоже неплохо, рука у Арсеньева была твёрдая, глаз острый. Во Владивостокском обществе любителей охоты, куда его быстро приняли, поручика зауважали и даже вскоре избрали одним из директоров.

О деятельности общества он напишет интересный отчёт – первый известный нам его опыт «бумагомарания».

Семью свою Владимир почти не видел. А в ней произошло приключение.

Анна в 1902 году родила второго сына.

...Где-то перед новым 1904 годом Арсеньев пришёл довольно поздно домой очень встревоженный и огорошил жену словами: «Нам придётся расстаться. Со дня на день ждём объявления осадного положения, по которому семьи офицеров должны из крепости выехать. Николай Матвеевич Соловьёв, наш инженер, я тебе о нём рассказывал, уже проводил свою жену Юлию с детьми в Швейцарию к ее родителям, ты знаешь, она из тех краёв... Я решил и тебя с Волей и Олежкой в Питер отправить».

Анна с тревогой смотрела на него, не находя слов, понимая, что возражать бессмысленно. Наконец вымолвила: «Дети... как они перенесут дальнюю дорогу? Олечка такой ещё малютка».

Скоро они уехали. Младший сын действительно не выдержал испытания в дороге. Когда в феврале плыли на пароме через Байкал, он простудился и уже в Питере умер от менингита.

Похоронили его на Волковом кладбище.

Владимир узнает об этом не сразу... Смерть второго сына он долго не простит ни себе, ни жене. Но разве они были повинны в этом?

Война.

Она, как и все ожидаемые войны, началась неожиданно.

27 января 1904 года японский флот вероломно напал на русскую эскадру в Порт-Артуре.

Владивосток был на очереди?

Фронтовики хорошо знают операцию под названием «разведка боем». Одно из самых опасных, кровавых дел на войне, пострашнее штыковой атаки.

Поручик Арсеньев готовил свой отряд и к таким операциям. Но Бог милостив: огненный вал, охвативший чуть ли не всю Маньчжурию, через границу империи не пошёл. Захлебнулся в крови японской и русской...

Правда, по меркам будущих мировых сражений, эта первая в XX веке и во многом бессмысленная бойня продолжалась не так долго. 24 мая 1905 года в Царском селе состоялось заседание Особого совещания, которое проводил император. Николай II высказал свою монаршую волю: войну следует прекращать. На следующий день он приказал известить посла США, а через него президента Теодора Рузвельта, что Россия готова начать с Японией переговоры.

23 августа был подписан Портсмутский мирный договор.

Немного сохранилось достоверных сведений о том, чем же конкретно в эти полтора года занимались конноохотничьи команды Владивостокской крепости. Их было сначала две, а потом четыре, объединённые в единый особый батальон. Командиром его 30 июня 1905 г. назначили В. К. Арсеньева. А ранее повысили в звании: 9 марта он стал штабс-капитаном, а с 1 сентября ещё на полступеньки выше – «со старшинством» (это тогда означало «первенство перед находящимися в одном чине, но имеющими меньший срок службы»).

Назывался его батальон **летучим отрядом военной разведки**.

Теперь понятно, почему так мало о его делах известно: скудные сведения такого рода (секретные!) обычно долго не хранятся. Да и не принято было доверять бумаге разные там «деликатные»

дела. Приказы отдавались устные, об их выполнении докладывалось тоже с глазу на глаз.

Так что мы не можем определённо утверждать, как далеко отпавлялся за пределы крепости и на сколько дней «летучий отряд» Арсеньева. Или хотя бы отдельные группы разведчиков и с какими заданиями. Были ли, если доходили до границы с Кореей и Китаем, вооружённые стычки. Или как поступал командир с пойманными диверсантами, шпионами.

Ловил ли он их...

Агентурная разведка и контрразведка в русской армии и в других правительственных ведомствах, делали лишь первые шаги.

В изданной в 1906 году в Санкт-Петербурге книжке командира пехотного полка Е.И. Мартынова «Из печального опыта русско-японской войны» приведено высказывание о боевом духе японских солдат некоего вице-консула России, долго прожившего в Японии, который, видимо, «по совместительству» занимался сбором разведывательных данных:

«Японцы, как истые представители жёлтой расы, храбры лишь при успешном ходе дела; наоборот, малейшая неудача возбуждает в них неудержимую, безграничную панику».

Вот такими были у нас тогдашние «Зорге».

Военный министр, а затем командующий войсками в Маньчжурii генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин, «прозрев» только после бесславного окончания войны, вспоминал в отчётах о своей инспекционной поездке по уссурийским частям об одном из русских «экспертов» по японским делам, который «утверждал во Владивостоке до начала войны с Японией, что мы можем считать одного русского солдата равным трём японским».

Уже после первых поражений он резко изменил своё мнение и объявил, что «если желаем одержать победу, мы должны выставить на каждого японца по три русских».

Но не сам ли Куропаткин, опять же полагаясь на некие агентурные данные, писал: «Японцы любят есть по утрам и, не поевши спокойно утром, чувствуют себя весь день слабыми». Исходя из такого дикого утверждения он приказывал: «Этим пользоваться и мешать правильному питанию японцев по утрам».

Это не выдумки досужего историка, а цитата из документа, вышедшего из-под пера командующего 15 апреля 1904 г. под названием «Указания начальникам Маньчжурской армии до ротного и сотенного командира включительно и всем начальникам штабов». Справедливости ради необходимо сказать, что Куропаткин в этом же «указании» говорил, что с японцами «надо считаться по европейскому масштабу».

Но далее уповал в победе лишь на Господа: «...Мы имеем над японцами огромное преимущество в нашей религиозности, в вере в промысел божий».

Думающим офицерам с опытом, пусть мирной, но все же кадровой службы в приграничных войсках, к которым, несомненно, относился тридцатидвухлетний В. К. Арсеньев, такие вот «суждения» и «указания» отнюдь не добавляли веры в нашу победу.

Представить, в каком настроении пребывал наш герой, несложно. Но служба есть служба. И тут он руководствовался не рассуждениями высших чинов и «экспертов», а конкретными распоряжениями. Например, в «Положении о полевом управлении войск в военное время» говорилось о необходимости сосредоточивать сведения о неприятеле и местности, обрабатывать их и приводить «в удобный для пользования вид». В управлении при штабе Главнокомандующего создавались четыре отделения, среди которых были такие: разведывательный и топографический.

Летучий отряд штабс-капитана Арсеньева как раз этим и занимался. Поэтому процитируем из этого Положения статью 202: «К предметам занятий разведывательного отделения относятся: а) собирание сведений о силах, расположении, передвижениях и намерениях неприятеля; б) собирание статистических сведений о театре войны и содержание их в постоянной исправности; в) отыскание надёжных лазутчиков и проводников из местных жителей, содержание тех и других и распределение их по назначению, согласно получаемым указаниям; г) опрос пленных и лазутчиков, проверка полученных данных о неприятеле, обработка всех этих сведений, составление общего вывода и сообщение войскам того, что будет признано необходимым для облегчения частных соображений...».

Правда, это Положение сочинялось еще задолго до войны, но приходилось руководствоваться вот такими бумагами. А нам оно позволяет с какой-то долей определённости понять, что входило в круг обязанностей конноохотничьей команды Владивостокской крепости и её батальонного.

Владивосток ждал нападения: высадки десанта или наступления войск микадо из-за границы, откуда лезли японские лазутчики и куда посылались наши. Нашими были преимущественно завербованные из числа проживающих в Приморье китайцев, так называемые агенты-ходоки. (В цитированном выше Положении определялись даже расходы по содержанию шпионов, лазутчиков и пр.)

Вот как описывается специалистом по истории разведки работа агентурной сети в войсках во время русско-японской войны. Для

«опросной» разведки нанимались китайцы, в обязанность которых входило посещение курилен опиума, постоянных дворов и гостиниц. Связь осуществлялась разными путями. Например, через верных русским властям местных богатых китайцев, тех же чиновников отделений русско-китайского банка, акционерных обществ, представителей торговых фирм. Им такие «услуги» щедро оплачивались. Обычно давался аванс 500 рублей заимообразно и 500 рублей безвозвратно. Затем они получали ежемесячно 1800 рублей и уже сами расплачивались с агентами.

Русский офицер, который занимался этой работой, получал ежемесячно от штаба армии 1000 рублей, и при наличии у него, например, 15 агентов-ходоков плата каждому составляла от 40 до 100 рублей в месяц.

Давались и вознаграждения, соизмерявшиеся со степенью опасности предприятия и ценностью добытых сведений. Обычно уплачивалось от 15 до 50 рублей. Очень ценилось, если удавалось (что было редкостью) добыть «языка». По приказу Куропаткина, как писал Е.И. Мартынов, за пленного солдата давали 100 рублей, а за офицера – 300 рублей, «независимо от обычной награды за военное отличие».

Стоит, правда, заметить, что охота за «языками» не одобрялась в среде наших офицеров. Процитируем мнение на сей счёт знатока «кодекса чести» русских офицеров: «Эта мера считалась глубоко противной с точки зрения общепринятой морали при открытой войне между двумя равноправными воюющими сторонами». Тогда ещё помнили о морали...

Несколько слов и о том, как обычно работали агенты-ходоки. Часто они ходили группами по известным маршрутам, во-первых, чтобы вести разведку непрерывно, а во-вторых, чтобы иметь возможность проверять работу одних агентов работой других.

Агенты «учились» на ходу и постепенно всё более осмысленно относились к заданиям. Ценились, так сказать, материальные результаты. Так, например, они находили письма, конверты, газеты, бирки с ружей, одежду со штемпелем военной части и приносили пославшим их.

Впрочем, нельзя было положиться на честность агентов. Они или «растворялись», или их ловили японцы и без всякого суда казнили, порой самым жестоким способом, например, зарывали в землю живыми. Не хватало переводчиков. Даже от открытого в 1899 году во Владивостоке Восточного института пользы было мало: выпускники знали язык теоретически и в качестве переводчиков были крайне слабы.

Местные власти совершенно не интересовались, говоря современным языком, «за кого» коренные народности и давно осевшие

Обстрел Владивостока японской эскадрой.
Рисунок на листовке, посвящённой русско-японской войне.

на пограничных землях корейцы и китайцы. Их тогда однозначно считали дикарями, как бы сбрасывая со счетов.

А напрасно...

Как раз Арсеньеву, первому, скоро предстоит открыть глаза власть предрержащим и – шире – учёному сообществу, цивилизованному миру, насколько ошибочно, антигуманно такое отношение к аборигенам.

Рейды, дежурства охотников-разведчиков велись в крепости круглосуточно. Все понимали, враг коварен, может напасть так же внезапно, как и на Порт-Артур.

Вражеские эсминцы часто замечались неподалёку от берегов Приморья. В планы японского командования входила десантная операция по захвату Владивостока. Для этой цели планировалось выделить 80 тысяч войск, 200 осадных орудий, эскадру крейсеров и миноносцев.

Первый раз японская эскадра в 10 вымпелов подошла к о. Русскому 12 февраля. 6 марта эскадра адмирала Камимуря вновь показалась на виду Владивостока. В 13.30 пять японских кораблей приблизились к крепости на дистанцию в 2 мили и открыли огонь по фортам Суворова и Линевича, полуострову Басаргина, долине речки Объяснения, впадающей в Золотой Рог. Под перекидной огонь японских орудий попали казармы Сибирского экипажа, стоящие на сопках батареи.

Огонь вёлся в течение часа. В городе ранены пять матросов и убита беременная женщина, мать четверых детей. На наших броненосных крейсерах «Россия», «Громобой», «Рюрик» и лёгком крейсере «Богатырь», стоящих в западной части бухты, сыграли боевую тревогу. Но бухта была полна льдом, и пока крейсера из него выкарабкивались, японцы, выпустив 200 снарядов, ушли за черту горизонта.

Появлялись они и на другой день, но огонь не открывали.

Вот что писал 19 марта об этой бомбардировке А.П. Чехов в Ялту его знакомый Б.А. Лазаревский, военный юрист и начинающий писатель, назначенный накануне войны следователем во Владивосток. Вначале он поделился своими впечатлениями о городе: «...Хорошие дома и невылазная, невероятная грязь. Паршивый № в гостинице... Из окон хороший вид на бухту, справа от нас т. н. минный город, в который целят японцы. В четырёх сажнях от моего окна зарылся снаряд восьмидюймового орудия. Махитит попадания приходится на это место. На флаг Красного креста не обращают внимания».

В руки автора попала ещё одна «эпистола», помеченная декабрём 1904 года. Эту открытку, на которой художником изображены ро-

зовые гвоздики, написал будущий зять Арсеньева Н.М. Соловьёв. Видимо, она была вложена в бандероль, посланную жене Юлии в Швейцарию, куда, как мы уже знаем, она уехала с детьми. Главный контролёр Владивостокской крепости семью не пугает, о войне – ни слова. Он пишет, что посылает им книгу о стране, куда они поехали: <она> *«прекрасно составлена м-м Величкиной. Посылаю её детям с просьбой так же внимательно прочесть её, как прочёл папа... В конце её масса сведений, которые пригодятся детям, когда они будут путешествовать с тобой по Швейцарии...»*

И далее интересное добавление, из которого можно заключить, что жизнь во Владивостоке проходила не только в тревогах и ожидании штурма: *«Я сегодня на свадьбе. Выходит замуж подруга покойной В. Сальской, ты её видела у м-м Михельсон. Очень хороша финляндка лет 25-ти. Целуй детей. Твой Николай».* И P.S.: *«У нас обильно цветёт большая камелия. А с маленькой все бутоны обвалились. Всего два цветка дала».* (Из личного собрания В.Н. Красевой.)

Какие милые подробности...

А это свидетельство безымянного корреспондента газеты «Московский листок», опубликованное 1 апреля 1904 года: «Во Владивостоке всё спокойно. В тёмную ночь Светлого праздника Пасхи громовые выстрелы с батарей крепости по обычаю салютовали наступлению светлого радостного дня. В соборе, в ограде при нём... великолепную картину представляли собравшиеся здесь русские люди с зажжёнными свечами, возносившие и свои слёзы, и свои молитвы господа о даровании победы над врагом... На бульваре у памятника Невельскому играет по вечерам военная музыка, в театре ежедневно идут спектакли.

Горожане вместо пасхальных яиц дарят друг другу осколки и кусочки от снарядов, брошенных в город японцами при его бомбардировке»...

Но не всегда благостными были телеграммы из Владивостока. Приведём ещё несколько коротких сообщений из той же газеты: «Город остался без парикмахеров, прачек и женской прислуги»... «Восточный институт и учебные заведения распушены»... «Цены на продукты подорожали на 25 процентов, а квартплата понизилась на 50 процентов, так как много жителей в панике уехало из города».

В апреле в немецкой газете «Berliner Tagerblatt» был напечатан такой «прогноз»: «Осада Владивостока только, будто бы, вопрос времени. К нападению на него и высадке там войск японцы делают серьёзные приготовления».

Угроза вторжения в Приморье стала вполне реальной к концу 1904 – началу 1905 гг. Созданный отдельный Южно-Уссурийский

отряд под командованием генерал-майора А.Д. Анисимова, стал по сути дела подвижным резервом гарнизона крепости. В нём насчитывалось 22 600 штыков, 306 сабель и 64 полевых орудия. Уссурийский конный отряд под командованием полковника И.Д. Павлова переходил госграницу и нёс там дозорную службу и даже совершил дерзкий набег на порт Гензан.

Этим дело не ограничилось. Вскоре генерал-майора Анисимова назначают командовать так называемым (по району действий) корейским отрядом, державшим оборону по линии Хернен – Огны. Впереди этой линии постоянно действовали дозорные казачьи сотни и разъезды, не упуская случая вступать в стычку с японцами. Бои велись и за горные перевалы. Отряд успешно отбивал нападения японцев, например, у селения Кильджу.

Участвовал ли в этих вылазках батальон Арсеньева, не известно.

Рвался ли наш герой со своими охотниками на передовую? Писал ли, например, рапорты?

Вряд ли.

Угар патриотизма и шапкозакидательства, что охватил слои интеллигенции да и часть народа в центре России, людям, жившим «рядом с войной», тем более кадровым военным, не был свойствен.

Доходившие до них куда раньше, чем в столицу, вести из Порт-Артура и с маньчжурских сопок, наконец, о разгроме нашей эскадры в Цусимском проливе очень влияли на умонастроение таких офицеров, как Арсеньев. Не могли не подействовать на него и бездарность командования, и те язвы на теле нашей армии, которые война вскрыла. Всё более отвращала и полная зависимость от устаревших регламентаций, связывающих по рукам и ногам уставных требований и проч.

Разве, например, могли Арсеньева воодушевить на ратные подвиги доходившие до него сведения о том, как в других дивизиях, воюющих на фронте, велась разведка такими, как у него, особыми подразделениями?

Вот что об этом позже написал очевидец А. Свечин:

«Команды пеших и конных разведчиков при полках и даже батальонах [...] работали добросовестно. Но в общем разведка велась крайне неумело. Особенно неопытны и неумелы были не младшие начальники-исполнители (как В.К. Арсеньев. – Б. С.), а высшие, руководившие разведкой...»

«Как сквозь сито гнали через неприятельские аванпосты наши охотничьи команды. Из полков выбирались лучшие нижние чины, лучшие офицеры. Им давались самые туманные инструкции, собранные команды угонялись за 100 верст на гибель, тем более верную, чем отважнее были офицеры. Сотни пропавших без ве-

сти оплачивали совершенно настоящие сведения, принесённые одним удачником...

Примерно около 8 июля была выслана масса команд охотников – от всего Восточного отряда свыше 10 команд; никто не возвратился. В безрезультатных охотничьих предприятиях было загублено не менее 15% офицеров отряда и 10% солдат... В этих разведочных делах мы теряли не только лучших людей Восточного отряда, мы теряли веру в себя, мы постепенно приучили всех к неудачам, постепенно разучивались одерживать победы».

Какие откровенные и горькие строки!

Если бы все же высадился японский десант на полуострове Муравьёва-Амурского, то в «разведку боем» был бы, конечно, брошен крепостной отряд штабс-капитана Арсеньева. Вернулся бы он со своими конниками с поля битвы?..

Как известно, сослагательного наклонения история не признаёт.

Не высадились японцы. И слава Богу.

Что же касается канувших в Лету конкретных фактов действия военно-охотничьей команды крепости, то так ли уж важны прямые доказательства храбрости, верности долгу её стрелков и их командира?

Впрочем, этому есть веские подтверждения.

Кроме повышения по службе, В.К. Арсеньев 24 августа 1904 года награждается орденом Св. Анны 4-й степени, 8 июля 1905 года – орденом Св. Станислава 3-й степени, а буквально через четыре дня – случай беспрецедентный (тем более, если учесть, что дела на войне шли совсем неблестяще) – выходит указ о награждении его орденом Св. Анны 3-й степени.

Наконец, в марте 1907 года Арсеньев удостоился ордена Св. Станислава 2-й степени, как говорится в послужном списке, «пожалованного за отлично усердную службу», а 14 октября того же года «всемилоостивейше пожалован» орден Св. Владимира 4-й степени.

Был ли награждён Арсеньев утверждённой лишь в январе 1906 года медалью «В память Русско-японской войны»? Она изготавливалась из трех видов металла: серебра, светлой бронзы и темной бронзы. Последнюю давали лицам, в боях непосредственного участия не принимавшим, но состоящим на службе на Дальнем Востоке. Одни историки утверждают, что он такую медаль получил, другие ссылаются на отсутствие документальных подтверждений.

Царские награды Арсеньева пропали в годы Гражданской войны.

В конце жизни Владимир Клавдиевич признался: **«Время, когда я был начальником охотничьей команды, – одни из самых**

лучших дней в моей жизни». Сказано, думается, вполне искренне. Был молод, смел, находчив, решителен. Да ещё доверили такое ответственное и секретное дело. Об этом «деле», правда, Арсеньев написал уклончиво: **«Попутно с ведением разведок чисто военного характера...»** Получается, что главным были для него наблюдения, **«которые могли представлять интерес научный, по географии края».**

Думается всё же, тогда было наоборот.

В дальнейшей его службе так зачастую будет.

Русский медведь перед всем миром показал, насколько он неуклюж и косолап на суше, да и на море его потрепали изрядно... Но как ни плачевны были результаты русско-японской войны, В.К. Арсеньев верно определил, что в развитии Дальнего Востока она сыграла, как ни парадоксально, положительную роль. Сформулировал он эту мысль так: *«Прошлая несчастная война всколыхнула всю Россию и тем принесла пользу Амурскому краю. Дальним Востоком заинтересовалось русское общество. Взоры всех обратились к берегам Тихого океана».*

Общество... Взоры всех...

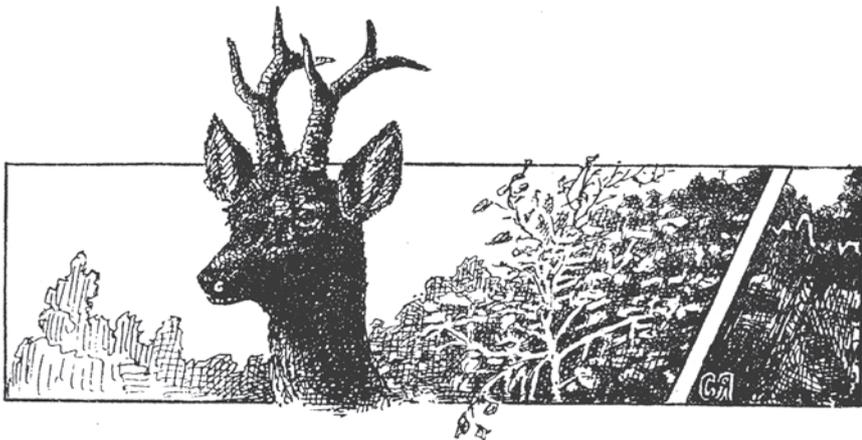
Понятия растяжимые.

В случае с нашим героем можно со всей определённости сказать, что после 1905 года он станет востребован именно военным ведомством.

А ещё совсем скоро штабс-капитан Арсеньев встретится в тайге с человеком, которого назовёт Дерсу Узала.

Эта встреча станет для него providенциальной.

Глава IV

ИМЯ НАРИЦАТЕЛЬНОЕ

- *Триединая цель* • *«Неимоверные усилия и чрезвычайные лишения»* • *Предусмотрительность и мужество спасают от смерти* • *Не такие, как мы* • *Дэрчу из рода Очжал*
 - *Ночной гость* • *Каким был в жизни...*
 - *...и каким стал в повестях* • *Город-лудёва*
 - *Конец «другого люди»*

После «несчастной войны» Владивосток устало распрямлялся, как тот солдат, что сидел-сидел в окопе, сжимая трёхлинейку в руках, всё ожидал, когда же неприятель на него пойдёт, да так и не дождался.

Была не только несчастная война.

Весь 1905 год оказался для России таким же.

В одном из полков Владивостокского гарнизона пьяные солдаты устроили бунт, к ним присоединились матросы. Отправились толпой на Светлановскую громить лавки, присутственные места. На заводах, верфях не утихали волнения: и сюда докатилась волна первой пролетарской революции.

Но жизнь продолжалась. Заходили – под какими только флагами! – в гавань всё новые и новые суда с товарами. На улицах народу – не протолкнёшься. Из Японии привозили отпущенных по условиям Портсмутского мира пленных. Одни, ступая на причал, пригибали колени и крестились, другие озирались злобно, затравленно, трети, схватив пожитки, бежали стремглав на вокзал.

«Скорее отсюда, в родные края!»

Арсеньев ждал решения своей судьбы. В крепости шла частичная демобилизация, подразделения перегруппировывались. Два дня он ходил на экстренные собрания членов Общества изучения Амурского края.

Решали, как вести себя в сложившейся в городе обстановке, одобрять ли царский манифест.

Политика проникала и за толстые стены научных сообществ.

Владимиру Клавдиевичу всё это не нравилось: суесловие, выпускание паров, размахивание интеллигентскими кулачками. По-другому он был воспитан. Твердо считал, что всякие забастовки, протесты, митинги только мешали делу. Думал совсем об ином. Просто руки чесались, да нет, горел желанием скорее бы вырваться из стен крепости, из квартиры своей, ставшей за годы войны холостяцким жилищем.

Туда, в сопки, в тайгу!

Как ему были понятны слова Пржевальского, что в тех «пустынях», где он побывал, «имеется исключительное благо – свобода, правда, дикая, но зато ничем не стесняемая, чуть не абсолютная. Путешественник становится там «цивилизованным дикарём» и пользуется лучшими сторонами крайних стадий человеческого развития: простором и привольем жизни дикой, наукой и знанием жизни цивилизованной».

– О чём задумался, штабс-капитан? – тронул его за руку сидевший рядом на собрании Общества Николай Александрович Пальчевский.

– Да вот думаю, как бы мне в цивилизованные дикари податься, – повернулся к нему Арсеньев.

– Ещё успеете, Владимир Клавдиевич, – шёпотом ответил тот. – Или уже завтра хотите?

– Да, да! – тихо, но взволнованно продолжил Арсеньев. – Сейчас бы, кажется, из мундира своего выпрыгнул и на волю «...Туда, где за тучей белеет гора, туда, где синеют морские края, туда, где гуляет лишь ветер да я!»...

– Э, батенька, чего захотел! – повернулся к его уху сосед.

Председатель звякнул в колокольчик:

– Господа, о проекте нашей декларации высказались почти все... – пожевал губами. – Господин штабс-капитан, а каково ваше мнение?

– Воздержусь, – сухо ответил Арсеньев с места и добавил. – Я строго придерживаюсь заведённого в русской армии правила: военные, а тем более офицеры, должны стоять вне политики.

– Тогда приступим к голосованию. Надеюсь, что господин Арсе-

ньев всё же не будет против по существу уже одобренной большинством нашей декларации? Прочту её в заключительной редакции: «Для обеспечения свободного и правильного избрания народных представителей должны быть теперь же провозглашены законом:

1. Гарантия всем русским гражданам без различия сословий, вероисповедания и национальной свободы личной, свободы религиозной;

2. Отмена всех временных и исключительных законов, ограничивающих гражданскую свободу;

3. Восстановление прав пострадавших за политические убеждения...».

Собрание закрыли. Вставая, Пальчевский повернулся к Арсеньеву:

– Видите, Владимир Клавдиевич, всё о свободе, о свободе, правда, не дикой, о которой писал Пржевальский.

– Это лишь лёгкое сотрясение воздуха, – откликнулся Арсеньев. – А воображаем, что мы мощные ветрила.

– В общем вы, безусловно, правы, – взял его за пуговицу мундира Пальчевский. – Но те настроения, что в нашей резолюции выражены, захватили, как мы с вами хорошо знаем, широкие слои общества, не только рабочих и крестьянские массы, но и интеллигенцию, к которой и вы, и я имеем честь принадлежать. Только к добру ли это приведёт, ещё неизвестно. Вот вы с жаром декламировали мне «Узника». Но вспомните, у того же Александра Сергеевича в «Цыганах» вождь табора говорит Алеко: «Оставь нас, гордый человек. Ты для себя лишь хочешь воли»... Вот что всем нам надобно уразуметь.

– Дорогой Николай Александрович, – приобнял его Арсеньев, – об этом стоит ещё хорошенько подумать... – И переменял тему. – Хочу вам сообщить, что наш новый генерал-губернатор, о нём, кстати, много интересного рассказывают, переводит меня поближе к себе, в Хабаровск, и собирается послать в экспедицию. Если так и будет, вас обязательно приглашу принять в ней участие.

– Буду рад оказаться с вами там, где бродят наши отечественные Пятницы. У них-то и спросим, как им там, на воле, живётся?

Придя домой, вдруг бросил Анне, недавно вернувшейся из Петербурга:

– А может подать в отставку?

Легко представить, что она ему ответила:

– Милый мой Володя! Да как мы проживём без твоей армии? Брось свои шальные мысли!

Впрочем, вряд ли Арсеньев, даже если бы его жена и товарищи поддержали, решился на такой шаг. Теоретически, конечно, он мог бы, как мечтал, заняться только изучением истории, уклада, языка,

быта и культуры живущих тут и страшно интересующих его диких аборигенов – на манер Миклухо-Маклая. Или посвятить себя археологии, а может быть, пойти работать в музей и начать писать научные труды. Но трезвым своим умом понимал, насколько это нереально.

Будь Арсеньев трижды провидцем, и то вряд ли мог предположить, что лет через пятнадцать, когда окажется без чинов и званий и будет занимать скромные гражданские должности, он поймёт: мундир и погоны не только стесняли его, но и очень помогали. В годы советской власти гражданскому человеку Арсеньеву при всех своих прошлых заслугах, опыте и даже поддержке этой самой власти будет так нелегко организовывать новые экспедиции. Он вспомнит, как они снаряжались при царском режиме. И вот что напишет в заметках, которые озаглавит: «Теория и практика путешественника»:

«До войны и революции я почти всё снаряжение приобретал натурой от военного ведомства. Я должен отдать справедливость Военному ведомству и в особенности большинству офицеров Генерального штаба – они всячески содействовали моим стремлениям и старались облегчить мои сборы.

Благодаря им, я получал натурой вьючных лошадей, конское снаряжение, походную кузницу, инструменты, карты. Мне был дан охранный отряд из стрелков и казаков... Люди получали суточные деньги и продовольствие, они были снабжены летней, осенней и зимней одеждой и обувью. Походная аптека тоже была выдана из складов Военного медицинского ведомства. Мало того, все нужные мне материалы выдавались по казённой расценке. Так, я получал шинельное сукно для зимней палатки, войсковые мясные консервы, сухари и прочее. Далее, мне были выданы литеры для бесплатного проезда по железной дороге, а военно-морской флот доставил меня и моих спутников к месту работ и устроил питательные базы на берегу моря. Вспоминая прошлое, я заочно благодарю Военное ведомство и в особенности офицеров Генерального штаба».

Все экспедиции под командованием Арсеньева, которые осуществлялись при поддержке самого Генштаба, носили, говоря современным языком, «комплексный характер». Арсеньев в Отчете, озаглавленном «Сведения о путешествиях по Уссурийскому краю 1900–1910 гг.», начиная подробный рассказ о первой своей большой экспедиции, напишет о её триединой цели: «колонизационная, военно-географическая и попутно естественно-историческая». Так что, как мы видим, он лишь «попутно» продолжал заниматься прикладными науками, естественно, тесно увязывая их с главными задачами.

Значит и в XX веке Дальний Восток – колонизировали? Дикость какая-то. Ведь раньше нас учили: «Колония – область или страна,

захваченная, угнетаемая и эксплуатируемая». Однако в переводе с латинского колония – всего лишь поселение, а колонизация – заселение и хозяйственное освоение пустынных земель страны. Чем и будет заниматься довольно долго Владимир Клавдиевич. Добавим, что колония – родня другому понятию: культура. Оба от латинского *colō* – возделываю.

Нёс Арсеньев со своими стрелками и казаками, с молодыми учёными, наконец, с переселенцами из России-матушки сюда, на самый её край, культуру.

В самом широком смысле этого слова.

Командующий войсками Приамурского округа, сенатор, инженер-генерал Павел Фёдорович (Симон Фридрихович) Унтербергер, назначенный после русско-японской войны генерал-губернатором края, скоро стал покровителем молодого, но такого инициативного, исполнительного и образованного штабс-капитана.

22 мая 1906 года Унтербергер отдаёт приказ за № 404, в котором говорилось о назначении В.К. Арсеньева «начальником и руководителем экспедиции и полагать в означенной командировке с 15 мая с.г.». Насколько она была серьёзна, видно только из одной строки этого приказа: «В силу исключительных условий дисциплинарная власть начальника экспедиции увеличивается до прав батальонного командира». (Вспомним, что особым батальоном он уже командовал во время войны.)

Отряду численностью 20 человек предстояло пройти по малоисследованной территории Сихотэ-Алиня. Унтербергер особо подчёркивал, что эти места в будущем, может быть, недалеко, могут стать районом передвижений войск и, возможно, боёв. Значимость похода подтверждает участие в экспедиции начальника штаба округа генерал-лейтенанта П.К. Рутковского, коему надлежало быть в командировке два месяца. Он лично решил изучить восточные отроги Сихотэ-Алиня. Наблюдения вели и кадровые офицеры: подпоручик Г.Г. Гранатман, инженерный подпрапорщик А.И. Мерзляков.

Задачами экспедиции были также сбор сведений о «5-й колонне», рассеянной в тайге, – живущих там нелегально китайцах, и выяснение, каковы послевоенные отношения местного населения с японцами. Они ведь продолжали «наведоваться» в Приморье.

Но с какими целями?

Для этого был заведён Арсеньевым особый дневник.

В другом дневнике он обязан был делать описание районов, где возможно вести боевые действия. Вот какие записи скоро в нём появились: «С военной точки зрения эти увалы и эти распадки, заросшие кустарниками и покрытые редким лесом, дают возможность скрытно передвигаться по складкам местности пехоте с ручным

пулемётом». Немало исписал страниц штабс-капитан о проходимости дорог для разного рода оружия, о крутизне подъёмов и спусков, грунте и почве на тропах, составил сводки координат болотистых мест, состояния путей сообщения в дождливое время года и т.д.

Повторялись, например, такие примечания к схемам местности, что тут же набрасывал, как заготовки к будущим картам, начальник экспедиции: «В военном отношении дорога к этому ключу вполне пригодна для движения войск всех родов оружия и обозов, а так как она находится на прямом пути от залива Св. Ольги на реку Арзамасовка, то естественно, что она принимает важное значение».

Был в перечне заданий командования и такой раздел: «Сведения о японских шпионах» с расшифровкой: не заходили ли японцы в данные местности, что здесь делали, о чём выспрашивали, чем интересовались, не проводили ли съёмку, откуда пришли, куда отправились?

Среди записей по этому пункту в дневнике есть такая:

«На реке Сань Хо-Бэ есть китаец по фамилии Суй-Хуин, который отлично говорит по-японски, ездит часто в Японию, живёт там в течение нескольких месяцев, при появлении японцев в течение 10 лет постоянно является на их суда проводником и переводчиком, на паях ловит с ними рыбу в самих реках, уходя от устья вверх на 1-2 версты. К тому же он отлично знает побережье и умеет делать съёмки рек. Записная книжка со съёмками и записями у него отбрана, а сам он арестован. Такого субъекта держать здесь на побережье очень неудобно, и его надо непременно удалить».

Заполнен был и раздел дневника, озаглавленный «Возможные операции японцев в данном районе, образование баз. Вероятные пути наступления для вторжения в глубь страны. Места, удобные для высадки неприятеля».

Разовьём мысль, высказанную в предисловии.

Арсеньев был разведчиком особого рода. Собирая все необходимые и ценные сведения, он всегда смотрел чуть дальше: каких каверз ожидать от сопредельных с Россией государств. И от разного рода лазутчиков, проникавших из-за границ, с моря... Богатый фактический материал поможет ему в будущих трудах, выступлениях с различных кафедр, наконец, в докладных записках и предложениях писать и говорить веско и доказательно об укреплении обороноспособности края, в удержании его под русской дланью. Он обращался не только к военным, но и к хозяйственным, политическим руководителям как царской, так и советской России.

Жаль только, не всегда его слышали...

Ещё об одной важной «составляющей» разведывательных операций Арсеньева следует сказать. Он первым на Дальнем Востоке

взялся за составление подробных маршрутных съёмок, по которым военные картографы вычерчивали карты. Излишне говорить, насколько это было делать сложно.

Нужно было пройти с буссолью, а это нелегкая штука, с компасом, шагомером, барометром (со шкалой высоты), гипсометром по таким местам, куда не каждый зверь забирался! Пройти, часто полагаясь только на свой глазомер, опыт, чтобы оставить на планшете точный чертёж. Помогал и тяжёлый фотоаппарат с ящиком стеклянных диапозитивов – его Арсеньев брал почти во все походы.

Но без карт, это и солдат знает, воевать никак нельзя. Причём подробнейших, на которых обозначена не только любая высотка или речка, но и каждый домишко, ручеек, болотце, тропа, опушка, а то и отдельно стоящее дерево.

Обязательно наносился и точный рельеф местности.

Схемы, да ещё цветные, делал во множестве сам Арсеньев, а позже с помощью своего младшего брата Саши, имеющего специальное образование. У Владимира Клавдиевича, о чём вспоминали его соратники и знакомые, как у человека, любящего живопись и черчение, был талант рисовальщика. И так необходимые в этом деле терпение, усидчивость.

В 1911 году, когда Арсеньев окажется в Петербурге, перед своим выступлением в отделении этнографии Русского географического общества он повесит на стену карту Уссурийского края размером почти с театральные занавес – четыре метра в ширину и три в высоту, причём выполненную в цвете изящно и подробно.

Как только он её довез до столицы!

Советские картографы, топографы, геодезисты, да и просто туристы, ходившие по маршрутам, проложенным Арсеньевым, поражались точностью сделанных им чертежей тех районов, где он побывал. А сколько же их пропало! Учёный П. Бардунов, который после смерти путешественника по поручению краевого научно-исследовательского института при Дальневосточном университете, делая описание архива покойного, написал в своем отчёте:

«Поражает необыкновенное обилие карт. Не говоря о сотнях чертежей, карт отдельных районов, планов, маршрутов, вычерченных собственноручно, на месте, есть не менее 300 карт (в трёх свёртках), начиная от самых старых, изданных разными картографическими заведениями, и (кончая) отпечатанными при советской власти. Разумеется, больше всего карт Приамурского края, Восточной Сибири, Маньчжурии. Можно сказать, после Владимира Клавдиевича осталась целая коллекция разнообразных карт».

Но позднее эта коллекция исчезла из фонда...

Владимир Клавдиевич часто встречался с «иногородцами». Но и тут не забывал о цели знакомств. Интересовался прежде всего тем,

как они относятся к «чужакам»: русским переселенцам, китайцам и корейцам, занимающимся мирным трудом, и к бандитам-хунхузам, что знают о японцах. Интересно, что для облегчения такого «опроса» Арсеньев сделал «вопросник»: «настроение: враждебное или дружественное, гостеприимство, доверие, скрытность, угнетённое состояние или возбуждение».

Приходилось, как видите, ему постигать и азы психологии.

Наконец, о третьей цели экспедиции 1906 года – естественно-исторической. Этими исследованиями Арсеньев занимался сначала как любитель. Он, конечно, с помощью стрелков, производил раскопки старинных укреплений и даже обнаружил наличие следов некогда живущего в этих районах народа древнего государства Бохай. Большой, чем у командира, опыт учёного-естествоиспытателя был у члена экспедиции Н.А. Пальчевского Так, Николай Александрович провёл стационарное флористическое обследование в районе бухты Терней.

Коллекцию ждали специалисты Петербургского ботанического сада и отчёт для сборника «Флора Маньчжурии». Около 500 видов растений – всего 4000 экземпляров послали в Ботанический музей Академии наук («Гербарий русской флоры»). Коллекцию мхов, шляпных и паразитных грибов с благодарностью принял известный ботаник, впоследствии академик В.Л. Комаров для своего «Русского микробиологического гербария». Слали посылки с ботаническим «добром» и по другим адресам – всего набралось четыре больших ящика. В Зоологический музей Академии наук на адрес знаменитого географа П.П. Семёнова-Тянь-Шанского отправили собранные по пути препарированные экземпляры птиц, земноводных, пресмыкающихся, 400 экземпляров рыб, 500 – насекомых, головы млекопитающих и шкурки зверей. Собрали также горные породы и предметы, характеризующие быт коренных народов.

Как оценить научные итоги первой экспедиции? Они были все же скромными, потому что основное время у Арсеньева уходило уже знаем, на что. Прочитаем такую запись в дневнике, сделанную им за полмесяца до встречи с будущим героем его первых книг. Читаешь и просто видишь, что писала рука офицера, до которого эхом долетают на Сихотэ-Алинь недавно отгремевшие бои на сопках Маньчжурии, и кажется, неровен час, скоро и тут вспыхнет сражение:

«Наблюдение за флангами должно быть особенно тщательно и зорко». Карандаш в руках на секунду замер. Арсеньев подумал и дописал:

«Это же нам показала и минувшая война».

Её наш герой всегда держал в уме.

Теперь поняв, зачем и за чем эта, да и последующие экспедиции организовывались, расскажем, как они проходили.

В уже упоминаемых «Сведениях» он так охарактеризовал попытку, предпринятую в 1894 году охотничьими командами 1-й и 2-й Восточно-Сибирских стрелковых бригад под начальством молодых подпоручиков Заградина, Малышевского, Турского, Горского и Пельгорского, проникнуть к морю: «Перевалить водораздел им не удалось и после невероятных усилий и чрезвычайных лишений, вплоть до человеческих жертв включительно, они вернулись обратно».

Не меньше понадобилось усилий и вынести испытаний и участникам арсеньевских экспедиций. Однако «чрезвычайные лишения» хотя и случались, но человеческих жертв в его походах не было. Как не было, за редким исключением, такого, что бы Арсеньеву «не удалось» выполнить из им планируемого.

Талант организатора и командира.

Обозначая на прилагаемой к «Сведениям» многоцветной карте, дикий и малодоступный горный хребет Сихотэ-Алинь сплошной чёрной линией, он ясно представлял, к чему должен быть готов сам и члены его отряда. А посему и собираться к походу, учитывая печальный опыт предыдущих, необходимо было, продумав даже все мелочи.

С особой тщательностью.

Приведём самые, на наш взгляд, интересные цитаты из «Сведений».

«Начальнику экспедиции было предоставлено право выбора нижних чинов из всех частей округа, за исключением крепостной артиллерии и инженерных войск, по соглашению с самими командирами частей». Поэтому «в отряд попали отличные люди».

Важное, надо отметить, для характеристики самого нашего героя добавление.

И средства дали немалые. «Генерал-губернатором Унтербергером отпущено 3000 рублей, читаем в предисловии к первому изданию «По Уссурийскому краю». 1921 г., из экстраординарного кредита, бывшего в его распоряжении, войсковые части выдали на своих нижних чинов кормовые деньги по расчету на 6 месяцев. Кроме того, бесплатно были получены казённые лошади из конского запаса перед его расформированием. Сёдла были приобретены на средства экспедиции».

Далее цитаты снова из «Сведений...». «Большую помощь экспедиции оказали командиры миноносцев «Грозный» и «Бесшумный» – капитаны 2-го ранга П.Г. Тигерстедт и С.З. Балк. В определённых местах они выгрузили ящики с запасами продовольствия, добавили от себя ещё мешки с сухарями, покрыли всё это брезентами, поста-

вили вехи, к которым привязали бутылки, вложив в них корреспонденцию и списки находящегося в ящиках продовольствия. Впоследствии экспедиция каждый раз, выходя к морю, имела возможность пополнить свои запасы на этих продовольственных пунктах».

Ниже любопытное замечание: «На охоту и убой зверя расчета не было, на эту добычу смотрели как на случайную, которая могла явиться подспорьем к муке и к тем запасам продовольствия, которые были взяты с собою из последних населённых пунктов».

Далее подробно описывается снаряжение и обмундирование. Все люди были вооружены 3-линейными винтовками, но без штыков, им было выдано по 50 шт. боевых патронов и по 150 шт. было отправлено на берег моря. У каждого был нож и кручёная верёвка с кольцами. Обуты люди были вместо сапог в китайские улы, причём ноги от колена до ступни обматывались суконными лентами. Патронтажи носили вместо пояса, считали, что так удобнее.

Не забыли и зимнюю одежду. Она состояла из шинели, тёплого белья, толстой шерстяной фуфайки, башлыка и папахи. На ноги – сапоги и унты – меховая обувь из выделанной оленьей кожи. Вместо палаток были взяты комарники и для подстилки под бок у каждого имелись войлоки, обшитые с одной стороны брезентом. На каждый комарник было употреблено по 16 аршин белой китайской дрели. «В таких комарниках совершенно не было душно», – пишет Арсеньев и далее подробно рассказывает, как устанавливался комарник, чтобы «отлично защитить человека от дождя, от сырости, от комаров и мелкой мошки», и добавляет: «Для нижних чинов комарники были сделаны из расчёта один на два человека». Вес вьюка каждого члена экспедиции был от 30 до 40 фунтов (1 ф. – 409,5 г.), да ещё запасное бельё в среднем весило около 15 фунтов на человека.

Все маршруты арсеньевских экспедиций со скрупулёзной точностью описаны в трудах историков. Поэтому остановимся только на тех этапах, из которых станет понятно, чего стоил «хлеб» путешественника. Сначала упомянем о первых, в общем-то, не очень крупных испытаниях.

Наводнение на реке Уссури случилось вскоре после того, как отряд в мае выступил в дорогу и пришлось идти горами кружной тропой. Далее надо было переправляться на другую сторону реки: быстрое течение далеко сносило лошадей, челнок едва вмещал 2-х человек и 2 пуда груза, поэтому на переправку было потрачено около двух суток.

Пройдя к отрогам хребта, Арсеньев выбрал более короткий, но и более трудный путь: идти напрямик через Сихотэ-Алинь. «Буреломный лес донельзя затруднял движение коней, поэтому шли медленно и всё время работали топорами». Первая неожиданная

неприятность. Проводник сбился с пути и поэтому отряд проблуждал в горах лишних трое суток. Запас продовольствия, взятый с собой, начал быстро иссякать. «Около половины июня появился гнус (мошка, помечает внизу звёздочкой автор) и оводы. Лошади начали сильно страдать». Арсеньев велел сшить для лошадей наушники, так как их уши сплошь покрылись кровавыми язвами. Но от оводов, замечает он, спасения не было.

Приходилось терпеть.

Новая неприятность – по дороге в горы вверх по р. Фудзину часть имущества была отправлена на лодке, купленной у китайцев. На одном из перекатов стрелки, едущие в лодке, не смогли справиться с быстротою течения реки, и лодку перевернуло. Большая часть имущества погибла, остальное было подмочено и испорчено. Два дня доставали из воды то, что вследствие тяжести пошло ко дну и не могло быть унесено водой.

Вот такие будни экспедиции...

Когда наконец дошли 30 июня до залива Св. Ольги, где попрощались с генерал-лейтенантом Рутковским, Арсеньев дал отдых людям и лошадям до 15 июля.

И снова в путь – сначала по побережью, потом вверх по речушкам, вниз по речушкам, вверх по сопкам до вершин хребта, по самому хребту, вниз... По пути открытые им перевалы получали имена.

Новое наводнение в одной из долин. «Пришлось оставить долину и пробираться горами. Кружные обходы по каменистым осыпям вызывали большую трату времени и сильно утомляли людей и лошадей. Между тем дожди не переставали. От постоянной сырости у людей стали опухать ноги. Некоторые лошади потеряли подковы, намяли копыта и сильно хромали».

Через месяц снова вышли к морю. Наступил конец осени, когда «флора начала замирать и блекнуть». Арсеньев отправляет Пальчевского на парусной шхуне, которая догнала пароход «Эльдорадо», шедший во Владивосток, куда он и прибыл через трое суток.

Отряд же продолжил путь, и на самом перевале «путников захватила жестокая снежная пурга. За отсутствием лыж движение по глубокому снегу было чрезвычайно затруднительно. Шли без тропы, целиною, придерживаясь направления, в котором текли горные речки». Закончились запасы продовольствия, и «путники хватили тяжёлую голодовку. С огромной затратой физических сил только на 16-й день пути по местности совершенно дикой и безлюдной дошли до первого охотничьего китайского поселения на р. Иман».

Где и нашли приют и отдых.

Тут повстречались Арсеньеву аборигены, изучению которых он посвятит почти всю последующую жизнь. В Записках он назвал их орочи-удехе, допустив ошибку: это две разные народности. Они

оказали, пишет Арсеньев, незаменимую услугу: «Снабдили путников обувью, рукавицами, продовольствием (сухой рыбой и мясом). Несмотря на то, что навигация у них была уже закончена и все лодки вытащены на берег, несмотря на то, что по рекам шёл уже лёд, орочи всё же спустили свои лодки в воду и везли нас до тех пор, пока скопившиеся льды в одном месте на повороте реки совершенно не преградили дорогу.

Едва лодки остановились, как тотчас же сзади них вследствие быстроты течения, скопилось множество льда, в мгновение ока обе лодки были раздавлены. Люди спаслись от гибели только чудом, благодаря решительности, ловкости и находчивости орочей. Бросив разбитые лодки, путешественники пошли дальше пешком с котомками за плечами. Пробираясь по тайге без дорог и троп, по снегу от одного ороческого стойбища до другого, маленький отряд только 15 ноября достиг первого русского поселка Котельного в 75 верстах от железной дороги».

Весь поход продолжался 190 суток. Хребет Сихотэ-Алинь перейдён 9 раз.

Во второй экспедици, длившейся с июня 1907 по начало января 08-го года, на которую ассигновано было снова 3000 рублей, Арсеньев, учитывая уроки предыдущей, вместо лошадей взял более выносливых мулов, шинели заменил короткими из той же ткани куртками. Вместо суконных шаровар взяли штаны, сшитые из шинельного сукна. Китайские уты заменил унтами, сшитыми по образцу, взятому у орочей на реке Иман. Снова сильные дожди, а значит, и слякотная дорога, и вздувшиеся речки, и нехватка продовольствия, наконец – тяжёлая голодовка. Еле дотащились, измученные, обессиленные и больные, до моря. Выброшенные прибоем моллюски, морская капуста и маленькие береговые крабы дали возможность поддержать своё существование.

Спас прибывший к заранее назначенному пункту миноносец «Грозный».

Совершая новый тяжёлый переход уже поздней осенью, Арсеньев с двумя проводниками и одним стрелком решил сделать крюк к горе Царская, но ошибся в расчётах, и до моря они выходили вместо предполагаемых двух суток – четверо. Произошла в таких случаях обычная история – не хватило продовольствия. Последние два дня опять шли голодные. Попытки добыть дичь охотой оказались неудачными – только потратили время. Лишь когда достигли моря, убили чайку и баклана, потом встретились, на счастье, корейцы-рыбаки, поделившиеся с ними едой.

Наконец, соединились с отрядом.

Пошли берегом моря на север. Всё имущество и запасы продо-

вольствия везлись морем на лодке, а люди шли по намывной полосе прибоя. Но тут разыгрался шторм, и лодку неожиданно унесло аж до Императорской (теперь Советская) гавани. Меж тем быстро надвигалась зима. Наскоро тут же на берегу моря из буреломного леса и плитнякового камня застигнутые врасплох путники сделали себе маленькие землянки. Без тёплой одежды и без запасов продовольствия они решили зимовать и добывать себе пропитание тем, что найдут около моря. Только в конце ноября они увидели пропавшую лодку, которую с чрезвычайными трудностями гребцы вернули туда, где «окопался» отряд.

Повезло.

По рекам идти было пока нельзя, шла шуга. Дождались, когда реки станут, и уже в декабре двинулись по льду. Снова пришлось пробираться через бурелом, горелый сухостой. Переваляли наконец-то хребет... Между тем в Хабаровске стали тревожиться: Арсеньев с отрядом пропал! Унтербергер распорядился спешно отправить новую экспедицию, которую возглавил подпрапорщик Мерзляков, с запасами тёплой одежды и продовольствия на розыски. Лишь в начале января 1908 года удалось разыскать Арсеньева.

Теперь свою роль сыграла взаимовыручка.

Эта экспедиция продолжалась уже 210 суток. Сихотэ-Алинь прошли четыре раза.

Рассказывается в «Сведениях» и об экспедиции, продолжавшейся с июня 1908 года по январь 1910-го. Она была названа Юбилейной в память 50-летия присоединения Приамурского края графом Муравьёвым-Амурским к России. Во многих отношениях, прежде всего по целям, она была похожа на предыдущие, хотя длилась куда дольше и была сопряжена с ещё большими трудностями и физическими испытаниями.

Обратим внимание на то, как казалось бы в основном перечислительном, документальном отчете, предназначенном для господ членов Императорского географического общества, у Арсеньева то и дело проскальзывают повествовательные места, разговорные просторечные обороты, чистосердечные признания в промахах.

Но в то же время, не скрывая трудностей, он вовсе не жалуется, ни словом не сожалеет, что занялся таким, по сути, опасным делом. Однако и не героизирует поступки и действия товарищей. Так что уже в этом раннем его деловом отчёте виден не просто наблюдательный и прямой человек, но и личность с несомненной писательской жилкой.

Обратим в цитатах из «Сведений...» внимание на стиль.

Во время Юбилейной экспедиции надо было «освоить» северную часть Уссурийского края, «в области, границами которого были

с одной стороны побережье Татарского пролива, с другой – река Амур и низовье реки Уссури, с юга реки Самарга, Хор и на севере озеро Кизи». Арсеньев направлялся туда, где «несмотря на более чем полувековой период, отделяющий наше время от того времени, когда русские впервые выступили на эту территорию, к ней более чем применимо выражение «terra incognita». Целыми неделями можно идти и нигде не встретить ни единой души человеческой».

Если в южной части края «в каждой долине, в глухих горах, у любого ключика всегда можно найти тропинку, которая непременно приведёт путника к маленькой зверовой фанзочке соболевщика китайца...», то тут не было «даже малейшего намёка на тропинку... Только вдоль горных хребтов по гольцам и осыпям лоси протоптали свои дорожки, но руководствоваться ими нельзя, ибо они заведут в такие дебри, откуда назад выбраться будет уже невозможно».

Снова был применён план, по которому основной отряд двинулся от Амура через Сихотэ-Алинь в сторону Императорской гавани, а другой, под начальством помощника командира штабс-капитана Николаева, отправился из Владивостока на пароходе, чтобы устроить в предполагаемых местах выхода экспедиции питательные базы, а прибыв в Императорскую гавань, попытаться среди местных орочей получить сведения, где может быть отряд, чтобы пойти ему на встречу с запасами продовольствия.

Но гладко было на бумаге...

Что же узнал, прибыв в Императорскую гавань, Николаев? В первых, инородцев там он не нашёл и, далее снова цитата, «ограничился расспросами у одних только русских, работающих в Австралийской лесопромышленной компании». Так попутно узнаешь о том, кто уже тогда хозяйничал в приамурских лесах. Но, добавляет Арсеньев, русские рабочие, «со свойственной им страстью всегда увеличивать расстояния», показали штабс-капитану Николаеву, что р. Хади чрезвычайно большая.... А он уже знал, что Хади на самом деле мала и по ней, как и по рядом текущим, нельзя дойти до хребта и перевалить через него.

Поэтому выбрал другой маршрут.

Николаев, поверив рабочим на слово, пошёл вверх по Хади, никого не нашёл и вернулся в гавань и стал ждать «у моря погоды».

Наступила макушка лета, пошли дожди. Гольды, которые помогали экспедиции от Амура, перевоза грузы по рекам на дощатых лодках, растерялись, когда Арсеньев решил продолжить путь через Сихотэ-Алинь. Нужно было идти по рекам против течения. Аборигены совершенно не знали, как идти в лодках на шестах, да и лодки для плавания по бурным речкам были не приспособлены. Как и следовало ожидать, скоро произошла авария: «одну из лодок нанесло на коряжину и сразу залило водой. Два дня доставали из

воды ружья и трое суток ожидали, когда вода спадёт... Между тем ненастная погода затягивалась».

Делать было нечего и с риском экспедиция продолжала путь. Одолели чрезвычайно быстрые и порожистые реки Анюй и Гобилли, в которой «пороги чередовались с настоящими водопадами». Тут, правда, помогли орочи. Но кончились реки, с орочами распрощались и двинулись к хребту пешком. В конце июля наконец достигли перевала, обследовав водораздел, вышли на реку Буту, по которой решили спускаться.

Но нужна лодка!

Выбрав большое дерево и свалив его, словно папуасы, начали долбить лодку. Между тем запасы продовольствия быстро истощались. В августе была съедена последняя горсть чумизы. Наконец посудина была готова и началось плавание. «На второй день лодку разбило. Вместе с лодкой погибло и оружие, и инструменты, и всё имущество. Предвидеть это крушение никак было нельзя»...

С этого времени начинается ужасная голодовка, которая длилась 21 сутки.

О ней Арсеньев подробно напишет в книге «В горах Сихотэ-Алиня», не раз вспомнит в своих письмах. В «Сведениях» же он посвятит ей скурых 20 строк. Но, читая их, хорошо представляешь, какое испытание пришлось пережить тогда нашему герою и его товарищам:

«Пробираясь через горы, тайгой через заросли, люди ели всё, что попадалось под руки: зеленые ягоды, листья *Petasites*, ели не то мох, не то грибы из семейства *Clavaria*, от которых тошнило. По дороге собака нашла гнилую рыбу, она издавала запах, люди бросились отнимать у неё эту добычу. Наконец, маленький отряд дотащился до слияния двух рек Хуту и Буту. Здесь нижние чины окончательно обессилили и свалились с ног. Надо было видеть, какой они имели истощённый вид. Все были сумасшедшие, все были душевно-больные; все ссорились между собой из-за всякого пустяка, придирались друг к другу из-за всякой мелочи, все стали суевверны, начали верить всякому сну, каждой примете. Слабые духом стали говорить о самоубийстве. С г. Арсеньевым (в отчете автор пишет о себе в третьем лице. – *Б. С.*) была любимая его собака. Собака эта в течение восьми лет была с ним во всех его предыдущих путешествиях. По его приказанию собака была убита; мясо её давалось людям ежедневно по маленькому кусочку и это было общим спасением».

Собаку звали Альпа.

Сохранилась её фотография. На обороте карточки рукой Арсеньева написано: «Тяжёлые, неприятные воспоминания». Ниже – её родословная. Оказывается, предки собаки были вывезены графом

Потоцким из Лондона за 1.100 рублей – хорошая цена! Вспоминал Арсеньев о ней и в письмах к знакомым. А в повести «В горах Сихотэ-Алиня» так рассказал об этом: «Альпа поймала молодого рябчика и стала его торопливо есть. Я бросился к ней, чтобы отнять добычу. Собака отбегала и старалась скорее съесть рябчика. Я крикнул на неё, отнял изжёванную птицу и в первый раз в жизни толкнул свою Альпу ногой. Она отошла в сторону и нехорошо посмотрела на меня. В этот же день вечером мы убили её и мясо разделили на части. Бедная Альпа!»

Скоро, когда уже все лежали, мучаясь желудками, а некоторых преследовали галлюцинации, Арсеньев, тоже еле живой, в дупло старого тополя вложил записную книжку, в которой значились все фамилии участников экспедиции. Оголив дерево от коры, он вырезал ножом стрелку, указывающую на дупло.

«Теперь было всё сделано. Мы приготовились умирать», – читаем в повести.

А штабс-капитан Николаев всё продолжал чего-то ждать.

От голодной смерти пленников тайги спасла предусмотрительность Арсеньева. Одного из участников экспедиции ботаника Десулави он отправил ещё в июле в Хабаровск с реки Анюя с письмом на имя генерала Ванкова. В нём он просил телеграфировать Николаеву изменённый маршрут экспедиции. Телеграмма ушла на пост Св. Ольги и лишь через две недели была доставлена на пароход «Эльдорадо», на котором Николаев находился.

«Тогда он, – читаем дальше в «Сведениях», – направился на р. Тумнин, нанял орочей и пошёл с ними на р. Хуту разыскивать пропавших. На рассвете 27 августа он нашёл отряд г. Арсеньева в самом ужасном положении. На людей было страшно смотреть. Это были настоящие скелеты, только обтянутые тонкой кожей. Некоторые были ещё не в силах подняться, остальные же лежали на земле без движения. Когда стали подходить лодки, силы оставили и г. Арсеньева. В эту минуту он почувствовал, что не может стоять на ногах, и лег на землю. Опоздай ещё штабс-капитан Николаев суток на двое или на трое и, вероятно, у Арсеньева трех четвертей людей не досчитались бы живыми. Только в конце сентября люди оправились настолько, что были в силах продолжать своё путешествие». Лишь двух человек пришлось из-за крайней слабости отправить на судне во Владивосток. А остальные продолжили путешествие.

Это делает всем им честь.

Между тем снова наступила осень, по рекам поплыл лёд. Пока вели обследование по побережью, «переводчик гольд был послан на лодке за грузами к мысу Олимпиады, которые были выгружены там ещё летом по недоразумению». А члены отряда стали готовить самодельные лыжи, нарты. У местных жителей купили собак и

упряжь. В декабре тронулись в путь вверх по реке Самарге. «Каждый человек тащил по одной нарте – около 8 пудов груза». Правда, помогали их тащить впряжённые в каждую нарту две собаки.

Следующий абзац в «Сведениях» начинается так: «1908 год был замечателен безрыбицей. Ни за какие деньги нельзя было найти юколы (сухая рыба) для корма собак. Приходилось довольствоваться кашницей, в которую клали немного рыбных костей». Как ни было тяжело, Арсеньев решил не идти по известному пути, где в 1895 году прошли два исследователя – Иванов и Эдельштейн, а избрал новую дорогу. Где, читаем, «по словам инородцев, вплоть до самого Амура, людей нет и потому рассчитывать на покупку продовольствия для себя и собак не приходилось».

Но пошли.

Миновали перевал, который Арсеньев назвал именем графа Муравьёва-Амурского, и, «прибив цинковую доску с надписями к дереву на самом водоразделе», стали спускаться. Шли по глубокому снегу чрезвычайно медленно. На самом водоразделе его глубина достигала полутора метров. Стрелки, протаптывающие дорогу, встретились с гольдами: «в доказательство этой встречи люди принесли кусок рыбы и кусок мяса».

Между тем запасы продовольствия вновь истощились. «Часть собак, взятых с собою, погибла от голода, а остальные не только не тащили нарты, но еле волочили ноги». Вышли на какую-то речку, которую приняли за проток Амура. Пошли по низине. «Кое-где росли одинокие тощие кустики...

Люди сильно устали. В надежде найти селение гольдов отряд шёл до поздних сумерек. Оказались у какого-то озера и тут поняли, что ошиблись. Командир приказал людям «оставить нарты, отпустить собак и налегке на лыжах споро обойти озеро и найти протоку». Слава Богу, на неё наткнулись через час или полтора.

Вышли-таки к гольдскому селению.

Поход продолжался ещё несколько месяцев. Арсеньев упрямо вёл своих людей всё вперед и вперед, выбирая, казалось, самые труднодоступные места. В марте экспедиция снова перевалила через Сихотэ-Алинь. «С каждым днём идти становилось всё труднее и труднее. Днём солнце сильно пригревало; снега таяли дружно, по реке поверх льда шла вода. По утрам и вечерам снег покрывался твёрдым настом, а днём становился мокрым, мягким и сильно затруднял движение. Потом начался снегопад, который продолжался трое суток. Но останавливаться было нельзя: со дня на день ожидалось вскрытие реки Бяпали, по которой командир проложил путь в горы.

О том, как преодолевали большие проталины, часто во всю ши-

рину реки, Арсеньев пишет так: «Эти опасные места удавалось проскочить только на рассвете и только благодаря тому, что у всех были хорошие лыжи. Построившись в одну шеренгу, по крику начальника экспедиции все люди бросались сразу вперед, через промину».

В брошенной ороческой юрте 29 марта отметили Пасху.

Об этом в отчёте написано кратко. «Дотащились до берега моря и здесь остановились... Это была суббота, канун праздника Воскресения Христова. Буря бушевала всю ночь и весь следующий день. У людей не было ни пасхи, ни кулича, но зато было вдоволь рису, муки и свежей рыбы. Первое они получили из своего запаса, устроенного на берегу моря, а второе им принесли инородцы».

Отдохнув, погрузились на ороческие лодки и отправилась в Императорскую гавань. Около мыса Мафица новая жестокая буря захватила их во время пути. Пробовали обогнуть мыс Св. Николая, но это не удалось. Сильным порывом ветра на одной лодке сломало мачту и сорвало парус. Пришлось выброситься на берег. Дальше продолжали путь пешком. В гавани, как ни уговаривали Арсеньева не идти до залива Де-Кастри, он, взяв в проводники двух орочей, все же 1 мая отправился на север. Часть людей шла берегом, а остальные и грузы – на лодках. На этом отрезке пути, который продолжался полтора месяца, была и тихая погода, и сильный ветер, из-за которого пришлось даже высаживаться из лодки на камень, оказавшийся у берега.

Надвинулся шторм.

«Горизонта не было видно: небо, вода, пена, туман и дождь – всё это слилось в один общий тёмно-серый цвет. Часть продовольствия и часть имущества пришлось выбросить за борт. Каждым ударом волны лодку захлёстывало, и если бы люди не откачивали воду котлами, чайниками, ковшами, то её скоро совсем бы залило... Два человека держали руль, остальные были на вёслах. Все промокли до костей и сильно прозябли». Катастрофы не случилось, и через два дня экспедиция достигла-таки «промежуточной» цели.

Следующий месяц прошёл благополучно, «был самым счастливым, самым лёгким и совершенно без всяких приключений».

Но дальше...

«Самый тяжёлый маршрут, – читаем в отчёте, – был последний... Это было зимой 1909 – 1910 г. Ещё с лета 1908 г. по мере движения к северу отряд таял всё больше и больше. Кто заболел, кто окончил срок своей службы и ушёл в запас армии и т. д.»

Арсеньев остался с двумя стрелками Ильёй Рожковым и Павлом Ноздриным.

Пошли снова «неторёной дорогой». Тут надо привести замечание автора, которое показывает, что Арсеньев всё более и более завоё-

ываает доверие коренных жителей: «Только благодаря знакомству и большому влиянию на инородцев удалось уговорить двух орочей проводить экспедицию (или то, что от неё осталось) хотя бы часть пути».

Вышли от моря в конце октября, а дошли до Амура только 11 января 1910 г. Все 76 дней шли на лыжах, да ещё каждый из троих – по очереди – тащил нарту с коллекциями, инструментом и продовольствием. Зима выдалась суровая, бури следовали одна за другой, снег был глубоким. Рассчитывали встретить гольдов, которые в это время обычно соболюют, и воспользоваться их тропой, но, видимо, из-за обильных снегопадов они не появлялись.

Наконец развернулась перед путниками картина с вершины Сихотэ-Алиня: «Насколько хватал глаз видны были горы, покрытые снегами... Один из стрелков (Ноздрин) начал было падать духом. «Вот беда-то, говорил он, зашли куда. Как отсюда мы выйдем!?» Вместе с другим стрелком (Рожков) г. Арсеньев начал его успокаивать».

Оставалось только идти вперёд.

Последняя страница рассказа об этом путешествии состоит из таких записей: «Два дня было потрачено на астрономические наблюдения и ориентировку... На рассвете произошёл снежный обвал и палатку завалило. К счастью, все были снаружи. Целые сутки ушло на раскопки... Старенькая ветхая палаточка вся обдымилась и расползлась»... Но она «была единственной защитой от ночных морозов, доходящих до 36° С... Для починки унтов рвали полы полшубков. Порожние мешки из-под сухарей шли на починку одежды... Нигде не было видно ни одного следа... Раза два г. Арсеньев останавливался на охоту, но неудачно. Потеряли только время... Собаки погибли от голода, но юкола пригодилась для людей... Потом посчастливилось убить небольшую выдру. Мясо её растянули на 6 суток. Затем убили молодую рысь, и лапы, и внутренности её – все было съедено... 31 декабря ничего уже не ели... Праздничную ночь провели мучительно тоскливо... Без дров».

Но первый день Нового года принёс, как пишет Арсеньев, великую радость: «Нашли первых людей, это были орочи. Это был настоящий праздник».

Кажется, тут ничего нельзя прибавить. Только стоит склонить голову перед мужеством первых русских людей, прошедших по этим, не столь давно присоединённым к нашему Отечеству местам.

Как тут не воскликнуть: «Вечная память и слава нашим первопроходцам!»

Сроки этой экспедиции – 19 месяцев. Из них на днёвки ушло 4 месяца 6 дней. 14 месяцев 24 дня пошло на чистые маршруты. Сихотэ-Алинь пройден в 7-ми местах.

...Восклицание, которое невольно вырвалось у автора этой повести чуть выше, редко приходило на ум нашему скромному герою. Летом этого же года одному из своих знакомых А. М. Иванову он так напишет о мытарствах, выпавших на него и товарищей по экспедиции: *«Четыре раза я погибал с голоду. Один раз съели кожу, другой раз набивали желудок морской капустой, ели ракушки. Последняя голодовка была самой ужасной... Три раза я тонул, дважды подвергался нападению диких зверей (тигр и медведь). Глубокие снега едва не погубили весь отряд... 76 дней мы шли на лыжах и тащили за собой нарты. И ничего!»*

В этом «И ничего!» весь Арсеньев.

В десяти пунктах, занявших последние страницы «Сведений», Арсеньев перечисляет то, что сделано в экспедиции, упуская, естественно, «военную составляющую». 9-й и 10-й пункты такие:

«Составлен систематический орочий словарь и собраны большие коллекции по шаманству, предметы религиозного культа и из быта орочей-удэне». В такой транскрипции Арсеньев писал тогда название этой народности. Интерес нашего героя к тем, кто разительно отличался от цивилизованных людей, издавна горел небольшим костерком в его душе. Но только в этих экспедициях костёр запылал в полную силу. Так захотелось изучить всё, всё, всё о лесных людях, глубже понять их. А через них, может быть, и лучше понять самого себя, и то общество, к которому он принадлежал с рождения.

Но перед подробным рассказом об этом остановимся на истории создания повести о Юбилейной экспедиции. На наш взгляд, именно в том изнурительном и долгом путешествии раскрылся у Владимира Клавдиевича талант литератора.

Сначала – на уровне журналистики.

Редактор хабаровской газеты «Приамурье» попросил Арсеньева посылать им из похода репортажи. Что тот и стал делать, отсылая их, когда случалась оказия. В газете они печатались, вызывая интерес у читателей. Вернувшись в Хабаровск, Арсеньев продолжал их писать, а газета публиковать. Впрочем, вернее их назвать путевыми очерками.

Они прошли проверку временем: читаются и сегодня с интересом. Думается, что не помешало бы иным современным журналистам так сжато, конкретно и предметно писать. Но для этого попутное замечание: надо быть не свидетелем-наблюдателем за происходящим, а участником события.

Сам Бог велел нашему герою сразу же взяться за книгу, соединив эти очерки с записями в дневниках и с ещё не остывшими воспоминаниями.

Но когда начал писать повести, где главным героем стал гольд-проводник, до книги о третьем путешествии всё руки не доходили. Так и осталась она не оконченной... И появилась на свет под названием «В горах Сихотэ-Алиня» через семь лет после смерти Владимира Клавдиевича.

...Держу в руках второе издание этой повести, вышедшее тиражом 25 000 экземпляров в 1940 году в Издательстве детской литературы. Москва-Ленинград. Книга любовно оформлена. Толстый коленкорковый переплёт тёмнобордового цвета с тиснением. Авторы его, как и титула, концовок и буквиц Э. Гутнов и А. Шпир. В тексте достаточно много иллюстраций. Жаль, бумага газетная, пожелтела от времени. И нет фотографии автора...Но в конце вклеена карта с маршрутом. Послесловие А.Г. Абрамова «Тридцать лет спустя».

Это издание примечательно тем, что его заметил, прочёл и написал рецензию в журнал «Вокруг света», который был одним из самых массовых изданий в советской стране, большой русский писатель Андрей Платонов. Под заголовком «В страну удегейцев» она была напечатана в № 2 за 1941 год.

Рецензия небольшая. Сейчас трудно сказать, подверглась ли правке и сокращению – такое в редакциях случается часто. Как и возникает сомнение, а не дописали ли редакторы кое-что в те странички, что принёс автор, за которым тогда тянулся нехороший шлейф. И лишь немногие понимали, насколько он неповторим и гениален... Невольно об этом думается, читая, например, такие дежурные фразы: «В наши дни, когда социализм обеспечил культурное и счастлиное будущее народов Сихотэ-Алиня и самое главное – развитие драгоценных элементов человеческой психики удегейцев и орочан...» И т.д.

Но главное то, что писателя заинтересовал труд товарища по перу, ушедшего из жизни десять лет назад. Платонов выделил в книге и подробно изложил психологически точно написанную историю топографа Гроссевича. Доживи Владимир Клавдиевич до выхода этой рецензии, его бы согрело, например, такое место:

«Арсеньева постоянно влекло в «дебри Уссурийского края» (кавычки, видимо, говорят о том, что Платонов читал и книгу с таким названием. – Б. С.), и это влечение вызвалось не только лишь профессиональным инстинктом исследователя неведомых стран, – в этом влечении была большая доля любви и глубокого интереса к «малым» народам, одарённым благородными человеческими качествами, большой душой. Автор, путешествуя в досоветское время, не подчёркивает этого обстоятельства, но объективным ходом изложения даёт возможность читателю сделать такое заключение».

Когда же возникли эта любовь и глубокий интерес?

Володя рос в городе, у причалов которого трепетали на балтийском ветру «все флаги», что устремились «в гости к нам». На набережных ещё мальчиком насмотрелся на тех, кто совсем не похож на русских, на европейцев.

Надо же! – удивлялся про себя, – лицо жёлтое и глаза узкие... А встретив негра, сначала был просто ошарашен. Узнав, что его дед был немцем, спрашивал бабушку Руфу:

– А дед каким был? Если немец, значит немой, что ли?

– Да нет, твой, твой! – отвечала со смехом бабушка. – Точно такой же, как твой отец, как дядя твой...

Отец объяснял обстоятельнее:

– Немцами русские люди сначала всех иностранцев называли. Они действительно были как бы немые, языка-то нашего не знали. Вообще не наши, а значит чужие. Позднее стали распознавать: эти шведы, а эти англичане, а вот те – германцы, к которым слово немцы и приклеилось...

Так в каждого из нас с детства входит понятие о народах, нациях, расах... Так зарождается интерес не к таким, как мы, людям. Другим. У одних этот интерес остаётся на бытовом уровне, подчас принимая уродливые формы, на чём, кстати сказать, расизм, шовинизм, фашизм, национальное чванство и прочая гадость и дурь держались и держатся.

Арсеньев же, проявляя с годами всё большее влечение к науке, которую называют народоведением, или этнографией (греч. *ethnos* – народ + *grapho* – пишу), с годами понял, насколько она глубока, сложна, во многом ещё находится в состоянии поисков, накопления фактов, и до чего же интересна!

Сделаем оговорку. Это сочинение – не научное исследование, поэтому интересующихся, насколько велик вклад Арсеньева в этнографию, отсылаем к другим работам о нём. Прежде всего рекомендуем уже упомянутую монографию А.И. Тарасовой «Владимир Клавдиевич Арсеньев», переизданную в 2012 году во Владивостоке с предисловием действительного члена РГО-ОИАК Ивана Егорчева.

А мы продолжим рассказ, как Владимир Клавдиевич «заболел» судьбами других народов и народностей и «проболел» всю жизнь.

В юнкерском училище преподавал географию лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады поручик Михаил Ефимович Грум-Гржимайло, брат известного исследователя Средней Азии Григория Ефимовича, с которым он незадолго перед тем, в 1889–1890 гг., путешествовал на Памир и Тянь-Шань. Заметив во Владимире неподдельный интерес к своему предмету, он стал ему давать разные книги, которые быстро расширили кругозор юнкера. Михаил Ефимович, в котором счастливо сочетались молодость, знание и крас-

норечие, заронил искру интереса к исследовательской работе, что зажгла в душе благодарного юноши страсть, поглотившую его на всю жизнь.

Со свойственным ему усердием Арсеньев пополнял свои знания прежде всего из книг. Трудов, которые Владимир Клавдиевич не только прочёл, но и изучил с карандашом, не счесть. В каталоге личной библиотеки В.К. Арсеньева, изданном во Владивостоке Обществом изучения Амурского края в 2005 году, даны названия 974 изданий.

А ведь она не полностью сохранилась.

Назовём чаще других упоминавшиеся в воспоминаниях ли, в работах об Арсеньеве такие, например, как «История цивилизации в Англии» Генри Бокля, которой зачитывались русские интеллигенты. Она печаталась в шестидесятых годах XIX века в «Отечественных записках». Арсеньев ещё в Петербурге почерпнул из неё «каковы уроки цивилизации, насколько материальный прогресс влияет на мораль человека, что несёт цивилизация народам диким и первобытным». С ними-то Арсеньев и столкнётся лицом к лицу в Усурийском крае. Из книги Джона Леббока «Начало цивилизации и первобытное состояние человека» будущий учёный (не будем добавлять к этому слову «самоучка»!) узнал, что дикарям вполне понятна идея права, что им нельзя отказать в нравственном чувстве, но что они лишены идеи справедливости.

Арсеньеву придётся потом разбираться, в чём прав, а в чём ошибается англичанин.

Не могли не повлиять на его взгляды высказывания Н.М. Пржевальского. Например, его рассуждения о так называемых «веяниях человека». Под этим выражением он подразумевал «шаги прогресса»: они «страшнее и истребительнее всяческих невзгод природы! Ни холода, ни бури, ни скудный корм, ни разреженный воздух – ничто это далеко не может сравниться с той роковой гибелью, которую несут для диких созданий прогрессивно возрастающая культура и «так называемая цивилизация рода человеческого». Равновесие природы нарушается, искусство заменяет творчество, и со временем [...] быть может, только один океан в своих недоступных недрах останется девственным и непокорным человеку». В правоте этих горьких и пророческих слов Арсеньев убедится многократно.

А его потомки ещё нагляднее. Теперь и до океанов добрались!

Сам Владимир Клавдиевич зарождение своего интереса к этнографии относит к 1888 году, когда он побывал в Музее антропологии и этнографии на Васильевском острове. Увиденное просто поразило подростка. Но разве можно было сравнить экспонаты за стёклами того музея с теми, что – живыми! – ходили по владивостокским улицам, бродили по его окрестностям, жили в распадах,

у таёжных речек, а то и в самой глухой глухомани края! К ним его влекло в экспедициях неудержимо. Он вполне разделял взгляды на «малые народности» Миклухо-Маклая, ещё одного этнографа, перед которым преклонялся Арсеньев. Об этих взглядах так писал учёный Н.М. Ядринцев: «Так называемые низшие расы и другие племена есть только часть того же великого целого – «человечества». Эта идея родства и единства со временем ещё более озарит историю и философию жизни и укажет великий нравственный закон, по которому дитя-человек, дикарь и инородец, заслуживает не уничтожения, вражды и истребления, но сострадания, сочувствия, помощи и восприятия в полноправную среду человеческого братства».

Познакомившись в Хабаровске с выдающимся русским учёным Л.Я. Штернбергом и затем активно переписываясь с ним, Арсеньев отлично усвоит его «заповеди этнографа», среди которых были не потерявшие своей актуальности и сегодня, например, такие:

«Не делай себе кумира из своего народа, своей религии, своей культуры. Знай, что все люди потенциально равны: несть ни эллина, ни иудея, ни белого, ни цветного. Кто знает один народ – не знает ни одного, кто знает одну религию, одну культуру – не знает ни одной, не навязывай насильно исследуемому народу своей культуры: подходи к нему бережно и осторожно, с любовью и вниманием, на какой бы ступени культуры она ни стояла, и он сам будет стремиться подняться до уровня высших культур».

Уже на закате лет В.К. Арсеньев среди тех наук, которыми занимался серьёзно, выделял «исследовательскую работу в области этнографии», к которой наряду с музееведением и археологией чувствовал, по его словам, «особую склонность и призвание».

Во Владивостоке он быстро сошёлся с такими же, как он, людьми, одержимыми изучением жизни аборигенов. Одним из первых был директор музея ОИАК, бывший корабельный врач Фёдор Альбертович Дербек. Всего на год старше Арсеньева, он обладал уже большими знаниями, имел два высших образования: окончил физмат Санкт-Петербургского университета и Императорскую военномедицинскую академию. Много тёплых слов говорил Арсеньев и о уже упоминаемом нами Николае Александровиче Пальчевском. Стали его друзьями знаменитый шкипер, собиратель коллекций, много встречавшийся с аборигенами Ф.К. Гек, синолог М.Г. Шевелёв...

Делая первые вылазки в тайгу, Арсеньев брал в проводники гольдов: Око, жившего у реки Даубихе, и Капку из урочища Анучино. Правда, скоро и того, и другого подкараулила смерть. Во время охоты на пятнистых оленей при невыясненных обстоятельствах был убит Око. Капку застрелили, видимо, так называемые «промышленники», т.е. люди, хищнически промысляющие зверя в тайге, для которых убить «конкурента» было, что раздавить ногой ящерицу.

Он плыл на лодке с парой дорогих оленьих пантов, и в него выстрелили из-за береговых кустов.

Память о них Владимир Клавдиевич сохранит на всю жизнь...

Так что Арсеньев совсем не неожиданно нашёл в тайге своего будущего героя, дав ему имя Дерсу. Он, может быть, даже знал, что рано или поздно встретит такого человека из другого мира и сойдётся с ним, нет, даже почти сольётся, сначала в тесном общении среди девственной природы, а потом – в мыслях, в понимании окружающей жизни, более того, философского объяснения бытия, пути и целей развития общества, цивилизации, осмысления места человека на земле, в мироздании. И, наконец, он воплотит своего соратника и друга в художественном образе.

Правда, всё это он осмыслит далеко не сразу.

Не раз случалось в литературном мире: тот, кого начинает тянуть что-то сочинять, обязательно где-то откроет своего будущего героя книги. Вот он, не выдуманный, во плоти, протягивает руку тому, кто ждал его, мечтал о таком персонаже. Они знакомятся, и скоро неведомая сила взаимного притяжения, как ни различны они, их сближает. И начинается сотворчество: встретившийся как бы говорит будущему писателю: возьми меня со всеми моими потрохами и опиши, воссоздай в словах, в образах, в поступках. Можешь, не возражаю, кое-что от себя и прибавить, а что-то убавить и даже во мне изменить. Но всё равно, уже в образе главного действующего лица книги, я останусь почти тем же, которого, на своё счастье, ты встретил.

Нечто подобное произошло и в жизни Арсеньева.

Литератором, автором двух первых повестей (приведём их названия полностью) *«По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь»* и *«Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г.»* он стал благодаря главному герою, чьё имя вынес в названия этих книг. Вышли они во Владивостоке в 1921 и 1923 годах. Вторым героем стал «капитан», прообраз самого автора, от чьего имени ведётся повествование, а третьим – место действия.

Три образа, гармонично соединённые рукою Арсеньева.

Именно они сделали книги, которые замысливались как научно-популярные, полноценными произведениями художественной литературы. Многократно издаваемые массовыми тиражами под одной обложкой и названные *«В джунглях Уссурийского края»* (давались этой книге и другие заглавия) они долго не залеживались на книжных полках.

То, что именно своим главным и таким необычным, начиная с имени и фамилии, персонажем совсем неопытный в писательском ре-

мсле Владимир Арсеньев сумел привлечь читателей, первым понял мастер русской прозы и своеобразный философ Михаил Пришвин. Обратите внимание на контекст времени, когда эти строки были напечатаны, – 1932 год. Тогда, заметим, в молодом пролетарском государстве были востребованы совсем иные литературные герои:

«В наше-то время беспощадной борьбы со всяким суеверием и самой твёрдой рационализации первобытный человек, суевернейший анимист Дерсу Узала, понимающий каждую ворону, как «люди», вышел на советскую арену жизни и сделался одним из любимейших героев нашей молодёжи».

Ключевое объяснение популярности этого образа у миллионов читателей.

Даже некоторая ревность к собрату по перу сквозит в этих словах. Вот что на сей счёт писал автору этого повествования петербургский литературовед, автор книги о В.К. Арсеньеве Игорь Кузьмичёв: *«По-моему, Арсеньев счастливо нашёл героя, которого хотел найти, но не нашёл Пришвин... В этом отношении Пришвин мог Арсеньеву только завидовать (беззлобно, разумеется!)».*

Но вернёмся к тому самому везению Владимира Клавдиевича.

Произошло это, как зафиксировано в дневнике В.К. Арсеньева, 3 августа 1906 года. Читаем дневник:

«Вечером, когда мы сидели у костра, пришли мои два охотника и доложили, что из-за перевала с Лифудзина пришёл охотник-гольд, который был там, где наши два охотника, и сообщил, что там всё благополучно (что «всё благополучно», остаётся не совсем ясно. – Б. С.). Этот гольд обещал прийти на наш бивак. Уже поздно вечером, когда было уже часов около 9 вечера, пришёл этот гольд. «Здравствуйте», – сказал кто-то сзади. Я обернулся. У нашего пня стоял пожилой человек небольшого роста, приземистый, с выпуклой грудью, несколько кривоногий. Лицо его, плоское, было покрыто загаром, а складки у глаз, на лбу и щеках красноречиво говорили, что ему лет около 50. Небольшие каштанового цвета редкие усы, редкая в несколько волосков борода, выдающиеся скулы у глаз изобличали в нём гольда (официальное название в России XIX – начала XX века нанайской народности. – Б. С.). Он опустил ружьё прикладом на землю и начал закуривать. Одет он был в какую-то жёсткую брезентовую куртку, манзовские штаны и улы. В руках у него были сошки – неременная принадлежность охотника-инородца (через семь десятилетий эти сошки в фильме японского режиссёра Акира Куросава «Дерсу Узала» станут многозначной художественной метафорой! – Б. С.). Глаза его, маленькие, с поволокой у крайних углов, казались зоркими и дышали умом, сметливостью и гордостью».

Мы спросили, кто он. И он с оттенком гордости ответил, что он не китаец, а гольд. Он, пробыв с нами весь вечер, рассказывал много интересного из своей скитальческой охотничьей и бродяжной жизни. Ночь он провёл с нами. Мы предложили ему поступить к нам на службу за жалованье, одежду и стол. Гольд подумал и решил дать ответ утром. Имя его Дерсу, а фамилия Узала. На мой вопрос, как перевести на русский язык его фамилию и имя, или что это значит на языке гольдов, на это он ответил, что это ничего не значит, а просто имя и фамилия.

4 августа. Утром гольд Дерсу Узала на вторично заданный вопрос, согласен ли он поступить проводником, изъявил своё согласие. С этого момента он стал членом экспедиции».

Записи эти, как уверяли арсеньеведы, были сделаны именно в те самые числа 1906 года. Подготовившие дневник к печати кандидат филологических наук Л. Сем и кандидат исторических наук Ю. Сем, предварив публикацию подробным описанием всех тетрадей дневника с многочисленными вставками, вклейками и т. д., нигде не говорят, что, возможно, дневник писался позже. Или переписывался с другого оригинала.

Но такое предположение просто просится сделать. И вот почему.

Да, в этих 33-х строчках, казалось бы, все особенности путевого дневника: язык почти телеграфный, часто повторы одних и тех же слов, встречаются неловкие обороты. Но одновременно проглядывает желание написать художественную характеристику, портрет впервые увиденного человека. Вряд ли сразу же у «нашего пня» Арсеньев смог бы всё это записать уже так развёрнуто. Но пусть, записал. Смущает больше вот что: имя и фамилия гольда.

В жизни этого человека звали не так, как написал сам Арсеньев*. А в дневнике он утверждает, что имя и фамилию – Дерсу Узала – услышал от самого гольда. Попробуем разгадать эту первую загадку Дерсу.

Впрочем, так ли важно имя прототипа в художественном произведении? Только с толку сбивает. Представьте, в книгах любых писателей, например, в романе «Война и мир», появились бы такие сноски! Хотя читающему ясно, что даже персонаж с неизменённым именем, например, Кутузов, не совсем тот, который действовал в Отечественной войне 1812 года. Это и школьники знают. Но так как сам автор нигде не объяснил, почему и когда он изменил имя своего героя, нам остаётся только строить гипотезы.

* В предисловии к первому изданию книги «По Уссурийскому краю» (1921 г.) В.К. Арсеньев, когда впервые называет своего героя Дерсу Узала, делает к нему сноску: «Дерсу Очжалъ». Далее это имя он больше не упоминает и не комментирует.

Дерсу Узала при «полном параде». Фото В.К. Арсеньева

А.И. Тарасова в монографии, перечисляя фамилии 21 человека участников экспедиции 1906 года, добавила: «...а с 3 августа в отряде появился ещё один член экспедиции – проводник нанаяц Дерсу Узала. Настоящее имя его было Дэрчу из рода Очжал (Оджал), жившего незадолго перед тем в верховьях Усури, но почти целиком вымершего от какой-то страшной эпидемической болезни. Ему и его брату Степану и ещё двум-трём представителям этого рода посчастливилось остаться в живых».

Труд историка вышел в свет, когда уже отгремели в среде изучавших творчество Арсеньева дискуссии и о том, в каком году он встретился с Дэрчу – в 1902 или же в 1906 и насколько герой повестей отличается от реального прототипа. Поломали копья и пришли к выводу, который, казалось бы, и с самого начала был ясен: литературный Дерсу всё же отличается от реального Дэрчу.

Не вызывает сомнений, что 3 августа 1906 года Арсеньев не мог услышать от гольда такое звучное имя и фамилию. Трудно достоверно утверждать, но, может быть, так своего проводника он назвал в первые же дни их общения? Мог не Арсеньев, а кто-то из членов экспедиции или стрелков переименовать его имя в более легко произносимое: Дерсу! Два слога, как нажатие на курок и выстрел. Фамилию Узала же придумал вероятнее всего сам Владимир Клавдиевич.

Своё довольно дотошное исследование о том, «откуда есть пошёл» Дерсу Узала, предпринял хабаровский краевед Григорий Лёвкин, много лет изучавший арсеньевскую топонимику. Его статья «Легенда и быль о Дерсу Узала», вышедшая в Хабаровске в 1989 г., полна любопытных догадок, предположений и версий. Из неё, во-первых, мы узнаём, как глубоко укоренилась в умах дальневосточников, почитателей Арсеньева, мысль о том, что его герой точно списан автором с реального человека, и не более того. С одной стороны, это возвышает автора, показывает его несомненное дарование. С другой, запутывает читателя.

Одна из собеседниц, встретившихся Лёвкину в посёлке Корфовском, гордо поведала ему: «Здесь покоится прах знаменитого проводника и друга Владимира Клавдиевича Арсеньева». А он огорошил её ответом: «Знаю. Убили его здесь, да вот только праха никакого не было и быть не могло...» И далее: «Дерсу Узала был убит... самим Арсеньевым!»

К тайне гибели Дэрчу и описанной в книге смерти Дерсу мы ещё вернёмся особо – это вторая «тайна» человека и литературного героя. Лёвкин же прибегает к такому восклицанию, чтобы далее сделать категорический и очевидный вывод, к которому мы подошли выше: «В природе никогда не существовал человек по имени Дерсу Узала, что это художественный, типизированный образ, воплотив-

ший в себе лучшие черты аборигенов южной части Дальнего Востока. Это образ проводника-идеала, который виделся путешественнику». Сказано полемически заострённо, но в целом верно.

Не будем тут приводить всех доводов Лёвкина, опровергающих тех, кто «полностью отождествлял литературного героя с реальным лицом». Это может увести нас далеко в дебри отгремевших литературоведческих споров. Ведь до чего на Дальнем Востоке дошло! В связи со 100-летием со дня рождения В.К. Арсеньева владивостокские краеведы организовали экспедицию по маршруту путешественника и установили памятную доску якобы «на том самом месте», где (как написано в повести) в октябре 1902 года в верховьях реки Лефу Арсеньев «впервые встретился со своим будущим другом и помощником Дерсу Узалой».

В тот же год 100-летия был открыт целый мемориальный ансамбль в г. Арсеньеве Приморского края на горе Увальная, рядом с речкой Арсеньевкой. Путешественника изваяли в полный рост, а рядом на каменной глыбе – барельеф его проводника. Прекрасно, что так почтили память знаменитого человека: его именем названы и речка (ранее р. Даубихе), и город, а у города – памятник! Но вот об открытии его написали так: «Установлен на месте первой встречи Арсеньева с Дерсу Узалой». Это утверждал, в частности, и Н.Е. Кабанов, участник экспедиций Арсеньева, а значит, знавший его лично. Авторитетный человек, но, как видите, ошибся.

Три разных места встречи. Такого, согласитесь, быть не может.

Но Бог с ними, путаниками. Они лишь лишний раз подчёркивают, насколько слились реальное и вымышленное лица. До того слились, что и сегодня, заглянув в интернет, любознательный школьник, живущий, например, в Приморье, если захочет узнать, в честь кого названо село Дерсу, расположенное в Красноармейском районе, в Википедии прочтёт следующее: «Названо в 1972 г. в честь Дерсу Узала, коренного жителя Усурийского края, главного действующего лица романа В.К. Арсеньева». Тут две ошибки: неправильно указан жанр произведения и: не жил человек с такими «паспортными данными» когда-то в крае.

Однако что же пишет Г.Г. Лёвкин о настоящей фамилии гольда? Оригинальные версии выдвигает. Он подтверждает, что запись в дневнике о встрече в 1906 г., приведённая выше, сделана Арсеньевым позднее: «Дневник 1906 г. переписан с черновика». Уточним: художественно обработан. А далее выражает сомнение, на основании описания Арсеньевым наружности Дэрчу, в том, что он был гольд. Нанайцы, утверждает Лёвкин, иные. Подтверждение этому он находит в этимологии топонима и названия рода очжал, (оджал, одзял), которое «следует искать в эвенкийском языке», и утверждает: «Вероятно, более правильно следовало говорить – одял». Но тут

же, ссылаясь на писателя-дальневосточника С. Кучеренко, пишет, что тот встречал нанайца по имени Фёдор, а по фамилии Уза (пудэгейски «Кабарга»), заявлявшего, что Дерсу из их рода. А один из проводников Арсеньева Миону Кимонко, «по совместительству» бывший у удэгейцев шаманом, рассказывал, будто Узала был удэге и родители его жили у моря.

Приведём любопытный разговор М. Пришвина, побывавшего в Приморье в 1931 году*, с егерем И.И. Долгалем.

– Неверно, что Дерсу Узала был гольд, – говорил писателю егерь, – на самом деле он был таз. На что Пришвин парировал собеседнику:

– Ах, Иван Иванович! Вы – такой знаменитый охотник, такой замечательный стрелок, неужели вы не поймёте, что книга Арсеньева мало пострадает, если Дерсу в ней будет назван тазом или гольдом, как вздумается автору.

– Как же не пострадает, – изумлённо ответил охотник, – вон идёт пятнистый олень, а я назову его вам изюбром, так и если гольда назову тазом: гольд есть гольд, а таз всё равно что китаец.

И всё же склонимся к той «версии», что Дэрчу был нанайцем. Кстати, вот как объясняет само название «нанайцы» Г. Лёвкин: «Нанай – означает местный человек («на» – место, земля; «най» – человек)». Значит можно, заметим, героя Арсеньева назвать и «земным человеком»!

Разгадку же слова «Узала» Г. Лёвкин начинает с цитаты из книги В.И. Малова «В.К. Арсеньев»: «Перед Арсеньевым был самый настоящий следопыт, словно сошедший со страниц так любимых им в детстве романов Фенимора Купера». И продолжает: «Биограф и не подозревает, сколь близко он оказался к разгадке!.. Дело в том, что в эвенкийском, эвенском, ороцком, удэгейском языках слово «оза», а в нанайском и негидальском «озл» означает выслеживать, идти по следу. Суффикс же «ли» (русифицированный «ла») в эвенкийском языке означает длительность действия, протяжённость. Таким образом, Владимир Клавдиевич дал своему герою имя *Следопыт*, или же более точно – *Идущий Всё Время По Следу*. Выделено нами. – Б. С.

Сделав такой, на наш взгляд, довольно убедительный вывод, автор говорит, насколько талантливо перо у Владимира Клавдиевича, создавшего «собираемый образ представителя туземных людей, таёжного скитальца и странника, знающего тайны тайги и любящего её». Дерсу Узала «вошёл в нашу литературу мягкой поступью

* В 2006 г. в издательстве «Росток» (С.-Петербург) вышла седьмая книга полного собрания дневников М. М. Пришвина, в которой опубликованы записи, сделанные во время поездки в Приморский край. Только в этом томе фамилия Арсеньева упоминается 16 раз.

охотника, идущего по следу зверя, стал жить своей особой жизнью в умах и сердцах людей. Художественный образ обрёл плоть и кровь». Прав Г. Лёвкин: очень метким в литературном отношении «стрелком» оказался наш герой: попал в десятку!

К этому можно добавить лишь одно: след в след за Дерсу следовал его творец, сам Арсеньев. Точнее, он в жизни сблизился, подружился с реальным проводником Дэрчу, а в книгах, вкуче с образом главного героя, создал и образ рассказчика. Ведь «капитан» в повестях – не совсем реальный человек, а тоже литературный «типичный представитель русского офицера-интеллигента». Насколько типичный, уже другой вопрос.

А как встретились Дерсу с капитаном в книге?

Не все читающие этот биографический очерк имеют под рукой произведения В.К. Арсеньева. Да и не в каждой библиотеке его сейчас можно найти. Но как хотелось бы, узнав в предыдущей главе, кто же был на самом деле человек, превращённый пером писателя в «образ», тотчас же прочесть, каким же он получился в книжке. С этой целью мы решили включить сюда ту самую вторую главу из повести Арсеньева «По Уссурийскому краю», так и названную: «Встреча с Дерсу». Надеемся, что небольшие купюры, сделанные нами в тексте, не помешают прикоснуться к арсеньевской прозе.

Обратите внимание: насколько подробнее, даже как бы воздушнее, шире, свободнее, непринуждённее по сравнению с приводимой выше дневниковой записью – первой попыткой автора описать своего героя – написана в повести сцена встречи с Дерсу Узалой, точнее и деликатнее рассказывается о его одежде, внешности, насколько живее стала неповторимая речь Дерсу. А его переживания, даже паузы... Появились и так необходимые «декорации». Динамично выписано начало главы: читатель сразу настраивается в унисон с чувствами рассказчика. Его так волнует всё: и стрелки, и лошади, но прежде всего – природа. Наконец, хороши картины смены дня и ночи, бивачной жизни. Они как бы «звучат» гармоничным контрапунктом к самой встрече с человеком, появившимся из леса.

Итак, читаем прозу В.К. Арсеньева (публикуется по первому изданию. 1921 г.).

«После отдыха отряд наш снова тронулся в путь. На этот раз мы попали в бурелом и потому подвигались очень медленно. [...] Местность была чрезвычайно пересечённая. Глубокие распадки, заваленные корчами, водотёки и скалы, обросшие мхом, – всё это живо напоминало мне картину Вальпургиевой ночи. Трудно представить себе местность более дикую и неприветливую, чем это ущелье.

Иногда случается, что горы и лес имеют привлекательный и весёлый вид. Так, кажется, и остался бы среди них навсегда. Ино-

гда наоборот, горы кажутся угрюмыми, дикими. И странное дело! Чувство это не бывает личным, субъективным, оно всегда является общим для всех людей в отряде. Я много раз проверял себя и всегда убеждался, что это так. То же было и теперь. В окружающей нас обстановке чувствовалась какая-то тоска, было что-то жуткое и неприятное, и это жуткое и тоскливое понималось всеми одинаково.

– Ничего, – говорили мои стрелки, – как-нибудь переночуем. Нам не год здесь стоять. Завтра найдём место повеселее. [...]

Величавая тишина леса сразу огласилась звуками топоров и голосами людей. Стрелки стали таскать дрова, рассёдлывать коней и готовить ужин. [...]

Наконец на нашем биваке стало всё понемногу успокаиваться. После чая каждый занялся своим делом: кто чистил винтовку, кто поправлял седло или починял разорванную одежду. Такой работы всегда бывает много. Покончив со своими делами, стрелки стали ложиться спать. [...] Не спали только я и Олентьев. Я записывал в дневник пройденный маршрут, а он починял свою обувь. Часов в десять вечера я закрыл тетрадь и, завернувшись в бурку, лёг к огню. От жара, подымавшегося кверху вместе с дымом, качались ветви старой ели, у подножия которой мы расположились, и то закрывали, то открывали тёмное небо, усеянное звёздами. Стволы деревьев казались длинной колоннадой, уходившей в глубь леса и незаметно сливавшейся там с ночным мраком.

Вдруг лошади подняли головы и насторожили уши. Потом они успокоились и опять стали дремать. Сначала мы не обратили на это особого внимания и продолжали разговаривать. Прошло несколько минут. Я что-то спросил у Олентьева и, не получив ответа, повернулся в его сторону. Он стоял на ногах в ожидательной позе и, заслонив рукою свет костра, смотрел куда-то в сторону.

– Что случилось? – спросил я его.

– Кто-то спускается с горы, – отвечал он шёпотом.

Мы оба стали прислушиваться, но кругом было тихо, так тихо, как только бывает в лесу в холодную осеннюю ночь. Вдруг сверху посыпались мелкие камни.

– Это, вероятно, медведь, – сказал Олентьев и стал заряжать винтовку.

– Стреляй не надо! Моя люди!.. – послышался из темноты голос, и через несколько минут к нашему огню подошёл человек.

Одет он был в куртку из выделанной оленьей кожи и такие же штаны. На голове у него была какая-то повязка, на ногах унты, за спиной большая котомка, а в руках сошки и старая длинная берданка.

– Здравствуй, капитан (к этому слову Арсеньев делает такое примечание: «туземцы Восточной Сибири всех государственных

служащих в обращении называли «капитанами». – Б. С.), – сказал пришедший, обратясь ко мне.

Затем он поставил к дереву свою винтовку, снял со спины котомку и, обтерев потное лицо рукавом рубашки, подсел к огню. Теперь я мог хорошо его рассмотреть. На вид ему было лет сорок пять. Это был человек невысокого роста, коренастый и, видимо, обладавший достаточной физической силой. Грудь у него была выпуклая, руки – крепкие, мускулистые, ноги немного кривые. Загорелое лицо его было типично для туземцев: выдающиеся скулы, маленький нос, глаза с монгольской складкой век и широкий рот с крепкими зубами. Небольшие русые усы окаймляли его верхнюю губу, и маленькая рыжеватая бородка украшала подбородок. Но всего замечательнее были его глаза: темно-серые, но не карие, они смотрели спокойно и немного наивно. В них сквозили решительность, прямота характера и добродушие.

Незнакомец не рассматривал нас так, как рассматривали мы его. Он достал из-за пазухи кисет с табаком, набил им свою трубку и молча стал курить. Не спрашивая его, кто он и откуда, я предложил ему поест. Так принято делать в тайге.

– Спасибо, капитан, – сказал он. – Моя шибко хочу кушай, моя сегодня кушай нету.

Пока он ел, я продолжал его рассматривать. У пояса его висел охотничий нож. Очевидно, это был охотник. Руки его были загрубелые, исцарапанные. Такие же, но ещё более глубокие царапины лежали на лице: одна на лбу, а другая на щеке около уха. Незнакомец снял повязку, и я увидел, что голова его покрыта густыми русыми волосами; они росли в беспорядке и свешивались по сторонам длинными прядями.

Наш гость был из молчаливых. Наконец Олентьев не выдержал и спросил пришельца прямо:

– Ты кто будешь, китаец или кореец?

– Моя гольд, – ответил он коротко.

– Ты, должно быть, охотник? – спросил я его опять.

– Да, – отвечал он. – Моя постоянно охота ходи, другой работы нету, рыба лови понимай тоже нету, только один охота понимай.

– А где ты живёшь? – продолжал допрашивать его Олентьев.

– Моя дома нету. Моя постоянно сопка живи. Огонь клади, палатка делай – спи! Постоянно охота ходи, как дома живи?

Потом он рассказал, что сегодня охотился за изюбрами, ранил одну матку, но слабо. Идя по подранку, он наткнулся на наши следы. Они завели его в овраг. Когда стемнело, он увидел огонь и пошёл прямо на него.

– Моя тихонько ходи, – говорил он. – Думай, какой люди далеко

сопка ходи? Посмотри – капитан есть, солдат есть. Моя тогда прямо ходи.

– Тебя как зовут? – спросил я незнакомца.

– Дерсу Узала, – отвечал он.

Меня заинтересовал этот человек. Что-то в нём было особенное, оригинальное. Говорил он просто, тихо, держал себя скромно, не заискивающе... Мы разговорились. Он долго рассказывал мне про свою жизнь, и чем больше он говорил, тем становился симпатичнее. Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге и чужд был тех пороков, которые вместе с собой несёт городская цивилизация. Из его слов я узнал, что средства к жизни он добывал ружьём и предметы своей охоты выменивал у китайцев на табак, свинец и порох и что винтовка ему досталась в наследство от отца. Потом он рассказал мне, что ему теперь пятьдесят три года, что у него никогда не было дома, он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья и бересты. Первые проблески его детских воспоминаний были: река, шалаши, огонь, отец, мать и сестрёнка.

– Все давно помирай, – закончил он свой рассказ и задумался. Он помолчал немного и продолжал снова: – У меня раньше тоже жена была, сын и девчонка. Оспа все люди кончай. Теперь моя один остался...

Лицо его стало грустным от переживаемых воспоминаний. Я пробовал было его утешить, но что были мои утешения для этого одинокого человека, у которого смерть отняла семью, это единственное утешение в старости? Он ничего мне не отвечал и только ещё более поник головой. Хотелось мне как-нибудь выразить ему сочувствие, что-нибудь для него сделать, и я не знал, что именно. Наконец я надумал: я предложил ему обменять его старое ружьё на новое, но он отказался, сказав, что берданка ему дорога как память об отце, что он к ней привык и что она бьёт очень хорошо. Он протянулся к дереву, взял своё ружьё и стал гладить рукой по ложу.

Звёзды на небе переместились и показывали далеко за полночь. Часы летели за часами, а мы всё сидели у костра и разговаривали. Говорил больше Дерсу, а я его слушал, и слушал с удовольствием. Он рассказывал мне про свою охоту, про то, как раз он попал в плен к хунхузам, но убежал от них. Рассказывал про свои встречи с тиграми, говорил о том, что стрелять их нельзя, потому что это боги, охраняющие женьшень от человека, говорил о злых духах, о наводнениях и т. д.

Один раз на него напал тигр и сильно изранил. Жена искала его десять суток, прошла более двухсот вёрст и по следам нашла его обессиленного от потери крови. Пока он болел, она ходила на охоту.

Потом я стал его спрашивать о том месте, где мы находимся. Он сказал, что это истоки реки Лефу и что завтра мы дойдём до первой зверовой фанзы.

Один из спящих стрелков проснулся, удивлённо посмотрел на нас обоих, пробормотал что-то про себя, улыбнулся и заснул снова.

На земле и на небе было ещё темно, только в той стороне, откуда подымались всё новые звёзды, чувствовалось приближение рассвета. На землю пала обильная роса – верный признак, что завтра будет хорошая погода. Кругом царил торжественная тишина. Казалось, природа отдыхала тоже.

Через час восток начал алеть. Я посмотрел на часы, было шесть часов утра. Пора было будить очередного артельщика. Я стал трясти его за плечо. Солдатик сел и начал потягиваться. Яркий свет костра резал ему глаза – он морщился. Затем, увидев Дерсу, проговорил, усмехнувшись:

– Вот диво, человек какой-то!.. – и начал обуваться.

Небо из чёрного сделалось синим, а потом серым, мутным. Ночные тени стали жаться в кусты и овраги. Вскоре бивак наш опять ожил: заговорили люди, очнулись от оцепенения лошади, заверещала в стороне пищуха, ниже по оврагу ей стала вторить другая, послышался крик дятла и трещотная музыка желны. Тайга просыпалась. С каждой минутой становилось всё светлее, и вдруг яркие солнечные лучи снопом вырвались из-за гор и озарили весь лес».

В предисловии к книге Арсеньев очень скромно оценивал свой труд, называя его «популярным обзором путешествия», который «заключает в себе географическое описание пройденных маршрутов и путевой дневник». Но его повесть, конечно, представляет нечто большее. Она несёт в себе многие признаки настоящей художественной литературы.

Попутно заметим, что «романом» это, как и другие произведения В.К. Арсеньева, жанрово всё же, на наш взгляд, нельзя назвать. Но им и в интернете, да и в новых изданиях такое определение дают.

Прежде всего удался Арсеньеву образ главного героя.

В общем-то автор это, видимо, и сам хорошо понимал. Но по прошествии лет Дерсу Узала, каким предстает в книге, заслонил даже для самого автора того проводника, которого взял «на работу» в августе 1906 года. И когда Арсеньев писал в предисловии о Дерсу Узале, как своём спутнике, то, как нам кажется, перед ним стоял во весь рост его литературный персонаж.

Так бывает с авторами, но лишь с теми, кто не только себя, но и миллионы читателей сумел убедить в том, что их главное действующее лицо целиком взято из жизни и «тепленьким» перенесено на страницы повествования. «Он прямо как живой! Он жи-

вой!» – восклицают читатели. И это, наверное, высшая похвала писателю.

Вот что написал в предисловии Владимир Клавдиевич о своём отношении к человеку, с которым путешествовал и которого увековечил в книгах:

«Каждый раз, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю прошлое, передо мной встаёт фигура верхнеуссурийского гольда Дерсу Узала, ныне покойного. Сердце моё надрывается от тоски, как только я вспоминаю его и нашу совместную странническую жизнь... Трудно перечислить те услуги, которые этот человек оказал мне и моим спутникам. Не раз, рискуя своей жизнью, он смело бросался на выручку погибающему, и многие обязаны ему жизнью, в том числе и я лично».

Сильно сказано, даже с некоторым пафосом: «сердце надрывается», «трудно перечислить... обязаны жизнью» (правда, в русской литературе существует немного другой фразеологический оборот, но по смыслу тот же: «по гроб жизни обязан»...). Действительно, Арсеньев до роковой черты – смерти своей – был благодарен нечаянно встреченному ему в дебрях тайги гольду-охотнику. Обязан ему был не только и даже не столько тем, что тот «не раз» спасал его от верной гибели. Здесь автор, возможно, даже впадает, если судить по сюжетной канве его повестей, в некоторое преувеличение.

Но и не это главное. Можно сказать, что «лесной человек» открыл нашему герою глаза на окружающий мир и на место в нём, с одной стороны, первобытных, а с другой – цивилизованных людей. Наконец, и это хочется подчеркнуть, он вывел Арсеньева в ряды настоящих талантливых литераторов, что стало *главным отличием* нашего героя от многих других замечательных путешественников и учёных.

Но сейчас нас, следящих пристально за поворотами в жизненном пути Владимира Клавдиевича, больше интересует вот какая тема: как и когда понял штабс-капитан Арсеньев, какого человека послала ему фортуна и что будет значить этот человек в его жизни. Только давайте сразу договоримся, что прежде всего мы остановимся не на отношениях рассказчика и главного героя, а реального руководителя экспедиции и его проводника, которого, как вы уже знаете, звали Дэрчу из рода Очжал. Правда, мы его будем в дальнейшем называть так, как его имя переименовали в отряде – Дерсу Узалой.

Сколько месяцев делили кров, хлеб и воду Арсеньев с Узалой – подсчитать несложно. Встретились они, когда Арсеньев находился более двух с половиной месяцев в экспедиции, – 3 августа 1906 года. (А не в 1902 году, как написано в повести, когда «на фоне бледного неба резко выделялись вершины деревьев с пожелтевшими листьями», т. е. в начале осени.) Попрощались, когда экспедиция закончилась, в конце ноября. Прошло неполных четыре месяца.

Следующая экспедиция началась 11 июня нового года. В ней Дерсу участвовал с первого дня и до последнего, т. е. до 5 января 1908 года – почти семь месяцев. Он согласился поехать с Арсеньевым в Хабаровск. Там жил два месяца – с 7 января по начало марта в его квартире до того дня, когда запросился в тайгу, был отпущен и 13 марта убит неизвестными бандитами у станции Корфовской, не так далеко от города.

Итак, одиннадцать месяцев похода с Дерсу плюс два месяца жизни под одной крышей. Получается всего год с небольшим.

Согласитесь, срок невеликий. Поэтому легко объясним перенос автором встречи с Дерсу в 1902 год. Расширив аж на четыре года рамки двух повестей, связанных одним героем, автор сумел этот «временной простор» мастерски использовать. Герой показан в развитии.

Но это в книгах.

Автор и Дерсу Узала послѣ маршрута по р. Кулумбе.

*Иллюстрация из книги «Дерсу Узала» (1923 года издания).
Сделана по фотографии, снятой из аппарата В.К. Арсеньева*

А какие же факты об Узале содержатся в документальных записках?

В предыдущих главах обильно цитировались «Сведения об экспедициях капитана Арсеньева». Так вот, в этом интересном 36 страниц отчете, изданном в 1912 году, имя такого проводника не упоминается. Правда, это объяснимо: и других фамилий, как мы видели, в нём называется мало. О проводниках иногда говорится, например, так: «...нашли старика-китайца, который после долгих переговоров взялся кратчайшею дорогою проводить путешественников...» Или: «...взял с собой 2-х проводников и одного нижнего чина и снова пошёл вверх по реке...» Честно рассказывая о том, что порою экспедиция плутала по тайге и тем самым усиливался риск голодовок и прочих лишений, Арсеньев всегда добавляет, что это произошло из-за того, что именно он или неправильно сориентировался или выбрал из возможных вариантов пути более рискованные и вся ответственность лежит на нём.

Теперь обратимся к дневникам, относящимся к 1906 году. С ними вообще обстоит дело сложно. Не будем тут касаться всех грустных перипетий, которые претерпел архив Арсеньева после смерти. Об этом подробно написано в труде А.И. Тарасовой. Исследовательница пишет, что «работал Арсеньев над дневниками всю жизнь: дополнял новыми материалами, вносил поправки в старые записи...» и т. д. Всё это, да и многое другое, как отмечает историк, «усложняет датировку тех или иных конкретных записей». И ниже: «Наиболее характерной в этом отношении является тетрадь № 3 дневника 1906 г.». В ней записи перемежаются с различными вклейками, помещено недатированное описание 21-дневной голодовки в августе 1908 года, первоначальный набросок сцены пурги на оз. Ханка (тоже недатированный), ставший затем ключевым эпизодом первой повести и отнесённый автором к 1902 году.

Но что нам остаётся делать? Доверимся имеющемуся «первоисточнику».

Внимательно читаем тетрадь № 3. И что же? Упоминаний о проводнике Дерсу Узала совсем немного и, главное, они почти не «расшифровываются». Легко привести здесь почти все места занимающих в печатном виде 70 страниц, в которых говорится о Дерсу. «5 августа. ...Мы добрались до перевала Сихотэ-Алиня. Дерсу, по обыкновению, остановился около кумирни, встал на колени и вслух начал молиться тотчас же... Расположились у реки Лифудзин, а Дерсу побежал в лес и с привычкой, свойственной гольдуюхотнику, быстро снял кору с дерева и устроил ложе». В записях за следующие пять дней, рассказывая об интереснейших подробностях похода, Арсеньев о Дерсу не пишет.

«10–11 августа. ...Своего проводника мы остригли под машинку и одели... 12 августа... Поднявшись на перевал, я осмотрелся. Здесь была небольшая кумирня, у которой молился мой проводник». В записи от 16 августа подобное же упоминание: «На самой вершине перевала – кумирня, в которой мой проводник помолился вслух своему богу, делая усердные и частые коленопреклонения». Затем на шести печатных страницах о Дерсу ни слова... «20 августа. На основании вчерашнего решения я отправился с проводником, одной лошадью и двумя нижними чинами вверх по реке Вангоу...»

Через 10 строк о Дерсу Узале появляется первая подробная, но вот какая любопытная запись: «Так как мой проводник закутил и по дороге напился пьян, я должен был ещё засветло остановиться на бивак... Дерсу окончательно забастовал, но я уговорил его дойти до воды. Начали искать воду... Воду нашли, бивак разбили. «Проводник мой тотчас же уснул, но сперва минуты две сидел на толстом бревне и, подперев голову руками, пел какую-то печальную заунывную песню...». Наутро «проводник проснулся, хмель его прошёл, и он долго со мной разговаривал. Я задавал ему вопросы, он отвечал. Часов в 10 вечера он убеждал меня дать один выстрел, чтобы отогнать диких зверей от бивака и тогда лечь спать спокойно, но я воспротивился этому».

Почему же воспротивился? Объяснение не касается гольда, но так непосредственно и притом одним штришком добавляет нечто новое к мировосприятию Арсеньева, который в душе был лириком: «Мне не хотелось нарушать этой торжественной тишины ночи, присоединять грохот и гул выстрела к ночным звукам тайги, к ласковому шёпоту деревьев. Мне казалось, что эти столетние кедры низко раскрыли свои хвойные ветви, шепчут мне о былом, прошлом и рассказывают свои фантастические сказки. Я лёг спать у костра. Светила яркая луна, и свет её смешивался со светом красного пламени костра – радужными лучами отражалась вода».

Бродила, бродила уже тогда в глубине его души мысль о писательстве!..

Но вернёмся к «моему проводнику». По-прежнему редко и скупой он о нём пишет, но взгляд командира цепок, он всё время за Дерсу следит, откладывая больше в уме, чем в тетради впечатления об этом человеке-дикаре. «22 августа. Часов в 9 вечера мы улеглись спать, слушая сказки гольда Дерсу Узала». 23 августа Арсеньев, правда, без тени эмоций и подробностей (они появятся в повести), упоминает, как он «едва по недоразумению не убил проводника-гольда. Выпущенная мною пуля слегка задела кожу на его спине, причинив ничтожное поранение-царапину, небольшую опухоль от ушиба и значительные физические страдания. Перевязав ему эту рану, мы тронулись далее».

И снова в записях день за днём ни одного слова о Дерсу. Лишь 12 сентября снова кратко: «По пути я с Дерсу зашёл взять банки (мышьяковистого мыла. – Б. С.) к пастуху...».

14 сентября Арсеньев узнаёт, что у его проводника, оказывается, есть брат и имя у него русское – Степан. И он «при должности»: переводчик пристава Ольгинского стана». У него «монгольский тип лица», одет «в полукитайскую, полурусскую одежду». Арсеньев пишет: «Он на радостях выпил водки, напился пьян и чудил до невероятности». Добавим: в повести нет ни слова о брате. А в дневнике продолжается рассказ о нём. На следующий день «гольд Степан без шапки, в какой-то кацавейке, в рваных штанах, снова напился пьян и до самой ночи говорил... Язык его заклеивался всё более и более, и, наконец, я задремал, не дослушав конца его рассказа».

16 декабря – запись о том, как Дерсу «побежал на охоту», «в свой берестовый рог подманивая изюбров», а вернувшись, «сообщил, что он ранил медведя». «Мы напились чаю и пошли с ним смотреть подранка. Долго искать не пришлось. Медведь, пройдя 10 шагов, подох, но частью был засыпан землёй. Это другой медведь его зарывал, чтобы потом полакомиться холодным мясом. Это была бурая медведица большого размера. Я сфотографировал её... Вдвоём с Дерсу мы могли едва повернуть тушу...» Ниже упоминается, видимо, другой проводник, т. к. Арсеньев его называет, да ещё с большой буквы, Молодым охотником, добавляя: «Мне всё казалось, что он нас не туда ведёт».

Ещё одно предложение об Узале: «Ночью Дерсу встал развести огонь и, кажется, варил себе что-то». Эта запись – от 17 октября на последней странице сохранившейся части дневника.

Через три дня поход закончился.

Вывод напрашивается такой. Дэрчу вначале интересовал Арсеньева постольку поскольку. Он как бы представлял гияцкую народность, а её Арсеньев тогда уже начал изучать. Верно замечает А.И. Тарасова, что «тетрадь № 3... является как бы частью самого раннего черновика книги «По Уссурийскому краю».

О походе 1907–1908 г. дневников, насколько нам известно, не сохранилось. Но что они легли в основу второй повести, названной по имени проводника, несомненно. В этом походе участвовал студент-палеонтолог из Киева Пётр Бордаков. Он, вернувшись на родину, написал рассказ и назвал его «Дерсу Узала», потом путевые заметки, опубликованные в 1914 г. под названием «На побережье Японского моря». П.П. Бордаков при Советской власти стал профессором, жил в Средней Азии и печатался под псевдонимом А.Г. Петров. Его рассказ, точнее, путевые заметки, написанные по живым впечатлениям от экспедиции, интересны в двух отношениях. Не пытаясь как-то приукрасить события и людей, в них участвую-

щих, не собираясь ничего выдумывать, он безыскусно рассказывает и об Арсеньеве, и о Дерсу Узале, который его тоже очень заинтересовал, как *тип*.

Об этом рассказе Владимир Клавдиевич знал и даже о нём написал в виде краткого послесловия к первому изданию повести «Дерсу Узала»:

«П.П. Бордаков, мой спутник, о котором я уже говорил, узнав о смерти Дерсу, обратился ко мне с просьбой позволить ему описать воззрения гольда на загробный мир. Зная, с какой симпатией П. П. Бордаков относится к покойному, я одобрил его намерение и просил не откладывать эту работу в долгий ящик. П. П. Бордаков не знал, при каких обстоятельствах умер Дерсу, и описал его замерзшим в тайге в рождественскую ночь. Читателя, желающего узнать, что ожидал Дерсу встретить по ту сторону смерти, я отсылаю к книжке П.П. Бордакова «Дерсу Узала». Рождественский рассказ».

Это произведение, опубликованное в журнале «Юная Россия» накануне Первой мировой войны, потом ни разу не переиздавалось.

Приведём отдельные места из рассказа Петра Петровича, в котором не только описаны «воззрения гольда». Вот Дерсу подсаживается к автору, дежурившему ночью в лагере. «Как все старики, он плохо спит по ночам и часто выходит из палатки, чтобы выкурить трубку и погреться у костра. Он садится возле самого огня, прищуривает в него свои маленькие глазки и курит, о чём-то думая и не шевелясь иногда в течение часа».

Привлекал Бордакова Дерсу своими рассуждениями, например такими: «Хунхуза хуже тигра... Как увидишь его, стреляй, жалеть не надо... Моя десять человек убил, – так и надо!» Хвастался Дерсу или правду говорил, поди теперь проверь. Или такими: «Никогда не стал бы золото искать... Поганый работа, охота лучше». Из дневника Арсеньева о пристрастии проводника-гольда к зелёному змию мы знаем. Но оказывается, как утверждает Бордаков, он «время от времени вытаскивал из-за пазухи пузырёк с опиумом и глотал крохотный кусочек», а когда его пытались от этого отучить, приводил в своё оправдание такой «довод»: «После опиума кушать будешь лучше».

Заметил Бордаков и то, что Дерсу порой, когда все чем-то были заняты, просто отлынивал от работы: «На правах проводника он сидел в стороне и хладнокровно покурил трубку в ожидании, пока всё будет готово и можно будет пуститься в путь... – Ты бы, Дерсу, помог, – тоном упрёка сказал В.К. Арсеньев. Дерсу сделал недовольное лицо, но встал и несколько раз обошёл вокруг уже навьюченного мула. После этого, прищурившись, посмотрел на небо, снова набил трубку табаком и, постояв немножко, уселся на обрубок дерева».

Другой эпизод. Однажды Дерсу, заплутав, «сердито плевался и бормотал какие-то ругательства, а Арсеньев сориентировался верно и шуточно попенял своему проводнику, на что тот обиделся и не ответил ни слова».

Что говорить, неподражаем был «лесной человек» Дерсу.

Но если бы подобными описаниями, пусть и «разжиженными» художественно, были заполнены страницы повести Арсеньева, вряд ли бы ей была суждена долгая жизнь.

Произошло почти невероятное: потихоньку-полегоньку, но Владимир Клавдиевич начал писать книгу, как потом определил её куда более опытный собрат по писательскому цеху Михаил Пришвин, подобную реликтам третичной эпохи, как уссурийские тигры, пятнистые олени, лотосы, виноград, обвивавший ели и сосны. В такой природе «человек ведёт себя как зверь: никогда не пересечёт в лесу полянку, а обойдёт её, на речном повороте выглянет». Движение этой книги, продолжает он, «есть движение самой природы, и она снова наводит меня на мысли, что поэзия рождается в ритмическом движении природы, вращении солнца и земель и является на свет тем же самым чутьём, каким животные и люди втайне определяют без компаса, в какой стороне находится дом».

Пришвин, называя Арсеньева «первобытным литератором», писал о «связке» автора и его героя так: «Дерсу явился на советскую арену не сам по себе, а через Арсеньева, что к следопытству инстинктивного человека Дерсу присоединяется следопытство разумного этнографа, вернее и точнее – инстинкт дикаря сохраняется и продолжается в разуме учёного, каким, несомненно, в известной степени был сам Арсеньев, но никак не его дикий гольд».

Понимал ли это Владимир Клавдиевич, когда, увлекшись переработкой дневников в книгу, сам с удивлением наблюдал, как от страницы к странице прямо на глазах растёт его герой?

Вряд ли...

Закономерно произошло вот что. Дерсу под пером Арсеньева стал даже опытнее, интереснее действующего в повестях рассказчика. Это легко проследить по большинству эпизодов, которые автор «нанизал на шампур» в общем-то незамысловатого сюжета. Но выстроил эти эпизоды талантливо и занимательно. Они раскрывают всё новые и новые черты характера Дерсу, его действия, его суждения, наконец, мировоззрение.

Интересно следить и за мыслями, чувствами, поступками рассказчика, которого автор тесно связал со своим героем, так что оба стали очень зависимы друг от друга, а порою сливаются чуть ли не в одно целое даже физически, как, например, во время пурги на озере Ханка.

Описание этого события, помещённого почти в начало первой повести, задаёт вместе со сценой встречи тон всей диалогии. Перечитайте эту главу – она сильно написана. Можно вспомнить и фильм Акира Куросавы «Дерсу Узала», в котором довольно близко к оригиналу и очень выразительно показано, как находчивый Дерсу спас жизнь Арсеньеву и себе. Но опять-таки, да простит нас читатель за дотошность, зададимся вопросом: был ли такой случай во время походов Арсеньева с Дерсу или автор всё почти полностью придумал?

Что, конечно же, не снижает его художественного значения.

Снова откроем – в который уж раз! – «Сведения» об экспедициях Арсеньева. Как вы помните, в них нашли отражение все невзгоды, происходившие в его походах. Описывая, хотя и кратко, первые «поездки по доброй воле» и разведки охотничьей команды, Арсеньев сообщает, что на пограничном с Китаем большом озере Ханка он тогда не раз бывал. Но, видимо, ничего экстраординарного там не происходило. А то бы обязательно написал.

Как, например, о случившемся происшествии в Засучанье. В начале команда преодолела (48 раз!) реку Сяо-Судзу-Хэ по бродам. «Как только люди выходили из воды на воздух, вода тотчас же замерзала, обледенелая одежда коробилась и ломалась». Затем надо было пересечь более глубокую реку Та-Судзу-Хэ. Решено было её переползти по ещё тонкому льду. Так решил сам командир и поэтому отправился на другой берег первым.

«Вырубив две тонких длинных палки и привязав к своему поясу верёвку, он пополз через реку в надежде, что давление тела будет распространено на большую площадь и лёд выдержит. Лёд выгибался и по трещинам его наверх выступала вода. Когда г. Арсеньев (отчет, напоминаем, написан в третьем лице) дополз до другой стороны, лёд сломался и он провалился около берега, где было, однако, уже неглубоко. Но самое главное было сделано – верёвка перетянута. Таким же точно порядком переправились один за другим и нижние чины. Каждого из них перетаскивали на новом месте».

Но этот эпизод, где сам Арсеньев проявил догадливость, решительность и мужество, наконец, подал пример другим, он в повестях не использовал.

А в описанном в повести случае на Ханке автор не щадит своего персонажа – капитана. От чьего имени, напомним, ведётся всё повествование. Внезапно нагрянувший снежный ураган застал его врасплох. Началось с того, что, не послушав предостережения Дерсу, предсказавшего ураган, он настоял на том, чтобы они вдвоём отправились на берег озера. Поняв «весь ужас нашего положения», он никак не мог сообразить, что делать. «Единственная моя надежда была на Дерсу», – пишет автор и далее подробно рассказывает, как

тот, «взяв команду на себя», заставил капитана скорее резать траву и очень сердился, когда тот его не слушал.

«— Тебе понимай нету! — кричал он. — Тебе надо слушай и работай. Моя понимай». Капитан потерял нож и стал «автоматически, почти бессознательно» ломать камыши, «порезал руки, но боялся оставить работу и продолжал рвать траву до тех пор, пока окончательно не обессилел. В глазах у меня стали ходить круги, зубы стучали, как в лихорадке. Намокшая одежда коробилась и трещала. На меня напала дремота. Так вот замерзают, — мелькнуло у меня в голове, и вслед за тем я впал в какое-то забытьё...»

Дерсу, оказывается, соорудил из камыша палатку. С помощью ремней и верёвок получилось довольно крепкое укрытие от снега и ветра. В нём сначала оказался в полуобморочном состоянии капитан, а Дерсу ещё «долго ходил вокруг, подгрёбал снег и утаптывал его ногами». Каким же двужилым он тут предстаёт перед читателем! Потом он вполз к капитану, «лёг рядом со мной и стал покрывать обоих своей кожаной курткой» и даже надел на ноги свои меховые унты.

Когда после долгого сна капитан проснулся, то услышал голос Дерсу снаружи. Скоро он «собрал немного сухой ветоши, развёл небольшой огонёк и сушил на нём мои обувки».

Только утром, пишет автор, он понял, зачем Дерсу резал траву, а местами её оставлял. Сообразительный проводник «скрутил её и при помощи ремней и верёвок перетянул поверх шалаша, чтобы его не разметало ветром. Первое, что я сделал, — поблагодарил Дерсу за спасение». На что Дерсу скромно сказал:

— Наша вместе ходи, вместе работай, спасибо не надо.

«И перевёл деликатно разговор на другую тему:

— Сегодня ночью много люди пропади. Я понял, что «люди», о которых говорил Дерсу, были пернатые».

Каким же находчивым, умелым, отважным, скромным предстаёт перед читателем в этой сцене Дерсу! Не побоялся автор показать себя в «образе» капитана, во многом уступающего дикарю. Если бы не тот, его постигла бы участь пернатых «люди».

Почему капитан не проявил сообразительность и энергию, какую показал (в жизни!), преодолевая по льду реку Та-Судзу-Хэ? Видимо, чутьё художника подсказало Арсеньеву, что в повести важно заявить с самого начала иную расстановку сил.

И это чутьё его не подвело.

По ходу книги ещё не раз помогал Дерсу своему капитану, которому служил так же верно, как Пятница служил Робинзону. Может быть, эти герои Даниеля Дефо и натолкнули Арсеньева на некий подобный «тандем», естественно, «на местном материале». Если так, то, конечно же, образ своего проводника автор поднял куда

выше, чем это сделал английский классик. Максим Горький в письме к Арсеньеву вспомнил другой очень похожий на Дерсу персонаж из книги Фенимора Купера: «Гольд написан вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более «художественная».

Последнее слово классика, заметим, как раз подтверждает наши рассуждения о Дерсу, как о литературном герое.

Не только капитан часто пасует перед удивительным человеком Дерсу, но и другие члены его экспедиции. Они, правда, в отличие от командира, скоро ставшего его прилежным учеником, вначале над Дерсу потешаются, озадачены его поведением и странными речами. Но потом он и их покоряет.

Перечислим многочисленные достоинства книжного Дерсу. Ловкость и расторопность, когда приходилось сразу выполнять несколько дел. Бережливость и предусмотрительность. Знал назначение и цену всякой вроде бы пустячной вещи. Имел крайне скудные средства к существованию и при этом никогда не стремился к наималейшей наживе. Великолепный стрелок. Но никогда не

Кадр из художественного фильма «Дерсу Узала». Режиссёр Акира Куросава. В главных ролях Юрий Соломин и Максим Мунзук. Киностудия «Мосфильм». 1975 г.

бил зверя зря, повторяя: «Напрасно стреляй – худо, грех». Жил в очеловеченном им мире, где любое существо от козявки до тигра, да и неодушевлённые предметы – от камешка до дневного светила, и даже явления природы, по его мнению, имели душу. Всех называл, как мы уже знаем, «люди». С ними разговаривал. Дерсу безотчётно преклонялся перед этим живым миром.

Рассказчик признавался: «Этот дикарь был гораздо человеколюбивее, чем я».

И ещё: для Дерсу в тайге не существовало тайн, он читал её, как открытую книгу. Трудно не согласиться с И. Кузьмичёвым, когда он делает такой вывод: «Характеристики, какими наделил писатель Дерсу Узала, не оставляют сомнений в том, что он хотел вывести в своих книгах фигуру нравственно безупречную, в известной степени идеальную, не погрешив перед фактами».

Впрочем, если сравнить двух Дерсу – живого и книжного, как мы уже видели, писатель Арсеньев кое в чём перед фактами всё же погрешил. Пусть ещё не был «изобретён» метод социалистического реализма, а он во многом этому методу, когда писал образ Дерсу, безотчётно следовал. Хотя, причём тут «метод»? Не человек-схема получился, а по-настоящему живой, обаятельный, такой непосредственный герой.

Герой того времени.

Верно определил автор и сверхзадачу книги. Она заявлена уже в начале первой повести: «Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге и чужд был тех пороков, которые вместе с собой несёт городская цивилизация». Эти пороки были присущи и самому рассказчику.

Да, в какой-то мере, и автору.

Но Арсеньев свои поступки трезво оценивал. Вот, например, как он писал в той самой «тетради № 3» (запись от 20 сентября) об охватившем его чувстве, когда на охоте он убил дикую козу. Ну, убил и убил, сколько их в тайге бродит! Но читаем дальше:

«...Коза издала два предсмертных крика и, раскрыв широко рот, испустила последний дух... Боже мой! Какой эгоист человек! Какое он хищное животное! Как бы процветали фауна и флора, если бы человека не было! И он ещё осмеливается называть себя царём земли, царём природы. Нет, он бич земли! Это самый ужасный хищник, беспощадный, свирепый, ужасный».

Сколько восклицаний. Видимо, Арсеньев писал, страшно волнуясь. В повесть этот пассаж не вошёл. Но, дописывая «Дерсу Узала», он решил закончить её также публицистическим абзацем.

Дерсу убили. Рассказчик стоит у могилы, и она рождает у него такие мысли:

«...Какие-то два человека, причислявшие себя к лику европейцев, совершили гнусное убийство с целью грабежа. Они убили бедного дикаря, у которого была чистая душа и который во всю свою жизнь никому не сделал зла».

Цивилизация родит преступников. Созидай свое благополучие за счёт другого – вот лозунг двадцатого века. Обман начинается с торговли, потом в последовательном порядке идут ростовщичество, рабство, кражи, грабежи, убийства и, наконец, война и революция со всеми их ужасами. Разве это цивилизация!?».

Какие сильные, точные слова нашёл в общем-то ещё начинающий литератор. И как кратко, но ёмко сказано.

Но эти абзацы были напечатаны лишь в первом издании «Дерсу Узала», которое, напомним, вышло в 1923 году, когда красные ещё не успели наладить во Владивостоке цензуру. Ни в одном из многочисленных изданий книги при советской власти они не публиковались. Приведены были лишь в книге И. Кузьмичёва, изданной в 1977 г., а затем в его предисловии к первому тому собрания сочинений В.К. Арсеньева (издательство «Рубеж», 2007 г.). Но в обоих случаях после слова «война» стоит стыдливое многоточие: как же, разве революцию можно ставить в один ряд с другими ужасами цивилизации!

Остановимся на финале повести.

На наш взгляд, если бы не убили реального Дэрчу Оджала, автор, следуя примерам классиков, у которых так часто герои, бывшие не в ладу с обществом, или порывали с ним, или погибали, должен был по всем законам жанра его смерть придумать. Но, как ни грустно, сама жизнь «подарила» Арсеньеву такую трагическую концовку.

И это стало его личной драмой. В письме учёному В.Г. Богоразу он писал через двенадцать лет после гибели гольда так: «Дерсу действительно погиб только потому, что я увёл его из тайги в город. Я до сих пор не могу себе этого простить».

Сколько времени прошло, а его сердце всё ныло...

Однако только ли этого не мог простить себе Арсеньев?

Снова «оторвёмся» от литературного Дерсу и вернёмся к живому человеку – гольду Дэрчу, проследив последние месяцы его жизни. Как же сложились они? И заодно обсудим мотивы поступков не героя книги – капитана, а реального Владимира Клавдиевича Арсеньева, который предложил проводнику пожить у него в Хабаровске после окончания экспедиции.

Автор сумел так написать последние главы повести, что читатели дружно поверили, да и до сих пор верят, что всё рассказанное

случилось в жизни. И не интересуются, насколько охотно принял проводник неожиданное приглашение командира, как его встретили супруга Арсеньева и семилетний сын? А разве не интересно было бы узнать мнение сослуживцев, друзей?..

Действительно, нелегко отделить написанное автором от реальности. Но попытаемся. И реконструируем, как всё происходило на самом деле. Но сначала поверим автору, что события развивались так, как в повести. Однако и тут обратим внимание на небольшие «нестыковки».

Отряд в «сердце Уссурийского края» (так называется глава семнадцатая). Капитан и Дерсу идут охотиться на кабанов. Капитан выстрелил и уложил поросёнка. Дерсу не стрелял, потому что не увидел кабанов, был недоволен, «ругался вслух и потом снял шапку и стал бить себя кулаком по голове. Я засмеялся и сказал, что он лучше видит носом, чем глазами».

Путешествие продолжается. Вдруг Дерсу замечает на снегу следы, которые капитан не заметил, и определяет по разным признакам, что шёл не русский, не китаец, не кореец, а вероятнее всего удэгеец, занимающийся тут соболеванием. И продолжил: «У этого человека были в руках палка, топор, сетка для ловли соболей, и что он молод». Так и оказалось. Свою наблюдательность и следопытство продемонстрировал блестяще.

Участники похода разбивают бивак и наутро расходятся в разные стороны на охоту. Капитан идёт с Дерсу, тот целит в кабаргу, стреляет, но зверь убегает.

– Промазал, – говорит ему капитан.

На что Дерсу восклицает испуганно:

– Неужели моя попади нету?

Капитан продолжает «подшучивать над своим приятелем» – так в книге. «Приятель», далее снова по тексту: «быстро вскочил на ноги и сделал на дереве ножом большую затеску, затем схватил ружьё и отбежал назад шагов на полтора... Поставил сошки и стал целиться... Наконец он выстрелил и подбежал к дереву. Из того, как у него сразу опустились руки, я понял, что в пятнышко он не попал».

Дерсу в отчаянии. Он произносит такой монолог: «Раньше никакой люди первый зверя найти не могу. Постоянно моя первый его посмотри. Моя стреляй – всегда в его рубашке дырку делай. Моя пуля никогда мимо ходи нету... Как теперь моя дальше живи?».

«Тут только я понял, – читаем дальше, – неуместность моих шуток. Для него, добывающего себе средства к жизни охотой, ослабление зрения было равносильно гибели. Трагизм увеличивался ещё и тем обстоятельством, что Дерсу совершенно одинок. Куда идти? Что делать? Где склонить на старости лет свою седую голову?»

Мне нестерпимо стало жаль старика.

– Ничего, – сказал я ему, – не бойся. Ты мне много помогал, много раз выручал из беды. Я у тебя в долгу. Ты всегда найдёшь у меня крышу и кусок хлеба. Будем жить вместе».

Стоп! Снова взяла нас «в плен» литература. Говоря проще, вымысел.

В жизни Дэрчу не был последним из могижан, то бишь гольдов (нанайцев). Да, его род Очжал, живший в верховьях Уссури, от какой-то эпидемической болезни почти целиком (судя по его собственному рассказу) вымер. Но мы знаем, у него остался брат Степан, как-то приспособившийся к жизни среди русских. Сохранилась даже фотография, сделанная Арсеньевым 15 сентября 1906 года, на которой запечатлены Дэрчу и его брат. Наверное, и кто-то из этого рода тоже выжил. Нанайцы были немногочисленной народностью, но они существуют и по сию пору: по данным переписи 2002 года их насчитывалось в России 12 160 человек – 5636 мужчин и 6524 женщины.

Думаем, что в «семье лесных народов» место для Дэрчу нашлось бы. Или такой «вариант». Пусть он стал хуже видеть. Но не ослеп же: недавно след молодого удэгейца на мху различил. Поэтому, наверное, мог ещё послужить проводником. Может быть, так и Владимир Клавдиевич думал, но – добрая душа! – под влиянием нахлынувших чувств, если опять-таки следовать за текстом повести, предложил своему «приятелю» хлеб и кров.

По-христиански поступил. Решение его заслуживает только уважения. «Всё как-нибудь образуется», – видимо, был такой настрой мыслей у капитана. Не хотел ли тут автор показать, что герой повести проявил некоторое легкомыслие?

Продолжим следить за развитием событий. Дерсу принимает приглашение и делает капитану прямо-таки царский подарок: плантацию «корня жизни» женьшеня, которую он, оказывается, вырастил в одном глухом месте. Кстати, первые читатели не раз пытались эту плантацию найти. Но тщетно.

Долго не верили тем арсеньеведам, которые писали, что это была тоже художественная выдумка автора.

В следующих главах о Дерсу говорится немного. Но вот снова о его ... неплохом зрении. Дерсу и удэгеец Сунцай шли по снежной тропе, нагнулись и стали что-то рассматривать.

« – Один китайский люди три дня назад ходи, – сказал Дерсу, – наша след найди.»

Действительно, кое-где чуть-чуть виднелся человеческий след, совсем почти запорошённый снегом». «Чуть-чуть», а Дерсу всё-таки рассмотрел!

Пропустим 22-ю главу «Нападение тигра», хотя её можно перечитывать и второй и третий раз – так захватывающе описана встре-

ча со старой тигрицей, которая напала на бивак и чуть не утащила Альпу. Эту главу можно печатать как отдельную новеллу.

Подошёл «конец путешествию». Так называется глава 23-я. За ней последняя горькая глава «Смерть Дерсу», занимающая всего шесть страниц печатного текста. У неё – единственной в повести – нет подзаголовков.

Попробуем прочесть не только то, что в ней сообщается, но и «между строк». Согласитесь, занятие очень рискованное. Придётся вторгаться в деликатную область личных человеческих взаимоотношений. Но давайте переступим, но не за капитаном и полуслепым гольдом, а за автором и его реальным проводником порог дома, который, как известно, «моя крепость». Правда, век назад ещё не было принято, как ныне, распахивать не только душу наизнанку, но и все двери своих апартаментов, выдавать «масс медиа» такие личные тайны, что от них нормального человека тошнит. Что поделаешь, цивилизация, которую клеймил наш герой, продолжает свой «бег»...

Поэтому войдём осторожно, незримой тенью в квартиру Арсеньева.

Хозяин дома, как мы узнали из предыдущей главы, перед этим побрился, и, конечно же, попарился в бане. Вряд ли не сделал этого вместе со стрелками и Дерсу. Но, как утверждала жена Арсеньева, которую возьмём в свидетельницы, гольд предстал перед ней «очень грязным».

Автор лаконичен. Три предложения о том, как близкие друзья «изумлённо и с любопытством» поглядывали на нежданного гостя. А тот чувствовал себя «не в своей тарелке».

Однако жизнь состоит из массы подробностей. Представим, что было дальше. Гости разошлись. Ушла и прислуга, всё убрав и перемыв посуду. Остались дома четверо: муж с женой, сын Воля и человек, которого Арсеньев называл дикарём. Слово это, уточним, не звучит по отношению к Дэрчу уничижительно, а лишь констатирует факт.

Правда, этот «реликт» немного приспособился к новым временам. Так ли уж дик был «дикий гольд»? По утверждению Г. Лёвкина Дэрчу объяснялся и понимал по-китайски, по-корейски, по-нанайски, по-удэгейски, по-русски, по-орочёнски – не правда ли, полиглот? Кроме того, понимал он и язык салонов – монголоизированных эвенков.

Лингвист может заметить, что часть названных языков родственна, относится к тунгусско-маньчжурской группе, но родство само по себе не обеспечивает понимания – много ли славян способны свободно разговаривать без переводчика? Можно к этому добавить, что за время тесного общения с членами экспедиции и её командиром проводник получил какой-то культурный «мини-

мум». Нельзя забывать и о том, что он же неизбежно провёл все прежние годы взрослой жизни в тайге и, конечно же, бывал в населённых пунктах, хотя и не в таких крупных, как Хабаровск. Он сдавал пушнину, получал провизию, патроны, поэтому и по-русски говорил довольно бойко, правда, путая падежи и слова.

Однако посмотрим на него глазами Анны Константиновны. Она увидела того человека, которого – помните? – описывал в дневнике Арсеньев, когда впервые увидел Дэрчу: пожилой, приземистый, несколько кривоногий, глаза маленькие с поволокой...

– Он останется у нас? – наверное спросила жена.

– Поживёт... – видимо, неопределённо ответил муж, – а сколько, пока не знаю. Там посмотрим, – пожал плечами.

Анна и Воля не видели мужа и отца двести десять суток. Но они знали, отдыхать он не станет, с завтрашнего утра, как вол, впряжётся в тяжёлый обоз многочисленных своих обязанностей, дел, пристрастий. А там – и новая экспедиция. Анна Константиновна с сыном не так давно вернулась из Петербурга, куда уезжала вынужденно, из-за опасности нападения японцев. Похоронила там младшенького, жила с первенцем у родителей, всё время думая, как муж, может быть, ранен или... Тревога, тревога!

Письма идут долго. А события, ужасные события громоздятся одно на другое: кровопролитные бои в Порт-Артуре и на сопках Маньчжурии, гибель «Варяга», Цусима... На улицах Питера появились первые калеки, приехавшие с фронта, какой-то поп Гапон повёл толпу на поклон царю, её расстреляли. Пятилетний Воля, вспоминала мать, так перепугался от звука выстрелов, что стал дергаться, и «прошло недели две, пока отошёл...»

Полная волнений, вины перед мужем за то, что не сохранила Олежку, Анна Константиновна с Волей возвращается на Дальний Восток и тут узнаёт, что придётся переезжать в Хабаровск, устраивать жизнь, быт в незнакомом городе – без родственников, подруг... Муж, правда, цел-невредим, даже получил ордена и повышен в чине, но он скоро уходит в долгую экспедицию, потом во вторую... А когда в городе, то пропадает в музей, то допоздна сидит в штабе или на каких-то собраниях, а если и дома, то пишет, всё пишет или назовёт гостей...

Аборигены заживали к нему часто и во Владивостоке, и тут, в Хабаровске. Наблюдала жена, как он их радушно принимал, расспрашивал, поил чаем, угощал, оставлял на ночлег, хлопотал по поводу их самых разных просьб. Куда позднее Анна Константиновна поймёт, что они значили для её Володи, ставшего, благодаря одному из таких дикарей, знаменитым писателем.

Но сейчас, когда будущее было покрыто, как в ненастный день, сплошным туманом, её не могло многое не раздражать или печал-

лить. Легко ли ей было, принимала ли близко к сердцу дела и мысли супруга, которого видела за последние годы так редко? Нетрудно предположить, что Анна не очень-то понимала и значение его таких изматывающих экспедиций, и увлечение аборигенами, и занятие самыми разными науками. Какой-то не такой он, как другие мужья её приятельниц, тоже офицерских жён.

Они расстанутся через десять лет, когда Владимир узнает, что Анна изменяет ему. Но об этом позже, позже...

А теперь вот в маленькой комнатке поселился старый полуслепой гольд. Муж убегает рано утром по делам. Сын требует внимания, в этом году он пойдёт в гимназию. За прислугой присматривать надо, дворник привозит воду, дрова, конечно, помогает денщик Искаков, который даже сопровождал её в Петербург и обратно. Но... Мало ли какие заботы у коренной петербурженки, дворянской дочери, супруги человека, приближённого к генерал-губернатору, выполняющего его особые поручения.

Через полвека после описываемых событий Анна Константиновна вот что расскажет о том, какое впечатление произвёл на неё неожиданный гость: «В 1906 году ранней зимой Арсеньев привёз к нам в Хабаровск Дерсу Узала, правильнее Дэрчу Оджал».

Запомнила Анна Константиновна настоящее имя проводника её мужа.

Далее описывает его так: «Это был сильный, очень грязный гольд с трубкой. Курил что-то своё, страшный дух. Трубку он никогда не выпускал изо рта... С Дерсу была его старая винтовка и сумка-котомка. Всё очень грязно. Я и Дерсу говорили друг другу «ты». Гольд не хотел сидеть на стуле, только на полу. Жил он на кухне, не хотел идти в баню, забыл, что это такое. Точнее, при кухне была комната для прислуги, в ней Дерсу и жил... В той комнате висел чудовищный дух...

Дерсу жил у нас всю зиму. Любил водку. Володя уговаривал Дерсу, которого он звал «мой Дерсук», не пить... Если Дерсу выпивал водки, то начинал петь. На своём языке, во весь голос. Пел заунывные песни, хоть святых выноси... Я дала Дерсу тарелки, нож, вилки, ложки. Он ими мало пользовался, был одичалым человеком»...

Память о Дерсу осталась у жены странная: «друг Володи и пьяница, знал лес как свои пять пальцев, герой книг Володи, а дикарь дикарём».

Какое, заметим, непосредственное и откровенное свидетельство! Нет веских оснований ему не верить. Впрочем, чувствуется литературная обработка писателя Георгия Пермякова.

...Проходил день за днём. Гольд почти весь день сидит на полу,

а то, поджав ноги по-турецки, на кровати, напоминая «бурхана из буддийской кумирни». Или сидит у печки, смотрит в огонь, что-то бормочет, ночью вдруг встаёт, хочет уйти из квартиры. Спит поверх сенного тюфяка, подстилая под себя козью шкуру и накрываясь ватным одеялом.

Проходит месяц, другой... Избавился ли Дэрчу от наркозависимости? Отучила ли Анна Константиновна его курить? Стал ли реже выпивать? Вряд ли. А ведь это дурной пример для Воли! И как с гигиеной? Тут городская квартира, не шалаш, в ней чистоту надо поддерживать. Легко представить, как шла в этой квартире повседневная жизнь.

В повести всего этого нет. В ней иное: «Иногда я подсаживался к нему, и мы вспоминали всё пережитое во время путешествий. Эти беседы обоим нам доставляли большое удовольствие». Рассказано, как капитан записывает речь Дерсу на фонограф, следит за его реакцией, когда «прокручивает» запись.

Гольд не удивлен: «Его говорит верно». «Дерсу оказался неисправимым анимистом, – делает вывод автор, – он очеловечил и фонограф». Ещё короткая цитата. Дерсу говорит хозяину дома: «Моя раньше думай, капитан... кушает, людей судит, другой работы нету. Теперь моя понимай: капитан сопка ходи – работай, назад город ходи – работай. Совсем гуляй не могу».

Это тоже реальность.

О том, как гольда воспринял сын, он рассказал, уже став взрослым человеком, в зарисовке, названной им «Из воспоминаний о Дерсу Узала». Её опубликовали через девять лет после смерти Владимира Владимировича Арсеньева в сборнике, выпущенном во Владивостоке. Воля был ещё тогда мал и, возможно, многое воспринял в своём немудрёном рассказе со слов отца и матери, а что-то и присочинил, следуя канве последней главы «Дерсу Узала». Но какие-то ценные сведения он приводит. Но избегая подробностей, запомнившихся матери. Он пишет, что тогда Арсеньевы жили «во втором от оврага доме» для офицеров под Хабаровском, где располагался 23-й Сибирский стрелковый полк. В нём служил его отец. Неподалёку текла заросшая орешником река Уссури.

Мимоходом Владимир Владимирович сообщает, что на дороге от города, по сторонам заросшей кустарником, однажды на его мать было «совершенно нападение, видимо, с целью грабежа». Она ехала на какой-то пролётке, «лошади разорвали верёвку, протянутую через дорогу, а пуля, посланная вдогонку, никого не задела». Автор добавляет: «Такие случаи в этом краю были нередки, тем более, что многие здесь имели винтовки».

Кроме пойтнера Альпы, в доме жила огромная собака Хыча. Она спала рядом с комнатой, где жил Дерсу. Описывается обстановка

его комнаты: «кровать, столик с десятилинейной керосиновой лампой, два табурета, на столе винтовка, патронташ, два ножа в кожаных чехлах с кисточками на концах». Кроме козьей шкуры на кровати, у печи лежала шкура барсука.

«Спал Дерсу всегда, сидя на кровати, с поджатыми ногами, набросив на плечи свою кожаную тужурку. Здесь же валялась выпавшая изо рта неизменная трубка».

Далее Воля вспоминает, как Дерсу рассказывал ему сказки, как тот оживлялся, когда к нему заходил отец. Они с гольдом ходили гулять до Усури, «где Дерсу разводил костёр, за которым и обедали». Денщик для Воли сделал клетку, посадил туда несколько синиц, на что Дерсу отреагировал так:

«Твоя пока не понимает, что его тоже люди... Его сопка живи, как я, и клетка живи не могу, всё равно помирай есть». Отец стал на сторону Дерсу, и птиц выпустили на волю. Был ли в жизни такой эпизод или Воля его выдумал – не проверить... Далее сын почти слово в слово повторяет сочинение отца, кроме одного «свидетельства», о котором позже.

Если же судить по повести Арсеньева, всё шло в доме гладко. Смutil первый случай: капитан увидел, что Дерсу собирается на улицу с ружьём. Решил, оказывается, пострелять, чтобы очистить в стволе нарезы. «Запрещение стрельбы в городе было для него неприятным открытием».

Капитан стал замечать, как он тоскует «об утраченной свободе» (снова это магическое слово!).

«Ничего, – подумал я. – Обживётся и привыкнет к дому». Так подумал рассказчик, но вряд ли реальный Арсеньев. Не могло его не заботить, что же всё-таки делать с Дерсу? (Заметим попутно: почему он его не повёл к доктору? Тот бы смог определить, насколько опасна начавшаяся слепота.)

Далее, Дерсу, когда понадобилось сделать дома ремонт, хочет спать на улице в палатке. Потом его поразило, что капитан покупает дрова, и он кричит: «Как? В лесу много дров есть; зачем напрасно деньги давай?» Ругает подрядчика, говорит, что тот его обманывает, вечером не топит печь. Утром идёт за город за дровами. Его задерживают и составляют протокол. А узнав, что и за воду надо деньги платить, снова шумит. Просто смех и грех. Можно легко догадаться, как на всё это реагировала Анна Константиновна. Если такое, заметим, было на самом деле, а не придумано автором.

Дело движется к развязке. По сюжету повести она закономерна, предсказуема.

В жизни Арсеньев, конечно же, понял, что, пригласив к себе Дерсу, поступил, по меньшей мере, необдуманно. Понял, но тянул время, не предпринимая никаких шагов, то есть проявил в этой си-

туации себя, давайте признаем честно, не с лучшей стороны. Дерсу, опять-таки в книге, молит отпустить его в сопки. Поколебавшись, капитан сдаётся.

Как было в действительности – не знаем и, наверное, излишне тут фантазировать. Но думается, без мнения супруги не обошлось. Рассказчик пишет, как бы смягчая свой очевидный промах: «Я взял с него слово, что через месяц он вернётся обратно и тогда мы вместе поедem на реку Усури. Там я хотел устроить его на житьё у знакомых мне тазов». Если и был у Владимира Клавдиевича такой план, то надо было бы его осуществить раньше, а не тянуть.

Но что произошло, то произошло. Рассказчик переживает, у него «словно что-то оборвалось в груди, закралось какое-то нехорошее предчувствие, я чего-то боялся, что-то говорило мне, что я больше его не увижу».

Всё это снова литература.

В жизни же произошло вот что. Город, куда Арсеньев привел Дэрчу, и его квартира оказались для дикаря клеткой, или западнёй-лудёвой.

В повестях Арсеньева это диалектное слово – лудёва – упоминается не раз. Люди, охочие до быстрой добычи оленей и жалевшие патроны, копали в тайге глубокие ямы, обычно на звериных тропах у водопоя, замаскировывали их ветками, травой, а чтобы животные наверняка на них вышли, по бокам этих ям ещё устраивали и забор из кольев валежника и бурелома. Олени, их детёныши сваливались в ямы, потом, как ни старались, выбраться не могли.

Если браконьеры долго не приходили, звери в муках погибали.

Лудёвой стал для Дерсу город.

Этот образ не употребляет Арсеньев. Может быть, он и приходил к нему при писании повести, но показался слишком лобовым, жёстким. Но то, что он невольно устроил для «лесного человека» такую ловушку, видимо, понимал. Однако снова не продумал хорошенько, как помочь дальше ему практически.

Полуслепому старику он разрешил всё же уйти «на волю». Но его герой капитан, читаем в повести, дал ему только свою визитку, «чтобы в городе его не задержала полиция». И даже не проводил Дерсу: «На другой день утром, проходя мимо его комнаты, я увидел, что дверь в неё открыта. Заглянул туда – комната была пуста».

Так ли было в жизни, нам не узнать...

Трудно оторваться от последних страниц «Дерсу Узала». Арсеньев был прилежным учеником русских классиков. Правильнее даже будет сказать: талантливым учеником.

«...Комната была пуста. Я был расстроен весь день; работа валилась у меня из рук. Наконец я бросил перо, оделся и вышел в лагерь».

На дворе была уже весна: снег быстро таял. Из белого он сделался грязным, точно его посыпали сажей. В сугробах в направлении солнечных лучей появились тонкие ледяные перегородки; днём они рушились, а за ночь опять замерзли. По канавам бежала вода. Она весело журчала и словно каждой сухой былинке торопилась сообщить радостную весть о том, что она проснулась и теперь позаботилась оживить природу...»

Даже переписывать такую прозу легко и приятно.

Стрелки рассказали автору, «что видели на дороге какого-то человека с котомкой за плечами и с ружьём в руках. Он шёл радостный, весёлый и напевал песню». Видели его и другие: он разговаривал с вороной, сидевшей на дереве. «Судя по описанию, это был Дерсу».

Следующий абзац. Недели через две капитан получает телеграмму от своего приятеля И.А. Дзюля, жившего на станции Корфовская. Это реальное лицо. Иосиф Александрович – один из друзей Арсеньева, был начальником станции Корфовская. Ходил как охотник-любитель с ним в экспедицию, в 1908 году опубликовал о ней очерк, в 1922-м эмигрировал в Маньчжурию. Погиб на охоте в 1936-м.

В телеграмме шесть слов:

«Человек, посланный вами в тайгу, найден убитым».

Капитан тут же отправляется на станцию. Поезд приходит в сумерки. Осталось одно: переночевать. Автор пишет о нахлынувших на него чувствах. Правда, несколько прямолинейно: «Смертельная тоска щемила моё сердце. Я чувствовал, что потерял близкого человека. Как много мы с ним пережили! Сколько раз он выручал меня в то время, когда сам находился на краю гибели!» И через пять строк: «кто бы мог подумать, что всё так кончится!»

Действительно, кто, кроме, будем откровенны, самого автора! Наконец «я немного задремал». Сон, который приснился капитану, стоит привести и даже выделить курсивом:

«Мы – я и Дерсу – были на каком-то биваке в лесу. Дерсу увязывал свою котомку и собирался куда-то идти, а я уговаривал его остаться со мною. Когда всё было готово, он сказал, что идёт к жене (о её давнишней смерти не раз Дерсу рассказывал капитану и очень при этом горевал. – Б. С.), и вслед за этим быстро направился к лесу. Мне стало страшно; я побежал за ним и запутался в багульнике. Появились пятилапчатые листья женьшеня. Они превратились в руки, схватили меня и повалили на землю. Я слабо вскрикнул и сбросил с головы одеяло».

У постели стоял Дзюль, тряс за плечо со словами: «Здорово же вы заспались!» Как будто не на опознание тела звал, а на охоту.

Простите за мелкие придирки, хотя тут каждое слово многое значит.

Далее картина весеннего утра. Капитан видит костёр и около него три фигуры... Это полицейский пристав и двое рабочих, копающих могилу. «Рядом с ней лежало чье-то тело, покрытое рогожей. По знакомой мне обуви на ногах я узнал покойника»...

Часа через полтора могила была готова... – Прощай, Дерсу! – сказал я тихо. – В лесу ты родился, в лесу и покончил расчёты с жизнью. Минут через двадцать над тем местом, где опустили тело гольда, возвышался небольшой бугорок земли...

Я сел на землю около дороги и долго думал об усопшем друге.

Плохо верится, что в жизни было точно, как в книге.

А если и так, то должно было бы быть по-другому! Штабс-капитан, человек со связями, опытный, волевой, решительный, а с ним его приятель-чиновник предстают перед приставом, а тот чему-то, как пишет автор, радуется. Как тут его сразу не одёрнуть. И задать ему необходимые в таких случаях вопросы. Примерно такие. Кем и когда обнаружен труп? В каком часу, по вашему мнению, его убили? Сразу умер или от раны? Орудие убийства – нож, винтовка? Если застрелили, то не обнаружены ли гильзы? Нет ли предположений о возможном убийце (убийцах)? Начат ли его (их) розыск? Да, ещё: почему не вызвали врача?

Самого капитана спросить тоже хотелось бы: Почему не захватил с собой кого-то из жандармерии или специалистов по розыску? Не сообразил? Не посчитал нужным?

Растерялся?

Кстати сказать, Арсеньеву об убийцах Дерсу всё же было что-то известно. Об этом свидетельствует разысканный арсеньеведом С. Гончаровой дневник С. Понятовского, польского антрополога, встречавшегося с Владимиром Клавдиевичем во время поездки на Дальний Восток накануне Первой мировой войны. Поляк пишет, что Арсеньев сказал ему: «Дерсу убил какой-то бродяга из предместья или колонизатор-солдат».

Так что можно было тут же, ухватившись за эту ниточку, начать поиски убийцы. А дальше пристава спросить: Кто распорядился здесь копать могилу? К чему такая спешка? И добавить: Скоро прибудет подвода с моими стрелками, покойного повезут туда, где ему надлежит быть похороненным по-человечески.

Может мы не правы, задавая столь жёсткие вопросы и укоряя автора, что надо бы было сочинить иначе... Как тут не вспомнить слова из песни уже наших дней: «Каждый пишет, как он дышит... как он слышит, не стараясь угодить...» Да, когда смерть вступает в свои права, литература и жизнь часто расходятся. По сюжету у Арсеньева всё правильно! Финал по изначальному замыслу не мог быть иным. Однако сейчас нас, повторим, интересует, как на самом деле было.

Но сначала дочитаем повесть.

«Рабочие закурили трубки и пошли на станцию вслед за приставом». Тот, кто только что похоронил друга, остался у могилы.

«Как в кинематографе, передо мною одна за другой вставляли картины прошлого: первая встреча с Дерсу на реке Лефу, озеро Ханка, встреча с тигром на Ли-Фудзине, лесной пожар на реке Санхобе, наводнение на Билимбее, переправа на плоту через реку Такему, маршрут по реке Иману, голодовка на Кулумбе, путь по Бикину ...

...В это время прилетел поползень. Он сел на куст около могилы, доверчиво посмотрел на меня и защебетал. «Смирный люди», – вспомнилось мне... И снова тоска защемила мне сердце.

– Прощай, Дерсу! – сказал я в последний раз и пошёл по дороге».

У кого, читающего эти строки, тоже не защежит в груди?

Далее десять строк фактического послесловия. Упоминание о походе 1908 года и четыре предложения о том, как автор в 1910 году поехал навестить «дорогую могилку», но найти её не смог. Из-за того, что там шла стройка посёлка, приметные кедры спилили, появились новые дороги, насыпи, выемки, бугры, рытвины и ямы.

Завершающая фраза: «Всё кругом носило следы цивилизации». Дальше, напомним, было в первых изданиях то публицистическое отступление, которое мы цитировали.

Конец.

Закономерный конец. И типичный. Как откровенно написал Михаил Пришвин о герое Арсеньева: «дикий гольд, безвестно умирающий в тайге, как всякое животное».

Только задумайтесь: *как всякое животное!*

В.К. Арсеньев, будучи плоть от плоти человеком того времени и живущий по правилам того времени, пусть подсознательно, но всё же считал своего проводника, как любил говорить Дерсу, «другим люди».

Представим, хотя бы на минуту, по каким «уставам» тогда в России жили, точнее на её окраине, где, как известно, следовали «правилу», дошедшему и до наших дней: «Закон – тайга, прокурор – медведь». Помните, в первых вылазках в тайгу у поручика Арсеньева погибли два проводника-туземца. Разве их убийц кто-нибудь искал? И как их похоронили? Да точно так же! И свидетелем скольких ещё смертей был наш герой за эти годы? Уж он-то знал, что от разбирательств «мотивов», «причин» преступлений всегда толку мало.

Итак, Арсеньев написал жёсткую правду жизни.

А мог бы несколько иначе сочинить?

Вспомним описанное младшим братом Арсеньева Александром путешествие подростков к Волхову. Как они со страхом рассматривали утопленника, а когда возвращались, Владимир, увидев над его могилой крест, будто бы написал на нём карандашом фразу из Некрасова: «Будут нивы ему хлебобобные безгреховные сны навевать» и т. д. Конечно же, знал Владимир Клавдиевич наизусть стихотворение Некрасова «Похороны», ставшее, благодаря популярному мотиву, известной песней. В одной деревне «застрелился чужой человек. «Суд приехал... допросы... – тошнѣхонько! / догадались деньжонок собрать: / осмотрел его лекарь скорѣхонько / и велел где-нибудь закопать».../

Вот как обстояло дело в русской деревне ещё в XIX веке.

А на дальней окраине империи, уже и новый век начался, капитан, как написано в книжке, «весёлого» пристав еше выслушал и махнул рукой: *закапывайте...* Согласитесь, не красит это литературного героя повести. Тем более что долгое время его отождествляли с автором.

Надо было бы, пусть не в книжке, а в реальной жизни, похоронить Дэрчу Очжала по законам его предков. Арсеньев, собирая во время экспедиции разные этнографические сведения, хорошо знал об обрядах похорон аборигенов. Они были очень своеобразны и сложны. У него есть даже целый подробнейший документальный рассказ о том, как устраивались похороны у народа удэхе.

Мог бы Арсеньев, наверное, оторвавшись от неотложных дел, быстро навести справки о ближайших к этим местам захоронениях «лесных людей» (пусть не обязательно нанайцев) и отвезти туда тело. Похоронить его там, соблюдая обряд. Если это было невозможно сделать, то хотя бы устроить могилу вблизи русского кладбища (как некрещеного, тело Дэрчу нельзя было хоронить рядом с православными).

Хорошо знал Арсеньев и о том, что душа покойника-аборигена уйдёт к предкам только в том случае, если его провожают в последний путь так, как этими предками завещано. Верил ли сам Арсеньев в потусторонний мир, в переселение душ и т. д. – вопрос особый. Но то, что он всю свою жизнь страстно ратовал за сохранение привычного уклада и обычаев жизни коренных народностей, подтверждают его статьи, книги.

Понимал, понимал этот свой промах Владимир Клавдиевич. Тяжёлым камнем он лёг на его душу. Только никогда в нём не признавался прямо.

Вот, на наш взгляд, разгадка его настоящей вины перед своим верным проводником и другом.

Но все предположения и домыслы о том, как бы должен был поступить Арсеньев на месте его гибели, напрочь перечёркивают воспоминания его первой супруги и сына.

Оказывается, он не был на похоронах своего проводника и друга!

Сначала «дадим слово» Воле – Владимиру Владимировичу: *«Дерсу больше не вернулся. В предгорьях Хехцира он был убит... Нам сообщили о его гибели. Отец был в это время в командировке. Присутствовал при погребении Дерсу только начальник станции Корфовской, друг отца, И.А. Дзюль».*

Это подтверждает Анна Константиновна:

«Дерсу ушёл от нас, когда Володя был в лесу. Потом мы узнали, что 13 марта 1908 года каторжники, добывающие гранит на Хехцире, убили Дерсу из-за его винтовки... Осенью 1908 года Володя вернулся из короткой экспедиции – ходил под Хабаровск. Я ему говорила, что Дерсу погиб, сначала Володя не поверил. Он сразу на Корфовскую, это в 25 километрах от нас. Могилу Володя не нашёл. Они искали вместе с Дзюлем, другом Володи... Через сутки Володя вернулся, утомлён, огорчён. Траурное настроение. «Мой Дерсук исчез». Следствия не было. Тогда жизнь инородца не ценилась».

Далее Анна Константиновна уточняет место, где убили бедного Дэрчу, и это свидетельство, на наш взгляд, самое верное из тех, которые позднее приводились в различных версиях:

«Арсеньев любил Корфовскую... Здесь погиб Дерсу, поэтому тень Дерсу витала над Арсеньевым, когда он ходил по горам Корфовской. На гранитном карьере были деревянные тропки, чтобы тачку с камнем легче катить. На такой деревянной дорожке и убили Дерсу каторжники 13 марта 1908 года. Если мы бродили с мужем вдвоём, то он говорил мне: «Вот на такой деревянной дорожке погиб Дерсук».

Итак, после этих свидетельств всё становится на свои места. Когда Арсеньев писал о своей вине перед Дерсу, он уже сам отождествлял литературный образ со своим прототипом.

Так у писателей случается...

Сейчас уже не проверить, всё ли в точности было, как пишут родные. Убийцы давно на том свете. Только вот душа убитого Дерсу Узала попала ли туда, куда улетели души его предков и родных? На эту тему в том же сборнике сына Арсеньева опубликован рассказ под названием «Дерсу Узала после смерти».

Перескажем его.

Автор пишет, как душа убитого просыпается и понимает, что пока она – «злой дух бусеу». Так объяснял шаман: убитый всегда становится злым духом. А чтобы попасть в загробный мир – бунни, необходимо стать «добрым духом сеон». Так же, как погибших хри-

стиан необходимо отпевать в храме, тут не обойтись без особого ритуала. А пока, как «свободная душа», Дерсу путешествует по тайге, мучаясь, что в бунни он не попадёт «без шамана, сеона Бучи и птицы Каори»:

«– Совсем, совсем худо, – проговорил Дерсу. – Как дальше живи, как ходи сопка? Винтовка нет, кушай нет». Дальше он встречает птиц, зверей, тигра Амбу, выходит к подаренной «капитану» плантации женьшеня, которую охраняет дух тигра Амбансеон. Наконец он попадает на похороны своего приятеля старика гольда. Того провожают по всем законам старинного обряда «каза-таори». Шаман совершает камлание. Он вдул душу старика в фаню (ритуальную подушечку, в которой до того, как попасть в загробный мир, живёт душа умершего). Туда пробралась и душа Дерсу и рассказала приятелю свою горькую историю. «Выход был найден в том, что они явятся шаману во сне и упроят его взять с собой обоих», так как «мертвым нельзя отказывать в просьбе».

«Утром шаман рассказал свой удивительный сон жителям стойбища». И они «единодушно решили, что Дерсу, которого они хорошо знали, надо обязательно взять в бунни. Дерсу был очень доволен...»

После поминок, длившихся пять дней, совершалось путешествие в бунни на птице Каори. Дерсу, наконец-то, встретился с душами всех своих родичей и многое им рассказал... А шаман вернулся на землю. Фаню и жертвенные продукты бросили в огонь. Шаман взял верёвку, за другой конец взялись родственники усопшего. Натянув верёвку над костром, пережгли её в середине и бросили в огонь с хорошими пожеланиями отправившимся в бунни».

Владимир (младший) в заключение пишет: «За точность не ручаюсь, но если верить мифологии лесных народов, то всё было именно так».

Семилетний мальчик Воля не понимал, конечно, куда пропал дикий человек, живший почти три месяца в их квартире. Только через много-много лет понял. Понял и о трагедии Дерсу Узала, и о переживаниях своего отца. И очень тактично как бы дописал отцовскую повесть.

...Мыслями, высказанными выше, я в своё время делился с арсеньеведами, спрашивая их мнение о поведении Арсеньева в те трагические дни, будь он на похоронах. Приведу некоторые ответы. Игорь Кузьмичёв в кратком письме ответил так: «Арсеньев действовал по обстоятельствам. Ни о каком пренебрежении, а тем более о «расизме» речи быть не может. Всё было прозаичнее, на этот счет Вы, наверное, правы». (В моём письме И. Кузьмичёву упоминались критики, которые в 30-е годы обвиняли В.К. Арсеньева в расизме.)

Ответ Светланы Гончаровой из Хабаровска: «Ваш интерес к смерти Дерсу Узала, мне кажется, затрагивает более обширный пласт – культуру коренных жителей Дальнего Востока. Дело в том, что по христиански похоронить своего друга В.К. Арсеньев не мог, т. к. тот не был православным. По обычаям «лесных людей» – тоже, т. к. сам Арсеньев был православным, а не анимистом* по мировоззрению. Он не мог совершить те необходимые обряды, которые совершает лишь шаман. Разность культур и традиций. Поэтому вряд ли можно что-либо сказать в укор В.К. Арсеньеву».

Всеволод Петрович Сысоев, один из патриархов дальневосточной литературы, авторитет в области арсеньеведения, написал: «...В.К. Арсеньев прибыл к месту гибели Дерсу, когда могила была уже вырыта. Место для могилы было выбрано удачно: под сенью вековых кедров. У Арсеньева были неотложные дела и сразу обустроить место захоронения он не смог. Вернувшись из очередной экспедиции, он немедленно направился к могиле Дерсу, но найти её не смог. Это, конечно, огорчило Арсеньева, но я сомневаюсь, что он страдал от этого. Ведь он любил Лермонтова, который в своё время писал: «На что мне чёрный крест, курган, гробница? Пусть отдадут меня стихиям! Птица и зверь, огонь и ветер и земля разделят прах мой...» Однако Арсеньев не забыл своего друга: он создал литературный памятник ему».

Любопытно, что в этих ответах отождествляются литературные и реальные герои. Насколько же они слились в сознании даже знатоков творчества Арсеньева!

Это говорит только о его таланте.

Многие краеведы, историки, журналисты всяк по-своему растолковывали смысл финала повести «Дерсу Узала». Правда, их волновали не поднятые выше вопросы, а несколько иное. Жизнь и смерть Дэрчу-Дерсу постепенно обрастала мифами. Многие не верили, что прототип Дерсу погиб так, как описано в повести.

Так, например, дальневосточный геолог Владимир Соловьёв встретил как-то последнего шамана удэгейцев Миону Кимонко. И тот рассказал, что Дерсу после ухода от Арсеньева какие-то торговцы наняли в проводники. Когда он понял, что это контрабандисты, перевозившие опиум за границу, ночью с их бивака ушёл. Но контрабандисты, испугавшись, что Дерсу их выдаст властям, выследили и убили его.

Г. Лёвкин пишет, что полностью отбрасывать эту версию гибели друга В.К. Арсеньева не следует, «ибо известную нам сцену прощания с останками Дерсу Узала Арсеньев переписывал для придания ей

* Анимизм (от лат. – душа) – вера в существование душ и духов. Лежит в основе религиозных верований.

более глубокого философского смысла, то есть у нас нет оснований считать её стопроцентно достоверной». О чём и шла речь выше.

Дальневосточный литератор Сергей Кучеренко провёл собственное «расследование» и об итогах его рассказал в большом очерке. В нём говорится, что друг его юности Павел Кращенко передал автору две тетради с записью рассказа охотника-промысловика Луки Саенко, якобы хорошо знавшего Дерсу Узала. Саенко утверждает, что как-то повстречал беглого каторжника. И тот, исповедуясь ему перед близкой кончиной, признался, что это он убил проводника Арсеньева.

В интернете «гуляет» эта версия. Приводится даже фамилия убийцы. Зачем?..

Тетради, из которых Кучеренко делал обширные выписки, больше похожи на попытку написать литературное «дополнение» к арсеньевским произведениям. Передавая их писателю, Павел Кращенко сказал: «На! Дарю их тебе безвозмездно. Читай и пиши. Для всех. Освети тайну в три четверти века. Только упомяни, что к раскрытию тайны этой причастен я, Кращенко Павел Мефодьевич».

Давно замечено, что того, кто говорит так пафосно, непременно тянет на выдумки, фантазии, да ещё и не совсем умелые.

За книги о Дерсу Узала Владимир Клавдиевич Арсеньев возьмётся после экспедиций не сразу. Потом рукописи станут не один год дожидаться своего часа. У книг будет тоже интересная история. Образ героя арсеньевских повестей станет не только нарицательным, но и, в наши дни, употребим модное слово, брендом.

Всеми своё время придёт..

Ещё при жизни Владимира Клавдиевича его Дерсу, такой необычный среди новых героев молодой советской литературы, не остался без внимания больших писателей, учёных, критиков. Об этом будет рассказано в других главах. Но мало кого, даже из больших литераторов, восхитившихся повестью «В дебрях Уссурийского края», тогда волновало, насколько разнится реальный персонаж от того проводника, который был у Арсеньева в экспедициях. Постепенно и читатели, и, как мы видели, литературоведы, а за ними составители разных «интернетпедий» соединили реального и литературного Дерсу-Дэрчу.

Как, заметим попутно, авторы фильмов о путешественнике по дебрям, а за ними зрители отождествляли образ капитана с их автором.

Но, кажется, пришло время к этой проблеме «прообраза-образа» подойти по-научному. Чем и занялся недавно доктор филологических наук, профессор Нижегородского госуниверситета А.В. Коровашко.

Когда новое издание этой повести готовилось к печати, из Владивостока пришло известие, что скоро выйдет там его книга «Дерсу Узала: опыт биографии». Удалось познакомиться с первыми главами и с подробным рассказом автора в прессе о своей работе. Глубоко копнул нижегородский учёный. Подождём выхода книги Алексея Валерьевича.

То, что это будет ещё один шаг вперёд в арсеньеведении, у меня сомнений нет.

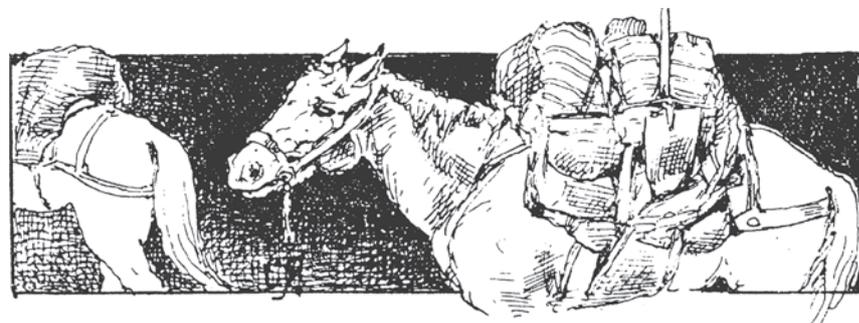
А пока на минуту всё же давайте поверим, что описанное в повести было в действительности. Перенесёмся в тот мартовский день 1908 года и вместе с капитаном постоим молча у холмика земли под вековыми деревьями и почтим память покойного.

Чу! Слышите эхо из лесной тьмы? Гортанные, непривычные для русского уха, но чем-то напоминающие слоги слов «дерево»... «сук»... «узел»... «лапа»...

– Дер-су!.. У-за-ла!..

Что-то действительно загадочное, дикарское в этом эхе. И протяжное – век уже, то тише, то громче, гудит оно в дебрях Уссурийской тайги.

Далеко-далеко-далеко раздаётся.

Глава V

«ЗАЧИСТКИ» В ГЛУХОЙ ТАЙГЕ

- *Под покровом тумана* • *Ату, незваные пришельцы!*
- *Рассказ брата* • *Параллельно с новой работой*
- *Тут, на неведомых дорожках...*
- *Щедрая душа*

«Макушка лета» 1911 года. На часах около четырех ночи. Солнце уже выплыло из моря, но его первые лучи не могут пробить плотную пелену тумана, окутавшего полуостров Муравьева-Амурского. У причалов Золотого Рога тихо и безлюдно. Кораблям, прижавшимся облезлыми бортами к бетонным мокрым стенкам, ещё снятся бесконечные зелёные волны, сквозь которые они, мелко дрожа, плывут и плывут.

Всё тонуло в белесой мгле. Сыпался бус.

К одной из посудин, пароходу «Трувор», зафрахтованному у судовладельца графа Кейзерлинга для нужд Переселенческого управления, подъехали гружёные подводы. За ними подошла группа походному экипированных людей. Они стали перегружать на пароход мешки, ящики. В них были провиант, палатки и разное другое снаряжение, а также винтовки и боеприпасы. Груз перенесли быстро и тихо. Скользя по ступеням трапа, поднимались на палубу. Матросы уже были на борту, труба дымила, и капитан только ждал команды к отплытию от человека, который стоял с ним рядом и пожимал всем руку.

Это был штабс-капитан Арсеньев.

Недавно новый генерал-губернатор Н.Л. Гондатти, сменивший Н.Ф. Унтербергера, отбывшего в столицу, дал Владимиру Клавдие-

В.К. Арсеньев в одежде таёжника.
Снимок сделан во время первой «секретной» экспедиции

поручений по рабочему вопросу. Через 12 дней новое распоряжение: зачислить в штат штаб-офицеров при Переселенческом управлении. 4 апреля Арсеньеву присвоят звание капитана. Долго так будут называть его прежде всего многочисленные таёжные друзья. Но в этом звании он пробудет всего чуть больше года. 5 мая 1913-го высочайшим приказом произведут в подполковники.

Для чего понадобилось Николаю Львовичу Гондатти так заботиться о его карьерном росте? Ещё до встречи с ним он знал об Арсеньеве много. Куда более того, что вы, читатель, уже узнали о нём. Если бы нам можно было познакомиться с теми секретными бумагами, которые листал Гондатти, если бы мы могли услышать, что говорил о его качествах своему преемнику Унтербергер...

Все перемещения Арсеньева можно, конечно, отнести и просто к бюрократическим, как сейчас бы сказали, кадровым перетасовкам. Но более вероятно, что кроме его личных качеств это было связано с продолжением работы в одном из секретных разведывательных подразделениях.

вичу особое поручение: во главе жандармского отряда отправиться в «секретную экспедицию» на побережье Японского моря. Придумал ему и довольно мудрёную должность: «Состоящий при Приамурском генерал-губернаторе производитель работ Уссурийской межевой партии Переселенческого управления». Но, обратите внимание, «с сохранением военного чиновпроизводства».

Между кем и кем и каким образом будет Арсеньев «проводить между», мы скоро узнаем.

9 января 1912 года штабс-капитана назначат на должность, названную так: чиновник особых поручений при Переселенческом управлении для исполнения

поручений по рабочему вопросу. Через 12 дней новое распоряжение: зачислить в штат штаб-офицеров при Переселенческом управлении. 4 апреля Арсеньеву присвоят звание капитана. Долго так будут называть его прежде всего многочисленные таёжные друзья. Но в этом звании он пробудет всего чуть больше года. 5 мая 1913-го высочайшим приказом произведут в подполковники.

Для чего понадобилось Николаю Львовичу Гондатти так заботиться о его карьерном росте? Ещё до встречи с ним он знал об Арсеньеве много. Куда более того, что вы, читатель, уже узнали о нём. Если бы нам можно было познакомиться с теми секретными бумагами, которые листал Гондатти, если бы мы могли услышать, что говорил о его качествах своему преемнику Унтербергер...

Все перемещения Арсеньева можно, конечно, отнести и просто к бюрократическим, как сейчас бы сказали, кадровым перетасовкам. Но более вероятно, что кроме его личных качеств это было связано с продолжением работы в одном из секретных разведывательных подразделениях.

Не использовал ли генерал-губернатор его в качестве контрразведчика?

Как раз тогда разведывательные органы в Российской империи только-только становились на ноги. 6 декабря 1908 года в С.-Петербурге состоялось закрытое совещание «Межведомственной комиссии представителей МВД, Главного управления Генерального штаба и Морского генерального штаба по вопросу организации контрразведывательной службы». На нём шла речь об обеспечении государственной безопасности. Впервые было чётко сформулировано само понятие «контрразведка или борьба со шпионажем». В армии разведывательные функции лежали на Генеральном штабе с 1906 года. С 1911 года к Генштабу перешла и военная контрразведка.

С этого года на разведку на Востоке тратилось 204 тысячи рублей, штабу Приамурского военного округа в 1913 году было выделено 25 тысяч. Как позднее отмечалось историками, вплоть до Первой мировой войны «русский генеральный штаб не имел систематически организованной агентурной разведки». Но на местах, пусть часто в «самодеятельном» порядке, какие-то действия в этом отношении предпринимались.

Если же говорить об Арсеньеве, то можно с определённой уверенностью утверждать, что Гондатти преследовал одну цель: как можно эффективнее использовать в конкретном деле так много знающего и умеющего, исполнительного и инициативного офицера. Новый хозяин края сразу же понял: этому человеку можно доверить самые ответственные и деликатные поручения.

Не подведёт. И, как мы увидим, он не ошибся.

Николай Львович (Людвигович) Гондатти (1861 – 1946) оставил заметный след в истории освоения Сибири и Дальнего Востока. В 1911 году его перевели из Тобольска в Приамурский край, где он занял место первого гражданского генерал-губернатора. Николай Львович окончил естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета, серьёзно занимался научными изысканиями в области этнографии, что не могло не импонировать Арсеньеву: как чиновник особых поручений (та же должность, что теперь занял наш герой) при Унтербергере Гондатти изучал быт местных жителей на Чукотке, где одно время служил начальником Анадырской округи.

В планах, которые генерал-губернатор обговорил в столице, было два главных стержня. Первый: заселение края переселенцами – масштабное дело, затеянное реформами премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина (его 1 сентября того же года смертельно ранил в Киеве Дмитрий Богров (Мордехай Гершкович), которого через 12 дней по приговору военно-окружного суда повесят на Лысой горе).

Второй стержень, за которым тоже внимательно следили из Санкт-Петербурга: постройка Амурской железной дороги. Она должна была наконец-то надёжно соединить край с центром, двинуть вперёд развитие Дальнего Востока, т.е. решить первую задачу.

Столыпин, выступая в 1908 году перед депутатами III Государственной Думы, рассматривающими смету строительства последнего участка Транссибирской магистрали в размере 238 миллионов рублей, вложил в свои слова куда больший смысл, чем утилитарную просьбу об утверждении сметы. Премьер умел образно говорить и как прозорлив был: *«Отдалённая наша суровая окраина богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годной для культуры. И при таких обстоятельствах, при наличии государства, густо населённого, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной... Если мы будем продолжать спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками».*

Мысль Столыпина о «густо населённом государстве», а он имел в виду, конечно, пока еще полуспящего «дракона» – Китайскую империю, была чрезвычайно близка Арсеньеву. Прочтя в газетах эту речь, Владимир Клавдиевич не мог не воскликнуть: «Так ведь уже пропитывает! И нужно делать всё, что в наших силах, чтобы этому противостоять!»

Скоро эту мысль он публично выразит так:

«Было бы ошибочно думать, что мы экономически владеем Уссурийским краем. Мы владеем им только по Амуру, узкой полосой вдоль железной дороги и на побережье моря. Всё же остальное пространство находится в руках китайцев. Там сыны небесной Империи царят полновластно, живут самостоятельно по своим законам, а инородцы находятся у них в полнейшем рабском подчинении... Здесь можно видеть рабство в таком же безобразном виде, в каком оно было когда-то в Америке в отношении к неграм. Отнимание детей у матерей, насильная продажа жён, наказания плетью, бесчеловечные пытки и увечья – это обычные явления в Уссурийском крае», – с такой высокой ноты начал В.К. Арсеньев свой доклад, который назвал «Китайцы в Уссурийском крае».

Прочёл он его на заседании Санкт-Петербургского отделения этнографии Императорского Русского Географического общества менее чем за полгода до начала «секретной экспедиции».

Слушатели были в эполетах и окладистых бородах, остепенённые научными званиями, тоже повидавшие разные окраинные земли, собранные под двуглавым орлом. Но и они не скрывали удивления: надо же, на карте империи – всё сплошь окрашено в густо зелёный цвет, а там, за Амуром и Усури, в Сихотэ-Алинских горах, если приглядеться, проступает почти сплошь – жёлтый?

Но это утверждение не с бухты-барухты было высказано со столичной трибуны приехавшим в столицу штабс-капитаном. Он подкрепил многочисленными вопиющими примерами сложившееся положение в тех местностях, которые по сути дела только что открыл и исследовал в своих таких успешных экспедициях.

Вывод был ясен: пока не поздно, такое положение нужно кардинально менять!

Полностью разделял мнение своего подчинённого и новый губернатор края. Как и Арсеньев, Гондатти отлично знал Наказ легендарного адмирала Геннадия Ивановича Невельского, оглашённый 1 августа 1850 года в Николаевском посту: *«От имени Российского правительства сим объявляется: ...Приамурский край до Корейской границы с островом Сахалин составляет российские владения... Никакие здесь самовольные распоряжения, а равно обиды обитающим инородцам не могут быть допускаемы».*

Но, как показала в дальнейшем история, этот наказ оставался часто благим пожеланием. Штабс-капитан Арсеньев мог бы с полным правом поднимать российский флаг на тех горных высотах и перевалах, где он прошёл со своим отрядом. Не поднимал, потому что понимал: как только уйдёт, его сдёрнут живущие поблизости в глухих распадках, употребим современное слово, «нелегалы», называвшие себя манзами, для которых, цитируем снова доклад Арсеньева, *«Уссурийский край – золотое дно... Впечатления всего виденного мною таковы: кругом валяются деньги, усердно подбираемые сынами Небесной Империи».*

А манз, как и аборигенов, в страхе держали разбойники – хунхузы. Они наводняли не только тайгу, но, как утверждал Арсеньев, и города: «Во Владивостоке и Хабаровске их больше, чем предположить можно». И следующая фраза из доклада: «Страх перед хунхузами – панический, покорность – полнейшая, рабская». Дальше с новой силой подтверждал, что уже говорил с самого начала: «Китайцы и по сие время смотрят на Уссурийский край, как на свою собственность... Когда я пришел на р. Иман, то китайцы, извещая об этом событии своих соседей, писали: «Пришёл иностранец со своего государства».

Можно представить, с каким волнением слушали тогда докладчика. Многие с Арсеньевым согласились: необходимо сделать всё возможное, чтобы небо над Приморьем засияло в бело-сине-красных цветах.

Цветах Российского государственного флага.

С чего-то надо было, но оперативно, начинать. Гондатти, как сейчас бы сказали, пошёл на «непопулярные» меры. Тогда их без обиняков, но, конечно, не во всеуслышание, называли прямо: «кара-

тельные». Судить о том, прав ли был новый командующий, организовавший «секретные экспедиции», сейчас в нашу задачу не входит. Но с большой долей уверенности предположим, что Арсеньев, как человек, уже имеющий опыт разведывательных секретных операций, верный присяге, способный на решительные действия, да ещё повидавший в тайге столько безобразий, творимых выходцами из Поднебесной, согласился на предложение возглавить полицейскую операцию без больших колебаний.

А ведь знал, что понимания и уважения в близких ему по духу кругах далеко не у всех найдёт.

Официально Гондатти экспедицию назвал «Амурской» и для придания ей веса сам и возглавил, оставаясь на своем посту в Хабаровске. А руководить ею поручил штабс-капитану В.К. Арсеньеву.

Так наш герой оказался ранним июньским утром на причале Владивостокского порта.

«Трувор» выгреб в море, когда солнце оставалось за тучами. Те, кого придали под команду штабс-капитана, завалились спать – почти всю ночь колготились, собираясь в дорогу. Причём приказано это было делать, не привлекая внимания посторонних, да и знакомым-то не говорили ни о сроках «командировки», ни о маршруте. Эти предосторожности принимались не зря – китайцы народ наблюдательный.

Арсеньеву не спалось, хотя он тоже почти всю ночь провёл на ногах. Разные мысли лезли в голову... Не в Пекине ли я? – вспомнил Владимир Клавдиевич восклицание жены, когда в мае 1901 года он, вскоре после её приезда, впервые решил прогуляться с ней по улицам. Анна долго не отличала корейцев от китайцев. Все они тебе одинаково улыбаются, заглядывая в лицо, говорила она, вроде бы источая просто счастье, что вы обратили на этого человека даже малейшее внимание, а глаза – щёлки и не увидишь их истинного выражения. Как ты можешь с ними общий язык находить, добавляла, не понимаю. И ещё эти твои дикари – тоже такие же жёлтолицые. Нет, все они, по-моему, один народ и настроены к нам одинаково враждебно.

Эх, Нюся, Нюся, как же ты далека от моих интересов, думал Арсеньев. Ты рассуждала чисто по-женски и очень уж безапелляционно, не понимала, да и сейчас не понимает, что все они – разные. Мне не пристало придерживаться общежитейских представлений о «своих» и «чужих». Ненавидеть китайца только за то, что он китаец, не только глупо, но недальновидно и аморально. Как и японца, корейца...

Впрочем, тут, на Дальнем Востоке, «национальный вопрос» выглядит так запутанно...

Россия врезалась своим юго-восточным клином к Тихому океану, образовав, казалось бы, неразрешимую проблему как для нас, так и для своих соседей, рассуждал он дальше. Но решать её придётся нам... Хорошо бы, не прибегая к вооружённым конфликтам, а может быть, и к большой войне... Не решим, придётся потомкам её обязательно решать.

Но тогда что они о нас подумают?

Он привстал, вытащил из ранца папку, развязал тесёмки и ещё раз прочитал «секретную инструкцию» генерал-губернатора, потом взглянул на смету: из 3630 рублей, что нам выделило финансовое управление, добрая часть потрачена, но ведь ещё на судах нам должны осенью доставить новые запасы. Надеюсь, средств хватит. Хорошо, что в штабе все мои расчёты и просьбы в основном признали реальными.

Гондатти не урезал ни рубля.

Арсеньев взял в руки лист с составом экспедиции. Он всё же убедил генерал-губернатора, что надо включить в неё и тех, кто будет заниматься научными изысканиями. От студентов Бутлерова, Усова и Ощепкова многого он не ожидал, а вот повозиться с ними придётся. Но зато какая им предстоит практика – ему бы в молодые годы так неожиданно в девственных лесах оказаться! Вот флорист Десулави в прошлые походы с ним ходил – большой дока по части ботаники. Привезёт, уверен, богатый гербарий и даже, весьма возможно, какие-то открытия сделает... Сам постараюсь выкроить время для раскопок, а если удастся, то и продолжу изучение обычаев аборигенов и словарик пополню. Да, научные силы невелики. И как они себя поведут, когда действовать начнут приданные мне вояки?

Труса играть в тайге нельзя. Верная погибель.

Перечитал фамилии 13 нижних полицейских чинов и лесной стражи. Последним значился пристав Заольгинского стана К. И. Михайлов, который должен их встречать на берегу. С каждым он успел поговорить, приглядеться за время сборов. Как будто народ тёртый, несколько в японской кампании участвовали, значит, с запахом пороха и свистом пуль знакомы. Надо, когда проспят, собраться всем и ещё раз растолковать им тактику операции. Действовать быстро и решительно – тут Гондатти прав. Но нельзя нахрапом, наотмашь... И самое сложное, по возможности, отделять «овец» от «козлиц» – трудящихся китайцев от хунхузов.

Избежать напрасных жертв. Защитить коренных жителей тайги.

Замыкал список переводчик Канцелярии генерал-губернатора А. Шильников. С ним Арсеньев был знаком. Малый он дельный, китайский знает неплохо. Но, естественно, будет глазами и ушами Гондатти, так что с ним лишних разговоров лучше не вести. Удагейца Сале, который тоже значился в списке, Арсеньев выбрал в

проводники сам. Он из этих мест, в деле проверен. Вздохнул: «До Дерсука ему, конечно, далеко, но моего верного друга нет и никто мне его уже не заменит. Ну, Сале, так Сале... Тем более что мне говорили: он тут знаком со многими манзами».

Отложил список, достал блокнот и набросал «для себя» пункты, в которых перечислил, что ему ещё надо будет выяснить для книги. Тему её он уже обозначил в прочитанном в столице докладе. Но это были лишь намётки большого фундаментального труда.

«Китайцев в Уссурийском крае» Арсеньев допишет, когда уже зимой вернётся в Хабаровск. Издаст в 14-м году. За все годы советской власти эту работу по «идеологическим соображениям» не публиковали у нас даже частично, а вот в Германии она выдержала в 20-е годы несколько изданий. Казалось бы, что немцам было до «восточных дел»? Но в том-то и штука, что в ней Арсеньев поднимал такие вопросы взаимоотношений «белой» и «жёлтой» рас, которые как раз немцев в то время – уже горланили в пивных во все глотки молодые нацисты – очень даже волновали.

В иллюминатор наконец заглянул луч, и Владимир Клавдиевич, зевнув, смежил глаза. Вдруг страшно захотелось спать: это зыбь укачивает. Не раздеваясь, только сапоги скинул, лёг на койку.

Спал, как в далёком детстве.

Наутро налетел шторм. Судёнышко страшно качало. Владимир Клавдиевич встал рано и отправился к своим. Морская болезнь его не брала, и он подтрунивал над молодёжью, лежавшей пластом с расширившимися от страха глазами:

– Не кисните, господа! Это, считайте, ваше морское крещение. Давайте-ка лучше споём, – улыбаясь, подбадривал он студентов, – «Будет буря, мы поспорим и поборемся мы с ней!»

Вокруг не было видно ни зги.

Инструкция генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, написанная им 17 июня 1911 года, которую Арсеньев взял с собой как «руководство к действию», сохранилась. Приводить всю тут не будем – всё же целых два листа с плотно набитыми пишущей машинкой строчками. Но сначала предварим её изложение вот чем. Насколько реально было сохранить в секрете цели экспедиции? Название «Амурская», правда, запутывало тех, кто стал бы ей интересоваться. То ли Амурский залив, что находится на юге Приморья, имелся в виду, то ли река Амур? На самом же деле вооружённый отряд под командой Арсеньева направлялся в восточные предгорья Сихотэ-Алинского хребта примерно, если смотреть на широты, с 43° по 47°.

Штабс-капитан сам определял все «извивы» маршрута, который держался в тайне, точнее, был в его голове. Он постоянно менялся, во-первых, после «подсказок» информаторов, а во-вторых, чтобы

внезапно достичь «осиных гнёзд» незаконно проживающих на территории края иностранцев.

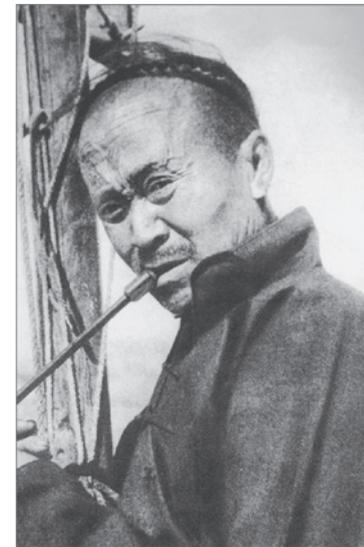
Впрочем, с секретностью этого, если можно так назвать, «мероприятия» было не всё ладно. У китайцев организация оповещения обо всём, что предпринимали русские власти, была налажена хорошо. Более того, у них имелся целый кодекс своих законов, по которому жило пришлое население в тайге. Просто диву даёшься, когда читаешь книгу В.К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае» (далее эта работа будет называться одним словом «Китайцы...»). Как же в обход русским властям жил этот народ за границами своей империи! Сначала удивляешься: неужели так хитро (и мудро!) всё они устроили, что и не «подкопаешься», а потом понимаешь, что по таким же «принципам» организована и поныне деятельность любого эмигрантского сообщества.

Без этого и тогда было не выжить в чужой стране, и сегодня.

Приведём лишь один факт, красноречиво говорящий о том, как легко хунхузы могли узнать об экспедиции ещё на этапе её морского перехода в пункт назначения. Цитирую книгу «Китайцы...»: «Согласно статье 197 Устава Торгового, на русском судне допускается иметь иностранных матросов не более четвертой части. Законом от 22 января 1911 года разрешено временно, до первого января 1913 года, на судах, совершающих рейсы между портами Тихого океана и прилегающих к нему морей, иметь в числе судовой команды иностранных подданных в количестве, не превышающем половины численности всего экипажа на данном судне».

И заметьте, это были, естественно, сплошь китайцы! А уж они-то своих оповещали о малейших действиях властей, грозящих их собратьям. Вот ещё одна красноречивая цитата из книги: «В том, насколько хорошо поставлен у китайцев шпионаж за действиями русского правительства, я имел случай убедиться много раз на себе лично. Так, например, все перемены и мероприятия правительственных центральных учреждений в крае, касающиеся китайцев и даже меня лично, я узнавал от тех же самых китайцев раньше, чем получал почту».

Но вернёмся к инструкции Гондатти. Она состояла из двух частей. В открытом предписании местным властям, подписанном генерал-

Китайский лоцман.
Фото из книги В.К. Арсеньева,
изданной в Берлине в 1926 г.

губернатором, шталмейстером двора Е.И.В. (т. е. его императорского величества) Н. Гондатти, говорилось, что «старший производитель работ Переселенческого управления штабс-капитан Арсеньев в сопровождении студента Московского сельскохозяйственного института Бутлерова отправляется на побережье Японского моря в район реки Нахтоху до залива Св. Ольги для выполнения возложенного на него особого поручения». Возникают невольно вопросы. Почему был указан только один член экспедиции? Зачем было точный район называть? Чтобы, вспомним цитату Арсеньева, об этом узнали раньше него хунхузы?

Тем более что далее идёт многозначительная концовка: «...особого поручения».

Читаем далее: «Подлежащие полицейские, волостные и сельские власти» должны оказывать «всякое возможное с их стороны содействие к успешному выполнению возложенной на них задачи, а также содействовать беспрепятственному проезду их в указанном выше районе путём предоставления за плату проводников, лодок, вьючных лошадей и проч.»

В секретной части генерал-губернатор расшифровывал смысл «особого поручения»: собирать обстоятельные сведения о китайцах, живущих нелегально, выяснять, кто помогает бандитам, кто из них вооружён, их численность, нахождение мест производства опиума и его курения, а также азартных игр (в инструкции «опийни» и «игорни»), арестовывать подозрительных китайцев, при обнаружении нелегальных (контрабандных) организаций арестовывать их руководителей, также арестовывать бродячих китайцев, сжигать притоны хунов (т. е. хунхузов), разоружать бандитов, описывать имущество арестованных, сжигать «спиртгонки» (так в инструкции), уничтожать ханшин (т. е. китайскую водку), ловушки хищного лова.

Говорилось о выяснении «личных отношений»: туземцы – китайцы – русские, занятия живущих в этой местности, как китайцы «эксплуатируют инородцев: подобрать и нанять (в тексте «наладить») людей, «кто бы следил за хунхузами, и платить этим людям», глубоких стариков не трогать, а с тех, кто на подозрении, но «трудно больной», брать «подписку и ждать выздоровления», отобранный опиум отправлять во Владивосток. Интересны и такие пункты. Предупредить китайцев, что после окончания сельхозработ они должны будут «уехать из Приморья вон», проверять все документы «честных китайцев, вернуть женщин мужьям, тазов считать коренным населением и дать им временные документы.

И, наконец, последнее распоряжение: «Акты и расписки составляет пристав и подписывает начальник экспедиции Арсеньев и два понятых. Не ходить по китайским фанзам в одиночку». О том, как действовать, если хунхузы окажут вооружённое сопротивление, в

инструкции ни слова. На сей счёт Гондатти, видимо, давал Арсеньеву устные указания. Из всего этого можно понять, насколько широк и трудновыполним был круг задач, поставленных перед отрядом, точнее, его полицейской частью, т. к. учёные всем этим заниматься не были обязаны.

А силы были малы. Тринадцать вооружённых людей командир распределял в зависимости от обстоятельств по-разному. Например, в оперативном донесении Арсеньева в Хабаровск от 1 ноября 11-го года говорится: «Пять человек из лесной и полицейской охраны всегда в действии – два – конвой, два – в дороге на возвратном пути из Владивостока (это можно расшифровать так: с транспортом они арестованных доставили в областной центр и теперь возвращаются. – Б. С.) и один охраняет имущество экспедиции на берегу моря. Налицо со мной было 6-8 человек».

Не удалось Арсеньеву убедить генерал-губернатора в том, что отряд должен быть куда сильнее и больше. Ещё 10 июня он написал Гондатти, чтобы тот распорядился дать ему «в помощники офицера, без которого трудно» и дополнительно «50 солдат».

Эта просьба осталась без ответа.

Донесения Арсеньев посылал с судами, которые прибывали из Владивостока и уходили назад в заранее обговорённые места и в сроки, т.е. по сути сопровождали по морю отряд. Вот написанное рукой Арсеньева распоряжение от 16 июня: капитанам судов заходить в такие-то и такие-то пункты. Они доставляли провизию, брали задержанных.

Из тех служебных бумаг, что сохранились, видно, что командира экспедиции многое тревожило. Да и время поджимало: надвигались осенние холода, тайфуны, а там и зима. Что она может преподнести, Арсеньев отлично знал. В помеченном 13 июля первом рапорте читаем о том, что по пути следования пароход «Трувор» попал в тайфун: «Туман и дождь помешал зайти в залив Св. Ольги». Далее говорится о некоем Пахотине (ниже пояснено: «он промышленник, цель которого нажива любой ценой»), который «замешан в убийстве торговца Грузова в бухте Ванино, около Императорской гавани». Интересно, от кого и каким образом узнал об этом факте командир?

Значит, была у него налажена агентурная сеть.

Прошло 20 дней. 4 августа Арсеньев направляет «секретный доклад» на четырёх страницах. В нём приводятся цифры арестованных китайцев и корейцев, факты хищений, браконьерства. Задержано и этапировано 25 китайцев и 13 корейцев, уничтожено 3 тысячи незаконно поставленных браконьерами снастей только на соболя, разрушено много ловушек, загородей и других приспособлений хищнического способа охоты. Называются имена трёх местных жи-

телей орочей – Сунця, Чона и Лагоды. Они, говорится в донесении, «как ищейки помогали нам, разбирали все следы и помогли поймать убегающих китайцев у болота. Китайцы грозят убить орочей, когда выйдут на свободу. Орочи боятся и не хотят нам [больше] помогать».

Из района реки Великая Кэма Арсеньев докладывал 8 сентября в Хабаровск, что поход продолжается «без дорог по горам». Жандармы жгут фанзы контрабандистов, а «те грозят расправой». 19 сентября. Новый доклад о том, что волновало Арсеньева ещё в начале похода. «Беспроволочный телеграф» действует: китайские и корейские матросы на судах, обслуживающих экспедицию, предупреждают тех, кто находится по пути её следования». Последняя фраза: «Наша работа сводится к нулю».

Писал правду, иначе не умел.

В следующих донесениях снова о преследовании хунхузов, о том, что китайцы говорят: они готовы вернуться в свою страну и просят их не арестовывать. Тут же (в докладе от 1 ноября) содержатся и конкретные меры, которые вряд ли реально было широко-масштабно осуществить. Но Арсеньев, видимо, не веря в гуманное разрешение «национального вопроса», предлагает, например, такое: переселять китайцев из лесов, где они хищничают, в города и рабочие посёлки и там определять их на работу на заводы, фабрики, рудники, мукомольни и т. д.

«Они способны и инициативны», – добавляет он.

В районе рек Арму и Такунжа было уничтожено 26 хижин браконьеров, 4824 соболиные ловушки, 6552 волосяные снасти, которые ставились на пушных зверей, 489 петель для ловли кабарги, большое количество разного рода приспособлений для хищнической ловли лесных зверей: так называемые «приколыши», «башмаки», «плашки», «тягуны» и крючья, а также капканы для ловли выдр.

18 октября в донесении генерал-губернатору Арсеньев делает очень важный вывод о том, что меры, которые разработаны в краевом управлении и осуществляются им сейчас, крайне недостаточны. По сути дела он говорит, что руководимая им группа бьёт «по верхкам», а «корешки» находятся не в тайге и не на побережье, а в городах края.

Там сидят «дирижёры».

Об этом в книге «Китайцы в Уссурийском крае» он напишет довольно подробно, глубоко проанализировав «целую систему» по сути дела антиправительственной, если хотите антирусской, неподконтрольной властям организации, сумевшей, как раковая опухоль, внедриться чуть ли не во все «поры» дальневосточных губерний России. Таких определений, жёстких слов вы, правда, в книге не найдёте. Автор довольно дипломатичен, а точнее, описывает всё не

просто как очевидец и даже не как царский чиновник, а как специалист, изучивший проблему, излагающий её объективно, без излишней горячности, которой вообще был чужд наш герой.

Так, рассказывая о «мало заметной со стороны для простого глаза» организации китайской торговли «вразвоз» и на скупку пушнины, Арсеньев говорит о вещах актуальных не только в начале XX века на Дальнем Востоке, но и в начале века XXI: «*В настоящее время нет ни одной деревни, в которой не было бы китайской лавки. Лавки эти не есть самостоятельные торговые единицы. Получая из городов от главных фирм лежалые товары и всякую заваль, они успешно сбывают её по высокой цене в провинции как за наличные деньги, так и в обмен на предметы охоты, даже на овощи, зерновые продукты и пр. Свидетельства на право скупки пушнины китайцам выдаёт Владивостокская городская управа. Какое отношение городская управа имеет к пушному промыслу во всей Приморской области, сказать трудно!.. На самом деле под личиной торговца... всегда скрывается хищник.*»

Сказано предельно категорично. Но – факты упрямая вещь.

А вот что он напишет о морском «промысле»: «*Из Сучанского, Судзукхинского, Шкотовского прибрежных районов китайцы постоянно отправляют свои шаланды на городской рынок с мехами, опиумом, оленьими жилами и хвостами, со шкурами зверей, овощами, зерном, дровами, табаком, морской капустой и т. п.*».

Получив эти сведения ещё в экспедиции, Арсеньев уже тогда придёт к выводу: грабителей надо поголовно выселять из тайги, квалифицируя их действия как браконьерские.

Любопытно донесение от 27 октября. Арсеньев пишет о том впечатлении, которое производит на местное население их «карательная экспедиция» (так в документе). Местные крестьяне-переселенцы не всегда довольны мерами по выдворению китайцев: «Крестьяне сдавали китайцам в аренду землю, а теперь, когда они уходят, у них будет меньше доход». «Везде грядки китайских огородов, а русской пашни почти нет», читаем в другой бумаге.

Особняком стоят доклады о положении туземного и русского населения. Тут тоже далеко не всё благополучно. Арсеньев озабочен тем, что русские переселенцы облагают тазов и орочей незаконными налогами, захватывают их пашни и огороды. Фраза, которую Арсеньев не раз повторит в своих записках и работах, содержится в докладе, написанном им на стоянке у реки Такема в августе 1911 года: «Можно прогнать китайцев – у них есть Китай, корейца – в Корею. А куда выгнать таза, как это делают русские переселенцы? Ведь они родились здесь и здесь их родина».

В этом же докладе подробный перечень предложений, как «обустроить» коренное население. Арсеньев предлагает, например, то,

о чём сам имел не очень-то глубокое представление: «Скопировать политику США в отношении индейцев и англичан к майори в Новой Зеландии, где всё решено хорошо». Тут Владимир Клавдиевич, скажем прямо, «маху дал». Какое уж там «хорошее решение» нашли белые колонизаторы, по-своему «разбираясь» с краснокожими?

Впрочем, каждый большой народ, сталкиваясь с малыми, коренными народами, каких только «благих» мер не предпринимал, чтобы приобщить аборигенов к культуре, улучшить их жизнь и т. д. Но зачастую получалось плохо, не то и не так. Владимир Клавдиевич и позднее мучился, пытаясь отыскать оптимальные выходы, заимствуя «рецепты» из книг учёных, из практики, применяемой в других странах. Но всё, как он убеждался, оказывалось отнюдь не самыми лучшими решениями. В реальной жизни, увы, многое делалось наперекосьяк, большею частью приводило не к расцвету малых народов, а к их вымиранию, деградации. Обратных примеров случалось так мало...

Вот и в том давнем своём докладе Арсеньев предлагает, как ему казалось, более справедливый путь: «Надо обрусить тазов, которые сейчас окитаиваются. Китайцы играют на чувствах тазов, прилаживают их к себе, оказывают им тысячи мелких услуг, а мы грабим их, убиваем их скот». Мог бы добавить: спаиваем, совращаем, заражаем венерическими болезнями, натравливаем друг на друга, запрещаем им соблюдать обычаи и обряды предков, в результате чего предается забвению история родов, племён, самобытная культура и уклад жизни.

Ниже в докладе говорится: «Тазы на последние гроши выписывают китайских учителей, ставят китайские школы». «Печально для России, – добавляет он, – лучше бы русские школы». Но за этим «лучше бы» проглядывает неуверенность в том, что власти примут его проект.

Вряд ли глубоко сам Арсеньев верил тогда, что если туземцев «обрусить», то всё изменится. Правда, ряд мер, которые перечислит начинающий учёный, точнее, этнограф-самоучка, если бы были осуществлены, возможно как-то улучшили положение «лесных людей». Вот что, например, он ещё предлагал: они должны иметь равные с русскими наделы земли, селить их «по две-три семьи среди русских, которые должны понять, что тазы свои, что они за Россию и им необходимо помогать, чтобы было равенство. Пока то, что мы им даём: ружья, порох, пищу голодающим – это слабые меры. Нужны инородческие фактории, посёлки».

Арсеньев пишет о необходимости выдавать им документы, удостоверяющие их личности, «но на парусине, – пишет далее он, – так как бумажные быстро рвутся». И добавляет: «Эти билеты дадут им чувство, что они местные жители, а не пришлые, не китайцы, с которыми мы боремся».

И снова повторяет, как заклинание: «Есть только два выхода: или обрусить инородцев Уссури, или они будут уничтожены». Далее совсем уже откровенно пишет: «Гибнут девять сибирских народностей под русской пятой, на очереди – ламуты, гиляки, тазы, орочи и др.».

Смелое заключение, по сути – обвинение национальной политики на Дальнем Востоке.

Какой-то там штабс-капитан, а как размахист в своих рассуждениях! Так, вероятно, думал, читая донесения, генерал-губернатор. А возможно и совсем иначе: скоро ведь приблизит к себе.

Дважды повысит в звании.

Однако вряд ли кто стал бы проводить тогда в жизнь предложения Арсеньева. Но то, что нашего героя волновало положение инородцев и он об этом высказывался резко и однозначно, характеризует его лишь с самой лучшей стороны. Разделяющий те правила, по которым тогда «играли» власти, связанный своей ролью, по сути дела «винтика» в военно-бюрократической «машине» империи, Владимир Клавдиевич Арсеньев всё более чётко определял свои взгляды.

Как гражданин и патриот России.

«Секретные экспедиции», на наш взгляд, сыграли в росте его самосознания, выборе дальнейшего пути и, если хотите, в становлении личности важную роль. Работая как раз в эти годы над своими повестями о Дерсу Узала, Арсеньев все отчётливее понимал, какое место в его жизни заняли несчастные племена чуть ли не первобытных людей, с которыми он стал сходитья ещё в первых походах, а теперь более глубоко проникая, на «фоне» борьбы с хунхузами, в их беды и нужды.

Стал их старшим братом и защитником.

Вернёмся к «карательной составляющей» экспедиции. Так были или нет бои, пусть «местного значения», но кончавшиеся кровью? Думаем, что без них не обошлось. Это подтверждает рапорт, который подал Арсеньев 11 октября 1912 года, т. е. уже после второго этапа Амурской экспедиции. Он касается какого-то эпизода, случившегося ещё осенью года минувшего: «Доношу, что перечисленные в списке тазы и китайцы, кроме Сын Тянь-хина, 5 сентября 1911 года участвовали в уничтожении (подч. мной. – Б. С.) шайки хунхузов на р. Тадушу и достойны награды... Предлагаю наградить всех тазов (в списке 5 чел.) и только двух китайцев, которые особо отличились, – Ли Цын-зян и Цуй Хэ-сянь. Дать им деньгами по 5 рублей на чело века. Задержал эти сведения из-за стычки с хунхузами».

Значит, и китайцы, и тазы помогали в борьбе с бандитами.

Правда, не проверить, как помогали: сами участвовали в схватках или были только информаторами?

В секретной смете было отдельной строкой записано: «250 руб. на разведку и тайную агентуру». Сохранилось решение Гондатти от 25 октября 1912 года о «награждении серебряными медалями со станиславской лентой «За усердие» старост Миликко Иаоко и Коряка Тыкалло за помощь русской экспедиции». Это, видимо, по итогам второго её этапа.

Приведём и рапорт от 9 февраля 1913 года. Он пишет Гондатти: «Дайте 350 рублей для награды лесникам и городовым за отличную службу во время карательной экспедиции на хунхузов. По 50 рублей на городского и по 25 на лесничего. В 1912 году за экспедицию им дали наградные и ещё подали на медали «За усердие». Сохранилось и письмо городского Михаила Тимошина Арсеньеву от 7.12.1913 г. Он спрашивает, причитается ли ему награда? Рукой Арсеньева написано, что причиталась. Далее: «Но не мог найти Тимошина. Стал искать его и награда переслана ему».

Значит, нашёл.

Амурская экспедиция 1911–1913 гг. изобиловала куда большим числом всякого рода неожиданностей, опасных встреч, столкновений. Если бы у Владимира Клавдиевича склад его писательского дарования был иной, он мог бы «по следам» только этой экспедиции сочинить куда более, как сейчас говорят, «читабельный продукт», чем будущие его книги. Но приключенческий жанр не очень привлекал Арсеньева. А вот его младший брат Александр свои воспоминания старался писать именно в таком стиле.

Один фрагмент из них с небольшими сокращениями приведём ниже. Александр Клавдиевич участвовал в этой экспедиции как топограф и препаратор. Так что описанный им случай вероятнее всего не выдуман. Он интересен не только фабулой. Отряд, получивший задание бороться с китайскими бандитами, на этот раз столкнулся с русской шайкой. А помогал Арсеньеву как раз небольшой китайский отряд (он назывался дружиной). Эта дружина существовала, как писал В.К. Арсеньев, с 1839 года. Начальник ее выбирался пожизненно и всегда носил псевдоним – «Чжан Бао» (Владимир Клавдиевич даже писал это имя в кавычках). Настоящие имя и фамилия этого китайца, который очень помогал Арсеньеву, были Чан-чи-Чин.

Читаем рассказ брата.

Узкоплечий измождённый китаец в рваной выцветшей куртке испуганно смотрел на Арсеньева. Он только что вышел из леса и что-то хотел сказать русским, которых вёл человек в большой шляпе. Китаец понимал, что офицер в зелёной гимнастёрке здесь главный и что обращаться надо к нему. В то же время бродяга невольно косился на рослого китайца, стоявшего рядом с капитаном.

– Шэньма ши (какое дело)? – приветливо спросил его по-китайски Владимир Клавдиевич.

При звуках родной речи лесной человек обрадованно закивал головой и улыбнулся, открыв крупные белые зубы.

– Хунхуза! – выразительно сказал он, показывая позади себя.

Услышав, что речь идёт о бандитах, стрелки и казаки стали собираться вокруг незнакомца. Арсеньев продолжал переводить. Вот что рассказал китаец:

– Я с заимки Фана-Корявого. Иду из Долины великих камней за солью. По дороге я услышал крики женщин и притаился. Ай-я, что я увидел! Двое вели на верёвке гольдских женщин. Тогда я пошёл назад и встретил вас.

– Бандиты китайцы? – спросил капитан.

– Хунхуза русский!

Это удивило и взволновало Арсеньева.

Автор, Дерсу Узала и Чжан-Бао в походном снаряжении. Путь по р. Такемь. Литография из книги «Дерсу Узала». Владивосток, 1923 г.

– Как тебя зовут?

– Гуйлин.

– Есть ли у хунхузов оружие?

– Две чупазы.

– У разбойников две берданки, – перевёл Арсеньев. – Найдя глазами дежурного, он распорядился: – Васильев, накорми человека!

Пока китаец торопливо ел, Владимир Клавдиевич изучал его одежду, лицо и руки. С особым вниманием он смотрел на обувь, которая всегда много говорит о человеке. То же делал и длинноусый Чжан Бао, предводитель отряда из семи вооружённых китайцев.

«Голова и шея Гуйлина замотаны платком из белой дабы, – замечал капитан. – Так защищаются от комаров и хунхузы. Куртка походного образца, карманы заколоты английскими булавками. Это не редкость и среди бандитов. Но штаны плохонькие, руки в садахнах и порезах, на ногах матерчатые туфли. Это, пожалуй, хороший признак».

Так размышлял Арсеньев, не зная, честный ли китаец перед ним или ловкий обманщик, подсланный шайкой хунхузов, чтобы завести его отряд в западню.

Был ещё один испытанный способ узнать, кто перед ним, и Владимир Клавдиевич приказал:

– Дайте гостю новую рубаху!

Когда Гуйлину протянули полотняную гимнастёрку с медными пуговицами и нашитыми карманами, он, счастливо улыбаясь, стал снимать свою полуистлевшую куртку. Арсеньев и Чжан Бао впились глазами в худощавую фигуру китайца с узкой и впалой грудью. Если он хунхуз и носит оружие, тогда кожа на плечах и на шее Гуйлина должна быть потерта винтовочным ремнём. Но кожа бродяги была гладкой. Лишь тёмный загар покрывал её, переходя в почти чёрный цвет на шее. «Пожалуй, он не разбойник», – подумал Владимир Клавдиевич, решив ещё узнать мнение Чжан Бао.

Вскоре неторопливый и немногословный Чжан Бао, более похожий на вдумчивого и осторожного дипломата, угощал пришельца чаем. Они сидели на зелёных ящиках с коллекциями и о чём-то говорили мягкими гортанными голосами.

После чаепития Чжан Бао коротко доложил Владимиру Клавдиевичу, что Гуйлину тридцать лет, он приехал в Россию копать женьшень, ненавидит якобы хунхузов, и что он, Чжан Бао, не может пока сказать, хороший ли человек незнакомец.

Маршрут экспедиции и путь разбойников пока совпадали, поэтому Арсеньев решил пойти на риск. По его приказанию русские и китайцы быстро собрались, потушили костры и двинулись вдоль Иодзыхэ в погоню за похитителями.

Отряд шёл узкой тропой над обрывистым каменистым берегом.

Постепенно лес стал редеть. Берег поднялся, было страшно смотреть вниз, на массу пенистой бело-зелёной воды. Над людьми всё тяжелее нависали чёрные глыбы скал, покрытые мхом и зелёной чешуёй кедрового стланика.

Ущелье тревожило Владимира Клавдиевича. «Вооружённые люди, – думал он, – напади здесь на нас сверху, могут наделать много бед. Однако капитан ничем не выдавал своих мыслей и только плотнее сжимал обветренные тонкие губы. Река всё суживалась. Скалы задерживали каждый звук, отчего рёв бегущей воды неприятно резал уши. Влажный, как в банке, воздух быстро промочил одежду. Сырые воротники стали кусать шею, ремни рюкзаков – больно тереть плечи...»

Но вот скалистые сопки отошли от реки, дорога расширилась, и Иодзыхэ под прямым углом повернула влево. Близился полдень, жаркий, душный, давящий грудь. Капитан остановил людей на отдых. Быстро разожгли костры. Дежурный повар сварил похлёбку из крапивы с сушеным луком.

Чтобы не утомлять всех солдат, Арсеньев решил с места привала отправить на поиски женщин лишь часть людей. После обеда в погоню отправилось четверо – Чжан Бао, Гуйлин, Борщов и веснушчатый Нилов, вызвавшийся добровольцем.

– Отсюда недалеко, – сказал Гуйлин Чжан Бао.

Шёл бродяга легко и бесшумно, как опытный таёжник. Он не пил воды из ручьёв и не отгонял комаров. А когда лукавый Борщов предложил ему нести винтовку, китаец неумело покрутил её в воздухе и опасно понёс её на согнутых локтях, как ребёнка.

Оставшиеся у реки продолжали работу. Стрелки и казаки чинили обувь и одежду. Звонко шумела Иодзыхэ. Терпко пахло нагретой полыньи. Горячее жёлтое солнце окружал матовый серебристый нимб.

– Идут, – вдруг радостно вскрикнул кто-то.

Однако вдаль показался один Борщов. Он держал поднятой правую руку, что означало важные новости. Кудрявый казак быстро прошёл мимо товарищей прямо к капитану и коротко доложил:

– В версте, значит, отсюда бугор. В нём пещора. В пещоре, значит, лежит баба. Жамбо остался там.

Владимир Клавдиевич передал командование ефрейтору и вместе со стрелком поспешил к пещере. Через двадцать минут быстрой ходьбы он увидел группу скал и трёх людей, – это были Чжан Бао, Гуйлин и Нилов. Борщов подошёл к небольшому узкому гроту, заглянул туда и, сбив фуражку на затылок, зычно крикнул:

– Кто там! Выходи! – И, зная, что не будет ответа, исчез в чёрной пасти.

Степенный Чжан Бао кивком головы приветствовал капитана, неторопливо зажёг толстую смолистую ветку и последовал за сол-

датом. За ними вошёл и Арсеньев. В пещере было прохладно, темно и сыро. Пахло свежей хвоей. В бегающих языках коптящего факела Владимир Клавдиевич увидел на ворохе веток босую мёртвую женщину и снял головной убор.

– Труп, значит, – объяснил Борщов.

– Орочонка, – сказал Арсеньев, осмотрев узоры на халате женщины.

Тело ещё не остыло. Шею погибшей обвивала верёвка, завязанная мёртвой петлёй. Капитан осторожно разрезал ножом пеньку и швырнул её в сторону. Затем он бережно прикрыл умершей глаза. Только после этого он осмотрел стоявшую у тела старую берестяную кружку, заржавленные консервные банки и набросанные на полу еловые ветки.

– Здесь ночевало двое мужчин и три женщины, – сказал Арсеньев. – Гуйлин не обманул нас. Не будем тревожить покойницу, – распорядился он. – При первой возможности надо сообщить о ней в стойбище. А теперь, Чжан Бао, в погоню! Злодеи далеко не уйдут.

Выйдя из пещеры, Владимир Клавдиевич ласково взглянул на Гуйлина, впервые заметив, что карие глаза молодого китайца чисты и простодушны. Чжан Бао, Борщов и Нилов тотчас исчезли в лесу. Капитан вернулся к месту стоянки.

Наступил тёплый и звёздный июльский вечер.

Желтеющий шар остывшего солнца давно скрылся за горами. Комаров становилось всё больше. Лес быстро темнел. Вдали раздался выстрел, за ним – второй. Люди побросали работу и повернулись в сторону сопки.

Вскоре за деревьями показался Чжан Бао, он нёс трофейную берданку. За ним Борщов и Нилов вели двух связанных разбойников. Один из них сильно хромал. Шествие замыкали Гуйлин и две измождённые черноволосые орочонки. Красивый, открытолицый Борщов припадал на одну ногу.

– Поймали, – доложил Чжан Бао.

– Промышленники, – презрительно сплевывая, добавил Борщов.

Кто в Уссурийской тайге не проклиная «промышленников» – этих подлых убийц, потерявших всякий человеческий облик! Кто на Дальнем Востоке не знает, что промышленники грабят и своих и чужих, убьют человека за пару сапог, за ремень или за понравившуюся им пуговицу!

Один из схваченных был старше. На нём висела гимнастёрка неопределённого цвета и такие же брюки, на ногах темнели стоптанные маньчжурские улы. У пояса висела саперная лопатка. Спутанная грязная каштановая борода закрывала половину лица. Густые брови с торчащими выгоревшими волосками прятали маленькие недобрые глазки.

– Кто такой? – строго спросил Арсеньев, всё ещё сидевший у реки.

Вместо ответа человек отвернул голову и мерзко выругался.

– Развязать его! – приказал Владимир Клавдиевич.

Лицо второго искажала ненависть и боль. Он смотрел на солдат со страхом и враждебностью. Его взлохмаченная прокопчённая борода цвета древесной коры смешалась с былинками сухой травы. Давно нечёсанные волосы сбились в комок, лишь одни белки глаз да зубы сверкали неожиданно вызывающей белизной. На ватных брюках темнело пятно свежей крови. Разбойник сжимал зубы и неимоверным усилием воли держался прямо.

Второй разбойник стоял рядом и не обращал внимания на страдания товарища.

Чжан Бао рассказал, что они заметили в лесу двух оборванцев с берданками. После окрика неизвестные бросились в кусты и поползли к болоту. Их окружили и заставили сдаться.

– А этот белозуб, значит, – Борщов фамильярно ткнул пальцем в плечо раненого, – берданку спрятал, а меня – камнем. Нилов, значит, и царапнул его пулькой.

Чжан Бао объяснил, что женщин они нашли под старой елью. Убийцы привязали их к дереву и хотели бросить в тайге на съедение зверям.

– Снимите верёвки с женщин, – приказал Арсеньев.

Стоявшие вокруг люди стремительно кинулись выполнять просьбу капитана. Это испугало орочонок, и они шархнулись в сторону с искажёнными от страха лицами.

– Мы все ваши друзья, – сказал Владимир Клавдиевич по-орочонски. – Мы хотим снять с вас верёвки.

Общее внимание перешло теперь на женщин. Старшая орочонка в халате из синей дабы с жёлтой вышивкой, худая, сморщенная и чёрная, села на траву и застыла, как каменное изваяние. Вторая была ещё более худой и измученной. Она стояла неестественно прямо и казалась тёмной восковой свечой. Немигающим взглядом узких карих глаз она с ненавистью смотрела на раненого промышленника. Изредка она опасливо поглядывала на лица солдат, затем опять смотрела на молодого бандита. Он негромко стонал, обеими руками сжимая кровотокающую ногу. Тем временем Арсеньев открыл аптекарскую сумку, подошёл к раненому и, засучив рукава, наклонился над ним. И тут разбойник с неожиданной силой ударил здоровой ногой капитана в грудь. Владимир Клавдиевич упал. В то же мгновение Чжан Бао вскинул винтовку и хотел выстрелить в голову преступника, но Арсеньев, крикнув, остановил его.

Воцарилась гробовая тишина. Все застыли на своих местах, ожидая, что предпримет начальник. И снова произошло неожиданное.

Молодая ороchonка кинулась на раненого. Клубок из двух сплетшихся и хрипящих тел покотился вниз к пропасти.

– Сказённые! – закричал Борщов и, прыгая на одной ноге, бросился к обрыву. Чжан Бао, однако, опередил его и успел схватить ороchonку за длинные волосы. Мягкая земля берега, не выдержав тяжести трёх человек, осела, и бандит с дикими воплями полетел в мчавшуюся далеко внизу реку. Несколько раз перевернувшись в воздухе, он ударился о воду и исчез в пузырьчатой пене. Его смерть наблюдал чуждый людских страстей орёл, величаво паривший над Иодзыхэ.

Берег осыпался всё сильнее, и женщина тщетно царапала окровавленными пальцами убегающую землю. Борщов, красный от напряжения, с трудом удерживал Чжан Бао, не выпускавшего шевелюру ороchonки. Подоспевшие стрелки выстроились цепью и дружно оттащили от пропасти женщину, командира китайцев и побледневшего Борщова.

Опасность осталась позади, но зубы ороchonки всё ещё стучали от нервной дрожи. Владимир Клавдиевич бережно отвел её к сидевшей на траве подруге. Он налил из фляги коньяка и поднёс его обоим женщинам. Пострадавшие выпили огненный напиток, но ещё охотнее приняли от солдат крепкий горячий чай, к которому Борщов, только что бывший на волосок от смерти, хромая, принёс кусковой сахар. Им дали душистых лесных щей и манных лепёшек. Теперь они не так боялись русских. О втором промышленнике, казалось, все забыли. Ему не дали еды, не дали пить. С ним не говорили, и он стоял на прежнем месте и презрительно глядел на военных.

К Арсеньеву подошёл стрелок:

– Гуйлин просит отпустить его.

Больше никто не сомневался в честности таёжника, и капитан отпустил его.

Началась беседа. Старшую ороchonку звали Лаба. На ломаном русском она объяснила, что произошло:

– Четыре солнца назад моя, – с этими словами Лаба приложила палец к своему носу, – сестра Сонкэ, – она показала на сидевшую рядом девушку, – и Майла, его помирай есть, – собирай ягода. Пришёл три хунхуза. Его, – ороchonка показала на промышленника. – Его, – Лаба показала на реку. – И ещё один.

Разбойники напали на них, связали им руки, забили рты тряпками и, накинув верёвочные петли на шею, повели в лес. Чтобы не идти, женщины садились на землю. Тогда бандиты пинали их ногами и били прикладами. У Сонкэ и погибшей Майлы есть мужья. Все они из одного рода. В первую ночь промышленники спрятали женщин в кустах и долго спорили, кому идти в стойбище орочей за выкупом. Пошёл злой и крикливый русский без переднего зуба во

рту. Он так и не вернулся. Лаба думает, что его убили в стойбище. Она сама бы убила его.

Теперь женщин били из-за каждого пустяка, но за выкупом воры идти боялись. Первые три дня ороchonкам не давали есть. Только вчера им развязали руки. Они собирали медвежью траву, дикий лук и корни саранок. А сегодня ночью дьявол, который сейчас упал в реку, убил Майлу в пещере; она кричала, и дьявол задушил её верёвкой. Русские поймали хунхузов, Лаба и Сонкэ не знают, что солдаты сделают с ними.

Во время этого рассказа обе ороchonки одновременно закрывали лицо руками и судорожно вздрагивали. Глаза их, однако, оставались сухими.

Солнце давно скрылось, небо потемнело. Только высоко у зенита тёплым отсветом горели нижние каёмки одиноких тучек. Лес безмолвствовал. Казаки и стрелки, как могли, выказывали женщинам сочувствие. Они дарили им табак, иглы, нитки, пуговицы, чай, фуражками отгоняли рои комаров, принесли им горячей воды и мыла, дали гребешки.

Тем временем Владимир Клавдиевич совещался с Чжан Бао. С завтрашнего дня путь китайского отряда расходился с маршрутом экспедиции. Чжан Бао согласился взять женщин и уцелевшего промышленника и доставить их в стойбище. Пусть там рассудят, как быть с похитителем и убийцей.

– Поклонитесь от меня проводнику Гапчи, – сказал Владимир Клавдиевич Лабе. – Скажите ему, что русский капитан помнит, как Гапчи вёл нас через опасную реку Кулумбэ. Передайте Гапчи наш подарок – и капитан вручил Лабе большую коробку винтовочных патронов – драгоценность для таёжного охотника.

В седьмом часу утра следующего дня экспедиция отправилась в путь.

Арсеньев попрощался с Чжан Бао, пожал руку каждому из его бойцов, сказал женщинам несколько дружелюбных прощальных слов и пошёл вслед за своим отрядом.

(Рассказ А.Арсеньева записал Георгий Пермяков.)

Каждый день экспедиции сулил неожиданности. Но Арсеньев не был бы Арсеньевым, если бы вдруг начал суетиться, с ходу менять свои указания. Он педантично придерживался плана, намеченного накануне и, как правило, обсуждённого на вечерней «летучке» с отрядом. Как же глубоко сидели в нём эти «фамильные» черты: приверженность к размеренности, дисциплине и порядку – даже в мелочах. Да и опыт, приобретённый в длительных скитаниях по тайге, был его хорошим помощником. Молодым любил повторять присловье, услышанное ещё в детстве от отца: «Бережёного Бог бережёт».

И ещё: «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня».

Как бы он ни был занят с раннего утра до темноты, обязательно, прежде чем лечь спать, выкраивал время для письма. Под этим словом подразумевалось и составление отчётов «по начальству», и писание дневников. Вёл он и личную переписку. Даже если камни с неба начнут сыпаться, говорили о нём товарищи по экспедициям, наш Клавдиевич всё равно где: в хижине ли, в палатке, у костра или летучего фонаря, наконец, у огарка свечи или даже при лунном свете пристроится со своими тетрадками и ну строчить!

Из «секретной» экспедиции сохранилось немного писем. Приведем отрывки из посланного Петру Кузьмичу Козлову, ходившему ещё в походы вместе с легендарным Пржевальским:

«Я мирюсь с новой работой только потому, что она позволяет параллельно с ней вести и научные исследования». Но далее он откровенно ищет у старшего товарища сочувствия: «Административная деятельность мне не по душе. Я с удовольствием променял бы даже губернаторский пост на скромную роль географа-исследователя, хотя в самом малом масштабе... Гондатти... именно хочет пристегнуть меня к администрации – а я брыкаюсь».

Жаловался он и учёному, живущему в Казани, Б.Ф. Адлеру, с которым вёл активную переписку. Тот, разделяя настроение Арсеньева, восклицал – в письме от 5 октября 1911 г.: «Неужели Н.Л. Гондатти не нашёл другого человека для изгнания хунхузов: Ваша жизнь слишком дорога для нас». Понимал Адлер, что дело поручили Арсеньеву рискованное, тут, неровен час, и жизнь можно положить. Что ему ответил тогда Владимир Клавдиевич, неизвестно, но, видимо, об экспедиции сообщил такое, что его казанский коллега 22 февраля 1912 года ответил так: «Поздравляю... Вы честный человек, любите родину. Дело вам дано большое».

И всё же, как потом стали утверждать арсеньеведы, Гондатти, которого в книгах о путешественнике в советское время называли не иначе, как «царским сатрапом», а его окружение «кликлой», всячески препятствовал научным начинаниям В.К. Арсеньева и ставил, вплоть до 1916 года, ему палки в колёса, даже хотел избавиться от него и отправить на фронт.

А на самом деле было как раз наоборот.

В письме к московскому учёному-географу Д.Н. Анучину, направленному в 1914 году, уже после начала войны, Арсеньев писал: «Относительно моей судьбы дело сложилось так: на войну меня не зовут, не требуют, а добровольцем не пускает Н.Л. Гондатти. Он дал мне и время, и средства к жизни, и дал мне возможность учиться и обрабатывать свои материалы». Только из этого письма мы узнаём, что Владимир Клавдиевич даже просился на фронт Первой мировой...

Приведем отрывки из более позднего письма В.К. Арсеньева А.А.Емельянову (от 2.VI.1915 г.). Оно ценно тем, что Арсеньев говорит о действительных причинах своего конфликта с Гондатти, а также самохарактеристикой: *«Я думаю, что Гондатти ревнует меня к краю. Он хочет, чтобы одно его имя только и было в истории исследований. Как это глупо!? Погоня за грошевой рекламой. Разве учёный и серьёзный человек будет гнаться за этим? Меня лично интересует этот неизведанный край в этнографическом отношении, ибо я знаю, что найду там весьма много нового и интересного. Если бы я хотел карьеру делать, то я остался бы в Петрограде, где было мне предложено хорошее место. Я возвратился в край не ради карьеры, а ради того, что я люблю его, и уже твёрдо решил покончить здесь счёты с жизнью. Теперь я достал средства, есть силы, здоровье, кое-какие знания и уверенность в работе. От Гондатти требуется только капля чернил, – и он ломается! Поживём – увидим. Пока этот вопрос открыт»*.

Поясним. Раздражение Арсеньева было связано всё с тем же: ему хотелось заниматься исследованиями и литературной работой, а генерал-губернатор держал его на «коротком поводке». Постоянно напоминал, что он государственный чиновник, да ещё и «по особым поручениям».

Выразительный портрет Гондатти оставила в своих воспоминаниях Анна Константиновна: «...Большой человек, любимец Николая Второго; люто боролся с китайскими браконьерами и хунхузами... Был он небольшой, в очках, красиво одевался, любил золото на военной форме. Я с ним познакомилась в 1914 году, когда он приехал к нам домой на «среду». Гондатти был симпатичен – русые волосы, седина. Побыл у нас на краеведческом диспуте учителей и офицеров. Он выделял мужа, больше молчал, не вмешивался в суждения гостей. В полночь у нас начинался ужин, но Николай Львович уехал до полуночи.

Потом был конфликт между Володей и Гондатти. Шла война, в 1915 году, кажется, муж хотел пойти в «ледовый поход» на несколько лет. «Поход навстречу смерти», – говорила я. Гондатти не пустил Володю: «На фронте плохие дела, каждый знаток на вес золота, не могу отпустить». Арсеньев дулся на Гондатти».

Вот так просто, чисто по-женски объясняет супруга Владимира Клавдиевича причину конфликта.

А сам В.К. Арсеньев в письме к Д.Н. Анучину, отправленному 28 января 1917 года, отзывается о своём начальнике снова не очень лестно, но хохом его не обвиняет:

«У меня произошёл полный разрыв с Гондатти... Тёмные силы, о которых говорили с кафедры в Государственной думе, окружа-

ют и нашего генерал-губернатора. У него своя мерка к людям, под которую я не подхожу. От науки Гондатти теперь стоит далеко, об этнографии он никогда и не вспоминает, с ноября 1914 года он и не заглядывал в музей. После своей Амурской экспедиции он стал враждебно относиться ко всякого рода исследованиям в крае и ко всем тем, кто занимается изучением страны в каком бы то ни было отношении. Ну, Бог с ним!»).

Так что повторим последнюю фразу из письма Арсеньева и оставим шталмейстера дворца Е.И.В. в покое. 7 марта 1917 года его арестовали демократические деятели Комитета общественной безопасности. Позже был освобождён и эмигрировал. В Харбине работал начальником земельного отдела КВЖД и председателем Общества домохозяев. Умер на 86-м году жизни.

Через взаимоотношения генерал-губернатора и его чиновника выпукло выступают черты характера и поведение нашего героя. Как же успешно Арсеньев *одновременно* успевал руководить по сути дела боевой (пусть локальной) операцией и заниматься научными исследованиями.

Запретить ему ими заниматься было равносильно тому, что отсечь этому неуёмному человеку одну руку.

Итак, что же привезли из «Амурской экспедиции» сам Арсеньев, его трое студентов и ботаник?

Но сначала представим глазами одного из молодых участников экспедиции такую картину.

Волны лижут незнакомый берег. С парохода виднеется нагромождение камней, дальше... Читаем Арсеньева: «...вверху ветви деревьев переплелись между собой так, что совершенно скрыли небо. Особенно поражали своими размерами тополь и кедр. Сорокалетний молодняк, растущий под их покровом, казался жалкой порослью. Сирень, обычно растущая в виде кустарника, здесь имела вид дерева в пять саженей высоты и в два фута в обхвате. Старый колодник, богато украшенный мхами, имел весьма декоративный вид и вполне гармонировал с окружающей его богатой растительностью. Густой подлесок, состоящий из чёртова дерева, виноградика и лиан, делает места эти труднопроходимыми».

Море после вчерашнего шторма ещё не успокоилось. Корабль качает.

Вы после шторма и почти бессонной ночи перебираетесь с товарищами по верёвочному трапу на шлюпку. Её матросы только что спустили и сидят уже у вёсел. Шлюпка бьётся бортом о корабль, устоять в ней нелегко. Вам бросают сверху рюкзак, вы подхватываете, все наконец рассаживаются, и матросы гребут, шлюпка режет волну, скоро шуршит днищем по мелководью, вы вслед за тем, кто

сидел у носа, прыгаете в воду, сапоги крепкие, воду не пропускают, несколько шагов, и вы на суше.

Ух, земля! Голова ещё кружится, рот пьёт терпкий лесной воздух, вы ступаете по пропитанной морской водой прибрежной полосе, на песке остаются отпечатки ваших ног.

– Первые следы человека на диком берегу! – кричите вы неожиданно для себя. Что с вас взять, вы – студент Московского университета, учитесь на зоолога, сюда попали впервые на практику и волею судеб оказались в какой-то «секретной» экспедиции. Это её командир раньше других спрыгнул со шлюпки в воду, чуть не зачерпнув в сапоги, и быстро, быстро зашагал к выступам скал.

Вот он уже забрался на одну из них, осматривается.

Следом за вами торопится человек с бородкой и в очках, ботаник с необычным именем Нума, а по отчеству Августович Десулави. После неожиданного вашего радостного крика окликает:

– Молодой человек, не первые следы ваши, а вторые! – и показывает рукой на фигуру штабс-капитана. Вы случайно наступаете на выброшенную волной морскую звезду, нагибаетесь, берёте её, красавицу, рукой, тут же замечаете, что весь берег усеян после вчерашнего шторма студенистыми тельцами медуз, морскими ежами, водорослями, в песке копошатся какие-то козявки, а вон и краб пачтится...

– Да тут столько следов разных тварей! – говорите вы, – коллекцию соберём отменную!

А Нума Августович уже нагнулся над каким-то кустиком, пробившимся из-под камней. Оборвал листок, потер его между пальцами, понюхал, удовлетворённо хмыкнул и полез по скалистым уступам, пытаясь догнать быстрого начальника. Тот же, снова спустившись к прибрежной полосе, уже что-то говорит высадившимся остальным членам экспедиции, вероятно, показывает, где разбить временную стоянку.

Десулави вместе с вами уже подошёл к непролазному кустарнику, обвитому лианами, вы видите, что у деревьев, как ни могучи они, стволы и ветки корявые, кривые, а верхушки сломаны. Да уж, не русский лес с картины Шишкина. Коли оказались они выросшими тут, недалеко от кромки моря, не до красоты: первыми принимают на себя удары океанской стихии – у впередистоящих всегда самая тяжёлая доля.

Но стоят, растут, по весне зеленеют, тянутся к солнцу, упрямые.

Такие примерно рассеянные мысли бродят в вашей юной голове, и тут вы вспоминаете милого жюльверновского Паганеля – не книжка ли о детях капитана Гранта привела вас в университет, а потом – сюда? Как ваше юное сердце сейчас преисполнено благодарности судьбе и Владимиру Клавдиевичу за то, что взял вас в

этот поход, который, как вы это уже поняли, будет беспокойным и полным любых неожиданностей.

Опасным.

Вас окликают Десулави, зовёт подойти:

– Смотрите, молодой человек, – тычет он сучком, подобранным у оголённых корней. – Это чьи следы?

Неужели тигра? – мелькает в вашей голове.

– Ну что, испугались? – ботаник легонько толкает в бок. – Завтра поставите здесь капкан и привезёте тигровую лапу или хвост в подарок вашей мадемуазель. У вас ведь в Москве есть юная особа, ждущая вас с дальневосточными трофеями?.. Не волнуйтесь, это след старый и, возможно, не тигра, а барса... Или не барса, а так, одно воображение...

Так или чуть иначе начиналась та экспедиция 1911 года? Доподлинно не установить. А как хотелось бы, очень хотелось перенестись из нашего времени в начало минувшего века и оказаться у дикого «лукоморья», вдохнуть полной грудью тот неповторимый воздух, в котором пряный дух тайги перемешан с испарениями безбрежных вод и разных морских диковин, разбросанных по берегу! Теперь-то в этих местах, наверное, пробита дорожная колея, тайга прорублена полосами и возвышаются над ней мачты с высоковольтными проводами. А может быть уже трубу газопровода тянут!

Так или иначе...

На другой день, только солнце стало подниматься из-за моря, как отряд то берегом, то тайгой зашагал в означенный штабс-капитаном район, где их ждало «дело». Жандармов и лесную стражу уже знаем какое. А студентов, ботаника Десулави, да и самого Арсеньева – находки.

Дальше, пожалуй, можно «перескочить» сразу в конец путешествия и привести перечень «трофеев» – не боевых, а научных.

Арсеньев со студентами вёл так называемые фаунистические наблюдения и сборы. Отловили чуть ли не тысячу одних только жуков. Отряд обследовал район севернее бухты Терней. Южнее пять лет назад флору тут изучил член первой большой экспедиции Арсеньева Н.А. Пальчевский, а вот в этом районе нога ботаника действительно не ступала. Десулави был просто счастлив, что ему выпало попасть именно сюда. Он был уверен, что его ждут пусть небольшие, но открытия. Все растения собирались для гербария в нескольких экземплярах, так как заранее обещано было выслать их знаменитому петербургскому ботанику И.В. Палибину, в Ботанический музей Академии наук и в Хабаровский музей. Кстати сказать, Арсеньев отправил Палибину собранный лично им гербарий – 768 растений!

Десулави «перегнал» начальника экспедиции – им было собрано более 800 растений.

Что же касается открытий, то одно специалисты признали существенным. Десулави и Арсеньев установили точную границу между так называемой маньчжурской флорой, то есть растениями, характерными для районов, простиравшихся с юга из-за границы и характерных, в частности, для Маньчжурии, и флоры, которую исследователи «окрестили» охотской, по названию моря к северу от впадения Амура в районе Татарского пролива. Заключение было сделано такое: переход от одной флоры к другой в этом районе очень резок. Хотя ранее предполагалось, что южные растения должны бы приспособиться к более суровым климатическим условиям и как бы «раствориться» во флоре, характерной для северных широт.

Это открытие вошло в ботанические атласы.

Знал Арсеньев, кого взять в эту экспедицию в качестве опытного ботаника. Он с Нумой (Арсеньев называл его Николаем) Августовичем, бывшим на 12 лет его старше и, естественно, куда глубже разбирающимся во всём, что касалось флористики, познакомился ещё лет пять назад, пригласив принять участие в своей первой экспедиции. Скоро у них завязались дружеские отношения. Позднее Арсеньев, работая над книгой «В горах Сихотэ-Алиня», около фамилии Десулави делает такую пометку: «...Известный флорист и альпинист (это слово В.К.А. употребляет в значении: человек, изучающий альпийскую флору. – Б. С.). Мужчина 45 лет, несколько сухопарый, роста выше среднего, темный шатен, носивший усы и небольшую бороду. Обладал очень покладистым характером. Общая симпатия». Как бы продолжил он характеристику своего коллеги в письме одному из своих корреспондентов: «Н. А. Десулави – личность очень интересная, в высшей степени симпатичная, человек интеллигентный, образованный...».

Нам неизвестны отзывы ботаника об Арсеньеве. Но то, что последний характеризовал Десулави объективно, вне всякого сомнения. Поэтому почти с полной уверенностью можно утверждать, что Нума Августович мог бы «зеркально» отозваться о человеке, с которым пуд соли и не съел, но был в трёх экспедициях.

Так в «отражении» своих товарищей мы можем увидеть, каков был наш герой.

Чем же ещё занимался, конечно, с помощью студентов, сам Владимир Клавдиевич? Он продолжал копаться в земле, так как археологией, как мы уже знаем, «болел» давно. Раскрывал старые могилы орочей, собирал скелеты, натываясь на древние городища, еле заметные старинные дороги, тропы и рвы, обозначал их на картах, зарисовывал и даже фотографировал. Всё это подтверждало предположение учёных, исследовавших Уссурийский край до него (хотя

до этих мест и не добравшихся), что ранее тут жили куда более многочисленные племена, а возможно, и целый народ.

Как же радовался Арсеньев, найдя две стоянки, которые он отнёс к каменному веку! Стали их раскапывать и наткнулись на каменные топоры, стрелы, скребки, кости, раковины...

Любую встречу с местными туземцами Арсеньев использовал не только, чтобы прояснить их нынешнее положение, но и как этнограф, найти ответы на волновавшие его специальные вопросы. Он, например, фотографировал «лесных людей», чтобы учёные точнее могли представить их физический облик, просил раздеваться и снимал их голыми.

Для этого приходилось использовать все дипломатические ухищрения и уговоры.

Надо заметить, что «русскому капитану» как-то всегда удавалось расположить аборигенов к себе. Помогало и знание языков, изучением которых он занимался годами, постоянно пополняя запас слов. Его словарики поражают тщательностью и аккуратностью.

Опишем рассказанную Арсеньевым только одну встречу с загадочными «ламаками». Сообщили ему, что несколько семей, которые этим словом себя называют, живут где-то в среднем течении реки Бира. Наткнулся он на них почти случайно, трое мужчин ловили рыбу. Обратился Владимир Клавдиевич к ним на удэгейском языке, и они его поняли. Завязался разговор. Из расспросов узнал, что в детстве они с родителями жили на реке Хор, а сюда перекочевали не так давно. И происходят они из удэгейского рода, который назывался Ламунка.

Там, на Бире, неподалёку обосновались приехавшие на поселение откуда-то из России казаки. Стали они звать местных дикарей ламаками. Не задались у лесных людей отношения с русскими, вот они и перекочевали в глухое место. Но когда тут, на Бире, спрашивали, кто они такие, так и отвечали: «ламаки».

Вот такой оказалась разгадка неизвестного племени.

Но этого было мало дотошному исследователю. Он просто замучил мужчин своими вопросами, пытаясь выяснить особенности их языка. Значение и смысл каждого не совсем понятного слова переспрашивал, заносил его транскрипцию в книжечку. В конце концов выяснил, что у «ламаков» язык, если можно так сказать, от «классического» языка «орочей-удэхе», народности Уссурийского края, которой дольше всего занимался Арсеньев, отличается: в нём оказалось много слов эвенков и даже якутов. Откуда и как они попали в лексикон «ламаков», предстояло выяснить.

Так закладывались камушки в фундаментальную работу «Страна Удэхе», которую Арсеньев будет писать больше 20 лет.

Но так и не окончит...

Читаешь любую арсеньевскую строчку – в повестях его, в дневниках, докладных, тезисах выступлений, письмах и даже в отрывочных, сделанных на ходу заметках – и снова, и снова убеждаешься в правоте мудреца, сказавшего: «Стиль – это человек». При желании, подобно знаменитому антропологу Герасимову, который по черепам восстанавливал облик древних людей, по написанному Арсеньевым можно «реконструировать» его характер. Это, прежде всего, умение не только не пройти мимо важного для него факта, события, более того, любой подробности, любой мелочи, порой на взгляд другого пустяшной. Вы скажете – педантизм, и будете правы. Видимо, такую черту характера он унаследовал от предков-немцев. Обычно это слово употребляют в негативном контексте. Но пунктуальность, приверженность к порядку, точности вызывало уважение в среде учёных.

Отличало его в лучшую сторону и среди военной «белой кости».

Арсеньев не скупердяничал, не таил в сундуках открытое им. Спешил обнародовать, поделиться прежде всего с теми, кто понимает его, может добытое им оценить. Причём делился не только рассказами о найденном, но и подкреплял написанное посылками, в которых чего только не отправлял! И всё это были, на его взгляд, интереснейшие, удивительные ценности.

Так, рядом с немецким педантизмом уживалась русская щедрость.

Ниже процитируем фрагменты из его переписки тех лет. Вот письмо тогдашнему главе русских географов Дмитрию Николаевичу Анучину. Оно послано вслед за посылкой: «На днях я выслал Вам в исключительное Ваше распоряжение и в дар Музею Московского университета два китайских скелета и два отдельных китайских черепа. Можете быть совершенно спокойны в том, что присланные мною скелеты и черепа действительно китайские. Я отнесся к этому делу с крайней осторожностью. Прежде чем вскрывать могилы, я навёл самые тщательные справки, кто был в данном месте похоронен, когда и какой национальности. Полученные сведения я проверил перекрёстным путём...

Показания об умерших давали мне также китайцы. Они сообщили мне, что оба скелета принадлежат выходцам из Шандуна, а отдельные черепа – китайцам из Чжи-фу, переселившимся в Сунгарийский край, а оттуда перебравшимся к берегам Великого океана. Оба скелета выкопаны в долине р. Тетюхэ, а черепа взяты из могил в заливе Св. Ольги. В могилах были обувь, части одежды, коса, браслеты и шапочка – китайские. Я думаю, что если сами китайцы называют их китайцами, то сомнений быть не может».

Как он уверяет адресата в верности своих выводов!

И на этом «система доказательств» не заканчивается. Далее Арсеньев рассказывает, как хоронят орочей, что кладут в могилу, сопровождая умершего в загробный мир, о форме гробов тех и других и только после этого делает заключение: «...И потому со спокойной совестью могу сказать, что посылкой скелетов не ввел науку в заблуждение». Ниже обещает слать посылки с каменными топорами, стрелами и копьями. Сообщает, что надеется «вскоре получить достаточное количество черепов наших приамурских инородцев».

В следующем письме: «На днях я вышлю Вам ороческую берестяную коробочку, увешанную медвежьими OST-penis'ами. Это уника. Почти уверен, что более достать такой не удастся. Только у старых женщин можно найти такие коробочки. ...Старухи хранят эти кости, как амулеты – OST-penis животного, от которого они произошли, которое дало им жизнь».

Пишет и радуется, что делится сокровищем со старшим коллегой.

Несмотря на то, что «отрывал» от родного Хабаровского музея уникальный, по его мнению, экспонат. Но ведь он будет помещён в московском музее! В конце большого письма обещает: «Я с удовольствием буду посылать Вам, Дмитрий Николаевич, и литературу, и фотографии, и коллекции по антропологии и этнографии края».

Не забывает в конце добавить: «Посылки отправляю безотлагательно почтой».

Казусный случай произошёл в связи с посылкой Анучину костюмов ламутов. Он послал Дмитрию Николаевичу телеграмму, что в Хабаровске после этнографической выставки продаются эти экспонаты «ценою от 40 до 75 руб.», и, видимо, спрашивал, нужны ли ламутские костюмы для музея университета. Анучин шлёт ему письмо: «Дамские костюмы не нужны». «Я был поражён, – отвечает Арсеньев, – до какой степени наш телеграф способен перевирать телеграммы. Представляю себе Ваше удивление, когда вы прочитали телеграмму о дамских костюмах. Сходил я на почту и поругался там как следует!»

И о достоинствах этих экспонатов: «...Мозаичные, меховые, расшитые бисером. Жаль будет, если они попадут в руки профанов. Они могут быть украшениями лучших европейских музеев. С каждым годом ламутские костюмы становятся всё реже и реже, всё проще и проще... Я телеграфировал и в Румянцевский музей, но, вероятно, и там прочитали не «ламутские», а «дамские» костюмы, послал я уведомление и в Академию наук, и в музей Александра III». До чего же действительно был Владимир Клавдиевич деятельным и инициативным, да к тому же настойчивым в том, что затевал, человеком! Даже вот в такой «купле – продаже».

Не пример ли, ко всему прочему, иным нашим учёным?

На этом, терпение!, письмо не кончается. Арсеньев перечисляет, из каких предметов состоит костюм: «1) кафтана, 2) передника, 3) штанов, 4) обуви, 5) шапочки и 6) поясной сумочки». Прилагает и фотографию одного из костюмов. И снова убеждает «потенциального покупателя» (как будто эти костюмы сам шил!): «Если (судя по ней) он Вам понравится, телеграфируйте мне, я попрошу кустарный магазин (где они находятся на комиссии для продажи) послать его почтой через наш музей. Этим мы минуем таможенную и не понесём денежных расходов на пересылку». После подписи с обязательным «глубоко Вас уважающий искренне преданный», следует P.S. «На фотографии же изображена сумочка, расшитая бисером». И второй P.S. «Коробочку с OST-penis'ами высылаю».

И в следующих письмах Анучину, кроме подробных рассказов о своих работах и заботах, всё время о разных «вещицах»: «На днях выслал Вам... кое-что из одежды: 1) ороческая рубашка, 2) ороческие нарукавники, 3) ламутский передник. Прилагаю к ним ярлычки с описаниями... не будьте в претензии, что я послал Вам вещи старенькие, а нарукавники даже помытые»...

В конце этого письма, написанного уже после начала мировой войны, он возвращается к «вещицам»: «...В том, что они старенькие, есть своя доля добра. На них орнаменты старинные. Мне кажется, удалось немного разобраться в их стилизованных рисунках. Прежде всего, там есть голова медведя, рыбы и птицы... Бог даст, я буду в Москве, непременно привезу с собой побольше старинных орнаментов».

А через год опять о скелетах и черепках: «Хочу просить Вас, глубокоуважаемый Дмитрий Николаевич, взглянуть (он прилагает фотографии) на этот негидальский скелет и два черепа и высказать своё мнение. Есть ли у вас негидальские черепа? Если угодно, один из черепов оставьте для своего музея, а скелет и другой череп верните нам обратно в Хабаровск. Если последует Ваше согласие (можно телеграммой), я немедленно вышлю Вам их почтовой посылкой».

С головой был погружён Арсеньев в свою археологию, антропологию, этнографию.

Всё остальное для него отодвинулось на второй план. Даже война. О ней он только упоминает сразу же после выше цитированного абзаца: «Если на войну меня не позовут и если я добуду деньги, то пойду в экспедицию или за Амур на север или снова в Сихотэ-Алинь». И тут же в строку снова о своём: «Нужны ли Вам скелеты и черепа корейские и японские... Прилагаю при этом ярлык для рубашки из кишок ластоногих, которую я послал Вам для Вашего музея несколько дней тому назад».

Письмо датировано 21 февраля 1915 года, а 10 августа 1916 он «теревит» Анучина о том же: «Зимой мною были посланы Вам две посылки с негидальскими костями. Получили ли Вы их?.. Не откажите уведомить меня открыткой или телеграммой, дошли ли до вас эти скелеты? Если они застряли где-нибудь в дороге, я приму меры к их розыску». Читая такое, можно подумать, что наконец-то чиновника по особым поручениям оставили в покое и он в музейной тишине, или, вспомним модное выражение тех лет, «в башне из слоновой кости» изучает рубашки из кишок ластоногих и кости туземцев.

Но ведь было совсем не так!

Это письмо в Москву он писал из... Харбина, в котором жил уже два месяца. Как он там оказался? Послал Гондатти. «На меня, – чуть ниже в том же письме, – возложено общее руководство и наблюдение за отправкой китайцев в Европейскую Россию». Но для чего отправляли их туда — умалчивает.

Снова какое-то секретное поручение?

Дальше из письма узнаём, что он в Харбине также «...усиленно занялся изучением маньчжурского языка. Думаю, что в два-три года осилю его». Он рассказывает, почему этот язык ему необходим: «... народы, с которыми мне приходится вести дело, среди которых мне приходится работать по этнографии, в языках своих имеют маньчжурские корни».

Но и этого тут ему мало: «Здесь в г. Чань-Гуне у нашего консула Лаврова и у окружного врача Мозалевского есть две очень богатые коллекции по буддизму. И с этой стороны мне удалось пополнить запас знаний. Какая красивая и возвышенная религия! Наше христианство является только сколком с буддизма». С последним утверждением Арсеньева вряд ли можно согласиться. Видимо, он просто был загипнотизирован коллекцией Лаврова, которая считалась одной из крупнейших в мире. Письмо заканчивается так: «...Никогда инородцы в Приамурском крае не находились в таком бедственном положении, как за последнее пятилетие. Печальная картина».

И за границей не оставляли мысли о судьбе «малых братьев» по тайге.

Секретные экспедиции 1911-1913 годов были, говоря образно, крутым и рискованным «подъёмом» нашего героя на, пожалуй, самый высокий «перевал» в его жизни.

И во многом успешным.

Что в полной мере подтверждает вышедшая в 2014 году во Владивостоке книга об этих экспедициях действительного члена Русского географического общества Ивана Егорчева. В её название

автор вынес первую строку доклада штабс-капитана Арсеньева на имя генерал-губернатора Гондатти: «Согласно личного приказанья Вашего Высокопревосходительства...». Работу автор проделал большую. Много документов, ранее недоступных не то что для широкого читателя, но и специалистов, в книге приводятся полностью. И подробно комментируются. А сколько нового мы узнаём из «исторических отступлений».

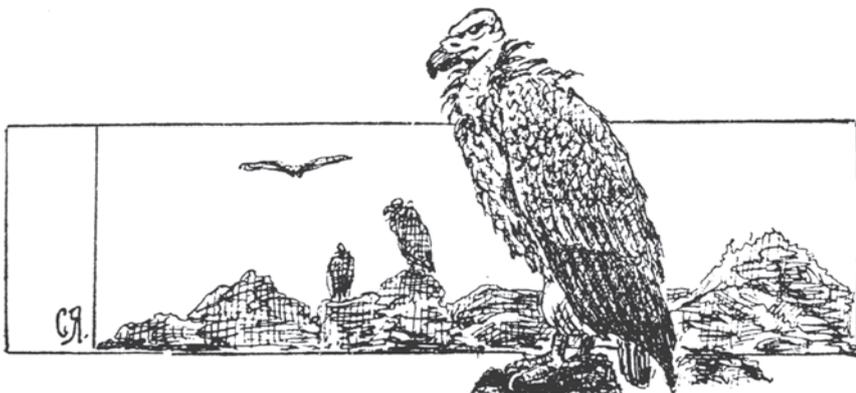
Читателя книги погружают в то время и редкие фотографии Владимира Клавдиевича, сделанные им в походах, в том числе из уникального немецкого издания работы Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае», а также вычерченные им карты. Видеоряд завершают выразительные фотопейзажи Ивана Егорчева тех мест, где когда-то ступала нога великого путешественника...

На новом «перевале» Арсеньев находился почти всё второе десятилетие века. Он стал, как мы уже видим, жить, не только отдавая всего себя делу, но и будто знал, что надо «выкладываться». Ибо что его ждёт впереди, Бог его знает... Может быть понимал, что империя стоит на краю пропасти, что завтра надвинется на Россию завеса непогоды и тьмы. Поэтому, пока светит солнце, надо успеть, успеть...

Какая уж там личная, размеренная жизнь, какая там семья, забота о здоровье, отдыхе и о том, что уже тогда стали называть модным английским словом «комфорт»... Хотя последнему он был не чужд, но редко пользовался...

Его, ещё раз повторим, вёл по жизни «инстинкт дикаря».

Глава VI ТРЕТИЙ ПЕРЕВАЛ

- *Круг друзей и интересов* • *Карандаш, перо и бумага*
- *Жизнь со скитальцем* • *Царский подарок*
- *Рукопожатие на берегу Амура*
- *Острые грани «жёлтого вопроса»*
- *Под сумрачным небом* • *Туда, где за тучей белеет гора*
- *Полуостров полупорядков*

Тяжелы и полны неожиданностями переходы через лес стеной, буреломы, гари, густые, переплетённые лианами кусты и подлесок, нагромождения скал, осыпи, горные речки, а зимой – глубокие снега, коварные польны, трескучий мороз... «За день так уходишься, что еле-еле дотащишься до бивака» – одна только строчка из Арсеньева.

Но ещё тяжелее подъёмы в горы и спуск с них.

Тут все силы отдашь, а внимательность какая нужна, сообразительность, отвага!

«Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт!» Услышь Арсеньев тогда это весёлое присловье туристов наших дней, вряд ли принял бы его за остроумную шутку. Он лез, за ним стрелки, рядом отважные молодые люди, мечтающие стать учёными. Не спрашивали: «надо?» – карабкались молча.

А командир уже под самыми небесами. Как не вспомнить строку классика: «...один в вышине стою над снегами у края стремнины...»

Непередаваемое чувство высоты.

Описания каждого пройденного Сихотэ-Алинского перевала из арсеньевских дневников потом перекочевали в книги. Иногда они скупы, но чаще – с подробностями восхождения и спусков.

Открываем его первую повесть: «Подъём был медленный и постепенный... Там, где было круто... или зигзагами. Чем выше поднимались, тем больше иссыкали ручьи... Через час мы достигли гребня. Здесь подъём сразу сделался крутым, но ненадолго... Я прошёл немного по хребту и стал смотреть... Весь хребет покрыт густым хвойно-смешанным лесом... Высота перевала, на котором мы находились, равнялась 980 метрам. Я окрестил его именем К.И. Максимовича, одного из первых исследователей Уссурийского края.

К востоку от водораздела, насколько хватало глаз, всё было покрыто туманом. Вершины соседних гор казались разоблёнными островами... К западу от водораздела воздух был чист и прозрачен...

Спуск... был крутой. Перед нами было глубокое ущелье, заваленное камнями и буреломом. Вода, стекающая каскадами, во многих местах выбила множество ям, замаскированных папоротниками и представляющих собой настоящие ловушки. ...Спускаться по таким оврагам очень тяжело.

Описание без восклицательных знаков. К ним редко прибегал Владимир Клавдиевич, как и к рассказам о своих затаённых чувствах и сокровенных мыслях, что рождались на горных высотах. Всё в об щем-то обычно и даже буднично. Были перевалы и раньше. Будут ещё впереди.

И не один...

Его биография так похожа на путь по горам: вверх, вниз... Жил он от перевала к перевалу, из туманной стороны в солнечную и обратно.

Не заскучаешь.

Первый, не такой высокий, перешёл, когда из семейного гнезда выпорхнул.

Преодолел второй, в прямом смысле перевалив из Европы в Азию через Уральские горы, и покатил на Дальний Восток. Экспедиции, начиная с 1906 года, можно сравнить с его переходами от одной взятой высоты до другой: подъём-спуск, подъём-спуск...

Свой третий «перевал» Арсеньев начал с подъёма на довольно большую высоту, которая оказалась... Оказалась похожей на ту, которую описал в своей второй повести: «Высота 875 метров... Передо мной была возвышенная равнина вроде плоскогорья... Я решил пересечь плато и спуститься к воде по другую его сторону. Но сколько мы ни шли, конца его не было видно».

Примерно на таком перевале-плато станет жить и действовать наш герой с начала второго десятилетия XX века.

Внешняя канва жизни и деятельности Арсеньева в эти годы вкратце была такова. «Секретные экспедиции»; поездка в Петербург и в Москву; встреча с Фритьофом Нансеном; командировка в феврале 1912-го – года своего сорокалетия – в Бирские каменноугольные копи; в 12-м же произведён в капитаны, а через год уже стал подполковником; в октябре – декабре 1915-го переход «пешим порядком» от поста Св. Ольги до Владивостока, а оттуда до Никольск-Уссурийского. Цели этого перехода не разглашались; декабрь – командировка в Посъетский район; в апреле 1916-го поездка с генерал-губернатором Н. Л. Гондатти по ряду приморских населённых пунктов с заездом опять во Владивосток, летом того же года командировка в Маньчжурию. Когда находился в Хабаровске, много времени проводил в музее. С 1910 года его туда назначили директорствовать «на общественных началах».

Лишь примерно с 1917-го для него начнётся спуск с «плато»... Но мы на нём задержимся.

Владимир Клавдиевич отличался открытостью, доброжелательностью. Умел быть благодарным и находил всегда случай это засвидетельствовать. Прочтите его предисловия к книгам. Скольких лиц он называл, кто, как он писал, «так или иначе способствовали моим начинаниям».

Со ставшим уже в советские годы крупным учёным, а в конце XIX века отбывавшим каторгу на Сахалине за участие в партии «Народная воля» Л.Я. Штернбергом, автором многих трудов по этнографии, Арсеньев сойдётся как раз в 1910 году. Первое письмо ему он написал вскоре после отъезда Льва Яковлевича из Хабаровска на пароходе на нижний Амур к орочам летом. Он извиняется, что не сумел его проводить: «Совершенно случайно получил предписание вступить в дежурство взамен заболевшего товарища. Это было в три часа дня. Я послал своего вестового с письмом на пароход, но он не узнал Вас и письма не передал».

В каждой строке снова узнаём характерную арсеньевскую обязательность, готовность помочь гостю, располагающую доверительность.

Владимир Клавдиевич сообщает, что «все Ваши коллекции отправил в Петербург малой скоростью». Далее идут подробности. «Ящики я отправил, заделал дыры, – одним словом привёл в полный порядок». И дубликаты накладной в этнографический отдел Импер. Академии наук послал, «чтобы в Петербурге коллекции могли получить в Ваше отсутствие, а то придется платить много денег за хранение ящиков в пакгаузах».

И не мог не добавить: «Я думаю, ящики дойдут без поломок,

но поручиться за внимание к чужим интересам жел.-дор. администрации не могу. Ведь эти чёрствые люди ни за что не поймут, какую ценность представляют эти вещи. У них мерило одно – это деньги».

Но самое интересное место в письме – о планах Арсеньева на будущее: «Я думаю, что в два года закончу книги по Уссурийскому краю. Первую часть я думаю написать исключительно в научно-литературном духе... Вторая часть – чисто научная... Вижу необходимость остановиться на одной какой-нибудь специальности. Всё же я очень рад, что изучение этих наук... значительно расширило мои горизонты. Закончив с ними, как с общеобразовательными науками, я думаю года два-три специализироваться в Петербурге. Всё это пока одни мечты. Осень покажет, в какую форму выльются мои хлопоты».

Понимал Владимир Клавдиевич, что цыплят по осени считают. И, кажется, предчувствовал, что мечтам не сбыться.

Арсеньев со Штернбергом долго переписывались. «...Я много обязан ему своей научной подготовкой. Он давал мне задания, советы и делал дружеские укоры в тех случаях, когда я... увлекался и самовольничал», – писал Арсеньев другому близкому ему по взглядам учёному академику С.Ф. Ольденбургу.

Штернберг, надо сказать, был прям в оценках работ Арсеньева. Так, прочитав доклады, сделанные во время поездки в Харбин, он писал молодому коллеге (письмо от 20 февраля 1917 года): «Доклады в «Вестнике Азии» я читал и должен Вам сказать, что на этих вещах лежит печать поспешности и вследствие этого некоторой несерьёзности». Приведя конкретные примеры, учёный честно продолжил в том же духе: «Много, много неточного и поспешного в Вашей статье (имеется в виду «Этнологические проблемы». – Б. С.): это всё результат провинциальной работы, а это жаль... Тяжело мне огорчать Вас своим отзывом, но думаю, что для Вас полезно выслушать искренний голос весьма расположенного человека».

Такие «дружеские укоры» и, заметим, какие деликатные, шли Арсеньеву, конечно же, на пользу. Он радовался каждому новому знакомству с людьми, близкими ему по духу и интересам. И с живущими в крае, и с приезжими.

А если это был кто-то из давних его товарищей, то вдвойне.

Такая встреча вполне могла произойти... Например, в конце лета 1910 года.

По широкому коридору резиденции генерал-губернатора быстро шел штабс-капитан Арсеньев. Портьеры на высоких окнах были распахнуты и на паркете лежали косые солнечные квадраты. Сейчас за Амуром так привольно! – стараясь отвлечься от неприятных

мыслей, думал он. – Взял бы, кажется, и пошёл, как Христос, на тот берег по водной глади... Но как вырваться? Удумали меня в Сызрань демобилизованных сопровождать! – и чуть не чертыхнулся. – Вот если бы разрешили потом в Питере и в Москве побывать, тогда эта поездка оказалась бы весьма кстати!

Впереди себя увидел спину плотного офицера, на плечах погоня полковника. Шагал он усталой походкой плохо выпавшегося человека, чуть склонив массивную голову на полной шее.

Не из наших... Арсеньев стал, как его учил Дерсу, отгадывать, откуда и кто он таков. – Приехал недавно, утром как раз приходит курьерский с запада... Допоздна играл в вагоне в покер... И потом – так ходят шаркуны в Генштабе. Не иначе оттуда...

С ревизией?

Почти догнав полковника, сбавил шаг: обгонять старшего по званию неприлично. Но только мелькнуло в уме слово «ревизия», да ещё взглянув внимательно на оттопыренные уши идущего, Арсеньев тотчас узнал его! В какую-то секунду промелькнула картинка из петербургского прошлого: сценка из «Ревизора», в юнкерском её как-то ставили, и он играл Хлестакова, а городничего его закадычный дружок, однокашник, были тогда с ним не разлей вода, вместе на Неву ходили гулять, книжками обменивались, всё соревнуясь, кто больше прочтёт... И ещё... И ещё...

Сцены юности вспыхивали так ярко. «Да не может быть! Он? Не он? Окликнуть?»

Решился. В затылок тихо произнёс:

– Анатоль?

Полковник оглянулся. Розовое одутловатое лицо, модная стрижка, умные глаза, посмотревшие на штабс-капитана недоумённо. Но тут же губы его растянулись в широкой улыбке, а руки приподнялись:

– Вольдемар!

И друзья крепко обнялись. Начались восклицания, похлопыванья по плечам, распросы.

– Куда торопишься? Ну, погоди! – полковник увлёк Арсеньева к окну:

– Дай-ка я тебя разгляжу хорошенько... Что-то ты в штабс-капитанах, мой друг, засиделся, – увидев, как чуть досадливо улыбнулся его друг юности, полковник сказал:

– Наслышан, наслышан о твоих дерзких рейдах, знаю и о твоих наградах... Когда же мы с тобой, Владимир, последний раз виделись? Вспомнил! На твоей свадьбе с Кадашевич! Как сейчас Анна, какая она? Сколько же воды в Неве с тех пор утекло!

– И в Амуре, – проговорил Арсеньев, вглядываясь в пополневшего и ставшего таким значительным товарища.

– Ну, только не будем разыгрывать толстого и тонкого, – снова приобнял его Анатолий. – Приглашай в гости, расскажу много интересного.

– Да, да! – снова заторопился Арсеньев, – буду рад тебя видеть! Жду сегодня же! И Нюся очень будет рада. Познакомлю с сыном, с близкими друзьями. Вот адрес, – Арсеньев протянул визитку.

Анатолий – лицо нами выдуманное. Он понадобился, чтобы «войти» в атмосферу, в которой жил наш герой, в круг его тогдашних интересов и тех, с кем он дружил, – молодых людей, составлявших в далёких от столиц городах, как Иркутск, Хабаровск, Владивосток, тонкий слой интеллигенции, в жизни которых – куда деваться? – был тот самый налёт провинциальности, за который справедливо упрекал Арсеньева Штернберг. Не хватало им общения с авторитетами, трудно было следить за всем новым, что происходит на «культурном западе», ведь сюда периодика и новинки литературы доставлялись с большим опозданием.

Приходилось вариться «в собственном соку».

Правда, были в этом и свои преимущества. Пример Арсеньева тому лишнее подтверждение. Где, как не в провинции, развивалась

Переселенцы.

Рисунок из книги «Город нашеньский». Владивосток. 1970 г.

чертовская жадность к накоплению знаний, открытость в общении со всеми, кто может с тобой чем-то поделиться – важным, новым, значительным, поражающим воображение, а не слухом или сплетней и даже не каким-то модным поветрием, к чему так восприимчивы пресыщенные околотуристические столичные «слои». Да и здорый скептицизм провинциалов, их в какой-то степени консерватизм (сейчас, в постсоветской России, сторонники консерватизма добавляют к нему прилагательное «просвещённый») часто спасали от опрометчивых шагов.

То «влево», то «вправо».

Но чтобы «не закиснуть», надо было обладать многими качествами. Сохранилось письмо Владимира Клавдиевича к учёному А.А. Емельянову (от 24. IV.1915), в котором он с публицистическим запалом по сути говорит о своём жизненном «кредо», объясняя, с какими людьми ему хотелось сблизиться, а каких – избегать. И – шире. О своих моральных принципах, о нравах тогдашнего общества.

Да только ли тогдашнего? Читаем:

«Людей, изучающих край в естественно-географическом и этнографическом отношении, так мало, что видеться и побеседовать с человеком, «живым» и одинаково думающим, мне доставляет удовольствие. Встречаться с такими людьми в Приамурском крае приходится не часто! Приглядываясь к различным «обществам», я убедился, что работников в них бывает всегда очень мало. Большинство членов не более как «трутни», иногда даже мешающие работать. Карьерные соображения берут очень часто верх над самыми элементарными понятиями о добропорядочности. Глядя на карьеристов и прожигателей жизни, невольно удивляешься их самомнению и в то же время ничегонеделанию. Невольно напрашивается вопрос: к чему эти люди учились!? Где те красивые студенческие идеи, слова, порицания чиновнического отношения к делу и т.д.!? Сплошь и рядом видишь людей, получивших солидное естественно-историческое образование и занимающихся карточной игрой, выпиванием водочки, сплетнями, пересудами, танцами, флиртом и «болтовнёй»...».

Мы уже знаем, что Арсеньев жадно использовал время между экспедициями для творчества, самообразования, встреч, как он писал, с «живыми» и одинаково думающими людьми. Анна Константиновна вспоминала, что их квартира часто представляла настоящую университетскую аудиторию в миниатюре: «Регулярные еженедельные сборы, обычно по средам, учёных-друзей Владимира Клавдиевича назывались «занятиями». Первая «среда» собиралась осенью, последняя в мае. Постоянными «занятовцами» были ботаник Десулави, этнограф Лопатин, автор книги «Гольды», лингвист Азадовский,

естественник Гамаюнов, биолог Котов, охотовед Дзюль, искусствовед Свиринов, топограф Ахмамиев, краевед Михельсон.

«Занятовцы» прибывали точно к семи часам. Владимир Клавдиевич не терпел задержек и за минуту опоздания делал замечание. Среда начиналась в гостиной с краеведческого сообщения очередного докладчика. Далее гости рассказывали о новом в науке или предлагали тему для обсуждения и спора. Показывались новые фотографии, карты, книги и рисунки. Самым горячим и неутомимым докладчиком, спорщиком и критиком был Арсеньев. После пяти часов «научного шума», как я говорила об этих занятиях, ровно в полночь хозяин бил в гонг и затем следовал ужин до трёх и четырёх часов ночи».

Подтверждает эти воспоминания и одно место из письма Арсеньева Понятовскому: *«Время у нас не проходит даром. Мы по примеру прошлого года собрались в числе четырёх человек и проходим курс этнографии. Сейчас мы читаем четвёртый том Харузина – «Верования и Религия». Отдельно я перечитываю Ратцеля. На очереди Тейлор, Леббок и Обермайер...».*

Вот как надо жить, чтобы не отставать от времени, что ежесекундно предъявляет всем счёт.

В придуманной встрече на квартире нашего героя со столичным гостем будут приведены только реальные факты и сведения из российской хроники тех лет, а мысли и высказывания Арсеньева взяты из его собрания сочинений.

...Гость расцеловался с хозяйкой, Владимир Клавдиевич провёл его в гостиную, познакомил с каждым из пришедших. Кто-то сразу спросил, знает ли старый друг хозяина дома о подробностях экспедиции штабс-капитана Георгия Яковлевича Седова, объявившего в марте о своих амбициозных планах покорения Северного полюса. Заспорили о том, сможет ли «Святой Фока» пройти сквозь льды. Владимир Клавдиевич был настроен скептически:

– Боюсь, что ничего у Седова не выйдет...

(Через год «Святой Фока» застрял во льдах где-то в районе Шпицбергена, Седов отправился по ледяной пустыне к Земле Франца Иосифа на собачьих упряжках, заболел и умер. Похоронен был на мысе Острова Рудольфа.

Об этой неудачной экспедиции Арсеньев писал так Борису Михайловичу Жидкову: «Экспедиция Седова повергла меня в уныние. Что это, в самом деле? Неужели мы не такие люди, как другие: американцы, немцы, англичане? Неужели в погоне за золотом и за лаврами можно на карту ставить своё достояние, честь, интересы общества, интересы науки, интересы России?! Грустно, очень грустно! Не таким путём добываются лавры! Нужен скромный,

но упорный и честный труд. Представьте себе, когда я прочитал об экспедиции Седова, у меня сразу явилось к нему недоверие. Мне было ясно, что экспедиция научного значения иметь не будет. Так оно и вышло».)

– Если уж зашла речь о нашем путешествующем брате, – продолжал Владимир Клавдиевич, – то, наверное, ни вам и ни Анатолию ничего не скажет такая фамилия — Зеленин? Нет? А я тут о нём выкопал крохотное сообщение в «Ведомостях». Этот скромный этнограф недавно прошёл по глухим сёлам Вятской и Пермской областей и записал 200 народных сказок. Скажете, невесть какое дело? Я тоже записывал предания, легенды и сказки туземцев – какая же бездна поэзии, какое необычное понимание истории своего рода, племени! Всё ведь это хранится в памяти старых людей... Вымрут они, и кто нам тогда что расскажет?

Гость заговорил о последнем путешествии Петра Кузьмича Козлова. Он был на одном из собраний, где тот выступил и сообщил о недавно найденных им в пустыне Гоби 2000 книг древнего народа, жившего когда-то на территории нынешнего Китая.

– Раскопал развалины разрушенного ещё Чингисханом древнего города, – добавил Арсеньев, – и нашёл такое сокровище! Событие мирового значения! Вот поеду в Петербург, обязательно с ним познакомлюсь.

(Это скоро произойдет, и Арсеньев будет со знаменитым исследователем переписываться. Когда началась русско-германская война и Арсеньев узнал, что Козлов мобилизован, он написал ему 1 августа 1915 года: «Берегите себя на войне! Ваша жизнь для нас дорога. Полковников много, а П.К. Козлов один: полковника найдут кем заменить, а Козлова не заменят».)

Зашла речь о технических новинках. Как раз в 1910 году состоялось первое опытное телеграфирование по проводам между Москвой и Ярославлем, Москвой и Вологдой, первый полет русского летчика Михаила Ефимова на самолете «Фарман-4».

– Я был, – рассказал Анатолий, – на полётах французского воздухоплателя Леганье на биплане Руазена. Зрелище удивительное: тяжёлая неуклюжая «птица» поднялась, жужжа, всего-то на несколько сажень и села. Потом ещё и ещё раз – под восторженные крики толпы.

Заговорили о том, что такие открытия могут дать для более успешного изучения нашей земли. Кто-то мечтательно сказал:

– Доживём ли мы, господа, до тех дней, когда с высоты полета орла сможем оглядеть наши города, леса и моря?

– И сфотографировать их оттуда! – добавил другой.

– А потом по радиэфону передать Владимиру Клавдиевичу, что...

– Пора подкрепиться! – перебил весело третий. И тут Анна Константиновна пригласила всех к столу. За ужином разговор оживился, поднимали бокалы, звучали тосты, снова просили рассказать питерца о жизни в России, вспомнили о недавнем обещании нового председателя Государственной думы А.И. Гучкова принять законопроект о пенсиях офицерам и пересмотреть устав о воинской повинности...

– И ещё о всеобщем начальном обучении, – добавил Владимир Клавдиевич, увидев стоящего в дверях гостиной сына, и добавил, уже обращаясь к нему:

– Сударь! Вам пора спать.

Волю как ветром сдуло, а хозяин повернулся к Анатолию:

– Ну, как наш сын? Правда, из-за встречи с тобой сегодня не успел проверить его домашние задания.

– Он весь в тебя, только лицом в Анну, – ответил Анатолий и предложил выпить за семью друга, за радушную и хлебосольную хозяйку.

Вспомнили ещё об одном всколыхнувшем Россию событии – уходе из Ясной Поляны Льва Николаевича Толстого... Заговорил гость о литературных новинках:

– Недавно вышли две любопытные книжки: «Конь бледный», автор её скрылся под псевдонимом В. Ропшин, но все уже знают, что написал опус эсер Савинков. Нарасхват первая часть повести Александра Куприна «Яма» – все ждут продолжения сей скандальной вещицы... Скоро, думаю, эти книги в продаже и у вас в Хабаровске появятся. А вам, дорогая Анна, так и быть, пришлю новый роман мадам Вербицкой «Ключи счастья», моей супруге очень понравился.

Расходились, как всегда, за полночь. Арсеньев провожал гостя. С Амура дул свежий ветер, раскачивая деревья в сквере. В небе висел только что народившийся месяц. Дома погрузились во тьму, и Арсеньеву казалось, что они идут по лесной дороге. Анатолий мурлыкал одну из последних песенок Вертинского о маленьком креольчике, оборвал её на полуслове и сказал:

– А что ты, Вальдемар, не спрашиваешь, зачем я сюда приехал?

– Я и так догадался, – повернулся к нему Арсеньев,

– Да, всегда знал, насколько ты проницателен.

– Проницательность моя объясняется просто. Генерал проговорился: «Ваш одноклассник хочет вас завербовать».

– Да, друг мой, я сейчас переведён в новое ведомство, на которое на недавнем совещании в Генштабе возложена организация контрразведывательной службы. Завтра отправляюсь в Китай.

– Читал в секретке о вашем совещании. Что же, дело важное. Мы с тобой оба хорошо понимаем: новая война неизбежна и, может быть, даже вспыхнет одновременно и в Европе, и в Азии... Тут у нас, под боком.

– Пойдёшь к нам? – Анатолий остановился.

Арсеньев положил ему руку на плечо, улыбнулся:

– Да я и так у вас! Правда, «по совместительству»... Но хочу ещё серьёзно заняться...

– Наукой? Я, как только с твоими друзьями познакомился, понял...

– Науки юношей питают!.. - продекламировал Владимир, приобняв друга. А посерьёзнев, признался, - страшно увлекло бумагоманье. Хочется соединить эту самую науку с популярной формой изложения, чтобы юноши ею питались не только с пользой, но и с увлечением. Кстати, сейчас дописываю одну серьёзную книжку, которая тебе, думаю, очень поможет во многом тут у нас разобраться. О китайцах, что живут на наших землях. Кое-что удалось узнать об их тайных организациях, они, понимаешь, сплели, как пауки, целую сеть...

– Очень любопытно!

– Тогда я тебе дам вторые экземпляры уже готовых глав рукописи, хорошо?.. А вот и твоя гостиница. Будь здоров! До завтра!

Друзья обнялись и разошлись.

(В книге «Китайцы в Уссурийском крае» В.К. Арсеньев вот что писал о той самой «сети»: «Деятельность общества взаимопомощи и всех вообще торговых ассоциаций тесно связана с политическими обществами (Гуан-и-Хуэй) и не ограничивается одними городами, а распространяется по всему краю, где только есть китайцы, будь то земледельцы, купцы, охотники, искатели женьшеня или промышленники на берегу моря. Эти ответвления вырабатывают свои правила, обязательные для всех... В нужный момент эти организации все сразу объединяются в совместной работе и тогда выступают, как компактная сила...

Те многочисленные китайские ассоциации, которые разбросаны по всему Уссурийскому краю, по моему твердому убеждению, являются ничем иным, как автономными ответвлениями тайной и внешней политики Китая... Тут многих решений быть не может, тут есть только один исход – это разрушение всяких политических и торговых китайских ассоциаций».)

Проводив друга взглядом, Арсеньев пошёл не в сторону дома, а к Амуру. Он долго бродил, ни единой души не встретив, по заросшим дорожкам парка у крутого утёса, стоящего над быстрыми водами могучей реки.

Ему не хотелось идти домой.

Арсеньев писал от года к году всё больше. Упомянем многочисленные служебные записки, отчёты, доклады «по начальству», в которых содержалось немало дельных предложений и важных прак-

тических выводов. Кроме дневников, подразделяя их на «путевые» (подённые записки), «дневники метеорологических наблюдений» и «журналы астрономического определения пунктов», он часто заносил в так называемые «рабочие тетради» разные мысли, интересные выписки из прочитанного. Всегда носил с собою записную книжку. Дома ночами просиживал за письменным столом.

Без пера и чернил или карандаша жизни не представлял.

Что же до вклада в науку... Вот как написала Анна Ивановна Тарасова в своей монографии лишь о его открытиях в области этнографии: «...Он впервые дал наиболее полную и чёткую картину расселения народов русского Дальнего Востока, изучил их историю, условия жизни и быта, материальную и духовную культуру. Он является автором одного из первых вузовских курсов этнографии дальневосточных народностей и глубоким знатоком природы Дальнего Востока – географической среды обитания этих народностей».

Подробно изучила хабаровская учёная С.В. Гончарова труды Арсеньева «в контексте геополитических проблем Дальнего Востока России», показав в своём труде, насколько весом его вклад в освоение дальневосточных земель, в формирование властными структурами внутренней политики и прогнозирования развития геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и месте в нём российского Дальнего Востока. Много писалось и пишется и других интересных работ об Арсеньеве-учёном.

Не перестаёшь удивляться широте его интересов, пристрастий. И всё он старался доводить, как говорится, «до печати». Ещё будучи молодым охотником, Арсеньев сочинил «Отчет о деятельности Владивостокского общества любителей охоты за 5-летие». Его издали. Вскоре появляется статья «Наблюдения за лососёвыми Зауссурийского края». У его молодых коллег мог возникнуть вопрос: кроме охоты штабс-капитан решил рыбной ловлей заняться? Статья вышла в 1908 году.

Рассказывалось выше и о его сотрудничестве с редакцией газеты «Приамурье».

Любопытно, что запомнила об этой «пробе пера» Анна Константиновна: «Газета «Приамурье» была большой, интересной... Она печатала путевые заметки Володи. За «подвал» (материал, занимающий примерно одну четвёртую часть газетного листа внизу. – Б. С.) Володе платили громадные деньги – 75 рублей. Мясо – 7 копеек фунт. Сапоги стоили 3 рубля. Эта газета и дала толчок Арсеньеву стать Арсеньевым».

Интересна, заметим, последняя фраза.

Но успех этих публикаций, известность среди читателей газеты и столь большие гонорары не соблазнили Арсеньева всерьёз заняться

журналистским трудом. В Короленки или Суворины не метил. Понимал: «это не моё призвание». Путевые репортажи он будет ещё только раз давать в краевую газету – из экспедиции 1927 года. Публиковался в периодических изданиях не часто, ограничиваясь или научными заметками, или документальными рассказами.

Писать он любил или тушью, или чернилами. Почерк у него был аккуратный, округлый, строки вёл ровно, понимал, что, если не найдётся время отстучать текст на пишущей машинке, его будут набирать в типографии по рукописи, глаза же наборщиков надо беречь!

Даже в походы брал письменные принадлежности со своего стола.

Приведём такое замечательное место из повести «Дерсу Узала». Проводник, пишет автор, нёс «роговую чернильницу с завинчивающейся пробкой и наполненную чернилами» и вдруг сконфуженно признался капитану, что потерял, как он объяснил, «грязную воду». Дерсу её очень берёт, потому что «одни слова, говорил он, выходят из уст человека и распространяются вблизи по воздуху. Другие закупорены в бутылку. Они садятся на бумагу и уходят далеко. Первые пропадают скоро, вторые могут жить сто годов и больше».

Какой выразительный образ нашёл его герой! Или писатель Арсеньев?

Но продолжим читать его библиографию. Во втором выпуске за 1911 г. сборника «Живая старина» напечатана, как объявлено, «Программа доклада «Орочи-удэхэ», читанного 18 марта 1911 г. в Отделе НИИ этнографии Российского Географического общества. 1912 годом помечены такие публикации. В Хабаровске вышла серьёзная работа: «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края – 1901–1911 гг.», изданный штабом Приамурского военного округа в двух частях с приложением путевых маршрутных съёмок и карт (кстати сказать, этот «краткий очерк» по объёму превышает иной толстый роман!). В «Приамурских ведомостях» напечатана работа «Река Бира, копи Бирского каменноугольного товарищества и строящаяся Амурская железная дорога».

Скоро выходит солидный труд, который подробно цитировали в четвёртой главе: «Сведения об экспедициях капитана Арсеньева (В.К.). Записки Приамурского отдела РГО». На следующий год в тех же «Записках» публикуются «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края». В 1914 году среди опубликованных в Хабаровске трудов 1-го съезда врачей края – сообщение на тему «Вымирание инородцев Амурского края». В первом выпуске 10 тома «Записок Приамурского отдела РГО» (г. Хабаровск) печатается один из заметных научных трудов «Китайцы в Уссурийском крае. 1900–1908 гг.». О нём мы писали и ещё расскажем особо.

За прочитанный на эту тему доклад в Петербурге он был награждён малой серебряной медалью Императорского Русского Географического общества. Его опубликовали в 1915 году в столичном сборнике отделения этнографии РГО.

Будучи в Харбине, В.К. Арсеньев отдал в издающийся там «Вестник Азии» сразу пять своих работ. Продолжая работать над монографией об удэхэйцах, стал готовить словарь языка орочей-удэхе, задумав его состоящим из четырех групп: «I) общий по четырем провинциализмам... II) шаманский – на котором шаманы камланят. Орочи говорят, что это их прежний язык, III) язык сказок – поэтический, на котором они поют свои сказки, и IV) технический – весьма сложный». Это отрывок из письма Д.Н. Анучину.

А это его сообщение ему же, помеченное 1914 годом, о том, что взялся за книгу о путешествиях по Уссурийскому краю. Пока он осторожно говорит, что это будет «*физико-географическое описание пройденных маршрутов*». Но о его важности свидетельствует такая строка:

«Эта работа отнимает у меня всё время. Она служит мне стимулом».

Через год Арсеньев пишет Комарову более определённо: «Только что закончил свой большой труд «По Уссурийскому краю», ...но не могу пустить в печать, пока не проредактирую всё то, что касается растительности». Сообщает и А.А. Емельянову (9 апреля 1916 года): «Сам лично занимаюсь литературой и только что закончил свой большой труд», и Л.Я. Штернбергу (7 октября 1916 года): «Не могу приступить к печатанью своей работы 800 с. (она совершенно готова), из-за бумажного голода придётся печатать на будущий год».

Но и в 1917 году «По Уссурийскому краю» не удалось пристроить в типографию. «...Теперь затруднения... возникают из-за бумаги» (из письма к Анучину от 28 января 1917 г.).

Писал, значит, книгу о Дерсу около четырёх лет.

Выйдет через пять.

Арсеньев старался походить на тех представителей русской науки того времени, которые даже специальные работы писали языком свежим, не избитым, понятным не только учёным, избегали «жвачки», сухомытины. И многие в этом деле преуспевали. Откройте их книги – фамилий называть не будем, их десятки! – и начните читать с любой страницы: не оторвётесь.

Вспомним описания Арсеньевым трудностей путешествий... Язык почти разговорный, читаешь и видишь, как люди идут, преодолевая усталость, любуешься открывающимися взору автора пейзажами, которые, правда, только-только намечены. Так живописец, принимаясь за большую картину, сначала углем осторожно рисует

на холсте робкие штрихи. И только он один видит, какое буйство красок положит со временем на полотно его кисть.

Только нужно найти сюжет.

И героя.

Это время пришло, когда он взялся за повесть «По Уссурийскому краю».

Когда же впервые и кому сообщил Арсеньев о том, что героем его книг станет гольд-проводник?

В 1914 году в Хабаровск приехал этнолог Станислав Понятовский. Он привёз Арсеньеву рекомендательное письмо от Льва Штернберга. Владимир Клавдиевич встретил его радушно, вспомнив тут же о службе в Царстве Польском. Было о чём поговорить... Недавно обнаружены в Польше дневники С. Понятовского (сам он погиб в немецком концлагере в 1944 г.), в которых вот что написано о встречах с дальневосточным исследователем: «В музее застаю В. Арсеньева. Худощавый, немного выше среднего роста, лет 40 (как он сам сказал позже), лицо с немного суровым, но очень симпатичным выражением. Мы разговорились, причём сразу возникла атмосфера как между добрыми знакомыми».

Арсеньев даже пересказывал ему эпизоды из будущей книги: *«Об охоте на тигра или оленя, когда они с Дерсу отправились в ночную засаду около поляны... Дерсу бросил ружьё на землю, упал на колени и обратился к тигру с речью... Как Дерсу промахнулся, стреляя в зверя».* *«Арсеньев был тронут, – пишет С. Понятовский, – и, напомнив старику, сколько раз тот спасал ему жизнь, сказал, что он его от себя уже не отпустит».*

Получается, что главный герой, да и сюжет повести, если не полностью на бумаге, то в голове Арсеньева уже в 1914 году вырисовывался.

Призвание литератора... Если бы оно уже тогда всецело захватило Владимира Клавдиевича! Но ему от многого надо было бы отказаться...

Не мог.

Потому что, пожалуй, был последним в длинном ряду «универсальных людей» России, чей «род» тянулся от гения Ломоносова.

О литературных работах В.К. Арсеньева ещё будет сказано немало. Здесь же приведём мнение литературоведа Игоря Кузьмичёва об их своеобразии. Его книги, пишет он, «не принадлежат ни к художественной литературе, ни к жанру целиком научному. Они написаны учёным, который поставил перед собой конкретную этнографическую задачу, они насыщены познавательным материалом, полученным в результате непосредственных личных наблюдений над природой, – и в этом плане подлинно-научны; что же касается

показа душевных переживаний, обрисовки людских характеров, то в этой сфере Арсеньев проявляет себя как истинный знаток человеческой психологии, хотя, кажется, и не сознающий до конца своей писательской миссии».

Жанр, согласимся, редкий.

Интересные и глубокие мысли о своеобразии повестей Владимира Клавдиевича содержатся в вышедшей в 2013 году во Владивостоке монографии Юлии Яроцкой «Научно-художественное творчество В.К. Арсеньева в контексте развития русской «географической прозы». Это новый серьёзный шаг в дальневосточном арсеньеведении.

А как складывалась в те годы личная жизнь нашего героя?

Был, уже знаем, Арсеньев, большим непоседой. Даже если пробежать по основным датам его жизни, сразу станет ясно, как часто он передвигался из точки «А» в точку «Б» и далее чуть ли не по всем буквам алфавита. Примерный подсчет его «отлучек» из дома получился вот такой. До переезда в Хабаровск проскакал на лошади или прошёл пешком порядком не один месяц, правда, каждый раз не так далеко и не надолго. Но весь его хабаровский период жизни – с начала 1906 по осень 1918 года – отсутствовал дома примерно пять с половиной лет.

Забегим вперёд и сообщим, что за последние 10 лет жизни он отлучался из Владивостока чуть меньше двух лет.

Нами, естественно, учтены лишь заметные его путешествия и поездки по разным служебным делам.

«Странствующий» – вот какое слово лучше других подходит к этой фигуре.

Следом просится второе: «рыцарь». Недаром же Михаил Пришвин поставил его в один ряд с героем Сервантеса. Но если географ Арсеньев и напоминал Дон Кихота своим «стремлением вдаль», то всё же во многом от него отличался. По крайней мере, с ветряными мельницами не сражался. Но, как мы знаем, все странствующие люди романтики. Однако такие люди обычно не очень-то счастливы в личной жизни.

С «вечным странником» жить женщине ох как нелегко!

А тут ещё и жене приходилось вольно или невольно «странствовать»... То, что Анны во Владивостоке не было во всё время русско-японской войны, известно. Но она не раз уезжала в Петербург к родным и из Хабаровска: то из-за болезней, но, вероятнее всего, ещё и потому, что скучно было ей ждать мужа-«бродягу».

Понятно, что это не укрепляло семью.

«До 1910 года, – читаем воспоминания Анны Константиновны, – я мало жила в Хабаровске и Владивостоке. Это было время важных

познавательных экспедиций Володи. Он надолго уходил в тайгу, квартира была дорогой, поэтому я уезжала к матери... Так что годы с 1901 по 1910 я больше жила в Петербурге». А дальше... «Около 1916 года я ездила в Казань, лечиться. Я стала бояться пространства. Вижу Байкал, и мне страшно... Вижу Хабаровскую главную площадь, и мне страшно, улицы и Амур вдали – страшно, не могу шевельнуться. Меня лечил профессор... Володя отнесся ко мне с сочувствием, только иногда посмеивался: «Вот тебя бы на вершину Сихотэ-Алиня».

Характерно, что в этих рассказах нет ни слова о радости встреч с мужем, о горечи расставаний, тоске ожидания его... Впрочем, не раз повторяет: «Мы любили друг друга».

Но что-то не очень верится этому признанию...

В дневниках Владимира Клавдиевича о своей первой жене сохранилась одна любопытная запись. Появилась, когда час расставания, видимо, был предreshён. И потому интересна даже не тем, как Арсеньев относился к Анне. Он и тут сумел не высказать определённо своего отношения. Врождённая скромность? Или скрытность? Точнее, думается, закрытость от постороннего глаза, понимаемая ещё как деликатность, как черта характера человека, воспитанного по нормам морали того времени. Только в объяснительных для суда при разводе он вынужден будет писать «голую правду».

Путешествуя по Камчатке, Арсеньев вечером 5 сентября 1918 года, видимо, поколебавшись, взял ручку... И написал: *«Вчерашний тяжёлый сон не выходит у меня из головы. Я видел какой-то водопад шириной 1–2 версты. Откуда-то взялась нагая жена. Она жаловалась, что у неё болят ноги. Почему-то нам непременно надо было перейти через этот водопад. Мы пошли. Я поддерживал её и со страхом думал, как она выдержит холод и пройдёт такое опасное место и такое большое расстояние по воде. Жена один раз сорвалась, я её поддерживал и стал всячески уговаривать обратиться с силами и как-нибудь потерпеть. Целый день я находился под впечатлением этого сна».*

Какое смятение тогда он испытал!

Прочитав эту запись, мы забежали немного вперёд. Когда Арсеньеву стало ясно, что из такого водопада им вместе не выбраться.

Развод неизбежен.

Поэтому расскажем, как это происходило не во сне, а в жизни.

В архиве сохранились некоторые копии бракоразводных документов и один из них – записка Арсеньева (видимо, объяснительная для суда): «Бракоразводный процесс возбудила Анна Константиновна. Уходя из дома, я оставил ей всё свое имущество полностью, даже

мой трофей – тигровую шкуру зверя, лично мной убитого. Я взял с собой только книги, без которых не могу работать».

Кроме перечисленного выше, Арсеньев, расторгая брак, взял на себя обязательство выплачивать в течение 10 лет жене и сыну 550 руб. в месяц, по выходу в отставку отдавать половину пенсии, добавив: «Всё движимое имущество, кроме библиотеки и картографических материалов, переходит в её полную собственность, а также весь доход с первого издания «Дерсу Узала». Даже свои драгоценные дневники он решил передать Анне Константиновне, правда, сделав оговорку: «По минованию в них надобностей». И ещё: В.К. Арсеньев взял на себя все расходы по оплате обучения сына Владимира в училище и в университете.

Что послужило причиной для возбуждения процесса со стороны супруги, трудно сказать. Вероятнее всего до неё дошли от кого-то из владивостокских знакомых слухи, что ее мужа «взяла в оборот» одна тамошняя девица...

Что отчасти было правдой.

Основываясь на воспоминаниях своей матери, сестры второй жены Арсеньева, Ольга Окулист утверждала: «Инициативу развода Арсеньев взял на себя. Он разыграл с друзьями в гостинице «Версаль» целый спектакль, по сценарию которого его якобы застали с женщиной». Так в епархиальном совете Владивостока появилась бумага о «прелюбодеянии» одного из супругов, как причина для официального расторжения венчания. Рассказывает об этом эпизоде в воспоминаниях и сама Анна Константиновна. Получив бумагу о разводе, она якобы сказала мужу: «Какая некрасивая формулировка: «по прелюбодеянию». «Он смутился и говорит: «Уничтожь бумагу...».

Но тут же утверждение: «Конечно, Володя никогда мне не изменял».

А вот какой «мотив» порвать с женой содержится в официальной записке самого Арсеньева: «А.Д. Иванов, у которого Анна Константиновна в мой счет взяла 720 рублей, живёт под одною с нею крышей с 1918 года по сие время. Анна Константиновна, возможно, выставит А.Д. Иванова в качестве свидетеля. Вопрос: Может ли А.Д. Иванов как член семьи (правильнее было бы написать «сожитель». – Б. С.), живущий с нею вместе, выступать свидетелем?».

Георгий Пермяков в письмах к автору этой книги тоже утверждал, что Арсеньев к «амурным делам» относился весьма строго, был в этом отношении выдержан. Он дистанцировался от женщин, считал для себя это непреложным правилом. Лишь одна женщина в Хабаровске стала признаваться Георгию Георгиевичу, что была в молодости якобы в близких отношениях со знаменитым путешественником. «Но скоро я понял, – пишет Пермяков, – что женщина

мне лгала или перепутала Арсеньева с каким-то другим любовником».

И добавляет: «Другая женщина, знавшая ВКА по Владивостоку, чистосердечно сказала мне: «Арсеньев был безнадежно целомудрен!»».

Приведём факт из книги А. Хисамутдинова: «В.К. Арсеньев тяжело переживал разрыв с женой. Сгоряча он даже предложил руку и сердце ботанику Евгении Николаевне Клобуковой-Алисовой, жившей в Никольске-Уссурийском, но та ему отказала, понимая, что Владимиром Клавдиевичем движет не столько глубокое чувство к ней, сколько желание поскорее заполнить пустоту в своей личной жизни».

Снова процитируем Анну Константиновну: «Когда Володя стал писателем и известным путешественником, к нему стали приставать женщины. Были такие, что хотели с ним идти в экспедиции. Особенно волочилась за ним одна из Никольска. Такие письма ему писала! Кажется, это была Алисова. Потом она выдумала, что Володя делал ей предложение, а она якобы отказала. Это недоброе известное бахвальство. Но она ему писала недвусмысленные письма: «Я видела вас во сне...» Ещё какая-то староверка, красавица, с которой Володя познакомился во время странствий, писала ему письма, с ошибками. «Изумительная красавица», – говорил о ней Володя. Имя было её... Манефа, Васса, Гликерия? Не помню». И далее: «После лекции Володи его окружали женщины, надушенные и с высокими бюстами, расфуфыренные. Он был с ними со всеми одинаково вежлив...»

Раз ревновала, значит, всё же любила мужа, даже после развода. И у него, вероятно, долго сохранялась в памяти та девчонка, за которую он когда-то делал уроки, занимая её разными смешными рассказами.

«Он тогда меня любил, – вспоминает Анна, – я была красивой, так все говорили, были ухажёры».

Но только ли формальный повод «кто первым изменил» привел к их расставанию?

Девушка из благополучной столичной семьи вышла замуж за подававшего блестящие надежды «его благородие» подпоручика Арсеньева и совсем не ожидала, как непросто сложится её жизнь с этим, во многом не похожим на людей, окружавших её с младенческих лет, человеком. Она действительно попала в водопад. И муж не мог спасти её из-под бурных потоков. Ведь он сам был причиной этого водопада. Можно добавить: ещё и жизнь в беременной смути России.

У них были разные представления о «семейном счастье».

Даже в глубокой старости Анна Константиновна вслух не призналась в том, что Володя виновен в её непросто сложившейся

судьбе. Даже такая фраза вырвалась: «Если бы он захотел, я бы его приняла обратно, даже с дочерью».

Это уже в воспоминании о времени, когда в его жизнь вошли Маргарита Соловьёва и их дочь Наташа.

Но вернёмся к жизни этой пары в Хабаровске. Вспоминает, например, Анна Константиновна о тех, с кем супруга свела тайга: «Нас часто посещали его лесные друзья, обычно за советом, с просьбой или жалобой. Владимир Клавдиевич терпеливо слушал их длинные речи, угощал густым чаем, который сам любил. Таёжные посетители приносили подарки: дичь, меховые халаты и вышитую обувь, шкурки ценных зверьков. Если гости из леса задерживались, они обычно ночевали во дворе».

Ну хорошо, «лесные друзья» хотя бы разные подарки приносили, те же дорогие меха...

А вот эти еженедельные научные посиделки допоздна? Всегда ли они могли хозяйке нравиться? Продолжим приведённый рассказ Анны Константиновны о том, как проходили у них дома «арсеньевские среды».

Итак, после пяти часов «научного шума» хозяин бил в гонг, и начиналось обычное интеллигентское застолье, заметьте, почти до рассвета. «О науке теперь не было и речи. Краеведы меняли ампулы и пели хором, послушные дирижёру Арсеньеву. Иногда по просьбе собравшихся Владимир Клавдиевич пел под гитару. Чаще всего он исполнял «Степь», «Баргузин», «В твоих очах» и «Разве можно, братцы, море вынуть и измерить, разве можно, братцы, красным девкам верить». В воспоминаниях Анны Константиновны ещё такие подробности: «На ужин подавали горячее мясо, гарнир, обязательно хорошее вино, водку не пили: «водку пьют извозчики». Вино пили все, понемногу, грамотно. Еда была вкусной, повар специально готовил и оставлял еду в духовке».

«На этих средах, – добавляет далее Анна Константиновна, – Владимир Клавдиевич рассказывал друзьям содержание задуманной им книги и читал готовые главы».

Подробно описала она обстановку его кабинета. Слева от стола из красного дерева, покрытого зелёным сукном, висел барометр, на стенах рога оленя и дикого барана, копии картин Шишкина. На столе стояла зеркально-черная бакелитовая доска чернильного прибора с золотыми ручками и двумя массивными хрустальными чернильницами в виде собачьих голов, человеческий череп (его очень боялась горничная Наташа), а некоторое время в углу стоял скелет человека, которого хозяин называл «Берендеем».

Стол Арсеньев прибирал сам, пряча в центральный ящик самые ценные документы, бумаги. Если его срочно вызывали в штаб и

приходилось бросать рукописи в беспорядке, Арсеньев ставил на стол табличку со словом «табу!» Картотека хранилась в полуметровых ящичках из красного дерева. Карточки он расставлял по алфавиту, например, о явлениях природы: «Буря», «Ветер», «Гроза» и т.д. На кожаном диване лежала шкура убитого Арсеньевым крупного тигра, а кресло украшала рысь с кисточками на ушах. На полу лежала шкура черного медведя с белой меткой на груди. «Предметы на его столе располагались П-образно, оставляя внутри «буквы» достаточное рабочее пространство. Сидел он у стола в твёрдом вращающемся кресле с прорезиненной спинкой. Свой стол Владимир Клавдиевич очень любил и куда бы ни переезжал, возил с собой».

Кабинет этот находился в доме по улице Хабаровской, где Арсеньевы занимали четыре комнаты на втором этаже. «Два крайних справа окна освещали кабинет Владимира Клавдиевича. Нижние стекла окон украшали экзотические восточные божки, нарисованные красками на прозрачной рисовой бумаге. По ним знакомые легко находили обиталище путешественника».

Судя по богатой «декорации» его кабинета, Арсеньев считал, что в городе необходимо жить так, как должно жить людям творческим и как они в большинстве своём в России тогда и жили. И потом: прекрасно оказаться среди красивых, дорогих вещей, в таких удобствах после всех тягот кочевой жизни – ночёвок у костра в глухомани или в душных фанзах, где полно насекомых, а то и под открытым небом лежать у чадающего костра, завернувшись в шинель.

Семейный уют. И все условия для любимых занятий.

Арсеньев при его званиях и должностях получал довольно приличное по тем временам жалованье. Читаем запись из его «Послужного списка»: «Согласно удостоверению, выданному начальником 6-й сибирской стрелковой дивизии от 11 декабря 1911 за № 6.795, выслужил право на получение Амурской пенсии в размере 1/8 части получаемого им содержания. 5 августа 1910 в день выслуги означенной пенсии получал по чину штабс-капитана жалованья 1.034 рубля 38 коп., а всего 1.475 руб. 38 коп.»

Оклад, естественно, рос, когда Арсеньева повышали в чинах. В ноябре 1917 года, став «чиновником особых поручений», Арсеньев получал 3 тыс. руб., а во время экспедиции на Камчатку в 1918 г. ему положили оклад 6 тыс. руб.

Но тогда уже цены «галопировали»!

Здесь уместно поместить цифры положения с зарплатами и среднегодовыми ценами (правда, по Москве) за предвоенный 1913 год. На Дальнем Востоке цены были, конечно же, на какие-то продукты и товары выше, хотя, смотря на что: красная рыба, икра, морепродукты и всё, что тогда собиралось и добывалось в тайге, естествен-

но, были куда дешевле, чем в центре. (Сведения взяты из официального источника.)

Средняя зарплата в России составляла за год 263 рубля, причём квалифицированные рабочие получали в год от 480 до 700 руб. Цены на основные продукты питания в первопрестольной (в копейках за килограмм): черный хлеб – 5, белый – 12, мука ржаная – 6, пшеничная – 7, картофель – 2, молоко (1 л.) – 8, колбаса варёная – 35, копчёная – 75, говядина высшего сорта – 50, масло растительное (1 л.) – 32, сливочное – 70–90, крупа гречневая – 9, водка (1 л.) – 30, вино (1 л.) – 40, ситец (1 м) – 18, далее в рублях: чай (фунт) – 1,5, сукно (1 м) – 2,8, ботинки женские – 4, мужские – 3, сапоги – 7, полушубок – 15, сервиз фаянсовый на 12 персон – 10. И, наконец, плата за обучение в школе в месяц составляла довольно приличную сумму – 2 рубля.

А где в Хабаровске жили Арсеньевы? Такое расследование провела в середине 80-х годов историк-краевед М.Ф. Бурилова. Началось всё, чему был свидетелем и автор этих строк, с такого факта: в гряде строительного мусора после сноса целого переулка оказалась мемориальная доска, когда-то водружённая на попавшем под нож бульдозера деревянном домике. В ней значилось: «Здесь жил и работал в 1914–1918 гг. исследователь Дальнего Востока Арсеньев В.К.». Прискорбный факт привлёк внимание прессы: исчезнувший переулок носил имя Арсеньева. Мария Фёдоровна выяснила, что Арсеньев часто в Хабаровске менял квартиры.

«Это объяснялось, – писала М. Бурилова, – его необычной работой: человек он был военный, совершал длительные путешествия» и ниже добавляла, что когда муж уходил в походы, жена уезжала с сыном к матери в Петербург, квартиру приходилось сдавать.

Когда Владимир Клавдиевич возвращался, то снимал уже новое жильё.

Добавим к этому ещё одно место из воспоминаний польского этнолога Станислава Понятовского. 6 июня 1914 года Владимир Клавдиевич, пригласив его отужинать с ним, объяснил, что отправил жену и сына к родителям, а сам сейчас живёт на даче у своего приятеля полковника А.Ф. Ахмаматеева сразу же за мостом через Амур:

«...Там и поужинаем».

Сначала Арсеньевы жили на территории 23-го Сибирского стрелкового полка, затем на Артиллерийской горе (ныне ул. Ленина). В полуподвале деревянного дома на углу улиц Муравьёва-Амурского и Яковицкой (ныне К. Маркса и Шеронова) жила семья в 1911 году (где, приехав на Дальний Восток, и побывал брат Александр). В 1912 году Арсеньевы переехали на улицу Хабаровскую,

дом № 133. Здесь Владимир Клавдиевич стал плотно работать над своими повестями.

С 1914 по 1916 год Арсеньевы жили в Портовом переулке, а с 1917 по 1919 год на Яковицкой улице. Тогда же они, так как в крае полыхала гражданская война, месяцами жили на даче, которую снимали под станцией Корфовской. Есть в Хабаровском музее письмо сына Владимира Владимировича, написанное в сороковые годы. Он вспоминает: «В 16 году отец отправил больную мать в Россию, и мы жили с ним в маленьком домике в музее, где стоял скелет кита».

Что ни год – новое жильё!

Из этого перечисления можем сделать только одно заключение. Не был большим домоседом наш герой. Настоящим домом его были тайга и горы. Теперь понятнее становится такой вспомнившийся Анне Константиновне факт: «Иногда Арсеньев тушил электричество и писал при свечах.

– Папа, зачем ты зажигаешь свечку? – спрашивал его маленький Воля. – Ты Богу молишься?

– Свеча напоминает мне тайгу, где я прячусь от комаров в марлевый домик и пишу при её свете».

Приведём ещё один эпизод. Его записал со слов Анны Константиновны Пермяков:

«В тёплое время года под окнами раздавался неожиданный грохот и треск. Это на первом в Хабаровске автомобиле подкатывал друг Арсеньева, китайский переводчик губернаторства Андрей Александрович Шильников. Писатель бросал работу и с *недовольной* (выделено мной. – Б. С.) женой и сияющим сыном несколько часов трясся по скверным дорогам в автомобиле, за которым неизменно увязывалась стая неистово лающих собак. Покидая громыхающий и дрожащий автомобиль, Арсеньев благодарил товарища за удовольствие, умывался и снова садился за «Дерсу Узала».

Инерция движения сопровождала Владимира Клавдиевича всюду. Не мог он не знать замечательной песни Людвиг ван Бетховена о мельнике, который был всю жизнь «в движенье, в движенье», как та бегущая вода, что падала с его мельничного колеса. У песни такая пронзительная концовка: «Прости, хозяин дорогой, но я иду вслед за водой всё дальше, всё дальше, всё дальше, всё дальше»...

Всё дальше уходил Владимир от Анны.

Да и какое, скажите, может быть семейное счастье у женщины, боящейся больших пространств, со скитальцем, не мыслящим своей жизни без них..

Вернёмся снова в 1910 год. Всё же пришлось осенью сопроводить штабс-капитану Арсеньеву демобилизованных солдат в Сызрань. После он отправился в Петербург. Его «делегировали» коллеги

выступить с докладами в Императорском Русском географическом обществе.

Повёз он в столицу и свою этнографическую коллекцию.

Солдаты погрузили в вагон несколько тщательно упакованных ящиков. Чего только в них не было: чучела птиц и зверей и гербарии, черепа людей, что жили тут во тьме веков, и предметы культа малых народностей, минералы и шкуры диких зверей...

Было к кому обратиться в столице. Только что туда отбыл бывший генерал-губернатор Павел Фёдорович Унтербергер, назначенный указом Николая II членом высшего законодательного органа империи – Государственного Совета. Пять лет «поцарствовал» Унтербергер в Приамурье. Он много сделал для развития этой окраины России. Прежде всего укреплял её в военном отношении, что не могло не импонировать Арсеньеву. В 1907 году был побит рекорд за всю историю заселения края.

Только в Приморскую область приехали из западных губерний России 61 тысяча 722 человека, да и в следующие годы крестьяне, казаки ехали и ехали. И как показывает статистика, во все эти годы до 95 процентов переселенцев укоренялись. С них полностью снимались старые долги, на 5 лет они освобождались от всех налогов, а по приезде выдавалась ссуда – 200 рублей на обзаведение, бесплатно на корню выделялся лес до 280 брёвен на усадьбу. Помогла им и активно действовавшая в Хабаровске и во Владивостоке общественно-благотворительная организация помощи переселенцам. Много времени и сил отдаст этому важному делу и Владимир Клавдиевич.

...Здесь, думаю, к месту привести краткую историю из нашего рода. Мой дед Максим Павлович Сумашедов, крестьянин деревни Языково Пензенской губернии, когда началась русско-японская война, был мобилизован в армию и послан на фронт. В деревне у него осталась молодая жена Прасковья с маленькой дочкой. На Маньчжурских сопках дед отличился в сражениях, за что был награждён Георгиевским крестом, но попал в плен к японцам. После Портсмутского договора, освободившись, вернулся из Японии вместе с сотнями других бедолаг во Владивосток. Город ему приглянулся, и он обратился в Переселенческое управление, где ему помогли с переездом из центра на «край света».

Бабушка Прасковья Орефьевна красочно рассказывала, как они добивались в 1907 году до Владивостока. Скоро на его окраине в Рабочей слободе построили из дикого камня дом, обзавелись хозяйством, коровой, которая тогда стоила 70 рублей, лошадьми... Появились на свет мальчик — мой отец, две девочки. Сохранилась старая фотография, сделанная во владивостокском ателье почти век назад.

Сидит на стуле в цивильном чёрном костюме дедушка, в бархатном платье – бабушка, меж ними сидят и стоят разодетые в модные платья дочки, сын Владимир в белой рубашке. Дед определит его в престижное коммерческое училище...

Подумать только! Десяти лет не прошло, как в этом же городе стоял на причале русский пленный, бывший унтер проигранной войны. И вот он глядит с фотографии гордо – глава благополучного семейства, служащий таможи, гражданин государства Российского, которое, оказывается, как-никак, а заботилось о своих подданных.

Делало многое, чтобы русские заселили всю империю от Балтики до Тихого океана.

Тысячи таких семей в те годы ехали на Дальний Восток. Приведём статистику. Если в 1906 г. всё население составляло 422.220 человек, в том числе в городах проживало 133.597 человек, или 27,70% всего населения региона, то к 1914 г. оно возросло до 967.774 человек, а население городов – до 324.250 человек, или до 33,50%, т. е. удельный вес его вырос на 5,80%, в то время как всё население более чем удвоилось. Это – обо всём населении, в котором, как мы уже говорили, довольно значительную долю составляли переселенцы и из соседних стран.

С аборигенами дело обстояло иначе. Доля их населения, о чём, кстати, первым стал бить тревогу В.К. Арсеньев, уменьшалась. Если в 1897 г. их было 17,9 тыс. человек, в 1912 г. – 17,2 тыс., то в 1916 г. – 15,9 тыс. человек. Данные, правда, не совсем точные.

Но имеются и цифры, показывающие, как увеличилось население, приехавшее из русских губерний, а также из остальных частей империи — прежде всего с Украины. По Амурской области – с 142.369 человек до 288.063 человек, а по Приморской – с 240.189 до 488.613 человек. «Удельный вес» русского населения в крае увеличился за те же годы с 75,98% до 81,88%.

Ещё несколько любопытных фактов. Размеры посевных площадей только Приморья с 1890 по 1917 гг. возросли почти в 10 раз, в несколько раз увеличилась урожайность, хотя своего хлеба не хватало. Его ввозили из Амурской области, где размеры посевных площадей с 1906 по 1914 гг. увеличились более чем в 2 раза, а валовой урожай вырос на 74,78%.

Так что та работа, которую Арсеньев проводил по определению годных для заселения мест в своих экспедициях как активный член Переселенческого управления, не прошла даром. Он получил от царского министра земледелия и землеустройства благодарственное письмо «За ценные сведения для хозяйственного освоения Уссурийского края».

Этой оценкой можно было гордиться.

Унтербергера Дальний Восток долго «не отпускал»: в 1912 году у бывшего генерал-губернатора вышла в Санкт-Петербурге книга «Приамурский край, 1906–1910 гг.». Поэтому Арсеньев хорошо знал: Павел Фёдорович встрече с ним в столице обрадуется и поможет. Так оно и получилось. Молодому исследователю Уссурийско-Приамурской окраины отвели несколько стендов на общероссийской этнографической выставке, развёрнутой в залах Русского музея, а член Госсовета дал ему лестную характеристику в кругах, окружавших императора.

Николай II, всегда не упускавший из своего поля зрения дальневосточные дела, решил побывать на выставке. Сначала он прислал своих дочерей. Владимир Клавдиевич всё им показал.

Девушки округляли глаза, о чём-то переспрашивали, тотчас захотели, как когда-то «наш молодой папá», побывать в загадочном краю тигров, махаонов и дикарей, чьи черепа и «расчудесные варварские наряды» им продемонстрировал офицер, который, оказывается, сам это всё насобирали.

Такой обходительный, а главное, умный и симпатичный.

Услышав такой рассказ дочек, на следующий день без особой свиты, в кителе полковника пришёл император. Два военных человека быстро нашли общий язык. Николай Александрович задержался у любопытной коллекции и даже, как говорили, удостоил штабс-капитана подарка. Что это за презент, точно установить не удалось. Младший брат Александр утверждал, что перстень, снятый с монаршего пальца. Другие толковали о какой-то дорогой вещице...

В годы смуты подарок якобы пропал...

Известен лишь один рассказ самого Арсеньева о встрече с Николаем II. Он приводится в книге о путешественнике, написанной Марком Константиновичем Азадовским (1888–1954), выпускником Санкт-Петербургского университета, совершавшим экспедиции по Лене и Амуру, сибиряком. Он познакомился с Арсеньевым в 1913 году. Потом они долго переписывались.

Азадовский писал свои воспоминания об Арсеньеве при советском строе и, естественно, старался и факты не исказить, и так сочинить, чтобы цензура пропустила. Книга лежала долго, её опубликовали лишь в одном из сибирских издательств после его смерти. Эпизод о встрече с царём сократили. Лишь в 1978 году в новосибирское издание неопубликованных работ М.К. Азадовского он вошёл.

В нём наш герой показан человеком, на которого Николай II произвёл не очень-то положительное впечатление: «Арсеньеву было приказано убрать с выставки черепа, кости и все предметы, свя-

занные с культом погребения, так как Николай II терпеть не мог всяких упоминаний о смерти. Арсеньева предупреждали, что царь большой знаток и любитель археологии. На этом основании Арсеньев ждал от царя специальных вопросов, однако все вопросы Николая и замечания были на редкость пусты и банальны: вроде вопросов о времени, трудностях и т. д. Чувствовалось, что ему нечего спрашивать и он задавал вопросы лишь из светской любезности».

Вряд ли в такой тональности рассказывал Владимир Клавдиевич о разговоре с царём, например, отцу и матери в Москве, да, вероятно, и Азадовскому.

Но чего не напишешь, только чтоб пропустили в то время книгу «в печать».

Нетрудно догадаться, какие чувства обуревали после встречи с Николаем II нашего героя. А что представлял он для самодержца? Ну, хорошо, стёр с карты его империи несколько «белых пятнышек», собрал какие-то секретные сведения, делает первые успехи в географии, выставил на обозрение любопытствующей публики экзотические вещицы, ратует за улучшение жизни инородцев, ставших тоже подданными государства Российского, рассуждает о возможной экспансии со стороны соседних государств, об одно из которых недавно царь так обжёгся...

Да мало ли сейчас офицеров путешествует по северным морям, азиатским горам и пустыням? Естественно, они молодцы, славу русской науки умножают. Как и вот он... Арсеньев? Из дворян? Разночинцев? Отец – в генеральском звании? Очень похвально. Ваши занятия ценны, полезны, необходимы... Пусть пример Пржевальского... Да вы, я вижу-с, его горячий поклонник и последователь? Весьма рад, весьма... А теперь расскажите-с мне о...

В таком ли духе шёл разговор или как-то иначе? Но если монарх с простым армейским офицером беседует, хотя бы даже «из светской любезности», это, согласитесь, многого стоит. То, что он разговаривал с Арсеньевым «по-простому», был искренне заинтересован, мы смело можем предположить.

Теперь мы знаем, каким был последний российский монарх.

И даже не так важно, одарил ли Николай Александрович Владимира Клавдиевича или нет... Но точно одно: у Арсеньева после этой встречи не закружилась голова, не заважничал он и не подумал о том, что ему теперь светит какая-то карьера и он отправится во главе экспедиции куда-нибудь в Индию, а уж Северный полюс точно покорит. И вряд ли домочадцы, друзья и их жёны заахали: «Надо же, обласкан самим государем!» Такое могли бы придумать царские лизоблюды или записные борзописцы с воспалённым воображением.

Арсеньев хлестаковщиной нисколько не был заражён.

Правда, Управляющий Русским музеем Великий князь Георгий Михайлович ходатайствовал перед Николаем II о поощрении В.К. Арсеньева, и все же какой-то подарок ему вручили. А по окончании выставки удостоили серебряной медали, этнографические коллекции с благодарностью приняли в дар музею. Скоро Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии избрало его своим действительным членом. В столичных газетах «Русский инвалид» и «Санкт-Петербургские ведомости» появились об успехах дальневосточного географа лестные заметки.

Но самым большим своим успехом Владимир Клавдиевич считал то, что свои взгляды по многим интересующим его проблемам он донёс до научной столичной общественности. В Императорском Географическом обществе Арсеньев выступил со значительными по объёму докладами «Китайцы в Уссурийском крае» (и продемонстрировал так поразившую всех размерами вычерченную им карту), «Орочи-удэхе» и «Древнейшая история Уссурийского края». Последний доклад сделал в офицерском собрании на Литейном проспекте, где его слушателями были члены Разряда военной археологии из Русского военно-исторического общества.

А как же он был рад встречам и живым беседам и – да, да! – горячим спорам с петербургскими учёными, прежде всего уже со знакомыми и так уважаемыми им Л.Я. Штернбергом, океанографом и картографом Ю.М. Шокальским, этнографами В.В. Радловым и Д.А. Клеменцом, востоковедом С.Ф. Ольденбургом, замечательным путешественником П.П. Семёновым-Тянь-Шанским и полковником П.К. Козловым. Последний, как потом вспоминал Александр Клавдиевич, подарил его брату оригинал письма Н.М. Пржевальского.

Но был ли такой факт, достоверно установить арсеньеведам не удалось.

...Наш герой ходил по городу, где родился, где прошло его детство, отрочество, где влез в армейскую лямку. И тянул её по сию пору... Где женился... Неожиданно мелькнула мысль: а не вернуться ли сюда, заняться наукой по-настоящему, послав к чёрту мошкару и хунхузов, лазанье по горным кручам и тупых чиновников... Мелькнула и тотчас погасла. Ну, нет! Всё для него там только начинается. Ещё не на один перевал взойдёт! Но и эта последняя мысль оборвалась: «не возносись!»

Сначала взойди.

Шёл по Санкт-Петербургу не достигший сорокалетия полный энергии офицер. Думал: когда-нибудь вернусь в мой город... Так хочется продолжить эту фразу классическими строками: «...знакомый до слез, до прожилок, до детских припухлых желёз...».

Только стих этот будет сочинён лишь через двадцать лет.

На Сенатской площади у Александрийского столпа Арсеньев запрокинул голову, глядя на золотого ангела с крестом в руке. Мелькнула мысль: даже если на него забраться, моего Сихотэ-Алиня отсюда не увидать. Моего... И так сильно потянуло назад, на новую свою родину, словно весь Приамурский край состоял из железной руды.

А он был всего лишь маленькой магнитной стрелкой в компасе.

Вторая знаменательная встреча состоялась поздним вечером 23 сентября 1913 года.

На Хабаровский железнодорожный вокзал прибыли городской голова, высокие чины из губернаторства и Императорского Географического общества. Среди них был и Арсеньев. Познакомиться с человеком, который с минуты на минуту должен приехать из Владивостока, он давно очень хотел.

Ждали приезда Фритьофа Нансена.

Имя этого пятидесятидвухлетнего норвежского океанографа, исследователя полярных морей было широко известно. В 1888 году он пересёк на лыжах Гренландию, затем в 1893–1896 гг. предпринял дерзкую попытку на судне «Фрам» достичь высоких широт в Арктике. Судно затёрло льдами, пришлось дрейфовать. Отважный норвежец снова встал на лыжи и через льды, торосы и коварные трещины почти дошёл до Северного полюса! А потом сумел благополучно вернуться на родину. Сделал Нансен и важные научные открытия. Так, он доказал влияние суточного вращения Земли на движение льдов.

Он давно мечтал побывать в России. После возвращения о той части страны, по которой ему удалось проехать, он напишет: «Я полюбил эту огромную страну, раскинувшуюся вширь и вдаль, как море, от Урала до Тихого океана, с ее обширными равнинами и горами, с замерзшими берегами Ледовитого океана, пустынным привольем тундры и таинственными дебрями тайги, волнистыми степями, синеющими лесистыми горами и вкрапленными в эти безграничные пространства кучками людей».

Путешествие «в страну будущего» – так прозорливо назвал Фритьоф Нансен Россию – ему удалось осуществить накануне большой войны. Он вошёл в состав экспедиции, организованной энергичным предпринимателем Юнасом Лидом. В неё входили и двое русских – член Госдумы С.В. Востротин и секретарь миссии в Осло И.Г. Лорис-Меликов. В августе путешественники прибыли на пароходе «Коррект» к Енисею. Другие члены экспедиции через какое-то время вернулись в Англию, а Нансен добрался-таки до «краешка» русской империи: по КВЖД через Маньчжурию проехал во Владивосток, а затем решил заехать в Хабаровск.

Николай II, император всея Руси

Фритьоф Нансен, знаменитый норвежский исследователь

На таких неутомимых людей стремился походить наш герой.

...Норвежец вышел из вагона. Приветствия, рукопожатия. Вспышки магния фотографа-любителя Карла Штайнберга. Сохранился снимок встречи: Арсеньев стоит неподалёку от почётного гостя.

Вернувшись на родину, Фритьоф Нансен напишет книгу о России. Использовал он в ней и факты, сообщённые ему Арсеньевым.

Автор несколько раз упоминает в ней хабаровского «чичероне».

Побывал Нансен в краевом центре на большой выставке, как сейчас бы написали, «достижений хозяйства края». Арсеньева назначили заместителем комиссара («подкомиссаром») этой выставки, отвечавшим за её научный отдел. Благодаря его стараниям, на ней довольно полно была показана жизнь туземцев. О выставке Нансен написал так: *«Здесь были собраны различные продукты производства этой молодой культурной области, и впечатление получалось благоприятное, говорившее о богатствах страны (это слово тогда писали и в применении к области, краю. – Б. С.) и о том, что она имеет все шансы для дальнейшего развития... История и этнография страны были представлены наглядно; словом, здесь было чему поучиться под руководством знающего чичероне, каким явился знаток этих краёв и бывалый путешественник капитан В. Арсеньев».*

Правда, тогда он уже стал подполковником.

Далее рассказывает о некоторых поразивших его экспонатах, собранных Арсеньевым. Особенно заинтересовали Нансена, ясно почему, лыжи и сани. Он даже попросил его сводить в краеведческий музей, чтобы поближе познакомиться с этими «изобретениями» восточных народов. Там *«капитан Арсеньев указал мне много интересных предметов, рисующих быт различных здешних туземцев, которых капитан основательно изучил во время своих поездок. Я видел длинные, обтянутые оленьими шкурами лыжи, которые в ходу у ороchon и очень похожих на самоедские; при рыхлом снеге употребляются и более короткие, широкие лыжи, обыкновенного тунгусского типа... Видел я и сани различных фасонов... К большому своему изумлению, я нашёл, что в некоторых деталях многие из саней... имели замечательное сходство с санями-лыжами, придуманными мною для гренландской экспедиции в 1888 году и принятыми затем для всех полярных экспедиций»*.

Арсеньев вспомнит в конце жизни о красноречивом признании, сделанном ему тогда Нансеном: *«Если бы я знал, что такие нарты уже существуют, я не тратил бы время на опыты и исправление дефектов, а просто бы обратился за любезной услугой в Хабаровский краевой музей выслать мне такие нарты, на которых удэгейцы передвигаются по лесу, заваленному колодником»*.

Повёл «чичероне» Нансена и к берегу Амура, где они повстречали живых туземцев, единокровных «братьев» Дерсу. Эта встреча, правда, закончилась небольшим и, в общем-то, грустным эпизодом. Читаем снова книгу Ф. Нансена:

«В городской гавани, на берегу Амура, я имел случай бегло ознакомиться с представителями аборигенов области, гольдов. Они стояли тут со своими длинными деревянными лодками, на которых приплыли с Усури. Лица у них совсем тунгусские, но одеты чисто по-русски. Вдобавок один из них до того упился русской водкой, что повалился перед нами враспяжку и стал целовать землю у наших ног»...

Заканчивает просвещённый европеец этот рассказ и свою главу о посещении Хабаровска так: *«...дальнейшее знакомство с такими экзотическими землянами, разумеется, сулило мало интереса и удовольствия...»*.

И ставит многоточие.

Можно представить чувства Владимира Клавдиевича, когда он смотрел на эту сценку.

Впрочем, в первый и в последний ли раз? Ровно месяц назад Арсеньев выступал в Хабаровске на I съезде врачей Приамурского края с докладом «Вымирание инородцев...» В нём, в частности, он с болью о «малых сих» говорил:

– Наши инородцы болеют телом и духовно, они младшие наши

братья. Ведь и мы были когда-то в таком же фазисе развития, как и они. Благодаря счастливому стечению обстоятельств, мы опередили их – и только! Для меня понятно, когда крестьяне жмут и разоряют инородцев, для меня понятно, когда переселенец говорит: «Пусть вымирают», но как такую фразу может говорить человек интеллигентный и образованный?! А такие фразы я слышал довольно часто. На это возразить можно было бы ещё очень многое. Как же практически помочь инородцам? Прежде всего надо оградить их от пьянства, во-вторых, организовать медицинскую помощь.

В докладе содержалось много практических предложений и советов. Заключение он выступление призывом помогать малым народам «осторожно примерами и огнюдь их не насилуя. Надо торопиться».

Совершил Нансен с Арсеньевым и небольшую экспедицию на пароходе «Вурцель» вниз по Амуру.

Покидал Россию норвежец, как сам потом признался в книге, с грустью «при мысли о том, что я уже простился с задумчивыми лесами Сибири, с её торжественно-строгой природой, простыми и величавыми линиями».

Потом два путешественника переписывались.

До последнего времени было известно лишь одно письмо Ф. Нансена Арсеньеву. Автор в домашнем архиве в Москве, о котором ещё будет рассказано, обнаружил их переписку. Она была опубликована мною впервые во владивостокском альманахе «Рубеж».

Два письма послал Нансен Арсеньеву вскоре после начала мировой войны. Одно на почтовой открытке. Она даже по своему виду любопытна. Слева герб, справа – на марке круглая печать с трудно различимой датой «8.VI.16.8.10E». Бросается в глаза штамп: «Вскрыто военной цензурой. г. Петроград. Военный цензор № 715», а сверху ручкой поправка: «503». Ниже ещё одна надпечатка: «Хабар. Центр. Справ. Бюро – Военноплнныхъ». Адрес отстукан на машинке: «Captain V. Arsenieff Grodekoff's Museum KHABAROWSK Sibirien». И рядом, уже от руки, добавлено: «Priamour». На обратной стороне двенадцать строк на машинке с датой и откуда: «Lysaker 8-6-16», а под текстом размашистая подпись Нансена чёрными чернилами.

О чём же норвежец написал из Лисакера, где жил, 8 июня 1916 года?

Книгу Нансена «В страну будущего» успели издать на Западе до войны, а на русском языке она вышла в 1915 г. в Петербурге. Как же быстро, заметим, её перевели, и не помешала война, которая охватывала всё новые и новые страны. И вот эту свою книгу Ф. Нансен решил послать коллеге. Но её – война же идёт, почта с извинениями возвращает учёному в Лисакер.

Тогда он отсылает по адресу «Сибирь. Хабаровск. Гродековский музей» эту открытку. И она, пройдя «вскрытие» (!) цензурой, доходит – через фронты! Гимн почтальонам 16-го года!

Перевод текста с английского:

«Дорогой капитан Арсеньев. Я послал английское издание моей книги о Сибири на ваш почтовый адрес. Но она вернулась с сообщением: так как идёт война, она не может быть послана в Россию. Я очень расстроен этим обстоятельством, но сохраню её и пошлю Вам, когда война закончится. С наилучшими пожеланиями – ваш коллега»... И автограф Нансена.

Позже пришло второе письмо, довольно большое. Напечатано на листе плотной гербовой бумаги. На просвет виден – во весь лист – водяной знак: тот же герб...

Дальше стучал на машинке по-английски сам Нансен. Дата: 6-6-16. Обращение то же: «Дорогой капитан...» Далее он благодарит Арсеньева за очень интересное письмо и *«только что пришедшую Вашу очень интересную книгу»*.

Какой труд мог прислать ему Арсеньев? Может быть, «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края» или «Физико-географический очерк Уссурийского края» в двух частях? Вполне возможно, хотя и началась война, отправил свою работу «Китайцы в Уссурийском крае». Выяснить это можно, лишь побывав в Норвегии...

Далее в письме Нансен говорит, что собирается из книги *«переводить те части, которые имеют особый интерес для меня. Очень интересны иллюстрации и карты»*... *«Жаль, что у меня не было этой книги, когда я писал о своём путешествии в вашу интересную страну, которую я мечтаю посетить снова»*.

«Я узнал, – читаем дальше, – что Вы собираетесь начать новое путешествие после войны. Я желаю Вам всевозможных успехов. Я уверен, что Вы сделаете великие открытия. Как уже показала Ваша работа, есть много дел большой важности, которые Вы сумеете совершить».

И заканчивает письмо сообщением, что, так как у него русского издания своей книги нет, он собирается послать ему книгу, изданную в Англии. И дописанные в конце от руки теплые слова приветствия *«dear capt Arseniew»* и размашистый автограф.

Ранее это письмо было известно лишь по переводу, который приводился в одной из статей В.К. Арсеньева в научном харбинском издании «Вестник Азии» в 1916 году. Но перевод был сделан неточно: «Премного благодарен... за ваши весьма интересные книги», когда в оригинале чётко отпечатано «воок», т. е. в единственном числе. И это слово повторено дважды.

Мировая война, а потом октябрьский переворот, гражданская бойня, мятежи, оккупация Дальнего Востока... Возобновилась переписка, видимо, вскоре после того, как на востоке России была установлена новая власть.

В том же личном архиве оказались и копии писем В.К. Арсеньева в Норвегию. Шестистрочное, на немецком языке – теплое посвящение Нансену от 15 декабря 1924 г. Арсеньев приложил к своей книге «По Уссурийскому краю», изданной в тот год в Берлине под названием «In der Wildnis Ostibiriens» («В делях Восточной Сибири»), которому и предпослал своё предисловие норвежский исследователь и Нобелевский лауреат.

Второе – большое, напечатанное на английском языке. Оно от 18 декабря того же года и, видимо, послано отдельно от бандероли. Владимир Клавдиевич пишет, что тронут предисловием Ф. Нансена, *«сердечным тоном, которым оно написано»*. Далее как бы извиняется: *«Ввиду большого расстояния и сложностей доставки у меня не было возможности написать вам посвящение в книге лично. Но я написал его на листе бумаги и послал в Берлин с просьбой вклеить этот листок в книгу, предназначенную для вас»*. О нём сказано выше.

Далее Арсеньев сообщает, что, к сожалению, он так и не получил книгу «В страну будущего», которую Нансен посылал, она или *«была потеряна или возвращена вам во время последней войны»*, просит новый экземпляр послать его немецкому издателю, а тот, когда *«предоставится подходящая возможность... пошлёт или передаст через кого-нибудь... кто собирается приехать сюда. Ваша книга всегда будет напоминать мне о нашей встрече в 1913. Это также будет вдохновлять меня для продолжения работы над материалами, которые я собрал во время моей последней экспедиции»*.

«Сейчас несколько слов обо мне», – пишет Арсеньев ниже.

Читаешь и невольно обращаешь внимание на то, что он очень аккуратен в информации и выражениях.

Понимал, что письмо его обязательно, где надо, прочтут:

«Когда началась революция, я всё ещё был в Хабаровске директором музея. В 1918-м я был послан на Камчатку в экспедицию и вернулся в 1919-м. В тот же год я уехал из Хабаровска во Владивосток, где был назначен управляющим охотоведческим отделом в Управлении рыбными и звериными промыслами. В настоящее время я опять в Хабаровске, как директор музея и инспектор всех дальневосточных музеев. Обслуживающий персонал музея сокращён, и работать приходится трудно, чтобы вместе с моими помощниками привести всё в нормальное состояние. По вечерам я пишу свою новую книгу «В горах Сихотэ-Алиня» – описание моей экспедиции в центральную часть горной цепи Сихотэ-Алинь, которая длилась около двух лет (1911–1912)».

Далее Арсеньев вспоминает хабаровского краеведа, статистика городской управы Андрея Михайловича Бодиско: *«Вы помните..»*

он был нашим переводчиком в 1913? Он покинул Хабаровск в начале революции и уехал на Яву, где заболел и умер от инфекции».

Чем же зацепила судьба Бодиско Владимира Клавдиевича, и почему он вдруг о ней написал Нансену? Тот вряд ли помнил этого переводчика. Бодиско был краеведом, историком. Его нумизматическая коллекция хранится в Хабаровском музее. Он автор вышедшей в 1913 г. книги «Из жизни Хабаровска» – единственного дореволюционного издания историко-экономического характера об этом городе. И вот узнаём из письма Арсеньева Нансену, что он, оказывается, бежал за границу и умер где-то на Яве.

А между строк читается: я тоже мог бы поступить, как этот господин, но в таком случае не закончилась ли моя жизнь так же быстро и бесславно где-то на чужбине? Но я, как видите, родину не оставил, стал красным директором музея...

Но о том, как сложится моя жизнь, одному Богу известно...

Последний абзац письма полуофициален: *«Если я могу быть Вам чем-нибудь полезен, пожалуйста, напишите мне, и я буду рад предоставить Вам любые услуги, в которых Вы нуждаетесь. Может быть, Вас интересуют какие-нибудь этнографические вопросы, касающиеся нашего Дальнего Востока, или Вам понадобятся какие-нибудь фотографии отсюда? Я буду очень рад предоставить Вам необходимую информацию и послать фотоснимки через Центральный научный отдел (Главнаука), который обязательно даст необходимое разрешение и отправит мою посылку незамедлительно».*

Какой-то другой Арсеньев проглядывает из этих строк. Писал, не забывая, что он теперь лишь советский служащий? Выражает уверенность в том, что будет всё, как он пишет.

Но почему он так уверен?

Читаешь концовку письма Арсеньева Нансену и гложет какое-то неясное чувство: автор его, всё прокручивая одну и ту же мысль об «услугах», хочет написать о чём-то ином, но знает, что об ином рассказывать не стоит, а может быть, и нельзя. Письмо же заканчивать так не хочется...

Но вот и достучал на машинке до конца листа. Пора прощаться: *«Thanking you once more for your kindness, I beg to remain, Yours very sincerely,* (Ещё раз позвольте поблагодарить Вас за Ваше доброжелательное отношение, искренне Ваш)...

За запятой и ниже – пустота, обрез листа.

Может быть, в посланном оригинале письма Владимир Клавдиевич что-то добавил от руки?. Арсеньев пережил Нансена всего на три месяца.

Великие люди уходили в те годы безвременно один за другим, очищая место для иных героев, которые готовы были действовать в иных «декорациях».

Вернёмся в год 1914-й. Он вошёл в хронологию истории многих государств как дата начала первой широкомасштабной схватки за передел мира.

В прекрасном расположении духа наш герой принёс домой из типографии завернутую в плотную бумагу и перевязанную бечевой стопку книг. Положил её на зелёное сукно своего стола, перерезал шпагат ножницами и вынул ещё пахнувший свежей краской томик в картонной обложке.

Сохранился уникальный архивный экземпляр: обложка еле держится, листы с рваными краями, замусоленные сотнями рук... Не удивительно: книге около века. Вверху обложки двуглавый орёл. Ниже: «Записки Приамурского Отдела Императорского Географического Общества. Том X, в. I. Под виньеткой: В.К. Арсеньев. Название книги: «Китайцы в Уссурийском крае». Мелким шрифтом это же название на немецком языке. Подзаголовок: «Очерк историко-этнографический». Треть обложки занимает фотография, которую сейчас разглядеть нелегко: тайга, поваленное дерево, какие-то люди... Снова виньетка, год издания 1914. Хабаровск. Типография канцелярии Приамурского генерал-губернатора.

Об этой работе уже шла речь. Но на ней надо ещё остановиться.

Сначала об истории её переиздания. Когда уже во Владивостоке Арсеньев заключит в 1921 году договор с издателем Е.И. Пеппелем о выпуске своих книг в Германии, он вслед за повестями о Дерсу Узала включит в список и «Китайцев...». Там она, как известно, вышла и продавалась во многих странах Запада и даже в США. Очень хотел Арсеньев издать эту книгу и в Советском Союзе, редактировал её, многое дополнял, передельвал, «подгонял» под требования цензуры и редакторов.

Но она так и не была выпущена...

А вот критике, и жесточайшей, подверглась.

16 июля 1931 года, спустя десять месяцев как Арсеньева похоронили, печатный орган высших партийных и советских властей края – газета «Красное знамя» опубликовала занявшую чуть ли не треть страницы статью Г. Ефимова под броским и грозным заголовком «В.К. Арсеньев как выразитель идеи великодержавного шовинизма». Даже несколько десятилетий спустя, когда в господствующей идеологии вроде бы многое поменялось, А.И. Тарасова могла написать в своей монографии об этой публикации только вот что: «После появления... статьи Г. Ефимова, в которой автор с позиции своего времени пытается оценивать работу В.К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае»,... отождествляя политику с этнографией, даёт этому ценному научному труду необоснованную резко отри-

цательную характеристику, авторитет В.К. Арсеньева на некоторое время ослабевает».

Казалось бы, что нам сегодня до этой статьи? Но давайте всё же её перечитаем. Не для того, чтобы пинать ногами давно почившего в бозе автора. Кстати скажем, что это не псевдоним. Ефимов Геронтий Валентинович был молодым учёным-китаеведом, стал впоследствии советским профессором и прожил долгую жизнь.

Позже ему даже было стыдно за эту публикацию.

Статья понадобится нам, чтобы лучше понять смысл и значение «Китайцев в Уссурийском крае». Г. Ефимов обратился, или его об этом где надо попросили, к дореволюционной работе Арсеньева, чтобы показать: высказывания в ней по национальному вопросу «не только не характеризуют его как «яркую и преданную делу рабочего класса личность» (автор цитирует статью некоего профессора Георгиевского. – Б. С.), но, наоборот, показывают Арсеньева как личность, преданную интересам враждебного пролетариату класса».

Что ж, примем во внимание это «клише», постоянно тогда употреблявшееся идеологами правящей партии, но заметим, что Арсеньев, когда писал «Китайцев», имел куда более скромную цель. Он и не думал о каких-то классовых интересах, а ставил перед тогдашними властями практические вопросы, требующие решения. Воспользуемся тоже «клише». Да, эти власти, естественно, проводили царскую политику, политику дворянско-помещичье-буржуазного правящего класса. Добавим, что Арсеньев даже участвовал в решении тех самых вопросов. О чём мы и рассказывали в главе об «Амурской экспедиции».

Собрав огромный фактический и статистический материал – в книге только одних таблиц более 20-ти, массу фактов и примеров, почерпнутых во время экспедиций, учёный-этнограф написал своё сочинение и указал его «жанр» в подзаголовке.

Книга содержит четырнадцать глав. Сорок страниц занимает первый раздел: «Очерк физико-географический». Он начинается главкой «Орография» (с греч. – описание гор и пляжей). Затем следуют: «реки», «флора», «фауна», «климат» и т. д. Исключительный по фактографии материал. В главе «Исторические данные» Арсеньев описывает все известные в то время факты освоения и присоединения к России края, доказывает, причём одним из первых русских учёных, что заселять земли восточнее реки Усури и по Амуру китайцы стали лишь в 70-х годах XIX века. Русские сюда пришли *раньше китайцев*, и эти земли принадлежат им не только по праву формального присоединения, подкреплённого официальными договорами с Китаем, но и первооселения, и первоосвоения.

Причём Уссурийский край, указывает автор, заполняли китайцы «особого рода»: «Как казаки в Запорожскую сечь, так и в Усу-

рийский край шли китайцы. Это были или преступники, которые спасались от наказаний и бежали из своего государства, или такие, которые не хотели подчиняться законам империи и желали жить в полнейшей свободе, на воле.

Отсюда и название «манцзы», что значит *полный или свободный сын*».

Но Геронтий Валентинович эту цитату не приводит, а вырывает из контекста другую: «Вообще, китайцы по природе народ крайне жестокий. По виду они чрезвычайно добродушны, но в то же время в характере их есть какая-то затаённая страсть к мучениям». Читатель «Красного знамени», конечно, сбит с толку: книгу Арсеньева-то он не читал. А если бы прочёл, то нашёл бы в ней и вот такие строки: «В характере китайца есть симпатичные черты – это внимание к чужим интересам, солидарность между собою, взаимное доверие и поддержка. Я ни разу не видел, чтобы работник уклонялся от работы и ругал бы своего хозяина».

Арсеньев приводит такой образчик договора между хозяином и работником: «Вся природа и жизнь вселенной регулируется законами порядка. Мы оба рождены от разных отцов, но отныне заключаем союз и будем братьями. Если мы и расстанемся, то сердца наши всё же будут чувствовать близость. Хотя мы родились и в разное время, наше желание – умереть одновременно. Будем делить счастье и горе, вместе будем проводить время, вместе станем пить и есть. Клянёмся в вечной дружбе. Далее следуют подписи».

Да, это действительно не укладывалось в марксистское учение о классах.

Читаешь живые арсеньевские описания подробностей жизни манцз (глава «Китайцы-земледельцы») и невольно удивляешься: как же он сумел всё это изучить – и их гостеприимство, и то, как они относятся к старикам, каковы у них ритуалы приёма пищи, как устроены жилища, какое подворье, огороды, одежда и т. д.

Но всё это понадобилось Арсеньеву, чтобы как можно убедительнее показать, что в Приморье в начале XX века создалось тревожное и, на взгляд автора, нетерпимое положение. Фактически из-за близорукости краевых правителей происходила настоящая экспансия чужого населения на приграничные русские земли. И как бы ни были «расслоены» китайцы, они приспособивались жить на русской территории, отбросив всяческие распри, которые потом назовут «классовой борьбой».

Укрепиться, *выжить* на чужой земле и *выжать* из неё все соки – вот какова была их «сверхзадача».

Снова цитируем В.К. Арсеньева: «Жёлтолицый арендатор тотчас же строит фанзы, выписывает из Китая своих родственников, приглашает помощников, нанимает рабочих и начинает хозяйничать.

Глядя на такую заимку, так и кажется, будто кусочек Китая вместе с постройками, огородами и людьми взят откуда-нибудь из-под Чифу и целиком перенесён на русскую территорию. Изложенное было бы не так страшно, если бы хозяином положения оставался бы русский, а китаец был бы у него простым работником. Но наблюдения показывают иное: китаец – хозяин на земле, а русский – владеет ею только номинально».

Арсеньев на многих страницах предостерегает власти: надо переломить отношение русских переселенцев к их новой родине, которые подчас смотрят на свою жизнь здесь как на ссылку. И не грех учиться трудолюбию у тех же китайцев. Он прямо говорит, что в русских деревнях он часто видел запустение, ссоры, пьянство, «два враждебных лагеря» – «хозяина и работника» (вот тебе и пример классовой борьбы!). И далее: «Ни на чём не основанное право на пособие со стороны казны среди русских, у которых почему-то сложилось убеждение, что казна должна содержать их всё время, пока они живут на Дальнем Востоке».

Но правительственные чиновники ничего не делают, чтобы что-то изменить. Между тем китайцы при попустительстве властей проводят свою «политику». О том, как немилосердно притесняют «солидарные между собой» чужеземцы коренных жителей, В.К. Арсеньев пишет в главе «Эксплуатация инородцев». Он приводит много конкретных примеров коварства, обмана, закабаления детей тайги.

Вот только два. В посёлке Сидами автор познакомился с тазом Си-ба-юн, задолжавшим китайцу 400 руб. «В уплату долга пошли собранные в течение 8 лет 86 соболей, корень женьшеня и две пары пантов, и долг не только не уменьшился, а возрос ещё более». Когда Си-ба-юн достал соболей меньше, чем требовал китаец, его избивали до полусмерти палками, отобрали жену, дочь и сына, а самого продали за 100 руб. другому китайцу.

Далее читаем: «Один раз на реке Бикине я натолкнулся на такую картину: должник ороч за большие пальцы рук на тонкой верёвке был повешен на сук дерева. Несчастный стонал, рядом стояли и плакали его жена и дети. Тут же в стороне кредиторы-китайцы равнодушно играли в баночку. Я заступился за обиженного».

Спаивали китайцы туземцев таким иезуитским способом: «сперва они приучали их пить ханшин (китайская водка), к которой примешивают немного опия. Такое угощение продолжается довольно долго и затем вдруг сразу прекращается под тем предлогом, что спирт весь вышел. Как только пациент начнёт немного болеть, китаец предлагает ему покурить опий. С этого момента ороч в его руках. Это его рабочий, раб, скот, животное».

Главы «Охотники и звероловы», «Промыслы», «Искатели женьшеня» Арсеньев посвящает описанию того, как китайские отходни-

ки напористо и с размахом истребляют живое бесценное богатство тайги, да и саму тайгу тоже. При этом действуют с удивительной наглостью, заранее зная бессилие власти. «В 1906 году, – пишет Арсеньев, – в одной из покинутых зверовых фанз на реке Санхохе мне удалось найти документ, написанный китайскими иероглифами. Документ этот был переведён... и заключал в себе переписку китаец-охотника с китайцем, живущим около Пекина. В документе, в котором выделения сделаны Арсеньевым, говорилось «о продаже верховьев реки со всеми притоками как охотничьего места и о продаже дуй-фанзы и всех соболиных ловушек». Приводится цифра: «В период между 1899–1910 годами численность китайских охотников здесь достигла до 50.000 человек».

То, что это были браконьеры – несомненно.

О нравах, привычках и обычаях, а заодно и пороках, но, снова повторим, не всего соседнего с нами народа, а лишь о его далеко не лучшей «части», незаконно проникшей в Россию, Арсеньев пишет в чрезвычайно насыщенных фактами и примерами главах «Ханшин», «Опиум и врачевание» и «Азартные игры». Завершают портрет «симпатичного китаец» главы «Хунхузы», «Китайские законы» и «Китайские организации в городах», из которых приводились уже цитаты.

Но что было Г. Ефимову до всех этих арсеньевских примеров и рассуждений, к тому же написанных ярко и публицистично. Он силился доказать, что «Китайцы в Уссурийском крае» – цитирую из статьи: «Книга о задачах русского империализма на Дальнем Востоке».

Можно было бы возразить на это, что русской империи блестяще удалось в XIX веке, как справедливо писал Ф. Нансен, «завоевать всё Приамурье и Уссурийский край до границ Кореи, не вынимая меча из ножен, одними дипломатическими переговорами. Стоило нескольким морякам водрузить русский флаг на устье Амура – и русский царь Николай I мог присоединить весь этот край к своим владениям на том основании, что «где русский флаг однажды поднят, там он не будет спущен никогда».

Арсеньев же своей книгой предупреждал: мало только поднять русский флаг, надо присоединённую к России землю, воспользуемся словом А. Солженицына, еще и *обустроить*.

А для этого необходимо было решить «жёлтый вопрос».

Арсеньев воздерживается от крайних прогнозов. Вряд ли он знал пессимистическое, правда, наполовину, увы, сбывшееся, высказывание побывавшего в России в XIX веке автора «Трёх мушкетёров», но если бы даже знал, думаем, с таким вариантом развития событий не согласился. Дюма-отец написал так: «Однажды это государство рухнет. Оно развалится не как римская империя на множество

других государств, оно развалится на четыре части. Сначала отпадут западные земли со столицей в Варшаве, потом Юг со столицей в Тбилиси, после – Дальний Восток до Урала. И останется опять одна «Московия».

Так же уверенно, что сказанное им сбудется, писал А.П. Чехов, правда, не в предназначенном для печати письме А.С. Суворину, направленном им в Петербург 27 июня 1890 г. из Благовещенска: «Китайцы начинают встречаться с Иркутска, а здесь их больше, чем мух... Китайцы возьмут у нас Амур – это несомненно. Сами они не возьмут, но им отдают его другие, например, англичане, которые в Китае губернаторствуют и крепости строят. По Амуру живёт очень насмешливый народ; все смеются, что Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыла об Амуре. Нерасчётливо и неумно».

А вот что об этом же писал Ф. Нансен в книге «В страну будущего»: «Нетрудно понять, почему общее мнение в России требует, чтобы занятое ею положение на Дальнем Востоке поддерживалось во что бы то ни стало. Если бы Россия была побеждена в борьбе с «жёлтой расой» – рано или поздно померяться силами им всё-таки придётся! – и лишилась бы части своих владений на Дальнем Востоке, быть может, вплоть до Байкала, – престижу России как мировой державы был бы нанесён тяжчайший удар, и всякую возможность этого необходимо предотвратить любой ценой. Можно ещё прибавить, что её необходимо предотвратить не только в интересах самой России, но и всей Европы. Подобное поражение могло бы иметь роковые последствия для всего европейского культурного мира».

Можно с большой долей уверенности утверждать, что к такому заключению подвёл Нансена именно Владимир Клавдиевич.

Почему же он сам так прямо не написал? Видимо, не хотел неприятных объяснений в цензурном комитете и у генерал-губернатора, в прямом подчинении которого находился. В конце своей работы Арсеньев написал более приземлённо и конкретно: «Много зависит от того, насколько наша политика на Дальнем Востоке будет устойчивой. К сожалению, до сего времени она была очень неустойчива. *«Сегодня кажется так, завтра – иначе...»* (выделено Арсеньевым. – Б. С.). Выражение это, взятое из законов китайских организаций в Уссурийском крае, более чем применимо к нашей дальневосточной политике».

Приведём ещё одну цитату из книги Арсеньева. Читая её, так и хочется воскликнуть: не в одной ли из постсоветских газет в конце минувшего века это было напечатано?!

«В самом деле: то слышишь, что Приамурье – бесполезная для нас колония, что она даже вредна государству, что её следует

уступить кому-нибудь из соседей и чем скорее, тем лучше. Общие толки, статьи в газетах – всё направлено в эту сторону; то вдруг начинаем отстаивать интересы свои в Корее и Маньчжурии, и дело доходит до кровопролитной войны. То же самое повторилось с таможенной. То она учреждается, то вновь открывается порто-франко, то одни товары облагаются пошлиной, то другие. То же самое случилось и с вопросом относительно труда «жёлтых». То китайцы нужны нам, то вдруг оказывается, что их гнать следует. До 1906 года вредны были китайцы и полезны корейцы, потом обратно, началось преследование корейцев и покровительство китайцам. Так продолжалось до 1910 года. Кто поручится, что года через два не начнётся покровительство другим соседям – японцам. Такие эксперименты чрезвычайно тяжело отзываются на крае».

В этих строках проглядывает Арсеньев-политик.

Жаль, что он им не стал. Впрочем, Боже упаси: сломал бы голову куда скорее!

Рекомендации, которые даёт Арсеньев для решения «жёлтого вопроса», конечно же, полны иллюзий, что отличали тогда не одного интеллигента-либерала. Хотя таковым на деле не был наш герой, но не был он и глубоким политиком. Эта «профессия» была ему в общем-то чужда.

Если бы публикация в краевой партийной газете обвиняла автора «Китайцев...» лишь в «безнадёжном либерализме», ещё куда ни шло. Но в ней итоговая формулировка бьёт наотмашь: *«Мы имеем право квалифицировать взгляды Арсеньева в области национального вопроса, как откровенно шовинистические, идеалистические, уходящие своими корнями в активную пропаганду империалистических идей и защиту интересов русской буржуазии»*. В другом месте статьи так же хлётко и безапелляционно: *«Жестокую, неумолимую, империалистическую политику проповедовал Арсеньев – только это и ничто другое»*.

А ведь уже с конца 20-х годов на Дальнем Востоке жёсткую политику стала не на словах, а на деле проводить большевистская партия. Решался «национальный вопрос» так: одних переселяли в далёкую Среднюю Азию, других же просто репрессировали, казнили как «агентов и пособников империализма».

В свете таких «революционных решений» борьба с хунхузами, в которой принимал участие наш герой, кажется детской игрой в «казаки-разбойники».

Правда, будем объективны. В 30-е годы минувшего века многое в нашей стране делалось, чтобы Дальний Восток стал могучим форпостом на Тихом океане, избежал удара японских милитаристов, об опасности войны с которыми в своей книге писал Арсеньев.

Вот каким прогнозом завершается она: «Уссурийский край – будущий театр военных действий, и потому все мероприятия правительства должны быть, прежде всего, направлены на Амур вообще и на Уссурийский край в особенности».

Не думал – не гадал наш герой, что эти слова сбудутся так скоро.

После 1917-го Дальний Восток захлестнула интервенция. Тогда, считай, пять лет велись настоящие военные действия, в которых с одной стороны участвовали японские войска, белые части, всевозможные банды, а с другой – партизаны и народно-освободительная армия, завершившая поход к Тихому океану «штурмовыми ночами Спасска и волочаевскими днями».

Вторично война пришла на Дальний Восток в августе 1945 года. Только благодаря сокрушительным ударам советской армии в Маньчжурии, на Сахалине и Курильских островах японцам даже на метр не удалось перенести боевые действия на нашу территорию.

«Китайцев в Уссурийском крае» у нас «реабилитировали» лишь в 1993 году, когда в журнале «Дальний Восток» опубликовали главы из этой работы, предпослав предисловие члена-корреспондента РАН Владимира Мясникова. Затем в 1997-м их напечатали снова в Хабаровске в двухтомнике сочинений В.К. Арсеньева. В Москве выпустили этот труд отдельным изданием спустя семь лет, включив в книгу и главы из работы Ф. Нансена «В страну будущего». Правда, тираж у неё был всего 1500 экземпляров. В третьем томе собраний сочинений, выходящем в издательстве «Рубеж», эта работа недавно опубликована полностью с научным комментарием.

К сожалению, не удалось найти полный текст «Китайцев...» в интернете. Жаль. Как верно писал В. Мясников, «книга В.К. Арсеньева не только не устарела, но с каждым днём становится всё актуальнее», ибо ее «главным смысловым стержнем» является «вопрос о пагубности бюрократического верхоглядства для судеб российских дальневосточных территорий».

Только, добавим: не знал Арсеньев «рецептов», как от него избавиться.

Долго, долго и чиновники царской России, и советское правительство оставались, когда речь заходила о Дальнем Востоке, бюрократами-верхоглядами. А в постсоветские годы Дальний Восток ещё больше удалился от сидевших в стольном граде новых правителей.

Обратили на него внимательные взоры из Кремля лишь к концу первого десятилетия нового века. Много сделано в последние годы. Однако, какая же ещё нужна политическая воля, какие ресурсы и масштабные практические действия, чтобы живущие в

«стране», исследованной Арсеньевым, на деле убедились, что они не «далеко от Москвы».

А с нею рядом.

Живут не хуже.

И под надёжной защитой.

Неумолимо приближались в «терновом венце революций» годы 17-й и далее, далее, далее... На западе катилась по Европе война. Оттуда шли вести, то подающие надежду, но чаще – тревожные... У Арсеньева кончался жизненный отрезок пути по той самой «возвышенной равнине», которая рано или поздно должна была закончиться спуском. Только куда? Всеми своими пятью чувствами охотника, следопыта, ходока, армейского служаки и писателя наш герой не мог не понимать: впереди жди всяческих каверз, с которыми он не раз встречался в экспедициях.

Но хочешь не хочешь, а от судьбы никуда не деться.

Жизнь Владимира Клавдиевича в конце второго десятилетия века чуть ли не один к одному будет напоминать тот эпизод похода, что описан им в повести «В горах Сихотэ-Алиня».

Давайте перечитаем одиннадцатую главу.

«На другой день первое, что мне бросилось в глаза, это серое небо, покрытое слоистыми тучами. Отдалённые горы тонули в туманной мгле. Там шёл снег». Четверо путников шли по неизвестной местности к намеченному пункту: «Сперва мы попали в осыпи, где я больно ушиб ногу, потом залезли в ветроломную гарь... Затем мы вышли на зверовую тропу.

– Вот дорога, – сказал я своим спутникам. – Теперь мы пойдём хорошо.

– Маманзы, канкое ба (т. е. «Погоди, ещё увидим»), – заметил проводник многозначительно».

Скоро Арсеньев увидел на тропе «стрелу, воткнутую в землю», а «шагов через десять остановился перед заструганной палочкой, лежащей поперек тропы. Это был знак, что отсюда совсем близко насторожен самострел. Действительно, в трех метрах за палочкой виднелась тонкая нить, протянутая через зверовую тропу.

– Би (вот), – сказал удэгеец, указывая на лук толщиной в человеческую руку, с большой стрелой на крупного зверя».

Если бы, пишет далее Арсеньев, шедший впереди один из участников экспедиции не обратил внимание на условные знаки, «он задел бы нить и был бы убит наповал. От самострела дальше мы пошли целиною.

После полудня погода совсем испортилась. Сумрачное небо словно снизилось к земле. Белесоватая мгла надвинулась на нас, и пошёл снег... Так прошли мы по компасу ещё два часа.

Казалось, гари не будет конца... Местность была как-то странно пересечённая, мелкие распадки чередовались с подъёмами на увалы с крутыми и пологими склонами... Всё говорило за то, что собирается сильная пурга... За снегом ничего не было видно».

Арсеньев понял, что центр циклона идёт прямо на них, «а мы ему навстречу». «Ветер... то ослабевал на мгновение, то вдруг, словно зверь, сорвавшийся с цепи, бросался на людей. Он поднимал тучи снега с земли, и тогда казалось, будто в лесу пожар. Мгновенно деревья пропадали из глаз. Порыв ветра уходил, дымовая завеса исчезала, и большие древесные стволы, запорошённые снегом, опять появились в непосредственной близости. Наконец, стало смеркаться. В это время мы вступили в густой хвойный лес».

Далее Арсеньев описывает вынужденную ночёвку выбившихся из сил людей. Разожгли костёр, хотя сделать это было очень непросто. Поставили односкатные палатки. «Чем больше смеркалось, тем сильнее неистовствовала пурга. Ночь провели без сна, зябли и с нетерпением ждали утра».

На рассвете «небо стало очищаться, но зато ветер ещё более усилился... Собрав котомки, мы снова пошли вперёд и не успели сделать и сотни шагов, как сразу вышли... против самой фанзы Кивета. Это всех одновременно обрадовало и рассердило. В такую погоду ночевать в лесу, рядом с домом! ...Через полчаса мы сидели дома, пили чай...»

Но снежная буря продолжала неистовствовать... «Около полудня с северной стороны надвинулась чёрная туча с разлохмаченными краями, и ветер сделался чрезвычайно сильным. Он сломал мачту нашей метеорологической станции до самого основания. К сумеркам стали опасаться за крышу дома и на всякий случай привязали её к соседним деревьям. Буря свирепствовала всю ночь»...

Нашего героя ждало нечто подобное.

После двух этапов «Амурской экспедиции» он всё надеялся вырваться снова куда-то подальше от этой суеты, из города. Смотрел на карту: сколько же в ней ещё неоткрытых районов! После встречи с Нансеном по-настоящему заболел Севером. Даже план в голове созрел отправиться на остров Врангеля, где живут на краю Ледовитого океана люди, о которых науке ничего не известно. Если бы, мечтал, удалось на манер Миклухо-Маклая пожить на острове эдак годика два-три. Сколько же ценнейшего материала мог собрать! Стал даже предпринимать какие-то шаги в поисках, как сейчас говорят, «спонсоров».

Но куда там!

Тогда он занялся подготовкой книг о первых путешествиях к печати. Кропотливая предстояла работа... В предисловии к первому изданию повести о Дерсу Узала Арсеньев напишет:

«К 1917 г. к печати были готовы три книги. 1. «По Уссурийскому краю». 2. «Дерсу Узала». 3. «В горах Сихотэ-Алиня». Ещё в черновом виде они ходили по рукам моих друзей и знакомых, в числе которых немало было педагогов. Их отзывы и мнения утвердили меня в том, что общество приветствовало бы появление такого научно-популярного описания края, из которого учащаяся молодёжь почерпнула бы немало интересных и полезных сведений. Однако революция и связанный с нею крах печатного дела в России принудил отложить издание этих книг до более благоприятного времени». Обратите внимание на то, как определил жанр своих книг автор и на какую аудиторию читателей рассчитывал.

Прежде всего на школьников.

«Однако революция и...» Так у Арсеньева начало срываться одно, другое... Не «расчистил горизонт» и уход со службы из Переселенческого управления, а фактически из-под крыла генерал-губернатора. Концом 1916 года помечено письмо учёному С.М. Широкогорову, в котором Арсеньев предстаёт не совсем в привычном для нас свете. Читаешь его и вдруг открывается человек не понятый, даже издёрганый, с уязвлённым самолюбием и раненой душой. В нём, пусть только чуть заметным изломом, намечается кризис:

«У меня была мобилизация (вероятно, он хотел сказать, «демобилизация», т.е. «упадок»? – Б. С.) душевных и умственных сил. С первых же слов вы поймёте. Произошёл полный разрыв с Гондатти. Он больно задел моё самолюбие. Произошло объяснение. Я сказал ему, что больше мне у него делать нечего. На другое утро я пошёл к Командующему Войсками с просьбой принять меня на службу в Военное Ведомство. Начались сношения с Петроградом. Те дни я страшно был расстроен и находился, можно сказать, в состоянии чёрной меланхолии. В те дни (характерный повтор в письме. – Б. С.) я не читал писем, складывал их в ящик. Извините меня за это. Мозг работал в одном направлении. Надо было устроить себя, надо было где-нибудь устроить сына, надо было позаботиться о больной жене (вот ещё одно упоминание об Анне Константиновне. – Б. С.), надо было ликвидировать всю свою обстановку, сдавать Музей и ехать в Иркутск. Только теперь, когда приблизительно выяснилось моё положение, я могу связно излагать свои мысли и отвечать на письма друзей и знакомых. Одновременно с этим я узнал, что Гондатти хочет меня лишить дополнительного содержания (500 руб.), на которые я рассчитывал... Вот всё это и заставило меня хромать на оба колена...».

Раньше он таким чувствам волю не давал. Разве что, когда погиб Дерсу?

Из Петрограда шли вести одна сногсшибательнее другой. Отречение императора. Россия – республика – какой тут знак ставить: восклицательный или же ?.. Что тогда прежде всего интересовало Владимира Клавдиевича?

«Приказ № 1» Петросовета, который наделяет солдат гражданскими правами и ставит их в равное положение с офицерами вне службы. Отменяется титулование. Сформировано Временное правительство. Оно намерено править сбитой с толку державой до назначенного на январь 1918 г. созыва Учредительного собрания. Но его неизвестно когда предстоит избирать. 5 марта – новый приказ: отменено понятие «нижний чин». Теперь рядовых можно называть только солдатами и обращаться к ним на Вы. 9 марта – Романовы арестованы... Война продолжается.

Временное правительство призывает вести её до победного конца.

В этой круговерти Арсеньев не знал, что его уже завтра ждёт. Из Главного штаба пришла депеша, чтобы он принял полк, а командующий приамурскими войсками просил назначить Арсеньева к нему штаб-офицером. В конце марта «приказом по армии и флоту» подполковника В. К. Арсеньева всё же зачисляют в 13-й Сибирский стрелковый запасной полк и в начале мая отправляют на фронт.

Прощание с женой, сыном, друзьями, оглушёнными этой вестью, с сослуживцами, пока отсиживающимися в тылу. Снова, как в 1900 году, эшелон, только сейчас готовый тронуться в обратную сторону. Теплушки с нижними чинами, нет, теперь их называть можно только солдатами.

И только на Вы.

Легко представить, с какими чувствами ехал Арсеньев на войну. Но до фронта, что, по слухам, разваливался на глазах, Владимир Клавдиевич, слава Богу, не доехал.

Почему его вернули прямо с пути (эшелон добрался только до Ачинска)? От возможно неминуемой гибели спас Арсеньева (как его спутника на охотничьей тропе от удара самострела уберёг проводник) тридцатилетний преподаватель математики и географии учительской семинарии из города Никольск-Уссурийского.

Звали его Александр Зиновьевич Фёдоров, в будущем ботаник и археолог.

Это – интересная история. В 1916 году стараниями Фёдорова открылось Южно-Уссурийское отделение Приамурского отдела ИРГО. Приехал он в Хабаровск набираться опыта. Арсеньева и раньше знал, ценил его талант очень высоко. Ему, как и другим преподавателям, Владимир Клавдиевич давал читать свои рукописи. Они подружились.

И вот вдруг этот уездный учитель узнаёт, что Арсеньев мобилизован на войну. Стал тут же звонить, как говорится, во все коло-

кола, послал телеграммы и письма знающим Арсеньева учёным, в Академию наук, в ИРГО в Петербург.

Замечательную телеграмму послал Фёдоров в адрес Временного правительства 24 апреля 1917 года:

Арсеньев «является единственным в мире знатоком Уссурийского края, его бродячих, полуседлых аборигенов, называемых инородцами, которые из-за безграмотного управления прежних властей и жестокой эксплуатации идут по пути быстрого вымирания... Областной съезд председателей исполнительных комитетов единогласно признал неотложным сосредоточить все дела местных инородцев в руках особого инородческого комиссара, в руках Арсеньева... Признавая, что интересы государственные требуют неотложной и разумной заботы об инородцах, до сих пор являющихся единственными посредниками между недоступной, сказочно богатой уссурийской тайгой и русской инициативой, Южноуссурийское отделение Географического общества настоятельно просит Вас, оставив Арсеньева в крае, дать ему возможность принести свои силы государству там, где никто не сможет заменить его, где вмешательство обыкновенного чиновника бесполезно и только ускорит процесс вымирания людей».

Учитель Фёдоров знал, какие слова и обороты могут «достать» высококолых чиновников.

Обращения Александра Зиновьевича возымели действие. Приказано было вернуть подполковника Арсеньева домой. В конце мая Владимира Клавдиевича с распростёртыми объятиями встречали в Хабаровске.

Но, собственно говоря, чему было радоваться?..

Впрочем, окружение нашего героя жило надеждами, что пусть не всё, но многое останется «по-старому». Для Арсеньева же была даже причина собраться за чашкой чая с друзьями, чтобы не только отметить возвращение. 30 мая решением Особой комиссии Русского географического общества за исследования на Дальнем Востоке он был удостоен премии имени М.И. Венюкова в размере 1.000 руб. Деньги оказались бы очень кстати, тем более что цены на всё росли.

Но их он так и не получил...

Да и чаёвничать времени не было.

В июне местные «республиканские» власти назначают Арсеньева комиссаром по устройству инородцев в Приамурском крае. Принять должность его уговорил хороший знакомый, бывший член Государственной Думы А.Н. Русанов, назначенный в свою очередь комиссаром Временного правительства по делам Дальнего Востока. (Скоро он окажется в эмиграции. Станет основателем и директором Реального училища в Шанхае. Умрет в 1936 г.)

В этом ранге Арсеньев пробыл до 7 февраля 1918 года.

Доподлинно неизвестно, как Арсеньев отнёсся к своей комиссарской должности. Но какие-то, пусть полупризрачные, надежды, что он сможет принести пользу коренным народностям на столь крутом изломе истории, он питал. За дело взялся энергично. В этом ранге успел побывать в районах устья Амура (3–12 августа), на Тунгуске (17 сентября – 4 октября) и, наконец, в более длительной экспедиции по бассейну среднего течения Амура: снова на Тунгуске и речках Олгон, Горин, Куры. Она длилась с 20 ноября 1917 по 5 февраля 1918 года. Во многих отношениях этот поход был не похож на все предыдущие.

О нём ещё расскажем подробно...

На имя А.Н. Русанова в августе он написал два доклада о притеснениях, которые чинят аборигенам местные и заезжие купцы, контрабандисты и перекупщики. Вот какие выводы делал в одном из этих докладов Арсеньев о положении рыбаков-нивхов, которых тогда называли гиляками:

«1. Если теперь же не принять каких-либо мер по обеспечению гиляков юколой, то, по крайней мере, в течение шести месяцев придётся снабжать их продовольствием за счёт казны. 2. Главная масса рыбы не поступает к рыбопромышленникам и не остаётся у гиляков, а проходит через руки хищников. Значительная часть её не попадает на русские рынки. Много рыбы увозится куда-то, быть может, в Корею и Японию, на корейских шаландах. 3. Все лица, не принадлежащие к инородцам и живущие в их стойбищах, обычно выступают в роли самых беззастенчивых эксплуататоров инородческого населения и являются элементом, губительно действующим на экономическое и моральное состояние инородцев. 4. Эксплуатацией инородцев занимаются не столько рыбопромышленники (их вина в том, что они, будучи в курсе дела, смотрят на всё сквозь пальцы), сколько посредники (перекупщики рыбы) между ними и гиляками».

Арсеньев даже своих друзей просил ему помочь, посылать ему любую информацию, звал их поехать в стойбища. Тот же А.З. Фёдоров сразу же откликнулся.

Но что они могли сделать, кроме сочинения челобитных...

Бессилие своё и властей — временные, они и есть временные, Владимир Клавдиевич, увы, скоро хорошо осознал. Вот строки из его дневника: *«Куда ни глянешь – всюду бросается в глаза беспорядок, безалаберщина, всюду видна бессистемность. Что-то предполагалось сделать, но не доведено до конца. Потом, видимо, пришло другое лицо, пошли другие порядки, которые тоже не доведены до конца. С одной стороны, как будто бы тенденция к порядку, а с другой – как будто нежелание создать в деле порядок».*

Удручающее впечатление на учёного и одновременно какого-никакого должностного лица произвели русские переселенцы деревни Архангеловка, переехавшие на новое жительство на деньги правительства: *«У этих людей... незаметно даже стремление к культуре, нет даже желания хоть немного улучшить свою жизнь. Это тоже дикари, такие же вымирающие, как орочи и негидальцы».*

Сколько грусти и безысходности в этой записи!

Арсеньев даже приходит, уже после посещения другой деревни, к такому несвойственному ему раньше крайнему выводу: «Преображенская – настоящее стойбище дикарей. От таких засельщиков стране приносится только вред. Скорей бы они спились, перерезали друг друга и хотя бы таким образом очистили край, предоставив его туземцам, гольдам, орочам и тунгусам».

Что-то надломилось в нашем герое. Если так стал рассуждать...

А вот что он узнал в одном из стойбищ: «День прошёл в обходе юрт и в разборе долговых обязательств тунгусов к китайцам. Последние продают табак по 120 руб. пуд, а икру принимают вместо 12 руб. за пуд по 6 руб. Икра меняется на чай и табак. Выяснилось, что при такой меновой торговле табак продается тунгусам по 240 руб. за пуд. Кабалья задолженность тунгусов китайским купцам при этих условиях вполне понятна».

Несколькими строками ниже читаем: «Местные жители вышли нас провожать вместе с женщинами и детьми. Когда лодки отплыли, тунгусы подняли крики и стрельбу из ружей. Мы помахали им фуражками».

Наивные дети тайги и тундры, они надеялись, что новая власть им поможет.

Неизвестно лишь, на что надеялся комиссар, махавший им фуражкой...

В чёрно-багровые тона окрашен в истории России 1918 год.

Встречал его Владимир Клавдиевич Арсеньев на речке Кур. Отыскать её можно лишь на крупномасштабных картах Амурского бассейна. Если от Биробиджана проведёте глазами на северо-восток по очертаниям Куканского хребта, то уткнётесь в голубую жилку с надписью Кур, протянувшуюся до реки Тунгуски. Побывать там Арсеньеву советовал Л.Я. Штернберг, бывший председателем 2-го отделения комиссии РГО по составлению этнографических карт России.

Это, писал он, «самый темный в этнографическом отношении уголок».

На поездку у властей денег не оказалось. Да и кто тогда на Дальнем Востоке правил, трудно было разобраться: земства, организо-

ванные Временным правительством, управы или Советы? Вот каким был «расклад» депутатов I съезда Советов Дальнего Востока, состоявшегося 7 мая 1917 года во Владивостоке. Всего на съезд собрались 99 делегатов из самых разных городов, даже из Харбина приехали. Из них 15 объявили себя эсерами, 13 – меньшевиками, 12 – большевиками, 23 – «примкнувшими», остальные представляли какие-то «экзотические» партии.

30-м октябрём 1917 года помечен такой документ:

«Прошение комиссару Дальнего Востока.

Министр земледелия телеграммой от 12 июля текущего года за № 1715 сообщил, что я буду зачислен вновь на службу в Переселенческое управление. Об этом 29 июля мною посланы два прошения: военному министру и начальнику Переселенческого управления. Ввиду того, что теперь уже составляются сметы Переселенческого управления на будущий год, прошу не отказать возбудить ходатайство о включении в означенные сметы моего содержания.

Комиссар Арсеньев».

На писания подобных прошений уходили силы и время такого человека!

А результаты? Ноль.

Познакомился Арсеньев с неким В.А. Фёдоровым. У него оказались кое-какие деньжата. Он согласился субсидировать экспедицию на реки Кур и Горин в надежде быстро разбогатеть. Его доверенный Г.К. Петров, приданный в помощники комиссару, должен был ознакомиться в этом «тёмном уголке» с положением пушного промысла и торговли.

Так уже тогда вынужденно сходились интересы науки и бизнеса.

Махнул рукой наш герой и согласился.

Очень уж хотелось ему забраться в места, слывшие неприступными из-за переплетения рек и речушек, болотистых топей, а поместному марей, и никем на карту не нанесённых горных хребтов. Взял с собой двух студентов – Н.П. Делле и Г.Д. Куренкова (А.Н. Липского). С последним скоро не заладилось. Но об этой фигуре – дальше...

Путешествие оказалось чем-то похожим на прежние, если говорить о его трудностях и неожиданностях. Во многом и отличалось – в худшую сторону. Не было верных стрелков, не было прочного «тыла», который раньше обеспечивали штаб и генерал-губернаторство. Многие уже было не то и не так.

Однако упорный и трудолюбивый Арсеньев захватил привычный набор инструментов и приборов (только фотоаппарат не взял, о чём очень сожалел).

Такой штрих. Для вывоза груза экспедиции (а надо было сначала ехать на поезде до станции Ин) потребовалось вступать в сноше-

ния со многими инстанциями и людьми. Их перечислил в дневнике пунктуальный путешественник: «1. продовольственная управа; 2. военно-промышленный комитет; 3. транспортная комиссия; 4. начальник станции; 5. багажный кассир; 6. кондуктор и, наконец, 7. носильщик».

Всем надо было, конечно, «отстёгивать».

В пути Арсеньев снова вёл дневник, выспрашивал аборигенов обо всём, что его продолжало так интересовать. В стойбище Ку-кан пять дней, что там пробыли, донимал вопросами шамана и был приглашён на его камлание. Занимался и картографией, а на днёвках, представьте, успевал читать, и кого бы вы думали?

Немецкого философа Артура Шопенгауэра!

Стояла поздняя осень, самое тяжёлое время для передвижения. Много раз люди и лошади проваливались – не выдерживал тонкий лед, а идти приходилось часто по болоту и речкам, сначала по Ине, потом по Урми. Когда уже грянули настоящие морозы, продолжили путь на оленьих упряжках. И снова – мари, перевалы, выжженная палами целина, полыньи...

Лед, снег, снег, снег...

Г.Д. Куренков пожелал остаться у эвенков в Кукане. Потом заболели Г. Петров и нанятый в проводники эвенк Г. Поров – видимо, отравились. Одного пришлось даже оставить у встреченных русских лесорубов. Неугомонный Арсеньев бегал на лыжах на охоту, видел отпечатки на снегу следов тигра. У него разболелась нога, и он записывает: «28 декабря. Идти по глубокому снегу очень трудно, прошли только 9 S верст. Но скоро и более одной версты не могли осилить».

30 декабря наконец-то вышли к реке Кур. Впереди гигантская марь, на горизонте очертания леса, а за ним хребет Быгин-Быгинген. Как же не забраться на этого седовласого великана с таким чудным именем-отчеством, мирно разлегшегося почти параллельно невидимому отсюда полноводному Амуру-батюшке.

Скоро у тунгусов Арсеньев выяснил, что название хребта вовсе не его «имя-отчество», а «должность»: в переводе означает «начальник над начальниками». Или короче: «Вождь». Попрошается с богатырём Владимир Клавдиевич за полтора года до смерти, опубликовав в газете «Красное знамя» своё последнее художественно-документальное произведение – рассказ, так его и назвав: «Быгин-Быгинген».

Почему вспомнил в конце жизни о далёком путешествии, что с этим названием ассоциировал?..

На следующий день в доме якута Михаила Сургучёва путешественники встретили новый год. О нём Михаил Булгаков напишет в «Белой гвардии» так: «Велик был год и страшен год по Рождестве

Христовом 1918»...Он принесёт личное горе Владимиру Клавдиевичу: расправу бандитов с его матерью и отцом, братом с его женой, двумя сёстрами.

Но эта весть до Дальнего Востока будет идти долго...

14 января Арсеньев взошёл на хребет Ян-де-Янге, произвёл измерения температуры воздуха и атмосферного давления. Прорубив ступени в плотном снегу топором, поднялся на высшую точку. И замер от восхищения открывшимся с перевала видом: «Когда я достиг его, солнце уже совсем склонилось к горизонту. Позади на необозримое пространство расстилалась тундра, казавшаяся сверху большим белым диском «без меры в длину, без конца в ширину». Небесный свод, расцвеченный лучами заходящего солнца в пурпуровые, оранжевые и золотисто-жёлтые цвета, как бы опирался на её края и казался громадной хрустальной чашей, опрокинутой над землёю. День угасал... Снега, покрывавшие склоны Ян-де-Янге, окрасились в розоватые и нежно-фиолетовые тона. В умирании дня есть всегда что-то таинственное и грустное, как бы от сознания того, что прекрасный мир земной должен быть отдан во власть ночи, победно шествующей с востока».

Далеко не мажорное настроение преследовало тогда нашего героя. Даже природа, вечная и бессмертная, замирает в ожидании тьмы. А человек, существо на фоне гор такое крохотное, и жизнь его так быстротечна: утро – день – ночь...

Только вот ночь для человека может прийти с разных сторон.

Очень расстроила Арсеньева стычка с жителями русского села Мамлыж. Из-за чего она произошла, сейчас не так важно. А вот запись, которую сделал об этом неприятном эпизоде Владимир Клавдиевич, наталкивает на серьёзные размышления: *«Я никак не могу понять, почему так озлоблены мамлыжане? Никому из них я не причинил ни разу зла, не знаю их в лицо, не знаю их имён и фамилий. Вся вина моя в том, что я занимаюсь наукой (географией и этнографией). И по возможности помогаю инородцам. Амурские гольды в достаточной степени уже испорчены своими русскими соседями, но тунгусы в горах и удэгейцы действительно бедные и весьма нуждаются в помощи». И далее: «Во время революции русское крестьянское население всякого учёного путешественника считает врагом народа, достойного только изгнаний и оскорблений».*

Не первым ли из русских интеллигентов, которые остались в России и после революции, Арсеньев так чётко определил, на кого падёт это клеймо – «враг народа»?

Мучило Арсеньева бессилие как-то убедить людей, смотрящих на него волком, что так жить нельзя. Да и помощь аборигенам какую уж там он мог оказать, сам сейчас зависящий от хабаровского

толстосума? Уже тогда, вероятно, у него развеялись последние иллюзии, что комиссарская должность что-то да значит.

Но наш герой оставался по-прежнему собранным, напористым, бесстрашным.

Вот лишь хроника января, сделанная по записям в дневнике.

Экспедиция держит путь домой.

12 января. Олени преподнесли «сюрприз»: съели большую часть сухарей, так как тюки с продовольствием не были убраны. Придется в пути еду экономить. 15-е. Остановившись в хвойном лесу биваком, собрали оленей и подоили. Молоко – густое, белое, похожее на сливки, очень понравилось. 16-е. Подкрепившись, прошли 20 вёрст по сопкам, лесным увалам, заваленным буреломом. Старшина из села Антаги попросил у Арсеньева ружьё, пошел на охоту и убил медведя. На днёвке ели медвежье мясо и лепешки из муки. Читали книгу о поучениях Будды. Шопенгауэра, видимо, уже осилили... 21-е. Попрощавшись с эвенками, сопровождавшими до этого их с оленями и рассчитавшись с ними, продолжили часть пути на двух одолженных у нанайцев собачьих нартах.

24-е. Арсеньев с якутом Лугановым, преодолев в оба конца 30 вёрст, исследовали местность и варианты дальнейшего передвижения. 25-е. «Шли в одних рубашках и обливались потом, последние вёрсты еле-еле двигали ногами и через каждые 200–300 шагов останавливались, чтобы перевести дыхание».

26-е. Продовольствия осталось дней на семь. 27-е. Сильный снег продолжал идти. Арсеньев с якутом все же протоптали на лыжах нартовую дорогу до оз. Болонь и вернулись на бивак. Но её, как потом оказалось, занесло. Делле с якутами ушли на лыжах к нанайцам за собаками. Их ожидали три дня. 30-е. Делле и Луганов вернулись с нартами и девятью собаками. Одна из последних записей мажорная: «Велика была наша радость. Завтра в путь. Прощай, дубовая релка, я долго тебя не забуду».

Пятнадцать вёрст по снежной целине на нартах до стойбища Нергуль, затем на лошадях до почтовой станции. 5 февраля поезд пришёл в Хабаровск, и, как раньше, можно было вдоволь попариться в бане и выпить хорошего чаю из стакана с подстаканником.

Итог экспедиции. В архиве хранятся не только дневники и карты, но и рисунки Арсеньева, воспроизводящие якутский орнамент и старинную икону, атрибуты и предметы одежды шамана, список 13 образцов горных пород и минералов; описание встреченных по пути животных: енота, кабана, хорька и др. и даже их фигурки, вырезанные из бересты, словарь названий птиц и животных на якутском, эвенкийском, нанайском и удэгейском языках, таблицы с показаниями барометра и температур за весь путь, много записей сказаний и легенд.

За два с половиной месяца Арсеньев сумел собрать материал, по своему разнообразию и объёму (149 л.) не уступающий материалам некоторых исследователей, в течение нескольких лет подряд работавших в полевых условиях. Это ли не пример настоящего учёного-труженика! Книгу об экспедиции Арсеньев хотел, но не успел написать. По некоторым сведениям черновую рукопись он подготовил, но она пропала.

Хабаровск, в который Владимир Клавдиевич вернулся, был полон тревожных слухов. Их тогда лишь *сообщали* друг другу, не отваживаясь давать им оценку, обсуждать.

Обстановка оставалась взрывоопасной и непредсказуемой.

В телеграфном стиле перечислим главные события тех лет, происходящие на Дальнем Востоке. В конце декабря 1917 года (25 декабря – 3 января 1918 г. по н. стилю) на съезде Советов в Хабаровске были признаны все декреты II Всероссийского съезда Советов, ВЦИК и СНК РСФСР, избран Далькрайисполком. 15 января 1918 года в Петрограде объявлен Декрет об организации рабоче-крестьянской Красной Армии. В Приморье началась запись добровольцев в Красную гвардию. Созданы революционные трибуналы. 27 января в Томске объявлено о создании Временного сибирского правительства во главе с правым эсером П. Дербером, в мае оно переберётся во Владивосток. 13 марта разгромлен белоказачий мятеж в Амурской области, которым руководил атаман эсер Гамов; в статье из благовещенской газеты «Народное дело» выражается надежда, что «над краем распространится тень дружеских штыков какой-либо из соседних держав»; Гамовцы скрылись в Маньчжурии.

Весной 1918 года в Хабаровске образован Дальсовнарком.

17 мая заведующий Приморским переселенческим районом Б.Н. Клепинин отправил в Дальсовнарком такую бумагу: «Начальником экспедиции на Камчатку мною приглашён исследователь Дальнего Востока В.К. Арсеньев с окладом в 6.000 рублей, утверждённым 23(10) февраля 1918 года Советом народных комиссаров для специалистов, исполняющих работы самостоятельно. Приглашение В.К. Арсеньева прошу утвердить». На бумаге резолюция комиссара переселения: «Кандидатура Арсеньева, как исследователя, желательна и утверждается».

Значит, скоро прощай беспокойный Хабаровск, где сегодня красные и розовые, а завтра кто?.. Может быть и к лучшему: в краю вулканов, цунами и землетрясений ему будет безопаснее?

В июне из недр новой власти вышла ещё одна бумага: В.К. Арсеньев назначался заведующим устройством переселенцев на Кам-

чатке. И назначили ему даже двух помощников: бывшего казачьего генерала А. Савицкого и некоего В. Шрейбера. (О последнем нам ничего не известно, а генерал потом эмигрирует в Китай, станет членом-учредителем Общеказачьего Союза в Шанхае. Скончается в Канаде.)

Путешествие планировалось на два месяца.

Камчатка, как и Сахалин, давно манили Арсеньева. На острове он побывал в 1910 году, когда в Хабаровск приезжал Л.Я. Штернберг, и они тогда познакомились. Правда, были на Сахалине совсем недолго. А вот полуостров он увидит скоро и узнает, насколько жизнь там отличается от той, что шла на материке.

Отплыл Арсеньев из Владивостока 7 июля на пароходе «Сишан». Скоро записал в дневнике: «Более неудобного и грязного судна, чем этот самый «Сишан», я никогда не видел. Первый класс по праву революции заняла для себя команда парохода, оставив для пассажиров второй класс. Билетов было продано больше, чем мест. Поэтому часть пассажиров помещалась в кают-компании. Состав пассажиров самый разнообразный. На судне ехало много спекулянтов-кавказцев на Анадырь и Чукотский полуостров. Они эксплуатируют инородцев и в то же время снабжают их всем необходимым. То, что должно было делать правительство (какое?! – Б. С.), делают кулаки-хищники. Публика самая разнообразная: коммерсанты, техники, рыбопромышленники, золотоискатели, рабочие, искатели приключений, разного рода бродяги и проходимцы, любители лёгкой наживы за счёт обиженных судьбою чукчей, коряков и камчадалов».

Когда наш герой остался без всякого воинского звания и довольно высокого положения в администрации генерал-губернатора, у него как бы шире глаза открылись на людей, с которыми ему приходилось сталкиваться. И как часто эти люди стали вызывать просто отталкивающее впечатление.

Особенно его раздражали те, кто почувствовал себя «гегемоном».

Вот ещё одна характерная запись о заходе в японский порт Хакодате на острове Хоккайдо: «Русские, как народ, не имеющий национальной гордости, ходят по Хакодате с таким торжественным видом, будто они самые счастливые люди на земле. Что для них насмешки японцев... Один техник спросил японца, где у них дом терпимости. Жена японца язвительно ответила: «Над домом терпимости развевается русский флаг!» «Ха-ха!» – был ответ русского, и, веселый, напевая песенку, он пошел искать русский флаг над публичным заведением, где пьяные матросы удовлетворяют с площадью руганью свои животные страсти».

Но, заметим, отдавались-то им японки!

Как в этой невольной увиденной сцене вырисовывается характер самого Арсеньева, человека, принадлежащего к тем русским инте-

лигентам, которые могли тогда лишь по-чеховски выразить (и то лишь в дневнике) свою крайнюю брезгливость и стыд за людей, что говорили с ними на одном языке.

Но были крайней их противоположностью.

Пароход в Японии вёл погрузку. Читаем далее: «Тёмные личности везли на Анадырь для спекуляции и эксплуатации инородцев множество груза. Судном командует не командир, а судовой комитет. Этот комитет принимает участие в этих спекуляциях и за неизвестную мзду позволил так загрузить «Сишан», что он на два с лишним фута погрузился в воду против нормы (ватерлинии). Трап тоже окунулся в море. Мы все стали беспокоиться, но совершенно были бессильны что-либо сделать.

Командир справлял свои именины, а команда распорядилась судном».

Хорошо видел наш герой: Россия тоже напоминала такое судно, и ее ватерлиния медленно, но верно скрывалась под синей океанской кромкой. А не ровён час, разыграется шторм?

Да он уже катился по российским просторам!

Продолжим краткое перечисление политических событий на территории востока России. В конце мая 1918 года во Владивостоке был создан комиссариат Временного правительства, который почему-то назывался Западно-Сибирским. В июне он переехал в Омск. Тогда же (8 июня) в Самаре создали КОМУЧ – комитет членов разогнанного большевиками учредительного собрания, объявившего власть «на всей территории, освобождённой от большевиков», включая Дальний Восток. КОМУЧ провозгласил демократические свободы и даже гос. флагом учредил красный, объявил о мобилизации в Народную армию и об установлении 8-часового рабочего дня, восстановил земства и городские думы.

Одновременно по всему великому сибирскому пути вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса, воевавшего на восточном фронте мировой войны с немцами. Увидя, какая заваруха творится в России, союзники поспешили домой, но безопаснее им показалось возвращаться на родину не на запад, а на восток, чтобы добраться к себе через Сибирь, океан, Америку и Европу. Огонь мятежа уже «лизал» город у Золотого Рога, когда «Сишан» отдавал швартовы...

А до этого во Владивостоке в ночь с 4 на 5 апреля кто-то совершил убийство служащих японской фирмы «Исида». Японский генерал Х. Като был со своими кораблями тут как тут и, воспользовавшись удобным предлогом, высадил войска и стал занимать город. Оказался «случайно» в Золотом Роге и английский крейсер «Суффолк». Находившиеся на его борту военные моряки тоже высадили десант.

Так фактически началась на Дальнем Востоке интервенция. Война, о которой предупреждал Арсеньев, переступила русский порог на Тихом океане, но в активную фазу, правда, вступила не сразу. Почитайте, какие телеграммы посылал из Москвы красным властям, что изо всех сил держались на востоке, предсовнаркома В.И. Ульянов (Ленин).

Апрель. В Иркутск: «Ежели будут продвигаться, сопротивляйтесь».

Во Владивосток: «Самым категорическим образом предупреждаем товарищей: не делайте себе иллюзий. Японцы, наверное, будут наступать. Это неизбежно. Им помогут, вероятно, все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления, и готовиться серьёзно, готовиться из всех сил».

Каков стиль, напор, но видно, что информация с места скудна, а оттого эти чисто ленинские словечки: «ежели», «самым категорическим образом», рядом с «наверное» – «неизбежно», а далее «вероятно». Вот насчет «иллюзий» и «союзников без изъятия» Ильич оказался прав. Далькрайисполком тогда же выступил с воззванием, полным риторики того времени: «Не дадим нашим заклётым врагам потушить очаг мировой революции».

30 апреля создаётся Дальневосточный Совет народных комиссаров. В этом же месяце в Хабаровске состоялся очередной Съезд Советов. Советским органам на Дальний Восток СНК РСФСР направляет, приняв 11 мая особое постановление, крупные денежные суммы. Но красным приходилось туго. Как и призывал вождь мирового пролетариата, они «готовились без промедления», правда, неизвестно к чему – переговорам, войне, обороне, наступлению?

Войска интервентов во Владивосток всё прибывали. Подсуетились американцы, французы, даже китайцы. Чехи расхаживали по городу хозяевами положения. Бандитские шайки разных мастей где только не образовывались и чего только не творили.

29–30 июня Владивостокский Совет был свергнут. Летом образовался так называемый Уссурийский фронт, в котором против красных выступила вместе с отрядами «добровольцев» (их позднее станут называть «беляками») японская дивизия генерала Оои.

8 июля во Владивостоке «Временное правительство Автономной Сибири» во главе с Дербером декларирует принятие на себя прав центральной госвласти во всей Сибири.

Жена, сын и брат Арсеньева от греха подальше уехали на дачу, что стояла недалеко от станции Корфовская. Анна Константиновна увезла туда разные ценные вещи, часть архива мужа... Что там случилось дальше, она рассказывала так:

«В 1918 году мы жили на Корфовской даче и зимой, укрываясь от белых вместе с Волей и дядей Шурой. Муж в это время был в экспедиции. Сюда не раз приходили калмыковцы. Они знали Арсеньева и хотели забрать его в армию. По моему совету Воля собрал все золотые и серебряные медали Володи, его военные награды и ордена, все наши ценные вещи и несколько дневников Владимира Клавдиевича и, сложив всё это в цинковую банку, перевязал ее изоляционной лентой. Затем самодельный сундук с сокровищами был закопан около дачи. Когда же потом Володя стал копать в указанном месте, то ничего не нашёл. Или кто-то выкопал банку, или, скорее всего, Воля забыл место. Так около нашей дачи и лежит до сих пор этот клад, в котором самое ценное – дневники Арсеньева. Мы так и прозвали его «Корфовский клад Арсеньева».

Не всё в этом воспоминании убедительно. Даже такое: дело было зимой, когда в крае трещат морозы, а юноша копает мерзлую землю и прячет в яме большую банку... И тон рассказа, согласитесь, какой-то спокойный. Тогда ведь жена уже знала, что она фактически брошена, муж уходит к другой. Если потом Владимир Клавдиевич, как она вспоминает, приезжал и пытался «клад» найти, то вряд ли там, где банку спрятали, она ещё лежала...

Да и сама Анна Константиновна потом, как говорится, «меняла показания». В более поздних рассказах она утверждала, что ценности от бандитов прятал в банку сам муж. Разрезал зачем-то банку пополам, в половинки сложил дневники, двухтомную работу «Страна Удэге», часть рукописей, ценности, потом сложил половинки и шов запалял. И банку они закапывали уже вдвоём с сыном. Позже дача сгорела. «Как Арсеньев ни искал клад, обнаружить его не удалось», – заключает она эту вторую «версию».

Просто эта Корфовская – какое-то заколдованное место. Рядом с ней убивают Дерсу (Дэрчу), там же хоронят, и могила исчезает. Там же оказывается арсеньевская дача, где пропадает зарытая в землю оцинкованная банка со всем, чем так дорожил Арсеньев, а дача сгорает...

Возможно «корфовского клада» и не было?

Теперь нам до истины вряд ли докопаться.

В конце августа 1918 года V съезд Советов в Хабаровске воззвал к населению: «Ни одной пяди не уступим без боя». Но власть Советов скоро рухнула. В наступательной операции, если верить советским историкам, участвовало до 100 тысяч солдат и офицеров русской армии и 163 тысячи войск интервентов. Летом следующего года их число увеличилось, соответственно, до 350 тыс. и 270 тыс.. Начались чёрные дни так называемой калмыковщины. Войска казачьего атамана есаула И.П. Калмыкова вели расправу со всеми, кто

попал им под горячую руку. Называется цифра: уничтожено 5 тысяч человек.

Калмыковцы «правили бал» в Хабаровске до февраля 1920 года.

Тем временем КОМУЧ передал власть в сентябре так называемой Уфимской директории во главе с Н. Авксентьевым, а П. Вологодский возглавил «Всероссийский Совет министров».

Но всё это были дутые фигуры и образования.

18 ноября адмирал А.В. Колчак разогнал «Временное всероссийское правительство», совершив в Сибири военный переворот. Во Владивостоке он посадил своего наместника генерала Иванова-Ринова. В 1919-м Колчак будет наступать на Восточном фронте, осенью того же года отступать, а в следующем году его красные разгромят. Колчак сложит с себя звание Верховного правителя России, и командование белыми войсками на Дальнем Востоке перейдёт к казачьему атаману, генерал-лейтенанту Г.М. Семёнову. Но это будет, повторяем, уже в 1920-м.

7 февраля Колчака расстреляют в Иркутске.

Вернёмся на Камчатку. Лето 1918 года. Можно даже сказать, что нашему герою в какой-то степени повезло. В котел, под которым столько разнополярных сил разожгли гигантский костёр, он не попал, слышал лишь утробное клокотание в нём варева.

Полуостров поразил Арсеньева многим. Перед тем, как отправиться дальше, он выкроил время для прогулки по Петропавловску. Очень хотел, как влюбленный в историю Отечества человек, увидеть следы обороны города от англичан в 1854 году. Но за полвека с лишним мало что осталось.

С годами Владимир Клавдиевич становился всё более чувствительным, склонным к раздумьям, сожалениям. Вот и сейчас он записывает после посещения обросшего старыми тополями дома Завойко, старинной церковки рядом, казармы и цейхауза: «Чем-то особенно сентиментальным веет от этих построек. Невольно переносишься в далёкое прошлое и думаешь: как жаль, что я не жил в то время, когда русская армия и флот были гордостью России».

Удручило и состояние памятника Витусу Берингу: «...покачнулся и грозит падением. На памятнике Славы, что на Косе, карандашом сделано много посторонних записей. Неуважение к славе и к памяти погибших».

Подумал, видимо, писать или нет, и всё же добавил такие слова: «Чем больше я живу, тем больше нахожу отрицательных качеств у русского славянина. Самое же доминирующее у них – это беспринципность». Объяснить такое суждение можно лишь большим отчаянием, которое временами стало охватывать его.

Искал причины и вот одну из них увидел в характере русского человека.

Странные порядки установились в те годы на полуострове, где продолжали жить по старорусскому «правилу»: «До Бога высоко, до царя далеко».

О тогдашней обстановке тут оставил свидетельство историк-эмигрант И.И. Гапанович: «Камчатка достигла к 1917 г. некоторого благополучия и вышла из долгой спячки, значит, была готова к переменам. С другой стороны, здесь действовали факторы, которые мешали сколько-нибудь сознательно относиться к событиям». К числу этих факторов он относил отсутствие органов местного самоуправления, связи большей части аборигенного населения с русскими. Они «даже не говорили по-русски и, конечно, не могли понять, что происходило в России». Всем управляло петропавловское чиновничество «под видом новых учреждений – комитетов или Советов». Оно зависело от снабжения деньгами и продовольствием через Владивосток. «Этим, – пишет далее Гапанович, – создавалась политическая зависимость от Владивостока; каждый переворот там автоматически повторялся на Камчатке, с некоторым запозданием и порой в искажённом виде».

Когда сегодня читаешь записи из дневника Арсеньева, трудно отделаться от чувства некоторого удивления, недоверия к написанному и даже оторопи. Вот что Владимир Клавдиевич пишет, например, о живущих на полуострове (это, не забудьте, 1918 год!): «Люди, что называется, «зарвались» в деньгах. Камчатка изобилует деньгами». Только не уточняет наш герой, какая валюта там тогда была: царские рубли, керенки или, может быть, бумажки каких-то местных правителей?. И далее такое утверждение: «Страна снабжает население всем в изобилии без всяких с его стороны усилий, и это явилось причиной умственного и душевного оскудения».

Не совсем понятно: речь о всей России или только о материковой части Дальнего Востока?

Продолжение записи, правда, немного проясняет вышенаписанное. Арсеньев имел в виду прежде всего переселенцев, так как именно их положением интересовался как представитель какой-никакой, но власти. И вот что узнал: «Камчадалы, ведущие жизнь полудикарей, имеют в руках десятки и сотни тысяч (имеются в виду, видимо, рубли. – Б. С.). И этому населению Переселенческое управление хочет оказать ещё денежное вспомоществование как малоимущим. Женщина, пришедшая просить вспомоществование, имеет на ногах сторублёвые ботинки». Далее Арсеньев рассказывает о том, с чем столкнулся уже как путешественник: «Камчадал за два дня пути (перевозка грузов на вьючной лошади) берёт 40 руб.

с пуда. Пеший проводник за то, чтобы пройти 50 вёрст и указать дорогу, требует 110 руб.».

И далее: «Женщина предпочитает купить в магазине икру по 80 коп. за фунт, тогда как на рыбалке, которая находится рядом с её домом, свежая кета с икрой стоит 25–30 коп. Другую рыбу дают даром впридачу, каждая рыба даёт 11,2–11,4 фунта икры. При очистке рыбы икра обычно выбрасывается. На вопрос, зачем она покупает икру в магазине, она ответила: «Не стоит канителиться»...

Отношение аборигенного населения к русским, как выяснил Арсеньев, враждебное. И основную причину этому он видит вот в чём: «Все русские, прибывающие на Камчатку, за очень немногими исключениями – хищники, имеющие одну только цель: сорвать, пограбить и уехать восвояси. Камчадалы это видят: «Кроме зла эти люди ничего нам не приносят». Чувствуют это и русские. Они высказывают свои опасения и говорят: «Беда – нас мало!» Помочь этому можно только одним путём: не допускать проникновения хищников на Камчатку и контролировать живущих.

Иначе дело кончится резнёю».

Вряд ли комиссар Арсеньев мог провести в жизнь эти жёсткие, запретительные меры.

Его завязавшиеся новые знакомства на Камчатке, сближение с людьми, имевшими тогда там влияние, при Советах ему припомнят. Печальная участь постигнет Прокопия Трифоновича Новограбленова, с которым на короткой ноге сошёлся Арсеньев. Коренной камчадал, с трудом, но получивший высшее образование, он, окончив в 1907 году в Петропавловске городское училище и учительские курсы, продолжил учёбу в Июкогаме, затем – в Томске. Вернувшись из Сибири как раз в 1918 году, Новограбленов организовал Общество изучения Камчатки. Он будет репрессирован и в 1934 году погибнет.

Сблизился Владимир Клавдиевич и с братьями Демби, их отец слыл крупным хозяином рыбопромышленного дела на всём Дальнем Востоке. И сыновьям оставил богатое наследство. На вельботе Демби Арсеньев совершил поездку в село Камаки, где его интересовало племя, жившее там с древних времён. При раскопках он действительно нашёл несколько каменных орудий труда, наконецников копий и стрел из кремния и вулканического стекла и даже один человеческий череп, как определил Арсеньев, «инородческой женщины».

О двух месяцах, проведённых на полуострове, сохранилась в его архиве масса интересных сведений. Арсеньев, продолжая путешествие вверх по реке Камчатке, в каждом населённом пункте собирает, как он сам выразился, «анкетные данные», т. е. ведёт что-то вроде «переписи». Вот встретилось село Ключевское. Что оно со-

бой тогда представляло? «66 дворов коренных жителей (310 человек) и 11 приписавшихся (85). Корейцев 16, китайцев – 8, айнов – 1. Пользуются загрязнённой водой. В 1916 г. была эпидемия оспы. За последние 2 года умерло 135 человек. Больницы нет, а только фельдшерский пункт. Роды женщины принимают друг у друга. С 1918 года – двухклассная школа. 68 учеников. Учебных пособий нет. В школе грязно. Церковь деревянная, старая, небольшая». Подобные же сведения из сёл Кресты, Козыревское, Шапино, Мильково, Машура, Кирганик.

Кроме этого, Арсеньев записывает сведения фенологического, метеорологического, геоботанического и этнографического характера. По пути путешественник, ранее побывавший в разных медвежьих углах, удивляется вот чему. Первое событие экзотическое. На Камчатке, как оказалось, бродят в большом количестве косолапы. Сначала в раскопках он нашёл медвежьей черепа и сделал предположение, что у камчадалов эти звери пользуются особым почётом. Разбив бивак в лесу у одной из извилок Камчадалки, Арсеньев со спутником А. Дравнеком отправились на охоту и встретили множество медвежьих троп, но вернулись без добычи. А остановившись, уже на обратном пути, на реке Быстрой, они убили сразу трех медведей, когда те ловили лапами идущую на нерест кету. Арсеньев записал, что медведей видел так много, что «можно было убить ещё десяток».

Второе, что удивило Арсеньева, так это «технический прогресс», с которым он познакомился в селении Машура. Он обнаружил там... телефонный узел! По проводам можно было дозвониться в соседние пункты Мильково, Шапино и Кирганик, Козыревское. Правда, замечает Арсеньев, когда техника на целые месяцы ломалась, приходилось прибегать к помощи каюров.

Как заведующий устройством переселенцев, Арсеньев преуспел не во многом. Потому что стремился объять необъятное этот любознательный человек. Переписывает, например, тексты старинных песен. Это, поясняет Арсеньев, наследие первых землепроходцев-казаков камчатской команды Якутского пешего казачьего полка. И уже мечтает добраться до Колымы, где ещё больше можно было бы записать песен, сказаний и пословиц. А вот какие сведения заносил в дневник после бесед с камчадалами: о добывании огня, земледельческих орудиях, постройке дома, строении лодки и нарт, об отношении к медведю, как тотему, почитании родового бога реки, родовом огне, празднике вскрытия реки, воззрениях на падающие звезды, приметах, орнаменте, измерении местными жителями расстояний... Многие записи подкреплены рисунками.

Ещё интересовало его и как поставлено в сёлах земледелие. В Ключевском, оказывается, занимается им лишь шестая часть

жителей. На одном и том же месте, удобряя почву, сеют ячмень и коноплю в течение 200 лет! Получают недурной урожай. В селе имеется 6 плугов, 2 сохи, крюки для копания сараны. У села Мильково в лесу обнаружил два жёрнова, определил, что они относятся к XVII столетию. Но сейчас тут хлебопашеством давно перестали заниматься.

Правы были старшие товарищи, упрекавшие Арсеньева во «всеядности». Оно объяснимо для человека, не прошедшего высший курс знаний, так как расширяло кругозор. Но и очень в итоге распыляло внимание, загружало багаж всем, что, как говорится, под руку попадало.

Читая дневник, ясно видишь, что Арсеньева обуревают и тревожные чувства: помните запись сна о водопаде, нагой жене?.. Мучила неопределённость своего положения.

Может быть, думал даже о том, что взялся не за своё дело организатора?

Позже Арсеньев пытался, но не успел, и этот дневник обработать, соединив нынешнюю поездку на Камчатку с двумя последующими – в 1922 и 1923 годах.

Тянул, тянул его к себе этот полуостров!

Назад 6 октября Арсеньев пошёл во Владивосток на военном транспорте «Якут». Судно оказалось довольно стойким к морским передрягам. В дневнике осталась такая запись о плавании: «Прошло благополучно, если не считать смерча, водоворота и аварию ночью в Сангарском проливе».

Такое «благополучие» станет сопровождать нашего героя до смерти.

Глава VII

СОЮЗ ДВУХ СЕРДЕЦ В НЕПОГОДУ

- *Такая встреча могла быть* • *Семья Соловьёвых*
 - *Возвращение в город у Золотого Рога*
- *Разделю участь народа* • *Благословите нас...*
 - *«Вся твоя Маргарита»*

Стояла осень 1903 года. А может быть 4-го... Над Золотым Рогом бездонное, как близкий океан, небо. Сопки, тайга вокруг Владивостока, деревья на улицах и в скверах разделились, как настоящие модницы. Это время года здесь куда длиннее, ярче и разноцветнее, чем на Руси. Природа как бы извиняется за часто дождливое, туманное, ветреное, холодное лето.

Но мало кто из горожан любовался буйством красок, солнечными лучами, отражавшимися в толчее волн залива то зелёным, то густосиним цветом с проблескивавшими в нем карминовыми искрами.

Заботило взрослых другое: минует ли их война с японцем.

Но что было солнцу, небу, деревьям и морю до людских забот. Не обременяли они и быстро шагавшую по брусчатке горбатой улицы девчонку лет одиннадцати-двенадцати. Ранец болтался за ее спиной. Она-то точно была вся во власти этой прекрасной погоды, несколько не обращая внимания на невесть откуда-то возникшую над морем тучку да задувший лёгкий бриз.

Если бы вдруг она оказалась в... кибитке, как юный герой в недавно прочитанной ею повести Пушкина «Капитанская дочка», то ямщик непременно сказал бы:

«Буря, барышня, надвигается!»

Но бойкую пигалицу, названную родителями ветреным именем

Маргарита, какая-то там тучка вовсе не заботила. Тучка же скоро натащила за собой вереницу уже более грозных на вид соплеменниц, заполнивших всё небо. Циклоны в это время года на Дальнем Востоке действительно не редкость. И начинаются они обычно неожиданно. Как описал Арсеньев в книге «По Уссурийскому краю»:

«Облака имели разлохмаченный вид, двигались вразброд навстречу друг другу, и вслед за тем налетел такой сильный ветер, что гигантские деревья закачались, как слабые тростинки. В воздухе закружилась сухая трава, листва и мелкие сучья. Какая-то птица пыталась было бороться с разбушевавшейся стихией, но скоро выбилась из сил. Её понесло куда-то».

Понесло вихрем и нашу юную героиню. Когда ветер налетал сзади, она чуть ли не парила среди пыли и листвы, а если вдруг заведывал вихри перед носом, бежала спиной вперёд.

Ух, как здорово! – мелькало в её голове.

Настроение у Марго было радостное: историчка похвалила за домашнее изложение легенды о княгине Ольге (тут без папиной помощи, конечно, не обошлось), иностранка, как всегда, была восхищена её французским произношением (это мамина кровь). Старшеклассники на переменках стреляли в её сторону глазами, а однокашки обзавидовались и с досады корчили рожи.

Мчалась она домой, улыбаясь во весь рот. Только бы до ливня успеть. А что он с минуты на минуту грянет, сомнения не было.

И вот хляби небесные разверзлись.

Снова процитируем Арсеньева. В другое время и в другом месте он встретился с непогодой, но, заметим, как и в первом отрывке, автор невольно обращает внимание на живую плоть: там – птицу, тут – бабочку: *«Вот упали первые дождевые капли, сверкнула молния и загрел гром. От сотрясения воздуха хлынул ливень, затем посыпался ещё какой-то шум. Это шёл по лесу крупный град, маленькие кусочки льда отскакивали от камней и прыгали по земле. На воде появилось бесчисленное множество воздушных пузырьков. С деревьев сыпалась листва, никла трава, как подкошенная... Бабочка, застигнутая врасплох грозой, искала защиты под листком клёна, но ледышка ударила как раз в её убежище и раздробила ей одно крыло. Бабочка сделала попытку спрятаться в траве, но порывом ветра её отнесло к реке. Мутная вода подхватила изуродованное насекомое и понесла его на пороги».*

Маргарита на этот раз счастливо избежала участи бабочки. (Понесет её на смертельные пороги ещё не скоро.) Она сейчас напоминала щенка, вымокшего тотчас с головы до ног. В тувельках хлюпала вода.

– Ну, где он, наш дом?! – с досадой выкрикнула она. А в уме попыталась себя подбодрить: «Вот добегу и тотчас навстречу мне

выскочат Оля и Валя, выкатится трехлетний Коляша и все хлопают в ладошки: «Гром гремит, земля трясётся, поп на курице несётся!..». Потом закричат считалку: «Дождик, дождик, пуще! Я прибавлю гущи!..» А маман воскликнет, округлив глаза: «O'enfant terrible!» (Ужасный ребёнок. – *франц.*). Папа же, как рак отшельник, бочком-бочком отделится от своего письменного стола, поможет ей снять ранец, начнёт стаскивать туфли, прикоснётся губами к мокрому лбу – не горяч ли?..

Наконец-то Марго у крыльца своего дома. Взлетела по ступенькам под широкий козырёк: уф-ф! Тут дверь распахнулась, и перед её носом неожиданно выросла фигура мужчины.

Он был в офицерской шинели.

Маргарита с разбега налетает на него и тычется мокрым лбом прямо в его грудь. Тот даже отстраниться не успевает. В нос её ударяет запах сухого шинельного сукна. Такой, кажется ей, приторно-сладкий. Мужчина кладёт ей руки на плечи, осторожно отстраняет, глядит сверху вниз в мокрое лицо, улыбается в аккуратно подстриженные усы. И полувопросительно:

– Маргарита Николаевна? Да вас дома давно заждались! Ух, как вы промокли!

Прошла целая вечность, пока он легко держит её за плечи. В сухой-сухой шинели молодой офицер. Только на груди влажные следы – отпечаток её лица. А вода продолжала литься со всех трёх сторон козырька крыльца жидким стеклом, отгораживая их стеной от разгулявшейся в природе нечистой силы.

Ей уже совсем не холодно, и вода с её одежды будто вмиг испарилась. И шум низвергавшегося с небес ливня прекратился.

Покой и тишина воцарились на всём белом свете.

А прошёл лишь миг, пока они стояли, прижавшись друг к другу.

Первым шагнул в сторону офицер. Легонько подтолкнул к двери:

– Вам надо скорее домой! В тепло... Не простыли бы.

И ещё что-то такое говорил в затылок, пока помогал открыть дверь:

– Рад был познакомиться... рад буду с Вами увидеться... ваш отец меня приглашал... на днях снова зайти...

А она лепетала в ответ (а у самой зуб на зуб не попадал):

– Спасибо... извините... я вас чуть... с ног... не сбילה...

Тут он улыбнулся и снова, уже решительно, ладонью направил её в зев распахнутого проёма.

Она медленно поворачивает голову и только видит, как офицер с надвинутой на лоб фуражкой ныряет в водопад и исчезает.

В уши Марго снова ударяет какофония урагана.

Офицер быстро шагает прямо по потокам, не думая их обходить или перепрыгивать. Улыбка не сходит с его лица. Как налетела? –

что-то такое вертится в его голове, – словно из тучи выпорхнула...

– Мар-га-ри-та! – вдруг совсем неожиданно для себя пропел он громко имя, вспомнив знаменитую арию.

Ливень продолжал хлестать что есть силы.

Дома, как Марго и представляла, все тотчас вокруг неё засуетились, забегали: младшие тормоша, отец с матерью скорее стаскивая с неё всё мокрое, служанка прибежала с большим махровым полотенцем, повела в детскую, там её переодели в сухое и, наконец, напоили чаем с малиновым вареньем. Маргоша была наверху блаженства, хватала носом и ртом воздух и всё ей чудилось: и тут пахнет *им*. Такой еле-еле уловимый запах его шинели. И его улыбка на строгом лице с глубокими-глубокими глазами.

Нырнёшь в них и не выплывешь.

На другой день они проснулись и одновременно подумали друг о друге. Каждый – по-своему. Маргарита с девчачьим удивлением и непосредственностью: «Надо же, как я в него вцепилась!» Офицер лишь на секунду представил её мокрое, с округлившимися глазами лицо, потёр ладонью щеку, губы, ощутил на них... влагу вчерашнего ливня: ну и чертовка! И тотчас стал думать о другом.

Сегодня с утра ему со стрелками в тайгу.

Над Владивостоком начинался рассвет. «Утром солнце взошло во всей своей лучезарной красе, но земля ещё хранила следы непогоды».

Так заканчивается описание грозы из повести «В горах Сихотэ-Алиня».

Семья Соловьёвых перед отъездом из Польши во Владивосток. Трёхлетняя Маргарита у ног отца. Фото 1895 г. Из альбома Красевых.

...Нет никаких свидетельств о том, когда и как впервые встретились Владимир Арсеньев с Маргаритой Соловьёвой. В бурю, в ясный ли день... Но то, что они увидели друг друга впервые ещё до начала русско-японской войны, не вызывает сомнения. Арсеньев именно тогда познакомился с её отцом Николаем Матвеевичем Соловьёвым, бывшим, как мы уже писали, главным контролёром строительства Владивостокской крепости, где наш герой служил. Познакомился и быстро с ним сошёлся благодаря интересам по делам Общества изучения Амурского края. Стал Арсеньев бывать и дома у хлебо-сольной семьи Соловьёвых, в которой росли тогда четверо детей.

Старшей была Маргарита...

Много подробностей о жизни Соловьёвых, их дочери, которая стала второй женой Арсеньева, я узнал от жившей в Москве Веры Николаевны Красевой, её родной племянницы. Немало часов в неспешных беседах мы провели с ней в её уютной квартире неподалёку от метро «Калужская».

Родилась Вера в 1920 году. В тот же год Маргарита родила Наташу, её двоюродную сестру. Когда она с родителями стала жить в Никольск-Уссурийске (теперь просто Уссурийск), у них бывали тётя Рита и дядя Володя. И маленькая Наташа. Потому что к ним перебрались из Владивостока дедушка и бабушка Веры и Наташи – Николай Матвеевич и Юлия Николаевна.

В 1930 году отца Веры инженера Николая Никитича Красева переводят в столицу. После смерти деда к ним переехала жить бабушка Юля. Жила года два в их семье и Наташа. Двоюродные ровесницы сдружились. Приезжала в Москву и не раз останавливалась у Красевых Маргарита...

Николай Матвеевич Соловьёв был человеком широко образованным, отличным семьянином. Один из его предков воин армии Кутузова получил дворянский титул, а детям его, затем и потомкам открылся доступ к получению высшего образования. Действительный статский советник и выпускник престижного в XIX веке Московского межевого института Соловьёв уехал работать инженером в Царство Польское. Скоро ли, не знаем, но влюбился он в бойкую гувернантку своего начальника, француженку 18-ти лет отроду Юлию Кюа. Особа романтическая и смелая, приехала она из французской части Швейцарии сюда в поисках работы. Нашла и работу, а скоро и мужа. Любовь оказалась взаимной. В 1892 году Юлия родила дочку. Назвали её Маргаритой. В следующем году родилась вторая дочь, в 1895-м – третья...

Николай Матвеевич получил предложение стать инженером морской крепости во Владивостоке. И, долго не раздумывая, согласил-

ся. Жена не перечила. (Кстати сказать, её отца звали Генрихом, но ведь у французов отчество нет, и когда они бракосочетались, уже научившись сносно объясняться по-русски, Юлия сказала: «Моего любимого зовут Николай, значит я буду Николаевна!»). Позже Юлия Николаевна, прожившая долгую жизнь, не раз вспоминала: «Мать меня предупреждала: «Если выйдешь замуж за русского, увезёт он тебя в Сибирь и там натерпишься ты горя»...

В 1895 году Соловьёвы оказались во Владивостоке, где у них родились ещё два мальчика.

Вот какими запомнились Соловьёвы Anne Константиновне: «Николай Матвеевич был очень симпатичный штатский генерал. Поймает вас и начинает говорить, заикаясь, и пуговицу крутит, пока не отвернёт. Был высокий и очень худой, тощий. Жена его Юлия Николаевна, наоборот, была толстенной бабёхой. У Соловьёва была круглая борода, лицо тонкое и благородное, нос орлиный... Оба были глубокопорядочные люди»...

Арсеньев и Соловьёв быстро подружились, несмотря на разницу в возрасте. Николай Матвеевич был активным членом Общества изучения Амурского края. Он даже спроектировал и помог средствами в строительстве красивой двухэтажной пристройки к зданию Общества, где расположились музейные экспонаты.

Новые привозил из тайги Арсеньев.

Служебный кабинет контролёра крепости находился в доме, где Соловьёвы жили, и поэтому Арсеньев стал к ним захаживать, иногда засиживался допоздна: тем для бесед находилось много. Юлия Николаевна, женщина любознательная и хлебосольная, да и была она почти ровесницей Арсеньева, часто оставляла его то обедать, то ужинать.

Наш герой не мог тогда не знать всех детей Соловьёвых и, может быть, уже выделял среди них глазастую, не по возрасту рослую и смелую Марго.

Началась война с японцами, Соловьёва с детьми, как и жена Арсеньева с двумя мальчиками, вынуждена была уехать на свою родину. Помните, мы цитировали сохранившуюся в альбоме Веры Николаевны открытку, посланную Николаем Матвеевичем в Швейцарию жене?

Когда Маргарита увидела Арсеньева снова?

Юлия Николаевна с детьми прожили в городке Ивердоне, что расположен чуть севернее Женевского озера, года так до 1908-го. Потом они вернулись во Владивосток. Но Арсеньева ещё раньше перевели в Хабаровск. Правда, Владивосток он часто посещал. Бывал ли у Соловьёвых – неизвестно.

Маргарита училась в кантональной школе в Ивердоне, а закон-

чила гимназическое образование в 1910 году во Владивостоке с золотой медалью. Скоро опять уехала, уже в Петербург, чтобы поступить на юридический факультет Высших женских курсов. Но курсы ей закончить не удалось. У девушки обнаружили признаки туберкулеза, и ей пришлось лечиться. К счастью, болезнь бесследно прошла.

Во Владивостоке Маргарита появилась не раньше лета 1916 года. Это подтверждает её снимок из альбома Красевых, который публикуется в этой книге. На обороте её рукой написана дата «27 июня 1916», место съёмки «Москва» и автограф.

Стала жить с родителями, работать устроилась переводчиком-секретарём.

Отец продолжал руководить Обществом приморских географов, при советской власти стал профессором Дальневосточного университета, был одно время даже сотрудником рабоче-крестьянской инспекции. С 1927 года работал в Никольск-Уссурийске в управлении треста «Дальрис», который возглавлял Н.Н. Красев. В марте 1930 года по ложному обвинению Соловьёва арестовывают, но через какое-то время освобождают. Умер он прямо за письменным столом в 1932-м. Обвинение было снято только в 1960-м.

Юлия Николаевна намного пережила своего супруга. Жила в семье Красевых и скончалась в возрасте 86-ти лет.

Николай Никитич Красев, когда уезжал в столицу, так писал о расставании со своим и Арсеньева тестем: «Жаль мне было оставлять старика, которому шёл уже восьмой десяток лет. Я любил его как отца за его кристальную честность, негибкую прямолинейность характера, большую отзывчивую душу. Я знал, что прощаемся навеки, но должен был не показывать вида, а он не меньше меня понимал, что нам не придётся больше быть вместе, вместе думать, вместе и работать, и шутить. Он всё это отлично понимал и тоже должен был лишь приветливо меня обнимать, едва сдерживая себя...»

Вот среди какого поколения русских интеллигентов жил наш герой.

Когда осенью 1918 года Владимир Клавдиевич на транспорте «Якут» шёл с Камчатки во Владивосток, он уже знал – в Хабаровск не вернётся. Комиссар Камчатки, некто К.П. Лавров, поставленный там верховодить ещё, видимо, Временным правительством, не сошёлся с местной властью во взглядах на будущее полуострова и решил организовать во Владивостоке Управление рыбными промыслами Дальнего Востока. Кому уж они тогда подчинялись, Бог весть.

Он уговорил Арсеньева пойти работать в его ведомство.

Совсем недавно Владимир Клавдиевич, по-видимому, не думал, что в его биографии произойдёт столь крутой поворот. По крайней

мере в письме, отправленном им 20 июля с Камчатки заведующему переселенческим районом Б.Н. Клепинину, он, подробно рассказывая о своих планах, просит увеличить состав его экспедиции, «чтобы летом 1919 года можно было обследовать восточную часть Камчатки», напоминает «глубокоуважаемому Борису Николаевичу», что ещё в Хабаровске они с ним пришли к одному и тому же выводу, что обследование Камчатки надо вести всестороннее». Далее, правда, следует не совсем ясный оборот: «Если мне в этом году нельзя будет отойти в сторону (подчёркнуто мной. – Б. С.), то я очень просил бы на будущий год предоставить мне полную возможность заняться изучением этого района». Кончается письмо с того же «если»: «Если смета на дальнейшие изыскания на Камчатке будет утверждена новым правительством и деньги Вы добудете, поставьте нас в известность».

У какого нового правительства надо будет просить денег, не знал, наверное, и сам Б.Н. Клепинин. И ответа, видимо, не дал.

Тогда Арсеньев согласился на предложение Лаврова.

На окраине России, тонувшей в пучине Гражданской войны, творилось в то время, говоря по-русски, чёрте что. Положение в городе, раскинувшемся на берегах Золотого Рога, красочно описал живший там писатель К. Харнский:

«Владивосток был тогда похож на какую-нибудь балканскую столицу по напряжённости жизни, на военный лагерь по обилию мундиров. Кафе, притоны, дома христианских мальчиков, бесчисленные, как клопы в скверном доме, спекулянты, торгующие деньгами обоим полушариям и товарами всех наименований. Газеты восьми направлений и ещё большего числа источников дохода. Морфий и кокаин; проституция и шантаж; внезапные обогащения и нищета; мчащиеся автомобили; кинематографическая смена лиц; литературные кабачки; литературная и прочая богема. Напряжённое ожидание то одного, то другого перехода. Мексиканские политические нравы. Парламенты. Военные диктаторы. Речи с балконов. Обилие газет и книг из Шанхая, Сан-Франциско и откуда угодно. Английский язык, «интервентские девки». Мундиры чуть ли не всех королевств, империй и республик. Лица всех оттенков, всех рас, до американских индейцев включительно. Белогвардейцы и партизаны, монархический клуб рядом с митингом левых. Взаимное напряжённое недоверие. Американские благотворители. Шпики. Взлетающие на воздух поезда в окрестностях. Пропадающие неизвестно куда люди. Проекты и прожектёры. Бесконечные слухи, то радостные, то пугающие слухи, которыми, казалось, был пропитан воздух. И полная изолированность от Москвы, превратившейся во что-то сказочное, недоступное, бо-

лее далёкое, чем Нью-Йорк или Лондон... А над всем этим интервентский кулак.

Вообразите себе худший тип прежней Одессы, вообразите себе горы вместо степей и изрезанный, как прихотливое кружево, берег вместо прямой линии, перенесите всё это куда-нибудь за восемь тысяч вёрст от Советской земли, отдайте одну улицу белым, а другую – красным, прибавьте сюда по полку, по роте солдат разных наций, от голоколенных шотландцев до каких-то неведомых чернокожих – и вот Владивосток переходных времён. Таким же, с изменениями то в одну, то в другую сторону, он оставался всё время с 1918 по 1922 год».

Вот куда по морям, по волнам вёз «Якут» нашего героя. Прямо в бело-красно-сине-зелёное и ещё с какими-то там оттенками пекло. Тяжёлый сон с водопадом не выходил из его головы. Хотя Арсеньев твердо решил: надо пройти опасное место, не сорваться, не захлебнуться, перетерпеть.

Не заблудиться, что сейчас смерти подобно.

Он понимал: со старой жизнью расстанется навсегда. Те опоры, защиты, статус, что он имел прежде, ему больше не увидеть. Всё ушло под воду: русская армия – столько сил он ей отдал, благополучное положение в обществе, власть во главе с императором...

Наконец, родной дом, семья.

Остались: тайга, а в ней близкие ему дикие люди, а ещё звери, птицы, деревья, камни – тоже все «люди»; остались друзья и его дневники, статьи, повести, правда, пока в рукописях, наконец, наука, в неё он влез с головой.

Да, вот голову во что бы то ни стало терять нельзя.

Арсеньев знал, что сейчас многие эмигрируют. Не раз об этом думал, гамлетовский вопрос поворачивал и так и эдак. Правда, «не быть» он представить себе не мог.

Если *быть* здесь, то кем, с кем и как?

Если тоже *быть*, но там, то...

Незадолго до смерти Владимир Клавдиевич напишет довольно искренне, но обтекаемо о тех своих терзаниях – уезжать из России или остаться. Он хорошо понимал, что его советским биографам да и читателям нужно будет именно такое «признание»:

«В 1918 году я мог бы уехать в Америку, а в следующем, 1919 г. – в Новую Гвинею, но я уклонился от того и другого предложения. Мог уехать совершенно легально, но новые власти в известной степени всё-таки расценивали бы мой поступок как побег. Мне было тогда уже сорок девять лет. Я должен был бы поставить крест на всю свою исследовательскую работу на Дальнем Востоке и заняться совершенно новым для меня делом среди чужого народа, который в лучшем случае терпел бы меня в своей среде только как

бесправного эмигранта. Мои родные, друзья и знакомые находились в бедственном положении, а я вместо того, чтобы как-нибудь помочь им, бежал, бросив их на произвол судьбы. Революция – для всех – в том числе и для меня! Я не долго раздумывал и быстро решил разделить участь своего народа».

Выделяя чёрным шрифтом два последних предложения, арсеньеведы утверждали, что Владимир Клавдиевич радостно приветствовал революцию. Однако вчитаемся внимательно в им написанное. Оптимизма в его словах немного (разве что восклицательный знак). Арсеньев не написал, как футурист Маяковский: «Моя революция!» У него по-другому: «для всех».

Значит надо по-христиански «разделить участь своего народа».

Участь! А какова она будет – кто тогда знал!

Однако в настроении Арсеньева появилось свойственное довольно большой части тогдашней русской интеллигенции и невесть откуда взявшееся наивное чувство (или вера?), что эта «эпоха со всеми её жестокостями и насилиями» (помните запись в его дневнике за 1 января 1918 года?) скоро закончится и наступит иная, обещанная из Петрограда большевистской властью.

Эпоха, где восторжествуют «liberte, egalite, fraternite» (провозглашённый французскими буржуа в конце XVIII века лозунг: «Свобода, равенство и братство!»).

Совсем невеликую должность предложил Арсеньеву повстречавшийся ему на Камчатке человек. Документ от 1 ноября 1918 года: «Согласно прошению, Владимир Клавдиевич Арсеньев с сего числа определяется на должность младшего инспектора рыболовства при управлении.

Управляющий Лавров».

Вот тебе и креатура... Вспомнилось, как 18 лет назад по прибытии на тот же берег ему, новоиспечённому поручику, приходилось начинать с подобных «малых» должностей. Теперь же ещё следовало забыть, что он остаётся подполковником в отставке.

Заметим попутно, что о дореволюционных его званиях в документах тех лет нет-нет, да и упомянут (но до прихода красных). Например, в «послужном списке», составленном 1 июля 1919 года в том же управлении, и в паспортной книжке, выданной 28 июня 1921 г., В.К. Арсеньев назван «коллежским советником». В расписке о получении им извещения о разводе, написанной в 1919 году, сказано, что он подполковник.

В одном из удостоверений, подписанных Лавровым (уже после рождения дочери Наташи, т. е. не ранее 20-го года), написано: «Дано сие... полковнику В.К. Арсеньеву...» (даже повысили! – Б. С.). Это же звание стоит напротив его фамилии в списке, затребованном из

некоей организации в январе 1922 г. на служащих в управлении Рыболовства, бывших ранее военнослужащими, и добавлено: «В войнах 1904–1905 и 1914–1917 не участвовал». Опросный листок, заполненный в 1919 г.: «В.К. Арсеньев – потомственный почётный гражданин Петрограда».

Уже при советской власти в бумаге, подписанной начальником Дальрыбы и самим В.К. Арсеньевым, где говорится, что «коммунистическая ячейка» даёт ему рекомендацию «в благонадёжности», рукой Арсеньева написано: «полковник в отставке, с 1917 г. переименован в надворные советники».

Тогда ещё не боялись скрывать такие факты дореволюционной биографии.

Наш герой был укоренён в почву, которую перепахали революция и гражданская война. Теперь предстояло сохранившимися корнями вращаться в так изменившийся «пейзаж».

Продолжать жизнь в новой реальности.

Но пока старый «багаж» не востребован, остаётся держаться, как за якорь, за ту работу, на которую согласился пойти ещё на Камчатке. Сколько он будет ею заниматься, не знал. На сохранившейся в архиве папке с названием «Личное дело заведующего отделом морского зверя при Управлении Дальрыбы В.К. Арсеньева» после строки «Начато 1 ноября 1918 г.» новая надпись появится только через семь лет: «...кончено 15 апреля 1925 года».

Почти семь лет.

Что Арсеньев отнюдь не пескарь, а рыба куда крупнее, К.П. Лавров, конечно же, знал и наверняка говорил ему: «Владимир Клавдиевич, ради Бога, потерпите чуток, работа есть, жильё я вам устроил, я, как человек зависимый, жду-с, какая завтра власть будет... Вы пока решайте с разводом, а я обращусь с челобитной...»

Холостяцкую квартиру ему дали прямо в здании Управления, точнее, одну комнату, зато 30-метровую (скоро в ней заживут двое, потом трое, четверо, пятеро человек!). Трёхэтажное, построенное в начале прошлого века в классическом стиле, это здание до сих пор стоит на Корабельной набережной.

С «челобитной» управляющий обратился 9 июля 1919 года. И не к какой-то мелкой сошке, а к «особоуполномоченному Министерства земледелия на Дальнем Востоке».

Власть главная – Директория – тогда была в Омске во главе с Верховным правителем России Александром Васильевичем Колчаком, а здесь правил его наместник со своим «правительством». Что там за особоуполномоченный был, сейчас трудно докопаться? Лавров представляет ему своего работника так:

«В.К. Арсеньев, известный в крае как исследователь Дальнего Востока, в географическом и этнографическом отношении изучавший этот край в течение двадцати лет, продолжая посвящать этому делу свободное время и теперь. В.К. Арсеньев имеет за свои труды 4 награды от Русского географического общества и Академии наук, имеет 6 учёных работ, напечатанных в изданиях Академии наук, Географического общества и Общества востоковедения, и состоит пожизненным членом Русского, Вашингтонского национального и Британского королевского географических обществ. Близкое и частое соприкосновение г. Арсеньева с инородцами дало ему возможность хорошо ознакомиться с положением пушиного и морского звериного промысла в крае и с его нуждами.

...В.К. Арсеньев занимает сравнительно скромную должность младшего инспектора рыболовства (VIII класса), до последнего времени управлению не представилось возможности за неимением вакансий предоставить ему должность высшую. Ныне, ввиду введения в штат управления должности старшего инспектора морских звериных промыслов, управление полагало бы полезным для дела и справедливым назначить на эту должность (VII класса) с 1 июля сего года В.К. Арсеньева.

На приведение сего предложения в исполнение управление испрашивает Вашего, г. особоуполномоченный, разрешения».

Ах, каков слог и стиль! Первые-то абзацы, несомненно, написал сам младший инспектор, но три последних вряд ли.

Г. особоуполномоченный снизошел, и наш герой «перешёл» в VII класс. Об этом повышении тоже сохранилась бумага от 18 июля. Но вот с повышением жалованья не сразу утряслось. Лавров снова пишет прошение, что В.К. Арсеньеву надо бы повесить оклад – с 550 рублей до 700 в месяц, «т. к. во Владивостоке всё дорого».

Повысили...

Арсеньев тащил на работе свой воз со всем старанием. Иначе не умел. Но мог, понимая, что наступил для хищников всех мастей долгожданный час Большой Охоты, лишь бить в колокола. Вот бумага (от 15 сентября 1919 года). В ней он доказывает всё тому же г. особоуполномоченному, что несколько островов в русских водах у берегов Камчатки и в Охотском море «ещё при императорском правительстве предполагалось отвести под заповедник, как места ...с ценным животным населением».

Ниже перечисляются эти острова.

Далее говорится о том, что «целый ряд лиц возбуждает ходатайства о предоставлении им в долгосрочную аренду тот или иной остров...». А ведь эти острова, бумага просто вопиет, «неприкосновенный капитал, проценты с которого, ввиду избытка, время от времени будут выпускаться на материк и тем способствовать сохра-

нению ценных пушных животных». Далее: если не защитить ластоногих, «то в самом ближайшем будущем можно ожидать такого же быстрого исчезновения их, как и морской коровы».

Но что может инспектор? Только «от имени Управления», как сказано в конце письма, «покорнейше просить впредь не давать разрешения для какого бы то ни было промысла на названных островах».

Но хищник на то он и хищник, что плевал, есть у него какие-то разрешения или нет. Где было взять господину особоуполномоченному погрансуда?

Да он о них даже и представления не имел!

Вспомнили Арсеньев с Лавровым о братьях Демби и предложили им организовать экспедицию на Колыму, естественно, на средства рыбопромышленников. Оттуда приходили вести о хищническом убое зверя, скупке пушнины. Демби идею как будто бы поддержали. Им самим не нравилось, что там совсем распоясались американские конкистадоры, открыто занимавшиеся контрабандой «в особо крупных размерах», как пишут сегодня о нынешних бандитах.

Но с экспедицией ничего не вышло...

8 мая 1920 года Арсеньев пишет своему начальнику: «Настоящим прошу о переводе меня в должность старшего специалиста по охоте, как наиболее соответствующую моим духовным запросам, моей специальности и моим долголетним работам по исследованиям в Приамурском крае».

Пока начальство думало, заколебался наш герой: может быть всё же уехать подальше от этого бедлама, что творился в Приморье? Сохранилось его прошение о выдаче «свидетельства на право выезда за границу» и паспортной книжки. Подал ли он его «по инстанции» – неизвестно. На этой же бумаге энергичным почерком Арсеньева фиолетовыми чернилами написано: «*От паспорта отказываюсь. В. Арсеньев. 9 октября 1920*».

Видимо, быстро одумался.

События на военных и политических фронтах между тем развивались. В январе 1920 г. атаман Семёнов формирует в Чите правительство «общественного доверия», а на совещании руководителей военных миссий стран Антанты на Дальнем Востоке принимается решение об эвакуации всех иностранных войск, кроме японских. К началу апреля английские, французские и американские войска покидают Дальний Восток. Чехословацкие легионеры приходят к соглашению с советскими властями не поддерживать белые войска. Советы обещают содействовать их эвакуации.

Красные партизаны ведут активные боевые действия. Власть во Владивостоке переходит в руки «Временного правительства» и Земской управы, где первую скрипку играют большевики.

Но это тоже временно...

6 апреля того же года в Верхне-Удинске (Улан-Удэ) провозглашается буржуазно-демократическая Дальневосточная Республика. 14 мая советское правительство официально её признало, назвав «буфером». В.И. Ленин в ответ на телеграмму министра иностранных дел ДВР большевика А.М. Краснощёкова, спрашивавшего о «тактике РКП(б) в «буфере», ответил: «Слушаться цека, а то выгоним».

Японцы организывают «чёрный буфер». На территории ДВР формируется народно-революционная армия, которая фактически входит в состав Красной Армии. Летом 1921 года ею станет командовать Василий Блюхер. Она освобождает от японских войск Читу, где формируется правительство ДВР. Принимается Конституция ДВР. Республика провозглашается «независимой» и «демократической». Тем временем НРА приостановила бои на востоке от Иркутска. Наступила так называемая «мирная передышка».

26 мая 1921 года силы «белого движения приводят к власти во Владивостоке крупных предпринимателей братьев Меркуловых – Спиридона и Николая.

В августе того же года Арсеньев узнаёт, что созданное японо-русское акционерное общество по рыболовству «Фукуда-гуми» – «Дай-сецизань-мару» бесконтрольно занимается ловом рыбы в русских водах. На его имя приходит предписание: на пароходе этого общества «быть представителем интересов казны» и отправиться в плавание вдоль Охотско-Камчатского побережья.

Но на деле быть «ширмой» для грабителей.

Такого Арсеньев вынести не мог. Он пишет прошение, пытаясь sobлюсти спокойный тон, которое заканчивает так: «По соображениям чисто личного характера предписание это в настоящее время я выполнить не могу, а потому, не считая себя вправе при сложившихся обстоятельствах продолжать службу, прошу об увольнении меня в отставку». Шаг отчаянный. Он грозил ему многим. Прежде всего, потерей средств на жизнь.

Начальство отставку не приняло. Инцидент замаяли.

В его душе остался горький осадок.

В ноябре, строя планы снова куда-то поехать, Арсеньев подаёт прошение назначить его на должность инспектора Гижигинского района (на современных картах это часть Корякского национального округа), который, как он пишет в рапорте, «представляет особый интерес в отношении этнографическом и статистическо-экономическом». Район надо обследовать и «в промысловом отношении», а также изучить «взаимоотношения инородческого населения со скупщиками пушнины, торговлю спиртом и пр.», т. к. «в научной литературе об этом совершенно нет данных».

Как видим, мысль убежать в полном смысле слова куда подальше из Владивостока не оставляла его. Снова, как осенью 1917-го, когда отправился в Олгон-Горинскую экспедицию, он чутьём полузагнанного зверя почувствовал: надо забиться в глушь, а там видно будет. Вырваться из Владивостока на целых три месяца ему удастся лишь летом 22-го.

Через месяц после возвращения в город войдут красные войска...

А пока Арсеньев продолжает заниматься во многом рутинной работой, преподаёт и...

В 2005 году Амир Хисамутдинов привёл в своей книге о В.К. Арсеньеве, можно сказать, сенсационный для тех, кто хорошо знаком с биографией нашего героя, факт. Вот что он обнаружил, роаясь в американских архивах. Цитируем:

«Во время пребывания во Владивостоке Американского экспедиционного корпуса он (т.е. В.К. Арсеньев. – Б. С.) деятельно помогал американцам. Офицер Д. Бэрроуз (D.P. Barrows), отвечавший за американскую разведку, писал своему коллеге полковнику Мэйсону (С.Н. Mason), что он только что получил в дар книгу «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала)», автор которой В.К. Арсеньев «was in the employ of our Military Intelligence Service in the Siberian Expedition» (был на службе нашей военной разведки во время Сибирской экспедиции).

Оказывается, 6 апреля 1921 г. В.К. Арсеньев написал Бэрроузу письмо, в котором, упоминая о преподавательской работе в пединституте и Народном университете, пишет следующее (даём только перевод с английского): *«Я всегда вспоминаю с удовольствием то время, когда я работал с Вами в американском штабе, и мне хотелось бы это время вернуть».*

Комментирует эту переписку А. Хисамутдинов так: «Наверняка это не было связано с зарабатыванием денег или шпионажем в пользу другой страны. Он искренне хотел помочь соотечественникам в охваченном Гражданской войной Приморье. Единственной, по его мнению, силой, способной остановить братоубийственную войну, была Америка».

Если согласиться с мнением А. Хисамутдинова, то не проявилось ли тут снова у нашего героя сверхчутьё? В одном из последних своих трудов «Двести лет вместе» А.И. Солженицын утверждает: *«Американцы в Сибири только помешали белым и способствовали захвату Приморья большевиками».* Автор «Красного колеса» такое бы бездоказательно не говорил. Тем более, ниже свое мнение подкрепляет следующим доводом: *«...Расчеты Уолл-Стрита сами собой вели его к поддержке большевиков как будущих вероятных*

властителей русских богатств. И вся атмосфера в Штатах и в Европе была к тому же – сочувствие к этим строителям Нового Мира, их грандиозному замыслу, великой социальной задаче».

Вот ведь как интересно получается. Значит Арсеньев способствовал приходу во Владивосток большевиков?

Удастся ли арсеньеведам прийти тут к однозначному мнению – трудно сказать... Вернее предположить, что Арсеньев вряд ли делился с американскими штабистами какими-то секретными сведениями. А свои карты мог им давать.

Наш герой был, конечно, лишь «песчинкой» среди тысяч и тысяч других, поднятых гигантской бурей, бушевавшей на просторах России от Балтийского и Чёрного морей до Тихого океана. Но не любопытно ли проследить «траекторию» этой «песчинки»?

Да и для нас он не «песчинка». Личность.

Всё в его биографии интересно и важно.

В советские же годы историки приводили факт противоположного свойства. Когда японцы 4–5 апреля 1920 года громили левые организации Приморья, В.К. Арсеньев снабдил отступавшие войска революционной армии топографическими картами. А также якобы с февраля 1920 по май 1921-го консультировал технический комитет Военного Совета Приморья, возглавляемый большевиками С. Лазо, В. Сибирцевым, А. Луцким и другими, для размещения партизанских баз, недоступных для японских интервентов. Правда, и тут историк ссылается лишь на устные воспоминания участника Гражданской войны на Дальнем Востоке Н.К. Ильюхова, сообщённые учёным секретарём РФГО Б.А. Сушковым.

А есть воспоминание не устное, а письменное, как уже при Советской власти Арсеньев помог убежавшим из страны белым офицерам. Его приведём ниже.

Шёл тогда наш герой по *своей* тропе, но наощупь. Мгла кругом. Туман, гарь, осыпи. Шаг вправо, шаг влево, оступись – покатишься в бездну. Но, может быть, рисковал, как, например, в те же годы в Крыму, помогая и белым, и красным, поэт Максимилиан Волошин. Владимир Клавдиевич был тогда уже не молод и не мог, как владивостокский юноша, русоволосый Саша Фадеев, принять одну сторону. Не поступил и противоположным образом, как Николай Гумилёв, выбравший себе верную смерть, когда решил участвовать в заговоре против большевиков.

Ни в какие заговоры «играть», ни в какие партизаны идти Арсеньев не думал. Он ждал наступления в родной стране порядка и твердой власти, которая позволила бы ему заниматься любимой наукой, путешествовать, писать, издаваться...

Скоро такая власть придёт.
Он по мере сил примет её «правила игры».

Одним из первых, кого он навестил, приехав во Владивосток, был старый товарищ Николай Матвеевич Соловьёв. Так поздней осенью 1918 года Владимир снова встретился с Маргаритой. Не пройдёт и года, как они пойдут под венец.

...Из далека-далёка смотрят с фотографий милые лица. С Верой Николаевной листаем семейный альбом. В нём сохранилось много снимков, на которых изображена Рита-Рита-Маргарита, а ещё звали её близкие в семье и Маргошей, и Маргариткой, и Мэри, и, конечно же, Марго, а мама – Мэг.

Красивое, литературное, роковое имя...

Наташа, дочь Владимира Клавдиевича и Маргариты Николаевны, ошибалась, когда в 1966 году писала одной из родственниц: *«Хочу тебе сообщить, милая, что... много маминых фото было в семейном альбоме у Красевых. Наверное, в 37 году с перепугу всё уничтожили. Надо сказать, что мама очень редко фотографировалась. Считала, что у неё лицо не фотогеничное, и знакомым снимки никогда не дарила».*

Фотографии Красевы сохранили.

...Вот семейный снимок, сделанный ещё в Польше. Мэг – совсем малютка. Другой: немногим старше, с сёстрами, мамой и папой, уже во Владивостоке. Рита – в Москве, совсем взрослая...

Как же хотелось верить, что лучшие годы ещё впереди...
Фото сделано во Владивостоке на квартире Соловьёвских, около 1920–1921 г.
(из альбома Красевых)

Ещё один любопытный групповой снимок. На нём, правда, нет Маргариты. В чёрном платье – так на неё похожая сестра Валентина, будущая мама Веры Николаевны, рядом сидят подружки...Одна девушка стоит за спиной Вали, по бокам два офицера...

Из далёкого прошлого смотрят на нас молодые люди, среди которых росла, с кем дружила та, что пойдёт под венец с нашим героем. Колоритны молодые люди в погонах белой армии. Один с лихо закрученными усами, по лицу видно – бонвиван, второй молод, но уже с залысинами, взгляд умного, много пережившего человека. Снимок сделан или накануне 17-го года, или, скорее всего, после, но до прихода красных.

Где сложили головы эти офицеры, снявшиеся на вечную память с четырьмя подружками?

А у этих девушек как сложились судьбы?

Не найти ответа...

Фото Марго в юности. Открытый взгляд, пышные волосы зачёсаны назад... Смотрим другие снимки. Она с сёстрами, мамой и подругами на прогулке. Одеты по тогдашней моде: в белую воздушную блузку с рюшами, светлую длинную, в широких складках юбку, сапожки. А здесь Маргарита в широкополой светлой шляпе, украшенной цветочками. Полуулыбка, напоминающая джокондовскую, куда-то мимо нас глядящие глаза. Будто бы хочет сказать: «Вот такая я девушка, ничего особенного».

После замужества, судя по снимкам, она похудела, изменилась причёска. Но глаза...

Глаза остались прежними.

До наших дней о второй жене Арсеньева дошло мало вещественных следов, воспоминаний... Поэтому интересно каждое. Вот как вспоминала о «разлучнице» Анна Константиновна. Скажем сразу: облик Маргариты, если прибегать к сравнениям с рисованными портретами, она «писала углём», поэтому он немного шаржирован. Но как подробен словесный «рисунок»:

«Лицо у Маргариты было длинным, нос орлиный, подбородок острый, почти синие глаза, как миндалины, египетский разрез. Не мазалась: Володя не любил «писанок». Высокая, почти как Володя ростом. Гладкая грудь. У неё были слабые лёгкие. Ходила, извиваясь, властный голос, точная речь... Губы тонкие, волосы очень тёмные, красива. Хорошо и богато одевалась, со вкусом. Косу заплетала на затылке узлом».

Да, такая, веришь, могла легко увлечь серьёзного, уже известного человека, на двадцать лет её старше...

Вера Николаевна о тёте рассказывала так:

– Была она яркой натурой, какая-то вся озарённая. Но и задумчивая. Не знаю, каким образом, но притягивала к себе лиц противо-

положного пола. Редкий из них, увидя её на улице, на неё не заглядывался.

Маргарита часто влюблялась, только всё почему-то в женатых. И всё неудачно. Её связь с морским офицером, обрусевшим поляком Карчевским получила огласку (не он ли один из тех двух офицеров на том групповом снимке?). Маргарита забеременела. У неё случился выкидыш. Пыталась покончить с жизнью. Травились, но её отходили. Из невесть как оказавшегося у неё дамского пистолетика (по утверждению Анны Константиновны из «ружья Монтекристо») стреляла в висок. Пулька ударила в кость, застряла в подкожных тканях. Шрам на виске прикрывала локоном. Уже после смерти мужа она, будучи в Москве, пойдёт к хирургу, и он тот злосчастный кусочек свинца, столько лет просидевший где-то у её уха, вынет.

Георгий Пермяков, ссылаясь на воспоминания родных Арсеньева, писал автору этой книги так: «Да, она была красива, стройна, умна, бойка, образованна, полиглотна... После истории с Карчевским она стала невестой «второго плана», да ещё и здоровьем не блистала. Женщины, которым уже за двадцать пять, производят на пожилых мужчин сильное впечатление... Арсеньев, по свидетельству своего младшего брата Александра, имел большую половую силу. Так она его и покорила».

Тоже не очень лицепрятная характеристика, однако, похоже на правду.

Как встретили Соловьёвы Арсеньева? Услышав звонок колокольчика, дверь ему открыла Юлия Николаевна. Не удивилась неожиданному появлению. Обняла, повела в дом. Обменялись крепкими рукопожатиями с Николаем Матвеевичем. Вышли дети, снова объятия, поцелуи, вопросы, ответы.

Показалась Маргарита. Как и мама, чуть прижалась к нему грудью, поцеловала в щеку. Сказала с лёгкой усмешкой, без смущения:

– Какими судьбами? Сбежали от жены?

Мама укоризненно посмотрела на дочь. Сейчас, подумала Марго, она произнесёт: «Это же моветон!» Но та отвела глаза.

Засиделся Владимир Клавдиевич у Соловьёвых чуть ли не до полуночи.

Когда прощались, Марго подошла к нему у вешалки:

– Среди ваших проводников ни разу не было женщин-дикарок? Вы не будете против, если я вас провожу? Вдруг заблудитесь?

Его холостяцкая квартира была не очень-то далеко...

А может быть, происходило совсем наоборот? Она стеснялась его, смотрела молча, недоверчиво. Он же зачастую к ним, увлекал

на прогулку вдоль берега Золотого Рога, тащил на сопки, всё время что-то ей рассказывал, обнимал, прощаясь, пытался её поцеловать. Приглашал к себе. Она, слушая его комплименты, признанья, замыкалась, торопилась домой.

И совсем не сразу он сумел увлечь её в свою постель.

Только стены старых домов помнят, как всё было...

В один из дней весны 19-го года Владимир шёл по владивостокской улице с Маргаритой к её родителям. Возможно, ярко светило солнце. Или всё потонуло в тумане. Да пусть хоть камни падали с неба, они всего этого не замечали. Шли два счастливых человека, как во все погоды, времена года и века бывают счастливы люди, решившие соединить свои сердца.

Когда их встретила за порогом чета Соловьёвых, Владимир Клавдиевич сказал:

– Я прошу Вас благословить меня и вашу дочь Маргариту Николаевну на брак наш. Я уже попросил у неё руки и сердца. Она согласна.

Скоро все со слезами на глазах крепко обнимались.

В предыдущей главе приводились некоторые документы о его разводе с Анной Константиновной. Продолжим её рассказ о тех событиях.

«Я заметила, что с середины 1918 года Володя частит во Владивосток. Потом переехал туда. «В чем дело?» – спросила я. «Служба. Там больше заработок». Вот и в апреле 1919 приезжает оттуда и как мечом по шее: «Я женюсь на Маргарите Николаевне Соловьёвой»... Я... её отца и мать хорошо знала... Слова Володи больно ударили по мне. 22 года вместе, и вдруг разрыв! «Мы не виноваты, – сказал Володя. – Так надо».

И дальше приведём только отдельные отрывочные строчки, полные боли и ревности: «...она бесстыжа – разбила семью»... «она поймала Володю, простака»... «Не могу точно сказать, когда Маргарита покорила моего Володю»... «Когда Володя объявил мне, что уходит к Маргарите, я была страшно рассержена и ничего из вещей ему не дала... начинай новую жизнь в том, что на тебе, дала ему только портфель. Он уехал. Потом мне стало жалко его, и я постепенно вернула ему: письменный стол красного дерева, дорогой, шикарный, китайской работы, и часть картин»... «В 1920 году примерно мы встречаемся, и Володя говорит: «У меня родилась доченька, Наташа», да так ласково и радостно. Я поздравила его, но с горечью. Родилась я ему дочь, он не ушёл бы от меня»... «...Я послала ему на свадьбу ядовитую телеграмму: «Поздравляю с очередным законным браком... Маргарита мечтала о женихе-монархисте, а по-

лучила не то. Она хотела молодого, а получила старика на 20 лет её старше. Маргарита была против советской власти, а Арсеньев в 1918 году советскую власть принял полностью».

Рассказ этот, напомним, был записан в 1958 году. Прошло 20 лет после расстрела Маргариты в застенках НКВД, 40 лет со времени, когда Владимир Клавдиевич «с одним портфелем» уехал к новой жене... А сердце семидесятидевятилетней Анны Константиновны по-прежнему щемило, старые душевные раны не давали забыть всё, что тогда случилось... Объективности, естественно, от её признаний трудно было ожидать. Но всё же, согласитесь, они представляют интерес.

Оказывается, все годы пристально следили глаза покинутой жены за той, к которой ушёл «её Володя». До смертного часа: «Я когда узнала, что Володя умирает, пошла к нему домой. Стояла Маргарита, высокая, красивая, спокойная. Мы обнялись».

До этого дня, горького для обеих женщин, оставалось не так уж много лет.

Расторгнул брак Арсеньев с первой женой Владивостокский епархиальный совет 27 мая 1919 года (только 14 мая 1920 года в Советской России официально отменяют церковную регистрацию рождений и браков). Решение совета вошло в законную силу 4 июня. 25 июня оттуда направили бумагу в Управление рыбными промыслами за подписью протоиерея Д. Шерстенникова и ещё двух лиц – и. д. секретаря и делопроизводителя. Так что порядок в церкви, слава Богу, пока блюли.

В тексте говорилось, что брак «обоих православных и первобрачных», повенчанных в 1897 году причтом церкви Рождества Богородицы на Песках в гор. Петрограде, «расторгнут на основании 523 стр. Уст. Дух. Конс. – по прелюбодеянию Владимира Арсеньева, с разрешением Анне Арсеньевой вступить в новый второй брак, если она ещё не преступила предельного возраста для сего, с преданием ответчика за прелюбодеяние, в силу 20 прав. Анкирского пом. собора, семилетнему церковному покаянию, с сокращением сего срока, в случае искренности раскаяния виновного – до двух лет и с разрешением также и ему, Владимиру Арсеньеву, 46 лет, вступить в новый второй брак, но лишь по выполнении им епитимии».

Сообщая о вышеизложенном определении Влад. Епарх. начальства, Епарх. Сов. просит сделать распоряжение об учинении в паспортной книжке и других гражданских документах Владимира Клавдиевича Арсеньева (ул. Петра Великого, Управление рыбными промыслами) отметок о расторжении его брака».

Сохранилась расписка в получении Арсеньевым этого извещения.

Неизвестно, как он уговорил, а может быть, и каким-то другим образом склонил батюшку небольшой церковки в пригороде Владивостока соединить их, несмотря на то, что Арсеньеву разрешалось епархией бракосочетаться лишь после «выполнения епитимии».

В «послужном списке» В.К. Арсеньева ещё в бытность его работы в рыбном ведомстве есть запись о бракосочетании:

«16 июля 1919 г. причтом Владивостокской Свято-Николаевской на Второй речке (б. 3-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады) церкви повенчан с дочерью действительного статского советника девицей Маргаритой Николаевной Соловьёвой, православной, 27 лет, вторым браком, акт записан в метрические книги вышеозначенной церкви под № 12, с печатью. Протоиерей Иоан Шалин».

Свадьба была скромной.

О ней Анне Константиновне рассказала Вера Яковлевна, жена Александра, младшего брата Арсеньева: «Народу в церкви собралось мало. На Маргарите было светлое платье, на Арсеньеве чёрный костюм... Были шаферы и священник, хора не было. Потом дали обед для самых близких... Посидели за столом, Арсеньев был хмур, Маргарита оживлена и весела».

Бывшая жена от себя, конечно же, не могла не добавить едкое замечание: «Была свадьба в мае, чтобы «маяться». Но, как следует из вышеприведённого документа, бракосочетание состоялось в середине июля. Память престарелую женщину всё же подвела.

Но то, что «молодым» пришлось помяться – чистая правда. Арсеньев официально обязался выплачивать жене и сыну по 550 р. в месяц. А в том же году начальство Рыбпрома ходатайствовало об увеличении инспектору Арсеньеву оклада с 550 р. до 700 р.!

Поселились молодожёны на тридцати квадратных метрах его служебной квартиры. Из Петербурга родственник Маргариты П.П. Гнедич писал молодожёнам: «Радуюсь, что вы нашли друг в друге взаимность, что представляет самое дорогое в земном существовании, особенно в наше смутное безвременье».

Маргарита забеременела, и у Арсеньевых 26 августа 1920 года родилась дочь Наталия, православная. Такая запись сохранилась в «послужном списке» отца: «Метрика о рождении дочери Наталии выдана за № 75 11 марта 1921 г. Причтом Владивостокского Кафедрального Успенского собора». (Новые правила регистрировать детей через загс тоже пока не вступили в силу.)

Стало в арсеньевской квартире жить да поживать трое. Но скоро пришла и четвертая жилица – сестра маргаритинового отца – тётя Маня. Она нянчила Наташу, так как родителям надо было зарабатывать на хлеб насущный.

У сестры Маргариты Ольги, что была всего на год её моложе, муж Моллер воевал на германском фронте, скоро пропал без вести. На руках Ольги осталась дочка, названная по имени матери. Вдова отправилась работать в геологоразведочную экспедицию на Северный Сахалин. Брать пятилетнюю дочку туда было бы безумием. Владимир Клавдиевич сказал: «Оля поживёт у нас». Так у Наташи появилась двоюродная сестричка, пятый член семьи.

Это подтверждает страховая книжка В.К. Арсеньева – аналог нынешней регистрации жильцов (запись № 11503 за 1924 год): «В.К. Арсеньев, 52 г., М.Н. Арсеньева, 32 г., дочь Наталья, 4 г., Мария Матвеевна Соловьёва, 65 л., Ольга Моллер, 7 л.».

Много лет спустя, Ольга Моллер, приехав из Москвы на очередные арсеньевские торжества, посетит ту самую их квартиру, вспомнит, как они в ней жили: «Дядя Володя перегородил комнату двумя массивными шкафами – платяным и книжным. В одной половине была спальня Маргариты Николаевны и Владимира Клавдиевича. Но там стояли ещё два стола: письменный и обеденный. Днём это была наша столовая. В другой – на большом сундуке спала я, а позже на раскладной кровати. Рядом еле помещались кровати Наташи и Марии Матвеевны. Тетя Маша, она была горбатенькая, вела всё домашнее хозяйство».

Впереди события будут, как льдины на реке в половодье, мчатся, крутятся в мутной воде.

Налезать друг на друга, раскалываться...

Рассказывая о судьбах Владимира и Маргариты, как не вспомнить роман «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, который он задумал и начал писать первый вариант в конце 20-х. Пришла даже такая мысль: а не узнал ли каким-то образом литератор об истории любви некоей девушки из Владивостока по имени Маргарита и известного исследователя Уссурийского края, книги которого издают в Берлине?

Оказалось, что эта «версия» уже была озвучена на Арсеньевских чтениях во Владивостоке в 2000 году. Цитируем одно место из доклада молодых учёных А. Запорожец и Ю. Яроцкой: «...Теоретически встреча Булгакова и Арсеньевой могла состояться в Москве, где Маргарита Николаевна останавливалась у своих родственников Гнедичей и вращалась в кругу литераторов». Мол, жена Арсеньева натолкнула писателя на сюжет. Авторы этого сообщения в рамках «документального театра» даже поставили в стенах Владивостокского мемориального Дома-музея В.К. Арсеньева композицию о Владимире и Маргарите. Рассказ о ней они сделали на основании воспоминаний и документов. Пытались, как они говорили в своём сообщении на Чтениях, разобраться: «Была ли Маргарита Николаев-

на Арсеньева Маргаритой? (т. е. чуть ли не двойником булгаковской героини.– Б. С.). Или в судьбу мастера вошла случайная, корыстная, чужая, честолюбивая женщина?»

И далее, пересказывая воспоминания о Маргарите, по сути дела второй вопрос сами же опровергли. А возник-то он лишь потому, что, оказывается, невестка младшей сестры Арсеньева Вера говорила о Маргарите разные нехорошие слова: она, мол, такая-сякая, эгоистичная, любит купаться в роскоши и т. п. Другие утверждали, что это был вовсе не брак по любви, а мезальянс. Далее мы ещё и более сильное «свидетельство», а по сути донос на Маргариту в карательные органы приведем.

На любой роток не накинешь платок.

Опускаем мнения критиков романа Булгакова. Некоторые из них (например, зарубежный исследователь Альфред Барков, с эпатажной точкой зрения которого можно познакомиться в интернете), булгаковскую Маргариту и мастера вовсе не считают идеальной парой. Не о литературных героях речь.

О реальных.

Почему постановщики музейного спектакля вспомнили о героях романа, ставшего для миллионов читателей чуть ли не культовым? Листаем книгу и невольно удивляемся некоторым поразительным сходствам того, что придумывал Михаил Афанасьевич, с реальными фактами из жизни Владимира и Маргариты.

То, что Арсеньев для дочери Соловьёва в тот год, когда их так потянуло друг к другу, был мастером – нет сомнения. Она хорошо знала его биографию, его военную карьеру, получившие в научном мире резонанс его работы, ту же поездку в Петербург и встречу с царём, со знаменитыми исследователями, знала, что он пишет повести, и, вероятно, ещё до замужества, горячо уговаривала отца помочь Владимиру Клавдиевичу с их изданием. А когда в 1918 году Арсеньев приехал во Владивосток, то сразу же своим женским чутьём поняла: он так одинок, несчастлив и ждёт, пусть не показывая вида, помощи.

И конечно, новой любви...

Удивительно и то, что булгаковский герой, автор «неизданного романа», был по профессии историком, работал в музее. Как Владимир Клавдиевич, заведовавший в Хабаровске музеем, тоже был автором неизданной книги. Совпадает и отчество реальной Маргариты с той, что в романе – Николаевна. Ничуть не счастливее складывалась её жизнь...

Фразу из «Мастера и Маргариты» «столкнула их сама судьба» вполне можно отнести и к встрече Арсеньева с его будущей второй невестой-женой. Ещё одна фраза из романа: «Меня поразила не столько её красота, сколько необыкновенное, никем не виданное

одинокость в глазах». Невольно эти строки приходят на память, когда рассматриваешь фотографии Маргариты Соловьёвой.

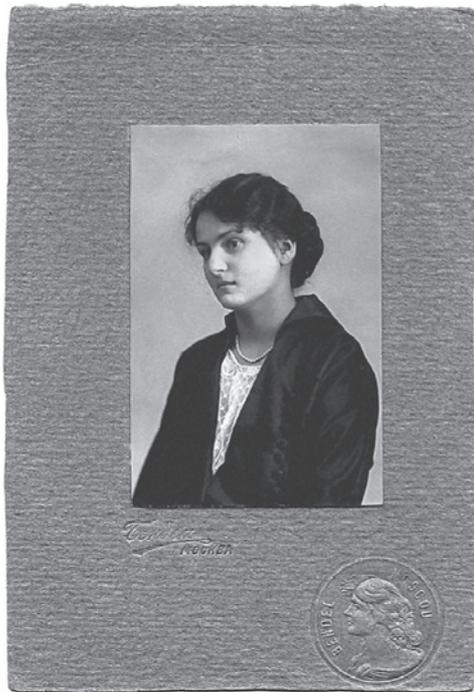
А вот (продолжаем цитировать Булгакова) мастер думает и разговаривает с повстречавшейся и так поразившей его женщиной:

«Она жила с другим человеком, и я там тогда с этой, как её...

– Вы были женаты?

– Ну да... на этой...»

При встрече с Маргаритой Арсеньев мог бы сказать, ну слово в слово, как говорил булгаковский герой: «Не надо задаваться большими планами... Я вот, например, хотел объехать весь земной шар. Ну что же, оказывается, это не суждено...».

Маргарите 24 года.
Фотография послана в 1916 году из Москвы двоюродной сестре.
(Из альбома Красевых)

Фраза о «больших планах» – крылатое выражение. То, что она принадлежит перу Жана Батиста Поклена де Мольера, Михаил Булгаков, автор пьесы об этом французском гении под названием «Кабала святош», конечно, знал. И вставил в признание героя «Мастера и Маргариты» своей любимой.

Но знал эту фразу и Владимир Клавдиевич. С небольшим изменением её употребил в... газетной корреспонденции ещё в 1912 году.

Во время второго этапа «секретной» экспедиции он по просьбе редактора хабаровской газеты «Приамурье» писал в неё с маршрута письма. Публикации эти приведены в книге М.К. Азадовского «Жизнь и приключения в тайге». Арсеньев в одной из этих корреспонденций, давая советы местным жителям, прежде всего образованной её части – топографам, землемерам, учителям, священникам и, конечно, чиновникам, как сохранять памятники старины, писал:

«Не надо задаваться большими задачами. Следует только обстоятельно изучить ближайши́е окрестности, свой район...»

Этому правилу следовал, как мы уже знаем, и сам наш герой. Он

был куда бóльшим реалистом, чем литературный герой Михаила Афанасьевича. Но что касается путешествий... Может быть Владимир Клавдиевич тоже мечтал объехать земной шар? Только вряд ли говорил об этом своей Маргарите...

«Бывают странные сближенья», – написал некогда гениальный поэт. Может быть, поэтому так хочется всё нанизывать и нанизывать фразу за фразой из знаменитого романа. Вспомните, что болтал Коровьев Маргарите о «вопросах крови». Мол, она прапрапраправнучка одной из французских королев. У Маргариты Соловьёвой в жилах тоже текла французская кровь. Снова какое же совпадение!

Жаль, что мы ничего не знаем о её далёких предках...

Как объяснить подобные сближенья? Вероятнее всего автор романа, до сих пор будоражащего читателей, как утверждает критик Барков, описал коллизию личной жизни самых разных реальных персонажей того времени.

А время-то было не приведи Господь!..

Маргарита взвалила на себя большую ношу. Может быть, не корректно сравнивать её с первой женой, но как тут не сказать, что Анна Константиновна никогда не работала и нужды заниматься этим не испытывала. В её распоряжении были денщик мужа-офицера, домашние работницы... Маргарита Соловьёва зарабатывать на жизнь стала, когда лечилась от туберкулеза: нанималась присматривать за ребёнком. Не имея, увы, законченного специального образования, трудилась во Владивостоке на небольших должностях в фирмах и учреждениях как до советизации Приморья, так и после.

Приморский изыскатель В.А. Ярмолюк в газете «Дальневосточный геолог» (№ 6. 1992) вспоминал: «Когда я узнал, что в геолого-разведочном тресте работает жена Владимира Клавдиевича, то специально пошёл туда, чтобы её увидеть. Это была стройная изящная женщина, средних лет и среднего роста. Молчаливая, спокойная, с редкой, но хорошей улыбкой. Последний раз я её видел в коридоре треста весной 1933 года».

В той же газетной публикации приводится отрывок из письма историка Б.П. Полевого, сына директора Дальгеолкома: «Маргарита Николаевна Арсеньева была приглашена в ДВО Геолком моим отцом: он хотел этим материально помочь семье В.К. Арсеньева, который в это время остро нуждался в деньгах. Первоначально М.Н. стала вести всю иностранную переписку, занималась библиографией и картотеккой выявленных месторождений, из которых и образовалось бюро учёта и статистики».

Да, дома по хозяйству Маргарите помогала тетка, но она была инвалидом от рождения. Требовали забот Наташа и Оля. Муж, как

и прежде, не вылезал из своих дел. Скоро, как мы увидим, она стала ему настоящей помощницей.

Знал ли Владимир Клавдиевич о романе её с Карчевским? Не мог не знать. Правы А. Запорожец и Ю. Яроцкая, говоря, что «не только любовь, но и сострадание были основой этого союза».

Но вот Г.Г. Пермяков, ссылаясь опять-таки не воспоминания Александра Владимировича Арсеньева, утверждал, что об истории адюльтера (правда, добрачного, так что это слово тут применимо с натяжкой) Владимир Клавдиевич узнал «от добрых людей» после рождения прелестной малышки Наташи. «При посредстве дяди Шуры, – писал мне Пермяков, – состоялся разговор «по душам». Рита призналась и, стоя на коленях, просила прощения. Арсеньев простил, но скоро уехал в Хабаровск и там жил почти два года, чтобы перемолоть всё это в душе. Только Наташа, слёзно просившая папу вернуться домой, заставила его покинуть наш город».

Владимир Клавдиевич действительно с октября 1924 до осени 1926 года работал в Хабаровске. Но было ли это вызвано только личными мотивами?

Причины были другие...

Нельзя согласиться и с утверждением Пермякова, что Маргарита не редактировала повести Арсеньева, т. к. якобы плохо знала русский язык. Далее мы подробно процитируем отрывки из целого ряда её писем, посвящённых издательским делам мужа, и из них станет несомненно ясно: она в литературном ремесле разбиралась довольно хорошо и русский прилично знала.

Один из владивостокских старожилов, знакомый с семьёй Арсеньевых, вспоминал: Владимир Клавдиевич любил, когда на его столе стоял букет синих цветов. Он хорошо знал, кто их поставил. «Они сияют, как твои глаза», – говорил он Рите. Не это ли – самый простой, но верный признак большой любви?.. Маргарита старалась, чтобы в их квартире всегда была чистота, порядок. Не только: любила красивые вещи и знала им цену. А в какие элегантные костюмы она одевала мужа, какую модную шляпу, галстуки он стал носить – это видно по его поздним фотоснимкам. Сама тоже всегда старалась одеваться, как настоящая леди.

Далее свидетельства В.Н. Красевой. «Я супруга писателя, которого знают даже за границей», – гордо говорила Маргарита. И не очень-то её волновало, что кто-то прошипит нехорошие слова ей вслед... Когда после смерти супруга она приехала в Москву и её родные уговаривали остаться, Маргарита им ответила: «Лучше быть первой во Владивостоке, чем в столице затеряться в толпе».

Может быть, её и сгубила излишняя самонадеянность?

Следующий рассказ Веры Николаевны:

– Маргарита на своём умела настоять. С дядей Володей спорила, даже порой голос на него повышала. А он цитировал ей в ответ строчки из Алексея Константиновича Толстого. Подождите, сейчас вспомню: «*Не брани меня, мой друг, / гнев твой выразится худо, / он мне только нежит слух, / я слова ловить лишь буду. / Как они польются вдруг, / затрепещут словно чудо, / будто падает жемчуг / на серебряное блюдо*». И они тотчас же мирились. Тётя дядю Володю очень любила, готова была жизнь отдать за него.

Ещё одна деталь из воспоминаний Веры Николаевны:

– Письма, записки когда ему писала, всегда подписывала «*Вся твоя Маргарита*». Знаете почему? У француенок так было принято и у русских дворянок. Помните, в «Евгении Онегине» Пушкин пишет об альбоме, «что все подружки измарали с конца, с начала и кругом», и с иронией цитирует из этого альбома одну строку по-французски и подпись: «*t.a.v. Annete*». В переводе – *Вся ваша Аннет*.

До нас дошло лишь одно, так подписанное её письмо к мужу:

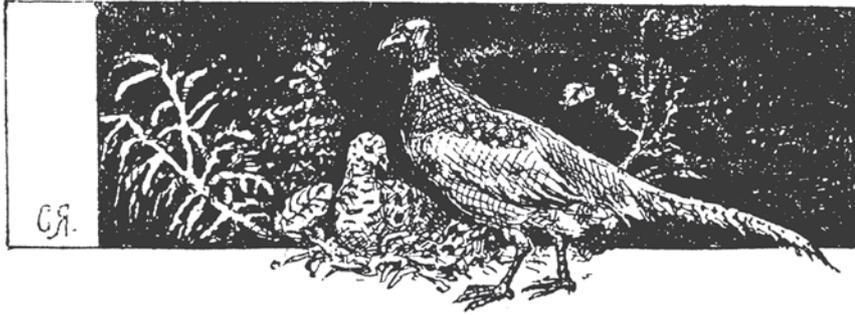
«...Без тебя тоскливо, милый. Зло берёт, что никогда нам не дадут проститься как следует, вечно мешают. Ещё не было случая, чтобы мы с тобой перед отъездом вдвоём провели последние часы. От этого ещё тоскливее на душе. Посылаю тебе письмо, которое пришло на твоё имя. Я сама бы ответила на него, но не могу разобрать фамилию. Кин, что ли? Ему надо выслать все твои брошюры и книгу «По Уссурийскому краю». Напиши ему, а мне напиши чётко его фамилию, я вышлю книги.

Крепко целую, милый.

Вся твоя Маргарита.

Она всю себя посвятит делу мужа и примет мученическую смерть, потому что носила фамилию Арсеньева.

Глава VIII

ЕСЛИ БЫ ОНИ ЗНАЛИ, ЧТО ИХ ЖДЁТ

- *В свет!* • *На немецком с предисловием Нансена*
- *Приключения в Охотоморье* • *Через Харбинский банк*
 - *«Посылаю рукопись для детского издания...»*
 - *Дело «с расстрелом»*
 - *Трагедия Наташи*

Российская республика Советов, которой пошёл всего четвёртый год, отгорожена от юга Дальнего Востока полыхающим валом Гражданской войны. По забайкальским долинам и взгорьям катится он, чтобы, как потом запоют, «с боем взять Приморье, белой армии оплот».

Что там в красной России творится, кто знает?

А творилось там всякое. Вот лишь несколько событий августа 1921-го. На улицах Москвы плакаты художника Д. Моора: старик в исподнем воздел к чёрному небу руки, а под его громадными голыми ступнями кричащее слово: «Помоги!» Страшный голод на Волге... 7 августа в Петрограде умер Александр Блок, 25-го расстрелян Николай Гумилёв. 9 августа – начало новой экономической политики (НЭП), в конце этого же месяца окончательно разгромлен на Украине крестьянский вождь анархист Махно...

На Кавказе и в Крыму полгода назад воцарилась власть красных, солнце печёт немилосердно. А на той же широте, во Владивостоке, не может пробить облака, над океаном туман. Но если говорить о «политической погоде» в белом Приморье, то она была жарче, чем в Крыму при последних месяцах врангелевского правления. Мародёрничали каппелевцы, семёновцы. В таёжных дебрях продолжалась партизанская война. Во Владивостоке кто с надеждой, кто со страхом ждал, чем же всё это кончится.

Но жизнь продолжалась.

В один из дней того же августа Владимир Клавдиевич спешил в частную типографию «Эхо», где наконец-то решили издать его повесть «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала)». Вчера владелец газеты «Голос Родины» господин М.Н. Вознесенский, выпускающий и книги, сообщил Арсеньеву, что повесть уже брошюруют, а её первый экземпляр он подписал «В свет!».

Нет слаще для автора разрешения, чем это.

Идёт по улице наш герой быстрой походкой, но ему кажется: он летит и всё внутри поёт: наконец-то выходит его творение на свет божий.

Сколько же рукопись у него провалялась в Хабаровске и тут! Стучит сердце: спасибо, спасибо всем, кто верил в меня, поддерживал, помог. В первую голову – Соловьёвым, любимой Маргарите моей, Вознесенскому, господину З. Ивадо, владельцу типографии, другу Н.А. Спешневу – без его посредничества вряд ли книга вышла бы так скоро, И. Шкуркину, написавшему необходимое предупреждение.

В предисловии к первому изданию Владимир Клавдиевич благодарит всех, кто «способствовал моим начинаниям в деле исследования Уссурийского края». Первым он назвал П.Ф. Унтербергера, добавив: «Этот государственный деятель был моим истинным покровителем». Далее идут фамилии «доброжелателей и друзей в лице С.З. Балка, А.Н. Пелль и П.Г. Тигерстедта». О последнем Арсеньев написал: «Когда в 1907 г. я, больной и обессиленный голодовками, лежал на берегу около устья р. Кулумбе, он, обеспокоенный моим долгим отсутствием, предпринял поиски и пришёл на помощь ко мне в самую критическую минуту». Называет он и своих спутников: Н.А. Десулави, Г.Г. Гранатмана, А.И. Мерзлякова и П.П. Бордакова. Не забыл солдат и казаков: «Большую часть своего успеха я отношу к [их] примерной самоотверженности и честной службе»; а также «командиров судов, военных, учителей, врачей и многих частных лиц»: «шлю им дружеский привет и благодарю за радушие и гостеприимство».

Жаль, что в последующих изданиях это предисловие публиковалось только в той части, где он вспоминает о своём спутнике Дерсу.

...Первые дарственные надписи на выданных ему в издательстве бесплатных экземплярах. Первые отклики друзей, просто знакомых и незнакомых, но знавших его по выступлениям на публичных встречах, в музее, в университете. Не утерпел, пошёл по книжным лавкам, посмотрел, покупают ли его книжицу. С огорчением узнал: плохо расходуется. Горожанам, издёрганым, напуганным, насмерть

уставшим от всей творившейся катавасии, не до книг о каких-то там таёжных скитаниях капитана и его проводника.

Маргарита успокаивает:

– Володя, милый, не нервничай. Да, первая ласточка весны не делает. Давай быстрее готовить к печати вторую книгу. А там и власть переменится, и, я уверена, тебя заметят. Твой опыт, твой характер, работоспособность, талант обязательно будут востребованы! Но, – продолжила, чуть с улыбкой, – помнишь, как говорят французы *l'appetit vient en mangeant*? (перевод пословицы: аппетит приходит во время еды).

– К чему ты клонишь?

– Я навела справки о Пеппеле, с которым нас недавно познакомили на приёме в немецком консульстве. Его тут все зовут Евгением Ивановичем. Немецкий подданный. У него приличный капитал, в Германии – хорошие связи.

– Да, слышал о нём, весьма культурный малый. Начитан. Спрашивал о моей книжке...

– Вот, вот! Он страстный любитель литературы именно с твоим уклоном: история, географические открытия, природа.

– Ты хочешь, чтобы я...

– Да, ты должен обязательно, во-первых, подарить ему свою книжку и ещё... Только не ругай меня, милый, пожалуйста. Я с ним встретила, поговорила о том, о сём. И вдруг узнаю, что он хочет, веришь – нет? – заняться издательским бизнесом. И не у нас, а, – сделала паузу, – в Берлине! Я рассказала ему, насколько ты одарён, что последняя твоя книга – нарасхват (Арсеньев покачал головой, но слушал, не перебивая). И если её перевести и издать на западе, научный мир Европы ахнет. Для них наш край ещё более неизвестен, чем Австралия или Африка! Ещё я ему сказала, что тебя знает сам Нансен, и это его сразило.

– Он заинтересовался? – недоверчиво, глядя в глаза жены, спросил Арсеньев. – Или это всё пока твои...

Маргарита прикрыла его рот ладонью:

– Всё очень серьёзно, милый. Это не мои *mensonges* (фр. – ложь, выдумки). Он ждёт тебя на днях. Вот его визитка.

Лишь месяц прошёл со дня выхода арсеньевской книги, а на столе предпринимателя Е.И. Пеппеля лежал напечатанный в трёх экземплярах Договор от 28 сентября 1921 года. (Далее будут приводиться документы из архива, хранившегося у В.Н. Красевой. Сейчас находится в другом частном архиве.)

Договор был заключён между совладельцем сибирского Горно-промышленного Акционерного общества «Пеппель и Озмидовъ» (Петроград – Владивосток) и В.К. Арсеньевым. Документ заверен

нотариусом А.Л. Гессе-де-Кальве. Указан его владивостокский адрес и сколько взыскано сбора: «золотом два рубля за то, что договор заключён, и два рубля – в доход города».

Ниже о том, что копия заверена тем же нотариусом. Роспись. Печать.

В документе (для Арсеньевых – историческом) одиннадцать пунктов. 1-й – главный: «В.К. Арсеньев передаёт Е.И. Пеппель исключительные права на перевод на иностранные языки, на издание и опубликование полностью или частями по усмотрению Е.И. Пеппель следующих своих сочинений: а) «По Уссурийскому краю»... б) «Дерсу Узала» – из воспоминаний о путешествии в Зауссурийский край... в) «Китайцы в Уссурийском крае»... г) «Уссурийский край до прихода русских».

Любопытен третий пункт: «В случае, если Е.И. Пеппель сочтёт необходимым издать указанные в п. 1 настоящего договора сочинения В.К. Арсеньева за границей на русском языке, то и на это Е.И. Пеппель имеет право».

Далее о том, что все расходы вышеуказанный господин принимает на себя. Пункт 6: «В случае, если Е.И. Пеппель заключит договор об издании хотя бы одного из указанных в п. 1 сего договора сочинений, то права Е.И. Пеппель распространятся и на главное сочинение В.К. Арсеньева «В горах Сихотэ-Алиня» (вот значит какую свою книгу считал тогда главной сам автор – не о Дерсу Узала, а ещё недописанную – об экспедиции 1908 года).

8-й пункт – о гонораре: «За указанные в настоящем договоре права Е. И. Пеппель обязан выплатить В.К. Арсеньеву половину вырученной им, Е.И. Пеппель, чистой прибыли». И ещё: В.К. Арсеньев

Маргарита с дочкой Наташей. 1923 г.

предоставляет Е.И. Пеппель не только указанные сочинения, но и «по точным описям относящиеся к ним и необходимые для опубликования и издания их изданные и неизданные рукописи, фотографии, негативы, планы, чертежи и прочие материалы»...

Обговорён срок – за один год Е.И. Пеппель должен был отыскать «фирму или отдельное лицо», которые бы взялись за издание сочинений В.К. Арсеньева.

Через месяц Евгений Иванович пишет Арсеньеву: «Милостивый государь... Честь имею подтвердить Вам, что... мною от Вас принято...» Далее перечисляются рукописи, карты, чертежи, негативы, фотографии...Ниже: «мой адрес и во время моего отсутствия остаётся: Ев. Ив. Пеппель, Владивосток, Набережная ул., 12, кв. 7».

Е.И. Пеппель взялся за рискованное дело. Где Владивосток, а где – Берлин? В России ещё идёт Гражданская война, Германия переживает поражение в Первой мировой. А некий господин (правда, богатый), живущий у краешка Тихого океана в доме на Набережной, обещает господину Арсеньеву, что через год его книги кто-то возьмётся на Западе издавать, а потом у них там найдутся читатели.

Рассчитывает и прибыль получить.

Но Евгению Ивановичу сопутствовала удача. Правда, не через год и не через два, а лишь в самом начале 1924 года из Берлина, куда, неизвестно какими путями уехал Пеппель, пришла на адрес Арсеньева телеграмма. Сохранился ее оригинал. На бланке, мало отличающемся от сегодняшних, простым карандашом, путая кириллицу с латиницей, написаны русские слова и довольно чётко, так что разобрать и через почти век можно:

«Vld Vladimir Arseneff Museum iz Berlin принято 28.01.1924 г. Подана 27.1.6 час. Счет словъ 9 Реввой dogovor saklutschil posdrawlaju Реррел». *Первый договор заключил поздравляю Пеппель.*

Можно лишь добавить русское «Ура!»

Владимир Клавдиевич и Маргарита «прорубили окно» в Европу!

Вскоре пришёл по почте и сам договор – на немецком и (перевод) на русском. В конце после даты слова: «проживающий в Берлине» и роспись, но уже по-немецки: Евгений Пеппель. Рядом вторая, незнакомая. Красным цветом печатка: «Август Шерль, товарищество с ограниченной ответственностью Ке» и тоже роспись. Нашёлся Пеппель и нашел-таки фирму в Берлине, которой, как гласит параграф 1, он передаёт авторские права и права на издания... Далее их названия. Всё прописано в 10 параграфах с той же немецкой пунктуальностью.

Итак, Пеппель навсегда вернулся на свою капиталистическую родину, а Арсеньев оказался гражданином страны, в которой решили построить социализм. Но деловые люди остаются деловыми людьми и после таких пертурбаций.

Пеппель и Шерль действовали энергично: нашли переводчика, и он стал корпеть над текстами. Договорились с Фритьофом Нансеном о предисловии. Это уже был первый успех. Без промедления начали, как сейчас говорят, «раскрутку» русского автора в разных немецких газетах и журналах.

Довольно успешно.

Результаты превзошли все ожидания.

В том же 1924 году в книжных лавках Берлина (да и, наверное, в других городах Германии) начали продавать книгу, на которой стояло: In der Wildnis Ostsibiriens. Forschungsreisen im Ussurigebiet von Prof Wladimir K. Arsenjew. Ubers, von Franz Daniel. Bd 1. Berlin.

Так в свет вышел Арсеньев уже за границей. Скоро под тем же названием: «В дебрях Восточной Сибири» – появился следующий том, содержащий перевод второй повести о Дерсу Узала.

Представил В.К. Арсеньева немецкоязычным читателям Западной Европы в своем предисловии нобелевский лауреат Фритьоф Нансен. «Я надеюсь, что интересный и ценный труд проф. Арсеньева найдёт много читателей», – писал он. Скоро откликнулись на выход книги и другие светила западной географической науки – Свен Гедин, Георг Швейнфурт, Альфред Вегенер.

Первый том «В дебрях Восточной Сибири» предваряют такие слова благодарности Владимира Клавдиевича:

«За границей публикацию моих работ о Сибири взял на себя опытный пионер и знаток этой страны господин Евгений Пеппель. Я выражаю ему мою искреннюю благодарность за заботы, связанные с публикацией результатов моих исследований.

Владимир Арсеньев.

Владивосток, сентябрь 1924».

Слова выдержаны не только в стиле того времени, но и лишний раз свидетельствуют о том, что Арсеньев никогда не забывал благодарить всех тех, кто помогал ему в научных и в творческих делах.

Как было не радоваться Владимиру Клавдиевичу и Маргарите.

Подумать только: безвестный гольд из Уссурийской тайги Дэрчу Очжал, погибший от руки бандита в 1908 году и оживлённый пером Арсеньева в образе идеального охотника-следопыта, дошагал со своим автором-капитаном от озера Ханка до берегов Эльбы. Такое путешествие можно с полным правом называть не только самым большим по расстоянию, но и самым успешным из всех, совершённых Арсеньевым в своей жизни.

И ещё: не припомнить, кому из русских путешественников такое удавалось сделать.

Скоро сумка почтальона, носившего корреспонденцию в дом Арсеньевых, заметно потяжелела. Стал он приносить письма всё больше с наклеенными на них иностранными марками. Потом пошли из Берлина и другие марки – немецкая валюта – гонорары...

Во многом изменится с тех пор жизнь Арсеньевых...

Но вернёмся на «шаг» назад. 1922-й год. Во Владивостоке всё говорит о том, что скоро придут красные. Старший инспектор промыслов и одновременно профессор Дальневосточного педагогического института В.К. Арсеньев просится у начальства посетить свои «владения».

Получив разрешение управляющего, 12 июня он пишет декану гуманитарных наук ГДПИ им. Ушинского второе прошение: «Настоящим покорнейше прошу дать мне текущим летом командировку от института в Охотско-Камчатский край. Я намерен заняться обследованием одного из наименее известных уголков Восточной Сибири, именно Тайгоносского полуострова и Пенжинского залива. Как-то случилось так, что все исследователи, работавшие в Охотско-Камчатском крае, обошли эти места стороною, и в научной литературе имеются о них лишь отрывочные сведения от моряков, случайно пристававших кое-где к берегу. Цель поездки – естественно-историческая. Центром тяжести будут этнологические исследования среди сидячих и оленных коряков. Время командировки – четыре месяца».

Через неделю по тому же адресу проф. Арсеньев направил просьбу включить на предстоящий 1922/23 учебный год в план занятий его со студентами такие курсы:

- 1) Первобытная культура Европы;
- 2) Первобытная культура внеевропейских стран;
- 3) Первобытная культура Европейской России;
- 4) Первобытная культура Сибири и Приамурского края.

Всего предполагалось проводить занятия 6 часов в неделю.

Командировку выписали в отделе народного просвещения Временного Приамурского правительства. Цель – научная. Но денег не дали, лишь сохранили содержание. А кто же дал? Вопрос остаётся открытым. Может быть, как до этого в Хабаровске, нашлись частные «спонсоры»?

23 июня Владимир Клавдиевич на пароходе «Кишинёв» отправился на Тайгоносский полуостров. Чтобы отыскать на карте этот выступ в Охотском море, проведите глазами от северной, самой узкой части Камчатки на запад и увидите небольшой полуостров сразу за Пенжинской губой.

Не ближний свет.

«Кишинёв» отошёл от пирса, пассажиры стали расходиться по каютам, а Владимир Клавдиевич всё стоял и стоял на палубе. Наступила самая короткая ночь 22-го года. Не изменяя своей пунктуальности, утром он записал в дневнике: «24 часа 30 мин. Проводил глазами Владивосток, когда в туманной ночной мгле скрылись последние огоньки, я спустился в каюту».

По этой, казалось бы, нейтральной строчке легко определить: он с грустью расставался с берегом... Да нет! – с молодой женой, с дочуркой, которая стала уже крепко на ножки и начала лепетать первые забавные слова. Не хотелось думать, что он фактически бежит. Но не из огня ли в полымя?

Плавание оказалось долгим. Только в порту Хакодате на японском острове Хоккайдо простояли четыре дня.

В 1927 году Арсеньев побывает в Японии второй раз в числе экскурсантов – научных работников Дальневосточного университета и других учреждений краевого центра, посетит города Цуру, Токио, Киото, Осака. Пробудет там около трёх недель.

После его смерти в «деле», сфабрикованном ОГПУ над «врагами народа» – группой дальневосточных ученых, Арсеньева официально назовут платным японским агентом. Были ли у Владимира Клавдиевича с японцами когда-либо какие-то секретные контакты? Японский учёный Ядзима Сатоси, живущий в Саппоро, выступая в 2000 году на Арсеньевских чтениях, упомянул о дружеских связях Арсеньева с этнологом Торией Рюдзо, с которым тот встречался в 1919 и 1928 годах, с геологом Дзимбо Которо. А о посещениях Арсеньевым Японии сказал уклончиво: «Для выяснения этих вопросов необходима работа с архивом».

Может быть когда-то там что-то и будет найдено...

Арсеньев взял с собой в путешествие фотоаппарат. Интересен, например, такой снимок. Кто-то из его камеры снял группу на капитанском мостике «Кишинёва». В кителе и фуражке, сложив на груди руки, стоит типичный «морской волк» – аккуратно подстрижена седая бородка, округлое лицо – это капитан парохода Г.М. Гроссберг. Слева от него в модном суконном пиджаке с накладными карманами, светлая рубашка, галстук, заложив руки за спину, облокотился о переборку Арсеньев. Исхудавший, залысины, гладко выбрит... Ближе к треноге аппарата в полувоенном френче, галифе и в сапогах, руки в карманах, во рту трубка, некий господин Иден-Целлер, как следует из подписи, «германский подданный».

И среди таких людей он был своим.

Не может быть, чтобы они не касались во время этого путешествия тем, что волновали всех думающих людей России. Например, о которых писал из эмиграции своему бывшему подчинённому Павел Фёдорович Унтербергер:

«Вы себе легко представить можете, с какими ужасными чувствами я смотрю на развал России. Владимир Клавдиевич, не теряйте веру в русский народ. Всё, что творится теперь, есть результат того, что дурным и зверским качествам, которые кроются в каждом человеке, дали полный простор, и нет той власти, которая их бы удержала, а напротив того, они властью как бы поощряются. Верьте мне, что теперь творится ужасного в России, в том же виде проявится в среде каждого народа, где установились бы порядки, ныне существующие на нашей Родине. Как только наступят спокойные времена, а они должны наступить, всё разом изменится, и тот же народ ужаснётся, вникнув в то, что он натворил, когда его скверным качествам не было удержу... Спасибо вам, что Вы сообщили сведения о живых и покойных знакомых (значит, Арсеньев и ему за границу писал. – Б. С.). Искренне соболезную в вашем семейном горе: потере отца, матери и братьев... Вы пишете о том, что угрожает Хабаровску. Меня удивляет, что спокойная часть населения не организуется, чтобы дать в случае надобности резкий отпор всякого рода эксцессам. Пожалуйста, поклонитесь от меня всем, кто помнит меня. До переворота мечтал навестить Приамурский край, с которым меня связывает долголетняя работа, и повидать опять сотрудников. Теперь эту мысль придётся оставить».

В конце письма постскриптом: *«Сообщите, расхищаются ли наши морские богатства, а если да, то кем?»*

Доживал лишённый Родины и чинов старик на чужбине, а всё интересовался: как там, в некогда руководимом им краю!

Унтербергер благодарил Арсеньева за то, что тот посвящает ему «труд, предназначенный к печати». Владимир Клавдиевич действительно намеревался свою первую повесть посвятить ему. Но, когда вышла «По Усурийскому краю», этой надписи на титульном листе не стояло. По каким причинам Арсеньев снял посвящение, можно только догадываться.

«Кишинёв», зарываясь в волны, шёл из Японии на север. Арсеньева не покидала «тоска по дому, по семье». Закавыченные слова взяты нами из того же его дневника. Только представьте, впервые наш герой путешествует один-одинёшенек.

Было от чего затосковать!

31 июля Владимир Клавдиевич высаживается во время стоянки в Ямской губе на безлюдный берег. И оказывается в роли новоявленного Робинзона, только оставленного здесь по доброй воле.

Очередную нерадостную запись занёс в дневник, дойдя до одинокого домика, стоявшего неподалёку на косе: «Жуткое чувство закралось в сердце, когда я увидел удаляющийся пароход. Я долго стоял на берегу и смотрел, долго смотрел, до тех пор, пока он не

стал маленьким, едва заметным и, наконец, не скрылся за мысом... Я сразу почувствовал себя отрезанным от мира».

Но не для того ли он сюда и стремился? Если уж быть совсем точным, Арсеньев сейчас оказался не только от *мира* отрезанным, но и от *войны*.

Вообще-то путешествие на северный берег Охотоморья дало Арсеньеву не так много материала. Да, он вычертил подробную карту, побывал у эвенков и купил у них кое-что для музея. Проинспектировал несколько рыбалок, лежбища ластоногих, увидел, как аборигены убивают нерп дубинами – зрелище не из приятных. Но бить их из ружей, объяснили ему, значит распугать животных. Рассказали, что сюда приплывали японцы на шхуне и перестреляли много нерпы. На следующий год пугливые дети океана боялись вылезать на берег.

И всё же Арсеньев собрал достаточно фактов и наблюдений для научной статьи. Она вышла уже при советской власти в журнале «Экономическая жизнь Дальнего Востока» (№ 5, 6, 1925 г., Владивосток). В ней содержится сжатый, но конкретный и честный обзор всего того, что увидел исследователь: жалкое состояние хозяйства, хищничество, полуголодное существование местного населения. Вот только один яркий пример спаивания гижигинцев:

«В Охотско-Камчатском крае никакого дела нельзя начать, чтобы не появились спиртоносы. Ни одна сделка с инородцами не обходится без угощения водкой. В Гижигинском районе все торгуют спиртом: и японцы, и рыбопромышленники, и даже случайно заезжие лица. Ежегодно сюда привозится из Японии 30.000 баночков (объёмом пол-литра). В прежние годы ведро хорошего русского спирта стоило 40 рублей, ныне японский банчок расценивается от 3 до 5 белок. Зимой цена на него поднимается до 25, а в Колымском крае до 50 рублей. Японский спирт плохого качества и содержит много ядовитых масел. Говорят, что зимой 1920 года в Гижиге отравилось им 63 человека, из которых многие умерли в сильных мучениях. При подсчёте оказывается, что всё туземное население Пенжинского залива ежегодно употребляет более 1000 вёдер спирта на сумму 15 000 рублей... Если не будут теперь же приняты меры, водка окончательно сотрёт этих несчастных людей с лица земли».

Потом Арсеньев пустился в плавание на небольшой моторно-парусной шхуне «Пенжина». Её нанял для перевозки своих товаров по побережью один предприимчивый человек по фамилии И.Ф. Соловей. Занимался он также рыбалкой и охотой на нерпу и, видимо, слыл в этих краях, где никакой власти не было, «авторитетом».

Плавание оказалось довольно опасным. Судно сразу же попало в

сильный шторм. Арсеньев (далее цитата из дневника), «не поднимая головы, не ел и не пил. Ужасные страдания: тошнота, болезненное воспаление желудка, головная боль». И дальше продолжались дурные погоды, как говорят моряки. В сентябре «Пенжина» оказалась в центре сильнейшего урагана. Но капитан А.М. Менгель вывел шхуну, которую чуть не разбило о каменистый берег Сахалина, на большую воду. «Маленькая шхуна едва выдерживала удары волн, – записал в дневнике Арсеньев. – 13 числа ветер достиг сильнейшего шторма (10 баллов). Гибель судна казалась неминуемой, и вдруг в полночь ветер упал до штиля. Господь Бог спас от гибели корабль и 18 человек на нём».

Господа Бога наш герой скоро вспомнит ещё раз: «22 сентября. Слава Богу! Мы вышли в пролив Лаперуза. Охотское море осталось позади. Прощай, бурное неприветливое Охотское море! Я тебе «не враг, и ты мне не друг». Прощай!»

Нет, недаром называл Арсеньева Пришвин поэтом.

Читая такие записи, даже удивляешься, почему Владимир Клавдиевич не сочинял стихов...

Кроме ополчившейся на него стихии, Арсеньев едва не попал в руки, правда, не морских пиратов, но настоящих бандитов. Оказалось, что наводивший грозу на всё побережье атаман Бочкарёв, главарь отряда лихих людей, среди которых были белые офицеры и разные тёмные личности, охотился за «Пенжиной» и даже однажды захватывал ее. Но в отряде произошёл переворот, «Пенжину» освободили. Это было ещё до того, как на ней вышел в море наш отважный герой.

Напоролись на Бочкарёва в Гижигинском заливе. Там стояло его судно «Святой Михаил» и арестованная им японская паровая шхуна. Ватага хотела взять в плен и ограбить «Пенжину», а их атаман – удрать на ней в Америку. Но к ней на моторном катере им подойти не удалось: испортился мотор.

Наступал вечер. «Поднялся, – пишет Арсеньев, – сильный ветер и навалился с моря густой туман. В сумерки свежий ветер сделался порывистым и превратился в шторм. Тогда Менгель приказал закрыть все иллюминаторы, погасить огни и, пользуясь попутным ветром, тихонько ушёл в море».

В конце вообще-то бессмысленного болтания в бурных водах Арсеньев вновь оказывается в порту японского города Хакодате. Как будто что-то туда его тянуло. И такое стечение обстоятельств: видит у причала «Кишинёв»! Пароход, оказывается, направляется во Владивосток. Г.М. Гроссберг приглашает Арсеньева в плавание домой.

Попрощавшись с экипажем «Пенжины» и мужественным капи-

таном Менгелем, Владимир Клавдиевич поднимается на знакомый ему корабль и встречает там – тесен мир! – своего однополчанина по службе в Хабаровске, капитана Макария Андреевича Баранова. Какими ветрами его сюда занесло, неизвестно, а вот куда он свой путь держал?..

Через годы полковник Баранов, ставший неведомо какими путями протоиереем на острове Св. Павла на Аляске, напишет о той встрече с Арсеньевым в Хакодате:

«...Мы долго обсуждали вопрос о том, куда деваться, и решили его по-разному (выделено мной. – Б. С.). Владимир Клавдиевич как исследователь, а никакой не политический деятель, вернулся во Владивосток к семье и к его любимой исследовательской работе, да и здоровье и годы побуждали его к этому. Я же с моей семьёй избрал беженское скитание по свету... Расставались мы с Владимиром Клавдиевичем по-братски, как офицеры по воспитанию, по любви к Родине и преданности ей, как старые сослуживцы и друзья: перекрестили друг друга и расцеловались долгим со слезой поцелуем».

Эта запись, как вспышка магия, что применялась тогда при съёмках фотографических карточек, высветила нам выразительный и человеческий облик Владимира Клавдиевича той поры.

Он уже решил для себя мучительный вопрос всех «офицеров по воспитанию, по любви к Родине» – где и как дальше жить. Но, об этом выше говорилось, хорошо понимал и тех, кто поступал иначе.

Последние страницы в дневнике Арсеньева о Гижигинской экспедиции отсутствуют. Уничтожил их сам Арсеньев или кто-то другой?

Уже не прочесть, что он там писал.

О встречах с Арсеньевым в тот же досоветский период оставил воспоминания талантливый русский поэт-эмигрант первой волны Арсений Несмелов (Митропольский). Он в те годы, будучи офицером белой армии, отходил с войсками Колчака и оказался во Владивостоке. Вот как он описал в автобиографических заметках первое знакомство с Арсеньевым:

«В комнату вошёл пожилой, худощавый, сильно уже поседевший господин. Это было перед четвертым апреля 1920 года, в последние дни перед японским выступлением (так А. Несмелов называет захват власти в городе японцами. – Б. С.). В городе хозяйничала красная власть и военные ходили без погон. Но по высоким сапогам, по синим с красным кантом бридждам и по ряду других признаков мы сразу догадались, что перед нами военный, тоже, как и мы, офицер, но уже в порядочных чинах.»

И мы встали.

– Владимир Клавдиевич Арсеньев, – назвал наш хозяин вошедшего, и мы познакомились»...

Далее за чаем хозяйка сказала о нём, как о знаменитом исследователе Уссурийской тайги. Не одного тигра убил, добавила она. Читаем дальше:

«Помню, что мне понравился жест Арсеньева, когда он с досадой отмахнулся от охотничьей славы, для него, чудесного писателя, поэта природы, слишком дешёвой. Позднее, когда я ближе познакомился с Владимиром Клавдиевичем и от всей души полюбил его, когда... вышли чудесные книги Арсеньева, мне стало совершенно ясно, что и тигров-то он убивал только тогда, когда это было необходимо, чтобы спасти себя и своё окружение от ярости хищника».

Поэт Несмелов тоже признаёт за Арсеньевым поэтическое восприятие окружавшего его мира и назовёт его книгу «подлинной поэмой об уссурийской тайге».

Заключает Несмелов описание этого человека наблюдением: «Я... слушал Арсеньева и рассматривал его, думая о том, что вот такие именно глаза, как у него, – быстрые, зоркие, как бы мгновенно фотографирующие всё, на что они направляли свой взгляд, были и у тех охотников, портреты которых оставили нам Купер, Майн Рид, Джек Лондон».

Арсений Несмелов, когда во Владивосток пришли красные, решил бежать с близкими друзьями, бывшими белыми офицерами (хотя, заметим, офицер не бывает «бывшим») в Китай. Он подробно рассказал о своей последней встрече с Владимиром Клавдиевичем и о том, как тот бежавшим помог. В этом эпизоде, так же, как и в «моментальном словесном снимке» Макария Баранова, мы видим живого Арсеньева.

«В канун явки в ГПУ я зашёл во Владивостокский музей, чтобы проститься с В.К. Арсеньевым и, кстати, порасспросить его о тех местах, по которым нам надлежало идти. Последнее мне было поручено моими друзьями. «Может быть, и карту у него достанешь, хоть какие-нибудь кроки», – говорил Саша Степанов, тоже хорошо знавший Арсеньева. Ибо всё-таки к Антику, как нашему будущему проводнику, мы относились не особенно доверчиво.

Владивостокский музей, полный чучел, карт, каких-то географических макетов и Бог знает чего ещё. Я нахожу Владимира Клавдиевича у огромного чучела великолепного уссурийского тигра и с места в карьер приступаю к изложению своего дела.

– Я и несколько моих друзей, Владимир Клавдиевич, – говорю я, – решили бежать из Владивостока. Вы меня простите, что я вас посвящаю в это не совсем безопасное дело, но мы выбрали необыч-

ный путь – через Амурский залив на «юли-юли» (китайской лодчонке. – Б. С.), а далее, до границы, на своих на двоих.

– И по китайской стороне до Санчагоу?

– Да.

– А почему не до Никольска сначала, а потом на Полтавку?

– Мы все на учете ГПУ, и дальше Угольной нам нет ходу. Если же поймают за Угольной, задержат, скажем, в вагоне, то все равно будут судить, как за побег.

– Да! – Владимир Клавдиевич берёт меня за руку и подводит к большой, висящей на стене карте Приморья. Масштаб карты велик, и вот передо мной – весь тот район, по которому нам предстоит следовать. Все дороги и даже тропы, и всего только две деревни на нашем пути, легко обходимые стороною.

– Чудесная для следования местность! – тихо говорю я, – в комнате мы одни?

– Не совсем! – и Арсеньев указывает мне на горный хребет, являющийся водоразделом для группы речек: одни с него текут в Китай, другие к нам, в Россию. – Вот это горное плато, видите? Я бывал там. Оно или заболочено или покрыто мелким кустарником, через который трудно продираться. Кроме того, там, по оврагам, в эту пору ещё лежит снег. Трудное место!

– Ну, как-нибудь, Владимир Клавдиевич!

– Конечно! Что? Есть ли там тигры? Нет, в этих местах я их не встречал, вот разве пониже, вот тут, ближе к Занадворовке. Но барс, пятнистая пантера, тут встретиться может. И знаете, – взгляд мне в глаза, – она чаще нападает на человека, чем тигр. Вас много ли идёт?

– Пять человек.

– Ну, это лучше. Вы вот что... вы всмотритесь в эту карту, а я вам сейчас принесу соответствующий кусок двадцатипятивёрстки. Видите перед Занадворовкой этот вот ручей. Достигнув ручья, вы лучше всего следуйте по нему к его истокам – этот путь как раз подведёт вас к перевалу через хребет. На обрывке карты, которую я вам дам, ручей обозначен. Если вы воспользуетесь моим советом, вы не собьётесь с дороги, что иначе очень легко. Компас-то у вас есть?

– А ведь верно, нет у нас компаса! – ахнул я.

– Ничего, и компас вам дам. Пользоваться им умеете?

– Идут с нами два морячка, Владимир Клавдиевич. Они, наверно, умеют им орудовать.

– Должны бы!

Через десять минут я покидаю музей с компасом и драгоценным обрывком карты в кармане.

Это была моя последняя встреча с Арсеньевым, которого я глу-

боко и нежно полюбил. Мы оба чувствовали, что нам уже не увидеть друг друга. Крепкое рукопожатие положило конец прощанию. Много моему сердцу сказал долгий взгляд Арсеньева – им он пожелал мне и удачи в победе, и успеха в моей жизни в чуждой стране: обоим нам в конце нашего свидания приходилось быть молчаливым: из соседней комнаты выполз сторож с метёлочкой и стал обметать пыль с чучела великолепного тигра.

Тигр скалил свою страшную пасть и смотрел на меня зелёными стеклянными глазами».

Неверно причислять Владимира Клавдиевича к конформистам, или, что то же самое, но по-русски, к приспособленцам, пассивно принимающим существующий порядок вещей. Не менял он и свои взгляды, как перчатки. Он верил, что в его стране всё же установится, как писал ему Унтербергер, порядок, что наступят спокойные времена. И потом, сколько же взвалил на себя обязательств перед дальневосточной наукой, «лесными людьми», обнадёжил близких и тех, кто, прочтя его повесть, поверил в его дарование.

И если уж взялся служить России, а не той власти, что сегодня одна, а завтра другая, – служи до конца дней своих.

Только не знали ни он, ни Маргарита, что их ждёт впереди.

Войска народно-революционной армии перешли в решительное наступление на, как тогда в газетах писали, «белую земскую рать» 4 октября 1922 года. 9 октября штурмом был взят г. Спасск, 15-го – Никольск-Уссурийск. Армия вошла 25 октября 1922 года во Владивосток без единого выстрела, колоннами, с развернутыми красными знамёнами. Их тоже с красными флагами встречали рабочие толпы. Вооружённые силы Российской Советской республики «на Тихом океане свой закончили поход».

...Маргарита и Владимир перед приходом красных смотрели, как торопятся в порт юнкера, офицеры, городская «белая кость»... Не так ли шептала тогда мужу Маргарита, как, помните, в финале чеховской пьесы говорила Маша, когда три сестры провожали уходящий полк:

– Уходят наши. Ну, что ж... Счастливый им путь! (Мужу) Надо домой... О, как играет музыка! Они уходят от нас... Мы останемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...

Главнокомандующий Народно-революционной армией и флотом ДВР Иероним Уборевич издал приказ № 1775: «День нашего вступления во Владивосток является историческим днём всего русского народа». Приморский областной Народно-революционный Комитет обратился к населению города: «Разгулу реакции положен конец...

Интервенция изжита! Вы свободны! ...Мы сможем выполнить новую задачу – воскресить задушенную наёмниками японской интервенции и разгулом авантюристов жизнь, слить раз и навсегда Владивосток с телом республики и Великой советской России».

Вряд ли такие р-революционные фразы были по душе Владимиру Клавдиевичу и Маргарите, их родным. Надеялись только на то, что постепенно всё утихнет, уляжется, как после цунами. Тем более что волна их не накрыла. «Приспособимся» – решили на семейном совете.

С трибуны пленума Моссовета В.И. Ленин 20 ноября произнёс под бурную овацию крылатые слова: «И вот, взятие Владивостока показало нам (ведь Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенький), показало нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям. И здесь и там – РСФСР».

Но на рейде гавани Золотой Рог ещё дымили трубами американский крейсер «Сакроменто» и японский броненосец «Ниссен». Первый поднял якоря 24 ноября, а японец простоял аж до 2 апреля 1923 года, однако всё же ретировался.

В городе творилось невероятное. Царил хаос куда больший, чем пять лет назад в Петрограде. Ибо Владивосток за последние годы превратился в полностью интернациональный город, где, как в Новом ковчеге, собралось «каждой твари по паре». Скажем только, что у военного коменданта города зарегистрировалось более 5 тысяч военнослужащих белой армии, в том числе 34 генерала, 2067 офицеров и военных чиновников.

Был среди них и Владимир Клавдиевич Арсеньев, полковник (так стали его величать в ту пору) в отставке, хотя во всех анкетах он писал: «В белой армии не служил».

Что было правдой.

«Мир хижинам, война дворцам!» – этот лозунг французской революции, взятый на вооружение большевиками, в городе осуществлялся наглядно. Вот как образно описала те дни Биргитта М. Ингемансон, шведка, оказавшаяся во Владивостоке: «Складывалось впечатление, что предметы обрели свою собственную жизнь и подстрекаемые окружающими их событиями меланхолично блуждают среди городского ландшафта. В день после окончательного прихода советской власти во Владивосток Джон Финдли (её знакомый, тоже швед. – Б. С.) сделал следующую зарисовку о таинственно оживших вещах: «...Мебель начала активно двигаться по улицам, словно всё население решило враз переехать. Особенно бросались в глаза фортепиано, ехавшие по мостовой...» Отражая настроения конца прошлых времён и наступивших перемен, эти предметы значили гораздо больше, чем то, что предполагалось их материальными функциями. В самом деле, материальные предметы при-

обрели почти одухотворённый смысл, воплощая надежду и жизнь, не только потому, что люди нуждались в пище и крове, чтобы выжить, но и потому, что повседневные вещи давали умиротворяющее, хотя и иллюзорное, чувство покоя и нормальности».

Не скоро Арсеньевы обретут нормальные условия для семейной жизни и быта в более-менее оборудованной квартире № 4 на втором этаже дома № 7-Б по улице Фёдорова (теперь улице Арсеньева) в бывшем особняке предпринимателя А.Ф. Жихова. В этом доме Владимир Клавдиевич будет жить лишь год...(Сейчас здесь Дом-музей В.К. Арсеньева).

Пока же революционные верхи устанавливали, как тогда говорили, «советовластие» или «советизацию». Эти термины долго бродили по колонкам газет и политическим брошюрам. Любопытно, что одним из первых актов правительства ДВР, вскоре, правда, объявившего о своём «самороспуске», было переименование Приморской и других областей в губернии. Главой губисполкома в сентябре 1923 года стал Ян Борисович Гамарник, один из героев Гражданской войны, сын жиитомирского еврея Бориса Моисеевича.

Властям следовало торопиться, чтобы догнать ушедшую за пять советских лет в новый мир Россию, нет, уже СССР. (Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик приняли на I съезде Советов за день до наступления нового 1923 г.) Чтобы помочь дальневосточникам, в Центральном Комитете правящей партии большевиков даже был образован специальный «орган»: Дальбюро ЦК РКП(б). Его полномочия (до ноября 1925 г.) распространялись – на западе с Забайкалья, а на востоке – с Камчатки до Приморья, включая даже... подпольную Харбинскую парторганизацию.

Дальневосточный госаппарат формировали долго. Он начал действовать в соответствии с первой Конституцией РСФСР лишь в 1924 году. А краевой съезд Советов, в который избрали того, кого следует избрать, соберётся лишь в марте 1926 года, когда и объявят о том, что советизация в основном успешно завершена.

Сколько же «авгиевых конюшен» пришлось разгребать на Дальнем Востоке новым хозяевам!

При новой власти Владимир Клавдиевич столкнулся с такой семейной проблемой. Во Владивостоке учился в реальном училище при народном Университете его двадцатидвухлетний сын Владимир. Жизнь его, после того как отец ушёл из семьи, складывалась таким образом. В Хабаровске поступил в реальное училище. С пятого курса в 1919 году его мобилизовали в армию Колчака. Был канониром. Но в январе 1920 года, если верить написанной Владимиром в 1924 году автобиографии, он оказался в Народной Армии

и даже служил в революционном артиллерийском дивизионе разведчиком, участвовал в бою с японскими войсками. Попал в плен, но скоро был отпущен.

Тогда-то Владимир и приехал во Владивосток, поступил учиться. Жил он во Владивостоке со своей матерью. С ними, как вспоминает Анна Константиновна, Арсеньев изредка встречался. Сыну отец, чем мог, помогал. Реальное училище Воля закончит 10 января 1923 года и поступит в лесотдел объездчиком, позже станет студентом горного отделения Политехнического института. Тут раздался для В.К. Арсеньева тревожный звонок. «Комиссия по чистке студентов» исключила Владимира-младшего из института, формально за то, что он «не сдал ни одного зачёта» (позже всё же сдаст).

Сохранилось личное письмо В.К. Арсеньева руководству института. Владимира, пишет он, вычистили «за моё военное происхождение. Но я мало был военным, всю жизнь занимаюсь исследованиями. Владимир будет честным тружеником, которые так нужны Приморью...».

Инцидент закончился благополучно. В.В. Арсеньева восстановили.

В семье Арсеньевых радость: из Берлина пришёл первый гононар. Что душой кривить: Маргарита и Владимир думали не только о том, что глава семьи получит признание на Западе, но и о необходимости как-то поправить своё материальное положение.

О, этот быт интеллигенции в первые годы при новой власти, сколько же о нём понаписано! Так что представить, как жили тогда Арсеньевы, как будто несложно. Оба старших члена семьи бегали на службу, глава – пока ещё в то же Управление по делам рыбного и звериного промыслов и на кафедру географии и этнографии госуниверситета или в другой университет – народный, или в клуб «Маяк» на лекции, или на совещание в какой-то «подотдел», или «особую комиссию». От этого кручения-верчения толку было чуть, но – что делать? Маргарита трудилась в геологуправлении и получала, конечно, крохи.

Марки из Берлина были так кстати! Ведь «марку» Арсеньевым надо было держать. Особенно молодой жене учёного, профессора, писателя, хотелось «выглядеть». Посмотрите на фотографии этой семьи тех лет: вполне респектабельные граждане молодой страны. Но мы-то хорошо знаем, что фотографии часто не столько «показывают», сколько скрывают...

Взглянуть бы в их живые глаза! Послушать их разговоры!

...Совсем недалеко от красного Приморья давал тогда концерты в Китае русский эмигрант Александр Вертинский. Вряд ли его поклонником был наш герой, хотя, наверное, какие-то песенки его знал... Может быть и вот эту (она и сейчас иной раз по радио звучит):

Над розовым морем вставала луна,
Во льду зеленела бутылка вина.
И томно кружились влюбленные пары
Под ласковый ропот гавайской гитары.
– Послушай, но как это было давно!
И та же гитара и то же вино,
И кажется, музыка всё ещё та же.
Послушай, послушай, мне кажется даже...
– Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой,
Мы жили тогда на планете другой.
И слишком устали и слишком мы стары
И для этого вальса и для этой гитары.

Не «считывается» ли сюжет этой песни с жизнью Владимира и Маргариты? Они, думается, пусть ещё в подсознании, но уже тогда начинали понимать, что живут на иной «планете» и вряд ли к новой жизни приспособятся.

И что усталость всё копится.

И старость не за горами...

А время день ото дня убыстряло свой бег.

20 июня 1925 г. пришло Арсеньевым письмо из Берлина на русском языке, отпечатанное, возможно, собственноручно Евгением Пеппелем на пишущей машинке со старым шрифтом:

«Согласно нашему договору от 28-го сентября 1921 года, позволяю себе передать Вам мой нижеследующий отчет за время до 1-го апреля... Продано – первого тома – 2346 экз., второго тома – 923 экз. (он вышел в декабре минувшего года. – Б. С.). Приход...» Далее в колонках марки, марки... Сколько всего получено, сколько чистой прибыли, сколько осталось «в мою пользу согласно §8 нашего договора» и наконец: переведено на счёт Арсеньева в Харбинский банк г-ну Розенфельду 1015.00 марок.

Оказывается, гонорары шли через Харбин. Запомните это...

К письму приложены копии посланий Шерля Пеппелю, заверенные последним, и любопытный «счёт личных расходов по издательству книг»: уплата нотариусу... наличными автору... первый перевод книги, сделанный Ф.П. Даниелем,.. и т.д.

Приходилось «компаньонам» доверять: в Берлин не съездишь, не проверишь.

Сообщил Пеппель и такую новость: «Продолжаю вести переговоры с Америкой, Англией, Францией и Чехословакией относительно издания Ваших сочинений. Чрезвычайно трудно найти для этих языков действительно хорошего переводчика, как Ф.П. Даниель... Все остальные европейские государства, с которыми я одновременно вёл переговоры, слишком малы, чтобы самостоятельно издавать Ваши сочинения».

Только посмотрите, какой замах, какая энергия у этого господина! Да, Пеппель был настоящим коммерсантом и менеджером. Всё делал толково и с душой. То, что он действительно уверовал в талант никому доселе не известного автора из Восточной Сибири и гордился, что открыл для Европы В.К. Арсеньева, подтверждает его замечательное письмо, направленное в Госиздат 31 марта 1925 года: *«Я считаю, что, приняв на себя издание бессмертного труда В.К. Арсеньева за границей, мог приложить хоть долю своего труда к тому, чтобы показать свету великого русского исследователя, чьи труды уже теперь приобрели для русского народа много новых заграничных друзей и безусловно имеют великую будущность».*

Отнесёмся снисходительно к несколько напыщенному стилю и некоторым преувеличениям, но и воздадим должное одному из первых встретившихся Арсеньеву бизнесменов, который нюхом почувал, что перед ним – оригинальный талант, что его книги найдут на западе спрос, принесут – одному известность, а ему – прибыль.

Впрочем, Евгений Иванович думал и о материальной помощи Владимиру Клавдиевичу и его семье.

Хочется добавить, что решительность и дальнейшие действия Е. Пеппеля заслуживают (как и Августа Шерля) похвалы ещё вот за что. Они ведь обставили отечественных издателей в Москве. Те же долго раскачивались – аж до конца 20-х годов! Да и во Владивостоке стали готовить не переиздание книг, как это сделали за границей, а стали их сокращать, править и выпустили под названием «В дебрях Усурийского края» лишь в 1926 году...

Как сложилась в 30-е годы судьба немецких издателей сочинений Арсеньева – неизвестно. Вероятнее всего, как только к власти пришёл Адольф Гитлер, их фирмы прихлопнули.

Уж больно у обоих не очень-то арийские фамилии были.

Многие письма из Берлина во Владивосток начинаются с обращения «Frau Arsenieff». Чаще всего Пеппелю отвечала Маргарита. Самое раннее сохранившееся в этом архиве её письмо датировано 1926-м годом, а последнее – 1936-м, когда она уже в Москве расторгла договор от 1921 года. Так что жена взяла на себя секретарские обязанности. А в 1927 году Владимир Клавдиевич официально предоставил Маргарите право вести переговоры и заключать договоры по изданию его литературных трудов, а также получать гонорары по заключённым договорам.

Оформил он и доверенность на её имя.

Письма Маргариты Николаевны чрезвычайно интересны во многих отношениях. Несмотря на деловой тон, сдержанность стиля и краткость, проглядывает в них характер писавшего, её настойчивость, деловая хватка. Одновременно она по-женски дипломатич-

на, приветлива, к Евгению Ивановичу обращается не как просто к «компаньону» или «посреднику» между автором и издателем, но и как к старому знакомому, даже близкому человеку. И ещё: в письмах она часто рассказывает о делах мужа, что, несомненно, представляет ценный материал к его биографии.

Однако основная «компонента» писем, повторим, финансовые отчёты.

Колонки с марками (расход, приход...) в каждом из писем. Надемся, дотошный исследователь, всё подсчитав и разложив по полочкам, более детально приоткроет эту сторону издания трудов В.К. Арсеньева за рубежом. Нам же тут хочется упомянуть лишь о двух больших листах бумаги, на которых рукою Маргариты сделаны подсчеты, какой доход в марках принесли сочинения мужа с 25 по 29 год. В итоге получилось 5756.00 марок, а продано книг 6740 экз. Далее: «Упложено Е.И. Пеппелю – 1705.22 м.» и внизу «По 14.X.29 г. с Пеппелем в расчете».

Есть ещё на двух листах карандашом почти те же цифры и довольно сложные подсчёты (видимо, у Маргариты не сходились «концы с концами»), сделанные годом раньше. По этим колонкам получалось, что всего доход с 1.V.26 г. по 13.X.28 г. составил 7.201.92 марок.

Карандашом эту цифру она разделила на 2, и получилось «3600.96 зол. руб.».

Так что из-за границы Арсеньевы получали солидную прибавку к своим небольшим заработкам.

Итак, немецкие марки поступали через Харбин. Вряд ли это прошло мимо бдительного ока власти. Можно с большой долей уверенности предположить, что их переписку перлюстрировали. Конечно, не за то, что получал через Харбин «сребреники», объявили Арсеньева «врагом народа», но не успели арестовать – умер. И Маргариту арестовали не за то.

Но и это «лыко», думаем, скорый и неправый «суд» тащил в обвинительную строку.

Недаром уже в первом «деле» о «контрреволюционной деятельности М.Н. Арсеньевой» (1934 г.) среди нелепых обвинений сохранилось и такое «лепое»: «Заявление жителя Охи Д.Н. Трегубова».

Этот «товарищ» привозил Маргарите письмо с Сахалина от сестры Ольги. В доносе чёрным по белому было написано, что М. Арсеньева «фыркает на Советскую власть», «пренебрежительна к коммунистам и соцстроительству», не ходит на субботники...

Наконец, у неё – вот она, улика! – «много серебряных вещей. Возможно есть и золото. Часто посещает Торгсин».

Какого же мерзавца вдова Арсеньева ещё и чаем поила из стакана в серебряном подстаканнике!

Но он же от сестрёнки с острова восточку привёз.

...Ольгу расстреляют почти одновременно с Маргаритой.

Перелистаем письма, написанные рукою Маргариты в Берлин, точнее, их машинописные копии, которые она по примеру своего мужа, большого аккуратиста, подшивала и хранила. Отрывки из них публикуются тоже впервые.

В письме от 21.4.26 года она благодарит за хлопоты с изданием на немецком «Китайцев в Уссурийском крае». И дальше пишет: «У меня не было никакой надежды на издание этой книги ввиду тяжёлого финансового положения в Германии». Ниже сообщает, что «В.К. в Хабаровске – по делам Конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока. Жду его в конце месяца». Но не забывает сообщить и об очередном гонораре: «Я поняла Вашу телеграмму так, что Вы перевели деньги в Харбин на мой текущий счёт, как мы с Вами уславливались раньше, а не сюда».

В декабре этого же года, подтвердив получение двух экземпляров «*Russen und Chinesen in Ostsibirien*», в очередном письме восклицает: «Книга чудесно издана, много лучше первых двух». Спрашивает Пеппеля, как у него дела «с медными рудниками», которыми он занимался, когда жил во Владивостоке. Оказывается, Шерль недавно приезжал на Дальний Восток: «Очень рада, что Вам удалось повидаться с В.К. проездом через Хабаровск».

1927 год. Маргарита сообщает, что во Владивостоке побывал секретарь Германского консульства, который «говорит, что книги В.К. очень распространены в Германии».

...Когда Маргариту Николаевну арестуют во второй раз, ей предъявят обвинение по пяти пунктам, среди которых был и такой: «Будучи лично связана с агентами германской разведки во Владивостоке, в 1926 г. передавала им сведения об экономике Дальневосточного края».

Не знала, чем обернётся ей встреча с секретарём консульства!

В том же письме она интересуется, как идёт перевод книг на французский и английский: «Я придаю большое значение английскому изданию».

В письме от 8 марта этого же года Маргарита подробно рассказывает о планах новой экспедиции мужа до Совгавани, описывает маршрут, кто пойдёт, и приглашает Пеппеля принять участие в этом походе: «Если Вас не страшит такой длинный, тяжёлый маршрут пешком, то, конечно, было бы очень желательно Ваше присутствие с фотографическим аппаратом». Чуть ниже добавля-

ет, что дорогой аппарат брать рискованно: «Он может погибнуть при переправах на лодках и других несчастных случаях в пути».

Маргарита просит посылать переводы в Харбин в банк, который «теперь переименован в National City Bank of New York». Название (по-английски) банка вписано в копию ручкой, в пропуске между машинописными строчками. После приветов «от меня и В.К.» под подписью приписка: «На днях приехал во Владивосток немецкий учёный (снова связь с немцами! – Б. С.) из Нью-Йорка, пришёл к нам познакомиться с мужем, т. к. читал его книги в Нью-Йорке...» Как же имя города, что оказалось и в названии банка и тут дважды повторенное Маргаритой, будоражит её воображение! И добавляет: «Книги его продаются там в больших книжных магазинах. Надо налаживать издание на английском языке».

Жена радовалась вместе с мужем, но не забывала и о цели: уже и за океан продвинуть его произведения.

В это время Арсеньев находился в экспедиции, и Маргарита пишет о маршруте: «...Очень тяжёлый. Идут они без лошадей, всё несут на себе... Взять удалось только один аппарат, т. к. нести больше трудно, да и потопить при переправах через реки легко дорогие фотоаппараты. Плёнок и пластинок взяли много, так что снимки будут. Материалами, добытыми в этой экспедиции, В.К. подновит свою последнюю работу «В горах Сихотэ-Алиня»... Очень жаль, что Вам не удалось пойти вместе с В.К.».

Представляете, как бы потом расценили в «органах» участие в экспедиции «с дорогим фотоаппаратом» бывшего «недобитого буржуя», германского подданного и «личного» издателя.

Письмо от 19 сентября того же года: «...Владимир Клавдиевич ещё не вернулся из экспедиции. Лето в этом году было очень неудачное, лили непрерывно дожди. На Анное его застигло наводнение, и он две недели отсиживался на сопке, окружённый со всех сторон водой».

И снова о деньгах: «Перевели ли Вы мне деньги в Харбин?».

В письме от 7 марта 1928 г. Маргарита Николаевна сообщает о каком-то конфликте: «Он ужасно расстроился из-за глупой истории со статьёй, написанной против него, расстроился гораздо больше, чем надо. Теперь, когда он успокоился, он с этим соглашается». Из её писем видно, что она следила и за качеством изданий: «Книги В.К. печатаются из-за дальности расстояния и других технических условий без авторской корректуры, которой никто заменить не может, ни Вы, ни издательство, а потому маленькие недочёты и неточности всегда возможны и за них никто не может быть в ответе». Но дальше добавляет: «Все в один голос говорят, что перевод книг В.К. сделан в высшей степени хорошо».

Сначала пунктиром, потом всё яснее стали проступать в переписке

Маргариты с Берлином то озабоченность, то даже раздражение, то тревога. Вот она, например, сообщает Пеппелю, что «Арсеньев уехал в Хабаровск для переговоров, чтобы его освободили от всяких канцелярских обязанностей и дали хотя бы год на обработку материалов. Тогда у него дело с книгой пойдёт скорее» (из того же письма от 7.3.28). А тут новая «история» со 186.69 марками. Где-то они, видимо, «потерялись» по пути из Берлина во Владивосток. Из письма от 26.12.28 г.: «Получив Ваше письмо... я немедленно направила Владимира Клавдиевича в Государственный банк наводить справки о переводе... Положение В.К. было достаточно глупое, т. к. он не имел на руках никаких документов, подтверждающих перевод, на основании которых он мог бы требовать от банка справок и розысков денег».

Правда, далее говорится, что «директор банка любезно согласился навести справки». Но «сегодня В.К. зашёл в банк, и ему сказали, что никаких следов о переводе не найдено».

Четырьмя строками ниже: «всё недоразумение произошло по Вашей вине: Вы отправили деньги не по адресу, куда я просила», то есть не в Харбин. Застопорилось, видимо, и дело с переводом и изданием книг в Америке. Маргарита Николаевна не хочет писать какому-то Орлову, т. к. «переписка с Америкой у нас затяжная и вообще затруднительна».

Прошло четыре месяца, и в новом письме раздражение прорывается наружу.

Получив копии счетов издательства А. Шерля и сводку расчётов, Маргарита пишет: «Откровенно говоря, я ничего не поняла, почему Вы не можете переводить мне деньги на текущий счёт». И далее о том, что в Берлине что-то идёт не так: «Из Вашей переписки за последние два года видно, что Вам затруднительно или нежелательно вести дела по изданию книг мужа за границей»... Письмо заканчивается весьма резко: «Очень странные у Вас порядки в Берлине. У нас гораздо проще и лучше поставлено это дело».

Маргарита тут просто «накаркала» на свою бедную головушку.

Последнее письмо Маргариты Николаевны Е.И. Пеппелю из Владивостока послано 27 ноября 1929 года. Она сообщает, что «ездила на Кавказ лечиться, а на обратном пути во Владивосток схватила тиф и, приехав домой, пролежала два месяца. Только к 1 ноября я несколько оправилась и начала опять ходить на службу». Но сообщает и о радостном событии: «В Москве я заключила договор с Госиздатом на издание полного собрания сочинений Владимира Клавдиевича. В январе выйдет 1-й том».

Какая энергия: ездила на Кавказ лечиться, вернулась в тифозном бреду, а ведь успела ещё в столице такую «операцию» повернуть: полное собрание!

Правда, усилия её, как выяснится, оказались тщетны. Собрание сочинений ни в январе, ни позже не вышло...

Сохранились в архиве письма Маргариты Николаевны и в Америке. Вот она пишет 7 июня 1928 г. некоей Анне Фёдоровне: «...А.З. Фёдоров передал мне, что Вы хотели бы познакомиться с книгой мужа моего В.К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края». Одновременно с этим письмом посылаю Вам 1 экз. этой книги... Имеются десятки самых лестных отзывов о ней. Посылаю Вам отзыв М. Горького... Владимиру Клавдиевичу было бы очень интересно услышать Ваше мнение о книге. Возможно ли будет издать её в Америке?»

Было ли продолжение у этой переписки – неизвестно...

А четырьмя годами раньше началась переписка с «The American Museum of Natural History». Сохранилось на бланках этого музея четыре оригинала и три копии ответов из Владивостока. В первом письме сообщается о том, что пришедшая им статья В.К. Арсеньева, фотоснимки и карта, к сожалению, пока не опубликованы в научных сборниках, но все это представляет интерес и будут обязательно напечатаны позже. В ответе, написанном по-английски Маргаритой Николаевной, она благодарит за то внимание, которое сотрудники музея проявили к материалам.

Далее: «В. К. Арсеньев очень польщён, что его труд увидит свет в Америке».

Скоро из Нью-Йорка ответили, что сборник с материалами В.К. Арсеньева вышел и он «позволит нашим американским читателям составить более верное, хотя и неполное представление о Восточной Сибири и народах, её населяющих». Затем пришла и посылка с 12-ю экземплярами работы Арсеньева. Маргарита благодарит в следующем письме за гонорар: «24\$ получены».

Последнее письмо из США помечено 21 декабря 1929 г. Участники «северо-азиатской экспедиции» благодарят Dear Sir Prof. Wladimir Arsenieff «за всё, что Вы сделали для помощи...». Из дальнейшего текста становится ясно, что «дорогой сэръ проф. Владимир Арсеньев» дал им нужные советы: «...Из всей информации, которую нам удалось добыть в Хабаровске, мы убедились, что местность, в которую Вы нам посоветовали отправиться, лучшая для наших целей».

Осенью 1930 года осиротели «мой рай и утешение» – так назвал незадолго до смерти Владимир Клавдиевич в письме Ф. Аристову жену и дочь. Отмечали ли тогда 9 и 40 дней? Наверное в узком кругу родных отмечали... Но, судя по дошедшим архивным документам и письмам, Маргарита Николаевна всё же быстро собралась с духом.

Жить-то надо и, значит, надо действовать, продолжать дело усопшего.

Она стала собираться в Москву.

Вера Николаевна вспоминала, что «по-моему, тётя Рита у нас была дважды». Действительно, Маргарита Николаевна после того, как Красевы в 30-м переехали в Москву, приезжала два раза. Но в 29-м ещё была в столице по дороге из кавказского санатория, как уже мы прочли в одном из её писем Пеппелю.

О подробностях этого пребывания Маргариты Николаевны в Москве автор повести узнал уже после выхода её первого издания. И о других ранее неизвестных фактах её жизни в последние годы. Помог благоприятный случай, который свёл меня с Татьяной Глебовной Раутиан, вдовой сына Ивана Игнатьевича Халтурина, талантливого книжного редактора, работавшего в 20-е – 60-е годы в московских издательствах и журналах. В свой последний приезд в столицу Арсеньев не только близко познакомился с этим, тогда молодым человеком, но и связала их, увы, ненадолго, взаимная симпатия. У Татьяны Раутиан сохранился большой архив Ивана Халтурина.

Этот редактор, как никто другой, много сделал, чтобы книгу об уникальном проводнике прочли миллионы юных читателей нескольких поколений: автор доверил ему литературную обработку и сокращение уже и так сокращённой ранее «В дебрях Уссурийского края». Под названием «Дерсу Узала» (с грифом: для младшего и среднего школьного возраста) эта повесть первый раз появилась на книжных прилавках в 1932 году. А всего она выдержала более 10 массовых изданий, выходила в переводе на языки народов СССР и в других странах. Издавался в переработке Халтурина и сборник «избранных эпизодов из путешествий» Арсеньева для школьников под названием «Встречи в тайге», тоже тиражами с 5-ю нулями.

Татьяна Глебовна познакомила меня с архивом Халтурина, в которых оказались и краткие письма делового порядка Арсеньева и письма Маргариты Николаевны, представляющие несомненный интерес. Они дополняют и историю издания произведений дальневосточного писателя и учёного. Приведу, впервые в печати, самые важные и интересные фрагменты из них.

В ноябре 29-го в большом письме редактору, с которым недавно общалась в Москве, она задала несколько вопросов. В них, как и в переписке с Берлином, показала, насколько глубоко знакома с проблемами выпуска произведений мужа:

«...Телеграмма ваша., что Молодая гвардия будет издавать в сокращённом виде для детей «Дебри»... мною получена». Далее задаёт несколько вопросов: о договоре на это издание, когда выйдет повесть «Сквозь тайгу», «как обстоят дела с изданием первого

тома собрания сочинений В.К.»... у кого находится книга В.К. на немецком языке «Русские и китайцы на востоке Сибири»... В.К. беспокоится за эту книгу, т.к. это единственный экземпляр... Рукопись «Китайцы...» основательно переработана и дополнена новым материалом. Её следовало бы пустить в печать теперь же, т.к. она представляет в настоящее время особый интерес... Не откажите сообщить, пожалуйста, кто же остался в Молодой гвардии из сотрудников, которых я знала, и кто заведует изданием книг В.К... Муж и я шлём Вам привет и наилучшие пожелания...»

Ответ Халтурина неизвестен, однако тревога за судьбу рукописей заставила вдову осенью 30-го снова отправиться в столицу. Но только переступив порог недавно обосновавшейся в Москве родни, узнала, что Николай Никитич Красев, работавший в наркомате земледелия, арестован. Словно обухом по голове.

Только это народное присловье не годилось для Маргариты.

– Приезжает к нам тётя Рита, а у нас такое горе, паника, – вспоминала Вера Николаевна. – Но вы же знаете, она была очень решительная, даже до безрассудства. Говорит моей маме: я постараюсь помочь.

А далее процитируем отрывок из воспоминаний Николая Никитича:

«Моя свояченица, сестра жены, Маргарита Николаевна Арсеньева (жена писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева) виделась со мной, когда я был в заключении (даже на Лубянку проникла! – Б. С.), и, как женищина энергичная, направилась к бывшему председателю «Дальриса» тов. Кошкарёву (под его началом Красев работал на Дальнем Востоке. – Б. С.) – приятелю Гамарника, и просила пресечь эту вопиющую несправедливость в отношении меня. Кошкарёв охотно принял это (что, он не знал об аресте Красева? Значит, нужен ему был хороший толчок?! – Б. С.) и передал просьбу Гамарнику, который позвонил начальнику ОГПУ (тогда был, кажется, Менжинский), и я был на свободе». Заключает этот «эпизод» Николай Никитич точно «в стиле» наивных интеллигентов тех лет: «Как всё просто! Чего лучше».

Так, конечно, думала тогда и Маргарита Николаевна, не зная, что НКВД уже «пасёт» её.

Чтобы было понятнее, о каких лицах тут идёт речь, дадим справку. Уже упоминавшийся Ян Гамарник знал В.К. Арсеньева хорошо. С 1929 года он стал начальником политуправления Красной Армии, а с 1930-го – замом наркома обороны и зам. председателя РВС СССР. Член ЦИК СССР, ВЦИК. Есть много доказательств, что он участвовал в так называемом «дальневосточном заговоре» против Сталина и его

политики, который возглавлял командующий Особой Краснознамённой Дальневосточной армией В.К. Блюхер. Когда в 1937-м Гамарник понял, что его арестуют, застрелился. Вячеслав Рудольфович Менжинский, бывший с 1926 г. председателем ОГПУ, ушёл с политической авансены раньше – в 1934-м. Как утверждали, умер своей смертью.

То, что в 1930-31 годах Маргарита была в Москве, подтверждает и продолжение её переписки с немецкими издателями. Уже на московские адреса приходят М.Н. Арсеньевой (в ответ на её настоячивые запросы) отчёты о доходах, полученных от продажи книг с 1929 по 1931 гг. (ручеек марок становился всё мельче...)

Ответила она в Германию, судя по её пометке, 4 февраля 1931 г. из Москвы, т. к. 12 января этого же года Е. Пеппель послал ей письмо (снова с отчётом). Затем ещё три деловых письма-отчёта получила Маргарита Николаевна за подписью А. Шерля. Сохранился один конверт. На нём марка с портретом Гинденбурга и немецкий штемпель, а на обороте четыре московских – письмо не сразу нашло адресата.

Судя по конверту, если его и вскрывали, то сделали это очень профессионально.

Встречалась Арсеньева и с Халтуриным, была и в издательстве «Молодая гвардия». Дело с изданием трудов мужа двигалось медленно...

С тяжёлыми предчувствиями возвращалась Маргарита во Владивосток. А может быть, мы ошибаемся, и у неё в голове роились какие-то всё новые и новые планы?

Последнее предположение подтверждает письмо, отправленное в декабре 32-го Халтуруину:

«Дорогой Иван Игнатьевич! Посылаю Вам рукопись Вл.Кл. для детского издания и доверенность на переговоры с издательством. Если нужно, вышлю снимки, которые найду... Кроме детского издания можно будет издать серию рассказов... Впрочем, Вам виднее... Попросите издательство поторопиться с высылкой книг (речь об изданном только что «Дерсу Узала» под редакцией И.Халтурина. – Б.С.). Здесь в продаже книг нет, а спрос на неё огромный».

Ниже пишет о том, что её тогда волновало. Впрочем, волновало, да ещё как, не только её:

«Здесь у нас все живут в ожидании паспортизации, говорят, это очень страшно. Одни уверяют, что будут высылать всех, приехавших сюда до 1929 года. А другие – наоборот, что будут выселять всех приехавших после этого года».

Через три месяца Халтуруину приходит из Владивостока новое письмо: Маргарита спрашивает, получил ли он рукопись «В горах

Сихотэ-Алиня», которую она просила передать ему с уехавшей в Москву сослуживицей, добавляя с оттенком сомнения: «На что можно рассчитывать в смысле издания её?»

Как мы знаем, она выйдет лишь в год её второго ареста – в 1937-м, а вскоре будет повторное издание, рецензию на которое напишет Андрей Платонов.

В августе 33-го Маргарита рассказывает в письме Халтурину о «возмутительном предисловии т. Волынского» к выпущенной издательством «Молодая гвардия» книге В.К.Арсеньева «По Уссурийскому краю»:

«Вы вчитайтесь в это предисловие, чтобы почувствовать всю его подлость. А главное, тип, изображённый Волынским, совершенно непохож на В.К. Его отношения к туземцам, к китайцам, спутникам-солдатам явно и преднамеренно искажены. Слава богу, Вл. Кл. знает весь край, подлинное население его, и как относится это население к В.К., как до сих пор вспоминает оно его – это тоже всем известно, в том числе и т. Волынскому, который был на Дальнем Востоке... и знал самого В.К., во всяком случае встречался с ним».

Трудно сегодня как-то комментировать эти строки. Только и хочется воскликнуть: дорогая Маргарита, зря Вы перед фамилией автора этого предисловия поставили букву «т.»: какой он «товарищ» – этот низкий человек!

Конец сентября 33-го. Иван Халтурин читает письмо от Маргариты, сообщившей, что её мама собирается ехать в Москву и передаст ему снимки для книги «В горах Сихотэ-Алиня», но «она очень задержалась здесь». Просит помочь «Н.Н. Красева в ведении моих издательских дел, в которых он совершенно неопытен».

Значит и отец Веры Николаевны помогал Маргарите...

Последние строки этого письма: «Если дела с изданием пойдут хорошо, летом приеду, может быть, с дочкой. А пока всего хорошего. Шлю привет! Ваша М. Арсеньева»

Но всё скоро пойдёт совсем нехорошо...

Первый раз арестовали Маргариту Николаевну 31 марта 1934 года. Накануне в Дальгеотрест, где она работала, нагрянули чекисты и обнаружили при обыске в её служебном столе «секретный» список полезных ископаемых края. Это стало «главной уликой» в состряпанном «деле». Произвели обыск и в квартире. Все рукописи, бумаги, библиотеку и другие «вещественные улики» опечатали.

Хорошо ещё, что не конфисковали, могли ведь они и бесследно исчезнуть.

Не только одну её забрали. По обвинению Экономического отдела Управления Госбезопасности «была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная шпионско-вредительская организация в

различных областях народного хозяйства Дальневосточного края». Среди арестованных близкие друзья и соратники Арсеньевых.

К этому, раздутому как мыльный пузырь, «делу» мы ещё вернёмся. Пока же скажем, что Арсеньев, умерший четыре года назад, был назван главой этой «банды шпионов-вредителей», готовивших «вооружённое восстание и японскую интервенцию», а после его смерти «руководство ею осуществляли Савич и Арсеньева».

Следствие шло долгое, на подсудимую «давили», много было вылито на неё грязи... Однако на суде, который проходил в Хабаровске, она сумела себя защитить, обвинение рассыпалось. 31 января 1936 года в Москве Особое совещание при НКВД СССР зачло М.Н. Арсеньевой в наказание предварительное содержание под стражей с 1.IV.1934 г. по 3.X.1935 г.

Как говорили тогда, «отделалась лёгким испугом».

М.Н. Арсеньеву уволили с работы как «антисоветский элемент и политически неблагонадежную с лишением паспорта». Вот такой «испуг». Но в народе и так говорят: «Не на ту напали!»

Действительно, для следствия она оказалась «крепким орешком».

Даже находясь под следствием, Маргарита отправила 31 мая 1934-го Халтурину большое письмо, в котором ни слова о том, в каком положении оказалась, а всё снова об издательских делах. Её продолжает волновать, когда выйдет «В горах Сихотэ-Алиня», что с изданием «Китайцев в Уссурийском крае»: «У меня имеется рукопись, переделанная и пополненная в 1929–1930 гг. Вл. Кл. Рукопись эту можно Вам выслать будет. Надо, чтобы они (издатели «Молодой гвардии». – Б. С.) ознакомились с работой по рукописи, а не по изданию 1914 года, от которой они уже раз чуть не упали в обморок».

Она ещё пыталась шутить, не зная, какая судьба ждёт эту работу впереди.

Читатели этой повести знают...

Полтора года Иван Халтурин от вдовы Арсеньева писем не получал.

Поздней осенью 1935 года, когда официально Маргариту перестали содержать под стражей, но ещё не разрешали отлучаться из Хабаровска, она уже стала надеяться, что скоро дело по отношению к ней и другим заключённым будет «закрыто». Какая же это была наивная вера, что справедливость восторжествует! Вряд ли она тогда знала о том, что стоявший в списках обвинённых рядом с ней профессор ГДУ В.М. Савич и бывший ректор этого университета В.И. Огородников получили по 10 лет заключения, а друга её мужа А.Д. Батурина приговорили к расстрелу.

О том, что Маргарита считала случившееся с ней лишь нелепым недоразумением, свидетельствует отправленное 8 декабря письмо

из Хабаровска «уважаемому Ивану Игнатьевичу», в котором, кстати, в конце содержались такие ему комплименты: «...Мне бы не хотелось отдавать в чужие руки рукописи Влад. Клав. С Вами я за них спокойна, так как знаю Ваше отношение к Влад. Клавд. и к его книгам. Я знаю, что Вы не исказите его работы и измените лишь самое необходимое, без чего их нельзя издать».

Вот тут она на Халтурина верно надеялась. Только если бы всё зависело лишь от него одного...

Лишь в середине письма как бы между прочим после сообщения адресату, что «в начале 1934 года о «Китайцах» запрашивала меня «Молодая гвардия» в связи с вопросом об издании полного собрания сочинений», сообщает такое, что Ивана Игнатьевича просто ошеломило:

«Рукопись эту я не успела выслать до моего ареста. В настоящее время я не могу выехать во Владивосток, так как дело моё всё ещё не закончено, его на днях послали в Москву, где оно будет решаться. От очень «громкого» дела «с расстрелом» ничего не осталось и теперь некое учреждение путается в метафизической области «мировоззрения, настроения, происхождения» (все кавычки поставлены Маргаритой. – Б. С.). Но ожидать решения я должна здесь, а библиотека и весь архив Влад. Клав. остались во Владивостоке на моей тамошней квартире и попаду я туда, вероятно, только в марте...» В конце письма стоит адрес: *Хабаровск, ул. Шевченко, 26, кв. 57.*

Татьяна Раутиан, разместив эту переписку в интернете, пишет в своих комментариях так: *«Потрясающе! Она извиняется, что не успела с рукописями – помешало дело «с расстрелом»! Его и «метафизическую область мировоззрения, настроения, происхождения» упоминает лишь как помеху... Даже после суда все её мысли – о деле своей жизни».*

К этим словам прибавить нечего.

Но разве даже «такое» может остановить эту женщину?!

Маргарита Николаевна снова отправляется в столицу. Видимо, прямо из Хабаровска, сразу после закрытия дела Особым совещанием при НКВД.

«В Москву! В Москву!» Этот возглас трёх чеховских сестёр неверное звучал в её мозгу. Ехать, несмотря на фактически выданный ей «волчий билет». Ведь туда к Красевым «от греха подальше» уехали её мать и Наташа.

Но не только их повидать. Самое главное: продолжать заниматься тем самым главным делом её жизни. В том числе и расторгнуть договор с Евгением Ивановичем Пеппелем. Да, да, тот самый, ещё от 1921 года.

Опять-таки сроки её последнего пребывания в Москве установим по датам переписки.

26 февраля 1936 года А. Шерль из Германии в Москву шлёт своему компаньону Пеппелю письмо по адресу *Ananjwesti, Pereulok* (что по-русски – Ананьевский переулок), 78. Возможно ему Маргарита сообщила, что едет в Москву, и он тоже поспешил туда. В этом письме на полных двух страницах скрупулёзный денежный отчёт. Пеппель заказным письмом пересылает его по адресу: «Москва, Останкино, 3-я Останкинская ул., д. 11, кв. 33, гр. Арсеньевой М.Н.» Видимо, немецкие издатели не хотели расторжения договора, но Маргарита Николаевна была тверда.

И на то была причина. Маргарита, как потом, возможно, скажут её недоброжелатели, затеяла ещё одну «авантюру». Но это было не так. Она ухватилась за новую идею выпуска сочинений любимого мужа не в «Молодой гвардии», где её «за нос водили», а в некоем Акционерном обществе.

Была и другая веская причина порвать с немцами. В Германии в 1933 году рейхсканцлером стал Гитлер, был подождён рейхстаг, а после смерти президента Гинденбурга фюрер объявил себя главой государства. Будут ли там дальше издавать авторов из СССР, кто знает...

25 февраля Арсеньева передала Е. Пеппелю письмо. В архиве на листах, вырванных из тетради, сохранился его черновик. Почерк очень разборчивый, крупные округлые буквы, словно школьница писала:

«Уважаемый Евгений Иванович! Настоящим уведомляю Вас, что согласно справке, полученной мною в Союзе советских писателей у юрисконсульта Союза т. Крутикова, договор, заключённый Вами 28.IX.1921 г. в гор. Владивостоке с мужем моим Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым на предмет издания его книг за границей, не действителен по следующим причинам: во-первых, договор заключён был в 1921 г. у владивостокского нотариуса до Советизации Приморья и после Советизации этого края возобновлён не был; во-вторых, вследствие смерти В.К. Арсеньева, последовавшей в 1930 г. Ввиду изложенного считаю упомянутый выше договор Ваш с мужем моим В.К. Арсеньевым аннулированным, о чём ставлю Вас в известность. М. Арсеньева». Следующий документ снова рукописный, написан через 10 дней после письма Е. Пеппелю на листах той же тетради: «Доверенность на ведение судебных дел».

4 марта 1936 года в «недрах» Акционерного Общества «Литературное агентство» был составлен, подписан и скреплён печатью Договор № 137. В нём Председатель правления Мариинский Абрам Павлович – с одной стороны, и наследница автора Арсеньева М.Н. – с другой, договорились о том, что наследница «предостав-

ляет Агентству исключительное право перевода и издания во всех странах и на всех иностранных языках следующих трудов В.К. Арсеньева...» Далее название его четырех книг.

Какие же у неё глобальные планы!

Читаем дальше: «Агентство обязуется выплачивать наследнице автора 50% от всех вырученных Агентством за опубликование вышеперечисленных трудов В.К. Арсеньева в книжных и периодических изданиях, от всех тиражей на всех языках и во всех странах... сумм – через Внешторгбанк СССР, согласно существующим правилам об иностранной валюте».

Уж очень фантастический «проект» подписали Абрам Павлович с Маргаритой Николаевной.

Нетрудно предположить, что он осуществлён не был.

16 апреля Народный Суд 17 участка Краснопресненского района вынес «Решение – именем РСФСР» (так озаглавлен этот документ) «по иску гр-ки Арсеньевой М.Н. к гр-ну Пеппелю Е.И. о признании недействительным договора». Доводы приводятся те же, что и в цитированном выше её письме. Из него становится также ясно, что «все права гр. Арсеньева... перешли к наследнице – его жене гр-ке М.Н. Арсеньевой, согласно ст. 15 Основ авторского права сроком на 15 лет» Значит, до 1951 года? Далее уточняется: «...совместно с её дочерью».

Но марок из Берлина они с Наташей больше не получали...

И ещё о наследстве. В РГАЛИ автор обнаружил копию свидетельства, выданного 30 октября 1931 г. Владивостокской нотариальной конторой, в котором говорится: «...гр-ка Арсеньева Маргарита Николаевна и её дочь Арсеньева Наталья Владимировна являются наследницами в равных долях по всему имуществу гр-на Арсеньева Владимира Клавдиевича... Налог с наследства не взыскан, т.к. наследственная масса ниже 1000 руб.»

Через какое-то время, когда не стало второй жены, а дочь попала в ГУЛАГ, Анна Константиновна объявила себя официальной вдовой Арсеньева, выхлопотав при этом персональную пенсию, а Владимир, сын от первого брака, получал гонорары за книги отца, как единственный наследник. Его только после освобождения Натальи и судебной тяжбы с ней обязали выплачивать сводной сестре 20 процентов своих доходов.

Ежемесячная сумма эта была небольшой – около 19 рублей.

Впрочем, по тем временам, тоже не лишние деньги.

Что известно о жизни Маргариты в 1936 году?

В РГАЛИ удалось найти ещё одну запись в бумагах выходившего тогда литературно-художественного альманаха «Год 19». 4 июня

М.Н. Арсеньева заключила с редакцией договор о публикации нескольких рассказов Владимира Клавдиевича объёмом 3,5 печатного листа.

Перед отъездом домой она написала последнее письмо Е. И. Пеппелю. Оно предельно сухое (куда ушли все прежние, некогда дружеские отношения 20-х годов?): «Прошу Вас произвести со мной расчёт по договору фирмы Август Шерль на издание книг моего покойного мужа с 1.X.1930 г. по 15.IV.1936 г. в размере 50% суммы, выплаченной Вам этой фирмой – за указанный срок и предоставить мне копии счетов фирмы за это время. По получении этого письма прошу сообщить мне в трёхдневный срок., как и когда Вы произведёте со мной этот расчёт».

О том, когда Маргарита, взяв с собой Наташу, вернулась домой, она сообщила в письме, посланном Ивану Халтурину 27 июня:

«Дорогой Иван Игнатьевич! Приехала во Владивосток 16.6 и сразу начались хлопоты с квартирой, часть которой оказалась занятой. Теперь дело уладилось, завтра выселяют захватчика и я получу обратно свою квартиру». А ниже снова о новом издании «Сквозь тайгу»: «...раньше декабря книгу не выпускайте. Я так договорилась с альманахом «Год 19»... Если возможно, при издании «В горах Сихотэ-Алиня» упомяните наряду с Вашим именем и меня. Для меня будет иметь большое значение, если указано будет, что литобработка материала моя... У меня есть письма Горького к Вл. Клав. Если они кому-нибудь интересны, то я могла бы их передать... Деньги за материал в «Костре», пожалуйста, вышлите мне во Владивосток по старому адресу: Производственная, бывш. Фёдоровская, дом 7, кв 4.»

В середине августа получил Халтурин от Маргариты Арсеньевой последнее письмо, предельно деловое: «Сегодня отправила Вам срочной почтой рассказы... Ещё раз напоминаю... Жду от Вас с нетерпением какой-нибудь весточки о том, как идут дела с изданием книг... Прилагаю записку вашей бухгалтерии...»

В архиве И. Халтурина сохранилось и письмо, посланное Маргаритой Николаевной 28 сентября московскому литератору Павлу Ивановичу Лопатину, женатому на родственнице Красевых. Она в его семье тоже жила и вовлекла в свои издательские дела:

«...большая просьба. Повидайте в ДетГизе И.И. Халтурина и выясните, как обстоят дела с выпуском сочинений Влад. Клав... Конкретно мне надо выяснить: 1. Когда выйдет «Дерсу». «В горах Сихотэ-Алиня». «Сквозь тайгу». Далее пункты 2, 3... Всё просьбы, вопросы, например, такие: «Почему мне не переводят денег.», недоумения: «неоднократно писала Халтурину, но никакого ответа не получила... И.И. молчит, как убитый...».

И только в конце вспоминает, что пишет родне:

«Как вы провели лето с семьёй? Поправился ли Юрик, отдохну-

ла ли Вавочка? Наташка хорошо выглядит, учится пока хорошо. С квартирой всё уладилось, жду к себе маму. Привет Вам и всем вашим. Уважающая Вас М. Арсеньева».

Со дня 28 сентября, когда это письмо было написано, жить Маргарите на свободе осталось чуть больше восьми месяцев.

Двести семьдесят семь дней золотой, долго длящейся приморской осени, малоснежной, ветреной, с оттепелями зимы, запоздалой весны, когда выплывает из моря огромное, яркое-яркое солнце и наконец-то почки на деревьях лопаются и пробивается среди камней мостовой долгожданная трава, такая зелёная-зелёная... Потом напозднили на город у Золотого Рога туманы, зачастили дождики... Ах, это приморское лето! Где ты, солнышко? И почтовый ящик пуст...

Смертельный водопад, в котором не Анна Константиновна, а Маргарита Николаевна захлебнулась, наступил её в самую макушку лета 1937-го, отмеченного в летописи нашей многострадальной Родины чёрным цветом. За ней пришли 2 июля. Только успела обнять и поцеловать дочку, прошептал ей на ухо: «Выше нос! Я ненадолго... Поживёшь с бабой Маней, если задержусь... Да нет! Скоро вернусь...»

Расстреляли М.Н. Арсеньеву через 13 месяцев и 19 дней – 21 августа 38-го. Приговор вынесли на выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР в Хабаровске. Где похоронили – установить не удалось. Отменили приговор через 19 лет, 6 месяцев и 6 дней – 27 февраля 1958 года.

Какой запомнили Маргариту те, кто видел её в последний раз? Приведём краткие воспоминания. Анна Ивановна Тарасова вспомнила рассказ одной близкой Арсеньевым знакомой, жившей после войны в Ленинграде. Она встречалась в начале 30-х годов с Маргаритой: «Мы с Ритой больше о тряпках говорили, о том, что сейчас носят, и о женских украшениях. Меня поразило, как она была модно одета, серьги, бусы, кольца. Кажется, что её другое в то время не интересовало». Правда, Анна Ивановна тут же добавила, что, может быть, как раз эту женщину «ничто другое не интересовало» и необязательную болтовню она приняла за «чистую монету». Заметим: Маргарита, приехав в столицу, хотела выглядеть достойно, продолжала держать «марку». Ведь недаром же в ней текла французская кровь!

Второе свидетельство – Веры Николаевны:

– Рассказывала тётя Рита, приехав к нам, о том, как в 34-м следователи её допрашивали: «Мне говорят: «вы хотели свергнуть с

мужем советскую власть, чтобы снова пришли хозяйничать буржуи, ведь вы при них хорошо жили!» А я им в ответ: «Да ничего подобного! Я как раз сейчас живу очень даже неплохо, ведь я жена писателя с мировой известностью, его книги продаются всюду, я получаю хорошие гонорары и могу позволить себе жить на широкую ногу, не хуже, да нет, лучше, чем в детстве и юности». Она даже гордилась, что «выпуталась» из этой «неприятной истории» с первым арестом. Верила, что её, как и моего отца, больше не тронут. А что начало твориться в стране после убийства Кирова, взрослые как-то не говорили, а может быть, просто мало знали...

И ещё Вера Николаевна добавила:

– Да ведь она тогда же нам деньгами помогла! Отец затеял построить загородный дом, точнее, собирался купить деревенскую избу, попадавшую в зону затопления строящегося Московского канала – он был один из проектировщиков его, и перевезти её в деревню Малаховку, уже тогда популярное дачное место. Маргарита дала ему необходимую сумму, сказав: «Когда разбогатеете, отдадите!». Отец осуществил свою мечту. В этом доме летом мы всей семьёй жили и до сих пор живём... Там и папа с мамой, и бабушка Юля на местном кладбище похоронены... На наш дом посмотрю и тётю Риту вспомню...

Последнее свидетельство женщины, брошенной в ту же камеру, из которой в 1937-м водили на допросы бедную Маргариту. Эта женщина, которая знала жену Арсеньева до ареста, осталась жива, и, как говорила Вера Николаевна, её рассказу можно вполне верить:

«После одного из допросов Маргариту втолкнули в полубессознательном состоянии к нам в переполненную камеру, и все с ужасом увидели, что она была похожа просто на окровавленный кусок живого мяса, на изуродованном лице – безумные глаза. А волосы были седыми. Говорить она не могла, только что-то мычала».

В жизни всё и всегда куда страшнее, чем даже в гениальных романах.

Не на балу у мифического Воланда оказалась перед смертью Маргарита Николаевна Арсеньева, а на кровавой дыбе настоящего дьявола с красными лампасами.

Горькая история жизни дочки Арсеньевых Натальи Владимировны, которой через пять дней после трагической смерти матери исполнилось 18 лет, заслуживает отдельной книги. Может быть она уже кем-то пишется...

Здесь же лишь кратко поведаем о том, что ей уготовила судьба.

После такого внезапного ареста Маргариты баба Маня перебралась жить в дом престарелых на Седанке. Наташа осталась одна. В

квартиру Арсеньевых вселили новых жильцов, а ей отвели угол за перегородкой. Часть имущества и деньги семьи были конфискованы. Какие-то архивы отца Наталья успела передать в Приморский филиал Географического общества.

Что-то пропало...

Как относились к Наташе соседи, подружки юных лет, те, кто дружил с отцом, работал с матерью, можно легко представить: сейчас мы много об этом времени знаем, видели в кино, по телевизору, читали в книжках и в интернете.

О судьбе мамы правду ей никто не говорил.

Поддерживал с ней дружбу один парень. Они сошлись. В мае 38-го Наташа родила сына. Но он вскоре умер. Жить как-то надо. Устроилась посудницей в столовую. Уволилась. Нашла другую работу: завхоза в роддоме, но какой из неё завхоз... Муж, про таких тогда горько шутили: «муж объелся груш», от неё ушёл. Характером Наталья пошла в мать. Но не переняла от отца, которого потеряла в детстве, чувства осмотрительности.

Ненавидела новую власть.

Хорошо видела фальшь жизни.

Первый раз её арестовали по доносу соседней, как «содержательницу притона», присудили три года. Правда, освободили раньше... Второй раз вышла замуж... Незадолго до начала войны – пошёл ей 21-й год, снова арестовали. Главным пунктом обвинения были её «антисоветские высказывания». Второй муж тоже сбежал...

По статье 58 п. 10 УК Наталью Владимировну Арсеньеву осудили на 10 лет. ГУЛАГ.

Что представлял этот «Архипелаг», названный так Солженицыным, мы тоже знаем: круги ада, которые пострашнее, чем описанные Данте...

Вернулась Наталья из заключения через шесть лет после окончания войны. Отсидела – какое же это нелепое слово – полный срок. Наверное вспомнила бывшая ЗК, узнав о смерти великого вождя, что один из фактов в обвинении был вот какой. Аббревиатуру СССР она расшифровывала так: «Смерть Сталина спасёт Россию». Когда наступила «оттепель», дочка Арсеньева, получившая «высшее образование» в ГУЛАГЕ, вряд ли поверила, что Россия уже «спаслась»...

Ей предстояло дальше жить «на свободе».

Но как – она, бедная и одинокая, совсем не знала.

Только 3 октября 1960 года Верховный Суд РСФСР определит, что, цитируем, «обвинение Н.В. Арсеньевой основано на показаниях свидетелей и самой Арсеньевой, в которых она признала себя виновной. Между тем показания свидетелей и признание вины Арсеньевой не могли служить основанием для признания её виновной

Наташа Арсеньева.

Фотография сделана в ателье г. Хабаровска.

На обороте её рукой надпись: «Дорогой сестрёнке Верочке от её сестры. 1964 год».

(Из альбома Красевых.)

сказано в дальневосточной периодике и книжках, что, право слово, не хочется снова «ворошить» прошлое, цитировать то, что было написано тогда, даже трудно понять, в её защиту или ей «в укор».

Писали, забыв одну из заповедей христианского учения: «Не судите, да не судимы будете».

Читаю официальную бумагу, рождённую в те годы в отделе пропаганды и агитации Хабаровского крайкома КПСС. Вроде бы «по форме всё правильно»... Но вспомним, как заканчивается это выражение, однажды сказанное основателем партии и государства: «...а по сути издевательство»:

«К сожалению, неудачно сложившаяся жизнь и пребывание в заключении Натальи Владимировны Арсеньевой так её озлобили, что она рассматривает всё хорошее, что дал ей Хабаровск, как получение крох в счёт неоплатного долга, в котором пребывает перед ней советское общество».

Просто мурашки по коже от такого казённого стиля.

в проведении контрреволюционной агитации...

Дело прекратить за отсутствием состава преступления».

Но до 1960 года надо было как-то дожить... Наташа едет к дальним родственникам в Кишинёв. И там жизнь не сложилась. Устроилась работать в торговлю. Скоро её обвинили в хищении энной суммы. Суд. Дали снова десять лет. Освободили через пять. Приезжает во Владивосток. В их квартире жили другие. Ей не удалось, как когда-то матери, выселить «захватчиков». Отправилась в Хабаровск.

Местные доброты ей помогли с жильём.

Но дальше... Об этом хабаровском периоде жизни Натальи Владимировны уже столько рас-

А дальше о её «хороших квартирных условиях»: отдельная секция в благоустроенном и даже газифицированном доме, зарплате – от 60 до 100 руб. в месяц и ещё 18 руб., получаемых по приговору суда с пенсии брата – В.В. Арсеньева...

Ниже в справке сказано, что работала она «в автобусном парке», но не написано кем.

А взяли её туда кондуктором. Была такая работа: всю долгую смену толкаться среди пассажиров в битком набитых громыхающих автобусах. А какие тогда в Хабаровске автобусы и улицы были, старожилы, думаю, помнят.

На ногах, с большой сумкой через плечо, в которой рублики, трёшки... Но в основном монеты, монеты...

И отрывать, отрывать с рулончиков билеты, висящие на груди на тесёмочках. Можно представить, какие сцены разыгрывались во время рейсов, сколько криков, матерков... Толчея спешащих, а по вечерам измотанных, под хмельком людей, «зайцев»... И крики, крики: «Передайте на билетик!», «А сдача где?», «Что ты, тётка, остановки не объявляешь?» «Кондукторша, зовут-то как? Может встретимся завтра на конечной...».

Только представьте, какой измотанной добиралась Наташа, часто и после полуночи, в свою «отдельную секцию».

Шестидесятые годы... Тогда я работал на Дальнем Востоке газетчиком, много раз бывал и даже жил какое-то время в Хабаровске, часто передвигаясь по его улицам на автобусах: город широко раскинут и ехать приходилось долго... Вполне мог и я у Натальи Арсеньевой покупать эти билетки...

До сих пор – больше полвека прошло, а как об этом раздумаешься, невольно вспомнишь строки из стихотворения Александра Твардовского, написанного в военные годы, но смысл которого куда шире: «Я знаю, никакой моей вины / в том, что другие не пришли с войны./ ...Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...».

Каковы были настоящие реалии жизни Натальи Владимировны Арсеньевой, свидетельствует сохранившееся её письмо родственнице в Москву, помеченное 7 июля 1966-го (ей оставалось жить четыре года). Оно исповедальное, на 18 страничках. Читать его невозможно без волнения. Прочитываем лишь фрагменты письма:

«...Теперь о себе. Работаю по-прежнему в автобусном парке кондуктором. С 12 апреля по 5 мая пролежала в больнице в неврологическом... В квартире была одна старушка – сторож магазинный... Она умудрилась 2 раза сделать мне передачу, несмотря на скудные средства свои. Ещё ко мне приходила соседка по дому – у неё дочка тоже там лежит... Большие никто не знал, с работы ко мне приехали, когда я уже выписалась...»

У меня в конце июля был участковый в 11 часов вечера и я поняла, что он что-то хотел проверить... Я так разволновалась, что нагрубил одному чёрту, а он оказался из нашего автотреста. Записал фамилию – наверное, теперь прогрессивки лишат. И у кассы в этот день погрызлась... С 61 года не было у меня такого состояния... с того момента, как разнервничалась, видеть стала из рук вон плохо... (Далее Наташа пишет об одном человеке (фамилию называть не хочется), который, как ей казалось, а может быть, и на самом деле следит за ней. – Б. С.) Увижу его на лестнице – хвачу колуном – пусть потом судят. Какую он там паутину плетёт? Поверь мне, что труднее всего оправдываться или доказывать свою невиновность, когда тебя станут обвинять в том, о чём ты ни сном ни духом не знаешь...»

Ну ладно, сейчас напишу тебе о книге Дьякова (в этой книге «Повесть о пережитом» рассказывалось о сталинских лагерях. – Б. С.). «Один день Ивана Денисовича» произвёл более яркое и тяжёлое впечатление. Этот «день» описан так точно, так живо, что я будто снова очутилась в зоне. Как живые стоят передо мной кавторанг, псы-надзиратели, степь, проволока, холод, голод, безвыходность и произвол. «Один день...» – страшная вещь по своей правдивости. И ещё знаешь что? Встречала я и таких, как Дьяков и ему подобные. Тут не «стойкость», это своего рода были фанатики... Им, этим одержимым, легче было. И их меньше было. А основная-то масса – это Иваны Денисовичи, кавторанги, я и мне подобные, не успевшие расцвести, терпели произвол и в лагере и после. Фанатики освободились даже после срока в 10 лет с радостью, а я с озлоблением. Иду, помню, на пересылку – оглянусь назад и гвоздит в мозгах: за что? За что там за проволокой моя молодость осталась? А после срока? Ведь загоняли, загоняли обратно в тюрьму. Пустоту создавали – ни прописки, ни работы... Меня только в захолустном селе прописали, да и то травили... Да меня на второй бытовой срок озлобленность и толкнула. Я себя затравленной волчицей чувствовала все 2 года и 8 месяцев после первого срока, и жить, наконец, пришлось по-волчьи. Я не забуду склеп на кишинёвском кладбище, товарные платформы, вагоны, вокзалы, где ни за что ни про что, когда я просила работы, а у меня отбирали подписку, чтобы я в 24 часа убиралась куда угодно, ибо после двух таких подписок снова на 2–3 года небо в крупную клетку. А цементный завод, помольное отделение? Туда, видите ли, меня «не опасно» было принять. А знала бы ты, какой ценой я в эту закускую попала, из которой, тяпнув выручку, я бежала, на 90 процентов зная, что меня поймают. И почему я бежала? Ничего я этого не забуду...»

Ладно! Словами всё равно не выложишь, что в душе. И сейчас

находятся сволочи, которые вслух Сталина хвалят, так почему же их не гнут в бараний рог?»).

Дальше Наташа пишет, что много читает «лишь для того, чтобы убежать от собственных мыслей», что выбилась из сил, что, когда поступила в больницу, весила 39 кг, немного поправилась, но «сейчас опять похудела, без снотворных таблеток не могу заснуть... Проходила в больнице анализы – опять лейкоцитоз... За июнь заработала 117 руб., а в июле села на 60 – машина ломалась и были дни, что вообще не выезжали из-за ремонта». И совсем уже чисто женское: «Сшила платье штапельное «радуга» и готовое взяла за 18 руб. блестящее и за 12 шёлковое ярко розовое в шашечку, они одного цвета, только переливаются... Но носить не ношу. Некуда и лень».

Наталья бежит в Благовещенск. В одном из писем оттуда писала: «Как хорошо, что здесь никто не знает, что я дочь того самого Арсеньева». Устроилась она в ресторан посудомойкой, потом санитаркой в больницу. Даже мороженым торговала...

Жизнь её окончательно доламывала.

Одиночество.

Выпивки со случайными людьми.

Болезни.

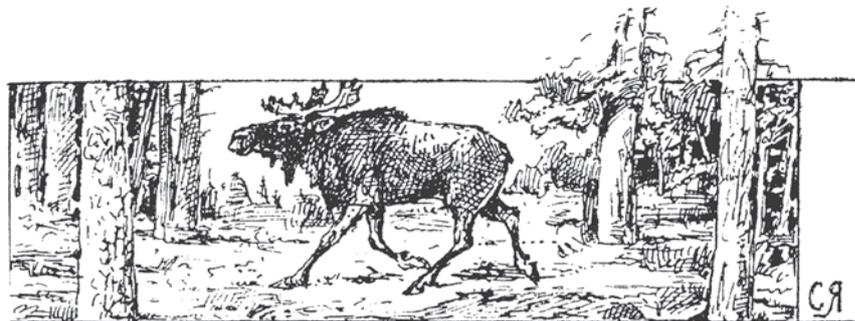
Снова без работы...

Дочь Владимира Клавдиевича и Маргариты Николаевны, их первенец, ненаглядная Наташка скончалась в Благовещенске, не дожив до 52 лет. В Приморском государственном объединённом музее имени её отца хранится свидетельство о смерти Н.В. Арсеньевой 11-УЗ №051858 от 10.2.1971 года. Но в этот ли день умерла, сказать трудно. Кто-то утверждал, что она скончалась осенью 70-го... Что обстоятельства кончины были таинственными, из квартиры исчезли её вещи, документы...

Так ли? – не проверить. Могила до наших дней не сохранилась...

Какая трагическая жизнь человека, который был, если судить даже по одному письму, приведённому выше, глубоко и здраво мыслящим, одарённым!

Как и отец, и как мать.

Глава IX

СОХРАНЯЯ ДОСТОИНСТВО И СМЫСЛ

- *Заведующий островами* • *Человек со шпагой*
- *На перепутье* • *Всё по той же колее*
- *Признание необычного таланта* • *Один среди других*
- *Из Советской Гавани к Амуру* • *Подожди немного...*
- *Первобытный литератор*

Олень ли, тигр, да любой зверь, тем более реликтовый, на чью территорию обитания посягают чужаки, до поры до времени не выдавая себя, чутко следит за пришельцами. И соображает – да, да! – соображает, хотя это и животное, как ему поступать: бежать ли стремглав прочь, выдать себя неосторожным движением и вероятнее всего погибнуть или суметь выжить, как-то приспособиться. Может быть, и дать себя приручить. Эволюция животного мира знает немало таких примеров. А уж в Приморской тайге, существовавшей с древних времён, их предостаточно.

А в мире людей?

Почти то же самое, что бы ни утверждали светила науки.

Звериное чутьё, развивавшееся у Арсеньева за годы странствий, его подводило редко. Пять лет дальневосточной кровавой смуты – представьте только: срок, даже больший, чем длились каждая из русско-германских войн XX века, наш герой, как мы уже видели, учился выживать.

Что же до того, чтобы стать «ручным», «домашним»... В чехарде смены властей он за последние годы сумел, насколько ему это удалось, сохранять от них дистанцию. Арсеньев применял свои умения и знания лишь в том «секторе», который менее всего оказался деформирован происходящими политическими, а значит и

идеологическими изменениями. Помогать туземцам, вести научные исследования ему не препятствовали. Суметь остаться вне политики, быть пусть внешне к ней индифферентным – это немало стоит. Сколько душевных сил понадобилось потратить!

А они трудносполнимы.

Справедливости ради надо сказать, что Арсеньева и не очень-то приручали все эти «временные». С приходом красных он понял, что вот эти пришли надолго, если не навсегда. Обустроившись стали основательно. Решительны и тверды. И нет серьезной силы, им противостоящей. Как стремительно ликвидируют всех «недобитых», расправились с бандой колчаковского генерала Пепеляева, орудовавшей в районе Охотска, в районе Гижиги ликвидировали бандитов под командованием Бочкарёва, в лапы которых, помните, чуть не попал Владимир Клавдиевич.

Над Петропавловском-на-Камчатке 31 декабря 1922 года подняли красный флаг. Во Владивостоке стали проводить широкую национализацию предприятий, постепенное, но неуклонное вытеснение частного русского и иностранного капитала, одним махом упразднили все консульские учреждения государств, не имеющих договорных отношений с РСФСР. Большое впечатление на горожан произвело известие о расстреле некоего Хрисанфа Бирича и его ближайших помощников, проходивших по «делу о Камчатской экспедиции», которую отправляли на полуостров ещё при правительстве братьев Меркуловых.

Как только не участвовал в ней Арсеньев...

Приехавший в августе 1923 года на Дальний Восток «всесоюзный староста», председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин на первом же митинге пролетариата губернского центра так определил значение этого города: «...Владивостокская крепость находится в верных руках и не хватит сил у врагов, чтобы заставить вас склонить эти красные знамена». Город и при большевиках действительно остался прежде всего военной крепостью, или, как тогда говорили, «форпостом» на границе пролетарской республики с враждебным ей миром капитала.

Скоро надолго он стал закрытым городом, куда без особого разрешения не попадёшь.

Опыта хозяйствования, а это интересовало сейчас Арсеньева более всего, у новой власти было совсем мало. Да, вояками они показали себя отчаянными, отважными и успешными, что бы о них ни говорили. Так что заслуживали уважение кадрового офицера царской армии. Но этого было мало, чтобы осуществить декларируемые ими мирные, далеко идущие цели в строительстве нового социалистического общества.

Как человек науки и исследователь-практик он решил поддерживать политику нового правительства.

Одобрять ли нам тогдашнюю «линию поведения» Владимира Клавдиевича Арсеньева? Ведь сейчас Россия по сути дела вернулась в дооктябрьские, правда, без царя времена. Или порицать и даже – осуждать? Мол, был верным слугою царя, а стал служить большевикам.

Естественно, при советской власти эту тему писавшие об Арсеньеве обходили.

Одобрять... Осуждать...

Думается, что вопрос, заданный выше, просто необходимо снять. Наш оглядливый герой продолжал, как старался всегда в своих походах, держаться маршрута, вычерченного им самим на карте своей жизни почти сразу же после 17-го года. Помнил он хорошо, что советовали ему М.А. Баранов, встретившийся с ним на «Пенжине», да и уважаемый им П.Ф. Унтербергер в письме издалека...

Интересно, что точку зрения на взаимоотношение государства и личности, которой тогда, пусть не декларируя её, но фактически придерживался В.К. Арсеньев, философски обосновал в те годы живший в Харбине видный русский политический деятель, один из лидеров конституционных демократов Николай Васильевич Устрялов: *«Признавая, что «в начале пребывает государство» (общество), сверхиндивидуальные ценности, нужно подчинить личность некоей верховной сверхиндивидуальной норме. <...> Только приближаясь к объективным сверхличностным началам, пополняя свою «форму» их содержанием, приобретает личность достоинство и смысл».*

На мой взгляд, верная и по сию пору актуальная мысль.

Другое дело, не сразу поймёт Арсеньев, как это трудно ему дастся, как сократит дни его жизни! Мысли изменить круто свой маршрут после 1922 года ему в голову вряд ли приходили. А ведь на процессах 30-х годов многими «свидетелями» и обвиняемыми утверждалось, что В.К. Арсеньев с того времени стал «в ряды активных борцов с советской властью».

Полная чушь и клевета.

Он спокойно продолжал ходить на ту же самую службу в рыбное ведомство, что и до советизации, к тем же самым студентам читать те же лекции... Даже с бóльшим рвением стал заниматься своими инспекторскими делами. Потому что видел: новая власть не дала России распасться и стоит на страже государственных интересов.

Это ему не могло не импонировать.

Одобрил его желание служить новому режиму и подбодрил академик Владимир Леонтьевич Комаров, мнением которого Арсеньев всегда дорожил. В письме от 25 марта 1923 года он написал так: «Для местной власти Вы не человек, а клад, ибо Вы всё знаете

и можете помочь в разъяснении наиболее запутанных вопросов».

Но Арсеньев и не бросился в объятия большевиков, восторженно приветствуя все их шаги. Подобно иным его коллегам. Например, тот же этнограф Альберт Николаевич Липский, участник его экспедиции 17–18 годов, вчера служил Временному Правительству, как, кстати сказать, и Арсеньев. А сегодня... Скоро узнает Владимир Клавдиевич, что Липский (он же Куренков) стал секретным сотрудником, сокращенно сексотом, по-старому осведомителем госполи-торганов.

Их пути ещё столкнутся...

Прежде всего Владимира Клавдиевича волновало, что станет с наукой в стране и, в частности, на Дальнем Востоке, где в эти рубежные годы учёные и краеведы стали консолидироваться. Энтузиасты Южно-Уссурийского отделения Русского Географического общества приняли ещё в конце 1921 года решение о созыве съезда по изучению Уссурийского края. Арсеньев активно участвовал в организации его проведения. Нелегко было собраться в той обстановке, но съезд всё же состоялся в апреле 1922 г. в Никольск-Уссурийске. В нём приняло участие 80 человек. Председателем съезда избрали его тестя Н.М. Соловьёва.

Арсеньев выступал с докладом «Обследование Уссурийского края в археологическом и археогеографическом отношениях». Был выпущен бюллетень. Читая его, видишь, что организаторы старательно и осторожно обходили стороной политические вопросы. Так, например, они уклончиво объясняли причину, почему решили не собираться во Владивостоке: «...Там было бы невозможно изолировать его членов от несения ими их текущих обязанностей, совершенно посторонних делу съезда... В Никольск-Уссурийске члены его автоматически изолируются от среды, поглощающей их энергию».

20 декабря 1922 года В.К. Арсеньев обращается с письмом к неперемемному секретарю Академии наук С.Ф. Ольденбургу. Начинается оно так: «Мы, обитатели Дальнего Востока, были очень обрадованы, когда узнали, что Вы живы и здоровы и стоите по-прежнему у кормила Академии наук...» Сообщает о делах дальневосточных учёных-географов, биологов, этнографов, о желании и дальше «работать концентрически, постепенно увеличивая радиус и масштаб». В конце письма о самом главном: «Мы сохранили музей и библиотеку, а всё остальное лучшее будет впоследствии».

И добавляет: «Много зла нам причинила интервенция».

Судя по этому письму, Владимир Клавдиевич был политкорректен и смотрел в завтра довольно оптимистично.

Когда члены Общества изучения Амурского края обратились в советские органы с просьбой их зарегистрировать, то оказалось,

что надо запросить вышестоящую организацию – Русское Географическое общество. С этой просьбой к его президенту (ещё с дореволюционных времён) академику Ю.М. Шокальскому обращается Арсеньев. Ответ из Москвы датирован 23 февраля 1923 г.: «...Главное – сохранились и не утратили энергию и бодрость, значит вся суть налицо. Мы тут тоже так же себя держим. Общество цело и пока всё как было...» Не утерпел академик, поставил запятую и дописал: «...если не считать неотапливаемых помещений». Общество зарегистрировали. Арсеньев успевал и туда наведываться постоянно.

Скоро стал заведовать этнографическим отделом музея, начал составлять каталог по археологии и этнографии.

26 января 1923 года по Дальневосточному управлению рыболовства и охоты государственной рыбной и пушной промышленности (Дальрыбохота), подчиняющегося Губсовнархозу, издается приказ. В нём на ст. инспектора рыболовства В.К. Арсеньева «возлагается по отделению морских звериных промыслов и охоты заведование островами и морскими звериными промыслами Дальнего Востока». Что ни говори, по названию необычная, если не странная должность, а по сути – какая ответственность! Через полмесяца приказом Уполномоченного Народного комиссариата продовольствия и Главрыбы его определяют на должность заведующего подотделом охраны и надзора отдела рыболовства по морзверопромыслам.

Примерно в это же время он заполнил анкету. Приводим его ответы на три вопроса: «*Основная деятельность.* Исследовательская работа в естественно-историческом отношении русской территории на Дальнем Востоке. *Какие знает профессии, кроме основной?* Хорошо знаю пушное дело, охоту на сушевых и морских зверей. *Служебный стаж по рыбному делу.* С 1918 без перерывов и всё по отделу охоты на морского зверя».

Арсеньев продолжал упорно отстаивать от посягательств кого бы то ни было на земли и воды теперь уже Советского Дальнего Востока.

Сохранилось немало бумаг, по которым можно судить об этой стороне его деятельности. Ещё с периода ДВР ему пришлось отбивать атаки некоего инженера Флерова, то просившего дать ему в аренду участки земли по рекам Камчатка и Анадырь, то притязавшего на право рыбной ловли и добычи зверя в районе рек Олы и Колымы и наконец вознамерившегося арендовать Шантарские острова. На всех бумагах резолюции Арсеньева: «отказать». «Флеров, – пишет он, – хищник, ничего не понимающий в разведении морзверя. Он их хочет уничтожить, а не разводить».

Какой-то Е.Ф. Барыкин просит сдать ему в долгосрочную аренду необитаемый Ольский остров «для разведения пушного зверя и ведения сельского хозяйства на культурных началах». На обороте

этого прошения рукой Арсеньева (фиолетовые чернила выцвели, но прочесть можно) энергичная в стиле автора «резолуция», которую можно было бы в тогдашней газете напечатать: *«Барыкин не знает приёмов разведения зверя. Он хочет разводить одновременно маралов, чернобурок, песцов, пятнистых оленей, соболей... Это невозможно. Остров северный, и там пантов от оленей не получить. Соболю нужна одна биологическая обстановка, оленям – другая. Когда много лисиц и песцов, они нападают не только на телят оленей, но даже на человека! Спутники Беринга в 1741 страдали именно от нападения лисиц и песцов. Поэтому считаю проект Барыкина несерьёзным. Он убийщик ластиногих и только. Он там последних зверей разгонит. Кроме того, из частного пользования мы хотим изъять все острова. Ст. инспектор»... Подпись.*

Вместе с охотоведом А.Д. Батуриным он составляет проект «Временного положения об условиях и порядке использования островов Дальнего Востока для промышленного звероводства». Перечисляются меры по защите животных от хищнического убоя, обосновывается необходимость постепенного перехода от охотничьего промысла к разведению ценных пушных зверей по современным технологиям и организации на островах питомников. Говорилось там даже о необходимости наладить с островами надёжную радиотелеграфную связь.

В апреле 1923 года В.К. Арсеньев узнаёт о высадке на Командорах команд иностранных шхун. Вероятно, японских. Они у аборигенов скупают пушнину и бьют морского зверя. Он тут же телеграфирует об этом в Наркомат по иностранным делам СССР. Правда, неизвестно, какое тогда конкретное решение по этому сигналу приняли.

Но, видимо, это было ещё одним толчком для просьбы направить его туда в командировку.

Командорами, кстати сказать, он занимался ещё в 1921 году. Тогда японская фирма «Кухара» вознамерилась арендовать эти острова на 10-летний срок. Инспектор Арсеньев сразу же забил во все колокола. В одной из своих докладных он писал: Это «по принципиальным соображениям совершенно недопустимо... Японцы могут поднять на них (Командорских островах. – Б. С.) свой флаг сперва хотя бы в виде арендаторов, а затем и полноправных хозяев».

На заседании особой комиссии по пушным делам Губревкома 11 января 1923 года Арсеньев резко выступает против попытки захвата канадскими зверопромышленниками острова Врангеля, поднявшими над ним английский флаг. Вместе со специалистом по рыбной промышленности Т.М. Борисовым он посылает письмо уполномоченному Наркомата продовольствия Ф.И. Андрианову. В нём осуждается этот инцидент, приводятся данные об истории

открытия и освоения острова русскими. В Арктику направляется на ледоколе «Красный Октябрь» экспедиция во главе с гидрографом Б.В. Давыдовым.

20 августа 1924 года над островом Врангель поднимают государственный флаг СССР.

Любопытно, что Арсеньев, борясь за «свои» острова, даже стилистику реляций перенял у новых хозяев страны. Вот отрывок из одного его письма 1923 года начальнику Командорских островов (была тогда и такая должность), словно скопированного с какого-то декрета:

«...Напомнить всем промышленникам, что рабоче-крестьянское правительство строго карает непокорных граждан, не исполняющих законы. Для правильной постановки охраны лежбищ котиков и метеонаблюдений назначать караулы промышленников только по вашему и ваших помощников усмотрению. О всех случаях высылки провинившихся на Камчатку или на материк сноситься с Камчатским губернским ревкомом, немедленно донося управлению... Ко всем ослушникам, нарушителям закона и промысловых инструкций, и особенно к алеутам, занимающимся тайным убоем зверя и продававшим пушнину, предлагается применять самые суровые меры наказания, не останавливаясь перед высылкой на материк для предания революционному суду».

Весной Арсеньев получает добро на долгожданную командировку.

Снова середина лета, но уже 1923 года. 17 июня. У причала под парами стоит транспорт «Томск». Прощание с дочуркой и Маргаритой и по «накатанной» им морской дороге мимо Японских островов на север. Интересно, что маршрут был примерно тот же, что и в 1918 году: в японские порты судам под красным флагом разрешалось заходить пока без особого оформления. «Томск» посетил Хакодате, затем пошёл в Отару, по которому Арсеньев даже совершил экскурсию.

8 июля, когда пароход наконец-то вошёл в Авачинскую бухту, стоял сильный туман. Но к непогоде Владимиру Клавдиевичу было не привыкать. Первая встреча в Петропавловске со старым знакомым Прокопием Трифоновичем Новограбленовым, краеведом, учителем, музейщиком. Тот повёл его в школу, где оборудовал с учениками естественно-исторический кабинет. Завязалась беседа...

Надо было торопиться на пароход, который вечером должен уйти в Усть-Камчатск, где Арсеньеву по-прежнему помешала погода войти на катере в реку Камчатку. Успел только побывать на рыбоконсервном заводе, принадлежащем японцам.

Следующий пункт – основной: Командоры.

Как же с давних пор мечтал посетить Арсеньев остров, где похоронен один из его кумиров – Витус Беринг.

К острову подошли вечером. Разгрузка продуктов, товаров, угля и других припасов заняла двое суток.

Грустную картину увидел «хозяин» островов в «своём» заведении. Вернувшись во Владивосток, он напишет в очередной работе: «Командорские алеуты находятся в состоянии вымирания. Они почти поголовно заражены сифилисом, который распространяется половым и внеполовым путём. К числу причин вымирания нужно отнести инфекционные эпидемии. Породнившись между собой, население без притока свежей крови быстро идёт к вырождению. Беспорядочная половая жизнь, начинающаяся чуть ли не с детского возраста, простудные заболевания, общее истощение материнского организма (когда мать не может вскормить даже одного ребёнка вследствие атрофии грудных желёз, что заставляет рано переводить детей на грубую пищу) – всё это приводит к чрезвычайно низкой продолжительности жизни: для мужчин 24,2 года, а для женщин – 23,2».

И снова, как в статье, написанной после поездки в Гижигинскую губу, о спаивании аборигенов: «Водку алеут предпочитает всему, и в надежде получить её (а это излюбленная, постоянная его мечта) он, конечно, не задумается придушить за глазами инспектора серого котика и обменять шкурку на спирт... Спирт на острове привозится японскими шхунами. Во время стоянки их все алеуты пьяны, не исключая и охраны... Всё самое скверное в жизни алеутов связано с посещением островов парходами. Пьянство, разврат, драки продолжаются столько времени, сколько стоит парход, а после ухода его начинаются всякие заболевания».

Сдвинулось ли что-то сразу же в лучшую сторону на тех островах, которыми пришлось «заведовать» нашему герою ещё полтора года? Вряд ли. Но это несколько не умаляет значения тех усилий, что предпринимал в своё время Владимир Клавдиевич. Главного он добился: атаки всяческих хищников, претендующих на хозяйничанье на русских территориях, были отбиты. Рыбные, пушные и другие богатства затерявшихся в тумане островов, пусть далеко не в полной мере, но стали служить живущим там людям, отправлялись на материк, принося молодому государству даже валюту.

...Не мог уехать с острова Беринга Арсеньев, не побывав на могиле легендарного командора.

Но прежде чем рассказать о посещении этого захоронения русского мореплавателя Витуса Ионассена Беринга, руководителя 1-й и 2-й камчатских экспедиций, приведём одно место из очерка «Даль» московского журналиста Л. Волкова-Ланнита, опубликованного в

журнале «Новый ЛЕФ» (№ 8. 1928 г.). Ланнит, приехавший во Владивосток, как он пишет, «репортёрить», пришёл в государственный Дальневосточный университет и там, дальше цитируем, «познакомился с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым – автором замечательной книги «В дебрях Уссурийского края». Владимир Клавдиевич любезный и весёлый человек. Много рассказывает. Был полковник он царской службы. Ненавидел свою шпагу. Она мешала путешествовать и заниматься. Однажды на лекции он незаметно спрятал её за шкаф. Сочли, что учёный полковник потерял шпагу где-нибудь по рассеянности. Из уважения преподнесли новую, именную».

Трудно сразу определить, что в этих десяти журнальных строках правда, а что написано, лишь бы московского читателя удивить. Надо же, с какой фигурой познакомился: и писатель, и царский полковник, и учёный, а значит, человек рассеянный, шпагу вот потерял... Смешно и грустно сейчас такое читать.

Оставим на совести автора нелепое утверждение, что свою шпагу Арсеньев ненавидел.

Полная чушь!

Да, для ношения вне строя генералам и офицерам царской армии ещё по Указу от 1826 года шпага прилагалась. Значит, была она у Арсеньева. Правда, сам он о ней и его близкие, насколько помнятся прочитанные тексты, ни разу не упоминали. Но если и была, то он, видимо, её берег, так как хорошо знал, что шпага дана не для того, чтобы её в путешествия брать и там ею перед тиграми размахивать. С давних времён она считалась в армии символом храбрости и верности присяге, чести, славы и веры. Одни верят в божий промысел, вторые – в батюшку-царя.

Нашему герою при Советах оставалось верить в Отечество.

Сохранилась ли шпага у Владимира Клавдиевича в советские годы? Возможно... Но зачем её было нести на кафедру, где он читал лекции о первобытной культуре разных народов? Что-то тут лефовец Ланнит присочинил или Арсеньев просто разыграл москвича?

Где сейчас шпага Арсеньева, неизвестно...

А может быть, репортёр слышал от Владимира Клавдиевича рассказ о другой шпаге? Арсеньев нашёл её на могиле Витуса Беринга и даже вначале думал, что она принадлежала отважному мореплавателю. Шпагу эту он тогда, в 1923 году, привёз во Владивосток. Она действительно была именная, но с инициалами «В.Б.», а не «В.А.».

Часто, увлекая молодых слушателей рассказами о своих путешествиях, Владимир Клавдиевич демонстрировал разные экспонаты: ритуальные предметы шаманов, искусные изделия умельцев, которых так много было среди «лесных людей»... И вот эту шпагу мог студентам показывать.

Очень дорога была она ему, человеку чести.

Попробуем воспроизвести рассказ Владимира Клавдиевича о редкостной находке на могиле Витуса Беринга. Для этого воспользуемся его дневниковыми записями. По моей просьбе работающая в музее на острове Беринга в селе Никольском учёная-краевед и историк Наталья Татаренкова дополнила их, а также уточнила путь, который проделал Арсеньев.

Пусть и небольшое совершил он на этот раз путешествие, но и его надо бы пометить на карте арсеньевских маршрутов.

Итак, на календаре 11 июля 1923 года, но Командорские острова в холодном тумане. Море серое, гуляют волны. Команда «Томска» приступила к разгрузочным работам. Они займут не меньше двух дней. За этот срок, решает Арсеньев, он просто обязан побывать на месте, где в ноябре 1741 года потерпел крушение пакетбот Беринга. Надо было пройти на противоположный восточный берег острова, названного в честь легендарного мореплавателя. Но так как время поджимало, решили отправиться на мотоботе. Его повёл пожилой моторист дядя Саша. Взял с собой Арсеньев ревизора Щапова, проводником – местного жителя алеута Ладыгина и матроса Николая.

Бот по серой океанской ряби медленно шёл на юг мимо западного берега. Скоро увидели стремительно мчавшихся зубастых китов, которых ещё называют косатками. Берег был густо пропитан запахом морской капусты. Арсеньев запишет в дневнике: «Сильный аромат йода наполняет Командоры днём и ночью. Он неприятно трогает ноздри и проникает в лёгкие, кажется даже, что он ощутимым осадком падает на одежду и руки».

Большой Командорский остров имеет в длину чуть больше 90 километров при средней ширине около 20-ти. Решили на мотоботе дойти до бухты Гладковской, а оттуда, уже по суше, до мыса Командора. Наступил вечер. Увидев, как написано в дневнике, «заброшенную сторожку», такие строения промысловики называют «юрташками», решили в ней переночевать.

Утром распогодилось. Пошли цепочкой по долинам двух речек, пересекая многочисленные ручейки. Впереди Ладыгин, последним – Арсеньев. Виды растительности, которая встречалась по пути, Владимир Клавдиевич, уточняя названия у алеута, тут же записывал: карликовая ива, кусты рябины, зонтики дудника, щавель, попадались, правда редко, грибы и берёзки... Если бы Арсеньев не торопился, он мог бы собрать гербарий не только из этих, но и других, растущих на острове растений. В это время года здесь цветёт герань, гравилат, купальница (жарки), рябчик камчатский (чёрная саранка), зацветает поповник (белая «ромашка»), борщевик, встречаются белые и жёлтые подушки камнеломок.

В распадах белели пятна снега.

Касаясь краткой истории этих островов, Арсеньев напишет: «Люди не жили на них до начала XIX века. Приезжие хищники безжалостно выбили здесь несколько сот тысяч котиков и навсегда уничтожили редчайшую девятиметровую морскую корову».

По имени Стеллера, участника экспедиции Беринга, она вошла во все биологические энциклопедии. Именем этого учёного была названа на Командорах и гора.

По дороге повстречали алеута Егора. Он охотился на оленей. Наконец перевалили в долину реки Половина. Вдали за неширокой полоской берега показалось море. Виднелся остров Медный, куда скоро отправится Арсеньев на пароходе.

Остановились у довольно большой и открытой бухты Половина.

Владимир Клавдиевич жадно оглядывал окрестности и скоро живо представил, как 182 года назад недалеко отсюда в соседней бухте разыгралась драма. Парусное судно перескочило через мелководье и остановилось. Экипаж высадился на берег. Офицеры решили, что они находятся в Авачинском заливе Камчатки.

Только позже поняли свою роковую ошибку.

Смертельно больного Беринга перенесли на берег. Среди холмов нашли песчаные ямы. В одну из них, накрыв её парусиной, поместили командора. По календарю была глубокая осень, но в этих широтах уже всю властвовала стихия северной зимы – лютые ветры, колючий снег и длинные, длинные ночи. Беринга и уцелевших его людей мучила жестокая цинга. Одним из последних приказаний умирающего командора было нанести на карту все открытые рифы и отмели:

«Тех, кто придут сюда после нас, да не постигнет наша участь»...

Арсеньев пошёл вдоль берега, отмечая каждую бросившуюся ему в глаза мелочь. Скоро заметил, что трава в одном месте стала гуще и зеленее. В другом и в третьем – тоже. И росла как по линейке. Он догадался: здесь, видимо, были те самые ямы, в которых надеялись выжить моряки.

В какой-то из них, засыпаемый песком, лежал Беринг.

На отлогом холме стоял полуистлевший крест, поставленный на предполагаемом месте погребения командора. Арсеньев подошёл и преклонил колени. Здесь, как видно, бывали люди. Вокруг креста виднелись разноцветные агаты и опалы из бухты Буян, росли красные и жёлтые цветы.

Стал наводить порядок: оборвал разросшуюся траву, обмёл крылом куропатки камни. И вдруг увидел лежавшую неподалёку от креста заржавленную шпагу с погнутым концом. Взял её осторожно за рукоятку из почерневшей латуни, поднёс к лицу, стал внимательно рассматривать. На эфесе – покрытая патиной времени пластинка, а на ней две выбитые буквы «В. Б.».

Шпага Беринга?!

Обуяло сомнение: не может быть. Полтора века прошло... Но инициалы? Лежали ещё на могиле несколько золотых монет из России, Дании, Голландии и Британии. Кто же только не побывал на затерянном у краешка Тихого океана северном острове!

Согревала мысль: помнят подвиг одного из его великих предшественников.

Все подробности увиденного Арсеньев занёс в дневник, сделал рисунок загадочной находки. Тем временем дядя Саша бережно очистил, насколько сумел, шпагу от ржавчины, выпрямил её острие.

Сделал своё заключение: это, если быть точным, морской палаш.

Арсеньев решил взять находку с собой и, вернувшись во Владивосток, передал в музей. Тогда мнения краеведов о ней разделились. Многих смущала шестиугольная медная пластинка с инициалами командора. Правда, знатоки шрифтов обратили внимание на то, что буквы имели латинизированный вид – так их стали писать лишь в XIX веке. Другие возражали: Беринг был датчанином, и ему могли подарить шпагу иностранцы, выбив русские буквы, но под латынь.

Правда, этот аргумент был слабый.

Самому Арсеньеву хотелось точно узнать, держал ли шпагу (или палаш) в руках сам командор. Но он видел в ней прежде всего символ подвига своего кумира, что был сродни подвигам тех, кто во все времена отправлялся в путешествия, чтобы открывать неведомые земли. В глубине души, никому не признаваясь, наш герой и себя причислял к этому неистребимому с зарождения человечества племени. И его, как и их, всегда тянуло в дали дальние, за черту горизонта, в неизвестность.

Что может быть слаще сознавать: ты первым сюда пришёл!

Возможно, стоя у могилы Беринга и глядя на возвышавшийся над ней крест, Арсеньев думал, что и над тем местом, где упокоится его тело, потомки когда-нибудь поставят этот великий христианский символ.

Арсеньева в детстве, конечно же, крестили. Как и его отца, в православном храме. Но насколько он в зрелом возрасте оставался православным?

Анна Константиновна утверждала, что и её муж был неверующим. Ссылаясь на то, что он не любил посещать в гимназии уроки закона Божьего, конфликтовал с преподавателем этого предмета, рисовал на священных книгах чёртиков...

Но кто избежал подобных, пусть даже дерзких шалостей в детстве?

Углубившись в труды по этнографии, Арсеньев, несомненно, мно-

гое переосмыслил в своих представлениях о Боге, происхождении земли, племён и народностей. Мужал в пору, когда часть русской интеллигенции бросилась в богоискательство, другая в оккультизм, мистицизм. Какая же мешанина тогда царил в умных головах образованных людей! Во что она вылилась – хорошо известно. Арсеньева Бог уберёт от увлечения всеми этими модными поисками.

В его записях трудно найти пространные рассуждения о религии, христианстве, как и о богоискательстве. Но нет и утверждений, что «религия – опиум для народа».

Можно твёрдо сказать, что в Бога, как Всевышнего творца всего сущего на земле, Арсеньев верил.

Читатели его книг (в первых изданиях) замечали, что он упоминает имя Господа, пишет, что в экспедициях отмечались церковные праздники. Один из арсеньеведов уверял меня, что в дневниках слово Бог он писал с маленькой буквы. Но это – не так. Даже в отрывках из них, помещённых в этой повести, Бог поминается им не раз...

Думается, Владимир Клавдиевич, как учёный, склонялся к мнениям тех философов и вероучителей, кто считал Бога-отца родоначальником всех религий. Много раз он убеждался, что в верованиях туземных народов столько порою неуловимых, а чаще просто бросающихся в глаза сходств с христианством. Арсеньев верил, несмотря на возражения многих, что у его некрещёного Дерсу тоже есть душа. Святая душа.

Правда, библию в экспедиции, как нынче это стали делать иные путешественники, Арсеньев вряд ли брал.

В советские годы Арсеньев знал, что свои убеждения необходимо запрятать подальше, и никогда не высказывал отношения к так гонимой христианской вере и церкви. Вот некоторые арсеньеведы и соглашались с Анной Константиновной, что был он атеистом.

Да, Арсеньев всецело принадлежал миру науки. И наверное мог бы согласиться с таким мнением своего современника, известного русского общественного деятеля, славянофила, в молодости атеиста, а затем глубоко религиозного человека Сергея Фёдоровича Шарапова: «Наука была нашей религией, если бы было можно петь ей молебны и ставить свечи, мы бы их ставили; если бы нужно было идти за неё на муки, мы бы шли».

Поэтому, писал дальше Шарапов, в молодости «попы» были предметом их горячей ненависти, однако «именно потому, что мы были религиозны до фанатизма, но по другой, по новой вере... И нравственно мы всё же были крепки и высоки».

А значит, добавим, неизбежно становились верующими христианами.

...Но закончим историю со шпагой Беринга. Только в 60-х годах этот клинок внимательно изучил директор Владивостокского Военно-исторического музея подполковник Б.А. Сушков и сделал заключение: «Нет, в таком виде шпага со времён Беринга не смогла бы сохраниться». Он послал несколько фотографий реликвии в Исторический музей столицы. Оттуда пришёл ответ: «Это морской палаш второй половины XIX века».

Стали тогда приморские музейщики снова думать, откуда на оружии инициалы Беринга и как палаш оказался на его могиле. Сушков взялся за исторические источники и нашёл-таки разгадку. В 1892 году русская пограничная шхуна «Алеут» пришла на Командоры, чтобы воздать почести первопроходцу дальневосточных морей, чьё двухсотлетие со дня рождения и столятидесятилетие со дня его смерти отметили в России в минувшем году. «Алеут» подошёл к берегу, где провёл свои последние дни капитан-командор. Команда выстроилась в почётный караул у его могилы. Во время торжественной церемонии у Берингова креста под салют орудий «Алеута» капитан возложил шпагу с инициалами командора на холм, усыпанный живыми цветами. Б.А. Сушков даже сделал и такое небольшое открытие: пластинку с буквами «В. Б.» напали на клинок не в оружейной мастерской, а поставили в пазы ручным способом, то есть, весьма вероятно, прямо на «Алеуте».

Сейчас палаш, привезённый Арсеньевым, представлен в экспозиции Дома-музея его имени во Владивостоке.

...Прах великого мореплавателя и останки пятерых его соратников перезахоронили на Командорах в 1992 году. А первый крест из металла на месте крушения и смерти Витуса Беринга и многих членов экипажа был поставлен куда раньше – в 1944 году. В 1992-м его заменили на новый.

Стоять ему там долго-долго.

На могиле В.К. Арсеньева на Морском кладбище сначала креста не было, лишь каменное надгробие. В одну из юбилейных дат всё же соорудили над ней крест из дикого камня, привели место упокоения в порядок.

Форма этого креста заставила задуматься московского литератора и краеведа Льва Анатольевича Рыбакова, давно обосновавшегося в Тверской области у озера Селигер: а не лютеранином ли, как его дед, был путешественник? Нашёл предположительно кладбище, где Гоппмайер мог быть похоронен. Но могила, конечно же, не сохранилась. Стал изучать различные документы, запросил Приморский музей, что там знают об истории появления креста над могилой Арсеньева. Ему прислали снимки могилы без креста и после 70-х

годов с крестом. Написали, что крест вмонтировали в приготовленный для него постамент.

Но объяснить, почему в нём отсутствуют верхняя короткая пере-кладина и нижняя косая, не могли.

Продолжая поиски, Рыбаков «раскопал» в интернете очерк «По следам Владимира Клавдиевича Арсеньева» профессора медицины Виктора Ивановича Гоппе, который на протяжении ряда лет являлся президентом Синода Евангелическо-Лютеранской церкви Урала, Сибири и Дальнего Востока. А теперь живёт в Германии. И прочёл, что внук Гоппмайера был якобы «активным членом Евангелической Лютеранской им. Св. Павла общины г. Владивостока. И даже жертвовал на строительство кирхи в центре Владивостока. Поэтому, пишет Гоппе, такой на его могиле крест. Запросив по электронной почте других доказательств у автора, Лев Рыбаков ответа не получил.

Не ответил Гоппе и мне.

Повторю: у автора этой повести нет сомнений, что В.К. Арсеньев был православной веры. А вот насчёт креста на могиле... Кто был автором монумента – узнать не удалось. Можно предположить, что был поставлен некий «символ креста», так как в атеистической стране не решились водрузить крест согласно православным канонам. Но и ставить пятиконечную красную звезду, что было тогда принято, тоже, как говорится, слава Богу, не стали...

Надеюсь, что приморские краеведы этот вопрос выяснят.

Не раз так бывало у Арсеньева в экспедициях: не знал, куда дальше идти, начинал плутать... Даже опытные проводники, не один Дерсу, помочь не могли, только глаза в сторону отводили. Стыдиться такого не стоило. Шёл в неизвестность. И сохранял терпение, упрямо шагал всё вперед и вперед, отступал, и то не прямо назад, а куда-нибудь в сторону.

Только тогда, когда непреодолимая преграда вставала на пути.

Всё яснее видел Владимир Клавдиевич, что его острова вместе с ластоногими и другим зверьём, отнимающие столько времени, плывут где-то в океанской дымке, а основное дело – этнография почти стоит на месте. Лежит незаконченная рукопись о третьем большом, юбилейном путешествии. В письмах даже хвалился: скоро закончу. Но всё руки не доходят. А уж о новом путешествии, протяжённом во времени, с большими научными целями, разве не мечтается!

Но даже опасается заикнуться новым властям о таком предложении.

А вращать в новую жизнь надо.

Пригласили его в клуб «Маяк» выступать перед публикой, которую большевики взялись просвещать и перевоспитывать. Хорошее

дело, как отказать? В народном университете начинается цикл лекций на тему: «Теория и практика экскурсанта». В городе, оказывается, столько желающих отправиться в походы по родному краю! Надо их многому научить, от многого предостеречь. Задумался: путешествие – это ведь тоже большое искусство.

Если не превращается оно в пикник на лужайке или в бездумное лазанье по горам.

Всё чаще узнавал, что леса вокруг населённых пунктов рдеют, а то и просто вырубаются, а пожаров от непотушенных костров, брошенных в траву недокуренных папирос сколько? Иные считают – мелочь. Но оборачивается порой миллионными убытками. Как же совместить это с утверждениями в газетах и речах о принадлежащем поголовно всем природном богатстве? Будто бы его и охранять незачем. Не получается ли как в пословице: «что имеем, не храним...». А слёзы будут лить потомки?

Да, именно с этого он и начнёт завтра свой цикл лекций. Рука уже тянется к листам бумаги – надо набросать план. Но незаметно для себя – домашние уже все спят – стал писать, писать, что же ему самому дали путешествия, чему научили.

Решил: всё это оформлю в брошюру и назову её «Теория и практика путешественника».

Пора делиться опытом.

Но тут же вспомнил: надо ещё подготовить доклад «Морские звериные промыслы, принципы ведения пушного хозяйства на Командорских островах и сушевая охота на Дальнем Востоке», с которым должен выступить на ближайшем совещании Отдела народного хозяйства Приморской губернии. Тема такая ответственная и необъятная...

Много времени занимало в жизни Владимира Клавдиевича увлечение фотографией. В альбомах хранил дорогие снимки Дерсу и других товарищей по походам. А сколько стеклянных пластинок было даже не проявлено, сколько отпечатков надо ещё сделать. Только из поездки на Командоры и Камчатку, где побывал на обратном пути и даже успел совершить восхождение на Авачинский вулкан, спуститься в его кратер – вот неуёмный! – он привез 265 фотографий (большинство из них после его смерти пропадёт).

Рассматриваешь сохранившиеся снимки, сделанные Арсеньевым и его товарищами, и словно отправляешься в дальнюю дорогу на машине времени в прошлое.

Какие неповторимые лики того неповторимого времени. Вот мужественное и умное лицо Прокопия Трифионовича Новограбленова. Так быстро они сошлись, так понимали друг друга с полуслова. Приглянулся и Б.К. Рубцов. Он оказался в Петропавловске как командир отряда, посланного ликвидировать ту самую бочкарёвскую

банду. Убеждённый коммунист. Страстно тянулся к этнографической науке. В будущем станет видным историком-востоковедом.

Сохранился фотоснимок, на нём Рубцов с Арсеньевым, а внизу надпись: *«Эта фотография (столько же неожиданная, сколько и приятная) вам, уважаемому Владимиру Клавдиевичу, – в память неожиданных и лучших встреч последних лет, в память хороших бесед и нескончаемых разговоров, в память лучших воспоминаний, в пожелание светлых, полных успеха радостных дней и также будущих приятных встреч – от его компаньона по этой фотографии, такого же «бродяги», но молодого... п/х «Томск». Мыс Лопатка. 10.VIII. 1923 г. Борис Рубцов».*

Вглядываемся в фигуры людей на другом снимке, читаем: «Партия В.К. Арсеньева на пути к Авачинскому вулкану. 4.VIII.1923. Фотографировал Новограбленов». Далее перечисляются участники «партии»: 1) Л.Е. Колмаков (капитан парохода «Томск»). 2) В.К. Арсеньев. 3) М.И. Савченко. 4) К.А. Дублицкий. 5) Ю.Н. Кирилова (дочь врача и этнографа Н.В. Кирилова, с которым Владимир Клавдиевич дружил ещё до 1917 года).

Продолжал Арсеньев в эти годы и публиковаться. Кроме статьи о Командорах, только в 1925 году в различных научных изданиях вышли брошюры «Гижигинский промысловый район», «Дорогой хищник», «Охота на соболя в Уссурийском крае», «За соболями: скупщики пушнины на Дальнем Востоке», «Искатели женьшеня в Уссурийском крае», «Кратер вулкана», «Дельфиний промысел», «На острове Ионы», в 1927-м «Тихоокеанский морж». Кроме этого, он написал заметки, в которых суммировал все свои путешествия на Камчатку. Они остались в машинописной рукописи (автор, возможно, хотел их доработать), от которой сохранилась в архиве лишь одна 17-я страница. Не опубликованными, в виде разрозненных листков с приложенными к ним выписками из книг, имеются рукописи ещё двух статей: «Оленеводство в Охотско-Камчатском крае», «Убой морского зверя» и материалы к статье «Нерпа».

И это ещё не всё!

Арсеньев набросал тезисы работы по охране морских бобров и организации заповедника на мысе Лопатка (Южная Камчатка) и предложения об использовании и охране природных богатств Северных районов, переданные им во Всесоюзный Совет Народного Хозяйства (ВСНХ). Удивительно, как он находил время преподавать русский язык на механическом и радиотелеграфном отделениях техникума водного транспорта.

Трудно предположить, что он выслуживался: заметное повышение по служебной лестнице не было возможным в его тогдашнем положении. Другое дело, хотел, чтобы его заметили «в верхах», доверили какую-то работу, стоящую ближе к тем наукам, в которых

он был, пожалуй, одним из крупных специалистов в крае: этнографии, истории и географии. Стремление обеспечить достойную жизнь себе и семье – объяснимо. Но можно представить, насколько мизерны были тогда гонорары в тех сборниках и журналах, где появлялись его статьи, если вообще за них платили.

Тщеславие? Судя по всему, оно было присуще нашему герою. Как, впрочем, многим незаурядным людям.

Но всё же не было доминантой в его поведении. Конечно, приятно было узнать, что в октябре 1923 года с формулировкой «За руководство собиранием коллекций по быту народностей Дальнего Востока» В.К. Арсеньев награждается дипломом I-й степени Главного выставочного комитета Всероссийской сельскохозяйственной и промышленно-кустарной выставки в Москве». Тогда же ему намекнули, что возможна командировка в Сибирь и в Москву.

Кто от такой поездки откажется?

Поездка состоялась в 1924 году и продлилась, с заездом в Читу и дорогой, два с лишним месяца. В.К. Арсеньев, говорилось в документе, который он привёз с собой в столицу, командировался «для обсуждения вопросов, связанных с эксплуатацией Камчатки». Была и вторая бумага: «командируется в Читу и в Москву в качестве представителя Дальневосточного управления рыболовства и морской охоты для участия в работах Главного концессионного комитета по экономическим и инородческим вопросам Дальнего Востока». 10 июня выступает на совместном заседании Бюро съездов по изучению производительных сил СССР и Военного бюро Госплана (надо же, какая была хозяйственная «надстройка») с докладом «О современном положении Дальнего Востока в связи с разработкой плана исследовательских работ».

Всё более заметной фигурой становится он в дальневосточной науке.

Наш герой тогда находился в состоянии некоего гипноза, поверив в открывшиеся в годы нэпа возможности хозяйственного обновления России. Но не мог не видеть своим зорким глазом пусть и человека из далёкой провинции, что многое, затеваемое тогда в ВСНХ, Госплане, Наркоматах, научных учреждениях, вряд ли будет осуществимо в ближайшее время...

Побывав в столице, Владимир Клавдиевич решил съездить и в родной город, которому совсем недавно дали имя вождя мирового пролетариата, но для него оставшимся его родным Петербургом. Он был рад встречам с Л. Я. Штернбергом. Завёл речь о возможности перехода на работу в музей этнографии. Лев Яковлевич поддержал эту идею и даже обещал содействие.

Но что-то снова остановило Арсеньева...

Пожалуй, уже тогда появились у Владимира Клавдиевича первые

признаки какой-то не совсем ясной ему самому «болезни возраста». Своё состояние он откровенно определит в письме к однофамильцу В.С. Арсеньеву:

«Большие города и столица меня не прельщают: чем меньше людей, тем лучше, а где их нет – там рай. Если это усталость, навеянная революцией, или же стремление быть ближе к природе есть результат возраста? Быть может, то и другое?».

Эту грустную мысль, варьируя, наш герой станет не раз повторять.

Вернувшись во Владивосток, Владимир Клавдиевич всё же решает что-то переменить в своей жизни. Сказал жене, что собирается уехать в Хабаровск. Тут кроется снова некая если не тайна, то не совсем прояснённые стечения ряда обстоятельств.

Вознамерился вернуться к Анне Константиновне?

Или уйти с работы в рыбном ведомстве?

Но, на наш взгляд, главным толчком было вот что. Накануне 1923 года в ДВГУ появился новый ректор, профессор из Читы В.И. Огородников. Он предложил Обществу изучения Амурского края присоединиться к университету. Мнения членов общества разделились. Ветераны, и среди них Арсеньев, почувствовали, что профессор хочет подмять ОИАК под себя.

Дальше больше: взаимные упрёки, подозрения...

Позднее геолог П.И. Полевой напишет в Ленинград президенту Русского Географического общества: «Когда мелкие придирики во что бы то ни стало дискредитировать старый президиум с почтенным Николаем Матвеевичем Соловьёвым во главе не помогли, то прибегли к клевете. Не называя фамилии, но всякому было ясно, что речь идёт об известном путешественнике по Уссурийскому краю Арсеньеве...». Далее следует рассказ об истории коллекций, якобы отданных Арсеньевым интервентам, о чём ещё расскажем.

Утверждал также Полевой, что в Москве Владимир Клавдиевич вёл, как он пишет, «переговоры с Компартией и был обнадёжен, что общество не дадут поглотить университету и что для этого в список вносятся три члена от партии». Оказывается, общество, которое так дорожило своей независимостью от политики, вознамерились в духе времени подчинить партийному руководству.

Ветеранам такое было не понять.

Это им ещё припомнят... Судьбы П.И. Полевого и В.И. Огородникова сложатся печально.

Снова нашему герою подсказало чутьё: чтобы дистанцироваться от всей этой свары хотя бы на какое-то время, надо уехать. Пусть не в Питер, а лишь в другой центр Дальнего Востока.

С городом на Амуре его связывало столько воспоминаний!..

Маргарита Николаевна и Владимир Клавдиевич.

Одна из последних фотографий.

Владимир Клавдиевич взял билет до Хабаровска не на курьерский, а на обычный поезд. Он, правда, идёт туда больше суток и останавливается, как говорят шутники, возле каждого столба. Но куда торопиться? Хотя бы в купе под стук колёс перевести дух. А все столбы по пути для него родные. С этой колеи начинались его путешествия, к ней выходил из тайги сколько раз!

В день отъезда ходил по квартире какой-то рассеянный. Решил – приступ меланхолии. Маргарита видела, что происходит с мужем, но как-то

расшевелить его, отвлечь и не пыталась.

Молча собирала вещи.

– Много не клади, я же, обещаю тебе, каждую неделю постараюсь приезжать.

– Хорошо, милый, – и продолжала складывать чемодан. Глядя, как она бережно разравнивает его брюки, джемпера, тёплое бельё, он на мгновение прижал голову Риты к груди:

– Помнишь, как ты влетела в меня и чуть головой не проткнула насквозь?

Жена запрокинула лицо, произнесла тихо:

– Это тебе, Володечка, приснилось!

И, отстранившись, другим тоном:

– Значит, каждую неделю приезжать обещаешь? Не надоест?

– Надоест, тогда приеду и больше не уеду.

Арсеньев стал складывать в сак папки с рукописями, книжки. Всё, что он хотел взять, не влезало, и часть бумаг пришлось засушить в чемодан, который и так был уже битком набит.

– Жаль, что не положено рыбинспектору и по совместительству профессору иметь денщика, – произнёс бодро, стараясь подавить неясную тоску, давившую на сердце. – Так что придётся вещи тащить на вокзал самому.

– Я тебя обязательно провожу.

– Может быть, не стоит, а то ещё разревёшься на людях?

– Как будто бы я тебя первый раз провожаю, непоседливый ты мой! – погладила мужа по голове. – Не переживай так. Всё, родной, со временем образуется... А за моё прошлое прости, прости!

– Рита! Что было, бельём поросло.

Но она тут же его перебила и скороговоркой, даже отступив на шаг:

– Учти, в Хабаровск не перееду. Даже не зови. Если, мой милый, узнаю, что ты к Анне вернулся, попрекать не стану. Только тотчас же в Никольск к матери и отцу вместе с Наташей уеду. И тогда вообще не возвращайся..

Последние слова произнесла жёстко. Но муж сдержался, ответил как можно спокойнее:

– Ну зачем же так! Ты хорошо знаешь, что в одну реку дважды войти нельзя. Я, как и ты, переживаю это невольное расставание. Ещё вчера сама уверяла, что мне надо как-то из этих рыболовных сетей выпутываться. А жить буду у моего друга Бабикова...

Хмурое утро наконец-то нехотя стало уступать место короткому осеннему дню. Арсеньев взглянул на часы, произнёс раздумчиво: *«Пора, мой друг, пора!»*

Посмотрел на жену. Продолжил:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.

Давно завидная мечтается мне доля –

Давно, усталый раб, замыслил я побег

В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

– Дорогой мой Володя! Пушкин там ещё написал: *...а мы с тобой вдвоём предполагаем жить, и глядь – как раз...* – замолчала, боясь произнести последнее слово.

Владимир ничего не ответил, пошёл в прихожую надевать пальто. Маргарита заговорила ему вслед:

– Какая обитель? Какие неги? Ты снова, как мул, с которым ходил в свои горы, потащишь всё, что на тебя там навалит! И пойдёшь, пойдёшь всё по той же тропе, всё по той же!

...В вагоне было душно. Поезд, гроыхая, то и дело останавливался. Кто-то хлопал дверями. Арсеньев дал проводнику денег и попросил никого в купе не подсаживать до конца пути. Проехали Спасск-Дальний, Шмаковку, прогремел состав по мосту через Усури, впереди Бикин, Вяземская... Сколько же с каждым этим названием у него связано! Родные места. Незаметно подкралась крошечная ночь. Скинул сапоги, набросил одеяло.

Под стук колёс стал засыпать.

Тут дверь купе хлопнула, и в проёме показался чей-то силуэт. Только попытался сказать недовольно: «Пройдите, гражданин, дальше!», но взглянул повнимательнее на стоящего у двери человека и...

Дерсу?! Оцепенел на мгновение и вдруг увидел, что ног его друга не видно за мохнатыми ветвями елей, кустов. Поднял глаза, а там не потолок купе, а уходящие в чёрную пустоту стволы, а между ними, вот чудо! – стеллажи, все плотно забитые книгами, книгами...

Деревья и все эти полки угрожающе нависли над ним и мерно подрагивают под стук колёс.

Арсеньев привстал, протянул руку, позвал осипшим голосом:

– Дерсу! Ты?!

Он стоял совсем близко. Но рука всё тыкалась в пустоту... Гольд держал во рту трубочку.

–Здравствуй, капитан! Вижу, худо тебе. Давно тайга не ходи. Всё железный конь, пароход. Ездишь туда-сюда, туда-сюда. Город жить не хочешь. Пойдём со мной. Тайга надо ходи, смотри надо, пиши надо...

Под стук колёс Дерсу, как болванчик, всё повторял и повторял:

– Тайга ходи... смотри... пиши...

А деревья и стены с книжными полками, и пол... или это уже земля? – все дрожало.

Неожиданно поезд, словно в припадке, передёрнуло, жутко закрипели тормоза, громко залязгали буфера. Фигура гольда покачнулась назад и тотчас исчезла за стволами елей, да и деревья куда-то стали проваливаться.

В спящем мозгу молнией: Дерсу попал под колёса! Его сбило, сбило!

Арсеньев еле расклеил веки. За окном было серое утро. Поезд стоял.

Встал. Поднял оконную створку. Пахнуло пряно созревшей листвой. Жадно втянул ноздрями прощальный запах уходящей осени. Увидел человека, шедшего по насыпи с фонарём в руке.

– Какая станция? – спросил, свесив голову.

– Корфовская, – фальцетом профессора Огородникова крикнул человек и нырнул под вагон.

– Мы никого, тут случаем, не задавили? – прокричал ему вдогонку Арсеньев, а в мозгу молоточком стучало: «Сколько же с этой Корфовской связано!»...

– Да кого тут может задавить, господин хороший! Извиняюсь, товарищ, – раздался у двери голос проводника вагона. – Пожалуйста, вот вам чаёк и сахар, – поставил на столик стакан в подстаканнике. – Это наш машинист, парень молодой, всё своего коня остановить точно у станции никак не может. Ударил паровозом состав

взад, вот всех и потревожил. Ну, ничего, скоро Хабаровск. Чай-то вы пейте, пейте...

Спокойный голос проводника и горячий крепкий чай чуть расслабили Арсеньева. Поезд, ознобисто дёрнувшись, наконец тронулся. В крайнем домике зажглись в окнах два жёлтых огня, словно злые глаза потревоженной тигрицы.

Корфовская, Корфовская, – повторял шёпотом Арсеньев, – ах, мой бедный, бедный Дерсу, значит, говоришь, тайга ходи надо, смотри надо, пиши надо? Прав ты, тысячу раз прав! Где никого нет, там рай!

Закинул руки за голову, прикрыл глаза...

Маргарита оказалась права.

Никакого покоя и тем более воли владивостокский беглец в Хабаровске не обрёл. Со службы в управлении Дальрыбы, куда Арсеньев ещё во Владивостоке подавал заявление об уходе, ему удалось уволиться лишь в начале будущего года. Заявление, которое он подал, получилось пространное. Но как иначе, думал Владимир Клавдиевич, убедить начальство, чтоб отпустили? Когда перечёл сочинённую бумагу, она самому ему не понравилась. Чуть не всю биографию пересказать пришлось. Лишь для того, чтобы скрыть за казёнными аргументами истинную причину. Впрочем, в чём она, сам Арсеньев тогда толком не знал.

Не напишешь же кратко: «Хочу в тайгу. Хочу увидеть, как мои лесные люди живут. Хочу писать о них книги».

Вот это заявление, помеченное 25 января 1925 года:

«С момента прибытия на Дальний Восток до 1914 года я исключительно занимался исследовательской работой в крае. С 1909 по 1918 гг. включительно я заведовал Хабаровским краевым музеем и устраивал его.

Моей основной специальностью является музееведение и исследовательская работа в области этнографии и археологии Дальнего Востока, к которым я чувствую особую склонность и призвание. Все мои печатные труды касаются именно этих дисциплин.

В 1918 году по возвращении из путешествия на Камчатку мне предложено было занять должность заведующего охотой на морского зверя, каковую я и исполняю по сие время. В 1923 г. Дальюно предложило мне вернуться к прежней работе – заведыванию Хабаровским краевым музеем. Уполнаркомпрод т. Андрианов на ходатайство моё об освобождении меня от службы в Дальрыбе изъявил своё принципиальное согласие, но только что начавшаяся советизация учреждения и Командорских островов задержали моё откомандирование в г. Хабаровск.

В сентябре прошлого, 1924 года в г. Владивостоке Дальоно снова предложило мне перейти к нему на службу и принять должность директора Хабаровского краевого музея. Тогда же я обратился к Вам с просьбой освободить меня от службы в Дальрыбе, на что Вы изъявили своё согласие, но переезд управления Дальрыбы в г. Хабаровск отодвинул моё отчисление от управления до 1925 года.

Ныне я вновь обращаюсь к Вам с просьбой уволить меня от службы в Дальрыбе. Теперь это сделать тем более удобно, что заместителем моим может быть специалист по морской охоте т. Мерный, человек, вполне подготовленный к должности заведующего охотой на морского зверя и инструктированный мною в течение двух месяцев.

К сему добавляю, что, если бы в Дальрыбе по какому-либо специальному вопросу являлось затруднение, я всегда готов по вызову (телефон № 864) явиться в управление в качестве консультанта.

Уволили Арсеньева лишь через полтора месяца приказом от 16 марта.

Но ещё с 1 октября 1924 года, как только он был назначен директором музея, ему стали платить 50 процентов от его прежнего оклада (как совмстителю).

Нельзя снова не изумиться, насколько многим успевал заниматься и в Хабаровске Владимир Клавдиевич. Он сам позже признавался: «Я нахватался обязанностей, как собака блох». Вот только вопрос: стоило ли ему, действительно как мулу, такой груз на себе тащить?

Итак, ещё полностью не оторвавшись от управления Дальрыбы, Арсеньев занял кресло директора краеведческого музея, о чём, как вы помните, он писал Нансену. По музейным делам обращается в различные инстанции: нужен неотлагательный ремонт, восстановление упряднённых отделов и организация новых, таких, например, как отдел истории края и отдел революции. Штат музея должен быть расширен. Путём надстройки пола над читальней, предлагает он, сумеем расширить библиотеку, и тогда «библиотечные работы будут расти вширь и вглубь».

В ноябре 1924 года, то есть сразу же по приезде в Хабаровск, он, заручившись поддержкой заведующего отделом народного образования области М.П. Малышева, а в Дальревкоме первых лиц – председателя Я.Б. Гамарника и его зама М.И. Целищева, добивается решения об организации Дальневосточного отдела Государственного Русского географического общества.

Таким образом, в баталии с Огородниковым и его подпевалами одержал победу: «Пока они там копошатся, я просто по-ленински пойду своим путём».

На организационном собрании общества Арсеньева избирают заместителем председателя отдела. Он выступает с докладом и уже строит амбициозные планы: возродить все географические общества Дальнего Востока. С 22 по 24 мая 1925 года проводит совещание представителей этих обществ, приехавших из Читы, Владивостока и Никольск-Уссурийска.

Вот что он, в частности, заявляет в своём докладе: «Было бы ошибочно думать, что деятельность учёного общества может ограничиться чертой города, служащего его резиденцией... Общество должно по всей территории подведомственного ему района иметь целую сеть своих сотрудников, [даже] не вносящих членского взноса. Эти сотрудники, любители-краеведы могут доставлять весьма ценные материалы...»

Арсеньев составляет программу отдела под названием «Территория, Природа и Население» и в своих задачах, весьма всеохватных, говорит о вовлечении в работу общества заинтересованных государственных учреждений, в том числе Кабинета Народного хозяйства и исследовательского отдела университета, в распоряжении которого имеются различные специалисты и лаборатории.

Тогда же его «нагрузили» такими, откровенно говоря, малопонятными должностями: член Совета, учёный секретарь президиума Совета, заведующий отделом территории, природы и населения, член библиотечной комиссии Дальневосточного Кабинета Народного Хозяйства при Далькрайплане.

Правда, пробыл он на этих постах всего чуть больше года.

В октябре стал ещё и членом Центральной комиссии по улучшению быта учёных при Далькрайплане. В феврале 25-го его приглашают участвовать в III Дальневосточной областной конференции, где он умудряется заседать сразу в секции по изучению промышленности и народного хозяйства и в комиссии по подготовке переписи населения, назначенной на 1926 год. Один учебный год Владимир Клавдиевич преподаёт краеведение в Хабаровском педагогическом техникуме. В июне 1925-го участвует в составлении этнографической карты Сибири в Комиссии Академии наук по изучению племенного состава народов СССР и сопредельных стран.

Забегим немного вперёд и перечислим его дела и общественные обязанности в последние три года жизни: Председатель оргбюро по созыву I конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока; заключив с Дальневосточным краевым статистическим управлением договор, исполнял работы по подготовке маршрутов экспедиций для переписи аборигенов края (в которых, увы, ему самому участвовать не удалось); с 1 мая 1926 года – производитель работ Дальневосточной экспедиции Наркомзема по обследованию заселяемых земель; Действительный член Московской

секции Государственной академии истории материальной культуры; три учебных года преподавал естествоведение во Владивостокском техникуме водных путей сообщения; вёл лекционную и экскурсионную работу в кружке юных краеведов во Владивостоке; один год участвовал в работе Комитета содействия народностям северных окраин при Далькрайисполкоме; член научно-педагогического общества; преподает в ДВГУ этнографию, занимает должность сверхштатного доцента педфакультета; представитель Главнауки на Дальнем Востоке в вопросах охраны природы; научный сотрудник в этнографической секции Тихоокеанского комитета АН СССР; принимает участие в обработке результатов Всесоюзной и Приполярной переписи населения; научный консультант киноэкспедиции «Совкино», снимавшей фильмы из жизни и быта дальневосточных народностей; член Приморской экспедиции районного переселенческого управления; действительный член Дальневосточного краевого научно-исследовательского института при ДВГУ; делегат с правом решающего голоса Владивостокского окружного съезда Советов; член Владивостокской секции Тихоокеанского комитета АН СССР; член общественного выставочного комитета и общества друзей Московского государственного музея им. А.П. Чехова; заведующий отделом этнографии Приморского районного переселенческого управления; член Всероссийского общества охраны природы; член центрального бюро краеведения...

Надо же, только одно перечисление тех самых «блох» сколько места заняло!

И на всех должностях в том или ином «органе» Арсеньев что-то же делал.

Но, скажем честно, за некоторыми исключениями кпд был, увы, очень низким.

Всё начиналось и заканчивалось заседательской суетой, говорильней. Это не могло не угнетать, не изматывать. А ещё были поездки, две, нет, три в экспедиции... И два раза ездил в европейскую часть страны.

...Перед нами характерный для тех лет, когда бюрократы ещё только набирались опыта, протокол заседания коллегии Дальневосточного отдела народного образования. Среди прочих вопросов слушают доклад директора музея В.К. Арсеньева «О культурно-просветительской работе среди туземцев». Говорил он, конечно, о многом, потому что знал, хотя и не был давно в тайге, об их заботах больше, чем любой из присутствующих.

К нему лесные люди часто обращались. Например, писал Арсеньев прораб Дальлеса Доброхотов: «В настоящее время экономическое, а вернее материальное положение орочей района (речь

о живших аборигенах в районе реки Тумнин и местности Ушка. — Б. С.) в высшей степени плачевное. Зверь выбит, леса выгорели. Низовья рек заселены русскими переселенцами, занимающимися рыбной ловлей, так что рыба к ним наверх почти не приходит и им не удаётся наловить себе на юколу... Перспективы их жизни печальные... Думают переселяться на Камчатку, но, видимо, только «думают»... Я лично не этнограф, но занялся изучением орочей с другой стороны, а именно с экономической... Если можете, помогите им чем можете».

Чем же мог тогда Арсеньев им и другим людям помочь?

По его докладу на коллегии крайоно приняли постановление. В нём «организацию учебных заведений, медико-санитарных учреждений, как баз для культпросветработы среди туземцев принципиально одобрили». Но о средствах, нужных для этого дела, в бумаге ни слова! А вот комиссию для проработки вопроса и плана работы решили организовать. Возглавить поручили... Ну кому же? В.К. Арсеньеву! Заканчивается документ так: «Работу комиссии провести через Дальревком для последующего внесения в соответствующие центральные учреждения».

Проголосовали и перешли к следующему пункту повестки дня, в обсуждении которого Арсеньев тоже был обязан принять участие: «О разграничении функций по музею, книжной Палате и библиотеке и разработать план работ...».

Бюрократическая машина работала как часы.

От неё не было возможности устраниваться.

Впрочем, Арсеньеву это в какой-то степени даже... нравилось, как ни печально это утверждать. Действительно, не под дулом же пистолета он всем вышеперечисленным изо дня в день занимался?

А.И. Тарасова так объясняет свойственную арсеньевской натуре непомерную занятость: «Неуёмная энергия, глубокая заинтересованность делом и людьми, стремление во что бы то ни стало вложить во всякую работу максимум сил и знаний, сознание своей гражданской ответственности, широкий круг интересов и неподдельный энтузиазм».

Особенно важно последнее ключевое слово, ставшее паролем, словом того времени: «энтузиазм».

В мощном биополе сверхнапряжения находилась страна. Как бы ни разоблачали сейчас те далёкие годы, нельзя не признать: большевики сумели-таки дать приказ времени: «Вперёд!» Прав доктор философских наук Вадим Семёнов, который в одной из своих статей написал так: «Хочу подчеркнуть очень сильную мысль о большой общественной идее в 20-х годах».

Не будем сейчас говорить о том, насколько эта идея была верна или ложна и в чём крылись истинные причины тогдашнего энтузи-

азма. Но то, что в первую очередь молодёжь, да и большую часть тогдашней интеллигенции, в том числе и Арсеньева, увлѣк пафос строительства нового общества, факт исторический.

Его никому не опровергнуть.

Только приходилось нашему герою в костѣр своей души, где уже так много всего перегорело, всё время подбрасывать новые и новые поленья, разгребать угли и дуть на них, чтоб не покрылись пеплом.

Но для этого *душе*, чтоб не было ей *душно*, необходимы *отдушины*. В них, только в них могло проникнуть и живое дыхание родных сердец, и свежее *дуновенье*.

Пусть даже издалека.

Оно скоро долетит до тихоокеанского берега с Адриатики. Взбодрит душу Арсеньева, успокоит характерным окающим говорком Максима Горького.

Но пока что живущий на итальянском курорте Сорренто один из тогдашних столпов не только русской, но и мировой литературы не знал, что в Европе уже несколько лет продаются в немецком переводе книги известного лишь узкому кругу лиц в мире науки проф. В.К. Арсеньева из города Владивостока.

А в этом городе только собирались переиздать его первые повести, соединив в одну книгу.

Неизвестно, кто тут проявил инициативу – фактический секретарь Владимира Клавдиевича деятельная Маргарита Николаевна, сам автор или какой-то редактор Дальневосточного издательства. А может быть, кто-то из идеологов краевого руководства подал мысль?

Время для появления такой книги пришло.

Спрос на литературу о Дальнем Востоке рос просто на глазах. Недавно освобождённый от интервентов и белогвардейщины край входил «в моду». Столичные газеты и журналы стали посылать сюда своих специальных корреспондентов, киностудии снаряжать экспедиции. А сколько ехало командированных из всевозможных государственных ведомств и организаций; посылались на руководящую работу свежие кадры из центра и других городов...

Ехал во множестве и простой народ – кто бежал от голода в надежде, что там в тайге, реках и морях пропитание добудет, да и слухи долетали о длинном рубле, что платят на приисках и рыбалках; отправлялись на лесозаготовки, строительство дорог, новых поселков крепкие парни, только недавно размахивающие шашками и ловившие банды, – их называли «комсомольским набором»; увеличивались за счет призыва по всей России Особая Краснознаменная дальневосточная армия и Красный флот.

И все хотели что-то прочесть о новом месте своего пребывания.

Тут и вспомнили о повестях Арсеньева. Сколько в них познавательного фактажа, экзотики! И как же классово близок народу-строителю нового общества главный герой – настоящий хозяин тайги Дерсу Узала. Сам автор писал (в письме В.Г. Богоразу от 14 сентября 1929 года): «*В моей книге Вы, вероятно, заметили, что я описал первобытный коммунизм.*»

Это не могли не заметить и хозяева края.

Кто решил обе повести выпустить одним томом под названием «В дебрях Уссурийского края», сейчас трудно установить, да и не суть важно. Этот проект, диалогия под одной обложкой, несмотря на известные изъяны, не совсем удачную правку и сокращения, оказался успешным.

Как говорят издатели и продавцы: книга пошла.

Вышли «Дебри» (так книгу скоро стали называть близкие автору люди) тиражом 5000 экземпляров в 1926 году во Владивостоке, второе издание – в 1928-м и 29-м во Владивостоке и в Хабаровске. Стали продавать «Дебри» и в Сибири.

Оттуда, словно свежий ветер с Байкала долетел, получил автор один из тёплых откликов.

«Разрешите сделать заметку о судьбе Ваших «Дебрей» в Иркутске, – писал профессор Г. Виноградов, – я купил их для своего кабинета (кафедра русской этнографии) и стал знакомиться (значит, учёный сначала воспринял эту книгу, как научную. – *Б. С.*). Уже конец академического года, я устал, часто лежу. В эти моменты мой сын, мальчуган 14 лет, читает мне Ваши «Дебри», бабушка, неграмотная старушка 70 лет, слушает с поразительным вниманием. Три поколения заинтересовались каждое по-своему, но одинаково глубоко от неграмотной старушки до профессора!

Прекрасная книга!».

Скоро Маргарита завела папку писем читателей «Дебрей» и потом стала складывать в неё и вырезки из газет, журналов с рецензиями. Первыми в папку положила отклики немецкой прессы, письма лингвиста и искусствоведа П. Гнедича и академика В.Л. Комарова. Им посылал автор свои книги, вышедшие во Владивостоке ещё в 21-м и 23-м годах.

Гнедич, принимавший ещё в 1904 году участие в комиссии по правописанию при Академии наук, так написал:

«Моё впечатление от тех книг, что Вы прислали, то же, что оставляют на Вас Ваши путешествия: освежающее. Они далеки от пошлости и от той повседневной суеты, которой окружены мы, несчастные. Ваша любовь к пустыне светится в каждой странице, брызжет из описания каждой случайности пути. Вы не сердитесь и не негодуете, даже когда природа с Вами жестока. Этот «объективизм» в Вас очень ценен.

Второе, что прельщает меня: Вы пишете по-русски. Вам, может быть, покажется странным, что я пишу это. Но мы совершенно отвыкли от русского языка. Кто теперь пишет по-русски? О газетах я уже не говорю... Вот причина моего восхищения Вашими работами».

Очень точно охарактеризовал повести Комаров:

«Картины тайги, бурные потоки, вьюги и над всем этим симпатичный, вдумчивый облик Дерсу; одним словом, и наука, и эстетика, и этика – всё есть в этих прекрасных страницах, которыми я прямо зачитался».

Тёплые слова нашёл читатель из Оренбурга Л. Кравков:

«Простота, искренность, художественность изложения, тонкость переживаний и наблюдений, чуткость и бережность в отношении к людям, умение находить в них ценное, любить и дорожить этим – все это, вместе взятое, даёт вашему труду многостороннюю и большую общечеловеческую ценность».

Скупой на похвалы старый учитель Владимира Клавдиевича Л.Я. Штернберг написал о том, что Арсеньеву польстило как этнографу:

«То небольшое, что вы сообщаете со слов Дерсу, – подлинные перлы примитивной психологии».

Особенно дороги были Арсеньеву весточки из самих дебрей. Пишет житель одной таёжной деревни Олимпий Черепанов:

«Прошу Вас, Владимир Клавдиевич, узнать нам, где находится тёплый ключ Поуланте, о котором Вы писали в уважаемой нами книге «В дебрях Уссурийского края»... Мы уже два раза принимались отыскивать, но не нашли ничего, наверно ищем не в том месте. Притом посылаю Вам своё глубочайшее почтение, также равно и всему Вашему дорогому семейству желаю телесного здравия. Владимир Клавдиевич, за Вашу книжицу все, кто только прочитает, приносят великую благодарность Вам. И мы часто поминаем Вас и ценим Ваш труд, который Вы переносили, терпели в душных и тёмных лесах и непроходимых местах».

От этих строк веет такой добротой, искренностью и поэтическим складом души простого читателя.

Письмо иного строя, но такое же приветное:

«Мы, рабочие Селемджинской экспедиции, совместно с нашим товарищем начальником приносим Вам наше большое спасибо за доставленную радость, которую мы все получили, слушая в длинные осенние вечера и в дождливые дни Ваши путешествия, изложенные в книге «В дебрях Уссурийского края», которую нам читал тов. Уманцев. Греясь у печки в палатке, мы забывали наше утомление и вместе с Вами путешествовали в далёком Сихотэ-Алине, наши лишения, наши трудности, наш голод мы сравнивали с Ва-

шими, усиленно обсуждая отдельные моменты путешествия, мы находили много общего, и это радовало нас и помогало без всякого ропота их переносить. Ваше трогательное отношение к Дерсу и туземцам вообще и нас заставило внимательней относиться к тем тунгусам, которых мы встречали на своём пути».

Удостоиться такой похвалы – больше чем получить орден на грудь.

Приходили отзывы и из-за границы. Письмо из Берлина, датированное 15 июня 1925 года, от некоего Макса Хертеля:

«Благодарю за огромное удовольствие, которое я получил, прочитав Вашу книгу «В дебрях Восточной Сибири». Она напомнила мне о моей прежней четырехлетней работе в молодые годы в Уссурийском крае. Нас тут, в Берлине, несколько немцев, приехавших с Дальнего Востока. Мы собираемся иногда и вспоминаем то неповторимое время. Вы сумели передать в книге не только чудесную природу края, но и тех неповторимых людей, которые живут вдали от цивилизации, но остаются Людями» (Это и следующее письмо из личного архива В.Н. Красевой.)

Письмо от жителя немецкого города Падернборн, директора телеграфной службы П. Наделя, помеченное тем же годом. В нём снова слова благодарности за то, что Арсеньев так ярко рассказал о дикой природе, которую он никогда не видел. Пишет, что он очень опечален тем, как сложилась судьба Дерсу Узала:

«Вы правы: цивилизация делает человека жестоким. Бедный Дерсу!».

Посылал свои книги Арсеньев и в Харбин, куда уехали некоторые его товарищи ещё по географическому обществу. Оттуда сразу же откликнулся писатель Н. А. Байков, мнением которого Владимир Клавдиевич очень дорожил:

«Сегодня получил от Вас три книжки Ваших трудов, за что приношу глубокую благодарность и признательность... Судя по беглому взгляду, они так же интересно и живо написаны, как и все Ваши труды по описанию природы и быта обитателей нашего Дальнего Востока».

Решили владивостокские издатели и в столицу послать для продажи книгу.

На неё первым отозвался в газете «Известия» учёный Ф.Ф. Аристов.

Рецензия была опубликована 30 сентября 1926 года. Она небольшая. Это по сути дела отклик на книгу, которая, как с подкупающей непосредственностью пишет автор, «присланная из Владивостока в Москву в количестве нескольких десятков экземпляров, несмотря на «мёртвый летний сезон», была раскуплена в течение одной недели и сейчас её уже нельзя достать в московских магазинах».

Фёдора Фёдоровича книга восхитила. Заключил он свой отзыв такими словами: *«Можно сказать, не опасаясь преувеличения, что книга В. К. Арсеньева является одним из самых выдающихся произведений русской литературы последнего десятилетия».*

Мнение не просто рецензента, пусть даже в чине профессора МГУ, а центрального органа ЦИКа СССР и ВЦИКа дорогого стоило.

Может быть, оценка скромной работы неизвестного писателя из Владивостока была и завышена. Но что она значила для Арсеньева, покажут разворачивающиеся далее такие события.

Книгу прочёл и один из самых известных редакторов и критиков тех лет А.К. Воронский – фигура на литературном олимпе советской страны заметная. Горький к его мнению прислушивался. И вот Александр Константинович в письме, посланном в Сорренто Алексею Максимовичу от 30 марта 1927 года, советует прочитать книгу В.К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края»:

«...Замечательная книга. Прочтена на досуге, а если её у Вас нет, вышлю».

Купил книгу и Михаил Михайлович Пришвин. Прочёл с громадным интересом. Увидел своим цепким профессиональным глазом: неопытен, но до чего же самобытен! В двух письмах (от 2 и 9 апреля того же года) Горькому Пришвин называет повесть Арсеньева «замечательной» и «превосходной».

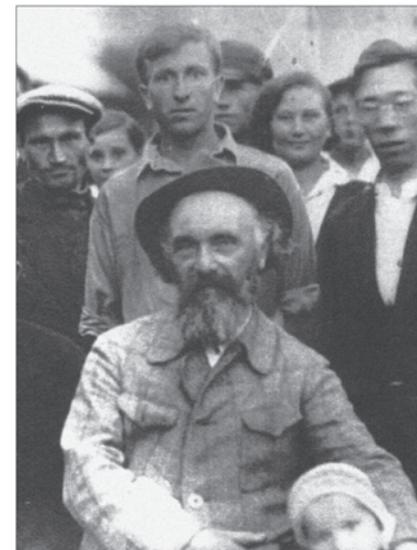
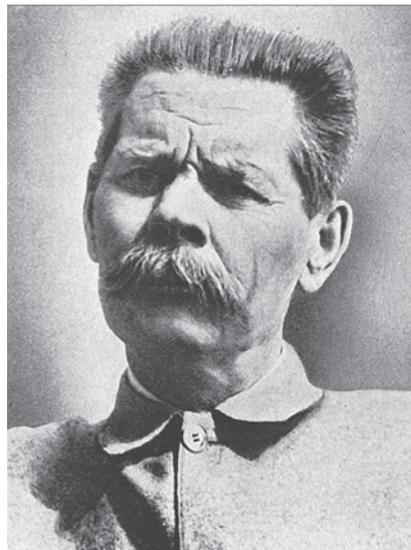
Горький сразу же просит издательство «Книжное дело» и Пришвина прислать ему повесть. Получает. Быстро прочитывает и уже 17 апреля критику И. Груздеву пишет:

«Послушайте: во Владивостоке издательством «Книжное дело» выпущена прекрасная книжка В.К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края». Автор – счастливое соединение Брема с Ф. Купером. Замечательная книга. Её необходимо переиздать Ленотгизу, это будет редкий подарок грамотным людям».

Прочли Арсеньева и те, кто жил в Сорренто с Горьким и, как потом он напишет Владимиру Клавдиевичу, «так же влюбились в книгу, как и я».

В мае в гости к Алексею Максимовичу приехал президент Советской академии художеств П.С. Коган. Горький заговорил о книге Арсеньева. Вернувшись в Москву, Коган написал статью «Встречи и впечатления у Горького» в газету «Вечерняя Москва». Её опубликовали в номере за 1 июня 1927 года.

Волков-Ланнит в репортаже, который мы уже цитировали, пишет об этом факте с некоторой иронией: «П.С. Коган, рассказывая в газете о М. Горьком, восхищаясь этой книгой, как и полагается почтенному президенту, перевирал и название, и автора («...книгу какого-то Арсеньева «В Уссурийских степях» Горький называет...» и т.д.)».

Максим Горький и Михаил Пришвин, высоко оценившие литературное дарование В.К. Арсеньева

Однако в «Вечерней Москве» было напечатано несколько иначе: «Заговорив о современной русской литературе, он начал с книги некоего Арсеньева, называется она, кажется, «По Уссурийским степям». Он говорил долго и с увлечением об этом «сочетании Брема и Купера», говорил, что необходимо её переиздать, что она изображает природу и жизнь изумительную и малоизвестную». Коган ошибся только в названии книги, а выражение Горького, видимо, привёл точно.

Волков-Ланнит набрасывается на «почтенного президента» потому, что были они с ним в разных «лагерях». Один, вслед за Горьким, придерживался реалистического направления в искусстве, а молодой журналист был в стане «ультра-революционеров».

Приехал Ланнит во Владивосток по командировке журнала «Новый ЛЕФ». А в нём теоретик ЛЕФа Сергей Третьяков неожиданно поспешил зачислить Арсеньева, не спрашивая у самого автора согласия, в стан писателей левого фронта искусств. Статья Третьякова о «Дебрях», опубликованная в «Новом ЛЕФе» в 1928 году (№ 7), довольно любопытна. Он называет книгу о Дерсу Узала одной из самых замечательных в области фактической прозы.

Но напрочь отказывает Арсеньеву в литературном таланте.

Левый критик зачисляет «Дебри» в разряд тех произведений, которые находятся «в областях, смежных с литературой, – в публицистике и всякого рода исследовании и обследовании». Арсе-

ньев, по Третьякову, лишь «фактолов», то есть тот, у кого «большая репортёрская и исследовательская тренировка». Он из тех писателей, которые «пыжятся способами эстетической дедукции вывести свои формулы живых людей».

Как в народе говорят: нагородил семь вёрст до небес и всё лесом!

Но читаем Третьякова дальше:

«Большой учёный Арсеньев проходит полуисследованным краем, оценивая всё окружающее его и совершающееся с ним научно-отточенным глазом географа, метеоролога, энтомолога, зоолога, этнографа, рефлексолога и характеролога и очень редко глазом беллетриста, созерцателя красот». Дальневосточный литератор при всём своём умении «накапливать ряды фактов, которых до него другие не замечали, на эти факты не делает эстетического нажима». Критик призывает литераторов учиться у Арсеньева «умению видеть специфическую особенность того, что находится перед ним».

Написано размашисто, в стиле тогдашних дерзких перьев.

Но любопытно, не правда ли?

Не думал не гадал наш герой, когда свои дневники переделывал в повести, что их ждут такие оценки.

Тут к месту вспомнить рассказ Михаила Пришвина о его разговоре с путешественником при встрече, состоявшейся немного позже. Арсеньев ему искренне признался, что его книга рождалась (далее цитируем Пришвина) «при свете костра, да и так случалось не раз, что половина фразы напишется, а другая прикладывается спустя несколько минут невольного сна... Он был совсем неумел в литературном деле, его затрудняло, например, событие одного года переносить в другой, и даже на мгновение он становился в тупик, когда приходилось перенести что-нибудь в дневнике со среды в пятницу. При этом рассказе Арсеньева мне приходило в голову, что вот иногда настоящая поэзия и даётся именно тем, кто не сознаёт себя поэтом и хочет правду сказать, всё выходит сюрпризом...».

Этого всего критик Третьяков не увидел.

Трудно было писателя-самоучку засунуть в узкие рамки цехового разграничения, существовавшего в ту пору в советской литературе, только осваивающей новую эстетику. Если бы произведение Арсеньева привлекало лишь необычностью места действия и характера главного героя, что, конечно, тоже немаловажно, а основу его составляли полудокументальные заметки очеркиста, оно бы не оказалось в центре столь пристального внимания.

Всегда так бывает. Критики намудрят, а свой брат-писатель оценит, куда понятнее, если он, конечно, доброжелателен и не ревнует.

Талант Арсеньева был в его «поэтической доминанте».

В той правде, которую хотел сказать.

Вот такой «сюрприз».

Но вернёмся к «главному герою» этого «литпредставления». Максим Горький из своего «далека» пристально вглядывался в ростки новой литературы в стране Советов. Чутьём большого художника слова он понимал, что должны появиться на новой почве совсем новые необычные писатели, и радовался каждому, даже неокрепшему голосу, долетавшему к нему с родины. Зорким глазом он увидел, что на востоке литературного неба молодой республики Советов восходит новая звёздочка.

На неё читателю обратить внимание стоит.

Как же нужен начинающему таланту вот такой дальнорюкий «астроном»!

Пришвин был искренне обрадован, что Горький так тепло отозвался о книге «некоего Арсеньева». В письме в Сорренто от 27 июня 1927 года он пишет так о прочитанной в «Вечёрке» статье П. Когана: «Признаюсь, я с отвращением читал панегирик Когана Вам... Одно хорошо было у Когана узнать, что посланная мной Вам книга Арсеньева нашла в Вас ценителя. Я очень рад. Книга, благодаря Вам, станет на полки всех наших библиотек и воспитает юношество лучше, чем Майн Рид. И человек, этот Арсеньев, говорят, очень хороший».

Как и предрекал мастер русской прозы ещё с дореволюционным «стажем», так и получилось.

А встреча Пришвина с Арсеньевым подтвердит слова об «очень хорошем человеке».

Узнает об этой беседе Горького с Коганом из «Вечёрки» Владимир Клавдиевич лишь в конце того же года, так как с июня по октябрь был в большой и долгожданной экспедиции, потом в поездке по Японии как экскурсант. Правда, в письме Горькому он напишет, может быть, чтобы придать себе больше «веса», что «был командирован в Японию в составе научной делегации от Дальневосточного края».

Письмо в Италию Максиму Горькому Арсеньев отправил 4 января 1928 года. В нём он благодарил мэтра за тёплый отзыв, спрашивал: «Имеете ли Вы мою книгу или нет?». Сообщает, что «книга, которую Вы читали, представляет из себя переработанное и сокращённое издание первых двух, которые изданы были очень плохо, но богаче содержанием». Называет годы их издания – 1921 и 1923 (в тексте письма оговорка: «не изданы», а «я написал»). Добавляет: «В настоящее время я пишу ещё одну книгу «В горах Сихотэ-Алиня»...». Не удержался, похвалился: «Книжное дело» на Дальнем Востоке уже вперёд закупило мою рукопись».

Написал и... сглазил. Книга эта, мы уже знаем, выйдет так не скоро...

В первом письме Алексею Максимовичу Владимир Клавдиевич ещё обещал послать ему работу «Быт и характер народностей Дальневосточного края». Её он написал в соавторстве со своим товарищем по географическому обществу Е.И. Титовым.

Подписал Арсеньев своё письмо так: «С искренним уважением Ваш поклонник».

Горький ответил сразу. Его письмо, подписанное «А. Пешков», сыграло большую роль в творческой биографии нашего героя.

Это было то самое свежее, так необходимое ему дуновение, да ещё какой силы!

Письмо патриарха русской литературы, уже тогда фактически ставшего во главе писателей страны Советов, тут же стало известно во Владивостоке: его 25 февраля напечатала краевая партийная газета «Красное знамя». Потом опубликовала в Москве «Комсомольская правда», начавшая выходить всего три года назад, но уже завоевавшая огромную популярность.

В руках Арсеньева оказался золотой ключик в страну под названием «литература».

А значит, к многомиллионным читателям.

Теперь не надо было, стучась в издательства, произносить волшебные слова: «сим-сим, откройся!». Они сами забросали Арсеньева просьбами посылать им рукописи. В Москве даже какие-то умники предложили сделать обратный перевод повестей с немецкого и срочно издать. Порой к нему обращались с самыми неожиданными просьбами. Так, для «Сибирской советской энциклопедии» попросили прислать статьи, объясняющие, что такое «полог или спальная палатка», «спальный мешок», «саке», «татуировка», «опиум», «жень-шеневый промысел» и наконец «японская циновка»...

Просто чуть ли не на все буквы алфавита.

Приехали московские киношники и стали упрашивать написать сценарии для их документальных фильмов о крае. Сценарии Арсеньев не написал, но консультантом быть согласился. В киноархивах хранятся снятые с его помощью документальные ленты «Лесные люди» («Удэ»), «По дебрям Уссурийского края», «Тумгу» и «Оленьи всадники». Кстати сказать, эти фильмы с большим интересом смотрели зрители. По всей стране показывали их и за рубежом. Фрагменты из них и сейчас можно увидеть по телевизору, когда речь заходит об истории документального кино.

Или в телепередачах об Арсеньеве, что появляются в последнее время на ЦТ всё чаще.

Это радует.

Одно из крупнейших издательств страны «Молодая гвардия»

Их сблизили общая работа и творчество.

Слева направо: В.К. Арсеньев, Т.М. Борисов и С.И. Яковлев, иллюстрировавший первое издание «В дебрях Уссурийского края».

21 июня 1929 года заключило с Арсеньевым договор, обещав в течение четырёх лет издать его пятитомное собрание сочинений общим объёмом до 65 печатных листов. Но скоро «переиграли» это решение в сторону, как это бывает крайне редко, увеличения: решили выпустить десятитомник!

Четыре тома автор приготовить успел, но ...

Не вина Арсеньева, да возможно, и не издательства, куда после ряда «чисток» пришли другие редакторы, что договор оказался невыполненным. Тут невольно вспоминаешь слова героя Ильинского из кинокомедии «Волга-Волга»: «Как хорошо начиналось! Москва!..». Арсеньев даже согласился часть гонорара, который ему обещали в издательстве, внести на постройку самолета «Молодая гвардия».

Не реализовались, как мы уже знаем из рассказа о поездке Маргариты Николаевны в Москву, и другие амбициозные планы издания научных и литературных работ В.К. Арсеньева. В год смерти писателя в Москве в «Худлите» (Москва – Ленинград) выйдет лишь его повесть «Сквозь тайгу. Путевой дневник экспедиции по маршруту от Советской Гавани к городу Хабаровску».

Вспомнят столичные издательства Арсеньева лишь где-то перед Великой Отечественной войной, станут издавать в послевоенное время. Пожалуй, можно утверждать, что многие дети, которые пошли в школу во время или после войны, читали «Дерсу Узала», сокращённую и отредактированную Иваном Халтуриным. В разных городах мы задавали вопрос людям, правда, не молодым, знают ли они такого писателя Арсеньева? Смотрели сначала недоумённо, но когда подсказывали: «Он написал книжку о Дерсу Узала», почти каждый кивал головой: «Как же, в юности читали!»

И к нынешнему читателю пришёл Дерсу Узала. Книги Арсеньева, пусть и скромными тиражами, стали переиздаваться, есть они и в интернете.

Что тут можно сказать?

Читайте Арсеньева!

Но вернёмся к первому письму М. Горького начинающему литератору. Его редко комментировали. Как можно!

Непререкаемый авторитет!

Однако сказать об оценке классика «Дебрей...» хочется ещё вот что.

Размышляя над горьковской «формулой» «Брем + Купер = Арсеньев», невольно задумываешься: а не упрощал ли Алексей Максимович творчество самобытного автора? Звучит по-горьковски броско, но... Если бы, например, Чехов, познакомившись с Пешковым, снисходительно сказал своему младшему товарищу по перу после прочтения «Макара Чудры»: «В вас, Алёша, объединился талант Дарвина с Мопассаном» – как бы тот отреагировал? Только деликатному Антону Павловичу, думаю, такое вряд ли в голову бы пришло!

Недаром же говорят, что любые сравнения хромают.

И ещё – о классике приключенческой литературы Фениморе Купере (1789–1851). Энциклопедист Максим Горький, конечно же, читал статью А.С. Пушкина «Джон Теннер», опубликованную в «Отечественных записках» в 1836 году. В ней вот что пишет Александр Сергеевич:

«Шатобриан и Купер оба представили нам индейцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения». И дальше, цитирует Вашингтона Ирвинга: «Дикари, выставленные в романах, так же похожи на настоящих дикарей, как идиллистические пастухи на пастухов обыкновенных» и от себя добавляет: «Это самое подозревали и читатели...».

В чём-чём, а упрекнуть в подобной «лакировке» поразительный образ дикаря Дерсу Узала никак нельзя. Он куда реалистичнее и глубже героев Купера.

Правда, Алексей Максимович сделал оговорку: «Гольд для меня... более живая фигура, чем «Следопыт», более «художественная».

Вот с этим нельзя не согласиться.

Познакомим вас, читатель, с одним любопытным публицистическим отрывком из романа «Тигроловы» украинского прозаика Ивана Багряного (псевдоним И. Лозовьяги). Роман был опубликован в 1995 году во владивостокском альманахе «Рубеж» и вряд ли многим известен.

В довольно своеобразной стилистической манере И. Багряный пишет, насколько притягательны стали в тридцатые годы имена Арсеньева и его героя Дерсу. Без преувеличения они были знаковыми в истории Дальнего Востока, который тогда ещё окутывали экзотика, приключения и тайны.

...Едут переселенцы с запада СССР на край земли в железнодорожном экспрессе, где всё пронизано ожиданием встречи с ним. Вот уже проплывает за окнами этот мир: *«вещественный, напряжённый и намагнетизированный... А надо всем – Арсеньев! Ах-х, Арсеньев!..*

О, Арсеньев!.. Он бог всего этого экспресса, всего этого мира. Повелитель дум и сердец. Он властвует здесь, как никогда не властвовал там – в той совершенно сказочной, открытой им стране, которая сделала его имя девизом и знаменем всех путешественников и современных конкистадоров. О, Колумб замурской земли, открыватель удивительного, герой и победитель непобедимого, невец самой экзотической и самой фантастической страны в мире – дальневосточного Клондайка. В интернациональное Эльдorado даже евреи поспешили добровольно-принудительно, предав Палестину, создавать свой Биробиджан. Его дух обитает рядом с жильцами роскошных купе. Дерсу Узала и тигры. Женьшень, Усури и тигры. Удэгейцы и тигры. Фанзы и снова тигры, тигры, тигры... Тигры прежде всего, тигры превыше всего! Изюм всех достойных удивления признаков той удивительной страны, которые владеют сердцами этих больших и малых Пржевальских, Колумбов и Нансенов, – тигры самая удивительная достопримечательность. Тиграми наполнен весь этот экспресс. Они блуждают по нему с тучами дыма и фокстротами, вызывают энтузиазм и дрожь в коленях, сладкий холодок. Они парят в воображении каждого как символ, как страшный и привлекательный образ той неведомой земли, куда многие мчатся, словно на свободу...

Всемогущий «амба», властелин дум и предмет молитвенного экстаза и ужаса не только у наивного Дерсу Узала, а и у всего этого экстерриториального мира [...]

О, Арсеньев! Думал ли ты, что станешь таким вот могучим двигателем для огромной массы людей, поднимая и увлекая их на

дела необыкновенные, в призрачный, сказочный край? Думал ли ты, что после смерти станешь властителем дум и сердца?.. [...]»

А экспресс летел и летел... Летел в мечту,.. летел куда-то в сказку царства Арсеньева, Дерсу Узала и амбы».

Спустимся, однако, с поэтических высот на грешную землю.

В Хабаровске Арсеньев прожил два года (с октября 1924-го по ноябрь 1926-го).

Правда, он уезжал на два месяца в Ленинград и в Москву, чтобы принять участие в праздновании 200-летия Академии наук, и почти четыре месяца пробыл в экспедиции по притокам Амура. Жилось Владимиру Клавдиевичу в Хабаровске неуютно и одиноко, несмотря на то, что, кажется, кроме часов, отведённых на сон, всё время вращался среди людей.

По характеру будучи человеком публичным, он всё более и более чувствовал себя не в своей тарелке.

Очень не повезло ему с жильём.

Арсеньев, мы знаем, и до революции в Хабаровске часто переезжал с квартиры на квартиру. Но так, как он жил сейчас, разве сравнишь с тогдашними его «трудностями» – слово это без кавычек-то и писать неловко! Об удобном письменном столе с лампой, креслом и письменным прибором можно было только мечтать. Своему товарищу М.К. Азадовскому 21 ноября 1926 года, когда уже вернулся во Владивосток, он так написал:

«Уведомляю Вас, что из Хабаровска я уехал, потому что негде жить. 14 месяцев я прожил, лишённый стола, своей библиотеки, карт, дневников, рукописей и т.д. Когда я узнал, что меня намереваются изъять из музея для административной работы, я убоился этой премудрости и вышел в отставку (но массы всяческих других дел, как мы уже знаем, он не избежал. – Б. С.). Музей на рельсах – дело я поставил на рельсы и дал ему ход: достал средства, выписал работников, проинструктировал. Мне ещё рано садиться в музей. Пока ещё есть силы, хочу поработать в поле».

Упомянул о неустройстве своего быта и тут же снова о своих делах, планах.

Как же хотел уйти в «поле» – путешествовать!

О, этот советский быт двадцатых годов!

Если бы вы, читатель, сейчас заглянули в любую газету того времени, тотчас бы натолкнулись на это слово из трех букв, так ненавистное яростным борцам с ним.

Только и мелькало: «Бить быт!»

А наш герой, человек, придерживавшийся старорежимных взглядов на устройство личной жизни, думал, что будь у него эта жизнь

налажена, многое пошло бы по-другому. Но о каком быте можно говорить, когда живёшь за занавеской в чужой квартире, о какой личной и творческой жизни, если для того, чтобы побыть с женой и дочкой хотя бы день-другой, постоянно надо мотаться сутками в поезде Хабаровск – Владивосток и обратно. Сын его тоже жил и учился во Владивостоке. Туда к нему переехала и Анна.

Так что Маргарита напрасно тревожилась, что он к ней вернётся.

Разбитую вдребезги чашку с блюдцем – не соединить...

Сохранилось письмо Арсеньева в Дальоно от 7 апреля, где он тоже говорит о том, что живёт за занавеской в проходной комнате и это не даёт возможности ему плодотворно работать, а далее пишет: «семья моя, состоящая из четырёх человек, занесённых в страховую книжку, вынуждена жить в г. Владивостоке, т.к. я не могу выписать её сюда, в Хабаровск, за неимением квартиры. Это обстоятельство принуждает меня жить на два дома, вызывает двойные расходы».

А вот что он писал (ещё в 1925 г.), отчаявшись, хабаровским властям, ставя им свои условия и чуть ли не угрожая: «Если к 1 сентября я не буду иметь приличную квартиру в три-четыре комнаты площадью в 12 квадратных сажен, я должен буду уехать из Хабаровска, и уехать с горьким чувством. Моральную ответственность за то, что музей останется в развале, я снимаю с себя. Несомненно, меня будут спрашивать о причине отъезда из Хабаровска, и я по совести расскажу всё как было. Несомненно, этим вопросом заинтересуются и Академия наук в Ленинграде и Главнаука в Москве. Я сделал всё, что от меня зависело. Десять месяцев я затрачивал энергию на никчемную переписку с общим отделом исполкома. Мне жаль потерянного времени. Из этой переписки видно, как общий отдел сознательно вводил меня в заблуждение и тем мешал работать. Ныне у меня осталось энергии настолько, чтобы дойти до железнодорожной кассы и купить билет на поезд».

На что тратил энергию Владимир Клавдиевич! Перед кем бисер метал?

Думаете, испугались и пошли навстречу?

Если бы так!

Но и он не набрался решительности хлопнуть дверью и уехать во Владивосток.

А дали бы удобную квартиру в Хабаровске, может быть, жизнь нашего героя сложилась иначе...

Тут можно вспомнить и о том, что Владимиру Клавдиевичу шёл уже шестой десяток и всё чаще его посещали раздумья об осени жизни, о том, что против силы сложившихся обстоятельств, увя, бороться почти невозможно.

Читаем его письмо от ноября 1925 года в Петербург С.Ф. Ольденбургу, которому часто доверял свои мысли: *«Я вот уже с 1918 года ничего не пишу. И я боюсь, что если ещё два года я не буду писать, то совсем брошу обработку своих материалов... Работать мне осталось каких-нибудь 10 лет (Арсеньев умрет через 5 лет. – Б. С.), а потом под какой угодно пресс положи – ничего не выжмешь».*

В 20-е годы австрийский писатель Стефан Цвейг написал эссе «Лев Толстой», где рассуждал о так называемой «критической поре», в которую как раз вступил в описываемое нами время Владимир Клавдиевич. Этот, писал Цвейг, совершенно неисследованный переходный период у мужчин носит, по сравнению с женщинами, более духовный характер, хотя в основе его, утверждал далее писатель, лежит «половой кризис», сопровождающийся отливом жизненной потенции: «климактерический период у мужчин является почти всегда эпохой серьёзных изменений – религиозных, поэтических и интеллектуальных сублимированных».

Приведём ещё одно место из этой статьи. Если бы Арсенев прочёл эту цитату, то лучше нас с вами понял, что с ним тогда происходило, ведь в тайге он подобное не раз наблюдал:

«Как тело животных задолго до наступления холодов покрывается тёплой зимней шерстью, так и человеческая душа в переходном возрасте, едва перешагнула она зенит, обволакивается новым предохранительным одеянием – густым защитным покровом, не дающим застыть в бессолнечной эпохе упадка».

Предчувствовал великий следопыт, что общество постепенно погружается в бессолнечные холода, что скоро они будут куда жёстче, чем те, которые ему приходилось преодолевать в экспедициях.

Но только душу свою «предохранительным одеянием» не сумел надёжно «прикрыть».

Маргарита хорошо понимала мужа. Она была в курсе всех его дел. И чем могла, помогала.

Но многое ли могла?

Отец и мать её уехали в Никольск-Уссурийск. Куда, как мы знаем, наведывался Арсенев. Вера Николаевна вспоминала, что дядя Володя, приезжая к родне, рассказывал детям какие-то лесные истории, импровизируя на ходу, и тут же рисовал в тетрадке простенькие картинки цветными карандашами.

Приведём одно грустное письмо Николая Матвеевича Соловьёва Арсеневу в Хабаровск. Под ним мог бы подписаться и тот, кому письмо адресовалось:

«...К новому положению я не привык. В таком положении я не бывал; оно как-то пахнет зависимостью, хотя и от милых людей, но зависимостью; причём они ни в чём не виноваты, они очень преду-

предительны и внимательны, и дело не в них, а в моём положении, в котором и я не виноват, конечно».

Витали, витали тогда в воздухе предчувствия, что чего-то хорошего ожидать от жизни вряд ли можно.

Наконец-то Арсеневу предстояло выйти «в поле». Весной 26-го года Дальневосточное районное переселенческое управление Наркомзема решило послать экспедицию в те районы на берегах Амура и его притоков, где планировалось расселять новых переселенцев и скотоводов, завербованных в центральных областях страны. Продолжалась, как тогда ещё по привычке говорили, колонизация. Хотя это слово в новый советский лексикон как-то не вписывалось.

Арсеневу предложили... нет, не возглавить экспедицию, а быть в ней на должности производителя работ. Вместе с почвоведом, ботаником и лесоводом он должен был определять, удобны ли будут для переселенцев обследуемые места, опрашивать местное население в экономико-статистическом и этнографическом отношении. Всё это он делал с охотой и знанием дела. По старой привычке стал вести путевой дневник, рисовал схемы местности, по окончании составил общий отчёт, приложив к нему подробную двухвёрстную карту Анюйской долины.

Арсенев загорелся идеей в этой местности организовать заповедник. Но она, к сожалению, не была осуществлена. В письме от 1 марта 1929 года председателю Дальневосточного отделения Общества краеведения он с горечью напишет об этом так: «В своё время я много хлопотал об Анюйском заповеднике, но Хабаровск в лице Л.В. Крылова (какой-то тогдашний чиновник. – Б. С.) отклонил мои предложения. Лично я на свой счёт обиды не принимаю, но мне жаль за уголок, где сохранилась первобытная девственная флора, сохранилось животное население и сохранились туземцы, которые могли бы быть использованы в качестве сторожей».

Дальше Арсенев писал, видимо, будучи в настроении весьма пессимистическом: «когда места эти стараниями «Дальлеса» и корейцев (тут Арсенев мог бы добавить «и китайцев». – Б. С.) будут превращены в пустыню, потомство прочтёт мой доклад в делах Крайзема и пожалеет, что он не получил утверждения и был похоронен в архивах Хабаровска». Сбылись ли мрачные прогнозы нашего первооткрывателя?

На этот вопрос, наверное, лучше ответят те, кто сегодня живут в местах, где он проходил не раз...

Анюйская экспедиция оставила в памяти и в душе Арсенева нехороший осадок. В официальном отчете пунктуальный производитель работ напишет о таком эпизоде. Дойдя до села Хонко, молодые специалисты А. Амосов, Б. Филатов и О. Неймарк решили без про-

водников (а их было несколько, и среди них старый друг Арсеньева Сунцай Геонка) идти прямо к Хабаровску.

«Зная, – писал Арсеньев, – что этот маршрут (30–40 суток тайгой), где нельзя встретить ни единой души человеческой, весьма серьёзен, крайне тяжёл, до известной степени не безопасен и может быть выполнен только людьми, имеющими большой опыт скитания по тайге, каковым никто из научных сотрудников не обладал, будучи глубоко убеждён, что этот маршрут кончился бы катастрофически, я решительно воспротивился намерению моих товарищей».

Но они опытного ходока не послушались.

Произошла ссора... Однако, пишет Владимир Клавдиевич, «я всё же не мог поступить иначе, так как и юридически, и морально отвечал за них как перед начальством, так и перед их родителями... Я вижу, что поступил правильно».

Не вспомнил ли Арсеньев тогда, что ему когда-то вручали шпагу?

Строптивые молодые люди бросили старшего товарища и отправились по Анюю в сторону Амура.

Об этом тяжёлом эпизоде напишет Арсеньев в дневнике:

«Научные сотрудники... собрались так быстро, что много своих вещей побросали на биваке. После них я подбирал ичиги, инструменты, части научного снаряжения и т.д. Когда лодка их скрылась за поворотом, я почувствовал невероятное облегчение. Слово тяжёлая ноша, словно тяжёлое бремя свалилось с моих плеч. Я облегчённо и полной грудью вздохнул. Я почувствовал себя свободным человеком, словно тяжёлые путы, какая-то скверная паутина сползли с меня. Наконец-то я принадлежу самому себе, могу двигаться и говорить свободно. В большом деле мелкие шероховатости всегда бывают. Их легко ликвидировать, когда спутники помогают исправлять шероховатости, но когда спутники караулят их, ловят каждое слово и делают превратное толкование, искажают смысл сказанного – работать невероятно тяжело. Теперь я могу говорить свободно, не опасаясь подобных искажений».

Пришлось сплавляться с грузом самостоятельно.

Арсеньев простыл и оказался в больнице села Толгон. Провалился четыре дня. Рядом с ним на койке лежал неизвестно как в этих краях оказавшийся студент МГУ Александр Петровский. Об их беседах кто-то доложил в Органы. Так сошлось, что чекисты вызвали Арсеньева «на беседу» вскоре после публикации рецензии на его книгу «В дебрях Уссурийского края» в «Известиях».

В ОГПУ о разговорах со студентом попросили подробно написать. Эта объяснительная сохранилась. Её прочтёте в очередной главе. Тут же приведём лишь «вступление» и заключительный абзац.

Со слов самого Арсеньева узнаём, из чего же складывался кпд учёного и писателя.

Этими ли делами должен был заниматься наш герой, памятуя о его опыте и таланте?

Или Арсеньев просто «петляет», пытаясь усыпить бдительность чекистов, убедить их в том, что его голова, как он сам пишет, «все эти дни была занята напряжённой работой, от которой я очень устал и потому... совершенно не могу восстановить деталей, тем более, что я не старался их фиксировать в памяти».

И ещё обратите внимание на стиль записки: он, видимо, вспоминая опыт своей разведывательной работы, как бы устроил сам за собой слежку. Читаем.

«Должен сказать, что по прибытии в г. Хабаровск (1 окт.) и по вчерашний день (27 окт.) я чрезвычайно был занят работами по отчётностям экспедиции, которые поглощали всё мое время с утра до поздней ночи. Иногда работы эти принуждали меня бодрствовать до рассвета, так как все они были срочные и весьма нужные. По возвращении из путешествия всё имущество было свезено на переселенческий пункт. В течение 9 суток имущество это я проветривал, мыл, сушил, очищал от грязи, смазывал маслом и дёгтем, укладывал в ящики и составлял описи. Только благодаря энергии и усиленной работе по 18 часов в сутки мне удалось кончить всё это в 26 дней и потому я совершенно не имел времени на прогулы (из дальнейшего ясно, что имеет в виду писавший. – Б. С.). Только четыре раза в самом начале по возвращении я отлучался из дома, навестил следующих моих знакомых:

1) горного инженера В.П. Селиванова. Был у него в течение 45 минут – обедал. За обедом я в общих чертах рассказал о пройденных мною маршрутах и о плавании по Амуру на лодке;

2) старшего специалиста Дальрыбы П.Г. Мерного. Был у него три часа. К нему я пришёл с работой. Он помог мне составить инвентарный список. Спрашивал я его о сослуживцах, с кем что случилось, и узнал о гибели пяти человек в Беринговом море. За чаем я слушал музыку на рояле и рассказывал о новых раскопках в Египте и Ассирии;

3) врача А.Н. Пономарёва – 2,5 часа. Спрашивал его о знакомых врачах, кто жив, кто здоров, с кем что случилось. Рассказывал ему об условиях плавания по Амуру на пароходах осенью;

4) тов. Рубцова (партийный). Был у него 1,5 часа. Он информировал меня по карте о событиях в Китае;

5) был в музее, где осматривал работы этнографического отдела...»

Любопытно, что на оборотной стороне повестки в ОГПУ среди других Арсеньевым была сделана такая запись: «Масса энергии ухо-

дит зря». Может быть, зря он и допрашивающего водил за нос?

Приведём заключительную часть из этой бумаги. Вот какой вывод сделал Владимир Клавдиевич, рассказав «всю правду» о своих беседах на больничной койке:

«...Коль скоро разговору на тему антропогеографическую придаётся окраска исключительно политическая, я вижу, что даже и таких разговоров вести не следует, и потому заявляю в самой категорической форме, что впредь нигде и ни с кем совершенно не буду говорить на темы общеполитические во избежание подобных недоразумений. Я твёрдо решил совершенно уйти от всякого общения с местной интеллигенцией и остаток дней своих посвятить исключительно обработке научных материалов, среди которых есть много ценных для человечества. Мне 54 года. Годы уходят, и силы слабеют. Быть может, и жить-то мне осталось только несколько лет. И потому всю свою энергию я хочу уплотнить именно в этом направлении...».

Совсем немного нашему герою будет отпущено времени на «уплотнение» своей энергии.

Но ему ещё хватит сил пройти во главе экспедиции снова через Сихотэ-Алиньские хребты от бывшей Императорской (теперь Советской) Гавани до Хабаровска, написать о ней новую повесть.

Без большого сожаления уезжал он поздней осенью 26-го года во Владивосток.

Арсеньев был в приподнятом настроении: получено разрешение на организацию настоящей экспедиции!

Сколько же лет подобной не было? Если считать по протяжению пути, по целям исследований, то семнадцать. Своему однофамильцу Арсеньев писал: «Отряд пойдёт по совершенно безлюдной и дикой местности... Придётся пять раз долбить лодки... Путешествие в высшей степени интересное, хотя, признаться, очень опасное».

Только его начало пришлось отложить.

Хотели отправиться в День пролетарской солидарности 1 мая, но что-то не заладилось с выделением средств. Как тут не вспомнить о сборах в экспедиции в начале века. Приведём ещё одну цитату из рукописи «Теория и практика путешественника»:

«Теперь политическая обстановка резко изменилась, снаряжаться в экспедиции стало труднее. Что удаётся достать натурой начальнику экспедиции, сказать трудно: всё зависит от связей, знакомства, протекции и дипломатических способностей организатора».

Откровенно сказано.

Вывод напрашивался сам собою: при царе был порядок, а теперь...

Об этом так писал Арсеньев в дневнике:

«Мы живём в такое время, когда трудно и даже невозможно сказать, с какой стороны и какие неожиданности принудят делать не то, что хочешь, и властью предпишут изменить календарное расписание до неузнаваемости».

С горечью узнал он, что головотяпы Совинфлота отправили грузы вместо Совгавани на ...северный Сахалин. Пришлось их оттуда вызволять обратно во Владивосток и снова направлять по верному адресу. Уже в тайге окажется, что не все продукты оказались качественными. Вот как позже об этом напишет Арсеньев:

«На беду Дальторг снабдил меня гнилыми и червивыми сухарями, которые и служили основной нашей пищей. Мои спутники поболели немного и оправались, но так как у меня здоровье уже было подорвано предшествующими голодовками, то на мне это сказалось особенно тяжело».

Однако пока что путешественник отбивался от желающих пойти с ним в поход.

Газеты раззвонили на всю страну, что «дедушка советского туризма» отправляется снова в дебри Уссурийской тайги. Один из тех, кого Арсеньев отобрал, был студент К. Высоцкий, который позднее вспоминал: «Владимир Клавдиевич показал мне большую пачку писем, лежавшую в особом ящике. В этих письмах, присланных со всех концов Советского Союза, люди самых различных профессий просили принять их в экспедицию: очень многие увлекались книгами Арсеньева и мечтали работать и путешествовать под его руководством».

Наконец-то удостоверение Дальневосточного краевого исполкома Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов о назначении начальником экспедиции по маршруту Советская Гавань – Хабаровск получено. Остановились в конце концов на таком варианте маршрута. Один отряд, руководимый Арсеньевым, пройдёт по самому трудному пути, где, как писали газеты, «ещё не ступала нога человека». В него входили заместитель начальника зоолог А.И. Кардаков, студент Н.Е. Кабанов и девять проводников-аборигенов.

Второму отряду, возглавлявшемуся геоботаником профессором В.М. Савичем, предстояло обследовать правый край Амурской долины. В него вошли студенты П.С. Гончаров, Г.И. Карев и К.К. Высоцкий.

Незадолго перед отправлением парохода в Совгавань Арсеньев с разочарованием узнал, что срок экспедиции сократили до четырех месяцев.

Но всё же он был рад пробыть и это время среди родной приамурской природы.

Самые разноречивые чувства владели Владимиром Клавдиеви-

чем, когда 1 июня на пароходе, названном странным именем «Синпинган», отправился в путешествие с одной молодёжкой: где они, мои родные, закалённые стрелки, с которыми столько хаживал? И вряд ли встречу нового Дерсу...

Глядел с борта на знакомые до боли в глазах берега...

Редактор хабаровской краевой газеты «Тихоокеанская звезда» Я. Грунт просил присылать репортажи. «Из них сложится новая книга», – сказал он Владимиру Клавдиевичу, крепко пожимая на прощанье руку. Тот только кивнул, все мысли уже были там, в тайге. Это слово он поставит в название новой повести. Она действительно «сложится» быстро.

«Сквозь тайгу» выйдет в Москве в год его смерти.

Об этой повести Игорь Кузьмичёв напишет так: «В отличие от книг, связанных с именем Дерсу и основанных на внутреннем диалоге автора со своим излюбленным героем, «Сквозь тайгу» скорее монологична, повествование от первого лица почти не перебивается здесь бытовыми сценами и пространными разговорами. Перед нами записки натуралиста и этнографа».

Добавим слово, найденное Пришвиным: и поэта.

Поэта природы, какой, пожалуй, больше ни в одном уголке земного шара не встретишь. Не спорим – неповторимо каждое место на земле: прерии и саванны, пустыни и джунгли... Но недаром существует придуманная теми, кто на Дальнем Востоке побывал, такая присказка о сотворении Богом нашей родной планеты. Всевышний засеивал разными семенами земную твердь из многих, многих своих мешков. И вот осталось ему осеменить лишь край азиатского материка, раскинувшийся у Великого океана. Взял Бог все мешки и вытряхнул на эту землю остатки своих семян.

Выросло нечто удивительное!

В повести просвечивает грусть автора по ушедшему безвозвратно прошлому, подобно свету солнца на закате, что посылает прощальные лучи из-за туч на горизонте и верхушек деревьев на землю погружающемуся в сумерки вечера. Этим настроением наполнены страницы, в которых рассказчик встречается со старыми друзьями-туземцами.

Проплывая по реке Улеме, он просит проводника причалить к берегу. На этом месте путешественник был в 1909 году и на затёске большого дерева оставил «астрономические координаты». «Минут через десять ходьбы по лесу на небольшой поляне я увидел своё дерево, – читаем в повести. – ...Надписи на нём хорошо сохранились, но края затёсины обросли корой, а по обе стороны удивительно симметрично выросли два огромных трутовика, словно подставки для канделябров».

Кажется, этот памятник людям, давно оказавшимся тут первыми, ещё долго-долго будет шуметь листвою. Но... «Осмотрев дерево, – читаем дальше, – удэгейцы сказали, что оно дуплистое и недолговечное. Я обошёл его кругом, мысленно попрощался с ним и направился назад к лодке».

Можно легко представить, с какой грустью продолжал свой путь Арсеньев, раздумывая о недолговечности и бренности всего окружающего его мира.

Вот ещё одна встреча, но уже не с кедром, а с человеком, бывшим проводником в том давнем путешествии, орочем Савушкой Бизанка. Ему в книге посвящена глава. Автор подробно излагает рассказ старика о прожитой жизни, гибели под снежной лавиной вместе с сохатыми семерых его друзей-охотников из рода Докодика, о большом наводнении в 1915 году, когда на глазах у Савушки утонули его родные.

Костёр долго горел, а пожилые мужчины всё сидели в свете его мерцающего пламени и тихо разговаривали. «Такие бессонные ночи у огня в глухой тайге, в дружеской беседе с человеком, к которому питаешь искреннюю симпатию и которого не видел много лет, всегда полны неизъяснимой прелести».

Расширяют наши познания жизни коренных жителей тайги описания старинных обычаев. По просьбе Арсеньева был устроен настоящий спектакль! Два проводника и два местных так быстро вошли в «роли» шаманов, изображая единоборство с духом-сезэном. что не только автора, но и нас, читающих это описание, охватывает настоящее волнение.

Как же эмоционально, образно и пластично написано!

Однако, на наш взгляд, две возможности сделать шаг вперёд по сравнению с его дилогией о Дерсу Узала упустил Арсеньев, работая над последней повестью. Не сумел автор сделать фигуру рассказчика захватывающе интересной. Вероятнее всего такой цели он перед собой и не ставил, настроившись на жанр дневниковых, полных конкретики записей.

А жаль.

Вторая возможность, упущенная автором, посерьёзнее. Может быть, даже на подсознательном уровне, а может, и осознанно (разве не видел Арсеньев, что вокруг творится?) он прибегнул к самоцензуре.

К той самой пресловутой «спутнице» многих и многих советских авторов.

Склоняешься над чистым листом, рука готова сейчас же все открывенные мысли, что наружу просятся, записать. А кто-то тебя придерживает, нашёптывает на ухо: пропустят ли это в печать или первый же твой редактор вымарает? И дальше уже самому себе:

правильно ли меня поймут читатели, если я такое вот и такое стану рассказывать? Наконец: если и напечатают, то что скажут оголтелые критики – обвинят же во всех грехах, каких только собак не навешают!

А главное – неровен час, возьмутся за тебя власть предержащие, недрёманное око строго так посмотрит и испепелит?!

Эти предположения невольно приходят в голову, когда читаешь арсеньевский дневник, который он вёл в том последнем походе. В полном виде он был опубликован во Владивостоке не так давно. В нём много записей, не вошедших даже намёком в книгу. Вот некоторые:

«31 июля. Отдохнув немного, мы поплыли вниз по р. Анюю и часа в четыре дня увидели людей на левом берегу реки. Это оказался отряд лесоустроителей. Начались обоюдные расспросы. Среди туземцев, как всегда, оказались люди знакомые. Лесоустроители пригласили ночевать у них. Так мы и сделали. Долго вечером сидели у огня и разговаривали. Первый раз для меня стало ясно одиночество в том смысле, что все мои сверстники-туземцы, с которыми я раньше совершал путешествия, уже сошли со сцены жизни. Все уже они по ту сторону смерти.

Молодёжь испорчена, развращена. Она обо мне слышала, но это не те уже люди. Между мною и ими есть какая-то преграда, взаимное непонимание. В этнографическом отношении они ничего дать мне не могут. Люди эти перестали быть для меня интересными, как я не интересен им. Мы чужие и посторонние друг другу. Я остро почувствовал одиночество. Всё в прошлом!

Среди орочей остался умирающий слепец И.М. Бизанка и ороч Савушка, а среди удэхэ я даже и фамилии назвать не могу. Всю ночь я почти не спал, думал о том, что тайга для меня тоже стала чужою. Пора умирать! Пора идти туда, куда ушли другие, – я отстал на этом пути!

1 августа. Под утро я уснул и видел сон, который явился как бы продолжением ночных мыслей. От мучительного тоскливого сна меня разбудили голоса рабочих. Я вышел из палатки и вновь увидел чужих людей, и русских, и туземцев.

Тщетно я старался уловить хоть одну черту в лице их, хоть жест, хоть что-нибудь в этике, что напомнило бы мне прошлое. Тщетно! Кругом-то, кругом все чужие лица. Наскоро я напил чаю, сел в лодку и велел отчаливать. Я убежал от этих чужих людей. Куда? Опять к таким же чужим людям. Одиночество мне стало приятнее общества. Я понял, что успокоение найду относительно только в одиночестве – всё в прошлом!»

Открываем вторую тетрадь: *«По дороге к маяку расселились крестьяне – домов 15. Чем занимаются они? [...] Ответ: немного*

рыболовства, а главным образом, имеют заработки в «Дальлесе». Некоторые из них эксплуатируют лошадей, отдавая их как бы на прокат по 30 руб. в месяц. Живут они в Гавани на самом берегу в ожидании случайных заработков по выгрузке, разгрузке, перевозке, переноске грузов, исправлению поломок и т.д. ...Никто из них и не хочет уезжать в долину реки Хади – там они этих случайных заработков лишаются, и кроме того, надо в поте лица своего добывать хлеб из земли...

Молодёжь, записавшаяся в комсомол, не хочет заниматься ни земледелием, ни огородничеством и метит устроиться где-нибудь в кооперативе или на государственной службе, словом, всячески старается приобщиться к казённому пирогу.

Землероб Копотов имеет взрослого сына, который устроился в винной лавке и является косвенным участником спаивания туземцев. К. И. Копотов – единственный в семье, состоящей из восьми человек, является добытчиком хлеба от своих личных трудов. Вот уж поистине – один с сошкой, а семь с ложкой. У него пропала охота обрабатывать землю с тех пор, как сын заявил ему, что продолжать его дело не будет. Цель жизни утрачена.

[...] Большое зло в Советской Гавани – винная лавка. Бойко она торгует. Я не видел ни одного человека, который бы не был выпивши или от которого не пахло бы водкой. Пьют все без исключения. Лица, состоящие на государственной службе, как будто ведут образ жизни трезвее. Особенно пьют туземцы – они специально приезжают в Советскую Гавань, чтобы напиться. С 8 час. утра уже выпившие люди ходят по улицам, и так ежедневно, о праздничных же днях уже говорить не приходится.

Рабочие с водкой в руках идут в кусты и справляют маёвку до тех пор, пока не пропьют последнюю копейку. [...] Кое-кто из местных жителей занимается охотой – бьёт белку, ловит соболей. Раньше соболь водился в лесах на берегу Советской Гавани, ныне непрекращающимися пожарами уничтожены громадные лесные площади.

Кроме того, рубка и сплав леса наводнили тайгу рабочими. Зверь удалился за хребты, охотничий промысел быстро сошёл на нет. Жители тоже стали бросать этот весьма прибыльный промысел».

Вот она правда тогдашней жизни.

И реалии жизни нашего героя.

Но было бы безумием вставлять тогда всё это в повесть...

Путешествие помогло Арсеньеву «закольцевать» свои исследования северной части Приморья за 1908, 1911, 1912, 1926 и 1927 годы. Утвердить его в мыслях об освоении девственной дальневосточной тайги для народнохозяйственных нужд. Чем практически он скоро займётся.

Кроме дневника подённых записей, имеются записи метеорологических наблюдений и материалы по этнографии, археологии, ботанике, зоологии, минералогии, топонимике, к которым подклеены карты, абрисы, рисунки, карто-схемы маршрутов и рукописные карты.

За плечами 106 дней пути. Пройдено 1873 км, из них 1010 на лодках и 863 пешком, через пять крупнейших водоразрезов, каменистые россыпи, горные речки, зыбучие болота и труднопроходимую тайгу. Все эти цифры и данные теперь можно было приплюсовать к тем, что были пройдены ранее.

Там, где проложил Арсеньев свои маршруты, через несколько десятков лет побегут поезда по восточному отрезку знаменитой Байкало-Амурской магистрали.

Некоторые итоги своей работы по исследованию Северо-Уссурийского края он подвёл в Докладной записке на имя заведующего районным переселенческим управлением на Дальнем Востоке, написанной 18 ноября 1927 года. Из неё мы узнаём и о планах, и о том настроении, в котором пребывал наш герой: *«Я должен к 1 февраля 1928 года сдать отчёт об экспедиции... Затем... я хотел бы засесть за обработку своих «научных материалов».*

Далее в его планах – завершить и издать труд «Страна Удэхе», книгу «Теория и практика путешественника», работу по археологии с атласом древних городищ, укреплений, валов и т.д. под названием «Памятники старины в Уссурийском крае» и, наконец, написать книгу об экспедиции в горную область Ян-де-Янге, вычертить подробную карту всех своих маршрутов...

Заканчивается докладная такими двумя абзацами: *«Меня постоянно осаждают множество лиц различных специальностей с просьбой дать им справки именно о северной части Уссурийского края, позволить скопировать то, что уже вычерчено, сделать выписки из моих дневников и т. д...*

...Лично я не имею никаких средств к жизни и живу на жалование 250 рублей в месяц, которое мне даёт районное Переселенческое управление, с которым я заключил договор лишь по 1 февраля 1928 года».

Может быть, и преувеличивал свои материальные трудности Владимир Клавдиевич.

Приработки-то у него в виде тех же гонораров были.

Но всё равно, насколько же униженно он чувствовал себя, если из-под пера его выходили такие докладные.

В то же самое время под солнцем Италии на вилле в Сорренто гости хлебосольного русского классика, забывшие, как и он сам, что такое ежедневная забота о хлебе насущном, передавая друг другу томик с фамилией Арсеньева на обложке, окали, подражая

хозяину: «очаровательная повесть, Максимович советовал прочесть обязательно!».

Представлял ли Горький и его присные, как живётся автору этой книги во Владивостоке?

Вряд ли.

Нашенский город, как и один из его обитателей с жалованием 250 р. в месяц, от них был так далеко-далеко!

В дебрях своих забот о хлебе насущном.

Да и здоровье что-то стало сдавать...

Это о нём, Владимире Клавдиевиче, век назад пророк Михаил Лермонтов, носивший, как и он сам не так давно, мундир, сочинил, вдохновлённый стихотворением Гёте, эти восемь строк. А волшебник романа Александр Варламов положил на музыку.

Арсеньев сидит у окна в кресле, створки распахнуты, с залива веет легкий ветерок, на тумбочке стоит граммофон. Слушает пластинку:

Горные вершины

Спят во тьме ночной...

Голос, такой же высокий и красивый, как эти вершины, звучит из раструба. Чёрный диск вращается, игла плавно скользит по нему.

Арсеньев закинул руки за голову, скрестил, откинул на них голову, прикрыл глаза. Весь погрузившись в слова.

Тихие долины

Полны свежей мглой...

Неслышно входит Маргарита, отбрасывает со лба волосы. Смотрит на мужа: измаялся, бедняжка, устал. И постарел ...

А тенор выводит:

Не пылит дорога,

Не дрожат листья...

...Но он у меня ещё молодцом. Увидишь в окно: идёт по улице, руками машет – спина прямая. Как в те годы, когда погоны носил. Тогда они так мужчин украшали! А теперь! Эти ромбики, кубики, шпалы. Смотреть противно! Когда мы впервые встретились, Володя был поручиком или уже штабс-капитаном?

Арсеньев не замечает жену, весь ушёл в себя.

...Подожди немного.

Отдохнёшь и ты.

Аккорды рояля плывут утренним туманом по кабинету.

...Глаза его тогда, в первую встречу, меня поразили, как у...

Игла, попав на последнюю дорожку, зашипела. Владимир приоткрыл веки, увидел жену и тут же произнёс с улыбкой:

– У меня глаза рыси!

Маргарита вздрогнула:

– Ты что же, мои мысли читаешь?!

Подошла, пригладила легко его волосы, нагнулась, поцеловала в лоб:

– Шаман ты мой ненаглядный!

Пластинка остановилась.

Арсеньев поднялся с кресла, раскинул руки, потянулся.

– А теперь ты похож на леопарда!

Владимир привлёк её к себе, приобнял:

– Где ты леопардов-то видала?

– Возьми меня в тайгу, вот и увижу!

– Только вместе с Наташкой! Подрастёт, втроем и отправимся, построим хижину у океана и ...

– И заживём, как твои дикари, да, папка? – раздался звонкий девичий голос.

Когда Натка вошла в комнату, и не заметили. Отец подхватил её, поднял к потолку. Но тут же на его лице, правда, только на миг, появилась гримаса.

Опустил дочь на пол.

Маргарита увидела, как переменилось его выражение.

– Желудок?

– Да, – сознался, – так сильно что-то, где солнечное сплетение, кольнуло.

– Володя, – строго посмотрела на мужа: сколько же морщинок прибавилось на его лбу, у глаз, на щеках, шее! И подбородок на сухощавом лице, кажется, ещё сильнее выдался вперед, а глазные впадины, напротив, запали.

Волосы всё жиже и столько в них седины.

– Милый мой Володя! Тебе надо отдыхать и лечиться! Обещай, что поедешь на курорт?

– Милый папка, – дочка прижалась к его ногам, дотянулась до талии, – обещай нам, что поедешь и вернёшься здоровеньким! А уж потом, – добавила, как взрослая, – мы и отправимся все вместе на какой-нибудь необитаемый остров!

– Обязательно на необитаемый! – сразу же согласился Арсеньев и посмотрел на жену:

– Только не переживай так.

Помолчал и добавил:

– Хорошо, обещаю. Тем более что мне, возможно, дадут путёвку на Кавказ.

Маргарита и Наташа прильнули к нему.

– Милые мои! – обнял жену и дочь. Подошёл к граммофону, покрутил ручку и бережно поставил иголку к ободку той же пластинки:

– Хочу ещё раз послушать.

И снова разлился по комнате неземной голос:

Горные вершины...

Глядя тогда на Арсеньева, нельзя было сказать, что ему уже под шестьдесят.

Если только пристально не вглядываться.

Вот его словесный портрет, данный Анной Константиновной в воспоминаниях: «Роста Володя был высокого, так 178 сантиметров без каблуков. Худощавый, усы носил, сбрил их только в 1918 году. Усы мне не нравились, как у моржа. Лоб высокий, глаза серо-голубые, редкий цвет, в старости глаза стали светлыми, белыми, неприятными. Брови большие, нос прямой, губы тонкие, зубы мелкие, как у белки, подбородок волевой, шея тонкая была.

Сам был крепыш, сухощавый, прогонистый; в тайге мог нести два пуда, надорвал ноги... Седеть он начал поздно, в 45 лет... Голос был выразительный, между баритоном и тенором. Володя часто бывал на воздухе, поэтому голос был звонкий. Плечи расправлял назад, ходил легко и быстро... Говорил Володя простым русским православным языком, говорил образно. Во время речи руки Арсеньева всегда ходили... Всегда был подтянут... Не выносил кокетства».

Николай Евгеньевич Кабанов, который двадцатидвухлетним юношей прошёл с Арсеньевым от Совгавани до Хабаровска и стал, во многом под его влиянием, учёным-биологом, оставил такой портрет своего учителя:

«Человек выше среднего роста, сухощавый, прекрасно сложенный, с отличной военной выправкой. Черты лица были резкими, очерченными двумя глубокими характерными складками, но приятными. Глаза голубые, глубокие, над которыми возвышался ровный лоб. Светлые волосы всегда зачёсаны вверх, на висках и затылке они были поседевшими. Подбородок несколько выступал и вместе со складками на лице подчёркивал энергию и настойчивость.

Движения Арсеньева были резкими и энергичными, походка также быстрая, почти прямолинейная. Головной убор Арсеньев носил один и тот же – шляпу серую или темно-серую, со слегка поднятыми полями. Костюм Арсеньев предпочитал синего цвета. Портфеля или какой-либо папки Арсеньев не носил. Руки обычно всегда были свободны, а если он что-нибудь и брал, то это книгу, одну или две, которые носил в левой руке. В них можно было видеть нередко и закладки, конспекты выступлений и т.п.

Зрение у Арсеньева было отличным, хотя в последние годы он во время чтения и письма надевал очки, которые, по правде сказать, только мешали ему».

...Маргарита счастлива была, когда муж из Хабаровска вернулся к ней *насовсем*. В горы отпускала с тревогой, но понимала, что ему там будет легче дышать. Просто расвирепела, когда узнала, что в экспедиции Володе приходилось разной дрянью питаться, какие только проклятия не отпускала в адрес тех, кто его снаряжал. Она готова была за него принять все мыслимые и немыслимые муки.

Просыпалась ночью в холодном поту: «Уйдёт, что со мной и дочуркой будет?»

Видела Маргарита своего мужа по-прежнему редко. Всё куда-то спешил, сидел допоздна за письменным столом... Вечерами она отдавала ему почту, письма лежали уже прочитанные, пронумерованные и даже на некоторые она успела ответить, приложив к ним машинописные копии – на русском, английском, немецком, французском языках.

Арсеньев раскрывал папку, читал, восклицая:

– Ну что за умница у меня жена! Ну что за молодец! Надо же, послал мне Бог такую!

Маргарита стояла за его спиной, молча улыбалась. И снова радость лучилась в её глазах.

А в голове одна мысль: «Только живи дольше, милый!»

Арсеньев в 1928 году писал Горькому о том, что очень загружен, перечислял: получил предложение опубликовать свои труды в Госиздате, «Земле и фабрике»; спрашивал, получил ли Горький его небольшие работы – «Шаровую молнию» и другие; обещал написать по его просьбе статью в библиотеку «Наших достижений»; докладывал, что заказал для горьковского сборника статьи разным коллегам (перечислял их фамилии), а также «наметил человек двенадцать, но если из них шесть решатся взяться за перо, то и они смогут написать каждый по две-три статьи», извещал, что послал уже ему рукопись такого-то о рисосеянии в крае; и далее о том, что должен к 1 ноября сдать все свои сочинения исправленными и дополненными материалами за последние годы – «тороплюсь закончить рукописи и отправить их экспрессом в Москву».

И ниже: «Кроме того, я читаю в университете, в техникуме военного транспорта, имею большую и ответственную работу в Научно-исследовательском краевом институте для переселенческого управления. Приходится работать с 8 утра до сумерек. Многочисленные заседания тоже поглощают много времени, а тут ещё посетители и сотни писем, требующих не только ответов, но дающих различные поручения. Вследствие этого писать мне приходится урывками и главным образом по ночам».

Прорвалась, правда, в конце тревожная нота: «В нашем возрасте это уже не легко».

Весной того же 1928-го председатель Дальневосточного крайисполкома С. Е. Чуцкаев ездил в Москву на сессию ВЦИК. Выкроил время, чтобы встретиться с Председателем Центральной комиссии по улучшению быта учёных при Совнарком (ЦеКУБУ) А.Б. Халатовым, чтобы попросить того о назначении Арсеньеву персональной пенсии. Скоро во Владивосток пришла бумага, смысл которой сводился к следующему: такое ходатайство мы можем возбудить, но нужны такие-то документы и «крайне желательно» ходатайство Крайисполкома.

Бюрократическая машина завертелась.

Сочинил тов. Чуцкаев ходатайство. Оно занимает почти два листа. Перечисляются, кажется, все заслуги путешественника: 27 лет изучает ДВК, в тяжёлых условиях ходил по краю, собрал ценный материал, издал более 20 научных трудов и т.д. «...На этой трудной работе при тяжёлых климатических и иных условиях расшатал своё здоровье, нуждается в длительном лечении и отдыхе».

А вот и заключение: «По причине чрезвычайно полезной работы В.К. Арсеньева из-за потери трудоспособности, а также принимая во внимание его полную материальную необеспеченность В.К. Арсеньева, ДВ краевой исполком, согласно своему постановлению от 19 июня с.г. просит Центр. комиссию по улучшению быта учёных возбудить и надлежащим образом поддержать перед Наркомсобсом РСФСР ходатайство о назначении В.К. Арсеньеву в порядке Декрета СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. персональной пенсии в 200 (двести) рублей в месяц».

К этому письму прилагались: выписка из протокола ДВИК, биография и перечень научных трудов, акт медицинского освидетельствования на двух страницах и анкета, занимающая четыре.

Из анкеты мы узнаём, что Арсеньев – «великоросс, учёный, исследователь»... В графе «общие заболевания»: «ахилия желудка», субъективные жалобы исследуемого: «понижение зрения на правый глаз, одышка при подъёме на гору, ощущение тупой боли и неловкости в области желудка, тяжесть в голове, отсутствие желания работать, появление раздражительности, потливость». Анамнез: «в прошлом перенёс: заболевание тифозного характера (1900), укусы змеи (1902), сибирскую язву (1903), операцию грыжесечения (1922), ишиас (1917 и 1926). В 1901 отмечался процесс в правой верхушке легкого».

Далее идёт длинный перечень данных объективного исследования. Среди них такие: «костно-мышечная система – нормальная; тоны сердца – глуховаты; на середине грудины к первому тону примешивается легкий шумок; пульс 62; наполнение органов кровообращения – хорошее; стенки периферических сосудов уплотнены; восходящая часть аорты расширена; подвижность удовлетворитель-

ная; в области правой верхушки легкого жесткий удлиненный выдох, временами сухие, свистящие хрипы». Подробно описано состояние органов пищеварения (неважное состояние) и подколоты анализы. И наконец: «нет 16 зубов».

Письму из исполкома в Москву предшествовали два письма Арсеньева на имя Чуцкаева. О первом мы уже упоминали, когда рассказывали, как испортил он свой желудок в последнем походе и по сему решил обратиться с просьбой о лечении на Кавминводах.

Второе, от 17 июня, такое: «Глубокоуважаемый Сергей Егорович! ...При этом посылаю: 1. Справку о моём имущественном положении от домоуправления, засвидетельствованную Профсоюзом «Раб Сел. Леса». 2. Свой формулярный листок. 3. Все документы, какие нашёл у себя в столе. Некоторых, быть может, не хватает. Во всяком случае все наиболее важные налицо.

Имею к Вам две покорнейшие просьбы: 1. В моём заявлении к Вам от 15 июня с.г. за № 191 с просьбой о посылке меня на один из кавказских курортов машинистка в заголовке место моей службы набила на машинке вместо «Р.П.У.» поставила «Г.П.У.». В конце... вместо «г. Москва» напечатала «г. Хасикве».

Поясним, почему особенно одна описка неграмотной машинистки так встревожила Арсеньева. С июня 1928 года он работал заместителем начальника – зав. Отделом географии и картографии в Приморской экспедиции Дальневосточного районного переселенческого управления (РПУ). А ГПУ вылавливало врагов народа.

Читаем письмо дальше: «Я очень извиняюсь за недосмотр и прошу Вас не отказать исправить эти ошибки чернилами. Вторая просьба заключается в том, чтобы мои подлинные документы вернуть мне по минованию в них надобности. Я ими дорожу и за них беспокоюсь».

То, что его пером водила старомодная привычка быть пунктуальным, благодарным и вежливым, подтверждают и заключительные строки: «Позвольте мне ещё раз поблагодарить Вас, Сергей Егорович, за внимание и заботу о моей дальнейшей судьбе». Подпись.

Далее были такие документы.

Телеграмма Чуцкаева в Москву с просьбой послать В.К. Арсеньева на курорт в Ессентуки «за гос. счет с пособием на дорогу»; постановление Президиума Далькрайисполкома «о назначении персональной пенсии научному работнику В.К. Арсеньеву; на бланке с грифом «Председатель ДВ Крайисполкома» красными чернилами написано: «...немедленно провести через крайисполком ходатайство о назначении В.К. Арсеньеву пенсии в размере 225 р.»

Цифра зачёркнута и синим карандашом поставлено: «250».

В Народном комиссариате социального обеспечения цифру, написанную Сергеем Егоровичем синим карандашом, урезали. Цен-

тральная комиссия НКСО с 1 октября назначила В.К. Арсеньеву персональную пенсию в размере всего... 100 рублей.

Комментарии, как говорится, излишни.

Какие только бумаги не сопровождали Арсеньева, человека служивого, от берегов Невы, от Ломжи! И сам он всё время барахтался в кипах бумаг. Но раньше они поднимали нашего героя на всё новые и новые кручи жизни. А вот эти, последние, говорят нам лишь об одном: о немощи тела, о зависимости человека от бюрократической карусели.

Но надо было жить.

Или выживать.

Постепенно эти два слова для него становились синонимами.

Только второму так и не научился.

Арсеньев уехал на Кавказ 16 августа 1928 года.

Успешно ли пролечил в Ессентуках свою ахилию – сейчас сказать трудно.

Но на горные вершины, воспетые Лермонтовым, любовался...

Пробыл в Минеральных Водах Арсеньев по стандартной путёвке с 1 по 22 сентября – 21 день. И даже успел там написать рассказ о том, как ходил по тундре. Сначала хотел его включить отдельной главой в новую повесть. Когда на обратной дороге приехал в Москву, показал в редакции журнала «Новый мир». Там ему были рады. Как самостоятельный рассказ, названный непритязательно «В тундре», опубликовали очень быстро – в ноябрьском номере за тот же 1928 год.

Возвратился Владимир Клавдиевич во Владивосток 29 октября. Значит, в Москве он пробыл дней двадцать. Заполнены они были в столице разными встречами.

Познакомился и быстро сошёлся с профессором МГУ Фёдором Фёдоровичем Аристовым, проявившим к нему неподдельный интерес. Об отношениях с ним и чем они закончились – в следующей главе.

Пригласили Арсеньева в редакцию журнала «Всемирный следопыт», и там он выступал перед коллективом и представителями общества туристов. Был и в издательстве «Молодая гвардия», где его тоже радушно встречали.

Максим Горький тогда уже вернулся в Москву. Всё это время они продолжали переписываться. Известно пять писем Горького Арсеньеву и одна дарственная надпись на книге «Жизнь Клим Самгина». Двенадцать писем, три телеграммы и несколько авторских надписей на книгах послал ему Владимир Клавдиевич. Встречались ли они в Москве, точно сказать сложно. Сам Арсеньев через месяц после возвращения во Владивосток написал в письме Пришвину:

«В Москве я виделся с А.М. Пешковым (Горьким). Он ангажировал меня на статью размером в два листа для «Альманаха».

Документальных подтверждений этой встречи найти не удалось.

Особенно запомнилась Владимиру Клавдиевичу поездка к Михаилу Михайловичу Пришвину в Загорск. На их встрече был и заведующий местным музеем А.Н. Свирин. Дальневосточный гость писателя очень заинтересовал. Сразу же после встречи в дневнике Пришвин несколькими штрихами его так описал:

«Чрезвычайно подвижный, энергичный человек 57 лет. Быстро и много говорит. Я не мог прервать его рассказ об Уссурийском крае. Говорили о тиграх, о пятнистых оленях, о лотосах, о винограде, обвивающем ели и сосны, что все эти лотосы и тигры – реликты...»

В той же записи он назвал Арсеньева «первобытным литератором».

«Много раз, – пишет дальше Пришвин, – я пытался намекнуть на чувство пустоты этой жизни без культуры, но Арсеньев понимал мой намёк как на тёмные стороны края, например, что мошкара разъедает эпидермис. Только в передней, когда из открытого кабинета со стены выглянул ангел из «Троицы» Рублёва, Свирин сказал: «Вот чего там нет совершенно – пустота!»

Пришвин никак не прокомментировал эти слова, а значит, со Свириным полностью согласился.

Мудрый писатель и поддакнувший ему заведующий музеем были, на наш взгляд, не совсем правы. Да, не из дальневосточных краёв вышли Рублёвы и Ломоносовы. Но пронзительные, часто непонятые, но тоже великие образы и озарения рождала и древняя реликтовая культура лесных людей, была в их жизни своя эстетика, была и так поразившая Пришвина этика Дерсу Узала.

Несли народную культуру с запада России-матушки в тайгу, а значит заполняли, обживая, её «пустоту», переселявшиеся сюда жить крестьяне, мастеровые. Везли с собой не только топоры да серпы, но и Евангелие, другие церковные книги.

И книжки, которые массовыми тиражами издавали, как тогда писали, «для народа».

Дальневосточники, дожившие до преклонных лет, и сегодня вам подтвердят, что их предки, переселенцы начала прошлого века, знали наизусть и сказки Пушкина, и стихи Некрасова, Кольцова, а уж сколько прекрасных народных песен!.. В каждом селе, в казачьих станицах в первую очередь рубили срубы для церквей: священники несли свет православия. А рядом с храмом строили школу.

Загляните сегодня на сайты районных школ дальневосточья и прочтёте, что немало их открылось ещё при царской России...

Бок о бок с переселенцами и туземцами жили люди образованные – учителя, лекари, учёные, такие, как наш герой и его товарищи.

Пусть их было немного, но они читали труды Менделеева и романы Льва Толстого, пели под гитару романсы Глинки и Чайковского, на стенах их квартир висели репродукции Левитана и Репина.

Нет, не испытывали они «чувства пустоты»...

В книге «Журавлиная родина» Пришвин напишет, что «когда судьба привела в мою комнату В.К. Арсеньева... и я узнал от него, что он... написал книгу строго по дневникам... я понял... недосягаемое мне теперь значение наивности своей первой книги (речь идёт о повести «В краю непуганых птиц». – Б. С.). И я не сомневаюсь теперь, что если бы не среда, заманившая меня в искусство слова самого по себе, я мало-помалу создал бы книгу, подобную арсеньевской, где поэт до последней творческой капли крови растворился в изображаемом мире».

Потом Пришвин, съездив на Дальний Восток, куда, как сам признавался, его заманил Арсеньев, он сочинит одну из лучших своих повестей «Женьшень» («Корень жизни»). Вся она пронизана, как лучом света, трепетным арсеньевским отношением к дальневосточной природе, лесным людям. О ней сам напишет так: «Я поехал к Арсеньеву после того, как он умер. Я познакомился с краем, где он жил, и поставил ему памятник – написал посвящённую ему книгу «Женьшень».

Такое признание дорогого стоит.

Пришвина так взволновал герой Арсеньева, что он задумал написать образ «нового Дерсу» – некоего учёного строителя жизни, в котором «инстинкт дикаря сохраняется и продолжается в разуме учёного... к следопытству инстинктивного человека Дерсу присоединится следопытство разумного этнографа». Очень интересны и его мысли о том, что стремление Арсеньева «только правду сказать», ставят его в ряд «всех крупнейших русских поэтов», у которых на первом месте было «преобладание моральных начал».

Это-то, утверждает Пришвин, и «выдвинуло Толстого на первое место среди мировых писателей только что прошедшей эпохи».

Конечно, Эверест даже с самой высокой сихотэ-алинской вершиной, на которую поднимался наш герой, равнять нельзя. Но то, что «стимул этики» по Пришвину вёл в творчестве и Льва Толстого, и Владимира Арсеньева, – несомненно. Недаром же в дневнике за 1948 г. Пришвин говорит, что велики в литературе те образы, которые извлечены из действительной жизни и «весь русский «мужик» во всей русской литературе был в таком соотношении к действительному, как у Толстого Ерощка, у Арсеньева Дерсу (Пришвина не смущает, что Дерсу гольд. – Б. С.), у меня помор в «Колобке».

Писатель снова и снова возвращается в дневниках к этой мысли:

«У Толстого дядя Ерощка получеловек-полузверь, эпизодическая фигура, приближающая к нам природу Кавказа. Арсеньев бессознательно применил тот же образ в лице Дерсу Узала для изображения дальневосточной тайги...».

Приведём ещё одно, может быть, спорное, но такое удивительное по мысли рассуждение Пришвина из очерка «Золотой Рог»: «Все любимейшие простонародные русские герои Толстого, Достоевского, Тургенева, Лескова и, пожалуй, всех крупных русских писателей точно так же, как и Дерсу, восточного происхождения... Арсеньев, описав... Дерсу, закончил галерею восточников русской литературы».

Ставит он Арсеньева и рядом с зарубежными классиками: Майн Ридом и Джеком Лондоном.

Замечательные слова сказал Михаил Михайлович за 6 лет до смерти во вступительном слове на вечере, посвящённом Владимиру Клавдиевичу, в Москве в январе 1948 года:

«Все различные способности Арсеньева вытекают, как реки, из его задушевного мира, из его цельной личности».

А перечитайте пришвинское рассуждение, вынесенное в эпиграф к этой книге, – в какой же великий ряд он поставил героя нашего повествования!

Тогда же познакомился Арсеньев со своим тёзкой Владимиром Германовичем Лидиным (настоящая фамилия – Гомберг. 1894-1979), представителем соцреализма в литературе, автором многих произведений, в том числе романа «Великий и Тихий» (1933).

В книге «Люди и встречи» очерк об Арсеньеве Лидин начинает пафосно: на его долю «выпало счастье сделать богаче наш мир».

В облике «следопыта и ходока» писатель увидел то же, что отмечали и другие:

«В его сухощавой, подтянутой фигуре многое от строевого офицера, но ещё больше от охотника... Глаза в том особенном прищуре, какой бывает только у людей, привыкших много смотреть вдаль, – моряков, летчиков, охотников, – подобранная оснастка сдержанного, привыкшего больше молчать, чем говорить, человека».

Тут, заметим, характеристика Лидина разительно отличается от пришвинской: «подвижный... быстро и много говорит».

Объясняется это просто: значит, с новым знакомым Владимир Клавдиевич вёл себя иначе, видимо, насторожила его молодость и настойчивость.

Но дальше у Лидина довольно верное наблюдение:

«...Всё это было того порядка, когда понимаешь, что не очень охотно пускает он в себя и по старой привычке – приглядываться к людям – должен Арсеньев хорошо раскусить встречного, прежде чем так или иначе раскрываться».

Такие люди всегда кажутся несколько суховатыми, но внешняя суховатость обычно свойственна тем, кому пришлось со множеством людей встретиться, множество разнообразных характеров узнать и, вероятно, не в одном из них разочароваться, прежде чем набрести на удивительного гольда, на вселенскую душу Дерсу Узала».

Арсеньев признался Лидину, что «никогда не готовился быть писателем... это, оказывается, весьма утомительно». Ниже следует ремарка: «но он был утомлён, как утомлён бывает путник, добредший наконец до источника».

Далее Лидин использует и другие беспроегрышные «клише»: Арсеньев у него – «тип неутомимого, никогда не успокоенного русского человека», всегда он «в познании жизни, в неустанных поисках того, что прежде всего должно служить интересам родного народа», а деятельность его опять же «всегда была глубоко патристической».

Слова, слова...

Не проник, а может быть, не очень хотел проникать Лидин, шапочко познакомившись с Арсеньевым, в душу этого тёртого жизнью человека. Да и вряд ли тот впустил бы его сразу в свою душу.

Они шли молча по ночной столице. Москвич поглядывал на пожилого ходока: «Арсеньев шёл несогнутый, подобранный, всё ещё действенный, несмотря на годы, всё ещё обращённый к дальнейшему движению. Казалось, зоркими глазами прощупывает он оттепельный туман, отыскивая дорогу».

Но не думал ли в те минуты наш герой о другом? Что он на том отрезке своего пути, когда не только глазами видишь, но даже кожей ощущаешь не «оттепельный туман», а как давит пасмурное небо и угрожающе нависают по обеим сторонам крутые склоны хребта, а тропа становится уже и уже.

И оттепель обманчива.

А что там впереди – завал из обугленных деревьев, глубокая река...

Или, может быть, крутой обрыв в бездну?

Прощаясь, пишет Лидин, Арсеньев якобы сказал так: «А знаете, это приятно остаться в краевой литературе. Подумайте, сколько раз, изучая край, обратятся к вашей книге».

Значит, если верить автору очерка, Владимир Клавдиевич признался в том, что сверчок должен знать свой шесток?

Но его только что так высоко поднял сам Горький

Его книги переведены на немецкий и их читают в Европе и даже в Америке.

Труды Арсеньева изучают, читают и по сей день.

А Лидина?..

Не любил Арсеньев Москвы. После поездки в столицу ещё летом 1924 года он так писал с дороги своему однофамильцу Василию Сергеевичу:

«Я имел большое желание побывать у Вас перед отъездом, но те поручения, которые добрые друзья надавали мне, связали меня по рукам и ногам. В Москве за покупкой книг в Торгохоту пришлось сходить четыре раза – и всё так. Доклады, заседания, лекции то в Госплане, то в Тимирязевской академии совсем выбили меня из колеи. Когда отошёл поезд от вокзала, я вздохнул как человек, освободившийся от непосильного бремени. У вас в Москве я устал от беготни и суеты...».

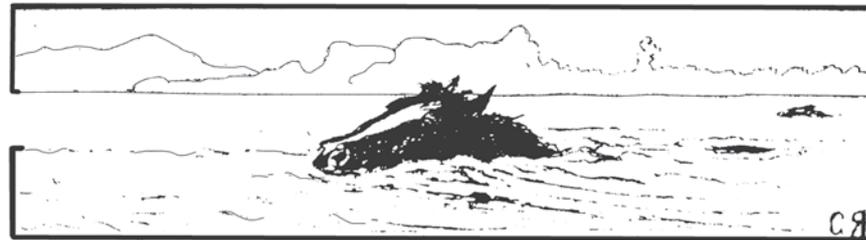
А это откровенное признание Н.Е. Михайлову. Письмо по настроению перекликается с предыдущим, но куда жёстче:

«Случалось мне бывать в Вашей Москве. Ох как мне не понравилось, суета сует и всяческая суета. В Москве я скоро устаю. Я перестаю себе принадлежать, я не живу в ней, а просто числюсь живущим. В этом городе чувствуется что-то подавляющее человеческую личность. Где-то я слышал выражения «Гос.страх», «Гос.ужас». Я эти два слова ассоциирую всегда с большими городами и в особенности с Москвой».

Не глухая тайга подавляла его, а большие города.

И суета сует там живущих.

Их наш герой всё меньше понимал.

Глава X

В ВОДОВОРОТАХ НОВОЙ ВЛАСТИ

- Шипучий завистник • Под надзором
- Условия нашего будущего – сон и явь
- Заглянувший в завтра • У самого края
- Тело и душа, или Последнее видение
- Наконец-то свободен!

Всё менее и менее понимал Арсеньев бурлящую вокруг него жизнь. Мог повторить вслед за своим верным стрелком Ильёй Рожковым, с которым не в один поход ходил, горькие слова из его письма. Вот что написал ему малограмотный, но такой искренний старик: *«Уважаемый друх, Владимир Клавдиевич. Во первых строках ишло привет, апишу а своей жизни. Жизнь наша незавидное»...*

Письмо помечено 18 марта 1928 года. Слёзы наворачивались на глаза, когда Рожков просил *«аписать о своей жизни. Как вы живёте, в каком положении... Вспоминал я, как мы с вами ходили и были вами довольны, и желал ба ещё побыть свами и послужить вам».* Ответить ему, что ли, теми же словами: *«Жизнь моя, дорогой Рожков, тоже незавидная».*

Всё не проходил у Арсеньева осадок от того скандала в Обществе изучения Амурского края, после которого с профессором В.И. Огородниковым лишь холодно раскланивались. Не принесло облегчения, когда ректора «поправила» краевая партийная газета «Красное знамя», а весной 1928 года ещё сильнее ударила другая, уже хабаровская «Тихоокеанская звезда». Скоро его с поста ректора снимут.

Арсеньев понимал: сегодня Огородникова бьют, а завтра и за него могут взяться.

На него, который, кстати сказать, Арсеньеву предоставил работу в университете, он зла не держал. Знал, что Владимир Иванович сам раньше попадал в «переплёт». А.Н. Липский по «долгу службы» в политорганах был хорошо знаком с биографией профессора и так о нём писал уже в 60-е годы в Хабаровск Георгию Пермякову: «Я знаю, что Огородников посмертно реабилитирован. Но я знаю и другое... Огородников вместе с белогвардейцами в своё время бежал из Казани... И если бы ему представилась возможность тогда выехать за границу, он, не задумываясь, ею воспользовался бы».

Арестованный на Камчатке 5 мая 1933 года, а затем этапированный в Хабаровск, профессор Огородников проходил по так называемому «академическому делу». Тому самому, в «водоорот» которого попала Маргарита Николаевна, о чём уже рассказывалось.

Известно, какие методы применяли те, кто вёл допросы заключённых.

Огородников «признался», что его «завербовал» в контрреволюционную вредительскую организацию в 1927 году не кто иной, как В.К. Арсеньев. Подумал, наверное: мёртвому ничего не сделают. Скоро из него «выбили» показания о том, что он входил в Камчатскую диверсионную и повстанческую группу во главе с Т. Новограбленовым. С ним, помните, встречался и подружился Арсеньев. Дальше, как говорится, сунь палец, всю руку оттяпают. Следующее признание: «Меня завербовали в японскую разведку. А «главным японским шпионом», естественно, являлся всё тот же Арсеньев, которому, после ликвидации Советской власти на Камчатке, японцы якобы пообещали кресло военного министра Камчатского правительства.

Год смерти (или расстрела) проф. Огородникова неизвестен.

Альберт Николаевич Липский, с которым злодейка-судьба свела Владимира Клавдиевича ещё в 1917 году в Олгон-Горинской экспедиции, пронёс нелюбовь к нему через всю жизнь. Этот человек, бывший на 18 лет моложе Арсеньева, крутился вокруг него, потом вокруг его имени. Честолюбивый, тоже все годы занимавшийся этнографией (но не только ей!), он педантичного и требовательного руководителя сразу зачислил в «контры». И ещё вбил себе в голову: раз тот самоучка, значит, в науках профан и выскочка.

Сколько же раз он портил кровь Владимиру Клавдиевичу!

Липский носил ещё и другую фамилию, имя и отчество. Когда перед революцией испугался, что его забреют в армию, достал паспорт на имя татарина Г.Д. Куренкова – инородцев тогда в армию не брали. Под этим именем он и числился в экспедиции Арсеньева. К юноше, имевшему диплом Петербургского психоневрологического института, Арсеньев отнёсся доброжелательно. Даже рекомендовал потом в члены Приамурского географического общества.

Несмотря на то, что знал его задиристый характер.

Его политические взгляды.

Скоро Альберт (или Григорий?) опубликовал свою работу о гольдах и не удержался, задел в ней своего старшего коллегу. Ну ладно, этот щелчок можно было бы и пережить.

Однако дальше пошли дела посерьёзнее.

Липский (Куренков) с юных лет разделял социал-демократические взгляды, с восторгом принял октябрьский переворот. И он уже с 1920 года стал секретным сотрудником («сексотом») госполитохраны ДВР. Он даже гордился, что не раз брался за маузер, участвуя в 1923 году в ликвидации отряда офицеров-белогвардейцев, а год спустя возглавив опергруппу по ликвидации мятежников в районе реки Тугур. Липского как активного чекиста дважды упоминает автор фундаментального труда «ВЧК-ОГПУ в годы экономической политики. 1921–1928» А.М. Плеханов. (Изд. «Кучково поле». М. 2006.)

Слухи об этом, конечно же, ушей Арсеньева достигали и уважения его к молодому «этнографу с пистолетом» (так Липского за глаза называли в учёной среде) не добавляли. А тот в покое его не оставил.

Публично обвинил в том, что, будучи Директором музея в Хабаровске, продал часть коллекций в Америку.

В действительности дело было так. Ещё накануне Первой мировой войны Арсеньев помогал учёным – Бартози, приехавшему из Венгрии, и поляку Понятовскому. Они сотрудничали с американскими учёными. Война помешала обоим взять с собой собранные ими коллекции. Когда же добрались до своих стран, то письменно попросили Арсеньева отправить их вещи, оставленные в музее, в США, на адрес Национального музея в Вашингтоне.

Это Владимиру Клавдиевичу удалось сделать только в 1918 году через американского консула во Владивостоке, получив от него расписку.

Сколько ни доказывал Липский, что, выслуживаясь перед американцами, Арсеньев обокрал музей, «дело» склеить ему не удалось. Однако, как сейчас принято писать, «моральный ущерб» Арсеньеву был нанесён: некоторые коллеги стали коситься на Владимира Клавдиевича.

Дыма без огня не бывает...

Новый конфликт. Предложил Липский к публикации статью, назвав её полемично: «Как не следует писать о туземцах». В ней снова выпады против Арсеньева. Часть дальневосточного научного сообщества, узнав об этой работе, отнеслась к ней, как к сведению счётов молодого этнографа с имеющим неоспоримый авторитет В.К. Арсеньевым. Из Дальневосточного отдела Всесоюзной научной ассоциации востоковедов рукопись Липского переслали Арсеньеву.

Попросили ответить тоже статьёй.

Написал ответ он со своим товарищем Елпидифором Иннокентьевичем Титовым. Соавтор был талантливым литератором, занимался критикой, лингвистикой и этнографией. В 1936-м Титова обвинят в разных «смертных грехах», в частности в «тесной связи с известным организатором и вдохновителем контрреволюционных групп В.К. Арсеньевым» и в январе 1938 года расстреляют.

Ответ «Как не следует писать критических статей по этнографии» заканчивался так: «Мы ставим на суд читателей всю несостоятельность, выражаясь мягко, как самой сути этой критики, так в особенности приёмов её, не говоря уже о жалких потугах Липского перевести некоторые вопросы чисто научного характера на политику... Выступления подобного рода ни в малой степени не способствуют обогащению наших знаний в области краевой этнографии, они только раздражают, сеют вражду и отнимают возможность спокойной творческой работы. Говорить о том, чего не знаешь, глупо, а выдавать заведомо ложные факты за правду – неблагоприятно».

Но публичную дискуссию по каким-то причинам в ассоциации не начали.

Обе работы остались в архивах.

Липский не уgomонился. Издал брошюрой рецензию на книгу, написанную соратником Арсеньева И.А. Лопатиным. Этот молодой учёный в будущем станет известным антропологом, доктором наук, магистром, но, увы, не в России. В 20-е годы он уедет за границу, будет работать в Харбине, потом в США, где и получит все свои высокие звания и умрёт на 82-м году жизни в Калифорнии.

Владимир Клавдиевич брошюру прочёл и не удержался, прямо на её полях размашисто написал: «*Липский, он же Куренков, а может быть, и не Липский – возможно, у него окажется ещё третья фамилия, – имеет личные счёты с И.А. Лопатиным и потому выступает против него при каждом удобном случае. Настоящая статья написана именно под этим углом зрения. Это не есть критический разбор, это один из выпадов против личности И.А. Лопатина, который Липскому (как и я) не протягивал руки за ряд подлостей и нечестных поступков*».

Какое прекрасное бойцовское начало газетного материала!

Но что-то снова помешало выступить против своего оппонента открыто.

А.И. Тарасова в своей монографии, разбирая эту «полемику», верно написала, что выступать против Арсеньева «с предвзятой, уничтожающей критикой», как это пытался демагогически делать Липский, обвиняя его в «немарксистских взглядах», было «не только неправомерно, но просто нелепо».

Кто же, делает вывод учёная, из этнографов в тот период владел марксистским методом?

Если бы в то время Владимир Клавдиевич прочёл о себе подобное, ему, может быть, стало чуть легче дышать.

Но до поры объективных дискуссий было очень-очень далеко!

Не поэтому ли и не завершил он, так и не овладевший марксизмом, свой главный труд «Страна Удэхе»?

Вот что, повторяя «удалось – не удалось», писал Арсеньев 8 декабря 1928 года Н.В. Кюнеру: «*Все мои предшествовавшие работы и статьи являются не более как подготовительными материалами для основной моей работы «Страна Удэхе». Эта монография – цель моей жизни. Если бы мне не удалось её издать, я счел бы это большой личной катастрофой. За 27 лет мне удалось собрать такие материалы, которые уже вновь собрать не удастся... Итак, заканчиваю сбор своих материалов, сверяю свои записи, проверяю словари, систематизирую и... пишу. Работа эта меня очень увлекает*».

Боялся и надеялся.

...Липский-Куренков прожил долгую жизнь. Умер в 1973 году. Последнее место его работы – директор краеведческого музея города Абакана. Как ни удивительно и как ни печально, он сохранил до самой кончины неприязнь, да нет, какую-то маниакальную враждебность к давно ушедшему в мир иной Арсеньеву.

Характерный пример «классового подхода», что так часто торжествовал в советские годы.

И надо же, сам Липский, как ни выслуживался перед «народной властью», от неё тоже пострадал. Его, работавшего старшим оперуполномоченным ОГПУ, председателем внесудебных «троек», получившего звание Почетного работника органов НКВД, в 1938 году арестовали и осудили, правда, как «своего», всего на пять лет лагерей. Выпустили. Реабилитировали.

Но он мало что, к сожалению, понял в происходящих в стране переменах.

Процитируем несколько фрагментов из переписки Григория Дмитриевича (или же Альберта Николаевича) с Георгием Георгиевичем Пермяковым, который прислал её мне с разрешением опубликовать.

Предварим цитирование такими замечаниями.

У автора писем много передержек, и он приводит лишь «выгодные» ему факты. Но независимо от стараний представить Владимира Клавдиевича эдаким матёрым «контрреволюционером», эпизоды, описанные Липским, в общем-то верно передают настроения Арсеньева в годы революции и гражданской войны. Получается, что Липский невольно дополняет уже известную биографическую

канву нашего героя и, сам того не желая, делает его облик более объёмным.

И второе. Нюх у чекиста был острый, взгляд цепкий, многие тогда секретные материалы он читал (не говоря уже о том, что и сам собирал их). Поэтому что-то «усёк» верно. Вот он пишет, повторяя из письма в письмо, о связях Владимира Клавдиевича перед приходом красных в Приморье, с американской миссией, сиречь разведкой. Мы цитировали найденные А. Хисамутдиновым в американских архивах сведения об услугах, которые Арсеньев оказывал американцам. Так что же, современный историк через полвека подтверждает обвинение Липского?

Но ведь и тот, и другой прямых доказательств и фактов не приводят!

Почитаем письма Липского.

(В скобках указаны годы, когда они писались. Отдельные места нами выделены курсивом.)

«Не хотелось бы по выходе Вашей книги («Тропой женьшеня». – Б. С.) встретить её каскадом ругательств. /Могу написать/ «об отправлении этнографических коллекций в Америку, о плагиате, о расистских убеждениях Арсеньева, о его этнографической безграмотности и ещё о многом» (1965 г.)

«В ноябре 1917 года, когда мы шли по Урми, меня поражала та нетерпимость и озлобленность, с которой рассуждал Арсеньев о «большевистской опасности»... Я тогда объяснял эту нетерпимость и озлобленность Арсеньева его недавним офицерским прошлым... Я присутствовал при разговоре Арсеньева со сторожем музея Урываевым. Арсеньев «отчитывал» Урываева за то, что его старший сын ушёл «за Амур» к сражавшимся с белогвардейщиной. Твердил, что большевики ведут Россию к гибели...

Урываев чётко произнёс: «Ваше благородие, погон у вас с лапоть (Арсеньев был в это время при полковничьих погонах), а дальше носа вы ничего не видите!» Привлекала ли Арсеньева белогвардейщина в армию в период гражданской войны, я не знаю, *хотя, занимаясь когда-то этой фигурой специально*, должен был бы знать. Но вот что Арсеньев был близок к работникам КРО Приамурского военного округа, и в частности поддерживал тесные отношения с полковником Цепушеловым, это я знал хорошо. А функции КРО в те времена были направлены далеко и не только на борьбу с разведкой извне.

Осенью 1927 г. мы выезжали из Хабаровска во Владивосток на операцию по ликвидации третьего бело-японского восстания. На вокзале при посадке в поезд Арсеньев увидел меня в группе офицеров ОГПУ и в форме с тремя «шпалами» в петлице. Он сказал своему собеседнику: «Вот подлинное лицо этнографа Липского. На

Неожиданная и радостная встреча.

На борту парохода «Трансбалт» капитан Анатолий Клавдиевич Арсеньев (в центре), слева его брат Владимир Клавдиевич с дочкой Наташей вместе с московскими кинодокументалистами (1928 г.)

этом поприще он скоро будет носить ромбы. Лучшего применения этнографии он не нашёл» (хороший слух был у тов. Липского! – Б. С.). ...Арсеньев не оказался в рядах открытых врагов, но мы им, по существу, и не занимались, хотя показания проф. Огородникова требовали проверки... Я имею в виду присвоение Арсеньеву американцами пожизненного почётного звания.

Это что же, за те, в общем-то немногие коллекции, что он отправил через американского консула во Владивостоке г-на Роджерса, или за те полторы тысячи страниц его печатной продукции? И вы можете поверить тому, что американские учёные учреждения так дешёво раскидываются своими почётными званиями? ...Беда в том, что с этой стороны Арсеньевым не занимались, все были в плену его личности и его дерзости. Что же касается области этнографической, а в ней Арсеньев считал себя специалистом, то здесь у него такое множество чуши, что трудно и перечислить... Для меня Арсеньев, в лучшем случае, плохой дилетант в науке, расист в оценке расовых «качеств» народностей Дальнего Востока» (1965 г.).

Любопытно, что это письмо — полностью оно занимает 5 страниц, Липский, отпечатав на машинке, отправляет 20 сентября, а уже на следующий день печатает новое письмо Пермякову, ещё на 6 страницах! В нём снова о походе в горную область Ян-де-Янге,

где Арсеньев якобы «занился организацией каких-то вооружённых групп из молодых мужчин без видимой мне цели».

Далее, о переезде в 1918 году во Владивосток, «где были белые, а в Хабаровске большевики», и что даже в одной из газет напечатали: «В.К. Арсеньев, комиссар Временного правительства, «не пожелал сотрудничать с большевиками» (на полях письма рукой Г.Г. Пермякова: «Не было такого объявления. Проверял»). И дальше: «Уход Арсеньева во Владивосток и распротертые объятия, которыми там он был встречен, – свидетельство политического лица этого «патриота» и «защитника» туземных народностей Дальнего Востока, апологета Арсеньева».

Заканчивается это письмо так: «Вы понимаете, что о нём я не рассказал и одной десятой из того, что знаю о нём. И всё на «минус».

Два письма помечены 1967-м годом. В них, как говорится, снова да ладом:

«Для меня, да и не только для меня, совершенно ясно одно, что Арсеньев в научном его значении, если откинуть его маршрутные топографические съёмки, да и то /только/ для того времени, не для нашего, ничтожен. Вопрос ещё: только ли для нашего Генштаба они делались? Во всяком случае... за какие такие качества Вашингтонский национальный музей присвоил Арсеньеву почётное звание? А ведь грамотку, присланную Арсеньеву из Америки, я читал сам; сожалею сейчас, что не переотправил в своё время её по принадлежности.

Не забывайте, что Арсеньев в досоветский период своей деятельности свои «экспедиции» производил по заданиям нашего (русского) военного ведомства, что он изучал край с военно-стратегической точки зрения. А это, безусловно, должно было быть весьма интересно и американскому генштабу. Не осталось ли что-то недоработанным по делу Огородникова? Не это ли оставшееся недоработанным и было сущностью тех связей Арсеньева с владивостокским американским консулом Роджерсом?»

Последнее письмо (от 9.XI.72 г.) написано рукой восьмидесятидвухлетнего человека. Липский поздравляет Пермякова с 55-летием Великого Октября и уже в третьем абзаце пишет:

«А теперь – несколько слов о портрете Арсеньева на конверте, как бы случайно присланном Вами мне. Что ж, портрет и технически, и портретно выполнен неплохо. Но повторяю: Арсеньев не достоин портрета на конвертах».

Дальше уже плохо державший авторучку старик всё не может успокоиться и снова талдычит: «Поищите в газетах Владивостока за 1918 год сообщение о том, что В.К. Арсеньев не пожелал сотрудничать с большевиками, приехал во Владивосток и был назна-

чен инспектором охраны колчаковских промыслов». Дальше опять о коллекциях Бартоши, почётном звании, которое Арсеньев получил от американцев...

Какими словами оценить вот такое отношение одного человека к другому, пронесённое через всю жизнь?

Нетерпимость? Да, но не только.

Михаил Пришвин вряд ли знал о такой «связке»: Арсеньев – Липский. Но одно его замечание из главки очерка «Золотой Рог», названной «Дерсу Узала», очень точно определяет «феномен» антипода нашего героя. Рассуждая о мире учёных, «как он теперь существует», Пришвин пишет:

«Невесёлый это мир борьбы самолюбий: ведь не всем же много дано, а часто именно тот, кому мало дано, хочет добрать чем-нибудь лежащим вне труда и таланта. Часто истинный талант прячется, отступает в тень перед бездарным претендентом, смелым и требовательным в своём аппетите».

В подцензурном материале автор не заостряет до конца эту мысль и не приводит фактов. Но далее понятно, что он говорит о судьбе Арсеньева. Рассуждая о «радости общего дела», которое, «к сожалению, в мир науки и искусства не дошло, и даровитый человек остаётся индивидуалистом, окружённым миром шипучих, бездарных завистников», Пришвин продолжает:

«Вот отчего никакой пророк не признаётся в своём Отечестве, вот отчего, например, прославленная у нас (то есть в центре России. – Б. С.) и в Европе книга «В дебрях Уссурийского края» на месте своего происхождения не пользуется равным почётом. Там Арсеньев – свой человек, и за свойством, как за деревом, не видно леса его достижений».

Как же точно сказано!

«Золотой Рог» М.М. Пришвин опубликовал, вернувшись из Приморья, где он побывал через год после смерти В.К. Арсеньева. Дневник, который он вёл там, увидел свет лишь в постсоветские годы. Упомянув в нём, что некие «таёжные люди возненавидели» Т.М. Борисова, который был, напомним, другом Владимира Клавдиевича, за то, что тот «вышел из тайги в литературу», писатель добавил:

«Вот тоже теперь Арсеньева рвут». (М.М. Пришвин. Дневники. 1930–1931. С.-Пб. 2006.)

«Шипучий, бездарный завистник» Липский был из той стаи псов – вспомним песню Владимира Высоцкого «Охота на волков», готовых рвать каждого, осмелившегося выйти «за флажки».

Процитируем в заключение этой «истории» свидетельство кандидата философских наук Александры Петровны Путинцевой, бывшей в начале 30-х годов заведующей Амурской Красной юртой:

«Летом 1931 года на озере Болонь, где в то время работала Красная юрта, я встретилась с омерзительным человеком А.Н. Липским. Он считал себя великим этнографом и писателем. А на деле это был бескультурный, хамоватый и бездарный человек, большой карьерист. Он постоянно пил. Однажды в пьяном угаре высказался об Арсеньеве, что смерть его не случайна, что так ему надо, царскому офицеру и японскому шпиону, что чекисты бы его арестовали, но мешала его огромная популярность в стране и мире. При этом Липский хихикнул, выпил рюмку и сказал, что «чекисты помогли Арсеньеву пораньше уйти в «страну буни» (так называли потусторонний мир «лесные люди». – Б. С.) и что я в этом не раскаиваюсь». Тогда я поняла, что Липский и его «друзья» умертвили В.К. Арсеньева, а затем оклеветали многих товарищей писателя».

Утверждение Путинцевой — лишь предположение. Но суть и бахвальство Липского ухвачены верно.

Вернёмся в начало двадцатых годов.

Арсений Несмелов (Митропольский) в воспоминаниях «Наш тигр», отрывки из которого мы приводили выше, так пишет о положении офицеров-колчаковцев, оставшихся (до поры до времени) во Владивостоке после прихода красных: «Мы... все стояли под надзором ГПУ. Раз в месяц мы являлись в его комендатуру и, как поднадзорные, предъявляли там особые книжечки, в которых регистрирующий чин этого учреждения делал соответствующую отметку».

Стоял на учёте и В.К. Арсеньев и точно также в определённый день месяца ходил в ГПУ и отмечался. Выезжать ему куда-либо не разрешалось. Таким был для него первый «глоток свободы». Хотя, как мы уже писали, он довольно давно ушёл в отставку, в белом движении не участвовал. Вот как объяснял всё это в сообщении, сделанном на Арсеньевских чтениях во Владивостоке, историк О.В. Щербаков:

«Командный состав «красных», и особенно особисты... отлично понимали, что в губернии остаются тысячи политически колеблющихся личностей и прямых врагов новой власти. Какая бы ни устанавливалась власть после гражданской войны, на любую бы ложилась задача установления стабильности, недопущения новых вспышек резни. Органы ОГПУ – НКВД реализовали этот *общественный закон*. В ходе данного объективного процесса (только насколько он был в данном конкретном случае действительно *объективным*? – Б. С.) В.К. Арсеньев и был поставлен на спецучёт в названное ведомство. Наряду с отмеченными причинами постановки на учёт у Арсеньева были причины, свойственные только ему».

Какие же? Олег Вячеславович изучил тот отрезок истории досконально, поэтому ему и карты в руки. Власти хорошо знали военную биографию нашего героя. Он отличался от многих стоявших на спецучёте офицеров тем, что был не «ускоренником», т. е. не из тех, кого после небольшого курса обучения производили в офицеры. И не из тех, кто служил и воевал в других регионах империи и потому не был знаком с Приморьем.

Политорганы были хорошо осведомлены, что Арсеньев, снова цитируем О. Щербакова, «будучи военным топографом, разведчиком, великолепно знал географию, включая тайные тропы губернии... не поддержал красную армию, как и другие формирования, но и не вмешивался в кровопролитие... Имел широкий круг знакомых, в том числе за границей».

Видели чекисты, что это птица особого полёта. Глаз с неё нельзя спускать. И не спускали все годы – до его смерти. Не просто ведь так «выплыла» фигура Арсеньева в процессе над группой дальневосточных научных работников в начале тридцатых годов. Оно явилось как бы «частью» «академического дела», затеянного ещё в январе 1929 года в Ленинграде. Председатель ВСНХ, член Политбюро ВКП(б) В. В. Куйбышев требовал действовать против Академии наук «огнём и мечом». Одним из тех, кого тогда выгнали со своего поста, был близкий Арсеньеву человек, с которым он так часто переписывался, – академик С.Ф. Ольденбург.

«Чистой» занимался член коллегии ОГПУ Яков Петерс.

Работники научных учреждений Приморья, среди которых оказалась и заведующая фондами Дальгеотреста Маргарита Николаевна Арсеньева, были арестованы в начале 30-х. Началось следствие, о котором уже было рассказано. Огэпушники хватились (по их, конечно, мнению) довольно поздно: вожак стаи ушёл на тот свет и был для них, увы, уже недосыгаем.

Эх, думали они, если бы мы его «вели» с начала 20-х годов!

Но тогда чекисты на Дальнем Востоке были весьма неопытными. Их «оправдывает» то, что органы внутренних дел постоянно реорганизовывались. Созданная почти сразу же после октябрьского переворота при Совнаркоме Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем в применении карательных мер вначале ограничивалась лишь правом публиковать списки «врагов народа», лишать граждан хлебных карточек и т.п.

Только во время «красного террора» ВЧК набрала такие «обороты», что при упоминании этой аббревиатуры людей бросало в дрожь.

В 1922 году ВЧК упразднили. Создали вместо неё Главное политическое управление (ГПУ) при Наркомате внутренних дел. На следующий год ГПУ решили укрепить, расширить и вывести из-

под опеки наркомата. Назвали новую структуру ОГПУ (объединённое госполитуправление). Все эти годы кадры чекистов постоянно перетасовывали. Иные оказались впоследствии во «врагах народа».

Арсеньева сняли со спецучёта уже в марте 1924 года. «Даровали» свободу передвижения, творчества, участия в общественной жизни. Оказывается, за него ходатайствовала коммунистическая ячейка треста Дальрыба. В архиве сохранились фамилии тех коммунистов, которые поручились за своего беспартийного сотрудника и написали о его «благонадёжности». Это Часовитин, Рубцов и Марков.

Присоединился к ним и начальник Дальрыбы.

Но, может быть, это поручительство и не возымело бы само по себе действия, если б не другие обстоятельства. О них читаем у О. Щербакова. Так, например, он пишет, что заявления Липского «об антисоветской деятельности» Арсеньева не всегда доходили туда, куда надо. Липский весь 1923–1924 гг. провёл в Хабаровске и в глухих районах Приамурской губернии, свои доносы адресовал чекистам в Хабаровск, а Владивосток был центром другой губернии.

Ни одного «сигнала» о том, что Арсеньев вёл антисоветскую «агитацию», вредил власти, Щербаков не обнаружил.

Сближало, как утверждает историк, Арсеньева с чекистами то, что он в молодые годы, как теперь и они, боролся с хунхузами, при советской власти стал активно выступать против всех, кто покушается на суверенитет российских земель. Имелись в ГПУ и люди далеко не узколобые, следящие за выходящей литературой. Создавалась система И-АС (информационно-аналитическая). Дзержинцы знали, что вышедшие книги Арсеньева не защищают старый монархический строй, а лишь «способствуют популярности старого интеллигента».

Владимир Клавдиевич мог бы в ответ на такие выводы из слежки за ним воскликнуть:

«И за это вам спасибо, товарищи чекисты!»

На шаг от большой беды стоял Арсеньев в 1926 году после неосторожных бесед в приёмном покое больнички в Толгоне, куда он попал, заболев в экспедиции. Мы цитировали начало и конец его докладной в ОГПУ, в которой он по сути признался в том, что некий студент «спровоцировал» его на антисоветские беседы. Ведь тогда уже понял наш герой, что кто-то успел «капнуть» на него. Не сам ли тот больной студент?

И куда, кстати сказать, он потом делся?

То, что Арсеньев готовился к беседе с чекистами, говорит его запись на повестке, присланной ему 26 октября 1926 года по месту жительства в Хабаровске на ул. Фрунзе (б. Протодиаконовская), д. 33. Подписал её начальник 1-го отд. ПП ОГПУ ДВК Улыбышев. На

обороте этой бумажки Владимир Клавдиевич бегло пометил: *«Масса энергии уходит зря. Русские за границей. Без займов не обойтись. Хотя они в новой коже. Нет широкого кругозора у людей. Чистота на улицах в Германии, грязь в Хабаровске».*

После беседы с Улыбышевым, тот попросил Арсеньева всё изложить на бумаге. Текст объяснительной сохранился. Это «произведение» Арсеньева, если так можно назвать объяснительную, выпукло показывает его тогдашние умонастроения, широту взглядов и интересов, наконец, уровень мышления и какие-то заблуждения. Да и само изложение привлекает логикой, многое говорит о характере писавшего. И ещё: так же в то время думал не один Арсеньев! То, о чём он написал, витало в воздухе, по крайней мере, в среде интеллигенции.

Что-то осталось актуальным и по сей день.

Обратите и внимание на его стремление при сразу взятом стиле «откровенного признания» не проговориться, свои разговоры со студентом, на которого, заметьте, он не «наваливается», переводить в «научное русло», объяснить многое происходящее «явлениями общего порядка» и т.д. Знал, знал «старый волк», с кем имеет дело. Завтра же его не только могут вернуть на «особый учёт», а запросто арестовать... Поэтому писал, как ходил по дебрям, с особой осторожностью. Хотя какие-то выводы могли и насторожить бдительно-го особиста.

Но, к счастью, Улыбышев, видимо, был не таким...

Приводим полный текст объяснительной:

«В Полномочное Представительство Объединенного Государственного Политического Управления на Дальнем Востоке.

Согласно П.П.О.Г.П.У. ДВК № 28 Октября 27-го в 9 ч. утра я явился в комнату № 18, где мне было предложено несколько вопросов, на которые имею сообщить следующее:

13-го сентября больным я прибыл в сел. Толгон на Амуре, где меня поместили в приёмном покое в одной комнате с Александром Петровичем Петровским, который назвался студентом Московского университета по специальности антропогеограф, дисциплине, близко родственной к моей специальности – этнографии.

А.П. Петровского я встретил впервые и провёл с ним в одной комнате четверо суток, из коих два дня он был в отлучке. Человек он образованный и действительно антропогеограф, весьма начитанный, но нервный, выбитый революцией из колеи жизни и в этом отношении искалеченный. Для меня А. П. Петровский человек посторонний, случайный прохожий, с которым встречаешься-расходишься и друг друга забываешь.

Разговор, который мы вели с ним урывками между делом, не выходил из плоскости нашей общей профессии «народоведения». Ан-

тропогеография близко соприкасается с психологией, социологией и главным образом с влиянием окружающей обстановки на характер как отдельных индивидуумов, так и целых народностей. Тема – общеполитическая. Я не вёл дневника нашему разговору. Большую часть времени я был занят своими работами по экспедиции и только время от времени беседовал с А.П. Петровским. Голова моя была занята другим делом, и я не придавал особого значения нашему разговору. Поэтому я не помню всех деталей этого разговора, помню лишь некоторые моменты, которые и излагаю ниже.

Помню, один раз мы говорили о том, что все русские удивительно безалаберный народ, по природе своей анархисты, анархисты в серьёзных делах и анархисты в мелочах. Это люди, которые всегда тяготеют порядком, планом, не знают, что такое время, словом, не выносят стеснений, и для того, чтобы втиснуть русского человека в рамки порядка, нужно насилие. Развал, который мы видим с 1917 года, не есть вина правительства. Это свойство русского народа, это явление постоянное при всяком флаге, при всяком правительстве, будь оно монархическое или коммунистическое.

Другой раз мы говорили о том, что наблюдается во всех учреждениях, заведениях, канцеляриях, у госслужащих и даже просто у частных лиц какая-то апатия, усталость, граничащая с абстракцией, потерей всеми энергии – явление, вызванное продолжительной войной и революцией. Фон этого безразличия напоминает усталость после 30-летней войны в Европе. Это явление общее и не зависит от цвета флага.

Вспоминаю ещё один разговор на тему сварливости славянского характера. Поссорить русских людей очень не трудно. Не проверив сплетни, они сразу начинают ненавидеть друг друга. Не только отдельные личности делаются врагами на всю жизнь, но даже семьи, роды, целые области и даже народы. Например, поляки и великороссы, сербы и болгары и т.д. Во время наводнений, землетрясений, революций вражда вспыхивает, как пожар, не только среди простого народа, но и среди интеллигенции. Оклеветать соседа, столкнуть его, захватить его место, свести с ним личные счёты – всё это явления славянства, живущего не столько умом, сколько чувством, впечатлениями. Всё это можно наблюдать и в русской революции.

Ещё был один разговор о еврейской народности. Из антропологии известно, что евреи не один тип, а два: ливийский и месопотамский. Последний по сравнению с первым является более одухотворённым. Об этом с неоспоримой ясностью свидетельствует нам история. Месопотамский тип дал Б. Спинозу, Иисуса, Мендельсона, Антокольского, Ренана, Зюсса, Эйнштейна и т.д. При царском правительстве евреи допускались в школы лишь в размере

5%. И в то время, когда отец-еврей говорил сыну: «Зубри хорошенько, иначе ты не войдёшь в 5%», русская мать говорила своему мальчику: «Ну, не плачь, ступай погулять – ничего, отец сходит и директора попросит!» С течением времени получился отбор людей настойчивых, энергичных, дельных, привыкших прокладывать себе дорогу среди бурелома. У евреев сильно развито чувство взаимной поддержки, внимания к интересам другого еврея – явления, достойные уважения и подражания.

Лично я как этнограф отношусь ко всем народностям с одинаковым вниманием и интересом. Издавна среди евреев я имею близких друзей (Лев Яковлевич Штернберг – старший этнограф Академии наук, Лев Семёнович Берг – известный зоолог, Яков Самойлович Эдельштейн – видный геолог и петрограф Геологического комитета в Ленинграде, Соломон Абрамович Трон – инженер-электрик, находящийся сейчас в Берлине и т.д.). Нет надобности перечислять все имена.

Наконец, вспоминаю ещё один разговор на тему об иностранцах. Всегда лучше переоценить, чем недооценить противника. Англичане великие мастера создавать коалиции. Так они создали их в своё время для борьбы с Францией (Наполеон), для борьбы с Россией (Николай I), для борьбы с Германией (1914–1917 гг.). Из газет «Известия ВЦИКа», «Правды», «Тихоокеанской звезды» видно, что и теперь англичане собирают коалицию против СССР. Англичане действуют всегда методически, планомерно, не торопясь, основательно. Это дельный народ. Но хорошего нам ждать от них нечего. Интервенция эта будет окончательной гибелью нашего государства – разделом, и мы все русские сойдём в положение туземцев, ещё на более низшую ступень, чем индусы.

Вот все разговоры были в этом духе. Вероятно, кто-нибудь и подслушал часть разговора или одну, две, три фразы из них, не понял их, исказил по неведению, а может быть, и умышленно и в извращённом виде [сообщил] в Г.П.У. Как образчик такого искажения приведу два примера. На берегу Гасинской протоки во время топографической съёмки я подошёл к почвоведу А.А. Амосову и, увидя его окутанного пылью с ног до головы, сказал ему: «Тяжёлая Ваша работа – вот я не мог бы быть почвоведом». По существу безобидная фраза, а между тем профессору Н. И. Прохорову было передано, будто бы я сказал: «Терпеть не могу почвоведов и почвоведение!»

Другой пример. Во время экспедиции сего года на меня была возложена маршрутная съёмка и сбор сведений статистическо-экономического характера. Так как съёмка р. Анюя произведена была мною раньше, я, узнав, что с верховьев все люди ушли вниз, сказал: «По существу на верхнем Анюе мне делать нечего». Моя

фраза была истолкована в следующем виде: Арсеньев – этнограф и, зная, что на Анюе нет туземцев, не хочет туда идти.

Вот яркая иллюстрация искажений».

Далее идёт заключительный абзац объяснительной, который уже цитировался.

Как ни осторожно излагал он «тезисы» своих бесед, что бы могло «зацепить» бдительного чекиста?

Мысли о русских (а кто революцию совершил?); затем неосторожное замечание: «чтобы втиснуть русского человека в рамки порядка, нужно насилие» (как же был прав!); мысли о «развале, который мы видим с 1917 года» (правда, оговаривается: у всех народов так); слова об апатии, усталости, потере энергии и т.п., что «наблюдается во всех учреждениях (неужели и в ПП ОГПУ тоже?!); разговоры о характерах – сварливости славян...

А вот евреев Арсеньев, хорошо понимая ситуацию, довольно высоко оценивает. Хорошо знал он о том, о чём почти век спустя напишет А. Солженицын: «Политически активная часть русского еврейства, поддерживавшая гражданскую власть большевиков в конце 1917, – теперь так же решительно шагнула и в военные структуры большевиков». Немалое число их, отмечает он далее, было особенно среди «ответственных и активных сотрудников ВЧК».

Глубока мысль Арсеньева о том, как опасно недооценивать противников вне нашего общества. И как нам нужно опасаться интервенции – разве не грозит она России и в XXI веке? Но тогда, как писал Арсеньев, это «будет окончательной гибелью нашего государства – разделом, и мы все русские сойдём в положение туземцев».

В наше время это «читается» так: чтобы такого не случилось, надо крепить обороноспособную мощь страны.

Что и делается.

Арсеньев играл с огнём, но пожар, к счастью, не разгорелся. «На дворе» стоял 26-й, а не 34-й – год убийства Кирова и не 1937-1938 годы.

Начальник 1-го отделения ПП ОГПУ ДВК арсеньевскую бумагу положил «в долгий ящик»...

Пройдёт одиннадцать лет, и на допросах уже другие, куда более бдительные, точнее, фанатичные чекисты будут у заключённой Маргариты Николаевны Арсеньевой требовать признаться, что они с мужем активно участвовали в контрреволюционной деятельности.

Приведём одно место из протокола её допроса. Так ли она говорила, как в записи, трудно сказать. Но похоже, что сказанное было их с мужем искренним убеждением:

«Выйдя замуж в 1919 г. за Арсеньева, я оставалась в том же кругу знакомых, в котором была в доме отца. Старое Географическое общество, деятельными членами которого были муж и отец, было до революции крупным научным центром в крае, объединявшим почти всех научных работников и просто культурных людей, интересовавшихся краем. В этом кругу я выросла и жила, так же, как и муж мой В.К. Арсеньев, и воспринимала психологию и идеологию его. Политические взгляды нашего круга были либеральными, мы стояли на платформе конституционного буржуазно-демократического политического строя. Принадлежность к такому кругу создала между мной и мужем полную общность и гармонию в политических взглядах и вообще во всей нашей идеологии, идеалах и стремлениях. Таким образом, повторяю, никакой особой предварительной подготовки для работы с мужем на политическом поприще не требовалось».

У «попутчиков» в те годы подобные взгляды были распространены. Однако значит ли, что они обязательно вели супругов Арсеньевых к активной деятельности против советской власти? И заслуживают клейма «врага народа» и смертной казни?

Но обвинители себе таких вопросов не задавали.

Как у Маргариты выбили нужные признания, читатель знает.

А если бы дожил до 37-го наш герой?

Только у истории, слава Богу, нет сослагательного наклонения.

Расскажем, что в конце 20-х творилось в стране, сопредельной с русским Дальним Востоком.

Вскоре после вступления в силу Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией и установления дипломатических отношений 6 апреля 1927 года в Пекине китайская полиция совершила налёт на здание советского представительства. Повод: якобы СССР вмешивается во внутренние дела Китая.

Отношения с пекинским правительством резко обострились.

Одновременно разыгрывалась карта с «революционным правительством» Гоминьдана во главе с Чан Кайши. Но 12 апреля того же года Чан Кайши начал массовые репрессии против китайских коммунистов, произведя в стране переворот. 1 июля ко всем рабочим и крестьянам с обращением о непосредственной угрозе новой интервенции и повышении бдительности выступил ЦК ВКП(б). Оно было вызвано крахом надежд на союз с гоминдановским Китаем, разрывом Великобританией дипломатических отношений с СССР.

27 мая 1929 года в Харбине был совершён налёт на советское консульство. Это был «первый акт» разгоравшегося советско-китайского конфликта по поводу КВЖД, которую в июле китайские власти взяли под контроль. 17 июля СССР заявил о прекращении

дипломатических отношений с Китаем. Этот конфликт был урегулирован только в декабре. Тогда в Японии уже тайно готовились к агрессии в Китае и захвату Маньчжурии.

Она была осуществлена через два года.

Поэтому понятно, что интерес Японии к советскому дальневосто- чью усиливался. Её разведка протягивала свои щупальца куда толь- ко было можно. Японцам, например, хотелось досконально знать положение в рыбном, зверовом, лесном хозяйстве. А крупных спе- циалистов по всем этим отраслям в крае было раз, два и обчёлся.

Среди них В.К. Арсеньев – первый.

Спецслужбы имели «крыши» в диппредставительствах, давали им сведения приезжавшие по делам из Японии учёные, журналисты и т. д. «В условиях крайней любви к своей родине и обожаемому микадо, – утверждает в письме автору этих строк О.В. Щербаков, – каждый японец считал за высочайшую честь, если ему «силовики» давали шпионское поручение».

Таких контактов у Владимира Клавдиевича и Маргариты Нико- лаевны, как мы знаем, было немало. Помогало общаться знание языков. Их общительность, считает историк, сыграла с ними злую шутку: они «много лишнего болтали». Были они в хороших отно- шениях с генеральным консулом Японии господином Ватанабе Рио, участвовали в устраиваемых им приёмах. В октябре 29-го их при- гласили и на банкет в связи с отбытием Ватанабе-сан в Японию и приездом нового консула Огато.

Даже проводить на причал пришли, сфотографировались...

Одного из участников банкета в 1930 году ОГПУ арестовало. Со- хранился протокол его допроса. В нём фигурирует фамилия Арсе- ньева, которую чекист подчеркнул. Правда, допрашиваемый лишь сказал, что Владимир Клавдиевич оказался «особенно хорошим со- беседником».

Щербаков утверждает, но не подтверждая конкретно, и такое: «В японских спецслужбах были советские разведчики, и они че- рез некоторое время зафиксировали предоставление супругами Ар- сеньевыми стратегически важных сведений для Японии». Правда, оговаривается: «Японская разведка получала от Арсеньевых ценные сведения «втёмную», т. е. так, что они это сами не замечали и не понимали.

Верится в это с трудом. Арсеньев был человеком проницатель- ным.

Но можно согласиться, что его знания наверняка «использовали».

Расскажем о другой стороне деятельности В.К. Арсеньева, как спеца, готового служить советской державе. Ценным во всех от- ношениях человеком был он для тех, кто поднимал край к новой

жизни. Среди тогдашних партийных, советских и хозяйственных руководителей было немало людей, понимавших, что Владимир Клавдиевич, как учёный-исследователь и как знаток края, может очень им помочь. Особенно военспецам и тем, кто занимался пере- селением масс людей на Дальний Восток, их обустройством. Тем, кто планировал и уже организовывал строительство новых пред- приятий и коммуникаций.

Кто серьезно думал о том, чтобы дальневосточные земли не за- хапали чужеземные загребушие руки.

Таким лидерам он был готов отдать свой опыт и знания...

Как рассказать в повести об этом доходчиво?

А если сочинить такую «инсценировку»? Вообразим, что из Мо- сквы в Хабаровск приехал один из высоких московских руково- дителей и созвал на совещание всё дальневосточное руководство, хозяйственников, учёных, красных командиров, творческую интел- лигенцию... Как говорят сегодня – элиту. Назовём его просто: Гость. Фамилия тут не так важна: после смерти Ильича тогдашние канди- даты в новые вожди партии и государства были, за немногим ис- ключением, как говорится, из одного теста.

Могли на такое совещание пригласить выступить Арсеньева? Вполне.

Представим его на трибуне и вложим в его уста некоторые рас- кавыченные цитаты или предельно близкие к оригиналам мысли и соображения из того, что было им написано и сказано в советские годы. Прежде всего из так называемого «секретного доклада», кото- рому позже дали название «Условия нашего будущего». Доклад был разослан всем членам и кандидатам бюро крайкома. Как утвержда- ют историки, предложения учёного изучались. Но вскоре началась перетряска кадров, политические процессы... Доклад затерялся в архивах. Обнаружили его лишь в 1989 году. Опубликовали во Вла- дивостоке, затем в Хабаровске в конце минувшего века.

Но какие-то из его мыслей не потеряли актуальности.

Итак, поторопимся в зал.

Наш герой уже начал речь. Судя по реакции присутствовавших, репликам членов президиума, она задевает за живое. Понять, о чём он говорит, несложно.

Владимир Клавдиевич и в годы царизма, и при новой рабоче- крестьянской власти повторял и повторял мысль о том, что здесь, на востоке России, её окружают многонаселённые государства, с которыми по-прежнему надо держать ухо востро.

– ...Вот и я говорю, что у всех земледельческих народов всегда было стремление занять удобные земли...

Гость из Москвы:

– Но это, товарищ Арсеньев, взгляд на Россию, как на аграрную страну, а мы строим новую Россию, как державу индустриальную.

– Я только хотел сказать, что Дальний Восток – весьма лакомый кусок для соседних народов – для них-то как раз эти земли чрезвычайно удобны.

Один из президиума бросает:

– Для грабежа!

Сидящий рядом в форме командарма добавляет:

– Новая власть, её рабоче-крестьянская армия делают всё, чтобы к нам враг не пролез. Наши границы опоясаны железобетоном и достаточно прочны, чтобы выдержать даже самые крепкие зубы агрессора. Об эти укрепления разобьётся любая империалистическая голова!

Гость спокойно перебивает:

– И всё же, товарищи, давайте выслушаем мнение учёного и путешественника. Голова, она, может быть, и разобьётся, а вот чужие ноги, товарищ Арсеньев, через нашу границу пройдут?

– Те, кто живёт по ту сторону границы, при желании пролезут через любую щель! А чтобы укрепить границы в горах, в тайге, да и по рекам, потребуется не одно десятилетие.

Снова встречается кто-то из президиума:

– Не по-большевистски рассуждает товарищ Арсеньев!

В зале раздаются голоса одобрения.

Выступающий слушает спокойно, даже улыбнулся уголком рта, подумав: окажись тут мой Дерсук, обязательно бы меня поддержал! И когда в зале шум затих, продолжает:

– Если позволите, я хотел бы вернуться к проблеме заселённости дальневосточных земель. Наша колонизация на Дальнем Востоке имеет вид клина, слабеющего на своём конце и вклинивающегося, взгляните на карту, в исконные земли «жёлтых» народов.

Из президиума его снова перебивают:

– Слово «исконные», пожалуйста, забудьте! Вот раздуем скоро мировой пожар, все земли нашими станут!

Гость жестом останавливает говорящего:

– Мировая революция, товарищи, отодвигается. Давайте говорить о наших землях, которые открывал и товарищ Арсеньев.

Гость делает паузу и заканчивает:

– Мы чужой земли не хотим ни пяди... Но и своей вершка не отдадим!

Зал дружно рукоплещет. Арсеньев тоже хлопает. Зал затихает, а он продолжает:

– Всё упирается в количество людей, живущих в этой части планеты. Около государственной границы плотность нашего населения сейчас на обжитой площади – 8 человек на квадратный километр,

на необжитой, считая удобные и неудобные земли, – 1,4 человека на тот же квадрат, а в Охотско-Камчатском крае – 0,7 человека на 30 квадратных километров! А в Китае живёт 500 миллионов, в Корее – 22 миллиона, в Японии – свыше 70 миллионов... Итого около 600 миллионов «жёлтой» расы!

Из зала кто-то довольно громко:

– Они, дьяволы, там плодятся и плодятся!

Гость поднимает руку:

– Мы с вами не на митинге. Говорите, товарищ Арсеньев.

– Маньчжурия и Монголия колонизируются с изумительной быстротой, причём переселенцы направляются главным образом к Амуру. Осуществляется широкая программа строительства целой сети дорог, в том числе и железных. Новые железнодорожные ветки де-факто японские. Они открывают доступ к нашим границам. Мало того, японцы создают обширные склады продовольствия и боевых припасов.

– И в результате? – спрашивает Гость.

– Япония издавна стремится объяпонить Корею и обкорееить Южно-Уссурийский край и прилегающую часть Восточной Маньчжурии. Я считаю, что опасность переполнения наших пределов китайцами и корейцами будет всё более и более возрастать.

Кто-то из-за стола:

– Но это же наши братья – пролетарии!

– В наши пределы, - выступающего с мысли не сбить, - китайцев и корейцев привлекают не политические убеждения, а исключительно материальные выгоды. Трудно рассчитывать, чтобы они стали жертвовать жизнью за нас, чуждых им людей. Нам некогда ждать, когда они изменят свои убеждения, характер и миросозерцание. Да и вряд ли они их когда-нибудь изменят.

Гость кивает:

– В ваших словах есть доля истины. Скажите, что же нам делать?

– Строить политику с учётом реальностей. Почему на Дальнем Востоке существуют две колонизации: одна с запада, переселенцами из европейской части Союза, другая – с юга? С одной стороны – вся энергия, все средства направлены на заселение пустынного края советскими гражданами, а с другой стороны – какая-то сила действует в диаметрально противоположном направлении, в корне подрывая нашу колонизацию.

Гость вполголоса бросает сидящему рядом с ним за столом президиума:

– Подготовьте документы по этой проблеме и ваши конкретные предложения. Такое положение нетерпимо! И уже Арсеньеву:

– Продолжайте, товарищ!

– У новой России должен быть конкретный и перспективный план о возможно густом заселении непосредственно граничащих с Китаем и Кореей земельных пространств колонистами из европейской части Союза и Западной Сибири, независимо от национальности, но, подчёркиваю, отнюдь не китайцами и не корейцами...

– А что по этому поводу думают хозяева края? - поворачивается к президиуму Гость. Сидящий рядом приподнимается:

– Думаю, что решать надо вопрос по-большевистски. Надо освободить земли Приморья и Приамурья от враждебного нам иностранного населения. А на них мы ждём новых переселенцев с запада страны. Владимир Клавдиевич не один год занимался проблемой колонизации. Может быть термин этот устарел, но суть его надо сохранить. Надеемся, что наш выдающийся учёный обязательно нам поможет.

Арсеньев согласно кивает:

– Согласен. Позвольте, я продолжу... В наше время гораздо важнее экономическая защита страны, чем вооружённое сопротивление. Поэтому в приграничных районах необходимо создать мощные промышленно-экономические организации, которые дадут колонистам заработки и обеспечат им сбыт сельхозпродуктов. Да, для этого нужны средства, и не маленькие, но всё-таки убеждён, что они будут неизмеримо меньше тех, которые придётся израсходовать потом для отстаивания наших интересов вооружённой рукой. Необходимо укрепить и морскую границу.

– А чем нам, товарищ Арсеньев, могут помочь аборигены, знатком которых вы являетесь?

– Ждал этого вопроса. Новые власти хочется предостеречь от повторения ошибок, которыми гршило царское правительство. Первая из них: пренебрежение интересами коренного населения. Колонизация... простите, что употребляю это слово... страны первобытной и девственной возможна только при наличии здорового и экономически крепкого туземного населения – того населения, которое уже сумело приспособиться к климату и обстановке.

– А какую вторую ошибку допускал царизм?

– Ориентация на слабые, экономически маломощные семейства, привыкшие полагаться не на себя, а на помощь правительства. Такое переселение является даже до известной степени хозяйственным регрессом.

Сидящий рядом с Гостем подаёт голос:

– Так осваивались Америка, Австралия, да и наша Сибирь.

Воодушевившись поддержкой, Арсеньев продолжает:

– Именно так: сильные духом и энергичные люди шли в неведомую страну без всякого содействия правительства. Слабые бежали назад и гибли, выживали те, которые не опускали рук и не пада-

ли духом. Эти люди, покамест добивались до цели своего путешествия, в борьбе с природой закаляли свой дух и привыкали смело смотреть вперёд. Поэтому, прибыв на место, они были более чем подготовлены к новой жизни, опасности их уже не пугали, и оседлая жизнь для них являлась отдыхом после столь трудного и далёкого путешествия. Я за приоритет пионерской колонизации!

Гость останавливает Арсеньева рукой и говорит:

– Вы сейчас рассуждаете как литератор. А наши литераторы часто витают в облаках... Америка... Австралия! Нет! Как говорил товарищ Ленин, мы пойдём другим путём. Хорошо, пусть на новых землях селятся и герои-одиночки, которых правильно поддерживает товарищ оратор, но сколько таких наберётся?

Но когда Арсеньев хочет продолжать, снова Гость делает жест рукой:

– Нам, товарищи, необходимо в кратчайшие сроки осуществить переселение больших масс населения на восток. Ведь вы сами только что об этом говорили, товарищ Арсеньев!

Обращается к сидящему рядом:

– Сколько сейчас вы принимаете в крае новосёлов?

– В последние годы к нам приезжает по 10–20 тысяч! Только в 28-м прибыло 41.654 переселенца. И это, давайте смотреть правде в глаза, в основном беднота. Они полностью зависят от субсидий.

Гость:

– Надо организовать дело таким образом, чтобы они сами себя сумели прокормить. И не будем бояться туже затянуть пояса. Мы большевики, а не хлюпики. Что же касается цифр... Надо завербовывать на Дальний Восток куда больше людей. Сильные духом? Это вы хорошо сказали, товарищ Арсеньев. Мы пошлём на восток тысячи и тысячи сильных духом, если даже они не будут добровольцами. Если мы не построим на востоке оборонные заводы, не станем там делать подводные лодки, бомбардировщики, то есть такое, что нас сделает непобедимыми, если не наладим добычу золота и других ископаемых, мы не сможем противостоять мировому империализму. Кажется, именно об этом нам говорит товарищ Арсеньев?

Арсеньев снова кивает:

– Чтобы привлечь к нам как можно больше новосёлов, я предлагаю предоставить им благоприятные условия и льготы, например, по отбыванию воинской повинности, налоговые, земельные и прочие. Новой власти, надеюсь, это организовать по силам.

Но всё же в завершение этой темы я хочу сказать об опасности преувеличения колонизационной ёмкости Дальнего Востока. Перенасыщение края кадрами неустроенных – подчёркиваю это слово – рабоче-крестьянских масс неизбежно затруднит нормальное разви-

тие хозяйства, создав тяжёлое положение не только для переселенцев, но и для части местного населения.

Голоса из зала:

– Это искривление линии партии!

– Не сейте панику!

– У вас отсталые взгляды!

Гость:

– Хочу повторить: эти лозунги мы с вами будем произносить на митингах. Предложения товарища Арсеньева необходимо изучить и, отбросив плевела, ценные зёрна его мыслей использовать в той части первого пятилетнего плана, который касается Дальнего Востока.

Вернёмся, товарищи, к теме, уже затронутой выше: о намерениях наших ближайших соседей на Дальнем Востоке.

– Я недавно был, – заговорил Арсеньев, – в Японии. И узнал о настроениях их воинствующей верхушки. Слышал и о меморандуме генерала Танака.

Человек с ромбами на кителе из президиума:

– Разрешите дать пояснение. Наши компетентные органы располагают содержанием этого сверхсекретного документа. Приведу лишь одну выдержку из него: «Для того, чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того, чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Продвижение... в район Северной Маньчжурии приведёт к неминуемому конфликту с красной Россией... В программу нашего национального развития входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией». Конец цитаты.

Арсеньев:

– Вот почему я так настаиваю на скорейшем развертывании железнодорожного строительства в крае. Оно имеет большое военно-стратегическое значение. Пройдя недавно с экспедицией по маршруту Совгавань – Хабаровск, я твёрдо убедился, что столицу края необходимо обязательно связать железной дорогой от Байкала с морским побережьем, а в будущем, может быть, и туннель проложить на остров Сахалин.

Голос кого-то из президиума:

– Ну, это мечты!

Гость подымает до груди обе руки:

– Вспомните, товарищи, как говорил Ильич: «Надо мечтать!»

Поворачиваясь к трибуне, спрашивает:

– А о чём вы, товарищ Арсеньев, мечтаете?

– Есть у меня одна заветная мечта. Мы с вами, точнее уже вы, ибо наше поколение уходит со сцены жизни...

Он на мгновение замолкает, смотрит в притихший зал, продолжает:

– Так вот, надо сделать всё, что в наших силах, чтобы оградить уникальную природу Дальнего Востока от варварского разграбления и поругания. Да, да, именно так! Хотя бы заповедные места оставить, где бы хранились в нетронутым виде первобытные девственные леса, населённые множеством диких зверей, прежде всего тигров, леопардов и других реликтовых животных... Где в реках нерестятся рыбы ценных пород... Эти леса должны стать неприкосновенным капиталом, на проценты с которого будут жить наши дети и внуки!

Читатель, знакомый хотя бы из сообщений средств массовой информации с положением дел на Дальнем Востоке России в начале XXI века, может легко увидеть, что из мыслей и пожеланий Арсеньева стало явью.

А что ещё может стать – в обозримом будущем.

Открываем 20-й том первого издания Большой Советской энциклопедии. Она начала выходить в 20-е годы под редакцией академика О.Ю. Шмидта. На книге стоит год 1930-й. Далее идёт уточнение: «редакционная работа закончена 1 декабря». Значит, этот том Арсеньев уже не мог увидеть, прочесть... А в нём целых 46 колонок убористого текста занимает статья «Дальневосточный край» – с картами, диаграммами, схемами.

Каким был в то время регион, которому Арсеньев отдал большую часть своей сознательной жизни? Назовём лишь несколько цифр. Дальневосточный край с центром в городе Хабаровске занимал 12% площади СССР (площадь 2.602,6 т. кв. км.), в него входило 9 округов. В 30-м году окружную систему заменили районной и создали три национальных округа. Население по переписи 1926 г. составляло 1.881,4 тыс. человек, а на 1 января 1929 г. – 2.099,7 тысячи. В подглавке «Переселение» сказано: «За 5 лет проектируется переселение в ДВК 785 тыс. человек... В настоящее время обсуждается вопрос об увеличении переселения до 1 млн. чел. за пятилетие».

Среди коренного населения называются: «тунгусы, коряки, гольды, гиляки, камчадалы, эскимосы, буряты и др.». Говорится, что на большинстве территории плотность населения «ничтожная», совершенно преобладает сельское хозяйство над промышленностью. По пушным и звероловным промыслам край занимает после Восточно-Сибирского второе место в стране.

О перспективах развития хозяйства говорится скупо. Упомянуто, что на Дальнем Востоке «совершенно особые условия» и «наиболее удалённая связь с центром», и поэтому «момент включения ДВК в общую экономическую ткань с другими районами СССР с правильным межрайонным разделением труда» наступит лишь во второй пятилетке.

В главах, посвящённых истории и организации ВКП(б), пишется, что и в дальневосточном крае ведётся неустанная борьба то с троцкистами (1923–1927 гг.), затем с проникновением в ряды большевиков элементов мелкобуржуазного радикализма... Наконец, «борьба с правым оппортунизмом». Правооппортунистические элементы обнаружены в руководстве Владивостокской и Читинской организаций. «Решительная борьба с ними со стороны Дальневосточного крайкома ВКП(б) и всей организации (снятие руководства) обеспечивает возможность проведения генеральной линии партии в ДВК».

Эти зубодробительные цитаты приведены, чтобы стало понятнее, в какой наэлектризованной атмосфере жил и трудился Арсеньев. Ему же, когда он начал работать над своими народнохозяйственными проектами, нередко приходилось пусть не участвовать в этой «неустанной борьбе», но быть ее свидетелем.

Во второй половине 1920-х он плотно занялся проектами прокладки новых железных дорог. Стоит только прочесть его работу «Пути от Хабаровска на Советскую Гавань», как станет понятно, насколько же убедительно рассмотрел он варианты прокладки колеи. Тут ему помогли материалы, собранные во время экспедиции 1908–1910 гг. Подробнейшим образом он останавливается чуть ли не на каждом километре маршрутов. При этом показывает себя незаурядным знатоком не только географии, но и геологии, инженерии. Описывая преимущества первого варианта, предлагает и второй, отдельно разбирая его сильные и слабые стороны.

Статью Арсеньева прочёл председатель крайисполкома и секретарь крайкома партии Я.Б. Гамарник. Выступая на VII Дальневосточной конференции РКП(б), он, остановившись на строительстве путей сообщения, сказал: «Здесь мы предлагаем капитальные работы. В перспективе – в течение 10 лет – стоит вопрос об открытии выхода к амурскому лесу, амурскому хлебу. Нужно создать кратчайший выход к морю, и этот выход намечается через Хабаровск – Советскую Гавань».

Правда, этот проект не скоро сбудется...

До Первой мировой войны Арсеньев утверждал, что дороги к морю строить опасно, потому что по ним смогут в случае агрессии быстро проникнуть в глубь края высадившиеся на берегу десанты противника. Доля истины в его рассуждениях была. Сейчас же ситуация стала меняться. Коли взялись большевики поднимать край, без современных дорог это совершить невозможно.

Он постоянно держал в уме одно из слагаемых всех его экспедиций: исследование края «в военном отношении». Отправляя в Москву в Наркомат путей сообщения одну из своих докладных записок, её копию послал академику В.Л. Комарову. 12 декабря 1929 года

тот ему ответил так: «Вашу памятную записку о железнодорожном строительстве на Дальнем Востоке и его военно-стратегическом значении я прочитал с большим интересом. Насколько мне известно, ею заинтересовались не только в Наркомате».

Такие слова не могли не подбодрить Владимира Клавдиевича.

Арсеньев высказывал свои соображения и о строительстве железных дорог по многим другим направлениям. Вот какие факты «раскопал» исследователь из г. Комсомольска-на-Амуре В.Ф. Зуев.

На одном из технических совещаний при управлении Уссурийской дороги Арсеньев говорил: «Если Дальревком и НКПС не решат вопрос строительства вторых путей и железнодорожных линий Кангауз – Сучан – залив Америка, Барановский – залив Посъет, Манзовка – озеро Ханка, Шмаковка – бухта Ольга, Хабаровск – Советская Гавань, Бочкарёво – Николаевск-на-Амуре, Большой Невер – Якутск – Аян, то дальнейшая колонизация края будет затруднена». Правда, понимая сам, насколько широк этот перечень, он добавлял: «Я говорю о далёкой перспективе». В 1927 году, выступая на первой конференции по изучению транспортного развития Дальнего Востока, эти предложения он дополнил новыми, в частности о том, что целесообразно начать проектирование строительства Ленской и Амуро-Николаевской железных дорог.

Одним из первых учёных-практиков Арсеньев такой вариант прокладки дороги назвал Байкало-Амурской магистралью:

«С постройкой этих железных дорог через таёжные регионы Восточной Сибири и Приамурского края пройдёт новая Байкало-Амурская магистраль, которая выйдёт на тихоокеанское побережье в конечных пунктах Советская Гавань, Де-Кастри и Николаевск-на-Амуре».

Не скоро, но на всю страну звонко зазвучат эти три буквы: БАМ! Пройдя победным маршем по маршруту, о котором говорил Арсеньев, эта грандиозная стройка, пережив трудный этап в своей истории, вновь во втором десятилетии XXI века возрождается. Недавно было решено начать строительство 2-го БАМа.

Наступил 1930 год. Он оказался в жизни Владимира Клавдиевича последним.

Но и ещё, пожалуй, самым насыщенным.

7 января 1930 года Арсеньев заключает с правлением Уссурийской железной дороги договор, по которому принимает на себя обязанности начальника Бюро экономических изысканий новых железнодорожных магистралей. Так он неожиданно становится «железнодорожным служащим».

Вот как об этом писала в Москву Ивану Халтурину 25 ноября 1929 года Маргарита Николаевна:

«Вл. Кл. занят новой работой: организует Бюро изысканий для постройки новой жел.дор. линии у нас на ДВ. Летом предстоят большие экспедиции, на изыскания ассигнованы большие деньги, надо пригласить людей и наладить всё дело. Я не особенно доволен всем этим, т.к. за большие работы и труды известно, какая награда бывает по нынешним временам, но В.К. очень увлечён своей работой и предстоящими экспедициями».

Было у любимой жены верное чутьё, только мужа не остановить...

8 февраля. Выступает на расширенном заседании Далькрайкома ВКП(б), Далькрайисполкома, Далькрайплана и Правления УЖД с докладом «О задачах срочной разработки генерального плана железнодорожного строительства в крае и широкого развития изыскательских работ». По решению этого совещания срочно формируются четыре экспедиции по обследованию таёжных районов в направлении проектируемых линий.

Их руководителем назначают Арсеньева.

Февраль-март. Владимир Клавдиевич весь в заботах о подготовке уже девяти экспедиционно-изыскательских отрядов для экономического, природоохранного (говоря современным термином – экологического), биологического, геологического и, чего он не мог обойти, этнографического обследования регионов, попадающих в «зону», где, как предполагалось, пролягут железные рельсы.

Апрель-май-июнь. Четыре экспедиции, состоящие из 19 партий, приступают к работам на территории от Амура до побережья Японского моря и Татарского пролива.

Успешно продолжают их, постоянно получая указания от своего руководителя.

Расскажем подробнее, чем в это время был занят наш герой.

Арсеньев решил направить изыскателей и на Северный Сахалин. Там было решено начать строительство ветки между двумя перспективными пунктами добычи нефти: Оха – Москальво. Линия протяжённостью 37 км была построена в невиданно короткий срок: уже в 30-м году по ней прошёл первый состав. Кстати сказать, эта железная дорога до сего дня – единственная ширококолейка на острове.

Один из ветеранов-железнодорожников П. К. Татаринцев вспоминал: «В.К. Арсеньевым была составлена программа строительства Сахалинской дороги, утверждённая СНК СССР. Он помог специалистам Лентранспроекта и Мостранспроекта, когда они прибыли во Владивосток, в наборе рабочей силы и дополнительных специалистов. Помог с картами, составил экономическое обоснование магистрали. В беседах с ним я убедился, что В.К. был прекрасным специалистом».

А вот что писал Арсеньев о сахалинской трассе в августе:

«Дорога, ввод которой намечается в 1933 году, сыграет огромную роль в развитии советских регионов острова. Вдоль трассы будут построены десятки нефтяных и газовых промыслов, возникнут шесть крупных рыбозаводов, более трех десятков рыббаз, девять леспромхозов, пять бумажных и фанерных заводов, двадцать восемь колхозов. Возникнут более сорока населённых пунктов».

В прошлом веке мало что из этого было осуществлено. Так, например, не прошла дорога до Александровска, не возник крупный торговый порт Набиль, о котором он тоже писал... Однако ещё при жизни Арсеньева рекогносцировочные изыскания, проектные и строительные работы ширились. А Владимиру Клавдиевичу всё казалось, что размах их недостаточен. Он направляет в местные органы и в Москву – в НКПС и СНК СССР новую докладную записку, в которой предлагает ускорить изыскание и строительство вторых путей Транссиба от станции Карымской до станции Уруши и железнодорожной линии Уруша – Тында – Селемжа – Пермское-на-Амуре – Советская Гавань с последующим развитием системы опорных железнодорожных узлов на побережье Амурского лимана и Татарского пролива.

Этот вариант железнодорожного выхода к Тихому океану он снова называет Байкало-Амурской магистралью.

В той же записке Арсеньев предлагает приступить к проектно-изыскательским работам по сооружению Ленской железной дороги, линии Бочкарёво – Николаевск-на-Амуре. И, наконец, создать Дальжелдорстрой НКПС с центром в Хабаровске, а Академии наук – организовать большую комплексную экспедицию на Дальний Восток.

Предлагает и другие варианты БАМа, например, построить ветку до мыса Лазарева с устройством там летом на Сахалин паромной переправы. Её построят от порта Ванино, но только 40 лет спустя.

Ещё одно предложение: зимой прокладывать колею по льду пролива Невельского.

Дальше добавляет: с «перспективой строительства подводного тоннеля». Его начнут строить после Великой Отечественной войны узники ГУЛАГа, но после смерти Сталина и разоблачения Берии стройку законсервируют.

Впрочем, уже в XXI веке в МПС России нашлись энтузиасты проектирования и строительства тоннеля под проливом Невельского.

Всеохватная и научно обоснованная стратегия развития железнодорожного транспорта, как локомотива инновационного прорыва российской экономики, была разработана на десятилетия вперёд только в начале нового тысячелетия. Претворяться в жизнь она

начинает с 2008 года. Любопытную карту Российской Федерации опубликовала газета «Известия» 12 ноября 2007 года. На ней обозначены не только те новые железные дороги, которые уже проектируют и строят или запланировано провести до 2030 года, но даже и после этой даты.

Смотрим на дальневосточный регион. Рельсы протянутся по многим районам, где ходил со своими стрелками Арсеньев, где он около ста лет назад предлагал проложить железные дороги. Как сказано в пояснениях к карте, социальнозначимые, грузообразующие, технологические и стратегические линии свяжут с юга на север восточнее действующей магистрали Находку, Сергеевку, Новочугуевку, с ответвлением на Рудную (бывш. Тетюхе)-Пристань и Ольгу, Ковалерово, Сукпай, с ответвлением до Самарги, Селихин и далее на север до пролива Невельского, через пролив на Сахалин: из Лазарева на Погиби до Ныша. На юге острова новый путь протянется по его западному побережью: Ильинск – Углегорск – Бошняково – Смирных. Будут строиться новые железные дороги в Амурской и Магаданской областях, в перспективе – на Камчатке и Чукотке аж до Певека и Уэлена.

В начале второго десятилетия нового века правительство России разработало грандиозную программу социально-экономического развития Дальнего Востока и прилегающих к нему на западе регионов. Она рассчитана до 2025 года.

Только два пункта из неё, о которых говорил ещё наш герой. Порт Набиль на Сахалине всё же построят. Об этом было сообщено в 2013 году на заседании Госкомиссии по реализации этой программы. А недавно губернатор островной области заявил, что сахалинцы готовы принять долевое участие в строительстве, как он выразился, сухопутного перехода на материк. Каким он будет – под проливом ли прорыт или построят мост, – решат специалисты. Но верится – будет.

Пусть же те, кто станет осуществлять все эти планы, помнят имя человека, который был среди первых, торивших тут тропы и доказывающих необходимость широкого строительства железных путей и новых строек на Дальнем Востоке, – Владимира Клавдиевича Арсеньева.

19 июля. Арсеньев выезжает из Владивостока в низовья Амура для инспектирования подчинённых ему отрядов. Он проходит берегом реки, затем отправляется на озеро Кизи, мыс Лазарева, посещает посёлки Софийск, Мариинск, Богородское, Нижнее-Михайловское, Тыр, сёла в нижнем течении реки Амгунь.

Не устаёшь удивляться, с каким азартом этот человек принялся снова, как, помните, в 1918 году, когда пошёл в рыбинспекторы, за

дело, бывшее раньше на периферии его интересов. В который раз, а может быть, даже думал, в последний раз, решил доказать – и себе, и другим, что, коли взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Он горел на новой работе.

И это не просто красивое слово.

На Амуре Владимир Клавдиевич как будто помолодел... А.П. Путинцева, отрывок из воспоминаний которой мы выше цитировали, писала:

«В 1930 году я заведовала Амурской Красной юртой. Стояла она в нанайском стойбище Кондон. В июле к нам заглянули председатель Комитета народов Севера К.Я. Лукс и писатель-путешественник В.К. Арсеньев. Они ездили на озеро Эворон, где находилась база изыскательской партии тов. Иванова. В.К. Арсеньев интересовался работой Красной юрты, жизнью и бытом нанайцев, даже успел произвести раскопки на сопке Саргонь, где в XIII веке находилось древнее укрепление. В.К. Арсеньев был очень энергичным и деловитым. За дневниками сидел допоздна, рано поднимался, делал зарядку и купался в реке. Неделю Арсеньев и Лукс работали на реке Горюне и Эвороне и уехали обратно на катере до амурского села Верхне-Тамбовского... Арсеньев обещал написать очерк о работе Амурской Красной юрты и о жизни и быте горюнских нанайцев».

Казалось бы, всё тот же такой знакомый нам Владимир Клавдиевич. А жить ему оставалось месяц с небольшим.

Не успел написать очерк...

Горько, но приходится соглашаться со словами Трофима Михайловича Борисова, сказанными им после кончины друга:

«Обстоятельством, пресекившим кипучую и плодотворную деятельность Владимира Клавдиевича, была переоценка его здоровья как им самим, так и его близкими».

Но если бы только это!

Как верно написал хабаровский публицист и редактор, составитель двухтомника произведений В.К. Арсеньева Виктор Шевченко, *«подлинные причины трагедии – в злобе, ненависти, страхе, насилии, затопивших к тому времени страну и жестоко терзавших чуткую душу писателя. Арсеньева настиг-таки «век-волкодав» (О. Мандельштам), давно и безуспешно на него охотившийся».*

– Пропасть дел! – так мог бы откликнуться летом 1930-го Владимир Клавдиевич на вопрос любого спросившего, чем он сейчас занимается.

Мог ли даже подумать, что стоит уже на краю этой пропасти?

Но не хотел думать.

Мысли были о планах на ближайшее будущее.

Не ранее 26 августа 1930 года, то есть где-то за неделю до смерти, Арсеньев пишет директору Дальневосточного краевого научно-исследовательского института: *«В декабре сего года я кончаю работы по обследованию таёжных районов в направлении новых железных дорог и весь будущий, 1931 год намерен посвятить исключительно этнографической работе по составлению словаря и грамматики туземной народности удэхе. В план моих работ входят записи на их родном языке.*

Работу эту я веду уже более 25 лет, что отмечено в записках Академии наук СССР «Русские научные исследования. Этнография. 1926 г.». Перед тем, как приступить к окончательной обработке материалов, мне надо ещё раз съездить к удэхе и на местах проверить свои записи за прежние годы. Я должен посетить туземцев на р.р. Самарги, Имане, Хоре, Анюе и Хунгари. Прошу институт ассигновать мне на эту поездку 2000 рублей. В начале 1932 года мои рукописи объёмом в 20 печатных листов будут набраны на пишущей машинке. Вместе с тем я намерен обратиться к профессорам-маньчжуроведам П.П. Шмидту и А.В. Гребеникову с просьбой их проредактировать».

Тогда же Арсеньев обратился к новому для себя мемуарному жанру.

Фрагменты из его воспоминаний не раз приводились в этой повести. Но до сих пор они полностью не опубликованы. Даже точно не известно, сохранились ли все. Почему? Не раз задавал себе этот вопрос. В чём-то удалось разобраться. Что-то остаётся до сих пор неясным... Но, по порядку.

Всё началось с писем, которые стал посылать Владимиру Клавдиевичу профессор Московского университета Фёдор Фёдорович Аристов, автор рецензии на книгу «В дебрях Уссурийского края», опубликованную, как мы уже знаем, в «Известиях».

Арсеньев, почувствовав к нему особую приязнь со встречи в Москве, стал охотно откликаться на просьбы учёного. А тот загорелся идеей написать для собрания его сочинений статью объёмом 3 печ. листа. Заключил с издательством «Молодая гвардия» договор. Одновременно хотел взяться и за биографическую книгу, чтобы выпустить её к 30-летию исследовательской деятельности и 60-летию со дня рождения выдающегося дальневосточного географа.

Круглые даты приближались: 1930 и 1932 годы.

Он послал Арсеньеву большой список тем и вопросов. Просил прислать и «хронологический перечень всех трудов», и обзор всех путешествий «с подробными выдержками из его книг», и «самооценку напечатанных им трудов», и «авторефераты неизданных сочинений», и «заветные мысли об изучении Уссурийского края», и «документально-

официальные материалы», и т. д. «Только располагая всем этим материалом, – писал ему Аристов в ноябре 1929 года, – возможно будет составить обстоятельный обзор Вашей жизни и трудов».

Просил: «Было бы идеально всё это получить ещё до конца 1929 года».

Чтобы выполнить эти просьбы, Владимиру Клавдиевичу надо было бы всё бросить, да ещё, кроме жены, взять в помощники двух-трёх секретарей...

Но, как человек добросовестный и обязательный, Арсеньев, пусть урывками, занимаясь своими железнодорожно-проектными делами, начинает выполнять «заказ». В январе 1930 года посылает в Москву автобиографию, 10 своих книг, другие материалы, а затем по частям воспоминания.

Приведём попутно ещё один отрывок из них, публиковавшийся с оборванным последним предложением.

Прочтёте и поймёте, с каким настроением жил тогда наш герой:

«... Помню, с каким трудом я пробивался на Лысую гору в истоках реки Седанки. Через двадцать восемь лет я снова попал туда и увидел каких-то молодых людей и девиц, приехавших на автомобиле. Девушки, разодетые в лёгкие летние платья, разостлали на траве белую скатерть и вынимали из корзин вино и закуски, а молодые люди хлопотали около чайника, подвешенного над огнём. Все они были веселы, шутили и смеялись. Им и в голову не приходило, что мимо них проходит человек, который с тяжёлой котомкой за плечами, в изорванной одежде и с потным лицом впервые проложил сюда путь.

Если бы они узнали об этом, то в лучшем случае отнеслись бы к нему равнодушно, а в худшем – стали бы иронизировать. Тут я впервые почувствовал, что мы – люди разных эпох и не поймём друг друга. У них были свои идеалы, свои интересы, у меня – свои. У них было всё в настоящем, у меня – в прошлом...

Большинство моих сверстников уже находится по ту сторону смерти. Близится и мой черёд. Жить мне осталось каких-нибудь десять лет. Что я могу желать? Хотелось бы закончить обработку своих научных материалов и напечатать три большие работы, каждая в двух томах: 1. «Страна Удэхе»; 2. «Памятники старины в Уссурийском крае»; 3. «Теория и практика путешественника», – тогда я смогу сказать: «Я сделал всё, что мог; кто может, пусть сделает лучше».

...Таким пионерным экспедициям, как мои, имеющим цель естественно-историческую, пришёл конец. Они более не повторяются. Век идеализма и романтизма кончился навсегда. На смену нам, старым исследователям и путешественникам, пришли новые люди...»

Конец этого предложения в публикациях завершался многоточием. Его удалось мне обнаружить совсем недавно в бумагах, хранящихся в РГАЛИ.

Приведём его ниже. А пока вернёмся к переписке Арсеньева с Аристовым.

Они обсуждают план будущей книги. Из Москвы приходит новая просьба: написать об итогах 30-летней деятельности. Профессор хочет прибавить к фамилии Арсеньева, по примеру других прославленных русских путешественников, через чёрточку слово «Уссурийский».

Владимир Клавдиевич отвечает, что он против. Да и объём книги смущает. Делится сомнениями с учёным А.А. Борзовым: «Напрасно Ф.Ф. Аристов так много пишет обо мне. Мне очень хотелось бы быть в тени. Популярность только мешает жить и работать».

Уже после смерти Арсеньева Маргарита Николаевна в письме Аристову вторит мужу: «Объёмистое жизнеописание ему как-то не к лицу».

Тут хочется вот что добавить.

Тогда она написала верно. Однако вспомним строки поэта: *«Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии»*. Расстояние почти в целый век «разрешило» мне взяться за это «объёмистое жизнеописание». К нему, как видите, вернулся, чтобы дополнить написанное новыми, дотоле мне неизвестными фактами.

Среди них и теми, что связаны с судьбой Ф.Ф. Аристова и его архива.

Анна Ивановна Тарасова первой стала изучать историю этой переписки и подробно об этом написала в своей монографии.

А мне при наших встречах рассказала ещё вот о чём. Оказывается, письма и другие документы, которые получал Аристов, после его смерти продолжали храниться в домашнем архиве его дочери, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института этнографии АН СССР Т.Ф. Аристовой. К сожалению, она никого к ним не подпускала.

Что ж, право наследницы...

Фрагменты воспоминаний с комментариями Татьяны Фёдоровны иногда появлялись, обычно к датам рождения В.К. Арсеньева, в центральных изданиях. Но проверить, не подвергались ли они правке и какие в них делались сокращения, было невозможно.

В начале 80-х годов кандидат филологических наук, доцент Хабаровского пединститута С.И. Красноштанов, побывав в Центральном госархиве литературы и искусства (сейчас РГАЛИ), обнаружил большой блок копий этих же арсеньевских воспоминаний в ар-

хиве... К.М. Симонова. Эта находка стала поводом к публикации «Мне сопутствовала счастливая звезда... Материалы к биографии В.К. Арсеньева», напечатанной в №7 журнала «Дальний Восток» за 1986 год.

Готовила её вместе с Красноштановым Аристова.

Попали воспоминания к знаменитому поэту так.

Владимир Клавдиевич их печатал (а может быть и Маргарита ему помогала) на машинке в двух экземплярах. Первый посылал в Москву, второй оставлял себе. После его смерти Маргарита отдала копии другу Арсеньева Т.М. Борисову, когда он с семьёй в 1936 году задумал срочно покинуть Приморье, опасаясь репрессий. «Скрылся» в Алма-Ате. Там и умер. Его дочери в 1960 году решили копии воспоминаний Арсеньева послать Константину Симонову с надеждой, что он их где-то опубликует.

Но публикации не было, после кончины поэта архив «ушёл» в РГАЛИ.

Теперь у дочери Симонова мне потребовалось разрешение, чтобы ознакомиться с ним. Оказалось, что это были уже копии с копий: дочери Борисова сделали их, оставив вторые копии у себя. Ни одного автографа Арсеньева на них не нашёл. Только такие надписи на полях ручкой: «Подписано рукой Арсеньева» или «Рукопись перепечатана на машинке и имеет много правок В.К.А. И его собственную подпись»...

Сверяю с текстами в «Дальнем Востоке» и нахожу несколько пропусков (один из них, в котором рассказывается об участии Арсеньева в событиях у Благовещенска, приводился в 4-й главе).

Удалось выяснить, где же сегодня копии, оставшиеся в Алма-Ате. Узнал, что их купил у дочерей Борисова Хабаровский музей.

Там они и лежат...

Воспоминания Владимира Клавдиевича занимают в «Дальнем Востоке» почти 15 страниц. Сокращения в них помечены отточиями в скобках. Почему-то во всех библиографиях автором этой публикации называют Т.Ф. Аристову, хотя ею написано лишь заключительное стострочное «Необходимое пояснение». Но из него не ясно, какие копии взяты для публикации. Написано лишь, что в журнал она дала «большую часть биографических материалов В.К. Арсеньева, завизированных им», которые, продолжая цитату, «Ф.Ф. Аристов опубликовал в 1930 году в журнале «Землеведение».

Выходит, арсеньевские «визы» сохранились на бумагах, что хранились у неё дома?

Но почему опубликованы только те, что были приведены в статье её отца? Ведь Фёдор Фёдорович мог обрабатывать присланное, излагать своими словами, сокращать.

А где другие? В том числе документы и книги, что посылал в Москву Арсеньев?

Стал искать, к кому попал после кончины Татьяны Фёдоровны архив отца. Поиски заняли не один год...

Наследница наконец нашлась и через какое-то время согласилась передать архив в РГАЛИ.

Лишь в 2013 году мне удалось получить заветную папку. Знакомлюсь с её содержимым.

Переплетённые, с печаткой «Арсеньевъ В.К.» и со сделанной им правкой «Записки Приамурского отдела Императорского русского Географического Общества», изданные в Хабаровске в 1912 году... Вырезки из «Красного знамени» 20-х годов... Написанная на машинке Арсеньевым библиография трудов Г.И. Невельского... Карты с маршрутами — тоже рука Влад. Клавд... Машинописный текст на девяти страницах. Также копия. Заглавия и подписи нет. Читаю. Стиль арсеньевский. Очерк посвящён Аристову.

Неужели его автор Владимир Клавдиевич?.. Но это определяют специалисты...

Наконец, достаю рукописи воспоминаний. Снова, как в архиве Константина Симонова, копии, копии... Всего 51 страница. Сверяю по «Д.В»: довольно много фрагментов, прежде всего детских воспоминаний, не публиковалось. Но нет некоторых, что напечатаны в журнале...

Однако первых экземпляров, завизированных рукой Арсеньева, — ни одного! Только снова кое-где подписано: «В.К. Арсеньев». Но почерк не его.

Понял, что расследование столь запутанной истории надо продолжить.

Родственница Аристовых помогла мне получить в архиве ФСБ разрешение познакомиться с «Делом», которое было заведено на первого биографа Арсеньева, арестованного в 1931 году. Я надеялся, что, возможно, из него узнаю, куда же делись оригиналы воспоминаний.

Выдали мне картонную папку. Точно такие показывают по телевидению в документальных фильмах о политзаключённых тридцатых годов. Обвинение Ф.Ф. Аристову было предъявлено «стандартное»: «...является бывшим белым офицером, в прошлом принимал участие в борьбе против Советской власти, в настоящее время, будучи контрреволюционно настроенным, ведёт антисоветскую агитацию. Исходя из изложенного...».

Можно представить, какой ужас испытал профессор, поняв, что ему грозит, когда 3 января 1931 года его привезли в Бутырскую тюрьму. Как же трагически сомкнулись его фамилия и положение ээка!

Читаю протоколы допросов.

Попытки оправдаться в том, чего не совершал. Или совершал, да не осознавал... И т. д.

После записи в «Деле», что «в квартире произведён обыск», под стандартным печатным текстом «Взято для доставления в ПП ОГПУ МО...» написано торопливым почерком: «Разная переписка письменная и деловая». Но подробной описи всего конфискованного, которую положено было сделать, нет.

Как тут пословицу не вспомнить: «На нет и суда нет»...

А вот, на мой взгляд, самое важное признание подследственного, записанное корявыми буквами не очень грамотного следователя (привожу дословно без единой правки):

«Постоянно имею переписку с иностранными и (далее слово неразборчиво.-Б.С.) по литературной линии. Вся моя переписка с этими лицами является достоянием известности ОГПУ. Я эти письма показывал, и они мне возвратили. В какой плоскости по-требуется описания моих знакомых я опишу всех после того когда скажут мне с какой стороны их характеризовать. Запись с моих слов верно». Ниже подпись Аристова.

На эту тему больше в «Деле» ни слова.

По сути подследственный признался, что был связан с политорганами.

Только добровольно или принудили?

И насколько оно соответствовало действительности...

Но так или иначе, первые экземпляры арсеньевских воспоминаний, которые и были посылаемы в виде писем, могли становиться «достоянием известности» огепаушников ещё до ареста.

Далее можно снова задавать вопросы. Все ли «эти письма» ему возвращали? Что было изъято при обыске? «В какой плоскости» он «описывал» и «с какой стороны» «характеризовал» одного из своих «знакомых» из Владивостока?

Вывод напрашивается такой: первые экземпляры исчезли ещё до ареста или когда производили обыск.

Боюсь — безвозвратно.

Впрочем, архивы ФСБ велики. Может быть когда-то и найдутся в них бумаги нашего героя...

Наконец, последний вопрос, ответ на который тоже требует расследования. Не было ли связано «дело Аристова» с делами, заведёнными немного позже, в которых фигурировали чета Арсеньевых и их товарищи, обвиняемые примерно в тех же «преступлениях»?

Ведь их тоже «вела» Москва.

Фёдора Фёдоровича продержали в заключении не так долго и «за отсутствием состава преступления» 28 февраля освободили.

Аристов такого потрясения не мог пережить. Через год он умирает...

Хотя суда не было, прошение дочери о реабилитации отца на основании Закона РСФСР от 18 октября 1991 года было удовлетворено.

Что сказать в заключение этого «расследования»?

Безусловно, все копии воспоминаний Владимира Клавдиевича, составляющие часть его литературного наследия, необходимо свести воедино и опубликовать полностью.

Приведём ещё два фрагмента из «пропущенных» в журнале «Дальний Восток» воспоминаний, хранящихся в архивах РГАЛИ.

Первый:

«...И чем дольше я живу, тем больше ощущаю свою отчуждённость. Старых друзей с каждым годом становится всё меньше и меньше: «одних уж нет, а те далече», а сходиться с новыми людьми всё труднее. Причиной тому может быть мой возраст или гражданская война и революция, а может быть то и другое вместе. Я чувствую, что у меня пропал всякий интерес к новым знакомствам.

Из всех писателей я больше всего люблю Киплинга, а из всех его рассказов «Чудо Пхурун Дас». Мне так понятна психология этого индуса, так понятен его поступок, так хочется последовать его примеру... Невольно приходят мне на память слова М.Ю. Лермонтова «И долго на свете томилась она / Желанием чудным полна»... Но жизнь накладывает на каждого человека свои пути».

Второй краткий фрагмент.

Конец предложения из отрывка, который приводился выше, заканчивался так. После слов «...пришли новые люди...» следовало:

«...с эгоистическим складом характера и материалистическим мировоззрением».

Вот что ему было чуждо.

Вот с какими мыслями, с каким настроением жил в описываемые годы Владимир Клавдиевич «в нашей буче, боевой, кипучей».

Правда, до конца стремился бороться с ними.

Только силы были не равны...

Продолжалась и переписка Арсеньева с Горьким.

Вернувшемуся из эмиграции в Россию «буревестнику революции» оказался нужен «Брем + Купер» уже не как автор повестей, а как человек, живущий в гуще событий, что чрезвычайно интересовали живого классика. Он попросил Арсеньева написать статью о Дальнем Востоке для журнала «Наши достижения». 29 сентября 1929 года Горький снова обратился к нему с таким предложением:

«Необходимо, чтобы наш массовый читатель был ознакомлен – по возможности широко – с ходом культурного и промышленного роста всех областей Союза за истекшие 10 лет. С этой целью Госиздат решил выпустить серию областных сборников под общим титулом «Библиотека наших достижений»... Не возьмете ли Вы на себя труд создать сборники по достижениям Уссурийского края и организовать ещё два-три сборника по областям Дальнего Востока.

Я усердно просил бы Вас принять участие в этой работе».

Как же можно было отказать такому большому человеку, его покровителю? Правда, писать «о достижениях» Арсеньев, как следует из его ответа, не был готов. Но написать статью согласился, добавив: «Мои познания Дальнего Востока сосредоточены главным образом на географии, этнографии и археологии...».

А вот организовать другие материалы для изданий Горького Владимир Клавдиевич взялся. Сначала «дал задание» своим коллегам – П.Г. Мерному, А.А. Строгому и А.М. Ярмошу – написать о развитии разных отраслей хозяйства. Решил обратиться к специалистам в Чите, Благовещенске, Хабаровске, Николаевск-Уссурийском, Охотске и Петропавловске: «Наметил я человек двенадцать, – писал он Горькому, – но если из них шесть решатся взяться за перо, то и они смогут написать каждый по две-три статьи».

И тут проявился характер нашего героя: если уж действовать, то со свойственным его натуре размахом.

Сообщая Горькому, что выслал для журнала «Наши достижения» рукопись одного автора о рисосеянии в крае, он начинает перечислять тому свои заботы, может быть, даже не подумав, что тогда и у самого Алексея Максимовича забот было «полон рот»: «По договору с «Молодой гвардией» я должен к 1 ноября сдать все свои прежние сочинения исправленными и дополненными материалами за последние годы. Этим я теперь и занимаюсь. Тороплюсь закончить рукописи и отправить их в Москву. Кроме того, я читаю в Университете, имею большую и ответственную работу в Научно-исследовательском краевом институте для переселенческого управления. Приходится работать с 8 утра до сумерек. Многочисленные заседания тоже поглощают много времени, а тут ещё посетители и сотни писем, требующих не только ответов, но дающих разные поручения. Вследствие этого писать мне приходится урывками и главным образом по ночам. В нашем возрасте это уже нелегко».

Прозвучавшее в письме Горькому тревожное полупризнание того положения, в котором Арсеньев оказался, сменяется в следующем оптимистическим настроением. Он в «стиле» тех лет докладывает «вождю» советских писателей о своих личных достижениях.

Написано в январе 1930-го:

«Я только что возвратился из Хабаровска, куда был вызван Дальн. краев. исполн. комитетом. Дело в том, что Москва (НКПС) согласовала вопрос о моей кандидатуре (для руководства целым рядом экспедиций) с нашим крайисполкомом... Дело это очень большое, ответственное и трудное. Надо помочь, и я решил мобилизовать все свои силы... Это новое большое дело поглотит всё моё время».

Арсеньев хватается за Максима Горького, как за соломинку, докучая его не очень-то важными вещами: *«Был ли у Вас Ушаков, приехавший с острова Врангеля? Получили ли Вы моё письмо с текстом детского письма про зайца? Я слышал, что Вы как будто интересуетесь детскими письмами. Если это так, могу Вам выслать ещё два-три таких же послания. Мне было бы очень приятно, если бы Вы прислали мне свою фотографию, и ещё более было бы приятно, если бы Вы собрались и приехали к нам на Дальний Восток».* И опять не удержался от тревожного признания.

Говоря о своей новой работе, приписал:

«Я только боюсь, что нервов моих не хватит».

По горло занятый тысячью дел, большой писатель проявил к своему собрату внимание. Даже извинялся, что задержал ответ на месяц, «так как переписку ведёт сам», выражал уверенность, что после того, как Арсеньев поработает руководителем четырёх экспедиций, в итоге родится «ещё одна прекрасная книга». И письма ему пусть детские шлёт.

Но главное: *«Жду новых статей».*

Другим адресатам Владимир Клавдиевич писал грустные письма. Азадовскому жалуется на душевную неустроенность, Богоразу, что он чувствует «себя покинутым». А последнее письмо, посланное в начале мая 30 года Горькому, начинается так:

«Алексей Максимович! Вы, наверное, уже забыли меня»...

Подобно животному, которое чувствует скорое землетрясение или какую-то другую смертельную для него угрозу и заранее бежит в безопасное место, Владимир Клавдиевич всё чаще думает о том, где ж ему скрыться.

Да так, чтобы его никто и никогда не нашёл.

Эта, пусть странная для обыкновенных людей мысль проходит красной нитью в его письме Ф.Ф. Аристову, посланном ему менее чем за два месяца до кончины. В РГАЛИ чудом сохранился его оригинал. С каким трепетом держал я в руках эти листочки, плотно исписанные аккуратным арсеньевским почерком. Привожу с небольшими купюрами:

«Дорогой Фёдор Фёдорович!

...У меня жена, дочь 10 лет, у жены престарелые отец и мать, бедная сестра, брат учится в университете. У меня есть сестра,

которой я помогаю, есть брат, о котором надо заботиться, есть несколько друзей (осталось их очень мало), с которыми я связан мыслями и душой. Если бы не эти близкие мне люди, если бы я был один – я давно ушёл бы далеко, далеко в горы, подальше от города, от толпы, от фальши, лжи, зависти и злобы, которые ныне пропитали всю нашу жизнь, как вода губку в море. Со мной пошли бы три-четыре семьи туземцев. Мы ушли бы в такие дебри, в такую глушь, куда никто кроме нас проникнуть не сумеет и никто никогда нас бы там не нашёл.

...За время революции и гражданской войны столько было насилий, столько пролилось крови, что у меня что-то надломилось в душе. Я всё больше чувствую своё одиночество. Пусть молодые люди строят новую жизнь, как хотят. Моё желание закончить работу своих научных материалов и уйти, уйти подальше, уйти совсем – к Дерсу!.. Если мне удастся девочку свою поднять на ноги (хотя бы до 17 лет), я не буду жалеть жизнь, не буду цепляться за неё. В настоящее время моим раем и моим утешением являются жена и дочь. Я стал уставать от людей и многого не понимаю, чего они хотят и почему так озлоблены на других! Это какое-то всеобщее помешательство!

Теперь судите сами, каково моё настроение, соответствует ли оно юбилейному, о котором Вы пишете?! Все эти юбилеи, чествования, речи и цветы, право, имеют ту же цену, что и насилия и оскорбления. Одни и те же люди способны сегодня на то и другое...

Сначала я думал о России, потом стал интересоваться Сибирью, мысли мои затем перенеслись на Дальний Восток, масштаб моего мирозерцания стал ограничиваться Уссурийским краем. Последние годы я жил Владивостоком, и теперь думаю только о доме, о своей дорогой семье. Не будь у меня семьи – я ушёл бы к друзьям туземцам, чтобы никогда, никогда не вернуться в город к безумцам, к людям, которые только и думают о том, как бы побольше помучить друг друга! Извините за откровенность – перо как-то само разошлось.

Искренне Ваш В. Арсеньев. Владивосток. 27.VI. 1930 года.

Поразительное письмо.

Оно, как *«отдалённый звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный»* (ремарка А.П. Чехова в конце пьесы «Вишнёвый сад»).

Вернувшись 26 августа, Арсеньев, уже с температурой, ходит по каким-то присутственным местам, решая на ходу разные свои дела, пишет директору научно-исследовательского института письмо, которое мы уже цитировали, разбирает почту.

Спрашивает у Маргариты, нет ли ответа от Сиотара Хаары...

С этим именем связана такая история.

(Далее письма из личного архива Красевых.)

Некто Хаара, живший во Владивостоке, 6 мая 1930 г. прислал Арсеньеву письмо: «Милостивый государь Владимир Клавдиевич. Я взял на себя смелость перевода на японский язык Вашего почтенного труда «В дебрях Уссурийского края» и эту работу закончил». И далее всё выдержано в очень изысканных оборотах: «...окажите мне свою просвещённую помощь, ...прошу принять уверение в глубоком моём почтении, совершенной преданности...» и т.д.

Проще говоря, Хаара просил у автора «любезного разрешения» как на это издание, так и на издание переводов на японский язык дальнейших продолжений Вашего весьма ценного произведения».

Не забыл он, конечно, упомянуть о проблеме авторского права и «вопроса о гонораре».

Арсеньев тогда ответил ему сразу же и в том же стиле: «Ваше любезное письмо... имею честь сообщить Вам... пойду всячески навстречу Вам». Дав своё принципиальное согласие, Владимир Клавдиевич тоже останавливался на условиях «выплаты мне соответствующего авторского гонорара, о размере которого я надеюсь договориться с издательством при Вашем любезном посредничестве». Далее он сообщает г. Хааре «для сведения, что германская фирма Август Шерль, издавшая три моих труда – «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала» и «Китайцы в Уссурийском крае» – выплачивает мне 12% продажной стоимости издания (т.е. с цены на обложке книг), причём все расходы, связанные с переводом, изданием книг и их реализацией несёт фирма». Обещает предоставить «все необходимые фотографии, рисунки и схематические карты», тут же, правда, добавляя: «на что мною испрошено будет соответствующее разрешение у наших властей».

В заключение слова о том, что он «будет рад увидеть свою книгу изданной на японском языке».

Сиотара Хаара в новом письме от 10 мая приносит глубокую благодарность «милостивому государю Владимиру Клавдиевичу» за разрешение издания его трудов, уверяет, что вопрос с гонораром он уладит, и посылает «перечень тех слов, какие меня затрудняют при переводе» с просьбой «против каждого термина проставить название по латыни и перечень вернуть».

Арсеньев на бланке (в верхнем углу его «печатка», ниже которой рукой автора проставлено № 98 и дата «15.VI.1930») пишет во Владивостокский Окрлит (орган тогдашней цензуры) просьбу на разрешение перевода на японский язык книги «В дебрях Уссурийского края», вышедшей в трёх изданиях Книжного Дела в г. Владивостоке (1923, 1926 и 1928 гг.) и ныне вновь печатаемой изд-вом «Молодая гвардия» в Москве». Тут же сообщает: «На издание двух моих

книг на немецком языке было дано разрешение «Дальлитом» в 1926 году» (правда, первые книги Арсеньева в Германии вышли раньше, а значит, без разрешения?). Под письмом – автограф Арсеньева с характерным завитком в конце.

Из Окрлита за подписью владивостокского инспектора по делам печати и зрелищ 27 июня пришло разрешение на перевод с неизбежным для таких бумаг бюрократическим оборотом: «Препятствий к этому со стороны Владивостокского Окрлита не встречается».

19 июля Арсеньев уехал на Амур...

Ответил ли японец – мне неизвестно.

Вряд ли тогда ему удалось довести свой замысел до конца. Но где-то в 1934–1936 годах в Японии вышла книга Арсеньева. Может быть в переводе Хаары...

Как бы Владимир Клавдиевич, будь он жив, ей порадовался!

А уж Маргарита – несомненно.

Тут к месту вспомнить одно интервью великого Акиры Куросавы, режиссёра фильма «Дерсу Узала». Снимая его в Приморье, он вот что сказал нашему корреспонденту:

«Книги Арсеньева я прочитал впервые тридцать лет назад. Уже тогда меня увлёк этот человек – Дерсу. Книга Арсеньева не очень известна в Японии. Но в недавнее время вышел новый перевод «Дерсу» – его читали, он пользовался немалым успехом. Но, конечно, нельзя сравнить популярность этой книги в Японии с той, какой пользуется она в Советском Союзе. Ведь у вас Арсеньев – национальный герой, его знают все».

Сказано это было в начале 70-х годов минувшего века.

Последняя фраза верна, на наш взгляд, и сегодня.

Только знают – не все.

А жаль.

Много лет назад Владимир Клавдиевич в повести «По Уссурийскому краю» писал:

«Я не знаю, что труднее – подъём ли, спуск. Правда, при подъёме в работе участвует дыхание, зато положение тела устойчивее. При спуске приходится всё время бороться с тяжестью собственного тела. Каждый знает, как легко подниматься по осыпям вверх и как трудно по ним спускаться книзу».

Надо всё время упираться ногой о камни, в бурелом, в основание куста, в кочку, обросшую травой, и т.д. При подъёме на гору это не опасно, но при спуске всегда надо быть осторожным. В таких случаях легко сорваться с кручи и полететь вниз головой».

Не последний ли отрезок тропы жизни своей он описал?

Один поэт о смерти другого поэта сказал так:

Отчего же он всё-таки умер?

Оттого, что не мог больше жить.

(Из стихотворения Вл. Ходасевича на смерть Ал. Блока.)

Это двестише можно было бы выбить на граните могилы Владимира Клавдиевича.

Сразу же после похорон отправила Маргарита Николаевна сестре Арсеньева Вере Клавдиевне такое письмо:

«...Он вернулся домой в очень хорошем настроении, весёлый, ласковый, как всегда после экспедиции. Выглядел он неважно, но на все мои вопросы о самочувствии отвечал, что прекрасно чувствует себя. Только два раза его лихорадило по ночам... С 26 по 31 августа Володя побывал во всем городе ... и никому в голову не приходило, что он болен. В ночь на 31-е у него сделался сильный озноб (темп. 39,2°). Позванный утром врач определил крупозное воспаление лёгких... С 1 на 2 сент. наступил неожиданный для всех кризис, после которого температура была нормальная, голова совершенно ясная... Ночь с 3 на 4 была прямо кошмарная. Он не уснул и всё метался, просил поднять в кресле. За два часа до смерти был врач, нашёл, что всё в порядке. Около трёх часов начался сердечный приступ, который длился 30–40 минут. Я не успела вызвать ни одного врача. Голова работала у Володи всё время ясно, он мне сам говорил, что делать ему – положить горчичный компресс на сердце. Хотел написать завещание, но не успел. Сперва я не давала ему писать, а в последнюю минуту, когда я дала ему карандаш, было поздно, – карандаш выпал у него из рук, – он не дописал даже первого слова. Я до последней минуты не сознавала, что он умирает, эта необычная ясность мысли сбивала с толку...».

...Арсеньев забывается в последнем сне... И видит – так отчётливо! – себя за письменным столом в своём кабинете. Или это большой пень? А может быть, поваленное дерево? Нет, всё-таки стол. Зелёное сукно, письменный прибор. Наклоняется: вот она, его рукопись, с перечёркнутыми абзацами, мелкой вязью рукописных строк на полях...

В комнате – или это лесная поляна? – полутемно. Хочет взять листки, но они выскальзывают из рук, падают на пол. Он встаёт, идёт...Под ногами шуршат всюду разбросанные страницы, конверты, письма, его дневники, книжки...

А может быть, это осенняя листва шуршит и путаются ноги в колючих ветках?

Видит светлый проём. То ли между деревьями, то ли это окно... За ним как будто бы улица, дальше густая синева залива. И огоньки, огоньки — это звёзды в небе или лампы на мачтах кораблей...

Как зябко ему тут, как одиноко и тоскливо!

А за окном – да, это, кажется, всё же окно – кипит жизнь: спешат прохожие, звенят трамваи, катят грузовики, шагает отряд военных моряков. Доносится бодрая песня: *«Якорь поднят, вымпел алый плещет на флаги-о-оке, краснофл-о-о-тец, крепкий ма-а-лый, в путь идет далё-о-о-кий!..»* Её перебивает другая, поют красноармейцы: *«Стоим на страже всегда, всегда, но если скажет страна труда, прицелом точным врага в упор, Дальневосточная, даёшь отпор! Краснознамённая, смелее в бой, смелее в бой!»*

Каждый слог-выкрик бьёт по вискам.

Голова разламывается.

Вдруг в светлом проёме возникают жена и дочка.

Он тянется к ним, и дочка прыгает ему прямо в руки.

Прижал к груди: откуда только сила взялась.

– Милые вы мои, родненькие! Даже не представляете, как вам рад! Вы спасаете меня!

Но спиной чувствует: в темноте как будто кто-то наблюдает за ними.

Это тени из прошлого – силуэт гольда, а за ним тайга с жалобными её голосами, из-за стволов деревьев выступают тени его матери и отца, братьев и сестёр, сына, Анны... Спутников по экспедициям, друзей и врагов... Арсеньев тревожно оглядывается, но, как ни силится кого-нибудь разглядеть, они ускользают от его взора. Маргарита тоже всё всматривается, стоя чуть поодаль.

Наташка, выскользнув из его объятий, бежит к столу, берёт папин карандаш и начинает что-то рисовать, из полутьмы подавая весёлые реплики...

– Кто там у тебя? – спрашивает Маргарита.

– Да нет никого! Только – в голове они... – делает неопределённый жест рукой. – Впрочем, и оттуда исчезли! Только вы теперь со мною одни!..

Маргарита приближается, берёт его за плечи и целует в лоб:

– У тебя такой жар! Надо снова вызвать врача!

– Пройдёт. Вы меня сами вылечите!

– Расскажу новость! – кричит дочка из-за стола.

– Какую же, Натулёнок?!

– Меня приняли в пионеры, и теперь я с мальчишками марширую по двору. Мы дудим в трубу и бьём в барабан! А наш сосед Фёдор дразнится: «Пионеры юные, головы чугунные, сами оловянные, черти деревянные!»

Прямо как на тетюхинских рудниках, почти вся таблица Менделеева, думает Арсеньев и вслух:

– Голова стала ясной! Два лучика ко мне заглянули, и как же мне хорошо стало!

– Папка твой тоже был юным...– повернулся он к дочке. – Только нас называли юнкерами... Это, впрочем, не совсем то. А пионером... Пионером Приамурья назвал меня великий Нансен.

Наташка забирается к отцу на закорки:

– Вожатая Нюся сказала мне: Арсеньева! Гордись своим отцом – он Колумб Приморских Альп!

– Ну уж ихватила твоя Нюся!

А про себя подумал: Фенимор Купер, Брем, теперь вот Колумб! Не много ли на мою бедную головушку?!

Наташа подскакивает на его спине, Арсеньеву трудно её удерживать, но он не показывает вида:

– Ты у нас просто кавалер-девица!

Наташка громко кричит – поёт за его спиной:

– По улице ходила большая крокодила, она, она голодная была. Увидела китайца, и цап его...

Маргарита:

– Прекрати сейчас же! И слезь с отца!

Дочка, обидевшись, слзлит с плеч и снова убегает в полутьму и оттуда громко:

– Мамку сегодня наша новая соседка расстроила! Она мамке говорит: «Я думала, что вы его дочка! Вы такая симпомпушка! А муж ваш всё по горам лазает?!

Арсеньев бормочет:

– Лазаю, лазаю, да вот вылезти никак не могу.

– Ната! Опять ты! Володя, да не обращай внимания! Это всё мещанская болтовня!

Наташа перебивает, подражая голосу соседки:

– Ведь у вас муж заведующий островами. А на них столько пушнины! Не покажете ли, моя милая, свои шубки?

Маргарита увидела, как улыбка тронула губы мужа, и поддержала рассказ дочки:

– А я ей: шубы предпочитаю из кенгуру!

– Показала бы Софочке моё пальто из крокодиловой кожи, она бы от зависти лопнула!

– Пап, а пап! А разве у нас крокодилы водятся?

– Водятся, водятся! Сама же только что о них пела! Но у нас крокодилы по улицам в машинах ездят и в кабинетах заседают!

– Китайцев с французами они цапают?

– Цапают, цапают! Да ещё как!

– Володя, ну какой же ты! – говорит Маргарита.

– Такой, такой, как всегда...

Родные лица начинают в его глазах расплываться, двоиться, шорохи и неясные разговоры за спиной возобновились и даже стали громче...

Арсеньев быстро-быстро говорит Маргарите:

– Милая, я только немного ещё попишу, а потом мы втроём. Втроём...

Сознание его снова затуманивается...

Маргарита всё это время стоит у его постели, пытается разобраться, что он бормочет в бреду. И понимает лишь последние слова:

– Мар-га-ри-та!!! Спаси меня и помилуй!

Она снова в отчаянии. В мозгу теснятся мысли одна горше другой. Но каким-то образом они в затуманенном сознании лежащего в постели облекаются в горький монолог любимой:

– Милый мой, родной мой! Ты сгораешь на моих глазах! А я ничем... ничем не могу тебе помочь! Горе мне, горе! Какое страшное предчувствие! Ты скоро уйдёшь! Скоро! Скоро! От меня. От дочки. От всех. Навсегда. В свою тайгу, к своему Дерсуку. И уже без тебя опадут с деревьев листья, сопки запорошит снег, а птицы твои улетят далеко-далеко на юг. И звери попрячутся в норах. Твоя душа заблудится навеки в стране Удэгэ, и мы никогда-никогда уже не отыщем тебя! А тело...

Нет, я не хочу, чтобы тебя похоронили в тайге. Володя, мой любимый, мой ласковый, мой самый дорогой человек! Не покидай, не бросай нас! Молю!!!

Отдалённым эхом слышит, что она повторяет его восклицание:

– Спаси и ты меня и помилуй!

Муж лежит недвижим с закрытыми глазами. Дышит ли?

Маргарита окаменела.

А он снова видит себя в глухой тайге на поросшем мхом поваленном в два обхвата дереве. Над ним свесившиеся ветви, переплетения лиан... Меж них проблескивает тонкий луч. Это его ангел проколол в небосводе иглой дырочку. Свет ударяет прямо в его полуприкрытые глаза, но не слепит.

– Моя счастливая звезда... – чуть слышно шепчет он.

Кружатся листья, опускаются на грудь, руки, ноги... Засыпают его плоды дикого винограда, лимонника, кишмиша и жимолости, орехи кедра и лещины, жёлуди, серёжки и чешуйки семян с берёз, ясеней и клёнов, иглы елей... Летят пёрышки парящих в небе птиц и какой-то пух – это дикие звери линяют. Падают лепестки полевых цветов...

Достигают ушей родные голоса жены и дочки.

Но он не может разобрать слов...

Угасающие глаза на чёрном экране век видят страницы им когда-то написанного. Чья-то рука перелистывает их. Не его ли ангела? А может быть, долетевший из таёжных дебрей ветер?.. Мелькание вдруг останавливается, и он различает строки путевого дневника:

«...Слава Богу, путь кончен. Все трудности и тяготы походной жизни, все невзгоды и лишения, болота и сопки – остались сзади.

Слава Богу, путь кончен!».

Как же ему стало легко на сердце! Слава Богу...

Благодать разлилась по телу...

Он слышит, как чей-то голос... Риты? Наташи?... Нет, неземной, тихо произносит окончание его первой повести о таёжном друге:

«Солнце успело пройти по небу большую часть своего пути. Лучи его уже не светили на землю, а уходили куда-то в беспредельное голубое небо. Слышно было, как перекликаются в лесу птицы. В одном месте я заметил раннюю бабочку. Она купалась в лучах солнца и с наступлением сумерек должна была погибнуть. Могила Дерсу, тающий снег и порхающая бабочка, которая с закатом солнца должна будет погибнуть, шумящий ручей и величавый тихий лес – всё это говорило о том, что абсолютной смерти нет, а есть только смерть относительная и что закон жизни на земле есть в то же время и закон смерти...»

Арсеньев последний раз приходит в себя.

Медленно говорит застывшей у его изголовья жене:

– Рита... дай бумагу... и карандаш... я... хочу...завещание...

Но когда она пытается вложить карандаш в его пальцы, они его взять не могут.

Карандаш катится по краю простыни...

Только успевает увидеть на закрытых веках у обреза листа рукописи написанное им слово:

«Конец».

Душа его в этот миг отлетела...

...Тело великого русского путешественника лежало в гробу, обитом красным кумачом. Уголки сомкнутых губ были чуть приподняты.

Неужели он улыбался, прощаясь с жизнью?

Цветы, венки. Шёпот людей, столпившихся в некотором отдалении полукругом.

Кто-то говорил негромко прочувствованную речь.

У гроба замерла Маргарита.

Обняв ее за талию, прильнула к ней Наташа, испуганно глядя на папу.

Чуть поодаль поддерживал за руку свою мать Воля. Только что Анна крепко обняла Маргариту, поцеловала Владимира в лоб и в губы, отошла на шаг. Рядом поник головой брат Александр.

А душа Арсеньева витала над ними.

Ей было легко и свободно.

Скоро она встретится с душой Дерсу.

Они обе улетят в родную тайгу.

163
...слава Богу, путь кончен!
Все трудности и тяготы
покидали меня, все невзгоды
и лишения; боялся и сонки
- оставил ее в горах.
Слава Богу, путь кончен!
В Арсеньеве

Последняя страница путевого дневника
В.К. Арсеньева. 1927 г.

Могила Владимира Клавдиевича
Арсеньева на Морском кладбище в
г. Владивостоке.

Внизу замелькают кустарники, лианы, макушки деревьев, сопки, кряжи, скалы, осыпи, пятна льда и клочья облаков.

На небе полную луну сменит солнце. Теперь оно для них никогда не погаснет.

Души станут тихо разговаривать:

– Как здесь хорошо, Дерсу! В такие глухие дебри, кроме нас, проникнуть никто не сумеет и не посмеет.

– Капитан! Раньше моя долго один ходи. Теперь всегда, капитан, с тобой ходи. Всё время ходи, пропади нету! Шибко хорошо!

– Мы с тобой, Дерсук, всегда будем вместе! Только ты да я.

– Зачем так? Внизу в тайге много разные люди есть: тигр ходи, кабан ходи, енот ходи, барсук... Барсук нет – мышь ходи, мышь нет – муравей ходи! Бабочка летай! Ты и я, капитан, выше них ходи, выше всех летай. Там, где звёзды, луна и солнце!

Они тоже люди. Как и мы!

...В финале повести хочется рассказать ещё вот о чём.

Анна Константиновна в конце пятидесятых вспоминала, что «после ноябрьской голодовки 1906 года, затем после схваток с хунхузами и особенно после затяжного двадцатидневного голодания на реке Буту в 1908 году муж стал задумываться о смерти. Иногда он откладывал перо, скрещивал руки на груди и долго смотрел в одну точку. «Что с тобой? – как-то спросила я. – О чём ты тревожишься?»

Где-то среди этих сопок затерялись следы отважного путешественника.

«Думаю, как вероломна тайга. Идёшь весёлый и сильный и даже поёшь. Вдруг выстрел. И тебя ранят или убивают. Или голод и гибель». В тот же вечер Арсеньев, продолжала супруга, сказал ей: «Тайге я никогда не изменю. Но оттуда можно не вернуться».

Протянул лист бумаги со словами: «Если со мной что-нибудь случится, вот эпитафия. Эту надгробную надпись ты выбьешь на моей могиле».

Цитируем эти строки из повести Г.Г. Пермякова. По жанру его книга художественно-документальная. Поэтому автор опубликовал в ней литературно обработанные им воспоминания А.К. Арсеньевой.

Писатель утверждал, что «эпитафию» Владимир Клавдиевич написал на плотном листе веленовой бумаги, который Анна Константиновна «сохранила и поныне». Но не уточнял, видел ли он эту надпись. Дальше в кавычках автор приводит этот текст, но опять-таки не говорит, списал ли он «эпитафию» или её привела ему А.К. Арсеньева по памяти:

*«Ты мой учитель, мой утешитель и друг,
Ты мой храм, моя Родина –
Шумящий, шелестящий, тихий лес».*

Арсеньеведам и музейщикам этот документ неизвестен. Оставлял ли такую или иную надпись Владимир Клавдиевич? А может быть, автор «Тропой женьшеня» присочинил?

Но что-то подобное мог написать – был прав Михаил Пришвин, называя нашего героя поэтом.

В воспоминаниях А.К. Арсеньевой, записанных Пермяковым и увидевших свет только в 2006 году, уже не говорится о «листе веленовой бумаги», а о том, что «эпитафия» сохранилась в письме сына Владимира пионерам, посланном, когда он жил на Алтае.

Так совпало, что в этом же году в одном из букинистических магазинов Москвы нашёлся лист бумаги, на ней девять написанных рукой Арсеньева строк. Под текстом его подпись.

Заглавие: «*Просьба*» (слово подчёркнуто).

Текст такой:

«Убедительно прошу похоронить меня не на кладбище, а в лесу и сделать следующую надмогильную надпись. (Далее текст подчёркнут. – Б. С.) Я шёл по стопам исследователей в Приамурском крае. Они ведь давно уже по ту сторону смерти. Пришёл и мой черёд. Путник, остановись, присядь здесь и отдохни. Не бойся меня. Я так же уставал, как и ты. Теперь для меня наступил вечный и абсолютный покой».

Не об этой ли бумаге рассказывала Пермякову Анна Константиновна? То, что тексты не совпадают, немудрено. За полвека она

могла лишь смысл написанного передать, а писательское перо придало несколько выпяченную форму о лесе – храме, друге, утешителе...

Об истории найденного в Москве завещания подробно рассказано в предисловии приморского арсеньеведа Ивана Егорчева к новому изданию монографии А.И. Тарасовой, вышедшей во Владивостоке в 2012 году. В нём цитируется материал «Разбор архива В.К. Арсеньева», опубликованный в газете «Красное знамя» за 17 апреля 1945 года. Приведём один абзац:

«Из всех материалов архива Арсеньева — дневников, записных книжек, научных и литературных трудов, писем — видно, как горячо любил писатель свою родину, свой край. В только что обнаруженном, ещё нигде не опубликованном завещании Арсеньева выражена горячая просьба похоронить его в уссурийской тайге».

Оказывается, это завещание было передано в 1944 году известному в те годы во Владивостоке арсеньеведу, члену Географического общества майору Мельчину последним проводником Арсеньева. Фамилия его в газетном тексте отсутствует.

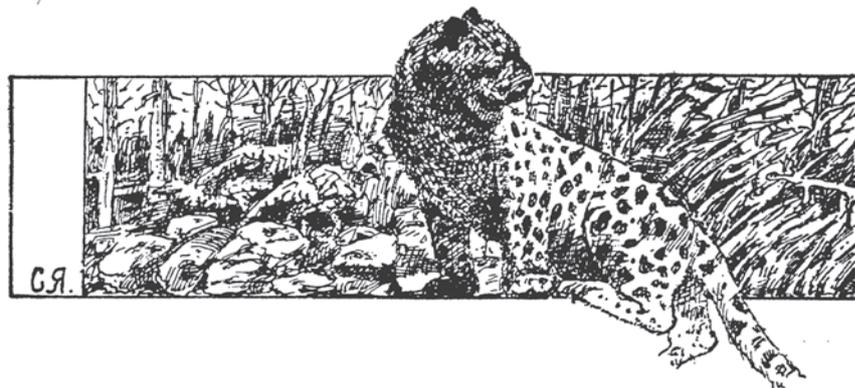
Как попало оно к московским букинистам — концов не найти...

Новый автограф Владимира Клавдиевича занял место во Владивостокском музее, и все разговоры, затеянные о возможном втором перезахоронении В.К. Арсеньева, затихли.

Внук Игорь Владимирович Арсеньев корреспонденту федерального телеканала «Россия» (передано в «Вестях» 11 января 2007 года) сказал:

«Не стоит хоронить деда в тайге. Там могилу трудно будет сохранить в целости. А на Морском кладбище Владивостока можно будет всегда поклониться нашему знаменитому предку, постоять, помолчать...»

Помолчим и мы.

Послесловие ЗАЧИНАТЕЛЬ

Перечитаем пришвинский эпиграф к этой книге.

Насквозь метафоричный, он нелёгок для понимания. Писатель-мудрец, причисляя своего младшего брата по духу к великим людям, «бесконечным в своём движении в новый, неведомый мир», то есть к свободным от всяких догм, «должен был перенести» одни, вторые трудности... Их на долю Арсеньева действительно хватало.

Но будучи «истинным поэтом в душе» ещё был должен «поэзию свою распять на прокрустовом ложе географического исследования».

Как расшифровать этот образ?

Почему Пришвин вспомнил мифический образ разбойника Прокруста, что по-гречески означает «растягивающий»: он клал пленников на свою кровать, распинаял и по её размеру рубил им ноги или растягивал. Мерка для всех была одна.

Возможно, мысль писателя расшифровывается так. Арсеньев добровольно распинаял своё творчество в уссурийских дебрях, как в реальном географическом пространстве. Ибо он посвятил себя географии, как науке, видя в этом главный смысл жизни, своё предназначение.

Но мысль писателя, думается, глубже. Прокрустово ложе для творческого человека с поэтической душой, каким был наш герой, уготовил ему XX век. Век бесовщины. То, что наше предположение верно, подтверждает запись, сделанная Михаилом Пришвиным в 1931 году, она приводилась в начале последней главы: «...теперь Арсеньева рвут».

Вместо «рвут» можно поставить: «распинают».

Так родилось название этой повести.

Одни историки датой начала минувшего века в России называют 1905-й – год первой революции, другие – 14-й, когда началась мировая война, третьи – 17-й... Но конец XIX века, в последней четверти которого рос и мужал мальчик из многодетной семьи чиновника, полунемца-полурусского, тоже был временем, когда уже стали входить в силу бесы, что всюду разгулялись в веке XX.

Вольно-невольно Арсеньеву приходилось жить по тем «параметрам», что зачастую определяли отнюдь не мифические Прокрусты.

Мундир – вот какую одежду с юных лет носил наш герой. В мерки этого мундира, сначала военного, затем партикулярного, укладывался и его образ мыслей и его действий. Даже надевая модный костюм и шляпу, он оставался государственным человеком, что накладывало на него свои обязанности и ограничения, давившие сильнее атмосферного «столба».

Владимир Клавдиевич, выполняя в экспедициях сбор чрезвычайно важных сведений для высших ведомств русской армии, а позднее и для новой народной власти, хорошо понимал, что многие из них окажутся или в папках с грифом «сов.секретно» или будут задвинуты в дальний ящик.

Окунулся с головой в науку, но и в ней, как позднее понял, оказался в лабиринте: войти в него легко, а вот выйти?..

Занялся литературой самозабвенно, обратив свой, пусть и невеликий, но такой самобытный талант для рассказов об увиденном и пережитом, однако воспарять к горным высотам творчества, прийти со своими книгами к читателям всё время мешала суета сует быстротекущей жизни, удалённость от столиц страны, да и своеволие редакторов, бюрократизм издательской «машины».

А когда, казалось бы, открывались новые горизонты для творчества – всё сильнее стал ощущаться разлад с обществом, отчуждённость от него и осознание того, что его «жребий измерен». Да и после «досрочной» смерти Арсеньева причислили к тем писателям, что имеют или приставку «натуралист», или сужающие определения: «продолжатель традиций краеведческой прозы», «...для детского возраста»...

Так что же, полной реализации себя не произошло? И, значит, кривил душой Владимир Клавдиевич, написавший, что ему «сопутствовала счастливая звезда»?

Утверждать это однозначно, думается, нельзя.

Отвечу так.

Немного найдётся в России по-настоящему талантливых, внесших свой вклад в изящные или в точные науки творцов, которым удавалось избежать кровати мифического разбойника. Приходилось,

образно говоря, или тянуться, или ноги и голову поджимать. А то могли и отсечь «лишнее»...

Иногда и отсекали.

То же происходило часто и с их творениями.

Однако при всех привходящих обстоятельствах, крутясь вначале в орбите императорской всеохватывающей власти, а потом попав в «красное колесо», Арсеньев выдюжил, сохранил, насколько сумел, себя и близких, в экспедициях не потерял ни одного человека. Многого достиг как отважный офицер и командир, как глубокий исследователь и талантливый литератор.

Согласимся и с теми, кто считает: мог бы и больше...

Если даже не всегда ему светила «счастливая звезда», то уж солнце сопровождало всюду. Ему он поклонялся. Недаром, как художественный образ, как «люди», небесное светило часто возникает на страницах его произведений. Когда же застилала непогода, тучи грозные, Арсеньева спасал «компас» человека-реликта – его чутьё. И родная природа, почва.

Над землёю он не парил, а крепко на ней стоял и умело, смело по ней ходил.

Критик И. Соловьёва однажды заметила: «Для положения в любой среде существенна известная свобода от неё, возможность вернуться и выйти в другое пространство». Арсеньев всю жизнь «входил» в «другое пространство»: в сихотэ-алинские дебри или же в рукописи, постоянно меняя среду обитания да и образ жизни. Правда, выходил из своих «пространств», не только чего-то достигая, приобретая, но и с потерями, порою невозполнимыми. Хотя долго этого не осознавал, так как приобретения часто были богаче, весомее, вещественнее.

Кстати сказать, и свои потери он умел превращать в приобретения. После одной из горчайших утрат – друга Дерсу, обессмертил его в своих книгах.

Ещё об одной черте характера этого человека.

Будучи во многих отношениях незаурядным, «инаковым», Арсеньев всегда оставался для родных, близких ему, для единомышленников, тех, с кем ходил в экспедиции, и для «лесных людей» своим, понятным. Даже недоброжелатели, завистники и враги с трудом отыскивали в нём, как человеку, которому «ничто человеческое не было чуждо», какие-то изъяны.

Что касается женщин, денег, чревоугодия и возлияний... Ни в чём таком «замечен не был». И не стоит удивляться или ставить ему это в заслугу. Тут Арсеньев, как пишут литературоведы, «типичный представитель» русских интеллигентов того времени. Да, не был идеальным, безгрешным и т. д. Но приме-

ром для подражания служил многим. И по сей день им остаётся. Но об этом, кажется, было сказано достаточно.

При советской власти его имя получило, как писали раньше, всеобщее признание. Но эта власть и сократила Арсеньеву жизнь. Как ни больно так говорить, но звезда нашего героя закатилась в срок, отмеренный ему свыше. То, что он в тридцатые годы был бы репрессирован и реально распят, не подлежит сомнению. Тогда не было бы в Приморье славного города Арсеньева, многих и многих географических и других объектов, названных в честь этого человека и его героя Дерсу Узала. А ведь в списке их не один десяток!

Только представьте: его литературное и научное наследие уничтожено, под запретом оказались его архивы да и всё, где только его имя упоминалось. А выйдя в свет, допустим, после разоблачения «культы личности» – в 60-е годы XX века, арсеньевские сочинения вряд ли получили бы такой отзвук в сердцах тогдашнего поколения, какой имели у поколений довоенного и послевоенного.

Стоит определённо сказать, что широчайшей известностью у читателей 20-х – 50-х годов минувшего века, прежде всего молодых людей, Арсеньев обязан созданному им образу идеального, но такого живого героя-следопыта. Пусть не русского, но выросшего на русской почве, а значит, не из каких-то прерий, а своего, отечественного. Не сочини он сагу о Дерсу, его бы знали лишь в кругу учёных-географов, этнографов да краеведов.

Этот круг и тогда был не очень-то широк, да и сегодня не намного шире.

В повести подробно рассказано, как приняли первое издание «В дебрях Уссурийского края» простые читатели и учёные, критики и писатели. То, что о его творчестве высказывались такие знаковые фигуры минувшего века, как Фритьоф Нансен, Максим Горький, Михаил Пришвин, Андрей Платонов, Константин Паустовский, Александр Фадеев, Виктор Шкловский (список можно продолжить) – говорит о многом. Классика мирового кино Акиру Куросаву Арсеньев привлёк, как он говорил, способностью «глубоко проникать в человеческие души».

Так что он может быть с полным правом причислен к классикам русской литературы XX века.

На Дальнем Востоке популярность имени и работ учёного-путешественника и писателя объясняется и тем, что не оказалось ему равного по масштабам деятеля, кто бы всю сознательную жизнь без остатка отдал этому краю. Сотни и сотни газетных, журнальных, книжных публикаций, в том числе научных и публицистических, очерковых работ, воспоминаний и т. д., особенно в советское время, составили дальневосточную «арсениану».

Естественно, в ней не всё было равноценно. Даже стоит признать, что относившийся так враждебно к Арсеньеву «этнограф с пистолетом» Липский-Куренков отчасти был прав, когда в пору хрущёвской «оттепели» писал о некоем «культе» Арсеньева на Дальнем Востоке. Где-то и наш брат-журналист и «воспоминатели», создавая образ образцового во всех отношениях путешественника-патриота, перестарались до того, что он стал для многих жителей тех краёв чем-то вроде бронзовой статуи.

Серьёзных исследователей это беспокоило.

Вот что писал один из видных дальневосточных учёных, доктор филологических наук, профессор С.Ф. Крившенко. (Статья его была опубликована в интернете в 2004 г.):

«Дебри издательские и дебри литературные Арсеньев в полной мере ещё не преодолел. Его ли в этом вина? Или качество его книг? Нет. Тут та же причина, о которой ещё в пушкинские времена критик А.А. Бестужев-Марлинский в первом обзоре русской литературы сказал о причинах замедления отечественной словесности: «небрежение русских о всём отечественном немало тому способствовало...» В наши смутные времена не лучше: русский лес всё чаще тратится на бумажную продукцию низкопробного свойства. А в результате – и Арсеньев в полном виде ещё не дошёл до читателя».

Далее Крившенко писал, что называть Арсеньева только краеведом и этнографом – это значит давать ему заниженную оценку, а называть советским исследователем и писателем – значит забывать о том, что основные его экспедиции прошли в дооктябрьский период и книги о Дерсу написаны тогда же.

«Литературе любого народа, – читаем далее в статье, – такое имя составило бы честь. Вспомните, как ценил литературу путешественник Л.Н. Толстой. Но попытайтесь найти не то что страничку, а хотя бы строчку об Арсеньеве, как писателе, в вузовских учебниках русской литературы XX века... Это ли не небрежение к своему, родному!»

Тут можно вспомнить слова ещё одного гения, А.С. Пушкина:

«Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим».

Действительно, «небрежение к своему, родному» в постсоветской России недавно было очень велико. Сегодня многое стало меняться, но подчас делается как-то формально.

Без души и без любви к минувшему.

Пусть даже в нём было много той самой дикости, подлости и невежества.

Но жили же тогда такие люди, как Арсеньев.

И тысячи, тысячи других, достойных светлой памяти и уважения потомков.

В последние годы экономическое и культурное развитие Дальнего Востока получило мощный импульс со стороны властных российских структур. Президент страны В.В. Путин осенью 2013 года в своём послании Федеральному собранию заявил, что ускоренное развитие Дальневосточного региона станет приоритетным на весь XXI век. Только вдумайтесь: на весь век!

Эти слова подтверждаются масштабными делами.

Может быть и медленно, но растёт в обществе, у молодёжи интерес к прошлому тихоокеанских окраин России, к его первооткрывателям. Среди них В.К. Арсеньев сыграл в истории особую роль.

Если до него главным актом было закрепиться на границах новых земель, то он первым реально, шаг за шагом, открывал эти земли, устанавливая по сути дела на них власть Русской империи. В отличие от большинства первопроходцев он посвятил изучению края, его коренных жителей всю свою сознательную жизнь.

А будучи в душе «истинным поэтом», эту красивую землю у Великого океана воспел.

По сути дела Арсеньев стал на Дальнем Востоке и первым из учёных, кто занялся тем, что сегодня называют геополитикой. Много, обсуждавшееся на недавней встрече членов АТЭС во Владивостоке, это продолжение и развитие его мыслей, догадок, пожеланий и предложений. Остаются актуальными высказывания его о сосуществовании русских с соседями в сопредельных государствах.

Легендарный капитан выступал защитником малых народностей, и они за это по сей день благодарны ему.

Не забудем, как Владимир Клавдиевич призывал беречь уникальную природу края и её обитателей.

Не стану перечислять всего того, что сделано за последние годы в сми и на телевидении, в издательском деле, в научном сообществе, географами, историками, краеведами и литераторами, чтобы об Арсеньеве помнили, чтобы его труды переиздавались, а о его жизни выходили всё новые произведения. Ряд имён тех, кто посвятил себя арсеньеведению, и их работы упомянуты в моей повести.

Значительным событием можно считать начало выхода в новом веке во Владивостоке полного 6-томного собрания сочинений В.К. Арсеньева, осуществляемого издательством «Рубеж» с помощью учёных-арсеньеведов и с их обстоятельными комментариями. Научную ценность этого издания трудно переоценить.

Хочется лишь пожелать скорейшего выхода последних томов.

В краевом центре Приморья осенью 2012 года вскоре после саммита АТЭС состоялась Международная научно-практическая кон-

ференция «Арсеньевские чтения». Она была посвящена юбилею – 140-летию со дня рождения В.К. Арсеньева. Верится, что материалы конференции дадут новый толчок в изучении жизни и деятельности Владимира Клавдиевича.

Пригласили выступить на ней и меня. Но так как приехать во Владивосток не смог, послал для оглашения небольшое выступление. Некоторые мысли из него приведу:

«...Верно написала мне одна дальневосточница, перефразировав известные слова Аполлона Григорьева об Александре Сергеевиче: «Арсеньев – наше всё!» А мы, потомки, всё ли сделали, чтобы память о нём жила, чтобы о его жизни, деятельности и творчестве знала прежде всего молодёжь, об образовании которой так много заботился Арсеньев?

Центром притяжения к этой исторической фигуре мог бы стать новый Дальневосточный федеральный университет на острове Русский. По двум причинам. В учебном заведении, который влился в этот вуз, как известно, преподавал профессор Арсеньев. А ещё ранее на Русском он служил, и довольно успешно. Предлагаю у стен университета поставить ему памятник. Вижу фигуру из бронзы: офицер Арсеньев оседлал боевого коня. А почему бы и нет? Ведь здесь он командовал разведывательным конно-охотничьим отрядом.

Можно было бы подумать о создании в ДВФУ студенческого клуба или объединения юных друзей Арсеньева, поклонников его многосторонних дарований. Да ещё с выходом в интернет, чтобы в нём принимали участие студенты вузов России и других стран. Каким замечательным могло бы стать такое «Объединение по интересам», в котором нашли своё призвание разведыватели ещё неоткрытого, начинающие этнографы и картографы, этнотуристы и ботаники, спелеологи, фотохудожники, защитники животного и растительного мира, наконец, те, кого неудержимо влечёт литературное творчество...

Думаю, что пришло время начать подготовку к изданию его фундаментальной научной биографии. Давайте создадим и общественный «Арсеньев-центр» при Русском Географическом обществе, например, в городе Санкт-Петербурге, где родился и рос Арсеньев, с филиалами в Москве, в краевых и областных городах Дальневосточья. Он бы аккумулировал и транслировал в центры России и за рубеж через интернет и сми всё то, что появляется нового в работах учёных, краеведов и литературоведов, да и государственных, общественных деятелей Дальнего Востока. Участвовать в нём, конечно, стали бы и работники культуры, писатели и журналисты. Призовём наших лучших режиссёров и сценаристов создать многосерийный художественный фильм «Владимир Арсеньев», как оригинальное продолжение «Дерсу Узала» Акиры Куросавы.

Многое, только талантливо, с выдумкой и фантазией, можно сделать, чтобы герои книг Арсеньева – капитан и Дерсу стали, давайте не будем бояться этого слова, «брендом». Почему бы не выпустить, как это успешно делают в соседней стране, приключенческий рисованный комикс «Дерсу Узала», сочинить и поставить мюзикл о жизни и любви Владимира и Маргариты... Наконец, выпускать значки, открытки, диски с любимыми песнями Арсеньева

и его стрелков, футболки с изображением капитана и его проводника, обитателей тайги, которых Дерсу называл «люди»...

Всё, о чём выше было сказано, да и многое другое, что можно было бы ещё предложить и обсудить, воспитывало бы новые поколения дальневосточников патриотами нашей Родины – большой и малой».

В резолюции, принятой на конференции, содержатся важные и практические предложения, которые должны поднять на новый уровень изучение и пропаганду арсеньевского наследия, углубление сотрудничества между музеями, академической наукой и образовательными учреждениями.

Записан и такой пункт: *«Поддерживая предложение Бориса Владимировича Сумашедова об установлении памятника Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву на острове Русский, обратиться в Ректорат ДВФУ с предложением рассмотреть вопрос об установлении памятника В.К. Арсеньеву на территории Кампуса Дальневосточного федерального университета».*

Хочется верить, что памятник воздвигнут!

Владимир Клавдиевич Арсеньев, как и его друг, вошедший в ряд замечательных образов литературных героев отечественной классики под именем Дерсу Узала, ушли, говоря словами нашего героя, «со сцены жизни», достигнув одного возраста: не прожили и шести десятков лет.

«Запрограммированы» оба были лишь на тот отрезок земного бытия, в каком длилось их продуктивное творческое существование.

Теперь для живущих в третьем тысячелетии Арсеньев – человек из прошлого, отстоящего от нас уже на целый век. Сегодня ему ни «первые», ни «вторые трудности» и «распятыя», оставшиеся тоже в далёком прошлом, уже не страшны. Ибо, вспомним снова слова из эпитафии: он «из людей – зачинателей, бесконечных в своём движении в новый неведомый мир».

И последнее.

Отдельные реальности биографии героя этой повести постепенно превращаются в мифы. Точно и исчерпывающе воспроизвести его жизнь и деятельность всё сложнее. И мне, признаюсь, не всегда удавалось это сделать. В какой-то мере может оправдать ссылка на древнего мудреца Аристотеля, утверждавшего, что *«художественное изображение истории более научно и более верно, чем точное историческое описание. Поэтическое искусство проникает в самую суть дела, в то время как точный отчёт даёт только перечень подробностей».*

Не уходя от этого «перечня», автор всё же, по мере сил, старался

подняться над фактами и прокомментировать многочисленные цитаты.

Дать одновременно живой образ главного героя и его близких, тех, с кем его соединяли обстоятельства, служба и судьба.

С подобными трудностями сталкивались и сталкиваются, думаю, все писавшие и пишущие о Владимире Клавдиевиче. Только жаль, что сейчас такие книги выходят небольшими тиражами. Среди них прежде всего хотелось бы назвать Анну Ивановну Тарасову, чей труд недавно был переиздан, Игоря Сергеевича Кузьмичёва, Амира Александровича Хисамутдинова, Георгия Георгиевича Пермякова. Не было бы их работ и той помощи, которую они мне оказали, и поддержки, не появился бы этот труд. Спасибо им!

Эрудированный читатель, возможно, найдёт вкравшиеся в текст неточности в фактах, цифрах, цитатах... Простите за это автора.

...Когда я сел перед чистым листом бумаги, чтобы написать всё, что Вы, уважаемый читатель, осилили, у меня было лишь одно желание: подбросить как можно больше хвороста, собранного в арсеньевском лесу, в костёр его памяти.

Закончу своё повествование, как и начал, словами Михаила Пришвина. Как-то, уже после Великой Отечественной войны, его пригласили в Москве на вечер, посвящённый Владимиру Клавдиевичу. Вот что он тогда записал в своём дневнике:

«Как только я принял это предложение, так всё завертелось в голове, и весь мой хмель стал обвивать ствол умершего Арсеньева».

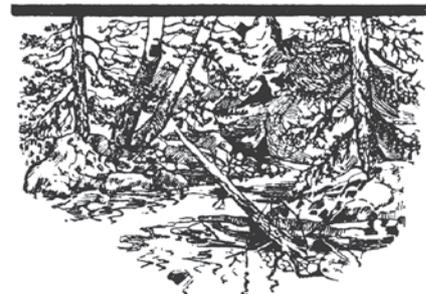
Нечто подобное, признаюсь, испытывал и я, когда писал повесть, а затем работал над её вторым изданием.

Да не высохнет никогда арсеньевское древо!

Пусть на нём вечно зеленеют ветви и обвивают его ствол наша к нему любовь, уважение и признательность.

А костёр его памяти горит, не угасая, долго, долго.

2014 год

ЧТО В ИМЕНИ ТВОЁМ?

*(Глава из книги «Тетюхе – мой оберег. Семейная хроника».
М. Издательство «Известия». 2011 г. Печатается с сокращениями.)*

Автор решил в приложение вставить отрывок из другой своей работы, прочтя в интернете главу из книги Г. Сидорова «Пути. Дороги. Встречи» (Т. 3. Тираж 3000. 2014 г.). Глава называется «Тайна китайской цивилизации». Речь в ней идёт о главном герое повести «Распятый в дебрях...»

Глава написана в форме диалога, видимо, автора со всезнающим дядей Ёшей. Автору (далее цитаты из книги) «хочется знать правду об Арсеньеве, он ведь историческая личность». Чтобы эту «правду» донести до читателя.

Начинает разговор дядя Ёша так:

«...Печально то, что к... экспансии китайцев к нам на Восток и в Сибирь всё подготовлено...прозападными, русофобски настроенными историками...»

Собеседник интересуется: «...Ты можешь мне назвать кого-нибудь... из явных русофобов и вредителей?» Просит рассказать о «самом матёром и известном».

И, ничтоже сумняшеся, дядя Ёша отвечает, что тогда речь пойдёт об «иуде земли русской – Владимире Клавдиевиче Арсеньеве».

Вот те на! За что же Арсеньев заслужил эти убийственные оценки?!

Устами «дяди» Г. Сидоров отвечает так: «...Всем падам, ручьям и рекам Володя Арсеньев (так панибратски он называет русского географа и писателя. – Б.С.) с упорством маньяка вместо их древнерусских, нанайских, удэгейских названий давал китайские».

Невозможно такое обвинение оставить без ответа.

А ответ был мною дан в книжке «Тетюхе – мой оберег».

О том, почему и какие названия наносил (а не давал имена!) на карты Арсеньев, в ней рассказывается на примере названия одной речки, что течёт на моей «малой родине». Плохо знакомым с названиями, бывшими на картах в советское время, поясню, что она носила имя Тетюхе (Тютюхе). Такое же имя получил и возникший рядом с ней посёлок. Теперь это город Дальнегорск, а речку нарекли Рудной.

В этих местах не раз бывал В.К. Арсеньев. В повести «По Уссурийскому краю» он написал о ней так (цитирую по первому изданию 1921 г.):

«По длине своей Тютюхе (по-удэгейски Ногале) будет, пожалуй, больше всех рек южной части прибрежного района (около 80 вёрст). Название её есть искажённое китайское слово «Чжю-чжи-хе» (т.е. «Река диких свиней»)... Русские в искажении пошли ещё дальше, и слово «Тютюхе» исказили в Тетюха, что уже окончательно не имеет никакого смысла».

Ниже привожу отрывок из моей книги.

Немало воды утекло из речки Рудной в Японское море с 1970 года, когда 11 ноября вышло решение Приморского крайисполкома №1167 о переименовании «физико-географических объектов». Список долго сочиняли и согласовывали с Москвой, так как он был утверждён начальником Главного управления геодезии и картографии лишь 26 марта 1973 года. Вот тогда уже окончательно исчезли с карт Приморья 476 названий, из них – 100 населённых пунктов, 8 хребтов, 40 гор, 7 заливов, 23 мыса, 46 бухт и аж 227 рек.

Как говорится, были да сплыли!

Думаю, что многим, когда переименовали, не понравились новые имена. Но, как исстари на Руси говорили: стерпится – слюбится. Что теперь, мол, воду в речке мутить?

Но если бы всё было так просто...

За изменениями названий всегда лежит политика. Вот и тогда... Обострились отношения с соседом, и наши руководители решили таким образом «выбить почву» из-под ног маоистских идеологов, твердивших, что раз на советских картах китайские названия, эти земли раньше принадлежали Китаю.

ШТАБС-КАПИТАНУ БЫЛ ДАН ПРИКАЗ

Весной 2009 года прислал мне в подарок из Санкт-Петербурга книгу «Древняя Русь и Великий Туран» её автор О.М. Гусев, «профессор Международной Славянской Академии, главный редактор всероссийской газеты «За Русское Дело». Издан был этот солидный труд в северной столице в 2008-м, когда вышла и моя книга о В.К. Арсеньеве.

В надписи на титульном листе рукой автора: «Дорогой Борис Владимирович, напрасно я искал в Вашей книге «Распятый в дебрях» ответ на вопрос, почему В.К. Арсеньев наносил на карту принадлежащие Руси-России территории как исконно китайские?».

Когда писал повесть, я, каюсь, как-то не увидел всей глубины этой проблемы. Да и сейчас думаю, что она «раздувается» искусственно теми, кто такое безапелляционно утверждает.

А всё происходило так.

Владимир Клавдиевич, имевший за плечами лишь два года учёбы в юнкерском училище и во время первых экспедиций чин штабс-капитана (что равняется в нашей армии званию ст. лейтенанта), вёл военный отряд по дебрям Уссурийской тайги. Был дан ему приказ: опрашивать местных жителей, как называют они ближайшие географические объекты, и наносить их на схемы. По ним картографы будут карты чертить.

Этим, как исполнительный и пунктуальный офицер, Арсеньев и занимался. Кстати сказать, не один он, о чём ещё будет сказано ниже.

СОЧИНЯТЬ НАЗВАНИЯ БЫЛО БЕССМЫСЛЕННО

О происхождении названий и чьими эти земли были в прошлом тогда никто, куда опытнее штабс-капитана, особо не задумывался. Власть в крае, которую возглавляли генерал-губернаторы, твёрдо знала, что согласно международным Договорам, это неотъемлемая часть России. Знал это и Владимир Клавдиевич.

Он хорошо понимал, что «сочинять» русские названия, а значит, навязывать их местным жителям, даже если это были переселенцы из коренной России, было бы просто глупо.

Кто бы их принял тогда?! И кому бы были нужны такие карты?

Это в брежневские годы можно было чохом изменить давно прижившиеся названия. И всех жителей, их не спрося, поставить перед таким фактом. Тогда ведь местные власти, услышав из Москвы любой «чих», тотчас брали под козырёк. Старожилы хорошо помнят, как же долго привыкали люди к новым, порой нелепым именам. Да и до сих пор старые вспоминают...

Карты, которые в начале прошлого века требовалось подготовить как можно скорее, благодаря собранным Арсеньевым и его сослуживцами сведениям, были вычерчены и отпечатаны в краткие сроки. Они стали нужны не только военным, но и чиновникам, в том числе организовывающим переселение русских и украинцев, донских казаков на Дальний Восток. Очень понадобились, когда тут такая заваруха началась, белым и красным. Тем, кто пришли сюда, как интервенты...

В ближайшем будущем карты станут ещё нужнее...

Не раз все, кто ими пользовался, добрым словом составителей карт, в том числе и Арсеньева, поминали. Никто тогда даже не думал обвинять знаменитого географа в том, что сейчас делают иные «знатоки» недавней истории.

О ЧЁМ АРСЕНЬЕВ НЕ РАЗ ГОВОРИЛ И ПИСАЛ

Владимир Клавдиевич, постоянно углубляя свои знания в истории края, коренных народностей и «пришельцев», свои взгляды излагал в трудах, выступлениях в Географическом обществе, даже в Санкт-Петербурге. В них, в частности в историко-этнографической работе «Китайцы в Уссурийском крае», автор доказывает, что Уссурийский край государству за Амуром и Усури НИКОГДА НЕ ПРИНАДЛЕЖАЛ.

Опровергал Арсеньев и утверждения, что он, мол, наносил на карту названия лишь «исконно-китайские». Стоит хотя бы внимательно прочесть его «Примечания к повести «Дерсу Узала», занимающие 4 страницы, и станет ясно, что в книге много географических названий коренных народностей, а некоторые и русские.

Но вернусь на берег родной речки.

В ЭТИХ ПЕРЕВОДАХ СТОИТ РАЗОБРАТЬСЯ

Обратите внимание (цитата приведена выше), как Арсеньев объясняет происхождение названия «Тютихе» и добавляет, какое имя дали реке ещё до китайцев удэгейцы: Ногуге. Но как оно переводится, не пишет. Почему, косвенно объясняет ниже: среди туземцев он нашёл только одну старуху, которая «с трудом могла вспомнить» из своего родного языка «только одиннадцать слов», которые оказались удэгейскими.

Но на схему наносит всё же название, которое уже прижилось. Выводит это слово из трёх можно сказать слогов: «Чжю-чжи-хе» и в скобках даёт перевод: «то есть «Река диких свиней». Но ниже к слову «Тютихе» даёт сноску: «По П.В. Шкуркину – Цзю цзи хэ, означающее Девятая быстрая река».

Совсем другой перевод похожих слогов! Явная нестыковка. Почему Владимир Клавдиевич остановился не на переводе Шкуркина, автора написанного к его книге «Необходимого предуведомления», объяснения нет. А ведь в предисловии к первому изданию Арсеньев пишет самокритично:

«Не владея китайским языком в такой степени, чтобы разбираться в иероглифах, я обратился к ориенталисту П.В. Шкуркину, двадцать шесть лет прожившему в Уссурийском крае и хорошо знающему жизнь местного манзовского населения, с просьбой транскрибировать китайские названия, записанные землемерами, военными топографами, разными исследователями и мною».

Обратите, кстати, внимание на перечисление тех, кто наносил названия на карты: себя автор ставит лишь в конце перечня. Как уже выше говорилось, составление карт было в какой-то степени коллективным творчеством. Это тоже помнить надо.

Но почему Арсеньеву понравился перевод слова: «Река диких свиней»? Думаю, не только потому, как он объясняет в книге, что кабаны тут «как-то раз разорвали двух охотников».

А что если, когда он записывал этот перевод в дневник, переработанный позднее в повесть, его... сам придумал? Недаром же скоро стал сочинителем!

Прочтите живописно и подробно написанный в книге эпизод, как, по выражению Дерсу, «манзы чушку гоняй», как капитан и его проводник приняли бой, сражаясь с кабанамии...

Естественно, Владимир Клавдиевич даже предполагать не мог, что через много десятков лет только на приведённый им один из переводов (заметьте, не в научном сообщении, а в художественном произведении!) названия реки будут до наших дней ссылаться без оговорок.

ЗАГЛЯНЕМ В ДАЛЯ

Арсеньев был не прав, утверждая, что слово «Тетюха» не имело «никакого смысла». Если бы заглянул в словарь своего тёзки Даля, узнал бы, что очень похожие слова часто употреблялись в русской разговорной речи.

Великороссы, когда бранились, говорили всерьёз: «Эх ты, тетёха! Или же «тетюха» – у Даля так и так. Что относилось к дородной, неуклюжей

«бабище, девке». А в некоторых губерниях, читаю дальше в словаре, тетюхой, тетуней, тетусей называли тётки (тётей) – сестёр отца или матери.

Нашёл у Владимира Даля ещё и такие слова: тетенкать (баловать), тётца, тётша (рыбье брюшко), утешать... И уже не употребляемое тети (ударение на последней букве), что значило рубить, тятать, от него – наша тятка. Есть в словаре и слово «тетёшка», так в позапрошлом веке называли... путан, а по-русски женщин дурного (так у Даля) поведения. В монастырях тетёхами называли... овец. А тетёшить, тетёшкать значило нянчить на руках, пестовать. Да и в наше время разве вы не слышали с укоризной сканзанным в адрес нерасторопного, неуклюжего человека: «тюха-матюха!»

СОВСЕМ КАК РУССКОЕ СЛОВО, ТОЛЬКО «ХЭ» МЕШАЕТ

До чего же, только вслушайтесь, богат переливами букв-звуков и значений русский язык!

Но вот Арсеньев на карту-схему занёс название «Тютюхэ-Тетюхе» с окончанием «хэ-хе», что означает по-китайски «река». Потом название «приклеили» к заливу, руднику, посёлку... И укоренилось оно во всех атласах и книжках.

За это «хе-хэ» советские чиновники в 1970 году название и похерили.

Записал бы бывший юнкер, который науку филологию не изучал, в свой чертёжик название «Тетюха» или «Тетюша», его, может быть, и оставили. Только сослагательного наклонения история, как известно, не признаёт...

Но вернусь к вопросу: точно ли это слово произошло от китайского словосочетания?

По этому поводу своё особое мнение высказала группа учёных, которые, в 1989 году собравшись по инициативе Приморского отделения Советского фонда культуры во Владивостоке, почти единогласно высказались против того самого злополучного изменения названий «чохом». Например, кандидат наук, старший сотрудник сектора этнографии и филологии Института истории Н.Б. Киле утверждал, что как русские, так и китайцы переняли географические названия тунгусоязычных народов. Среди примеров учёный приводит ряд топонимов (названий географических объектов), среди которых и наша речка. Если верить Киле, в преданиях она называлась Чичюха – река-струйка, река-струя (мифическая), и уже позже её адаптировали в Тетюхэ, что якобы означает «река ссыльных».

Ещё одно толкование!

Старожил Дальнегорска, руководитель краеведческого клуба «Тетюхе» Виктор Татарников в своей интереснейшей книге «Дальнегорск и его окрестности», недавно вышедшей вторым изданием, эти названия тоже приводит. И к ним ещё добавляет новый перевод: Жемчужная река. Его он нашёл в книге «Словарь китайских топонимов на территории Советского Дальнего Востока», изданной во Владивостоке в 1975 г. Сейчас его можно найти в интернете. Читаем: «Тетюхе, Тетюхэ, Тютюха (Рудная) – гидроним неясного происхождения, возможно (хочется это слово подчеркнуть. – Б.С.) китайский, образован компонентами: чжу – жемчуг, ци – драгоценный камень, хэ – река. Следовательно, Чжущихэ – Жемчужная река».

А о диких кабанах в этом словаре ни слова!

...Давно нет среди миллиона географических имён «Тетюхе» и куда реже попадаются дикие кабаны в окрестностях реки Рудной, однако оно, пусть как историческое понятие, продолжает многих интересовать. Назвали же краеведы Дальнегорска свой клуб «Тетюхе». В интернете запросил это слово, и мне выдали «на блюде» экрана более 12 тысяч сайтов! И как только это название не обыгрывается!

ЕСЛИ КИТАЙЦЫ ПРИДУМАЛИ, ЗНАЧИТ, ТУТ ИХ БЫЛА ВЛАСТЬ?

Получил, когда начал писать «семейную хронику», из Хабаровска газету «Бизнес-регион – Дальний Восток». Она вышла в ноябре 2007 года. На целый разворот статья «Знакомьтесь, Дальнегорск». На нижней отбивке надпись: «Распространяется в 22 городах Дальнего Востока. Тираж 36 000 экз.» Солидная аудитория.

Первое же предложение статьи вот какое безапелляционное: «Разработка серебряных приисков в долине Тетюхе началась в те времена, когда Приморье принадлежало Китаю». Но это же дезинформация!

Далее в статье пишется о каких-то «новых хозяевах этих мест»... Те из них, что слышали о существовании долины реки, впадающей в Японское море, знали лишь, что её название переводится с китайского как «долина диких кабанов». Уже не река, а долина!

Позже в интернете обнаружил статью из московского журнала «Власть» (издательский дом «Коммерсантъ»), опубликованную в ноябре 2006 года, об «истории борьбы с последним советским олигархом Б. Бринером» – так лихо она называется. Начало её слово в слово, как в «Бизнес-газете».

Значит, просто слизали? Ай-яй-яй!

КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЁТСЯ

Хочется тут вспомнить словечко сатирика Жванецкого, которое он произносил с ударением на последнем слоге и через «ч»: тчательней, тчательней надо бы готовить подобные статьи! Забыли, видно, мои коллеги по газетному цеху пословицу о пере и топоре. Теперь вместо пера – компьютер. А «вырубить» подобные утверждения из того же интернета не сможет даже армия железных кибердровосеков.

«Листаешь» сайты, в которых название родной речки упоминается, и натыкаешься на всё тот же перевод с китайского. Даже узнал, что Тетюхе-пристань, оказывается, переводится, как «Пристань страны диких кабанов!» Смех и грех.

Но если опять же говорить серьёзно, это не просто игры в названия. Японские парламентарии вот объявили же осенью 2009 года, что Южные Курилы оккупировали Советы. А не объявят ли (не сегодняшние, так за-

взрашние, послезавтрашние) правители Поднебесной, что «их» Приморье тоже ещё русскими царями было оккупировано?

И добавят: сами же пишете, что мы тут раньше царствовали?

Разбирайся тогда, где «страна кабанов», а где политика.

МНЕНИЕ ОДНОГО КИТАЕВЕДА

Серьёзные политики о взаимоотношениях России с Китаем в прошлом и настоящем, в том числе о территориальной проблеме, исписали горы статей и книг. Приведу лишь фрагменты из одного интервью. Читаешь и видишь, что проблема эта с повестки дня не снята. Выдающийся китаевед и один из наших старейших дипломатов Сергей Леонидович Тихвинский в большой беседе с корреспондентом газеты «Известия», опубликованной 24 сентября 2010 года, привёл любопытные факты.

Цитирую: «Ещё в конце 1960-х вышла статья двух авторов – нашего и китайки (их фамилии и где напечатано – в газете не называется. – Б.С.). Они рассказали, как в беседе с делегацией японских социалистов Мао Цзедун заявил: Китай претендует на полтора миллиона квадратных километров советской земли. По мнению авторов это было сказано в шутку. Но я считал иначе и оказался прав».

Китаевед приводит одно утверждение Эдуарда Шеварднадзе, бывшего, напомним, у нас во время «перестройки» министром иностранных дел. В своих мемуарах он утверждает, что в беседе с ним, когда они с Михаилом Горбачёвым посещали Китай, его тогдашний лидер Дэн Сяопин, далее снова цитата, «прямо заявил: Россия оттяпала у Китая три миллиона квадратных километров! Сейчас, говорил Дэн Сяопин, мы не требуем вернуть потерянные земли, но со временем мы это дело осуществим... Во время того визита Горбачёв и Дэн Сяопин договорились о формуле: закрыть прошлое – открыть будущее».

«Но я, говорит в интервью С. Тихвинский, уверен, что прошлое не закрыто».

Не все наши политики с таким утверждением сегодня согласны.

Однако помнить об этом, особенно дальневосточникам, думаю, стоит.

А ЧТО ОБ ЭТОМ НАЗВАНИИ НАПИСАЛ ПРОФЕССОР

Но я не могу разделить и мнение петербургского проф. О. Гусева, автора книги «Древняя Русь и Великий Туран», присланную мне, о которой упоминал выше. Честно скажу, не хотелось бы мне её рекламировать. Но приходится кратко написать о том, что в ней утверждается. Профессор «заехал» в такую даль времён, пытаясь доказать приоритет русских на Дальнем Востоке, да только сделал это, на мой взгляд, очень странным образом...

Он стопроцентно уверен, что на Азиатских берегах Тихого океана задолго до новой эры (т.е. до Рождества Христова!) существовала цивилизация славяно-русов – наших прапрапредков. Правда, аргументов этому он приводит немного.

И далее, на мой взгляд, начинает просто фантазировать. Что именно те самые мифические русы назвали речку, записанную на карту Арсеньевым, почти по Далю... Тетюхой!

Разложил О. Гусев топоним «Тетюха», опираясь на некую Всесветную грамоту. Была, мол, такая «азбука» у русов задолго до кириллицы из 147 букв. Далее цитирую Олега Михайловича лишь с короткими пропусками: «ТЕТ- Твердь Есть Твердь, т.е. очень прочная твердь. Для кого? Не для Уров, не для Ру, не для Ариев, а для неких ЮХА... ХА относится к ЛУ – молодым мужчинам, которые как бы только что материализовались через Х-Хер и А-Аз в Ха... Ю-ХА знаменует краткое сильное воздействие, Х-Хер (т.е. таинство оплодотворения), чтобы некие приобрести качества ХА, т.е. просто физически здоровых людей, способных со временем впитать 12 качеств И-Иже, т.е. Ижейных людей». И далее: «Очень похоже, что в этом интересном топониме речь идёт о ЦЕНТРЕ ГЕНЕТИЧЕСКОГО конструирования. Ибо как можно по-другому «кратно» воздействовать на Х-Хер».

Я делаю глубокий вдох и с радостью думаю о том, как мне сказочно повезло, что я родился в «центре генетического конструирования» и тоже из племени «ижейных людей».

Но снова шутки в сторону. Гусев не стесняется в выражениях и утверждениях, когда пишет о В.К. Арсеньеве: «Он был и остаётся тёмной личностью», «подложил России и русскому народу большую свинью» (надо же, снова свинья, преследует всюду, как гоголевская красная свитка!). И вообще он был то ли английский, то ли немецкий и ещё японский разведчик, а его проводник Дерсу – китайский шпион.

Пришёл, значит, этот «Джеймс Бонд» и приделал к древнерусскому слову чужеземный хвост – хэ. В результате Арсеньев – внимание, снова без гусевской цитаты не обойтись – «напялил китайский топонимический презерватив на русские территории».

Интересно, не из лексикона ли древних русов петербургский профессор позаимствовал такие сочные словеса? Неужели наши прапрапредки тоже умели эти самые... напяливать?!..

Вот из каких пёрлов варит автор своих солидных трудов пёрловую кашу да ещё надеется, что её доверчивый читатель съест.

Меня увольте – сыт!

Несколько слов в заключение.

Не думал я три года назад, когда писал эту главку, что появятся ещё подобного рода сочинения. Но вот читаю Г. Сидорова и на каждой странице натываюсь на «утверждения» и обвинения в адрес В.К. Арсеньева, которые назвать абсурдными, это мягко сказать. Кроме тех, какими «наградили» его герой книги и дядя Ёша в начале разговора, приведу ещё такие:

«...Он, как русский масон и ставленник Ватикана на Востоке, усердно выполнял возложенную на него миссию... Является ли Владимир Клавдиевич агентом британской разведки? ...некоторые его действия косвенно указывают и на эти связи... И не только в пользу британской разведки, но и японской... Владимир Клавдиевич китайского языка не знал... Но с ним был хороший консультант. Им мог быть толь-

ко Дерсу... Японо-китайские карты Арсеньев привёз... из Польши... Его могли там завербовать как агенты Ватикана, так и англичане».

Дядя Ёша убеждает своего собеседника в том, что доказательств (правда, «косвенных») работы Арсеньева «против России... более, чем достаточно!» И далее: «Нам надо радоваться, что Арсеньеву не удалось изменить названий реки Амур, рек Усури, Бикин, Хор и хребта Сихотэ-Алинь». И наконец, на полном серьёзе утверждает: Арсеньев в книге о Дерсу Узале «всё наврал», «натворил с Россией невысказанное... Неужели им двигало одно желание хорошо заработать?».

Прекращаю цитирование. Одна мысль: жалко бумагу, на которой всё это напечатано. Как только не краснеет она от стыда?

Ума не приложу, почему вслед за профессором из Санкт-Петербурга автору многотомных эпопей пришла охота снова «распять» моего героя?! Какая-то просто патологическая ненависть к Владимиру Клавдиевичу, на долю которого и при жизни (да и после смерти) выпало немало испытаний. Но он их всегда выдерживал с честью русского офицера и гражданина-патриота.

Уверен, выдержит и на этот раз.

*Борис Сумашедов,
2014 год, октябрь.*

ВЫСКАЗЫВАНИЯ О ТВОРЧЕСТВЕ В.К. АРСЕНЬЕВА

Фритьоф НАНСЕН,
*знаменитый норвежский путешественник, океанограф,
общественный деятель, лауреат Нобелевской премии Мира*

Уже прошло много времени с тех пор, как я встретил на Дальнем Востоке в Хабаровске на Амуре выдающегося исследователя Восточной Сибири профессора В.К. Арсеньева. Это случилось 5 октября 1913 года. Он рассказал мне тогда о своих чрезвычайно интересных путешествиях через девственную тайгу Уссурийского края, о её малоизвестном туземном населении, а также о животном и растительном мире этой страны.

Получилось много в высшей степени интересных сообщений о неосвоенных ещё местностях, и мне казалось очень прискорбным, что описания его путешествий и наблюдений не были опубликованы ни на одном из западно-европейских языков. Но теперь передо мною лежит книга В.К. Арсеньева о его путешествиях, изданная на немецком языке. Автор просил меня написать к ней краткое предисловие, что я исполняю с особой радостью. Его описания открывают мир, о котором мы до сих пор имели очень мало сведений.

Образно написанные заметки профессора В.К. Арсеньева дают возможность ознакомиться как с природными условиями, так и с жизнью обитателей этого отдалённого лесного края. Достоин удивления, что мы, жители Старого Света, обычно больше знаем о жизни туземцев Северной Америки, чем о туземцах Сибири, и особенно Восточной Сибири, хотя последние на самом деле имеют для нас гораздо больший интерес.

Я надеюсь, что интересный и ценный труд В.К. Арсеньева найдет многих читателей.

*Лусакер. 24 июня 1924.
(Предисловие к первому тому сочинений В.К. Арсеньева
на немецком языке. 1924 г.)*

Свен Андерс ГЕДИН,
*шведский путешественник,
член Королевской АН Швеции*

Если вам угодно узнать о Сибири вполне достоверные и построенные на основательных наблюдениях и глубоких знаниях сведения, то возьмите прекрасную книгу «В дебрях Восточной Сибири» проф. Владимира К. Арсеньева, которая только что вышла на немецком языке и которая особенно рекомендуется Нансеном.

Георг Август ШВЕЙНФУРТ,
немецкий ботаник, путешественник и учёный

Давно мне не приходилось иметь столь интересного материала для чтения в области географической литературы. Редко удаётся натолкнуться в описаниях неисследованных стран на такую массу точных наблюдений во всех трёх царствах природы. Все свои происшествия во время путешествий автор умеет изобразить в захватывающей картине.

Я восхищаюсь его любовным подходом к способу мышления тех народностей, с которыми он входит в соприкосновение. Может быть, в этом заключается разгадка тайны русского распространения в Центральной Азии.

Альфред Лотар ВЕГЕНЕР,
немецкий геофизик, исследователь, доктор наук

Эта книга является одной из замечательных и захватывающих в своём роде. Богатство ежедневных наблюдений изобилует в тексте, захватывает, подавляет и ошеломляет в конце концов читателя почти так же, как в самой природе его захватывают бесконечные и постоянно меняющиеся образы великого первобытного сибирского леса.

Своеобразное, почти уникальное в своём роде очарование книги заключается в личности автора и в его совершенно необычном мастерстве рассказывать. Одна из главных притягательных сил книги – я прямо скажу – главная её притягательная сила – это личность туземного охотника монгольской расы Дерсу Узала, который с ружьём и котомкой за плечами ходит по тайге, никогда не ночуя под одной и той же крышей, и живёт своей охотой. Автор рисует этого человека захватывающе сердечно. Своего рода природный джентльмен выступает перед нами. Человек с чистой душой ребенка и с безграничной преданностью лучшего друга. В описании Арсеньевым этого простого человека выявляется в книге то, что составляет глубочайшее её очарование, а именно душевная чистота, доброта, благорасположенность ко всем и самобытность личности самого автора.

Ф.Ф. АРИСТОВ,
профессор, г. Москва

Книга В.К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края» представляет плод 25-летнего изучения Уссурийского края, т. е. той части нашего Дальнего Востока, которая дала материал в своё время для исследований всемирно известного путешественника Н.М. Пржевальского.

Подобно своему знаменитому предшественнику, В.К. Арсеньев производил исследования по поручению русского Генерального штаба. Задачи были поставлены очень широкие: нужно было изучить природу и быт населения, собирать коллекции животного и растительного царств, делать съёмки местности, рисковать на каждом шагу жизнью... И вести точный дневник-отчёт о своих работах.

В своих путешествиях по дебрям Уссурийского края В.К. Арсеньев имел доброго спутника в лице инородца – гольда Дерсу, охотника, следопыта, человека, жившего одной жизнью с природой, нередко спасавшего автора и его спутников – казаков и стрелков – от лютого зверя (тигров) или лихих людей (хунхузов).

Светлый, яркий, никогда не забываемый образ Дерсу смотрит на читателя с каждой страницы книги, которую, прочтя, хочется вновь перечитывать, настолько она проникнута той изящной простотой, которая проступает и чарует и одновременно свидетельствует об огромном знании автором своего вопроса и его выдающемся таланте, как литературного рассказчика.

В России (по обыкновению) обратили внимание на книгу В.К. Арсеньева после того, как она, переведённая на иностранный язык, вызвала фурор в Западной Европе и встретила восторженные отзывы таких авторитетных лиц, как Фритьоф Нансен и Свен Гедин.

Подобно Н.М. Пржевальскому и П.К. Козлову, В.К. Арсеньев описывает всё им виденное с фотографической точностью и в то же время даёт нам не докладную записку или сухое учёное исследование, а живую, художественную картину Уссурийского края.

Знаменательно также и то, что эта книга, присланная (из Владивостока) в Москву в количестве нескольких [десятков] экземпляров, несмотря на «мертвый» летний сезон, была раскуплена в течение одной недели, и сейчас её уже нельзя достать в московских магазинах.

Можно сказать, не опасаясь преувеличения, что книга В.К. Арсеньева является одним из самых выдающихся произведений русской литературы последнего десятилетия.

Газета «ИЗВЕСТИЯ Центрального Исполнительного Комитета СССР, Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов».
30 сентября 1926 г.

Письмо А. ПЕШКОВА (М. ГОРЬКОГО) В.К. АРСЕНЬЕВУ

Уважаемый Владимир Клавдиевич – книгу Вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о её научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечён и очарован был её изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера – это, поверьте, не плохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более «художественная». Искренне поздравляю Вас.

Разумеется, я буду очень рад получить второе издание этой чудесной книги от автора, но, кроме того, я Вас прошу сказать «Книжному Делу», чтоб мне выслали ещё два экземпляра. Это – для знакомых, которые брали у меня первое издание и так же влюбились в книгу, как я.

Почему Вы не предложите Госиздату издать этот Ваш труд? Важность его так же неоспорима, как и красота.

У Вас, вероятно, есть фотографии, книгу можно бы иллюстрировать. Подумайте, какое прекрасное чтение для молодёжи, которая должна знать свою страну.

Посылаю Вам свою книгу. Будьте здоровы.

А. Пешков
24.1.28 Sorrento
(Впервые опубликовано в газете «Красное знамя»,
г. Владивосток, 25 февраля 1928 г.)

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.К. АРСЕНЬЕВА

29 августа (10 сентября по н.с.) 1872 г. Родился в Санкт-Петербурге в семье железнодорожного служащего.

22 ноября 1891 г. Зачислен вольноопределяющимся 1 разряда в 145-й Новочеркасский пехотный полк, стоящий на Охте под Санкт-Петербургом.

1 сентября 1893 г. – 12 августа 1895 г. Учёба в Санкт-Петербургском пехотном юнкерском училище. Окончил курс по 1 разряду. Присвоено звание подпрапорщика. Снова направлен в Новочеркасский полк.

18 января 1896 г. Произведён в подпоручики и переведён в 14-й Олонецкий пехотный полк в г. Ломже Царства Польского. С мая по июнь находился в командировке в 4 бригаде под Варшавой для обучения сапёрному делу.

22 октября 1897 г. Заключение брака с дочерью коллежского секретаря Анной Константиновной Кадашевич (1879–1963). Санкт-Петербург.

1 мая 1900 г. Произведён в поручики.

19 мая 1900 г. Вышел приказ о переводе на службу в 1-й Владивостокский крепостной пехотный полк.

17 июля 1900 г. Родился сын Владимир (умер в 1987 г.).

8–25 июля 1900 г. Участие в составе Благовещенского отряда генерал-лейтенанта К.Н. Грибского в подавлении «боксёрского восстания».

5 августа 1900 г. Прибыл во Владивосток для прохождения службы.

1901 г. К.Ф. Арсеньев (отец) получает звание потомственного гражданина г. Санкт-Петербурга и чин коллежского советника. Это звание и чин остались за В.К. Арсеньевым.

С 1900 по 1905 гг. Служба во Владивостокской военной крепости: заведующий учебной командой в полку, командир роты, начальник крепостной конноохотничьей команды, командир двух команд, начальник «летучего» отряда в составе четырёх команд на правах батальонного командира.

1901 г. Вступил в общество любителей охоты, затем стал одним из его директоров.

1902 г. Награждён медалью «За поход в Китай в 1900–1901 гг.».

16 мая 1904 г. Принят в действительные члены Общества изучения Амурского края.

4 августа 1904 г. Награждён орденом Св. Анны 4-й ст.

9 марта 1905 г. Присвоено звание штабс-капитана.

8 июля 1905 г. Награждён орденом Св. Станислава 3-й ст.

12 июля 1905 г. Награждён орденом Св. Анны 3-й ст.

22 декабря 1905 г. Переведён в штаб Приамурского военного округа (Хабаровск).

5 мая 1906 г. Награждён орденом Св. Станислава 2-й ст.

15 мая – 20 ноября 1906 г. В должности командира совершил экспедицию по исследованию хребта Сихотэ-Алинь, побережья залива Св. Ольги и бассейнов рек Усури и Иман.

12 июля 1906 г. Переведён в 23-й Восточно-сибирский стрелковый полк.

3 августа 1906 г. Встреча с гольдом (нанайцем) Дэрчу Очжалом (Дерсу Узала) на р. Тадуши около перевала Лифудзин.

1 декабря 1906 г. Командирован в штаб Приамурского военного округа.

Март 1907 г. Во главе охотничьей команды производил рекогносцировочные работы на склонах хребта Хехцир.

11 июня 1907 г. – 5 января 1908 г. В должности командира совершил экспедицию на Сихотэ-Алинь по исследованию местности от бухты Терской по побережью Татарского пролива.

14 октября 1907 г. Награждён орденом Св. Владимира 4-й ст.

5 января 1908 г. Прикомандирован к штабу округа.

13 марта 1908 г. Гибель Дэрчу Очжала (Дерсу Узала).

24 июня 1908 г. – 21 января 1910 г. В должности командира совершил экспедицию по исследованию северной части Уссурийского края: Императорская Гавань, залив Де-Кастри, село Софийское, Хабаровск и р. Хор.

28 января 1909 г. Принят в действительные члены Императорского Русского географического общества.

Июль 1910 г. – май 1919 г. Директор Хабаровского краеведческого музея.

1 ноября 1910 г. – апрель 1911 г. Находился в Санкт-Петербурге и в Москве, участвовал в этнографической выставке, которую посетил император Николай II.

5 февраля 1911 г. Награждён серебряной медалью за подаренную этнографическому отделу Русского музея коллекцию

25 и 26 февраля, 18 марта 1911 г. Выступил перед учёной общественностью Санкт-Петербурга с докладами «Китайцы в Уссурийском крае», «Древнейшая история Уссурийского края» и «Орочи-Удэхе».

26 марта 1911 г. «По высочайшему повелению» переведён на гражданскую службу с сохранением военного чиновного производства.

Апрель 1911 г. Заезжал к родителям в Москву, выступил с рядом докладов в научных обществах.

28 апреля 1911 г. Переведён в Главное управление землеустройства и земледелия с зачислением по армейской пехоте. Назначен производителем работ Уссурийской межевой партии в ведомстве Переселенческого управления.

20 июня – 25 ноября 1911 г. Экспедиция (так называемая «секретная» и «карательная») в Зауссурийский край (её второй этап проходил с **6 апреля 1912 г. по 29 января 1913 г.**).

13 октября 1911 г. Принят в действительные члены Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

9 января 1912 г. Назначен чиновником особых поручений при Переселенческом управлении Приамурского генерал-губернатора.

21 января 1912 г. Назначен исполняющим должность штаб-офицера для поручений при Переселенческом управлении.

1 февраля 1912 г. Награждён малой серебряной медалью отделения этнографии ИРГО.

Февраль 1912 г. 10-дневная командировка на Бирские каменноугольные копи.

4 апреля 1912 г. Произведён в капитаны.

5 мая 1913 г. Произведён в подполковники «с сохранением военного мундира».

Сентябрь 1913 г. Встречи и беседы с Ф. Нансеном в Хабаровске.

28 сентября 1913 г. За участие в выставке Приамурского края в ознаменование 300-летия дома Романовых награждён золотой медалью Амурского общества сельского хозяйства.

1914 г. В Хабаровске вышла книга «Китайцы в Уссурийском крае».

Октябрь – декабрь 1915 г. Походная командировка по маршруту: пост Святой Ольги – Владивосток – Никольск-Уссурийский.

Декабрь 1915 г. Командировка в Посыетский район.

Апрель 1916 г. Вместе с Приамурским генерал-губернатором Н.Л. Гондатти совершил служебные поездки по южному Приморью.

Июнь – август 1916 г. Находился в командировке в Маньчжурии.

10 октября 1916 г. Уволен со службы в Переселенческом управлении «для определения по статским делам».

Январь 1917 г. Назначен на службу в военное ведомство; **28 марта** зачислен в 13-й Сибирский стрелковый запасной полк.

В начале мая 1917 г. Мобилизован на фронт Первой мировой войны.

27 мая 1917 г. По ходатайству Академии наук, Русского географического общества и его дальневосточных отделов перед Временным правительством возвращён с пути на фронт в Хабаровск и прикомандирован к штабу Приамурского военного округа.

30 мая 1917 г. Решением особой комиссии при РГО присуждена премия им. В.И. Веньюкова, которая в связи со сменой власти в стране осталась неполученной.

29 июня 1917 г. Назначен комиссаром Временного правительства по инородческим делам Приамурского края. Сложил с себя это звание **7 февраля 1918 г.**

3–12 августа 1917 г. Поездка в район устья Амура.

23 августа 1917 г. Штаб Приамурского военного округа сделал представление на «штаб-офицера В.К. Арсеньева, заслуживающего Знака «отличия беспорочной службы»».

17 сентября – 3 октября 1917 г. Поездка на р. Тунгуску.

10 октября 1917 г. Увольнение с военной службы «для определения по статским делам с переименованием в коллежские советники».

20 ноября 1917 г. – 5 февраля 1918 г. Совершает Олгон-Горинскую экспедицию.

17 мая 1918 г. Приказом комиссара Дальсовнаркома назначен начальником Камчатской экспедиции. На Камчатке пробыл с **7 июля по 14 октября**.

1 ноября 1918 г. Приказом Верховного главнокомандующего Росс. Правительства на Дальнем Востоке назначен младшим инспектором рыболовства Управления рыбными и морскими звериными промыслами Дальнего Востока; с **1 июля 1919 г.** – старший инспектор.

27 мая 1919 г. Расторгнут брак с А.К. Арсеньевой (Кадашевич) решением Владивостокского епархиального начальства.

16 июля 1919 г. Повенчан с Маргаритой Николаевной Соловьёвой (1892–1938).

1919 г. Избран пожизненным почётным членом Вашингтонского национального и Британского королевского географических обществ.

1919 – 1921 гг. Преподаватель Владивостокского учительского института.

26 августа 1920 г. Родилась дочь Наталья (умерла в 1970 г.).

22 июля 1921 г. – 1922 г. Профессор по кафедре географии и этнографии Дальневосточного педагогического института им. Ушинского.

8 августа 1921 г. В типографии «Эхо» вышла повесть «По Уссурийскому краю».

15 ноября 1921 г. Назначен заведующим Гижигинским промысловым районом Охотско-Камчатского края.

1921 – 1924 г. Заведующий (хранитель) этнографического отдела Владивостокского краеведческого музея.

28 января 1922 г. Назначен преподавателем Восточного факультета ГДУ.

23 июня – 28 сентября 1922 г. Экспедиция в Гижигинский район Охотско-Камчатского края.

1922 г. – 30 марта 1924 г. Состоял на учёте как бывший царский офицер в местном органе Государственного политического управления (ГПУ).

26 января 1923 г. Назначен заведующим островами и морскими промыслами края.

9 февраля 1923 г. Назначен заведующим подотделом охраны и надзора отдела рыболовства – специалистом по морским звериным промыслам Дальрыбохоты.

18 июня – 1 сентября 1923 г. Поездка на Командорские острова и Камчатку.

18 сентября 1923 г. – 16 марта 1925 г. Заведующий отделом охоты на морского зверя Управления рыбными и звериными промыслами Дальнего Востока (Дальрыба).

20 октября 1923 г. Награждён дипломом 1-й степени Главного выставочного комитета Всероссийской сельскохозяйственной и промышленно-кустарной выставки и натурпремией.

1923 г. Во Владивостоке вышла повесть «Дерсу Узала».

24 апреля – 18 июля 1924 г. В качестве ответственного представителя Дальневосточного управления рыболовства и морской охоты участвовал в Чите и Москве в работе Главного концессионного комитета по экономическим и национальным вопросам Дальнего Востока; заезжал в Ленинград.

10 июня 1924 г. Доклад на совместном заседании Бюро съездов по изучению производительных сил СССР и Военного бюро Госплана «О современном положении Дальнего Востока в связи с выработкой плана исследовательских работ».

1 октября 1924 г. – 15 декабря 1925 г. Директор Хабаровского краевого музея.

1924 г. В Берлине вышла повесть «По Уссурийскому краю» (в переводе на немецкий язык под названием «In der Wildnis Ostsiбириens» с предисловием Ф. Нансена).

Сентябрь 1925 г. Участие в праздновании юбилея Академии наук в Ленинграде и в Москве. Выступил с докладами «Быт и характер народностей Дальнего Востока» и «Население Дальнего Востока как производительный фактор».

Лето – начало осени 1926 г. Участие в экспедиции Наркомзема по обследованию заселяемых земель в бассейне Амура.

1926 г. Во Владивостоке вышла книга «В дебрях Уссурийского края».

30 сентября 1926 г. В газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» опубликована рецензия Ф.Ф. Аристова на книгу В.К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края».

27 октября 1926 г. Вызов и допрос в ОГПУ (г. Хабаровск).

20 февраля 1927 г. Избран пожизненным почётным членом Владивостокского отдела РГО.

Март 1927 г. Научный консультант-редактор киноэкспедиции «Совкино».

1 июня – 1 октября 1927 г. В должности руководителя совершил экспедицию по маршруту Советская Гавань – Хабаровск.

26 октября – 15 ноября 1927 г. Поездка в Японию.

1 декабря 1927 г. по сентябрь 1930 г. Сверхштатный доцент педагогического факультета Государственного Дальневосточного университета.

24 января 1928 г. Письмо А.М. Пешкова (М. Горького) с оценкой его книги «В дебрях Уссурийского края».

Июнь 1928 г. – 1929 г. Член Приморской экспедиции районного Переселенческого управления.

1–22 сентября 1928 г. Лечение в Эссентуках. На обратном пути заехал в Москву, где пробыл до октября.

3 октября 1928 г. Заключён договор с издательством «Молодая гвардия» на издание его произведений.

9 октября 1928 г. Встреча в Загорске с М.М. Пришвиным.

20 октября 1928 г. Избран почётным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (Ленинград).

30 ноября 1928 г. Избран действительным членом Дальневосточного краевого научно-исследовательского института краеведения при ГДУ.

21 июня 1929 г. Заключён договор с издательством «Молодая гвардия» об издании полного собрания сочинений.

7 января 1930 г. Управлением Уссурийской железной дороги назначен начальником Бюро экономических изысканий новых железнодорожных магистралей и руководителем четырёх экспедиций.

19 июня – 26 августа 1930 г. Командировка в низовья Амура.

4 сентября 1930 г. Умер во Владивостоке в 15 час. 15 мин.

БИБЛИОГРАФИЯ

(в списках указаны лишь основные труды)

Труды В.К. Арсеньева, вышедшие при его жизни

1. Отчёт о деятельности Владивостокского общества любителей охоты, состоящего под покровительством его Императорского Высочества великого князя Александра Михайловича, за 5-летие – с 1901 по 1905 гг. Владивосток, 1906.

2. Наблюдения над лососёвыми Зауссурийского края. «Ежегодник Зоологического музея Академии наук». Т. 13. СПб., 1908.

3. Из путевого дневника. «Приамурье». Хабаровск, публикации в №№ за 1908–1913 гг.

4. Программа доклада (Орочи-удэхэ), читанного 18 марта 1911 г. в Отделении этнографии РГО. «Живая старина». 1911. Вып. 2.

5. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. Хабаровск, 1912.

6. Река Бира, копи бирского каменноугольного товарищества и строящаяся Амурская железная дорога (Сообщ. члена Приамур. отдела РГО В. К. Арсеньева). «Приамурские ведомости». 1912. 10, 13 марта.

7. Китайцы в Уссурийском крае. 1900–1908 гг. Изв. ИРГО. 1912. Т. XLVIII. Вып. VI.

8. Сведения об экспедициях капитана Арсеньева (В.К.). (Путешествия по Уссурийскому краю. 1900–1910 гг.) Из отчетов сообщений, сделанных Арсеньевым в заседаниях членов отдела. Зап. ПОИРГО. Хабаровск. 1912. Т. 8. Вып. 2.

9. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этногр. Зап. ПОИРГО. Хабаровск: Тип. канц. Приамур. ген.-губ., 1914. Т. 10. Вып. 1.

10. Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края. Зап. Приамур. отдела Импер. об-ва востоковедения. Хабаровск, 1913. Вып. 1.

11. Вымирание инородцев Амурского края. Труды 1-го съезда врачей Приамур. края, 23–28 августа 1913 г. Хабаровск, 1914.

12. Китайцы в Уссурийском крае (читано в заседании отделения этнографии ИРГО). СПб., 1915.

13. Этнологические проблемы на востоке Сибири. «Вестник Азии». Харбин, 1916. Т. 38–39. Кн. 2–3.
14. Краткий физико-географический очерк бассейна реки Амура. «Вестник Азии». Харбин, 1916. Т. 38–39. Кн. 2–3.
15. Наши американойды. «Вестник Азии». Харбин, 1916. Т. 38–39. Кн. 2–3.
16. Археология: Памятники старины в Уссурийском крае и в Маньчжурии. «Вестник Азии». Харбин, 1916. Т. 38–39. Кн. 2–3.
17. Сообщение об Уссурийском крае, читанное гардемаринам Отдельных гардемаринских классов в городе Владивостоке подполковником В.К. Арсеньевым 8 августа 1915 года. Пг., 1916.
18. Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу. «Вестник Азии». Харбин, 1916. Т. 38–39. Кн. 2–3.
19. Ученическая экскурсия на хребет Хехцир воспитанников Хабаровского реального училища осенью 1914 г. под руководством подполковника В.К. Арсеньева. «Приамурский школьный листок». Хабаровск, 1917. №№ 4, 5.
20. Амба, Ли-Цин-Бин: Рассказы из путешествий по Уссур. краю. Никольск-Уссурийский: Изд. Юж.-Уссур. отд.-ния Приамур. отд. РГО, 1920. Т. VI. Вып. 1.
21. По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь. Владивосток. Тип. «Эхо», 1921.
22. Обследование Уссурийского края в археологическом и археографическом отношениях. «Изв. Южно-Уссурийского отделения Приамурского отдела РГО». Никольск-Уссурийский, 1922. № 4.
23. Соболь и способы охоты на него в Уссурийском крае. «Русское Приморье». 1922. №№ 2, 3, 4, 5.
24. Туземные способы соболевания в Уссурийском крае и скупка мехов. Владивосток, 1922.
25. Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г. Владивосток. «Свободная Россия», 1923.
26. Командорские острова в 1923 г. Геогр. очерк. «Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока». Владивосток, 1923.
27. Задачи исследовательских работ на Дальнем Востоке. «Эконом. жизнь Дальнего Востока». 1925. № 2.
28. Гижигинский промысловый район. «Эконом. жизнь Дальнего Востока». 1925. №№ 5 – 6, 11.
29. Пути от Хабаровска на Советскую Гавань. «Эконом. жизнь Дальнего Востока». 1925. № 11.
30. В кратере вулкана. Владивосток. Кн. дело, 1925.
31. Дорогой хищник. Охота на соболя в Уссурийском крае. Владивосток. Кн. дело, 1925.
32. За соболями. Скупщики пушнины на Дальнем Востоке. Владивосток. Кн. Дело, 1925.
33. Искатели женьшеня в Уссурийском крае. Владивосток. Кн. дело, 1925.
34. В делях Уссурийского края. Владивосток. Кн. дело, 1926. Хабаровск-Владивосток, 1928, 1929.
35. Северное побережье в колонизационном отношении. «Экон. жизнь Дальнего Востока». 1926. № 3.
36. Лесные люди удэгейцы. Владивосток. Кн. дело, 1926.
37. Естественно-исторические факторы колонизации Дальнего Востока. Первая конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока. Тез. докладов. Хабаровск, 1926.
38. Население Дальнего Востока как производительный фактор. Первая конфе-

- ренция по изучению производительных сил Дальнего Востока. Тез. докладов. Хабаровск, 1926.
39. Тазы и удэхе. Статистический бюллетень Дальневосточного статистического управления. Хабаровск, 1926. № 1.
 40. Работа отделов Русского Географического общества на Дальнем Востоке. Изв. РГО. 1926. Т. 58. Вып. 1.
 41. Колонизационные перспективы Дальнего Востока. Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск, 1927. Т. 5.
 42. Там, где не ступала нога человека. Путевые заметки с экспедиции 1927 г. «Тихоокеанская звезда». 1927.
 43. Путешествие на Молчаливые горы. «Тихоокеанская звезда». 1927. 15 октября.
 44. Тихоокеанский морж. Хабаровск, Владивосток. Кн. дело, 1927.
 45. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Владивосток. Кн. дело, 1928. В соавторстве с Титовым Е.И.
 46. В делях Приморья. «Смена». 1928. №№ 15–20.
 47. В тундре. В горах Сихотэ-Алинь. Сквозь тайгу. Очерки и рассказы. «Новый мир». 1928. № 11.
 48. Памяти профессора Л.Я. Штернберга. «Тихоокеанская звезда». 1928. 29 мая.
 49. Памяти профессора Л.Я. Штернберга. «Красное знамя». 1928. 7 июня.
 50. Птичий базар. «Охотник». 1928. № 10.
 51. Шаманское дерево. Экран «Тихоокеанской звезды». 1928. 29 июля.
 52. Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири. Зап. Владивост. отд. Гос. РГО. 1929.
 53. Быгин-Быгинен. «Красное знамя». 1929. 22 февраля.
 54. Сквозь тайгу. Путевой дневник экспедиции по маршруту от Советской Гавани к городу Хабаровску. М.; Л. «Молодая гвардия», 1930.
 55. In der Wildnis Ostsibiriens. Forschungsreisen im Ussurigebiet von Prof. Wladimir K. Arsenjew. Übers. von Franz Daniel. Berlin. A. Scherl, 1924. Bd. –2.
 56. Russen und Chinesen in Ostsibirien. Übers. von Franz Daniel. Berlin. A. Scherl. 1926.
- Книги В.К. Арсеньева, вышедшие после 1930 г.**
(в списке не указаны литературные труды, изданные в последние годы)
57. Дерсу Узала (в обработке и под ред. И. Халтурина). М. 1932. М.; Л. 1944 и др. годы.
 58. По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). 1934, 1936, 1949. М.
 59. В делях Приморья. М. Молодая гвардия. 1934, 1936.
 60. В горах Сихотэ-Алинь. Детиздат. 1940.
 61. Сочинения в 6-ти томах. Владивосток. Примиздат. 1947–1949.
 62. Сочинения в 2-х томах. Хабаровск. 1948–1949.
 63. Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г. В. 1949.
 64. В делях Уссурийского края (сокр. вариант повестей «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала»). М. 1949. 1952. 1956 и др. годы.
 65. Сквозь тайгу. В горах Сихотэ-Алинь. М. Географиздат, 1949.
 66. Встречи в тайге. Рассказы. М.; Л. 1949.
 67. Жизнь и приключения в тайге. М. Географиздат. 1957.
 68. Сквозь тайгу. М. Мысль. 1966.
 69. Дерсу Узала. Сквозь тайгу. М. 1972.
 70. Путевой дневник 1906 г. Зап. Об-ва изучения Амурского края. 1992. Т. 18.

71. Китайцы в Уссурийском крае. Предисл. В. Мясникова. «Дальний Восток». 1993. №№ 11–12.

72. Избранные произведения в 2-х т. Хабаровское книжное изд. 1997.

73. Китайцы в Уссурийском крае (под одной обложкой помещены также главы из книги Ф. Нансена «В страну будущего»). М. Крафт. 2004.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ДРУГИЕ ОБЪЕКТЫ, НАЗВАННЫЕ В ЧЕСТЬ В.К. АРСЕНЬЕВА И ДЕРСУ УЗАЛА

1. Город Арсеньев (б. село Семёновка) в Приморском крае. Образован в 1952 г.
2. Река Арсеньевка (б. Даубихе) в Приморском крае. Переименована в 1972 г.
3. Посёлок Арсеньев. Нанайский район Хабаровского края.
4. Приморский государственный объединённый музей им. В. К. Арсеньева. г. Владивосток.
5. Мемориальный дом-музей В.К. Арсеньева. г. Владивосток.
6. Улица Арсеньева в г. Владивостоке (б. Фёдоровская, затем Производственная). Переименована в 1945 г.
7. Улица Арсеньева в пос. Кавалерово. Приморский край.
8. Улица Арсеньева в г. Уссурийске. Приморский край.
9. Посёлок Арсеньевский (б. Портовый). Хабаровский край.
10. Месторождение им. В.К. Арсеньева. Приморский край.
11. Рудник «Арсеньевский» на реке Рудной (б. Тетюхе). Приморский край.
12. Гора Арсеньева на среднем Сихотэ-Алине. Названа в 1948 г.
13. Гора Арсеньева на острове Парамушир (Курильская гряда). Названа в 1946 г.
14. Вулкан Арсеньева (Курильская гряда).
15. Ледник Арсеньева на Авачинской сопке (п-ов Камчатка).
16. «Линия Арсеньева» – биогеографическая граница между маньчжурской и охотской флорой и фауной на Сихотэ-Алине.
17. *Arzenejevi* – найденный в 1972 г. на Дальнем Востоке ранее неизвестный вид бабочек.
18. *Clethrionomys rufocanus arzenejevi* – красно-серая полёвка. Названа в 1928 г.
19. *Lucrangolux arzenejevi* – найденный в Хабаровском крае неизвестный ранее род животного мира – полуподземный бокоплав. Название дано в 1928 г.
20. *Pilea arzenejevi* – найденный в 1913 г. в Приморье неизвестный ранее род крапивного растения.
21. Арсеньевия (*Arsenevia*) – травенистое растение из семейства лютиковых.
22. Мятлик Арсеньева (*Poa arzenejevia*) – найден в 1984 г. у ключа Белого в бассейне р. Рудной (б. Тетюхе) Дальнегорского района Приморского края.
23. «Владимир Арсеньев» – четырёхпалубный речной теплоход (проект 301).
24. Село Дерсу (б. Лаолу) в Приморском крае. Переименован в 1972 г.
25. Скала Дерсу Узала в верховьях реки Зеркальной (б. Тадуши) в Кавалеровском районе Приморского края.
26. Водопады Дерсу на реке Пихцы в Нанайском районе Хабаровского края. Национальный парк «Ануйский».
27. Астероид (малая планета) Дерсу Узала (*Dersu-Uzala-4142*). Открыт в 1981 г. чешским астрономом Зденькой Варварой.
28. Вид жуков *Sihotelumpia dersuuzala* – один из мельчайших представителей отряда жёсткокрылых.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬ	7
Глава I. ОХОЧИЕ К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ	17
Глава II. ВЗРОСЛЕНИЕ ГОППМАЙЕРОВА ВНУКА	44
Глава III. БУДЬ ЧТО БУДЕТ	70
Глава IV. ИМЯ НАРИЦАТЕЛЬНОЕ	116
Глава V. «ЗАЧИСТКИ» В ГЛУХОЙ ТАЙГЕ	181
Глава VI. ТРЕТИЙ ПЕРЕВАЛ	216
Глава VII. СОЮЗ ДВУХ СЕРДЕЦ В НЕПОГОДУ	280
Глава VIII. ЕСЛИ БЫ ЗНАЛИ, ЧТО ИХ ЖДЁТ	308
Глава IX. СОХРАНЯЯ ДОСТОИНСТВО И СМЫСЛ	349
Глава X. В ВОДОВОРОТАХ НОВОЙ ВЛАСТИ	413
Послесловие. ЗАЧИНАТЕЛЬ	464
Приложения	
Что в имени твоём?	474
Высказывания о творчестве В.К. Арсеньева	482
Основные даты жизни и деятельности В.К. Арсеньева	485
Библиография	489
Географические и другие объекты, названные в честь В.К. Арсеньева и Дерсу Узала	492

Дальний Восток

www.debri-dv.com
www.debri-dv.ru

ДВ
ДЕБРИ

**ФАКТЫ,
КОММЕНТАРИИ,
АНАЛИТИКА**

БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ СУМАШЕДОВ

Распятый в дебрях

Повесть о Владимире Клавдиевиче Арсеньеве

Издание второе, исправленное и дополненное

Федеральное Государственное Унитарное Предприятие
Издательство «Известия» Управления делами Президента
Российской Федерации

Подписано в печать 15.11.2014. Формат 60 × 90 / 16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Заказ №

Отпечатано в ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента РФ.
127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., 5.

9 785206 1009293

БЛАГОДАРНОСТЬ

В конце первого издания этой книги я приводил слова из предисловия В.К. Арсеньева к повести «Дерсу Узала». Повторю их:

«Без сочувствия и помощи друзей и знакомых книга эта не появилась бы на свет в своём настоящем виде. Автор всем приносит глубокую благодарность».

Подписываюсь под этими словами.

Но хотел бы распространить эту благодарность и на родных, и на тех, кто, не будучи друзьями и знакомыми, помог деньгами, вложив их в проект **«Подарок школьникам после наводнения на Амуре»**. Он был размещён в интернете с апреля по октябрь 2014 года на сервисе краудфандинга **планета.ру**. В этом проекте я обещал на собранные средства не только переиздать эту книгу, но и бóльшую часть тиража послать в школы Приамурья в рамках той благотворительности, в которой после беды, случившейся осенью 2013 года на Дальнем Востоке, приняли участие многие граждане России.

Проект оказался успешным. Книга вышла. В ближайшее время её получат многие школы дальневосточных регионов, расположенных близ Амура. О выполнении этого обещания будет сообщено в интернете и в средствах массовой информации.

Каждому акционеру, приславшему в проект от 600 рублей, также будет послана повесть с дарственной надписью автора. На 3-й обложке публикуются снимки тех, кто внёс существенный вклад в выпуск книги. Поддержало проект интернетиздание «Дебри.дв». Реклама его публикуется в книге.

Руководители интернет-проекта «Дневник.ру» на Дальнем Востоке совместно с министерством образования Хабаровского края намерены разместить это издание на сайтах «Дневника.ру». Если это осуществится, буду его организаторам тоже благодарен. Ведь тогда повесть смогут прочесть во всех школах, где есть интернет-сайты.

Надеюсь, что органы образования в Хабаровском крае, Амурской области и Еврейской автономной области помогут мне в доставке книг в школы. Об их получении буду ждать писем по адресам: в интернете <sumbor@bk.ru> или по почте: 119261, Москва, Ломоносовский проспект, д. 3, корп. 1, кв. 33.

В продажу поступит небольшая часть тиража. Автор готов сотрудничать с издательствами и типографиями, которые изъявят желание переиздать книгу.

Жду отзывы от читателей.

Заранее их тоже благодарю за внимание к моей работе.

Всем спасибо!

Борис Сумашедов

Они сделали весомый вклад в выпуск этой книги
для молодых читателей Приамурья

Владимир
Сумашедов
(Москва)

Алла
Кузнецова
(Хабаровск)

Константин
Проянкин
(Хабаровск)

Виталий
Язвенко
(Хабаровск)

Наталья
Юшка
(Москва)

Юрий
Макарцев
(Москва)

Лина
Аверичева
(Южно-Сахалинск)

Тимофей
Кузнецов
(Москва)

Нинель
Сумашедова
(Москва)

Клара
Новикова
(Благовещенск)

Лена
Егорова
(Хабаровск)

Алексей
Егоров
(Москва)

Александр
Юшка
(Москва)

Максим
Сумашедов
(Москва)

Юлия
Кретова
(Москва)

Галина
Кулагина
(Москва)

Борис Владимирович Сумашедов – дальневосточник в третьем поколении.

Родился в 1934 году в селе Владимиро-Мономахово неподалёку от посёлка Тетюхе (ныне г. Дальнегорск) в семье учителей. Среднюю школу окончил в г. Лесозаводске, университет – в Свердловске. Работая в областной прессе и собственным корреспондентом газеты «Водный транспорт» на Сахалине, объездил почти весь Дальний Восток. С 1973 года живёт в Москве. Сотрудничал с разными изданиями. Член Союза журналистов России.

Автор сборника очерков «Мост через пролив» (Южно-Сахалинск), повести «Распятый в дебрях. Владимир Арсеньев. Судьба странника» (первое издание. Москва), книги воспоминаний «Тетюхе – мой берег» (Москва).

В 2009 году на 5-м Всероссийском конкурсе «Малая Родина» Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям награждён за повесть о В.К. Арсеньеве Дипломом в номинации «Люди нашего края», учёным советом Дальневосточного Арсеньевского Благотворительного фонда – медалью «Владимир Клавдиевич Арсеньев».

ИЗ РЕЦЕНЗИИ НА ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ

Автор, журналист, подошёл к личности Арсеньева не как учёный, историк, краевед или арсеньевед – им двигала большая любовь к кумиру своей юности, стремление докопаться до того, что не прояснили ему другие книги о В.К. Арсеньеве или о чём в них говорилось кратко, недостаточно полно... Он так написал о герое своей повести: «Его жизнь была набита событиями так плотно, как зрелая кедровая шишка орехами». Такое сравнение мог употребить только человек, знающий не понаслышке, что кедровая шишка отличается особой прочностью... И в каждом её «орешке» – неожиданный поворот или некая загадка, которую автор предлагает читателю раскрывать вместе с ним.

Мария БУРИЛОВА (г. Хабаровск)
журнал «Дальний Восток», № 4, 2009